СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

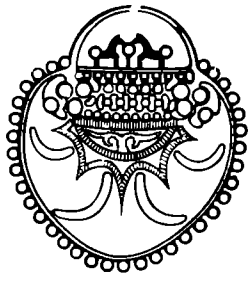
1

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, *С. Н. Бибиков*, *В. Д. Блаватский*, *М. К. Каргер*,
Е. И. Крупнов, *В. М. Массон*, *Р. М. Мунчаев*, *Б. Б. Пиотровский*,
С. А. Плетнева, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов* (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:
Москва, Ж-127, ул. Осипенко, д. 52

Статьи

В. П. АЛЕКСЕЕВ

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ СССР

Демографический анализ занимает все больше места в палеоантропологических исследованиях [1]. Соответствующие работы появляются в Венгрии, Германской Демократической Республике, Чехословакии, Англии, США и в других странах. Между тем в советской палеоантропологической литературе демографические проблемы, несмотря на значительную изученность динамики расового состава многих районов и накопление больших палеоантропологических коллекций, не заняли пока соответствующего их значению места. Отчасти это связано с вполне очевидными трудностями палеодемографического анализа, отчасти — с неполнотой, даже дефектностью данных.

Капитальная сводка Г. Ф. Дебеца [2] по палеоантропологии СССР не может быть использована в наших целях, так как в ней не опубликованы индивидуальные определения возраста. То же относится и к публикациям, предшествующим этой книге. Определение индивидуального возраста хотя и производилось, но стало включаться в опубликованные работы лишь на протяжении последних 15 лет. Практически нам и придется иметь дело с палеоантропологическими исследованиями, вышедшими в свет за эти 15 лет.

Следует постоянно помнить, что палеодемографический анализ ставит перед палеоантропологическими материалами, на которых он производится, ряд довольно жестких требований. Первое из них — материал должен происходить из полностью или почти полностью раскопанных могильников, так как в противном случае он не обеспечивает случайности выборки. В крайнем случае материал должен происходить из раскопов, более или менее равномерно располагающихся по площади могильника, если последний очень велик. Но и в этом случае есть риск получить костный материал из погребений, выделяющихся в пределах могильника этнической или социальной спецификой. Обычно же могильники, как и поселения, раскапываются широкими площадями, но такой раскоп охватывает лишь часть площади могильника. Второе требование — полный сбор всех без исключения костных материалов, в том числе и плохо сохраняющихся обычно детских скелетов, а также отдельных костей. Только в этом случае можно судить не только о среднем возрасте захороненных, но и подсчитать их точное число. Наконец, третье и последнее требование — весь собранный костный материал должен быть изучен на предмет определения возраста и по возможности пола. Такое требование кажется очевидным, но часто игнорируется: в подавляющем большинстве палеоантропологических работ не приводятся сведения о детских скелетах.

---

[1] Настоящая статья представляет собой доклад, прочитанный автором на сессии Отделения истории АН СССР, посвященной итогам полевых исследований 1969 г.

[2] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Тр. ИЭ АН СССР, нов. сер., IV, М.—Л., 1948.

Со всеми этими оговорками все же есть смысл суммировать все уже произведенные эмпирические наблюдения над возрастом захороненных с целью получения хотя бы первого и очень общего представления о динамике среднего возраста населения в различные исторические периоды и на разных территориях. Из-за частого отсутствия сведений о детских скелетах сравнение преимущественно будет вестись по данным о возрасте умерших во взрослом состоянии. Расчет среднего возраста произведен в соответствии с обычно принятой в палеоантропологии градацией: infantilis I — до появления первых постоянных моляров (до 7 лет), infantilis II — до появления вторых постоянных моляров (до 12—13 лет), juvenis — до закрытия основного затылочного синостоза, adultus — приблизительно до 35 лет, maturus — приблизительно до 55 лет, senilis — старческий возраст [3]. Для юношеского возраста выбрана средняя цифра 18 лет, для возраста adultus или возмужалого — 30 лет, для возраста maturus или зрелого — 45 лет, и, наконец, для последней старческой возрастной категории — 65 лет. Для детских возрастов выбраны средние цифры: infantilis I — 4 года, infantilis II — 10 лет.

Каменный век. Фрагментарность и малочисленность находок нижнепалеолитического времени мешает получить статистическую характеристику средней продолжительности жизни неандертальцев. Но и простой подсчет процентного отношения детских скелетов показывает, что смертность была исключительно высокой, а продолжительность жизни низкой. Из четырех обнаруженных в мустьерских захоронениях на территории СССР скелетов три принадлежали детям. Тешик-ташский неандерталец умер в возрасте 9—10 лет [4], ребенок из Староселья — в возрасте 1 года 6—7 месяцев [5]. О возрасте младенца из грота Киик-коба Г. А. Бонч-Осмоловский писал, что ему был год, но зубов от него не сохранилось, и поэтому определение возраста в данном случае остается не вполне точным [6]. Возраст взрослого скелета из того же грота также невозможно определить точно, так как от него сохранились, как известно, лишь кости конечностей.

Аналогичное заключение об очень сильной смертности, особенно в детском возрасте, и низкой продолжительности жизни можно сделать и для верхнего палеолита. Если учесть только те находки, у которых произведено определение возраста, то в нашем распоряжении окажутся сведения о возрасте смерти десяти субъектов. Из них пять, т. е. половина, умерли в раннем возрасте. Наибольшее число захоронений — четыре падает на Костёнко-Боршевский район. Ребенок из погребения на Городцовской стоянке (Костёнки XV) умер в возрасте 5—6 лет [7], возраст погребенного на стоянке Покровский лог (Костёнки XVIII) — 9—11 лет [8]. Детский скелет, найденный на стоянке Елисеевичи, не был подвергнут изучению, но, очевидно, принадлежал младенцу очень раннего возраста [9]. Два детских захо-

---

[3] В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964. Следует иметь в виду, что в дальнейшем под средней продолжительностью жизни подразумевается практически доживаемость.

[4] Д. Г. Рохлин. Некоторые данные рентгенологического исследования детского скелета из грота Тешик-таш. Южный Узбекистан. Сб. «Тешик-таш», М., 1949; М. А. Гремяцкий. Череп ребенка неандертальца из грота Тешик-таш, Южный Узбекистан. Там же.

[5] Я. Я. Рогинский. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье. СЭ, 1954, 1.

[6] Г. А. Бонч-Осмоловский. Палеолит Крыма, 1. Грот Киик-коба. М.— Л., 1940, стр. 146. В книге Г. Ф. Дебеца, пропустившего это место, написано, что о возрасте ребенка из грота Киик-коба нет никаких сведений. Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 36.

[7] В. П. Якимов. Позднепалеолитический ребенок из погребения на Городцовской стоянке в Костёнках, Сб. МАЭ, АН СССР, XVII, М.— Л., 1957.

[8] Г. Ф. Дебец. Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском логе (Костёнки XVIII). КСИА АН СССР, 82, 1961.

[9] В литературе не описан.

ронения были обнаружены в Сибири на стоянках Афонтова гора и Мальта. Возраст скелета со стоянки Афонтова гора — 11—15 лет[10], о младенце из Мальты М. М. Герасимов пишет, что он умер в возрасте не менее 4 лет[11].

Погребения взрослых в Костёнках дали двух субъектов, один из которых умер в возрасте 20—25 лет (стоянка Маркина гора или Костёнки XIV), а второй в возрасте, по-видимому, старше 50 лет[12]. Человек, погребение которого обнаружено на стоянке Сунгирь, умер в возрасте 55—65 лет[13]. Скелет взрослого со стоянки Афонтова гора слишком фрагментарен и непригоден для возрастного определения. Наконец, в культурном слое Мальты был обнаружен зуб взрослого человека. О нем М. М. Герасимов написал, что он, по-видимому, принадлежал субъекту пожилого возраста. Однако основанием для такого заключения послужила лишь степень стертости коронки — слишком шаткий и ненадежный критерий по отношению к верхнепалеолитической эпохе: мы знаем много случаев в палеоантропологии, когда степень стертости зубов, вызываемая грубой пищей и другими механическими причинами (например, жевание кожи при ее обработке), не соответствует более объективному определению возраста, отражающемуся на зарастании черепных швов.

Если рискнуть суммировать эти разрозненные наблюдения, то мы получим для верхнепалеолитической эпохи приблизительную среднюю продолжительность жизни в 23,7 года (возраст взрослого со стоянки Афонтова гора условно принят в 30 лет, возраст младенца из Елисеевичей — 2 года, возраст взрослого со стоянки Мальта — 40 лет). Так как вычисление этой цифры опирается всего на десять случаев, то ошибка может быть колоссальна, но косвенным подтверждением того, что она не очень далека от истинной, служит не очень отличающаяся от нее средняя продолжительность жизни верхнепалеолитического населения Европы[14]. В общем верхнепалеолитический человек, очевидно, как и неандерталец, даже при раннем наступлении половой зрелости (в пользу чего говорят сравнительно-анатомические наблюдения) умирал, едва успев оставить потомство. Поэтому оно не могло быть многочисленным, и общая численность как отдельных групп, так и всего населения в целом нарастала крайне медленно. С другой стороны, смена поколений (длительность поколения, надо думать, была близка к 20 годам) происходила довольно быстро, что вызывало ускоренную передачу трудового опыта от поколения к поколению и в конечном итоге способствовало техническому прогрессу. Весьма вероятно, что именно этой причиной объясняется чрезвычайно медленное увеличение численности человечества на протяжении палеолита при огромном прогрессе в технике обработки камня, значительном усложнении форм быта и культуры, религиозно-психологических и эстетических представлений[15].

Первые единичные находки мезолитических скелетов в Крыму принадлежали особям молодого и среднего возрастов. Мужчина из Мурзак-кобы умер в возрасте 40—45 лет, женщина — в возрасте 20—23 лет[16]. мужчина из Фатьма-кобы — в возрасте около 40 лет[17]. Более поздние рас-

---

[10] М. П. Грязнов. Остатки человека из культурного слоя Афонтовой горы. Тр. КИЧИ, 1, М.—Л., 1932.

[11] М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. Сб. «Палеолит СССР», Л., 1935.

[12] Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические находки в Костенках. СЭ, 1955, 1.

[13] Г. Ф. Дебец. Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирской стоянке, СА, 1967, 3.

[14] H. Vallois. La durée de la vie chez l'homme fossile. «L'Anthropologie», 47, 1937, 5—6.

[15] Расчеты численности населения всей эйкумены для палеолита, как и для других эпох, опирающиеся, однако, на небесспорные критерии, см.: E. Deevey. The Human Population. «Scientific American», 1960, september.

[16] Е. В. Жиров. Костяки из грота Мурзак-коба, СА, V, 1940.

[17] Г. Ф. Дебец. Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-кобы в Крыму, АЖ, 1936, 2.

копки мезолитических могильников на Украине позволили перейти от этих единичных наблюдений к статистическому определению продолжительности жизни мезолитического населения. Однако здесь мы впервые сталкиваемся со специфической трудностью — отсутствием в публикациях сведений о возрасте детских скелетов. Из-за этого любой подсчет средней продолжительности жизни группы, оставившей могильник, дает завышенные результаты. Введение общей меры ошибки или, иными словами, одинаковой поправки на отсутствие детских скелетов для разных эпох и территорий вряд ли возможно, так как детская смертность была заведомо разной. Остается сравнивать одинаковые ряды наблюдений, полученные с учетом возраста детских скелетов и без них.

Первые составляют, к сожалению, незначительное меньшинство.

Среднюю продолжительность жизни мезолитического населения Украины можно восстановить по данным о трех могильниках — Васильевки I, Васильевки III и Волошского. Датировка последнего могильника небезупречна, но принадлежность его к мезолитической эпохе во всяком случае вероятна. Расчет средней продолжительности жизни дал следующие результаты:

Васильевка I	41,9 (13)[18]
Васильевка III	38,1 (22)[19]
Волошское	43,3 (9)[20]
Мезолитическое население Украины (суммарно)	40,7 (44)

Приведенные цифры характеризуют среднюю продолжительность жизни суммарно по обоим полам. Разбивка по полу сразу же резко уменьшает число наблюдений в каждой сопоставляемой группе, и оно может считаться сколько-нибудь представительным только в суммарной серии.

Васильевка I (мужчины)	42,3 (11)
Васильевка I (женщины)	40,0 (2)
Васильевка III (мужчины)	36,3 (15)
Васильевка III (женщины)	44,3 (7)
Волошское (мужчины)	44,2 (6)
Волошское (женщины)	41,7 (3)
Мезолитическое население Украины (мужчины)	39,8 (32)
Мезолитическое население Украины (женщины)	42,9 (12)

Из приведенных цифр явствует, что продолжительность жизни разных групп мезолитического населения была если и неодинаковой, то сходной. Заметных различий в продолжительности жизни у мужчин и женщин также уловить не удается. Но, конечно, все эти цифры завышены. Чтобы получить приблизительное представление об их ошибке, вычислим средний возраст людей верхнепалеолитического времени, умерших во взрослом состоянии. Он равен 40,5 года, т. е. почти в два раза больше, чем средний возраст, вычисленный с учетом детской смертности. Была ли в мезолите детская смертность ниже, чем в верхнем палеолите? Судя по тому, что средняя продолжительность жизни умерших во взрослом состоянии в верхнем палеолите и мезолите близка, условия жизни на этом отрезке истории, влияющие на продолжительность жизни, существенным образом не изменились. Правомерной, следовательно, кажется гипотеза,

---

[18] Т. С. Кондукторова. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевки I. СА, 1957, 1. В скобках — количество наблюдений.

[19] И. И. Гохман. Население Украины в эпоху мезолита и неолита (антропологический очерк). М., 1966.

[20] Г. Ф. Дебец. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошского. СЭ, 1955, 3. В сопровождающей статье В. М. Даниленко (В. М. Даниленко. Волошский эпипалеолитический могильник, СЭ, 1955, 3), содержащей археологическую характеристику могильника, есть описание одного детского погребения (№ 18), но не указан возраст захороненного в нем субъекта.

согласно которой уровень детской смертности также не изменился в мезолите по сравнению с верхнепалеолитической эпохой. А это означает в свою очередь, что длительность поколения в мезолите можно также исчислять примерно 20 годами или близкой цифрой. Отсюда, как и в верхнем палеолите, быстрая смена поколений, но медленный рост численности населения.

Гораздо более многочисленный, чем для мезолита, ряд наблюдений существует для неолитического населения Украины. Определения индивидуального возраста, правда, опять лишь для взрослых субъектов, опубликованы для шести могильников — Васильевка III, Вовнигского, Мариупольского, Вольненского, Дереивского и Никольского. К ним может быть прибавлен энеолитический Капуловский могильник. Приводим среднюю продолжительность жизни по отдельным могильникам.

Васильевка II	41,2 (13)[21]
Вовниги (правобережный)	40,9 (64)[22]
Вовниги (левобережный)	40,1 (12)[23]
Вовниги (суммарно)	40,8 (76)
Мариуполь	41,2 (3)[24]
Вольненский	31,1 (23)[25]
Дереивка	45,0 (80)[26]
Никольский	44,7 (25)[27]
Неолитическое население Украины (суммарно)	41,8 (220)
Капуловка	41,0 (13)[28]

В подавляющем большинстве случаев мы имеем те же цифры средней продолжительности жизни для неолитического населения Украины, что и для мезолитического. Исключение составляют Дереивский и Никольский могильники — оставившие их группы имели несколько более высокую среднюю продолжительность жизни, чем другие, и Вольненский могильник — захороненная в нем популяция, наоборот, отличалась резким сокращением длительности жизни. Может быть, подобные отклонения в длительности жизни от стандартного уровня имели место и в предшествующие эпохи, но там они не фиксируются просто в силу малочисленности данных. Не исключено, однако, и другое — именно в эпоху неолита в отдельных коллективах благодаря прогрессу в хозяйстве и вызванному им достатку в пище, или благодаря каким-то другим бытовым деталям жизни, начал предотвращаться ранний износ человеческого организма и наиболее частая смертность передвинулась на более поздний возраст. Тщательное сопоставление археологически реконструируемого образа жизни населения, оставившего Васильевский и Вовнигский могильник, с одной стороны, Дереивский и Никольский — с другой, могло бы пролить свет на этот вопрос. Включение в такое сравнительно-археологическое исследование данных о Вольненском могильнике могло бы выявить неблагоприятный в отношении продолжительности жизни социальный фон, в условиях которого проживало население, оставившее этот могильник. Правда, в этом последнем случае значительную роль могла сыграть и неблагоприятная географическая микросреда.

---

[21] И. И. Гохман. Население Украины в эпоху мезолита и неолита.

[22] Там же.

[23] Т. С. Кондукторова. Палеоантропологічні матеріали вовнизьких пізньонеолітичних могильників. Матеріали з антропології України. I, Київ, 1960.

[24] И. И. Гохман. Ук. соч.

[25] Т. С. Сурнина. Палеоантропологический материал из Вольненского неолитического могильника. «Антропологический сборник, III», Тр. ИЭ, нов. сер. LXXI, М., 1961.

[26] Г. П. Зиневич. Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967.

[27] Там же.

[28] Г. П. Зіневич, С. І. Круц. Антропологічна характеристика давнього населення території України. Київ, 1968.

Попытка дифференцировать средние данные о возрасте по полу дала следующие результаты.

Васильевка III (мужчины)	41,9 (8)
Васильевка III (женщины)	40,0 (5)
Вовниги правобережный (мужчины)	39,9 (42)
Вовниги правобережный (женщины)	42,9 (22)
Вовниги левобережный(мужчины)	45.0 (8)
Вовниги левобережный (женщины)	30,2 (4)
Мариуполь (мужчины)	41.2 (3)
Вольненский (мужчины)	29,4 (13)
Вольненский (женщины)	33,2 (10)
Деревка (мужчины)	47,5 (53)
Деревка (женщины)	40,1 (27)
Никольский (мужчины)	46,7 (15)
Никольский (женщины)	41,8 (10)
Неолитическое население Украины (мужчины)	42,9 (142)
Неолитическое население Украины (женщины)	39,7 (78)
Капуловка (мужчины)	44,1 (11)
Капуловка (женщины)	24,0 (2)

Колебания среднего возраста по полам очень малы. Исключение составляет Капуловский могильник, где погребенные мужчины почти вдвое старше женщин, но возраст смерти последних определен всего на двух скелетах. Также огромна разница в возрасте захороненных в левобережном Вовнигском могильнике, но и там женских скелетов всего четыре. Обращает на себя внимание другое обстоятельство — из семи могильников в пяти средняя продолжительность жизни мужчин больше, чем у женщин. Аналогичная ситуация имела место в мезолитическое время, где продолжительность жизни мужчин была в двух из трех могильников больше, чем женщин. Правда, при относительной многочисленности материала из могильника Васильевка III и большом его удельном весе по отношению ко всей мезолитической серии средняя разница в возрасте мужчин и женщин для мезолита 3,1 года в пользу женщин. Данные по этому могильнику вообще показывают, что женщины были долговечнее мужчин на 8 лет. Но для шести неолитических могильников Украины (исключая энеолитическую Капуловку и считая правобережную и левобережную части Вовниг за отдельные могильники) разница обратная — 3,2 года в пользу мужчин. Такое соотношение отличается от современного — общеизвестна бóльшая продолжительность жизни женщин по сравнению с мужчинами в современную эпоху, подтвержденная многочисленными демографическими данными по разным странам [29]. Случайно ли такое отличие или оно отражает какие-то довольно глубокие стороны быта, влиявшие на демографическую структуру популяций в неолите и определившие иную по сравнению с современной динамику смертности представителей разных полов, можно будет понять только после рассмотрения данных о других неолитических могильниках и оценки палеодемографической ситуации для неолита в целом.

Для Вольненского могильника — единственного из всех неолитических могильников Украины — есть данные о смертности детей. Средний показатель смертности для десяти детских скелетов — 11,5 года. Включение в общий подсчет сведений о детских скелетах еще более понижает и без того низкую цифру средней продолжительности жизни в группе, оставившей Вольненский могильник. Она равна 25,1 года. Следует учитывать, что младенческие скелеты, как правило, бесследно разрушаются и могли не сохраниться и в этом случае. Средняя смертность популяции передвинется тогда на еще более ранний возраст — на 22—23 года, т. е. совпадает с той, какую мы получили для верхнего палеолита. По-видимому, такая

[29] См., например; «Курс демографии». М., 1967; Э. Россет. Процесс старения населения. Демографическое исследование. М., 1968.

цифра среднего возраста близко соответствует действительности не только для группы, оставившей этот могильник, но и для всего неолитического населения Украины в целом. Это означает в свою очередь, что серьезного сдвига в продолжительности жизни при переходе от мезолита к неолиту не произошло и что скорость смены поколений (приблизительно пять — четыре с половиной поколения на столетие) осталась на прежнем уровне. Отсюда сохраняющийся короткий срок репродуктивного периода и медленный рост численности коллективов.

Для территории Восточной Европы неолитического периода в нашем распоряжении находятся еще данные о могильниках культуры ямочно-гребенчатой керамики в Прибалтике и Оленеостровском могильнике. Первые рассмотрены суммарно, так как даже при суммировании полученная серия невелика — восемь мужских, пять женских и три детских скелета [30]. Средняя продолжительность жизни взрослых суммарно — 33,9 года, мужчин — 32,2 года, женщин — 36,6 года. При включении в подсчет детей суммарная средняя понижается до 29,1 года. По-видимому, последняя величина не имеет, к сожалению, реального значения, так как детские скелеты были учтены только на одном могильнике и на самом деле их должно быть значительно больше. При оценке средних по группе взрослых видно, что они близки к величинам, характерным для Вольненского могильника. В целом продолжительность жизни населения культуры ямочно-гребенчатой керамики была, по-видимому, меньше, чем у неолитического населения Украины. Вывод о бóльшей продолжительности жизни мужчин по сравнению с женщинами на этом материале не подтвердился, но он для этой цели и мало пригоден — и мужская и тем более женская серии содержат менее десятка наблюдений.

В противовес этому Оленеостровский могильник дал обширную палеоантропологическую коллекцию, хорошо описанную и содержащую большое число детских скелетов [31]. Можно заранее думать, что при раскопках собраны или определены если и не все, то во всяком случае почти все скелеты детей и подростков, и поэтому характеристику возраста можно дать не только для взрослой репродуктивной части популяции, но и для всей популяции в целом. Большое число раскопанных погребений сообщает полученным цифрам высокую степень точности. Средний возраст для 104 взрослых субъектов — 39,7 года. Для 53 мужчин он равен 42,4 года, для 51 женщины — 36,9 года. Разница составляет внушительную величину в 5,5 года в пользу мужчин, т. е. соотношение возраста по полам такое же, как и у неолитического населения Украины. По-видимому, полученное соотношение в этом могильнике, достаточно многочисленном, вернее отражает действительность, чем в суммарной серии из могильников культуры ямочно-гребенчатой керамики, состоящей из единичных объектов. Таким образом, можно сказать более или менее определенно, что мужчины в эпоху неолита на территории Восточной Европы были в целом долговечнее женщин. Далее мы увидим, можно ли распространить этот вывод на все население эпохи неолита.

В Оленеостровском могильнике обнаружено 19 детских скелетов, что составляет 18,3% от взрослого населения. Средний возраст детей — 6,2 года. Включение детей в подсчет общей средней продолжительности жизни по группе, оставившей могильник, понижает ее с 39,7 года до 34,5 года. Можно было бы думать, что цифра эта является завышенной из-за того, что не все дети попали в подсчет. Так оно наверняка и есть — об этом свидетельствует близкий к современным данным по многим странам процент детской смертности и заведомо плохое сохранение в земле скеле-

[30] К. Ю. Марк. Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике. АН ЭстССР, сер. обществ. наук, 1956, 1; Р. Я. Денисова. Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи. СЭ, 1960, 3.

[31] В. П. Якимов. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове. Сб. МАЭ АН СССР, XIX, М.— Л., 1960.

тов младенческого возраста. Но, с другой стороны, можно ожидать, что отдельные популяции в неолитическую эпоху, оказываясь в относительно благоприятных медико-географических и природных условиях (достаточное количество пищи, свободные от эндемий биогеоценозы, отсутствие контактов с другими группами как предпосылки передачи трансмиссивных болезней), отличались относительным долголетием. Не исключены такие случаи и для более ранних эпох. Может быть, с одним из таких случаев мы сталкиваемся в группе, оставившей Оленеостровский могильник. Правда, при таком допущении цифра возраста смертности для взрослого населения должна быть более высокой по сравнению с другими группами, чего на самом деле нет. Видимо, даже при тщательных раскопках и внимании к костному материалу он не весь попадает в руки исследователя из-за полного разрушения в земле части младенческих и детских скелетов.

Палеодемографический анализ для неолитического населения азиатской части СССР возможен только на двух сериях — суммарной серии из Кара-Тепе и Геоксюра (Туркмения) и серии из Верхоленского могильника (Прибайкалье). Между Кара-Тепе и Геоксюром расстояние не меньше 100 *км*, но палеоантропологический материал из обоих некрополей может быть объединен из-за культурного сходства их, отсутствия географических границ в районе между ними и с целью увеличить статистический вес данных [32].

Для 36 взрослых субъектов средний возраст равен 37,1 года, т. е. несколько меньше, чем в неолитических популяциях Восточной Европы, но не намного. Средняя продолжительность жизни 18 мужчин — 38,1 года, 18 женщин — 36,1 года. Разница, как и в подавляющем большинстве предыдущих случаев, в 2 года в пользу мужчин.

Кроме взрослых скелетов в могильниках Геоксюра и Кара-Тепе найдено и подвергнуто изучению 17 детских скелетов. Средний возраст смерти этих детей — 5,4 года. Процент детской смертности почти вдвое выше, чем в Оленеостровском могильнике, — 33,3%. Соответственно и общий средний возраст всей группы значительно ниже, равен 26,5 года и приближается к той длительности поколения, которую мы в целом считаем вероятной для мезолита и неолита.

Верхоленский могильник в Прибайкалье дал всего 38 скелетов, пригодных для определения возраста [33], из них 31 — взрослых, семь — детских. В публикации М. Г. Левина есть упоминание еще о двух детских скелетах, но возраст их не приведен. Средняя продолжительность жизни взрослых в точности та же, что и у неолитического и мезолитического населения Украины, а также в группе, оставившей Оленеостровский могильник,— 40,7 года. Разница в продолжительности жизни у мужчин и женщин ничтожна — у мужчин она равна 41,0 году, у женщин 40,4 года, но все же в пользу мужчин.

Теперь, очевидно, можно сделать общий вывод для населения территории СССР эпохи неолита о несколько бо́льшей долговечности мужчин по сравнению с женщинами. Позже мы обсудим значение этого наблюдения, а пока вернемся к среднему возрасту семи детских скелетов — он равен 7,1 года, а суммарный средний возраст по популяции — 34,7 года. Наверняка и в данном случае такая высокая цифра объясняется искусственной потерей информации за счет несохранившихся детских скелетов.

Итак, на протяжении неолита мы не замечаем, увеличения средней продолжительности жизни по сравнению с мезолитом и верхним палеолитом. По-видимому, темп смены поколений серьезным образом не менялся на протяжении всего каменного века, что при кратковременности поколений

[32] Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита (По материалам раскопок Кара-Тепе и Геоксюра). Тр. ЮТАКЭ, X. Ашхабад, 1960.

[33] М. Г. Левин. Антропологический материал из Верхоленского могильника. «Антропологический сборник, I». Тр. ИЭ АН СССР, нов. сер., XXXIII, М., 1956.

хорошо объясняет медленность нарастания численности населения. Специального внимания заслуживает неоднократно отмеченный выше факт увеличения продолжительности жизни мужчин по сравнению с женщинами. Общую причину такого соотношения назвать трудно, но представляется вероятным, что она лежит в условиях жизни оседлых охотничьих коллективов. Как ни опасна была жизнь мужчины-охотника, как ни часто погибал он на охоте, в целом он все же меньше, очевидно, подвергался губительному действию антисанитарных условий, царивших в древнем поселке, чем женщина. Надо думать, что именно эта антисанитария — источник самых разнообразных заболеваний — и приводила ее к смертности раньше, чем мужчину. Правда, не все разобранные выше могильники — кладбища охотничьих коллективов. Кара-Тепе и Геок-сюр — памятники земледельцев, но и в этом случае мы столкнулись с той же картиной превышения средней продолжительности жизни мужчин над женщинами. Может быть, однако, отмеченная причина действовала на протяжении всей истории первобытного общества, коль скоро именно женщина вела домашнее хозяйство и почти все свое время проводила на стойбище? Ответить на этот вопрос окончательно мы сможем только после рассмотрения данных о продолжительности жизни населения эпохи бронзы.

Эпоха бронзы. Особое место среди памятников эпохи энеолита и поздней бронзы занимает позднетрипольский Выхватинский могильник, не раскопанный, правда, полностью, но тщательно охарактеризованный в палеодемографическом отношении [34]. Средний возраст 21 взрослого из этого могильника составляет 44,3 года, из них для 12 мужчин он равен 48,2 года, для девяти женщин — 39,2 года. Среди населения, оставившего могильник, господствовала колоссальная детская смертность — при раскопках обнаружено 33 детских скелета, что составляет 157,1% от взрослого населения. Возраст определен на них в 31 случае. При включении в подсчет среднего возраста всей популяции детей мы получаем 20,9 года для 52 человек [35] (при среднем возрасте детей в 5 лет).

Для культур эпохи бронзы Нижнего и частично Среднего Поволжья можно составить последовательную шкалу возраста, начиная с ямной культуры и кончая позднесрубным населением, хронологически уже приближающимся к скифскому периоду. Приводим среднюю продолжительность жизни взрослого населения.

Ямная культура	39,7 (35) [36]
Катакомбная культура	39,9 (49) [37]
Срубная культура	38,4 (84) [38]
Поздний этап срубной культуры (мог. Широкое)	35,4 (34) [39]

[34] М. С. Великанова. Антропологический материал из Выхватинского могильника. В кн.: Т. С. Пассек. Раннеземельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961.

[35] В работе М. С. Великановой приведена близкая цифра — 20,5 года.

[36] Суммарная серия: В. В. Гинзбург. Этнографические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника). МИА, 60, 1959; Н. М. Глазкова, В. П. Чтецов. Палеоантропологические материалы Нижне-Волжского отряда Сталинградской экспедиции, МИА, 78, 1960; Б. В. Фирштейн. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. (По материалам из раскопок в Волгоградской и Саратовской областях и в Калмыцкой АССР.) Сб. «Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР», Киев, 1967; Г. П. Зиневич. Очерки палеоантропологии Украины; Г. П. Зиневич, С. І. Круц. Антропологічна характеристика давнього населения території Украіни.

[37] Суммарная серия. Указанные работы Б. В. Фирштейн, Г. П. Зиневич, Г. П. Зиневич и С. И. Круц.

[38] Кроме работ, указанных в примечании 35, см.: Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья. МИА, 42, 1954.

[39] Г. П. Зіневич, С. І. Круц. Антропологічна характеристика давнього населения території Украіни.

Во всех четырех парных сериях наблюдений мужские величины больше женских. Это свидетельствует о том, что демографическая закономерность, отмеченная в целом для неолита и мезолита, справедлива и для эпохи бронзы, во всяком случае для таких несвязанных между собой культур, как трипольская и культура бронзы Нижней и Средней Волги, для таких далеких районов, как Поднестровье и Поволжье. Разница колеблется от 2,6 года (срубная культура) до 11,2 года (ямная культура). Для трипольской культуры она составляет 9 лет, что также представляется большой цифрой. В общем можно сказать, что половые различия в продолжительности жизни видны в эпоху бронзы даже отчетливее, чем в неолите и мезолите.

Особое место среди памятников этого периода в Нижнем Поволжье занимают курганы у Хрящёвки и Ягодного, так как при их раскопках тщательно собирался костный материал, включая и детские скелеты. В публикации Г. Ф. Дебеца приведены данные о возрасте 14 детских и юношеских скелетов. Средний возраст умерших — 12 лет. Для взрослых мужчин, захороненных в этом могильнике (20 наблюдений), средний возраст равен 32,7 года, для взрослых женщин (16 наблюдений) 27,0 лет, что значительно меньше общих средних. Средняя цифра по взрослому населению, оставившему могильник,—30,2 года. Из всех этих цифр видно, что могильник у Хрящёвки и Ягодное занимает в отношении демографии такое же своеобразное положение среди памятников эпохи бронзы Нижнего Поволжья, как Вольненский могильник среди неолитических могильников Украины. Общая средняя продолжительность жизни по могильнику, включая детей и подростков,— 25,1 года (50 наблюдений). Если сделать скидку на неизбежное разрушение в земле какой-то части детских скелетов, средняя продолжительность поколения по этим данным приблизительно соответствует уже приведенным выше цифрам.

Палеодемографические данные по другим культурам эпохи бронзы Восточной Европы фрагментарны. Они есть только для Балановского могильника, некоторых могильников фатьяновской культуры и культуры боевых топоров в Прибалтике.

Начнем с Балановского могильника, как наиболее полно раскопанного. Палеоантропологический материал из него описывался дважды [40]. Однако и во второй, более полной публикации, нет индивидуальных определений возраста всех скелетов — есть только определения взрослых. В соответствии с ними средняя продолжительность жизни взрослых людей, захороненных в Балановском могильнике, равна 31,7 года (31 наблюдение). Число мужских и женских захоронений практически совпадает. Для 16 мужчин средний возраст составляет 31,4 года, у 15 женщин он равен 32 годам. В общем Балановский могильник оставлен группой, которая на общем фоне выделялась, по-видимому, высокой смертностью и малой продолжительностью жизни. Детские скелеты составляют 161,3% от взрослых, что свидетельствует о колоссальной детской смертности. Данные о возрасте детских скелетов могут быть использованы лишь с некоторой условностью — приведен в суммарном виде возраст только для 25 детских скелетов из 50. Включение их в подсчет снижает среднюю продолжительность жизни населения, оставившего могильник, до 20,3 года. Учитывая не включенные в подсчет еще 25 детских захоронений, эта цифра, очевидно, превышает действительную среднюю продолжительность жизни балановской группы.

Для 11 взрослых из фатьяновских могильников средняя продолжительность жизни равна 39,5 года [41]. Мужчины, как и во многих предыду-

---

[40] М. С. Акимова. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. Тр. ИЭ, нов. сер., I, М.— Л., 1947; ее же. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника. В кн.: О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963.

[41] Р. Я. Денисова. Новые данные об антропологическом типе населения фатьяновской культуры, СЭ, 1966, 4.

щих случаях, долговечнее женщин, от которых дошли до нас, правда, единичные скелеты: средний возраст соответственно для тех и других равен 41,2 года (восемь наблюдений) и 35,0 годам (три наблюдения). Такие цифры соответствуют уже полученным нами для эпохи бронзы. Для 16 субъектов, включая детей и подростков, средняя равна 32,2 года — явно завышенная цифра длительности поколения из-за того, что в подсчет не попало ни одного младенческого скелета.

Из погребений культуры боевых топоров Прибалтики в нашем распоряжении находятся девять скелетов из старых раскопок. Естественно, сохранились лишь костные остатки взрослых индивидуумов, а возможно, они только и собирались. Средний возраст в серии в целом — 38,3 года, мужчин — 40,0 лет (шесть наблюдений), женщин — 35,0 лет (три наблюдения). Все это тривильные величины, как и соотношение в продолжительности жизни мужчин и женщин.

Среди палеоантропологических материалов с территории Кавказа, пригодны для палеодемографического анализа несколько серий с территории Армении. Они могут быть отнесены к двум хронологическим периодам — первой половине II тысячелетия до н. э. (Шенгавит, Севан, Лчашен) и концу II тысячелетия до н. э. (Артик) [42]. При раскопках собирались только черепа взрослых. Средний возраст захороненных следующий:

Шенгавит, Севан и Лчашен	31,9 (97)
Артик	31,2 (13)

Обращают на себя внимание низкие величины средней продолжительности жизни в Закавказье, приближающиеся к тем европейским группам, которые выделяются ранней смертностью (балановское население, например). Но отмеченное выше соотношение выживаемости полов, выражающееся в повышенном долголетии мужчин, отмечается и здесь, хотя разница очень мала и не достигает 2 лет.

Шенгавит, Севан и Лчашен (мужчины)	32,3 (73)
Шенгавит, Севан и Лчашен (женщины)	31,0 (24)
Артик (мужчины)	31,7 (9)
Артик (женщины)	30,0 (4)

Индивидуальные определения возраста опубликованы еще для могильника Гинчи в Дагестане, синхронного ранним армянским сериям. 24 взрослых мужчины и 3 взрослые женщины умерли в возрасте возмужалости, т. е. приблизительно 30 лет [43]. Такая продолжительность жизни совпадает с продолжительностью жизни населения Закавказья и, как и там, очень низка. Детские скелеты практически не собирались, в публикации есть сведения лишь о двух детских скелетах.

Для территории СреднейАзии два из изученных могильников достаточно многочисленны, чтобы их можно было использовать для палеодемографических реконструкций. Это Кокча-3 в Хорезме и Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. Для 24 взрослых из Кокчи средний возраст равен 35,4 года [44]. Женщины на этот раз долговечнее мужчин — 37,5 года (10 наблюдений) против 33,6 года (14 наблюдений). Судя по дневнику раскопок, костный материал собирался тщательно, но детских скелетов всего шесть. Нет смысла поэтому вычислять общую продолжительность жизни — она все равно окажется завышенной. В Тасты-Бутаке 14 взрослых мужчин имеют средний возраст в 34,4 года, 15 взрослых женщин —

---

[42] Неопубликованные материалы автора.

[43] А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965.

[44] Т. А. Трофимова. Черепа из могильника тазабагьябской культуры Кокча 3. Материалы ХЭ, 5, М., 1961.

37,5 года[45]. Средняя по 29 субъектам равна 36,1 года, т. е. мало отличается от средней по Кокче. Но женщины опять долговечнее мужчин.

В Тасты-Бутаке, однако, оказалось много детских и юношеских захоронений — 43 из 72, что составляет 148,3% от числа взрослых. Общая средняя продолжительность жизни в группе, оставившей этот могильник, вычисленная с учетом возраста детских скелетов (средний возраст детей и подростков — 7,0 лет),—18,7 года. Такой кратковременности жизни одного поколения мы не получали ни для одного могильника. Обращает на себя внимание также некоторый, хотя и небольшой, сдвиг смертности на более ранние возрасты во взрослом состоянии, характерный для всех трех до сих пор рассмотренных могильников Средней Азии. Весьма вероятно, что это не случайность, а отражение в палеоантропологическом материале общей демографической закономерности — некоторого укорочения жизни в жарком тропическом и субтропическом поясе.

Палеодемографическая ситуация эпохи бронзы в Сибири может быть восстановлена только для Южной Сибири по материалам из могильников афанасьевской, андроновской и карасуковской культур. Приводим данные о средней продолжительности жизни взрослого населения.

Афанасьевская культура	33,8 (86)[46]
Андроновская культура	33,1 (32)[47]
Карасукская культура	34,7 (56)[48]

Судя по этим данным, некоторое укорочение жизни было характерно для жителей с жарким климатом вообще, а не только тропического и субтропического поясов. Можно было бы думать, что в данном случае известную роль сыграл кочевой уклад жизни, но жители Геоксюра и Кара-Тепе, также не отличавшиеся долголетием, занимались земледелием и вели оседлый образ жизни.

Любопытно, в какой мере вариации средней продолжительности жизни в соответствии с полом совпадают со всеми уже приведенными данными.

Афанасьевская культура (мужчины)	33,4 (51)
Афанасьевская культура (женщины)	34,5 (35)
Андроновская культура (мужчины)	34,5 (21)
Андроновская культура (женщины)	30,3 (11)
Карасукская культура (мужчины)	33,9 (29)
Карасукская культура (женщины)	35,6 (27)

Разница в продолжительности жизни мужчин и женщин невелика, но обычно наблюдаемое соотношение было свойственно только андроновскому населению. Женщины афанасьевской и карасукской культур были несколько долговечнее мужчин.

Особое место среди памятников культур эпохи бронзы Минусинской котловины в палеодемографическом отношении занимает могильник Карасук III. Раскопан он весь или почти весь, имеет полностью или почти полностью сохранившийся костный материал из детских и юношеских

---

[45] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы (захоронения могильника Тасты-Бутак I в Актюбинской области). МИА, 120, 1962.

[46] В. П. Алексеев. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. «Антропологический сборник, III». Тр ИЭ, нов. сер., LXXI. Добавлены неопубликованные данные автора по могильникам Афанасьева гора, Карасук III и Подсуханиха.

[47] Там же.

[48] Там же.

погребений. Это дает возможность судить о детской смертности и продолжительности жизни одного поколения. Общая средняя продолжительность жизни взрослых мужчин и женщин, захороненных в этом могильнике,— 37,8 года (22 наблюдения); только мужчин — 36,2 года (11 наблюдений), женщин — 39,4 года. В общем группа, оставившая этот могильник, несколько более долговечна, чем афанасьевское население в целом, женщины более долговечны, чем мужчины. Смертность детей и подростков, однако, была высока — их погребения составляют 77,3% от числа взрослых. Средний возраст смертности детей и подростков — 6,2 года. Включение их дает общую среднюю продолжительности жизни для всей популяции в 24,1 года, что близко уже полученным общим средним для других могильников эпохи неолита и бронзы, где тщательные раскопки также позволили определить эту величину.

Продолжительность поколения в эпоху бронзы продолжала оставаться низкой, колеблясь, по-видимому, между 20 и 25 годами, приближаясь даже ближе к 20 годам. На юге как будто наблюдалось некоторое уменьшение продолжительности жизни по сравнению с Восточной Европой, т. е. наметились уже какие-то областные различия, носящие, очевидно, зональных характер. Но и среди восточноевропейских были группы с пониженной продолжительностью жизни, например балановцы. Наблюдается несколько случаев отклонения от почти стандартного для предшествующей эпохи соотношения в возрасте мужчин и женщин в пользу мужчин, т. е. большей долговечности женщин.

Эпоха раннего железа. Палеоантропологический материал этой эпохи, пригодный для палеодемографического анализа, невелик. Это четыре серии с территории Восточной Европы — скифы Нижнего Поднепровья, скифы Неаполя скифского, савроматы и сарматы Нижнего Поволжья и три серии с территории азиатской части СССР — саки Памира, население тагарской и таштыкской культур Минусинской котловины. Опубликованы данные лишь о взрослом населении.

Рассмотрим сначала среднюю продолжительность жизни в эту эпоху на территории Восточной Европы.

Скифы Нижнего Поднепровья	41,5 (13)[49]
Скифы Неаполя скифского	40,9 (96)[50]
Савроматы Нижнего Поволжья	43,7 (16)[51]
Сарматы Нижнего Поволжья	43,1 (107)[52]

В целом не наблюдается заметного приращения длительности жизни в эти эпоху по сравнению с предыдущими. Сарматы Поволжья несколько более долговечны, чем скифы, однако разница между ними очень мала и может быть сведена, по-видимому, к ошибке наблюдения.

Ниже приведены вариации продолжительности жизни по полу в группах эпохи раннего железа.

Скифы Нижнего Поднепровья (мужчины)	43,1 (8)
Скифы Нижнего Поднепровья (женщины)	39,0 (5)
Скифы Неаполя скифского (мужчины)	43,4 (71)
Скифы Неаполя скифского (женщины)	34,6 (25)
Савроматы Нижнего Поволжья (мужчины)	39,4 (8)
Савроматы Нижнего Поволжья (женщины)	48,1 (8)
Сарматы Нижнего Поволжья (мужчины)	45,3 (59)
Сарматы Нижнего Поволжья (женщины)	40,3 (48)

---

[49] Г. П. Зиневич. Очерки палеоантропологии Украины.

[50] Т. С. Кондукторова. Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними Матеріалы з антропології України, 3, Київ, 1964.

[51] Б. В. Фирштейн. Савроматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области). «Антропологический сборник. III». Тр. ИЭ, нов. сер., LXXI. М., 1961.

[52] В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья; Н. М. Глазкова, В. П. Чтецов. Палеоантропологические материалы Нижне-Волжского отряда Сталинградской экспедиции.

Видно, что мужчины были заметно долговечнее женщин и в эпоху раннего железа. Исключение составляли савроматы, представленные как раз малочисленной серией. По-видимому, и в это время сказывались на организме женщин преимущественное пребывание в антисанитарных условиях древних поселков, а возможно, и антисанитарные условия, в которых происходили роды и послеродовой период.

Переходим к рассмотрению общей средней продолжительности жизни населения Средней Азии и Южной Сибири.

Саки Памира	41,6 (29)[53]
Тагарская культура, первая стадия	36,5 (181)[54]
Тагарская культура, вторая стадия	33,9 (113)
Тагарская культура, третья стадия	37,2 (42)
Таштыкская культура	42,1 (35)[55]

У населения тагарской культуры проявляется некоторая тенденция к уменьшению продолжительности жизни, которая, однако, была преодолена в таштыкское время. Может быть, можно трактовать эту тенденцию как реминисценцию санитарно-гигиенических условий жизни предшествующего времени, население которого тоже отличалось сравнительно малой длительностью жизненного цикла. Вариации ее по полу малопоказательны, не обнаруживая сколько-нибудь определенных, однородно направленных различий в разных хронологических группах.

Саки Памира (мужчины)	38.3 (19)
Саки Памира (женщины)	47,8 (10)
Тагарская культура, первая стадия (мужчины)	36,3 (112)
Тагарская культура, первая стадия (женщины)	36,8 (69)
Тагарская культура, вторая стадия (мужчины)	34,8 (67)
Тагарская культура, вторая стадия (женщины)	32,5 (46)
Тагарская культура, третья стадия (мужчины)	40,2 (29)
Тагарская культура, третья стадия (женщины)	30,5 (13)
Таштыкская культура (мужчины)	40,5 (20)
Таштыкская культура (женщины)	44,3 (15)

Эпоха средневековья. Не останавливаясь на характеристике продолжительности жизни населения черняховской культуры из-за выборочности имеющихся данных, перейдем сразу же к средневековому населению конца I — начала II тысячелетия н. э. Как и почти во всех предшествующих случаях, речь пойдет о средней продолжительности жизни взрослого населения, так как детский материал чаще всего не собирался. Начнем с восточных славян [56].

Кривичи	38,2 (466)
Словене	32.3 (50)[57]
Вятичи	35,9 (277)
Радимичи	38,3 (39)
Дреговичи	37,5 (47)
Северяне	35,4 (54)
Поляне	37,8 (109)

Продолжительность жизни не только не выше, чем в предшествующие эпохи, но и ниже, чем у скифов и сарматов. Особенно ранний возраст преобладающей смертности характерен для словен. Это, пожалуй, первая

[53] В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. КСИЭ, XI, 1950; его же. Антропологическая характеристика саков Южного Памира. КСИИМК, 80, 1960.

[54] В. П. Алексеев. Палеоантропология Хакасии эпохи железа. Сб. МАЭ, XX. М.— Л., 1961. Там же и данные о второй и третьей стадиях.

[55] Там же.

[56] Неопубликованные данные Т. И. Алексеевой. Ею впервые отмечено бо́льшее долгожительство мужчин на славянском материале.

[57] Это единственная восточнославянская серия, данные о возрастном распределении которой опубликованы: Т. И. Алексеева. Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху средневековья. «Антропологический сборник, IV». Тр. ИЭ, нов. сер., 82, М., 1963.

находящаяся в нашем распоряжении группа заведомо северного происхождения и местообитания, отличающаяся малой продолжительностью жизни. На основании полученных сведений о восточнославянском населении не приходится говорить ни о каком удлинении жизни в эпоху средневековья в Восточной Европе по сравнению с предшествующими эпохами.

Приводим вариации среднего возраста в тех же группах восточных славян в соответствии с разбивкой данных по полу.

Кривичи (мужчины)	39,5 (288)
Кривичи (женщины)	36,0 (178)
Словене (мужчины)	33,9 (31)
Словене (женщины)	29,8 (19)
Вятичи (мужчины)	36,3 (184)
Вятичи (женщины)	35,2 (93)
Радимичи (мужчины)	44,3 (23)
Радимичи (женщины)	29,7 (16)
Дреговичи (мужчины)	38,4 (30)
Дреговичи (женщины)	35,8 (17)
Северяне (мужчины)	41,3 (22)
Северяне (женщины)	32,6 (32)
Поляне (мужчины)	38,8 (76)
Поляне (женщины)	35,4 (33)

Во всех семи племенах, по которым имеется информация, мужчины заметно долговечнее женщин. Разница колеблется от 1,1 года у вятичей до 14,6 года у радимичей. Можно было бы думать, что последняя цифра представляет собой разультат малочисленности наблюдений в радимической серии, но очень большая величина разницы и у северян — 8,7 года. Я не вижу иного объяснения этого факта, кроме предложенного выше при разборе палеодемографических данных по неолиту и мезолиту, с тем только дополнением, что повседневное пребывание женщин в антисанитарной обстановке, очевидно, имело место при всех хозяйственных укладах и на всех исторических этапах развития человечества.

Данные по летто-литовским племенам относятся к двум группам — селам (могильник Леясдопелес) и латгалам (Нукшинский могильник). К сожалению, оба могильника невелики, и поэтому поступивший в обработку краниологический материал из них малочислен.

Латгалы	44,5 (11)[58]
Селы	34,5 (10)[59]

Наблюдается заметная разница в продолжительности жизни этнических групп, оставивших оба могильника. Однако из-за малочисленности наблюдений вряд ли на ней можно настаивать как на реальном факте. Поэтому же заранее лишена интереса и дифференциация их по полу.

Для характеристики средневекового населения с территории расселения восточнофинских народов целесообразно использовать два могильника — Мари-Луговской с территории нынешней Марийской АССР и Мыдлань-шай с территории нынешней Удмуртской АССР. Средняя продолжительность жизни взрослого населения в них такова:

Мыдлань-шай	39,2 (34)[60]
Мари-Луговской	33,5 (26)[61]

[58] И. Дайга. Антропологический материал Нукшинского могильника. В кн.: «Нукшинский могильник. Материалы и наблюдения по археологии Латвийской ССР», I. Рига, 1957.

[59] Р. Я. Денисова. К вопросу об антропологическом типе селов XI—XII вв. в связи с краниологическим материалом из могильника Леясдопелес. Изв. АН ЛатвССР, 1964, 5.

[60] М. С. Акимова. Антропологические материалы из могильника Мыдлань-шай. ВАУ, 3, Свердловск, 1962.

[61] В. П. Алексеев. Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника. Тр. МАЭ, I, Йошкар-Ола, 1962; его же. Золотоордынский форпост на марийской земле. Сб. «Вопросы антропологии», 26, 1967.

Продолжительность жизни людей, оставивших могильник Мыдланьшай, заметно больше, чем группы, оставившей Мари-Луговской могильник, несмотря на то даже, что последний на половину тысячелетия позже. Но в целом полученные цифры соответствуют всем предыдущим. Вариации среднего возраста по полу таковы.

Мыдлань-шай (мужчины)	40,8 (25)
Мыдлань-шай (женщины)	34,7 (9)
Мари-Луговской (мужчины)	34,7 (16)
Мари-Луговской (женщины)	31,5 (10)

Мужчины опять более долговечны, чем женщины. Таким образом, относительное долголетие мужчин характерно не только для восточнославянского, но и финского населения Восточной Европы.

С территории Кавказа можно воспользоваться двумя могильниками оба они происходят с территории Дагестана), для которых опубликованы данные об индивидуальном возрасте раскопанных скелетов — Узунтала и Верхний Чир-юрт. Приводим средний возраст.

Верхний Чир-юрт	37,2 (27)[62]
Узун-тала	31,0 (31)[63]

Продолжительность жизни в целом невелика, но любопытно, что в более ранней группе (Верхний Чир-юрт — V — VII вв. н. э.) больше, чем в поздней (Узун-тала — X—XI вв. н. э.). С таким же случаем мы столкнулись только при рассмотрении финских могильников. Вариации средней продолжительности жизни в мужских и женских группах неопределенны.

Верхний Чир-юрт (мужчины)	37,1 (17)
Верхний Чир-юрт (женщины)	37,4 (10)
Узун-тала (мужчины)	31,6 (18)
Узун-тала (женщины)	30,0 (13)

Для палеодемографической характеристики средневекового населения Средней Азии и Южной Сибири воспользуемся индивидуальными определениями возраста в трех сериях — из зороастрийского кладбища во Фрейкенте, из могильника Ур-Бедари в Предчорном Алтае и из могильников средневековых кочевников Минусинской котловины.

Фрпнкент	39,5 (39)[64]
Ур-Бедари	32,8 (37)[65]
Кочевники Минусинской котловины	33,7 (26)[66]

Население Средней Азии и Южной Сибири не обнаруживает закономерных отличий от восточноевропейского в продолжительности жизни, как это было в эпоху бронзы. Средний возраст наибольшей смертности приблизительно таков же, что и во всех других изученных сериях. Так

---

[62] Т. С. Кондукторова. Антропологическая характеристика черепов из Верхнего Чир-юртовского могильника в Дагестане. Сб. «Вопросы антропологии», 25, 1967; А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана (по антропологическим данным).

[63] Там же.

[64] Г. Б. Туркевич. Черепа из зороастрийского костехранилища в Фринкенте под Самаркандом. «Антропологический сборник. IV». Тр. ИЭ, нов. сер., 82, 1963.

[65] В. П. Алексеев. Поздние кочевники Кузнецкой котловины по данным палеоантропологии. КСИЭ, XXXV. 1960.

[66] В. П. Алексеев. Палеоантропология Хакасии эпохи бронзы.

же повторяются колебания среднего возраста по полам. Особенно велики они во Фринкентском могильнике.

Фринкент (мужчины)	43,1 (27)
Фринкент (женщины)	31,2 (12)
Ур-Бедари (мужчины)	35,1 (24)
Ур-Бедари (женщины)	28,4 (13)
Кочевники Минусинской котловины (мужчины)	31,8 (17)
Кочевники Минусинской котловины (женщины)	37,2 (9)

Итак, почти во всех рассмотренных нами случаях продолжительность жизни взрослого населения в эпоху средних веков была меньше 40 лет,

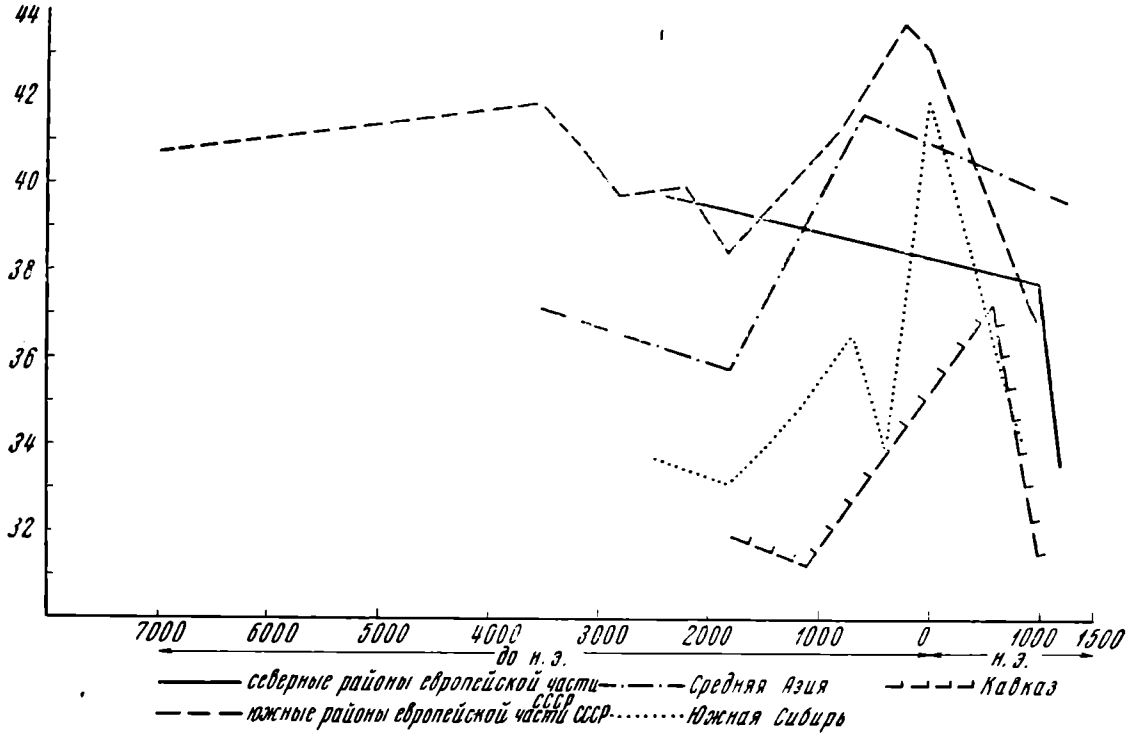


Рис. 1. Продолжительность жизни взрослого населения СССР в разные эпохи (мужчины и женщины — суммарно)

т. е. никак не больше, чем в предшествующие эпохи истории человечества. К сожалению, мы не располагаем данными о полностью раскопанных могильниках эпохи средневековья, что лишает нас возможности судить о длительности поколений. По аналогии с более ранними и полностью раскопанными могильниками, где средний возраст взрослых был около 40 лет, а включение в подсчет детей давало общую среднюю продолжительность жизни немногим больше 20 лет, можно думать, что такая длительность поколения была характерна и для эпохи средневековья.

Заключение. Палеодемография, как и современная демография, распадается на два обширных раздела — один из них связан с параметрами, отражающими численность групп и входящих в их состав половых и возрастных подгрупп, тогда как второй изучает возрастную динамику популяций. Состояние палеоантропологических данных лишает возможности подойти к характеристике численности древних популяций — для этого нужны полностью раскопанные могильники с археологически устанавливаемой длительностью функционирования. Поэтому мы ограничились лишь вторым аспектом — определением длительности жизни и, когда позволял материал, оценкой детской смертности. Произведенный обзор, помимо частных наблюдений, позволяет сделать три несколько неожиданных, но оправданных всеми предшествующими сопоставлениями вывода.

1. Средняя продолжительность жизни взрослого населения была относительно стабильна на протяжении истории человечества. Для территории СССР она колебалась вокруг 40 лет (рис. 1). В некоторых группах она была еще меньше. В частности, для эпохи энеолита и бронзы наблюдается зональное понижение продолжительности жизни в южных районах. Средняя продолжительность жизни с учетом детской смертности,

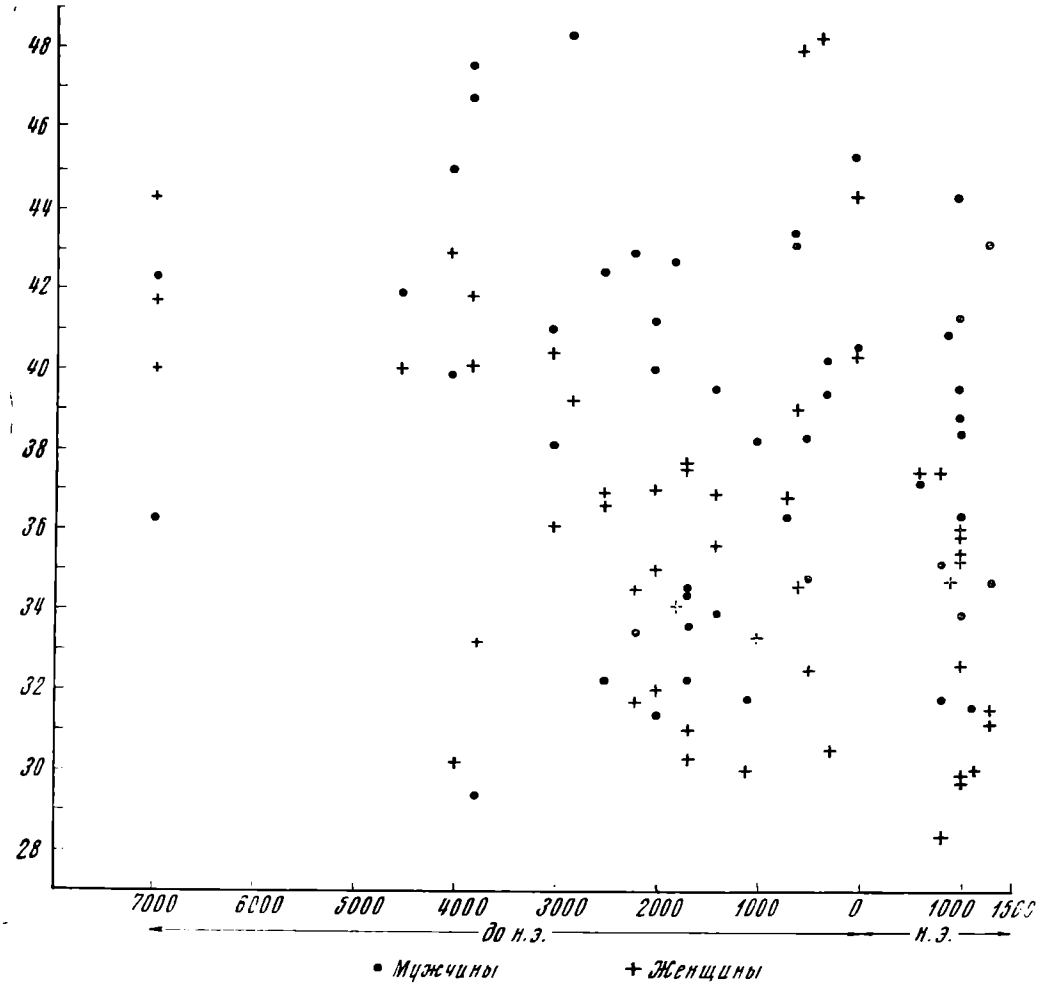


Рис. 2. Продолжительность жизни взрослых мужчин и женщин на территории СССР в разные эпохи

т. е. средняя длительность поколения, также не обнаруживает заметных колебаний во времени и лишь немного превышала 20 лет.

2. Такая стабильность длительности жизни, очевидно, может найти объяснение только в стабильности гигиенической обстановки, несмотря на разные хозяйственно-культурные уклады и технический прогресс, в ее стойком отрицательном влиянии на организм человека во все эпохи. Постоянство антисанитарных условий оказывало более мощное отрицательное воздействие на длительность жизни, вызывая к тому же огромную детскую смертность, чем положительное влияние перехода к более высоким формам хозяйства.

3. Организм женщины сильнее подвергался влиянию этих антисанитарных условий жизни (постоянное пребывание в поселках, роды). Иначе невозможно объяснить закономерно наблюдаемое долгожительство мужчин, начиная с эпохи мезолита и кончая средневековьем (рис. 2). Выявленная многочисленными исследованиями и современной демографической статистикой биологическая стойкость женского организма преодолела это неблагоприятное воздействие среды жизни, по-видимому, лишь на пороге современной эпохи.

V. P. Alexéev

LA PALÉODÉMOGRAPHIE DE l'URSS

Résumé

L'importance de la démographie dans les recherches paléoanthropologiques ne cesse que s'accroître. Cette science a deux aspects: a) le dénombrement des anciennes populations; b) la détermination de leur répartion selon les âges, en particulier, la détermination de l'âge prédominant de mortalité. Les données qui permettraient de discuter le premier aspect faisant défaut, l'article traite de ce dernier problème.

A ces fins on a fait recours aux déterminations de l'âge des individus, lesquelles ont été publiées dans les travaux de paléoanthropologie.

Ces données ont été utilisées en vue de permettre de caractériser, dans la mesure du possible toutes les régions géographiques de l'Union Soviétique. Chronologiquement, ces données portaient sur une vaste periode s'étendant du Paléolithique supérieur jusqu'aux temps modernes. Les comparaisons effectuées donnent lieu à tirer des conclusions suivantes:

1) L'âge prédominant de mortalité de la population adulte était relativement stable et, à toutes les époques, oscillait autour de 40 ans. Compte tenu de la mortalité d'enfants considérablement élevée la durée moyenne de vie diminue au niveau d'à peu près de 20 ans. Donc, à l'époque du Paléolithique supérieur ainsi qu'au Moyen âge tous les cent ans il y avait quatre ou cinq générations. C'est par cela que s'explique un accroissement relativement lent de la population au cours de l'histoire de l'humanité.

2) A l'opposition des temps modernes les hommes survivaient aux femmes de cinq ou six ans, en moyen.

3) Selon l'auteur, cette durée de vie stable s'expliquait par des conditions de vie antihygiéniques qui existaient toujours à toutes les époques en dépit des acquisitions sociales et techniques. Cette ambiance malsaine exercait une influence plus forte sur l'organisme de femme vu son long sejour dans les anciens sites et des accouchements. Telles sont, probablement, les causes de la diminution de la durée de vie de femmes qui, de facto, s'observait jusqu'aux périodes tardives du Moyen Age.

А. А. ФОРМОЗОВ

О РОЛИ ЗАКАСПИЙСКОГО И ПРИАРАЛЬСКОГО МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ И АЗИИ

Раскопки на стоянке Джанбас-Кала 4 в низовьях Амударьи, проведенные в 1939, 1940 и 1945 гг. С. П. Толстовым, и выделение новой неолитической культуры — кельтеминарской [1] вызвали большой интерес у специалистов по первобытной археологии. Если не считать некоторых украинских памятников, изученных в меньших масштабах и хуже документированных, впервые в руки наших археологов поступила коллекция, в которой сочетались архаичные, чуть ли не мезолитического облика кремневые орудия и неолитическая керамика. И той и другой части комплекса находили аналогии в самых разных концах нашей страны. Упоминания о кельтеминарской культуре мы встретим в работах по неолиту Эстонии [2], Северного Кавказа [3], Восточной Сибири [4].

Особенно большое значение кельтеминарской культуре стали придавать после докладов и статей В. Н. Чернецова, отметившего бесспорные аналогии этой культуре в неолите Приобья. Сопоставив этот факт с соображениями лингвистов о сложении финно-угров, В. Н. Чернецов построил оригинальную схему этнической истории Восточной Европы и Северной Азии в неолите. По мнению В. Н. Чернецова, Приаралье было колыбелью нерасчлененных финно-угров. Оттуда они продвинулись на Урал, в Зауралье и Сибирь, а позднее — с Урала на запад. Неолит Урала и ряд неолитических культур Севера Европы (в частности, с керамикой типа сперрингс) генетически восходят к Кельтеминару. С этой культурой связаны и хиньские погребения в Прибайкалье, принадлежащие предкам юкагиров и самодийцев [5].

Гипотеза В. Н. Чернецова уже встретила возражения в печати [6], однако даже споривший с ним А. Х. Халиков соглашался с тезисом об огромной

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 59—66.

[2] Л. Ю. Янитс. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения Эстонской ССР. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин. 1956, стр. 148.

[3] Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, 59, 1955, стр. 53.

[4] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, стр. 160, 162.

[5] В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования фино-угорской этнической группы. «Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК, подготовленных к совещанию по методике этногенетических исследований». М., 1951, стр. 24—29, его же. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, стр. 25, 30, 54, 57; его же. Древнейшие периоды истории народов уральской (финно-угро-самоедской) общности. Сб. «Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока». Иркутск, 1960, стр. 53—59; его же. К вопросу о сложении уральского неолита. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 41—53; его же. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1969, стр. 111—119.

[6] А. П. Смирнов. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии. СА, 1957, 3, стр. 21—23; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, стр. 37; А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 384.

роли кельтеминарской культуры в финно-угорском этногенезе. Он считает, что носители этой культуры имеют отношение только к уграм и их движение на север — «кельтеминарский клин» — разрезало на части единый от Волги до Байкала массив протофинно-угров, так что к западу обособились собственно финно-угры, а к востоку — самодийцы [7].

В работах, появившихся в самые последние годы, кельтеминарской культуре по-прежнему придается очень большое значение в истории и Азии и Европы. Так, В. Н. Даниленко усматривает сильные кельтеминарские влияния в неолите Украины. В его глазах Кельтеминар — «явление крупнейших, поистине азиатских масштабов» [8] и из него происходят даже культуры ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы Восточной Европы. Во многом солидаризируясь с В. Н. Чернецовым, В. Н. Даниленко говорит о движении кельтеминарцев не только на север и уже оттуда через Урал на запад, в область с керамикой типа сперрингс, но и об их расселении непосредственно на запад — на Нижний Дон и Днепр, а отсюда на Оку. В этой связи он ссылается на неопубликованные материалы Ракушечного яра на Дону и группу памятников «Волынцевского типа» на Украине.

Уже в послевоенные годы были проведены раскопки стоянок каменного века в Закаспии — на Красноводском полуострове. В 1949—1950 гг. А. П. Окладников раскопал пещеру Джебел [9]. В 1963—1964 гг. Г. Е. Марков исследовал грот Дам-дам-чешме II [10]. Эти памятники также привлекли большое внимание специалистов по каменному веку СССР. С влиянием Закаспия связывает появление домашнего скота в неолите Украины В. Н. Даниленко [11]. Из этих районов выводит мезолит Башкирии Г. Н. Матюшин [12].

В статьях и монографиях, затрагивавших эти темы, ставились и другие важные вопросы: об абсолютной хронологии мезолита и неолита Закаспия и Приаралья и культур, так или иначе с ними сопоставлявшихся; о месте кельтеминарских стоянок в неолите Евразии — тяготеют они к северному или южному кругу культур, и т. д.

Автор этой статьи, первым после С. П. Толстова писавший о кельтеминарской культуре, до сих пор не касался этих вопросов. Я надеялся, что В. Н. Чернецов детально аргументирует свою гипотезу, опубликованную лишь в тезисной форме, и тогда будет уместнее с ним поспорить. К сожалению, он не успел этого сделать. Между тем выдвинутые им положения получили широкое распространение. Попытаемся поэтому рассмотреть проблему соотношения закаспийского и приаральского неолита с древними культурами Европы и Азии в свете наших сегодняшних представлений об археологии СССР.

Для кельтеминарской культуры основным памятником и сейчас остается стоянка Джанбас-Кала 4. Материалы ее недавно с достаточной полнотой опубликованы А. В. Виноградовым [13]. Остальные позже раскопанные поселения — Кават 7 в Хорезме[14], Дарбазакыр I и II в бассейне Зеравшана[15] и другие в сущности мало что прибавили к характеристике культуры. Кремневый инвентарь всех этих памятников имеет ярко выраженный

---

[7] А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 384.

[8] В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969, стр. 44.

[9] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры Прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 11—219.

[10] Г. Е. Марков. Грот Дам-дам-чешме II в Восточном Прикаспии, СА, 1966, 2, стр. 104—123.

[11] В. Н. Даниленко. Ук. соч., стр. 178.

[12] Г. Н. Матюшин. О характере культуры Южного Урала в эпоху мезолита. СА, 1969, 4, стр. 23—48.

[13] А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, стр. 33—65.

[14] Там же, стр. 65, 66.

[15] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, стр. 21—72.

микролитический характер: почти все орудия сделаны из тонких, тщательно ограненных ножевидных пластинок, сколотых с карандашевидных или односторонне сработанных уплощенных нуклеусов[16]. Многие формы орудий вполне могли бы быть встречены и в позднем мезолите. Однако более внимательное рассмотрение комплекса показывает, что архаизм кремневого инвентаря не столь уже велик. Полностью отсутствуют геометрические орудия. Нет и резцов. В то же время достаточно большой серией представлены двусторонне обработанные наконечники стрел с прямым или вогнутым основанием. Одним словом, это микролитический кремневый инвентарь на самой поздней стадии своего развития, утративший ряд характерных форм и сочетающийся уже с двустороннеобработанными орудиями робенгаузенских типов.

Точно такое же двойственное впечатление оставляет и керамика. Слабопрофилированные круглодонные сосуды богато украшены прочерченным струйчатым и реже гребенчатым орнаментом. Общий облик их архаичен, но отмечается и такая необычная для ранней неолитической посуды черта, как оттянутые носики-сливы, они напоминают носики на сосудах из южных земледельческих памятников. На Джанбас-Кале 4 сохранилась кость. Набор орудий из кости беден — это в основном игловидные наконечники стрел. Кости животных со стоянки принадлежат только диким видам — кабану, оленю, косуле. На кельтеминарских поселениях Махандарьи в бассейне Зеравшана также встречены кости только диких животных — джейрана, кабана и лошади[17].

Если выбрать из кельтеминарского комплекса такие простейшие формы, как ножевидные пластинки с приостряющей или притупляющей ретушью по краям, пластинки-скобели с выемчатым рабочим краем или концевые скребки из пластинок, то аналоги этим орудиям можно найти где угодно, ведь это всего-навсего пережиточномезолитические формы, распространенные в свое время чуть ли не по всему Старому Свету. Поэтому многие фигурировавшие в литературе линии сопоставлений кельтеминарской культуры с памятниками других районов, основанные на сходстве

---

[16] Применение мною термина «микролитическая техника» по отношению к коллекциям из Джанбас-Калы 4 и ей подобным вызвало резкие возражения В. Е. Ларичева (В. Е. Ларичев. К вопросу о микролитическом характере неолитических культур Центральной Азии, Забайкалья и Дунбэя. Тр. Бурятского комплексного научно-исследовательского института, 3, сер. восток, Улан-Удэ, 1960, стр. 31—43); А. В. Виноградов и В. В. Сидоров (А. В. Виноградов Ук. соч., стр. 158—170; В. В. Сидоров. Стоянки каменного века в Центральной Туве. СА, 1969, 4, стр. 139) выступили в мою поддержку. В. Е. Ларичев отождествляет понятия «микролиты» и «геометрические орудия» (стр. 34 — «микролиты, т. е. геометрические орудия»), путает «мезолит» с «микролитами» (стр. 33) и пользуется при полемике запрещенными приемами. Он обрывает цитату из моей статьи «Микролитические памятники Азиатской части СССР» (СА, 1959, 2, стр. 47—59) на словах «высокоспециализированная техника», опуская главное — «изготовления орудий из ножевидных пластинок», после чего удивляется, почему я не разъяснил, в чем же заключается специфика. Заявив по поводу моих работ, что «ни с одним положением согласиться нельзя» (стр. 35), В. Е. Ларичев ниже спокойно повторяет большинство моих выводов. Так, он характеризует неолит Дунбэя: «небольшие призматические и конические нуклеусы, сколотые с них миниатюрные ножевидные пластины и изделия из них» (стр. 32), признает отличие неолита Монголии, Дунбэя и Забайкалья от культур Яншао и Луншань (стр. 35), отсутствие топоров на стоянках пустынь и даже связь Забайкалья с микролитической культурой Запада (стр. 41). В итоге расхождение сводится к двум пунктам: 1) как понимать термин «микролиты». Утверждение В. Е. Ларичева, что я создал нежизненное понятие «микролитических культур без микролитов» (т. е. геометрических орудий), опровергается историей науки. Не я создал это понятие, и оно живет и после статьи В. Е. Ларичева. 2) В. Е. Ларичев принял мой тезис о резком отличии кремневых орудий в зоне степей и пустынь и в земледельческих районах, но настаивает на единство этой зоны с лесными и таежными районами. Доказывается это только на материалах Забайкалья, а не всей Азиатской части СССР, о чем говорилось в моей статье. Наличие микролитических памятников в лесной полосе я ни в коей мере не отрицал. Весь вопрос в том, какого они времени и происхождения.

[17] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Ук. соч., стр. 87.

только таких простейших форм, надо отбросить. Это касается и стоянок Северного Кавказа [18], и памятников Индостана. Последней линии сопоставлений придавалось особое значение в связи с находкой в Джанбас-Кале 4 раковин Dentalium, происходящих якобы из Индийского океана, и отмеченными лингвистами параллелями в угорских и мундо-дравидийских языках[19]. Но, как нам уже приходилось писать, раковины Dentalium оказались третичными, ископаемыми и происходят с соседних с Джанбас-Калой гор Султануиздаг[20].

Из кремневых орудий кельтеминарской культуры показательными надо признать в сущности одну-две формы, прежде всего асимметричные наконечники стрел из пластинок и, может быть, косые острия. Асимметричные наконечники из ножевидных пластин известны еще с верхнего палеолита (на территории СССР в памятниках типа Авдеева, верхнего слоя Костёнок I, Гагарина, Боршева I). Нередки они и в мезолите Восточной Европы — свидерских и близких к ним памятниках [21]. Однако кельтеминарские наконечники отличаются от более ранних европейских весьма заметно. У палеолитических и мезолитических наконечников сравнительно короткий черешок и большая широкая боевая часть, у кельтеминарских она, как правило, маленькая и составляет одну четвертую, одну пятую от длинного узкого черешка. На территории Восточной Европы мы совсем не знаем таких наконечников. В Азии они есть не только в Приаралье, и об этом нам еще придется говорить. Что касается керамики Кельтеминара, то и здесь показательны не яйцевидные формы сосудов — они распространены в неолите на огромном пространстве, а только своеобразный струйчатый орнамент, расположенный на поле сосуда в специально выделенных малых зонах.

Датировка этого комплекса недавно убедительно обоснована А. В. Виноградовым. Он пишет о второй половине IV тысячелетия до н. э. для самой Джанбас-Калы 4 и о III тысячелетии для более поздних памятников кельтеминарской культуры. Основанием для этого послужили сопоставления кельтеминарской посуды с формами и мотивами орнамента керамики из земледельческих памятников Юга Средней Азии и Северного Ирана, в частности, с узорами на сосудах времени Намазга II и начала Намазга III и с сосудами с носиками-сливами из Шах-Тепе III и II в. [22]. Основной исследователь древнейших земледельческих памятников Средней Азии В. М. Массон в 1964 г. принял эти сопоставления, склоняясь скорее к более молодым датировкам. Так, он признавал совпадения кельтеминарского комплекса лишь с комплексами позднего Намазга II и Шах-Тепе II, что указывает на вторую, а не на первую половину III тысячелетия до н. э. [23].

Продолжение археологических исследований в Приаралье во много раз увеличило число стоянок кельтеминарской культуры. При этом выявились памятники, более ранние и более поздние, чем Джанбас-Кала 4. К сожалению, материалы эти или подъемные, и потому не очень надежные, или еще не опубликованы, хотя происходят из раскопок. Пока мож-

[18] Т. М. Минаева. Ук. соч., стр. 53.

[19] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 65.

[20] В моей статье «Микролитические памятники Азиатской части СССР» (стр. 58) приводились примеры использования ископаемых раковин в первобытности. Сейчас число таких примеров увеличилось. Ископаемыми оказались раковины Мезина (А. С. Руденко. Морские моллюски из Мезинской стоянки. КСИА АН УССР, 8, 1959, стр. 110—113) и раковины Corbicula из афанасьевских погребений Енисея (см. ниже).

[21] L. Sawicki. Przemysł świderski i stanowiska Wydmowego Swidry Wielkie. «Przegląd Archeologiczny», V, 1, Poznan, 1933—1934, табл. XXV; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, рис. 8; М. Д. Гвоздовер. Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки. КСИА АН СССР, 82, 1961, стр. 112, 115, рис. 51, *1—5*.

[22] А. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 146—152, рис. 62.

[23] В. М. Массон. Средняя Азия и древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 177, 179.

но сказать, что в ранних кельтеминарских стоянках Дарья-сая в бассейне Зеравшана представлены геометрические орудия — трапеции со слегка вогнутой вершиной. Они сочетаются с кельтеминарской керамикой, но почти никогда с наконечниками стрел. Таковы стоянка Учащи 131, раскопанная А. В. Виноградовым на Дарья-сае в 1968—1969 гг., и соседние с ней развеянные стоянки[24]. В поздних поселениях процент двусторонне-обработанных орудий резко возрастает, а число наконечников стрел из пластинок, напротив, сокращается. На одной из таких стоянок — Саксаульская II в Северном Приаралье — найдены кости домашних животных — коровы и овцы[25].

Открытие стоянок более древних, чем Джанбас-Кала 4, делает возможным углубление нижней границы кельтеминарской культуры. Однако вряд ли оправдана тенденция удревнить саму стоянку Джанбас-Кала и ее аналоги. В пользу этого приводятся два аргумента — архаический облик кремневого инвентаря (что, как мы видели, не совсем верно) и радиокарбоновая датировка четвертого слоя пещеры Джебел, где встречен один наконечник кельтеминарского типа, 6030 ± 240 лет до наших дней[26]. Исходя из этого, В. М. Массон (противореча своим прежним выводам) и Г. Ф. Коробкова готовы говорить о кельтеминарской культуре в V тысячелетии до н. э.[27], В. Н. Чернецов начинает козловский этап уральского неолита с рубежа V и IV тысячелетий[28], а В. Н. Даниленко пишет о контакте неолита Украины с Кельтеминаром в V—IV тысячелетиях[29]. В этой связи надо напомнить, что в слое 4 Джебела найдены геометрические орудия[30], т. е. это комплекс более ранний, чем Джанбас-Кала 4. Самое же главное заключается в том, что со стратиграфией Джебела не все обстоит благополучно. По А. П. Окладникову, некоторые предметы, прежде всего черепки, проваливались из слоя в слой. Поэтому при распределении находок по слоям он руководствовался в значительной мере общими представлениями о развитии культуры в каменном веке, а не реальным положением вещей в стратиграфической колонке. На это уже указывалось в откликах на публикацию А. П. Окладникова[31]. Каждый исследователь, обращавшийся к Джебелу, предлагал свое распределение материала по слоям[32]. Существенно, что в слое 5а, подстилающем слой 4 с кельтеминарским наконечником, А. П. Окладников помещает сосуд ямного типа[33]. Именно на этой находке базируется теория о закаспийском происхождении ямной культуры[34]. Но

---

[24] Н. Н. Вактурская, А. В. Виноградов, Э. Мамедов. Археологические исследования в районе Дарья-сая. Сб. «Археологические открытия 1968 г.». М., 1969, стр. 411.

[25] А. А. Формозов. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. «Вестник Казахского филиала АН СССР», Алма-Ата, 1945, 2(5), стр. 8; А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска — Саксаульской в 1955 г. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, Алма-Ата, 1959, стр. 76, 81. А. В. Виноградов уточнил данные моей разведки 1944 г.: кости домашних животных приурочены к самому позднему памятнику у Саксаульской. В литературе это уточнение не всегда учитывается.

[26] Х. В. Протопопов и С. В. Бутомо. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду. СА, 1959, 2, стр. 32.

[27] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, 158, 1969, стр. 125; В. М. Массон. Неолит Средней Азии. Сб. «Каменный век на территории СССР». М., 1970, стр. 115.

[28] В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита, стр. 41.

[29] В. Н. Даниленко. Ук. соч., стр. 193.

[30] А. П. Окладников. Пещера Джебел, табл. после стр. 288.

[31] А. В. Виноградов и М. А. Итина. Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана (рец.), СЭ, 1959. № 1, стр. 159; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 39.

[32] В. Н. Даниленко. Ук. соч., стр. 184; В. А. Виноградов и М. А. Итина. Ук. соч.

[33] А. П. Окладников. Пещера Джебел, табл. после стр. 288.

[34] Н. Я. Мерперт. Древнейшая история населения степей Восточной Европы (рукопись докторской диссертации в архиве ИА АН СССР).

ямная культура никак не может заходить в V тысячелетие до н. э. Таким образом, не исключено, что ранние памятники кельтеминарской культуры датируются началом IV тысячелетия до н. э., но говорить о V тысячелетии у нас нет никаких оснований.

После этих общих замечаний мы можем перейти к вопросу о культурных связях приаральского неолита. Начнем с севера. В. Н. Чернецов не раз упоминал об интересных находках на I Андреевском озере в 18 *км* от Тюмени. В 1883 г. там вел раскопки И. Я. Словцов, но его материалы практически никак не документированы [35]. Никаких стратиграфических наблюдений не дали и разведочные раскопки самого В. Н. Чернецова 1952 и 1955 гг.: большинство памятников к этому времени было разрушено [36]. Показательны колебания исследователя в вопросе о том, имеется ли здесь слой с микролитическим инвентарем без керамики, вроде мезолита Нижнеадишевской стоянки в Прикамье (так это получалось по публикации 1953 г.) [37], или слои, где вместе с микролитическим кремнем залегает керамика со струйчатым орнаментом (что следует из статьи В. Н. Чернецова 1968 г.) [38].

Так или иначе на стоянках Андреевского озера — Козлов мыс или Козлова перейма и VIII пункт — найдено несколько наконечников кельтеминарского типа и керамика, весьма похожая на кельтеминарскую. Наконечников не так уж много. Из восьми предметов, изданных В. Н. Чернецовым в 1953 г., кельтеминарскими наконечниками можно признать лишь два, остальные представляют собой обломки острий и других орудий из пластинок [39]. Вместе с находкой И. Я. Словцова на Андреевском озере найдено, по-видимому, три наконечника [40]. Факт этот, безусловно, важен, но насколько территориально широким и сильным было кельтеминарское влияние на Урал, пока далеко не ясно.

На восточном склоне хребта мы знаем два наконечника кельтеминарского типа из старых сборов у Палкина [41], один наконечник из Татарского бора, один с Ирбитского озера [42] и один из недавних раскопок А. И. Россадович у Юрьинского озера под Нижним Тагилом [43]. Кажется, это все. В. Н. Чернецов, а за ним и О. Н. Бадер упоминают о редких находках геометрических орудий в Зауралье [44]. Однако при просмотре коллекций Свердловского и Нижне-Тагильского музеев таких орудий я не увидел. Не знает их в Зауралье и В. Ф. Старков, подготовивший специальную работу о неолите этого района. Таким образом, аналогии в кремневом инвентаре зауральских стоянок с приаральскими оказываются не слишком многочисленными (8 наконечников стрел).

Нет никаких оснований увязывать с этим материалом костяные орудия из Шигира, как это делает В. Н. Чернецов. На Джанбас-Кале 4 кость сохранилась. По заключению В. М. Раушенбах, детально изучав-

---

[35] И. Я. Словцов. О находках предметов каменного периода близ г. Тюмени. ЗЗСО РГО, VI, 1, Омск, 1885, стр. 1—59; П. А. Дмитриев. II Андреевская стоянка. Тр. ГИМ, VIII, М., 1938, стр. 93.

[36] В. Н. Чернецов. Отчеты о работе Западно-Сибирской экспедиции 1952 и 1955 гг. Архив ИА АН СССР, р. 1, № 891, 1211.

[37] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, табл. XX.

[38] В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита, стр. 41—53.

[39] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, стр. 26, табл. VII, *3*, *5*.

[40] П. А. Дмитриев. Ук. соч., табл. *1*, *4*; В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита, рис. 1, *1*, *2*, *6*.

[41] П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, 21, 1951, рис. 1, *18*, *19*.

[42] В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита, рис. 1, *3*, *7*.

[43] Коллекция в Нижне-Тагильском музее.

[44] В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении Уральского неолита, стр. 43; О. Н. Бадер. Уральский неолит. Сб. «Каменный век на территории СССР». М., 1970, стр. 163.

шей шигирские находки, костяные орудия Джанбас-Калы можно сопоставлять лишь с самыми поздними из шигирских вещей[45].

Большее число аналогий кельтеминарской культуре дает керамика неолитических стоянок Зауралья. Яйцевидные сосуды с прочерченным струйчатым орнаментом, расположенным в специально выделенных зонах, действительно похожи на сосуды Джанбас-Калы 4. Такая керамика известна и на Андреевском озере, и на памятниках, где кремневый инвентарь имеет иной, не микролитический характер (Полуденка, Стрелка). Не доказано, что эта керамика старше посуды с гребенчатым орнаментом. И в Средней Азии (Джанбас-Кала 4), и на Урале (Махтыли, Кокшарово) черепки с гребенчатым и прочерченным орнаментом залегают в одних слоях[46]. Для объяснения сходства зауральской и кельтеминарской керамики я считаю очень плодотворной мысль П. Н. Третьякова о том, что уральцы заимствовали керамику с юга, точно так же как неолитические племена Белоруссии и Смоленщины заимствовали керамику от носителей днепродонецкой культуры Украины[47].

Не больше кельтеминарских наконечников и на западном склоне Урала, где они надежнее документированы при новых раскопках в Башкирии. Здесь они известны на стоянках Чебаркуль II (2 экз.)[48], Усть-Юрюзань (4 экз)[49], Сабакты III (1 экз.)[50], Долгий Ельник (2 экз)[51]. В трактовке этих материалов наметились две тенденции Л. Я. Крижевская связывает их с неолитом, с периодом примерно около 3000 г. до н. э., и обращает внимание на находки костей домашних животных (овцы и коровы) в Чебаркуле II, что может указывать на влияние южных культур кельтеминарского круга[52]. Г. Н. Матюшин помещает наконечники в мезолит вместе с геометрическими орудиями[53]. Поскольку ни в Приаралье, ни в Закаспии мы не знаем столь ранних находок одношипных наконечников стрел из пластинок, это представляется крайне сомнительным. Вероятно, слои, где геометрические орудия сочетаются с наконечниками кельтеминарского типа, а в Башкирии относятся к неолиту, не ранее чем к IV тысячелетию до н. э.

В тех же районах Г. Н. Матюшин выявил до 40 стоянок с геометрическими орудиями — Романовку II и III, Янгельку, Карабалыкты V, Ильмурзино, Черкасово, Кумлекулево и др. Он сопоставляет эти орудия с находками в Восточном Прикаспии, причем даже не столько в Джебеле, сколько еще южнее — в пещерах Белт и Хоту, раскопанных К. Куном в Северном Иране[54]. Нужно ли в поисках аналогий углубляться так далеко на юг, когда стоянки с геометрическими орудиями есть в Северном Приаралье[55] и Нижнем Поволжье[56] — вопрос другой. Несомненно лишь, что влияние юга в Башкирии заметней, чем в Зауралье, и наряду с кельтеминарским здесь сказывается и прикаспийское влияние. Ни в Башкирии, ни севернее на Западном Урале, как конста-

[45] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Тр. ГИМ, 29, М., 1956, стр. 148.

[46] В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 55—68; Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья, СА, 1960, 2, стр. 7—24.

[47] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 37, 41.

[48] Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала, М.— Л., 1968, табл. XII, *4, 5.*

[49] Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская — поселение на Северо-Востоке Башкирии. МИА, 79, 1960, рис. 18, *4—7.*

[50] Г. Н. Матюшин. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье. «Древности Башкирии». М., 1970, рис. 7, *1.*

[51] Г. Н. Матюшин. О характере культуры Южного Урала..., стр. 40, рис. 9, *38.*

[52] Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала, стр. 119.

[53] Г. Н. Матюшин. О характере культуры Южного Урала, стр. 40—43.

[54] Там же, стр. 33—48.

[55] А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, XXV, 1949, рис. 15, *19—24.*

[56] См. обзор: А. А. Формозов. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита. СЭ, 1953, 1, стр. 170.

тируют О. Н. Бадер [57] и А. Х. Халиков [58] и как признавал и В. Н. Чернецов [59], нет керамики, похожей на кельтеминарскую.

Следует подчеркнуть, что район Свердловска — Тагила, Прикамье, Башкирия — все это области, исследованные неизмеримо лучше, чем Приаралье. Между тем количество находок кельтеминарских наконечников на Урале и в Приаралье несравнимо. В сводке 1968 г. А. В. Виноградов говорил о 56 одношипных наконечниках и опубликовал их образцы из стоянок Джанбас-Кала 4, 5, 12, Кават 7 и 17, Байрам-заган, Мамур 3 и 4, Таджиказган [60]. В этой работе речь идет только о памятниках классического Хорезма. Ранее опубликованы наконечники еще из двух хорезмских стоянок — Беш-булак и Куняк I [61]. Наконечники кельтеминарского типа найдены также в бассейне Зеравшана на Дарья-сае и Махандарье (опубликовано 14 наконечников из Дарбазакыр и два наконечника с низовьев Кашкадарьи) [62], в Северном Приаралье (Шулкум [63], Саксаульская [64]), в Бейнау на Устюрте [65] и в таких памятниках, как Лявлякан в южных Кызылкумах [66], Гяур I и Бала-Ишем 9 на Узбое [67], Кок-тубек на Эмбе и пески Аккум на р. Сагизе к северо-западу от Арала [68]. По устному сообщению А. В. Виноградова, в Приаралье он знает сейчас до 300 наконечников кельтеминарского типа.

В то же время мы не находим таких наконечников в Прикаспии ни в памятниках, изученных путем раскопок А. П. Окладниковым и Г. Е. Марковым (кроме единственного наконечника в 4 слое Джебела), ни в многочисленных сборах в районе Карабугаза и Балхан, обработанных и опубликованных за последние годы Г. Ф. Коробковой [69].

Точно также не знаем мы кельтеминарских наконечнаков ни на востоке, ни на севере, ни на юге Казахстана. Раскопок неолитических памятников было здесь мало (Усть-Нарым, Мало-Красноярка, Карагачда XV, Зеленая балка), но по крайней мере из четырех районов имеется большой подъемный материал. Это районы Кустаная, Джезказгана, Караганды и Семипалатинска. В этих материалах нет кельтеминарских наконечников и очень мало геометрических орудий [70]. Это заставляет с большим сомнением отнестись к попытке В. Н. Чернецова построить единую схему развития неолитической культуры для Урала, Казахстана и Сред-

---

[57] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 168.

[58] А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 384.

[59] В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита, стр. 50.

[60] А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма, стр. 168, рис. 12, *4—6*; рис. 19, *5*; рис. 20, *11*, *12*; рис. 41, *24*; рис. 42, *14—16*, *19*; рис. 52, *1*; рис. 54, *1*, *2*, *10*; рис. 56, *10*, *15*.

[61] А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, 1, рис. 5, *1—2*; его же. Раннекельтеминарская стоянка Куняк I. КСИЭ, XXX, 1958, рис. 1.

[62] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Ук. соч., рис. 18 и 20.

[63] Коллекция из сборов В. М. Смирина. Подготовлена к печати Е. Е. Кузьминой.

[64] А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР, рис. 1, *16*.

[65] А. Н. Мелентьев. Отчет Прикаспийского отряда Астраханской экспедиции 1968 г. Архив ИА АН СССР, р. 1, № 3669.

[66] Н. Н. Вактурская. О поездке в южные Кызыл-кумы. МХЭ, 1, М., 1959, рис. 2, *1*, *2*.

[67] А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. МХЭ, 4, 1960, рис. 9, *1—3*; Сб. «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой». МХЭ, 3, 1960, рис. 93, *4—8*, рис. 179, *5*.

[68] А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, XXXI, 1950, рис. 51, *5*; его же. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, XXXIX, 1951, рис. 2, *1—3*.

[69] Г. Ф. Коробкова. Ук. соч., стр. 80—104.

[70] А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 3—18; Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. I—IX; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. Автореф. докт. дис., М., 1970, стр. 22—27.

ней Азии, положив в основу развития неолита комплекс кельтеминарского типа [71].

Насколько далеко к югу и востоку от Махандарьи распространена кельтеминарская культура, мы пока сказать не можем. Опубликованные недавно кремневые орудия из Ферганы в целом непохожи на приаральские [72].

Только далеко к востоку от Казахстана — в двух пунктах на Енисее — у Базаихи под Красноярском [73] и на р. Тубе в Минусинской котловине [74], в нескольких точках в Прибайкалье, в частности в погребениях в падях Ханьской и Частой [75], и в тосянках так называемой даурской культуры в бассейне Селенги и Чикоя мы вновь встречаем наконечники, близкие к кельтеминарским. В отношении погребений ясно, что это достаточно чуждое явление для данной территории и памятники более ранние, чем основная масса неолитических могильников Прибайкалья. Однако вряд ли следует, подобно А. П. Окладникову и В. Н. Чернецову, расценивать эти погребения как докерамический мезолитический комплекс. Показательно, что в могиле у пади Хиньской одношипные наконечники из пластин сочетаются с двустороннеобработанными наконечниками стрел, а мезолит Прибайкалья, по данным Л. П. Хлобыстина, вообще лишен наконечников [76].

Подъемный материал как с Енисея, так и из Забайкалья датировать невозможно. После работы Г. Ф. Дебеца 1930 г. по неолиту Забайкалья было сделано очень мало. В своей статье Г. Ф. Дебец опубликовал коллекцию, собранную им у с. Новая Брянь на нижней Уде. Коллекция содержит одно «острие с боковой выемкой». На карте в статье Г. Ф. Дебеца нанесено, к сожалению без наименований, еще семь пунктов находок таких же «острий»[77]. Некоторые из этих предметов достаточно резко отличаются от кельтеминарских наконечников, поскольку у острий с боковой выемкой короткий черешок и широкая рабочая часть. Г. И. Медведев, изучивший несколько десятков подобных орудий из Забайкалья под бинокулярным микроскопом, пришел к выводу, что это не наконечники стрел, а сверла и микрорезцы [78]. Поэтому не исключено, что сходство плохо документированного микролитического инвентаря из Забайкалья с Приаральским не более чем конвергенция. Настораживает все же еще одна специфическая форма из той же Новой Бряни — трапеция со струганой спинкой — поздняя разновидность геометрических орудий, хорошо известная по находкам в Крыму, на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье. Насколько типична для Забайкалья эта единичная западная форма, оторванная на тысячи километров от основного ареала, мы сказать не можем.

В Сибири выделяется и группа керамики с прочерченным орнаментом, которую ряд исследователей сопоставляют с кельтеминарской, но и это плохо документированный подъемный материал. Переопределение рако-

[71] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, стр. 56, табл. XX.

[72] Г. Ф. Коробкова. Ук. соч., стр. 127—142.

[73] А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, 1, стр. 49.

[74] Э. Р. Рыгдылон. Новые следы поселений каменного века в бассейне среднего Енисея. МИА, 39, 1953, рис. 2, *10*.

[75] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, рис. 15 и 16.

[76] Л. П. Хлобыстин. Древнейшие памятники Байкала. МИА, 131, 1965, стр. 277.

[77] Г. Ф. Дебец. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья. «Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов физико-математического факультета I МГУ», III, 2А, М., 1930, табл. VII, 7, рис. 8, стр. 160, 161. Подобное острие из сборов Г. Ф. Дебеца в Усть-Кяхте издано мной в статье: А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР, рис. 2, *1*.

[78] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, рис. 17; его же. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура. МИА, 86, 1960, стр. 63—65; Г. И. Медведев. К вопросу об изначальных формах наконечников стрел в Приангарье. Тр. Гос. Иркутского университета, LV, сер. истор., I, Иркутск, 1968, стр. 224, рис. 1.

вин Corbicula из афанасьевских захоронений Среднего Енисея показало, что это не среднеазиатские ракушки, а ископаемые моллюски Corbicila tibetensis Prashad, распространенные в плиоценовых и нижнеплейстоценовых отложениях Сибири [79]. Тем самым снят один из основных аргументов в пользу тесных связей Сибири и Приаралья в эпоху неолита и энеолита. Какие-то связи между этими районами, возможно, были, но нескольких наконечников кельтеминарского облика с Енисея и из Прибайкалья — районов, исследуемых более ста лет, явно недостаточно для выводов об этногенезе самодийцев и юкагиров. Впрочем, в последних своих докладах В. Н. Чернецов уже не связывал даурские находки с уральскими, а противопоставлял эти два ареала, усматривая, как и А. П. Окладников, сходство даурской культуры с дальневосточными.

Если теперь мы обратимся к западу от Приаралья, то увидим, что за Волгу ни кельтеминарские наконечники, ни керамика со струйчатым прочерченным орнаментом не заходят. Это впечатление, сложившееся у меня при знакомстве со старыми музейными коллекциями, вполне подтвердили широкие разведки А. Н. Мелентьева в междуречье Волги и Урала и в западных областях Казахстана [80]. По его сообщению, в Волго-Уральском междуречье ему встретились всего четыре наконечника кельтеминарского типа: один в урочище Комбукта у Асан-бая на правобережье Урала и три у Досанга. Единичный наконечник поднят М. Г. Косменко на дюне Захар-калма в районе Бузулука. Это пока что самая западная находка.

Незначительный материал, опубликованный В. Н. Даниленко для доказательства его мысли о волынцевской группе памятников на Украине, связанной с Кельтеминаром и лежащей в основе неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, не дает никаких явных параллелей ни с кельтеминарской керамикой, ни с кельтеминарскими кремневыми орудиями [81].

Подводя итоги нашего обзора, мы можем сделать следующие выводы: 1) гипотозу об огромной роли кельтеминарской культуры в истории Европы и Азии надо признать преувеличением; 2) отмечается влияние кельтеминарской культуры на Южный Урал и Зауралье, но не на Западный Урал; 3) некоторые, крайне малочисленные, факты позволяют думать о связях кельтеминарской культуры с Енисеем и Прибайкальем, но для категорических выводов этих фактов пока недостаточно; 4) нет бесспорных доказательств связей кельтеминарской культуры с такими отдаленными областями, как Индия, хотя заметно воздействие на кельтеминарскую керамику образцов посуды и ее орнаментации, свойственных земледельческим культурам юга Туркменистана и Ирана; 5) нет никаких данных о влиянии кельтеминарской культуры на Восточную Европу — ни на Подонье, ни на Украину, ни на северную лесную полосу; 6) кельтеминарская культура не древнее ряда неолитических культур Восточной Европы и Урала. Поэтому нет оснований выводить эти культуры из неолита Приаралья, в особенности такие далекие и мало похожие на него комплексы, как культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

Рассмотрим теперь памятники Прикаспия. В пещере Джебел А. П. Окладников выделяет 10 культурных горизонтов. В нижних двух — слои 7 и 8— найдены микролитические кремневые орудия без геометрических форм и без керамики. Вышележащие слои 6, 5—6, 5а и 5 содержали мик-

[79] Л. А. Иванова. Опыт выделения и палеоэтнографической характеристики афанасьевской культуры Среднего Енисея. Автореф. канд. дис., Л., 1970, стр. 10. Зоолог Я. И. Скоробогатов определял раковины из могильника Карасук III (ограда III, могила 3).

[80] А. Н. Мелентьев. Работы Астраханской экспедиции. АО — 1968 г., стр. 148.

[81] В. Н. Даниленко. Ук. соч., рис. 6, *1—23*. См. также: Д. Я. Телегин. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины. СА, 1962, 4, рис. 3, *1—7*; небольшая Волынцевская коллекция происходит из раскопок С. С. Березанский на поселении эпохи бронзы и отделена от основного комплекса типологически. Хранится в Институте археологии АН УССР.

ролитический кремневый инвентарь со значительным числом трапециевидных орудий. В этих слоях уже встречены единичные обломки глиняных сосудов, но А. П. Окладников считает, что в три нижних горизонта черепки проникли из верхних слоев и только керамика слоя 5 входит в один комплекс с кремневыми орудиями. В слое 4, как уже говорилось, вместе с трапециями найден единичный наконечник кельтеминарского типа. Слои 3, 2 и 1 дают характерные двустороннеобработанные наконечники стрел с выемками в основании.

В целом такая стратиграфическая колонка выглядит убедительно. Под слоями эпохи энеолита залегает комплекс раннекельтеминарского времени, ниже — ранний неолит с трапециями, еще ниже — мезолит с трапециями. По крымским и кавказским аналогиям [82] мы знаем и слои середины мезолита, где временно исчезают геометрические орудия, что может соответствовать нижним двум слоям Джебела. Спорен, конечно, вопрос о керамике в слоях 6, 5—6, 5а и, следовательно, принадлежность их к мезолиту или неолиту. Для абсолютной датировки слоев важны находки черепков лощеной керамики типа Шах-Тепе III в трех верхних слоях, что позволяет относить их к III тысячелетию до н. э., а нижележащие слои соответственно к более раннему времени [83]. Костные остатки Джебела крайне фрагментированны, и изучавший их В. И. Цалкин с предельной осторожностью формировал свои выводы. Согласно его заключению, основная масса костей принадлежит козе и овце, в верхних четырех слоях, вероятно, домашним. В отношении фауны из нижних слоев — дикие или домашние это формы, сказать трудно [84].

Иного типа комплекс выявлен в гроте Дам-дам-чешме II. Г. Е. Марков выделяет здесь семь слоев. Слои 7, 6 и 5 не содержали керамики. В слое 4 она встречена только в верхней части отложений в виде 11 мелких обломков. Этот слой Г. Е. Марков синхронизирует со слоями 6, 5—6, 5а и 5 Джебела [85]. Однако сам кремневый инвентарь Дам-дам-чешме II говорит о другом. Ведущей формой орудий в коллекции является низкий асимметричный треугольник. Эта разновидность геометрических орудий отсутствует в Джебеле, но хорошо известна нам по памятникам каменного века на Кавказе. Там в пещере Гварджилас-клде в Грузии она представлена в комплексе конца палеолитического времени [86], а в стоянке Чох в Дагестане — в раннемезолитическом комплексе [87]. Следовательно, материалы Дам-дам-чешме II в основном древнее джебельских. О том же свидетельствует и обилие сегментов в слоях 5—7 Дам-дам-чешме II. В Джебеле их нет совсем. Трапеции появляются только в слое 4 Дам-дам-чешме II, причем и здесь в сочетании с низкими треугольниками [88]. Из второго слоя пещеры происходит керамика типа Шах-Тепе II. Итак, в Дам-дам-чешме II в слоях 5—7 перед нами комплексы начала мезолита, тогда как в Джебеле, даже в слоях 7—8,— комплексы середины мезолита. Неолит в Дам-дам-чешме II представлен беднее, чем в Джебеле.

Тем интереснее заключение В. И. Цалкина, обрабатывавшего коллекцию фауны и из этой пещеры. По его мнению, кости из слоев 3—6 Дам-дам-чешме II безусловно принадлежат домашним животным — козе и

[82] Г. А. Бопч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода, V. М.— Л., Новосибирск, 1934, стр. 160; А. А. Формозов. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. СА, 1963, 4, стр. 187.

[83] А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 204.

[84] В. И. Цалкин. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела. Тр. ЮТАКЭ, VII, 1956, стр. 221.

[85] Г. Е. Марков. Ук. соч., стр. 120.

[86] С. Н. Замятнин. Палеолит Западного Закавказья. Сб. МАЭ, XVII, 1957, рис. 23.

[87] В. Г. Котович. Каменный век Дагестана, Махачкала, 1964, рис. 30; Н. О. Бадер. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита. СА, 1965, 4, рис. 1 и 4.

[88] Г. Е. Марков. Ук. соч., рис. 7 и 9.

овце. Правда, материал из слоев 5 и 6 очень скуден; в слое 5— одна кость, в слое 6—пять. Но для слоев 3 и 4 количество находок довольно значительно. В слое 3 костей овцы и козы 189, в слое 4—56 [89]. Будем ли мы считать 11 мелких черепков из верхней части отложений слоя 4 Дам-дам-чешме II случайно проникшими сверху (по типу кремневых орудий данного слоя это кажется мне более вероятным) или органически связанными со слоем — все равно нам придется признать существование скотоводства в Закаспии уже в конце мезолита. Этот вывод вполне согласуется с наблюдениями К. Куна, исследовавшего пещеры Белт (Гари-Камарбанд) и Хоту в Северном Иране неподалеку от границы СССР. Там в слоях конца мезолита (слои 16—11 пещеры Белт) найдены кости домашних коровы, овцы и козы [90].

Неолитические находки в Джебеле и Дам-дам-чешме II показывают, что материальная культура Закаспия этого времени заметно отличалось от кельтеминарской. Здесь были широко распространены геометрические орудия, а керамика не имела прочерченного струйчатого и гребенчатого орнамента. Профили сосудов Джебела — с коротким прямым венчиком и вздутыми плечами — непохожи на кельтеминарские. Подъемный материал из окрестных районов и раскопки развеянных дюнных стоянок (вреде Оюклы) подтверждают эти наблюдения [91]. И тут встречаются геометрические орудия и нет кельтеминарских наконечников, а керамика непохожа на приаральскую. Этот пока что небольшой и плохо документированный материал вряд ли дает право выделять новые археологические культуры — «нижнеузбойскую», «верхнеузбойскую», «карабогазский комплекс», «балханский комплекс», но отличие коллекций из Закаспия от находок в Приаралье не вызывает сомнений. Данные о раннем сложении скотоводства в Прикаспии подчеркивают это с особой силой.

Вот с этим прикаспийским кругом памятников и нужно, по-видимому, связывать появление стоянок с геометрическими орудиями в Башкирии. Это не начальный этап того движения с юга, которое выразилось в дальнейшем в воздействии кельтеминарской культуры на Зауралье, как писал В. Н. Чернецов [92], а другое направление южных влияний, другого времени, другого круга культур. Стоянки с кремневым инвентарем южного облика распространяются в Башкирии уже в мезолите. Количество их слишком значительно, чтобы предполагать простое подражание северных племен орудиям южных культур. Видимо, можно говорить о продвижении населения с юга на север. Влияние кельтеминарской культуры Приаралья на зауральские районы отмечается лишь в неолите. Вероятно, решающую роль и в том и в другом случае сыграло сложение скотоводства и связанный с этим рост населения на юге. В Прикаспии это произошло раньше — еще в мезолите, в Приаралье позже — в конце неолита. Кости домашних животных на неолитических стоянках Башкирии (они есть не только в Чебаркуле II, но и в другой стоянке — Давлеканово) [93] отражают скорее всего влияние прикаспийских, а не приаральских культур.

Из этого не следует, что воздействие культур Закаспия на Башкирию ограничивалось исключительно мезолитическим временем. Только на нескольких памятниках Башкирии — Романовка II и III, Янгелька и Карабалыкты I — Г. Н. Матюшин сумел выделить чистые мезолитические комплексы с геометрическими орудиями. На остальных четырех десятках стоянок кремневый инвентарь, включающий геометрические

[89] Там же, стр. 123.

[90] C. Coon. Cave Explorations in Iran, 1949. Philadelphia, 1951, стр. 46.

[91] Г. Ф. Коробкова. Ук. соч., стр. 80—104; Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки. Оюклы. Вестник МГУ, 3. сер. IX истор., 1961, стр. 67—82.

[92] В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита, стр. 50.

[93] Г. Н. Матюшин. Работы на Южном Урале. АО — 1967 г., стр. 118.

орудия, выделялся типологически из комплекса, содержавшего характерные неолитические двустороннеобработанные орудия и керамику. Между тем хорошо известно, что геометрические орудия использовались вплоть до конца III тысячелетия до н. э. даже в южных культурах с высокоразвитой металлургией меди. Так, на поселении майкопской культуры Мешоко в Прикубанье в слое, близком по времени к курганам Новосвободной, найдено до 200 кремневых сегментов [94]. Думается, что значительная часть стоянок с геометрическими орудиями в Башкирии характеризует уже не мезолит, а неолит, время, близкое к четвертому слою Джебела и верхним слоям Дам-дам-чешме II, где геометрические орудия встречаются вместе с керамикой.

Как далеко на север и запад распространялось влияние закаспийских мезолитических и неолитических культур, сказать пока трудно. И Северный Кавказ, и Нижнее Поволжье, и Украина — все это области, где широко применялись геометрические орудия, причем в ряде районов они известны еще с начала мезолита, а на Кавказе даже в конце палеолита. Только тщательный типологический анализ разновидностей этих орудий поможет нам решить откуда — с Кавказа или из Прикаспия — проникли геометрические орудия, скажем, на Среднюю Волгу или в Прикамье [95]. Сейчас такой анализ еще не проведен, но находки на Нижней Волге (Зензели, Болхуны, Торгун, Еруслан) геометрических орудий с двусторонней обработкой, свойственных Кавказу, а не Средней Азии [96], говорит как будто о преобладании кавказских влияний для этих районов. К востоку от Аральского моря геометрические орудия почти не встречаются. Самые восточные пункты находок таких орудий — район Караганды, пески Самелькум в Бетпак-Дале, стоянки Пеньки в Павлодарской обл. и Новая Шульба в Семипалатинской обл. [97]

Керамика стоянок Закаспия в ряде отношений напоминает посуду ямной культуры III тысячелетия до н. э. в Поволжье и Северном Причерноморье, но не находит аналогий в стоянках предшествующего времени на Нижнем Дону и в Приазовье. Поэтому идея В. Н. Даниленко о проникновении навыков скотоводства на Украину из Закаспия не имеет под собой твердых оснований. Существенно, что в стоянке у Каменной могилы в Приазовье подавляющая масса костных остатков принадлежит быку (по мнению И. Г. Пидопличко и В. Н. Даниленко, домашнему), а не козе и овце [98]. Состав стада в мезолите и раннем неолите Украины и Закаспия, следовательно, не совпадает. Гораздо вероятнее, что скотоводство, как и земледелие, было освоено населением Северного Причерноморья под влиянием культур Балканского полуострова. Об этом свидетельствуют многочисленные параллели в керамике и орудиях труда с неолитических поселений Балкан, Поднестровья и более восточных районов, одинаковый состав стада (бык и свинья при отсутствии мелкого рогатого скота) в Крыму, на Днестре, Южном Буге и на Балканах.

Таким образом, не отрицая крупной роли закаспийских и приаральских мезолитических и неолитических культур в истории Азиатской части СССР, мы все же вынуждены признать, что в литературе эта роль сильно преувеличивалась. Закаспий и Приаралье влияли на Южный

---

[94] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, рис. 110, 112.

[95] О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. МИА, 126, 1966, стр. 197, рис. 1.

[96] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 62.

[97] А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР, стр. 55; М. Н. Клапчук. Неолитические стоянки Караганда 15 и Зеленая балка 4. Б. КИЧП, 36, 1969, рис. 2 и 3; его же. Археологические находки в Карагандинской области в 1962 году. СА, 1965, 3, рис. 4 и 4; Л. А. Чалая. О типах неолитических стоянок Казахстана. «Сборник научных работ аспирантов исторического факультета МГУ». М., 1970, рис. 1, 19, 29; ее же. Новые материалы по неолиту Казахстана. Вестник МГУ, история, 1970, 6, рис. 2, *15*, *29*.

[98] В. Н. Даниленко. Ук. соч., стр. 178.

Урал, Зауралье и, может быть, на Сибирь, но не здесь был очаг возникновения всего северного неолита. Против этого говорят и хронология памятников Приаралья и лесной полосы Восточной Европы, и обилие в этой полосе более ранних памятников, обнаруживающих определенные линии соответствий с местным поздним палеолитом [99], и данные о соотношении разного типа орудий в разных районах.

В этой связи надо остановиться на последнем вопросе: к северному или южному кругу памятников принадлежит кельтеминарская культура? А. П. Окладников [100], В. Н. Даниленко [101], Д. Я. Телегин [102] упорно связывают ее с севером. То же следует из общих положений В. Н. Чернецова. В ареал северного неолита Д. Я. Телегин включает и Джебел, А. П. Смирнов [103], А. В. Виноградов [104] и автор этих строк [105], напротив, доказывали сугубо южный характер кельтеминарской культуры. В пользу этого говорят стоянки Дарья-сая, обнаруженные А. В. Виноградовым, где кельтеминарская керамика сочетается с геометрическими орудиями. Истоки культуры уходят, следовательно, в южный мезолит и ранний неолит, для которых характерны такие орудия.

С другой стороны, накопилось немало данных о том, что типичные южные энеолитические культуры, вроде суярганской, камышлинской, Заман-бабы, восходят к кельтеминарской [106]. В противоположность этому развитие северного лесного неолита, в особенности культур круга ямочно-гребенчатой керамики, вполне можно представить себе и на основе местного мезолита и раннего неолита при учете заметных, но не слишком значительных южных влияний.

A. A. Formozov

SUR LE ROLE DES CULTURES DU MESOLITHIQUE ET DU NEOLITHIQUE DES REGIONS TRANSCASPIENNES ET PRÉARALIENNES DANS L'HISTOIRE DE L'EUROPE ET DE L'ASIE

Résumé

Dans les publications archéologiques on attribue un rôre extrêmement important à la culture néolithique de Keltéminar des régions avoisinantes à la Mer d'Aral dans le processus de l'éthnogenèse des Finno-Ougriens et à la culture du Mésolithique des régions transcaspiennes dans l'apparition de l'élevage en Europe orientale. L'analyse critique des matériaux montre que les conclusions pareilles ne sont pas assez justifiées. On signale l'influence de la culture de Keltéminar sur l'évolution historique de l'Oural du sud, des régions transouraliennes et, probablement, de la Sibérie occidentale, mais pas sur les cultures de l'Europe Orientale. L'influence de la culture mésolithique des régions transcaspiennes est présente dans les cultures du Mésolithique et du Néolithique de la Bachkirie mais elle n'est pas révélée en Ukraine. Là on voit dans les monuments les plus anciens de l'élevage, la même composition du troupeau que celle des Balcans, mais qui est toute autre que celle des régions transcaspiennes. La culture néolithique transcaspienne n'est pas identique à celle des régions préaraliennes. L'influence qu'elles excercent sur les cultures des régions d'Oural et du Pré-Oural est en rapport avec l'occupation de ces terres par les hommes pratiquant l'élevage, ce qui eut lieu, dans les régions transcaspiennes, à l'époque du Mésolithique et seulement à la fin du Néolitique dans les régions préaraliennes.

---

[99] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, стр. 99.

[100] А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 214; его же. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея, стр. 54.

[101] В. П. Даниленко. Ук. соч., стр. 44.

[102] Д. Я. Телегін. Дніпро-Донецька культура. Київ, 1968, рис. 64.

[103] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 22.

[104] А. В. Виноградов и М. А. Итина. Ук. соч., стр. 160.

[105] А. А. Формозов. Об историческом месте неолитической культуры Левобережной Украины. СА, 1970, 1, стр. 283.

[106] А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма, стр. 176; Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-баба. СЭ, 1958, 2, стр. 25.

Н. М. ВИНОГРАДОВА

ПАМЯТНИКИ ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА ТРИПОЛЬЯ BI — BII В ПОДНЕСТРОВЬЕ

Трипольские поселения вместе с румынскими памятниками Кукутени-Ариушд рассматриваются как единая культура Ариушд-Кукутени-Триполье [1]. Широкие археологические исследования в последние десятилетия на территории Украины, Молдавии и Румынии позволили уточнить и дополнить периодизацию культуры Кукутени-Триполье.

Традиционно сложилось две системы периодизации памятников Кукутени-Триполье. Огромный вклад в изучение трипольских поселений был сделан Т. С. Пассек, которая представила общую схему периодизации трипольской культуры, подтвердившуюся в дальнейшем на многослойных памятниках Поднестровья [2]. За основу хронологической схемы культуры Кукутени румынские исследователи приняли периодизацию Г. Шмидта, которая была разработана им на эпонимном многослойном поселении Кукутени около г. Яссы [3]. В результате стратиграфических наблюдений Г. Шмидт выделил здесь два горизонта — Кукутени А и Кукутени В. Великолепный анализ стиля орнаментации и форм керамики, а также результаты раскопок на поселении Дымбул-Морий позволили Г. Шмидту говорить о переходном периоде Кукутени А—В между фазами Кукутени А и Кукутени В. В этот переходный период немецкий исследователь включил следующие стилистические группы орнаментации керамики α, β, γ, а в последующую фазу Кукутени В — группа δ, ε, ζ [4] Хронологическое различие между Кукутени А и Кукутени А — В подтверждается не только стратиграфическими данными, но главным образом отличием в формах и в росписи сосудов. Чрезвычайно редкими на переходной фазе Кукутени А — В являются кубки, амфоры и чаши на ножках, подставки с цилиндрическим туловом; появляются так называемые шведские крышки. Роспись обычно, как и в Кукутени А,— полихромная, но здесь наряду с негативными S-образными спиралями меандрами, характерными для Кукутени А, встречаются волюты, ромбы, тангенты. Кроме того, все большее место в орнаментальных композициях занимает роспись черной краской. Еще более существенным является расположение орнамента на поверхности сосудов. В Кукутени А рисунок независимо от формы распределяется по всей поверхности, отвечая требованиям свободного стиля. На переходной же фазе Кукутени А —

[1] R. Vulpe. Problemele neoliticului carpato — niprovian în lumina săpăturilor de la Izvoare. SCIV. VII, 1956. 1—2, стр. 53; V. Dumitrescu. Origine et évolution de la civilisation du Cucuteni — Tripolie. «Archeologia», XIV, 1963, (1964), стр. 1—40. Эта же статья на румынском языке в SCIV, XIV, 1963, 1, стр. 51—74, 2, стр. 285—305; ср. Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961, стр. 183.

[2] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949; ее же. Раннеземледельческие племена..., МИА, 84.

[3] H. Schmidt. Cucuteni in der oberen Moldau. Berlin — Leipzig, 1932.

[4] Там же, стр. 75. См. также приложение 1 к данной статье, где дается краткое описание каждой стилистической группы.

В расположение орнамента связано с формой сосуда — рисунок не занимает все свободное пространство, а подчиняется строгому тектоническому принципу [5].

Вместе с расписной посудой Г. Шмидт выделял другую немногочисленную группу керамики типа Кукутени С [6]. По его мнению, керамика этого типа совершенно чужда расписным сосудам и не связана с ними ни органически, ни генетически. Кроме того, он допускал, что керамика типа Кукутени С — северного происхождения и появляется впервые в группах ε и ζ фазы Кукутени В [7]. Несколько лет назад Т. Г. Мовша доказала, что керамика с ракушкой не имеет генетических корней в Триполье и происходит с памятников Среднего Поднепровья типа Средний Стог II. Она распространяется в конце этапа Триполья BI (Кадиевцы, Кудринцы) и продолжает существовать до самого конца трипольской культуры [8]. Археологические исследования на поселениях Феделешень [9], Корлэтень [10], Траян [11] в Румынии также убедительно показали, что керамика с ракушкой в тесте появляется гораздо раньше, не на фазе Кукутени В, как полагал Г. Шмидт, а в самом конце Кукутени А (Феделешень) и в начале Кукутени А — В (Корлэтень), и что она является одним из характернейших признаков этой переходной фазы. Дискуссионным остается вопрос о роли керамики с ракушкой в развитии расписной посуды Кукутени, была ли она определяющим фактором при переходе от фазы Кукутени А к Кукутени А — В. В. Думитреску придерживается того мнения, что фаза Кукутени А — В возникла прямо и без резких скачков из фазы Кукутени А, незначительный импорт керамики типа Кукутени С не мог играть решающей роли в трансформации расписной керамики [12]. И. Нестор, соглашаясь со своим коллегой, что фаза Кукутени А — В органически вытекает из Кукутени А, не исключает влияния внешних факторов, которые могли вызвать изменение в стиле росписи сосудов [13].

Раскопки на поселениях Траян [14], Корлэтень [15], Дымбул-Морий [16] Калу [17], Фрумушика [18], Хуши [19], разведочные работы в районах Бакэу и Батошань [20], а также в Юго-Восточной Трансильвании [21] подтвердили

---

[5] H. Schmidt. Cucuteni in der oberen Moldau. Berlin — Leipzig, 1932, стр. 72.

[6] Эта керамика имеет в тесте примесь измельченной ракушки, орнаментирована с помощью зубчатого штампа, иногда шнура.

[7] H. Schmidt. Ук. соч., стр. 78.

[8] Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. СА, 1961, 2, стр. 197.

[9] I. Nestor, E. Zaharia. Sur la période de transition du néolithique à l'age du bronze dans l'aire de civilizations de Cucuteni et Gumelniţa. «Dacia», XII, нов. сер., 1968, стр. 18 и рис. 1, *2*.

[10] Там же, стр. 21, рис. 1. *1*, *3—9*.

[11] V. Dumitrescu. La station préhistorique de Traian. «Dacia» IX — X, 1941—1944, стр. 37—38, рис. 1, *2*.

[12] V. Dumitrescu. Origini et évolution..., стр. 23.

[13] I. Nestor. Zur Periodisierung der späteren Zeitstufen des Neolitikums in der RVR. «Dacia», нов. сер., IV, 1960, стр. 53.

[14] Şantierul Traian, SCIV, III, 1952; H. Dumitrescu, SCIV, IV/1953; V/1954; VI/1955; MCA, 3/1957; 5/1959; 7/1961; H. Dumitrescu и V. Dumitrescu. MCA, 6/1959; 8/1962.

[15] I. Nestor şi collaborateurs. Săpăturile de la şantierul Valea Jijiei în anul 1950, SCIV, II, 1951, стр. 51 сл.; Şantierul Valea Jijiei, SCIV, III, 1952, стр. 19 сл.

[16] M. Petrescu-Dîmboviţa. Cucuteni. Bucureşti, 1966, стр. 32—35.

[17] R. Vulpe. Les fouilles de Calu. «Dacia», VI—VIII, 1937—1940, стр. 32—39.

[18] C. Mătasă. Frumuşica. 1946.

[19] A. Làszlo. Aşezarea Cucuteni A — B de la Huşi. AM, IV, 1966, стр. 7—22.

[20] M. Florescu, V. Capitani. Cercetări arheologice de suprafaţa în judeţul Bacău, MA, AM, VI, 1969, стр. 214—275.

[21] A. Crişmaru. Contribuţii la cunoaşterea neoliticului din împrejurimile savenilor (jud. Botoşani), SCIV, 21, 1970, стр. 267 сл.

[22] Z. Székely. Contribution à l'étude du développement du Néolitique dans la Transylvanie sud-orientale. Atti del VI Congresso Internazionale, delle scienze Preistoriche e Protostoriche, II, 1965, стр. 270—279, рис. 1.

стратиграфическое место так называемой переходной фазы Кукутени А — В и показали, что эта фаза продолжалась довольно долго [22]. Были открыты памятники, целиком относящиеся к этому периоду (Траян, Корэтень, Дымбул-Морий, Хуши). Детально фаза Кукутени А — В была изучена В. Думитреску на поселении Траян. В отличие от Г. Шмидта, В. Думитреску полагает, что переходная фаза Кукутени А — В включает в себя, кроме стилистических групп α—γ, также все варианты группы δ. В некоторых группах им были выделены новые стилистические подгруппы: АВα, α^3, $\gamma^{2а}$, $\gamma^{2в}$, $\delta^{1а}$, $\delta^{2а}$, δ^4 и др. [23].

Накопление археологического материала с поселений, относящихся ко времени Кукутени А — В, позволило В. Думитреску выделить на этой фазе два последовательных хронологических этапа: АВ/1, представленный стилистическими группами керамики α, β; керамика с ракушкой еще не имеет орнаментации шнуром; и АВ/2, для которого характерны группы γ и δ, на этом этапе керамика типа Кукутени С иногда украшается шнуровым орнаментом. Поселения Корлэтень, Дымбул-Морий помещаются им в этап АВ/1, Траян — в АВ/2 [24].

Следующая фаза Кукутени В, выделенная Г. Шмидтом, является прямым продолжением предшествующей фазы Кукутени А — В, на что указывает присутствие некоторых вариантов группы δ как в Кукутени А — В, так и в Кукутени В. Интересные стратиграфические данные для фазы Кукутени В были получены М. Петреску-Дымбовицей на поселении Кукутени-Бэйчень [25]. Наблюдения над стратиграфией жилищ позволили исследователю отметить два этапа в эволюции фазы Кукутени В: В/1 и В/2. В первом, более древнем слое, Кукутени В/1 были открыты сосуды, расписанные в стиле δ^2 и ε. Во втором слое содержалась керамика, орнаментированная в стиле ε и ζ. Причем стилистическая группа ζ встречается довольно редко. Керамика с ракушкой присутствует в обоих горизонтах. Из поселений, раскопанных в Молдове, М. Петреску-Дымбовица к этапу Кукутени В/1 относит Окна-Подей, Алдень, Пригорений Мичи, а к этапу В/2 — Валя-Лупулуй, Глэвэнэшть и Трушешть.

В. Думитреску, основываясь на раскопках поселений Кукутени-Бэйчень и Валя-Лупулуй, считает более правильным выделять в Кукутенях в три этапа: В/1, когда наряду с керамикой стиля δ появляется стиль ε; В/2— стилистическая группа δ встречается очень редко и параллельно со стилем ε возникает новая группа ζ; В/3, когда керамика стиля ε почти не появляется и основным орнаментальным стилем становится ζ. Например, на поселении Валя-Лупулуй стилистическая группа δ совершенно отсутствует, группа ε встречается редко и 90% всей расписной посуды украшается в стиле ζ[26]. Румынский исследователь предлагает следующую таблицу размещения памятников на фазе Кукутени В[27].

Кукутени В/3	Валя-Лупулуй
Кукутени В/2	Кукутени-Бэйчень (верхний горизонт), Дрэгушень, Петрены, Шипенцы
Кукутени В/1	Кукутени-Бэйчень (нижний горизонт)

Некоторые разногласия в настоящее время вызывает синхронизация памятников Триполья и Кукутени. На VI Международном конгрессе в Риме Т. С. Пассек была предложена система синхронизации Триполья и

[23] См. приложение.

[24] V. Dumitrescu. Origini et évolution..., стр. 25.

[25] M. Petrescu-Dîmbovita. Nouvelles fouilles archéologiques à Coucouteni — Baitchéni en Romanie. Atti del VI Congresso..., II, 1965, стр. 249—250; его же. Évolution de la civilisation de Cucuteni à la lumiere des nouvelles foulles archeologiques de Cucuteni — Băiceni. Revista de scienze preistoriche. XX, 1, 1965, стр. 172.

[26] V. Dumitrescu. Origini et évolution..., стр. 22.

[27] Там же, стр. 30.

Кукутени [28]. Помятники BI (Поливанов-яр — нижний горизонт, Солончены II — средний горизонт) сопоставляются ею с материалами Кукутени А (Хэбэнешеть), этап BII (Поливанов-яр — средний горизонт, Петрены Незвиска — верхний горизонт, Владимировка) сравниваются с поселениями типа Корлэтень (Кукутени А — В) и памятники позднего этапа Триполья CI — γI (Поливанов-яр — верхний горизонт, Попудня) корреспондируются с румынскими поселениями фазы Кукутени В. В. Думитреску предлагает несколько изменить схему синхронизации Т. С. Пассек. Этап Триполья BII он не считает эквивалентным Кукутени А — В, так как большинство поселений этапа BII — Владимировка, Петрены, Шипенцы — более типичны для Кукутени В [29]. Он предлагает поместить памятники этапа BII в Триполье CI (-Кукутени В), а в этап Триполье BII отнести объекты, сходные с Кукутени А — В [30].

Здесь можно согласиться с В. Думитреску, что некоторые трипольские поселения этапа BII следует корреспондировать с румынскими памятниками фазы Кукутени В, а не Кукутени А — В. К примеру, в Незвиске (верхний трипольский горизонт) в керамическом комплексе доминируют сосуды с черной монохромной росписью — группа ε [31]. Рисунок обычно покрывает $^3/_4$ поверхности сосуда, излюбленным орнаментальным мотивом являются негативные S-образные спирали. Наряду с монохромной посудой Е. К. Черныш выделяет небольшую группу керамики, расписанную в стиле δ^2 по Г. Шмидту [32]. Можно отметить и другие стили орнаментации δ^1 и δ^{1a}, встречающиеся на незвисской посуде [33]. Формы расписных сосудов сохраняют еще некоторые черты, характерные для переходного периода Кукутени А — В. Это прежде всего кубки с бомбовидным туловом, амфоры с высоким отогнутым в форме воронки венчиком [34]. Биконические сосуды еще не встречаются. Кроме Незвиски, на таких днестровских поселениях, как Студиница (уроч. Гончариха), Голосково (Смотрич), Бакота [35] и Владимировка на Южном Буге (в дальнейшем этот круг памятников можно будет значительно расширить), в керамическом комплексе наряду с доминирующей монохромной росписью (стиль ε) всегда присутствует полихромия группы δ. Эти поселения можно синхронизировать с памятниками фазы Кукутени B/1, Кукутени — Бэйчень (нижний горизонт), где мы встречаем аналогичную картину.

В Петренах и Шипенцах большую часть составляют сосуды, расписанные в стиле ε, иногда в стиле ζ. Таким образом, мы видим, что в расписной керамике исчезает полихромия группы δ и наряду с группой ε появляется новый стиль орнаментации — ζ. Кроме смены орнаментальных стилей, происходят изменения в формах сосудов, появляются биконические амфоры и кубки. В орнаментальных композициях происходит распадение «Tangentenkreisband» [36], здесь впервые возникает зооморфный орнамент. Г. Шмидт и О. Кандыба сравнивали Петрены и Шипенцы с памятниками фазы

---

[28] T. Passek. Relation entre l'Europe occidentale et l'Europe oriental à l'epoque neolithique, VI Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Moscou, 1962, стр. 15.

[29] V. Dumitrescu. Origine et évolution..., стр. 21, прим. 52.

[30] Там же, стр. 22.

[31] Е. К. Черныш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье. МИА, 102, 1962, рис. 26, *7*; 27, *17—21*, *24*, *27—29*, *36—37*.

[32] Там же, рис. 27, *16*.

[33] Там же, рис. 26, *11*; 27, *23*.

[34] Там же, рис. 26, *1*, *7*; 23, *27*, *29*.

[35] Эти три памятника были открыты Среднеднестровской экспедицией под руководством С. Н. Бибикова. Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность С. Н. Бибикову за возможность использовать материалы, хранящиеся в фондах ИА АН УССР.

[36] Орнамент составлен из кругов, соединенных диагоналями, идущими слева направо, снизу вверх.

Кукутени В[37]. В связи с уточнением периодизации поселений Кукутени В нам представляется возможным корреспондировать памятники типа Петрен и Шипенцев со второй ступенью фазы Кукутени В — Кукутени В/2.

Перейдем к основной задаче нашей статьи — попытаемся выделить трипольские памятники, сходные с поселениями фазы Кукутени А — В. Первые опыты подобного сопоставления были предприняты Г. Шмидтом и О. Кандыбой. Так, Г. Шмидт писал, что в Подолии и Восточной Галиции такие памятники, как Городница над Днестром, Выгнанка, Васильковцы, Бильче-Сад, Шипенцы (древний горизонт А), Зеленча, имеют черты, роднящие их с поселениями фазы Кукутени А—В[38]. О. Кандыба в расписной керамике Западной Украины отмечает так называемую залещицкую фазу, которую он соотносит с фазой Кукутени А — В[39]. В первый период залещицкой фазы он включает древнейшую шипенецкую керамику (Шипенцы А), а во второй — памятники залещицкого типа. В последнюю группу вошли 12 поселений[40]. На поселениях Бильче-Сад (Бильче-Золотое — нижний горизонт)[41]; Выгнанка[42], Васильковцы[43]. Городница над Днестром[44], Бучач[45], Залещики[46] были произведены небольшие раскопки, на остальных собран подъемный материал.

Т. Г. Мовшей был впервые поставлен вопрос о выделении переходного этапа Триполья от BI к BII на поселении Солончены II, средний горизонт которого она сопоставляет с памятниками фазы Кукутени А — В, Траян и Корлэтень[47]. Большое значение для данной проблемы имеют работы Трипольской экспедиции в Поднестровье с 1948 по 1958 г. Систематический характер исследований в Черновицкой, Хмельницкой, Тернопольской областях УССР, а также на территории МССР, значительное накопление материалов и совершенная методика позволили разработать вопрос о выделении памятников переходного этапа Триполья BI — BII в Поднестровье. Некоторые материалы, собранные Трипольской экспедицией, не вошли в публикации, что заметно ограничивает возможности исследования.

В свете известных в настоящее время материалов памятники переходного этапа Триполья BI — BII могут быть разделены на две группы: 1 — залещицкую, 2 — солончeнскую. В первую группу входят поселения залещицкой фазы О. Кандыбы и еще несколько поселений, территориально к ним примыкающие: Крутобородинцы[48] I, Поливанов-яр (средний гори-

---

[37] H. Schmidt. Cucuteni..., стр. 108; O. Kandiba. Schipenitz. Kunst und Geräte eines neolithischen Dorfes. Wien — Leipzig, 1937, стр. 126.

[38] H. Schmidt. Ук. соч., стр. 109.

[39] O. Kandiba. Ук. соч., стр. 126.

[40] Васильковцы, Выгнанка, Залещики, Городница над Днестром, Городница над Збручем, Бучач, Стрильковцы, Филлипковцы, Бильче-Сад, Лишковцы, Новосилка — Костюково, Щитовцы; О. Кандиба. Старша мальована кераміка в Галичині. Відбитка зі Збірника Українського Наукового іституту в Америці Сент-Пол, Мінн, Прага, 1939, стр. 17.

[41] G. Ossowski. Sprawozdanie czwarte z wycieczki paleoetnologieznej po Galicyi (1892). Zb. W. XVIII, 1895; Е. Ю. Кричевский. Древнейшее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. КСИИМК, III, 1940, стр. 7.

[42] G. Ossowski. Zprawozdanie z wycieczki, Zb. W. XV, 1891, стр. 49—52.

[43] G. Ossowski. Cmenteirzysko cialopalne w Wasylkowcack. Zb. W. XIV, стр. 54—64.

[44] Iz. Kopernicki. Dalsze poszukiwania archologiczne w Horodnicy n/Dn, w latach 1878—1882. Zb. W. VIII, 1884, стр. 3—32.

[45] L. Kozlowski. Mlodska epoka kamienna w Polsce, 1925.

[46] Ю. Полянский. Нові археологичні знахідки з Галичині. Записки Наукового товарищества им. Шевченко. 149, 1928, стр. 17—19; О. Кандиба. Досліди на галицькому Поділлі в рр. 1928—1929; там же 154, 1937, стр. 1—4.

[47] Т. Г. Мовша. Многослойное трипольское поселение Солончены II. КСИА АН СССР, 105, 1965, стр. 100.

[48] В. В. Хвойко. Раскопки площадок в с. Крутобородинцах Летичевского у. Подольской губ. «Древности», 22, 2, 1909, стр. 281 сл.

зонт) [49], Бабино (уроч. Яма) [50], Макарьевка, Патринцы, Кишла-Неджимова (уроч, на Долинках), Рестев (уроч. Яма), Комарово (уроч. Копанка) [51]. Солончснская группа памятников локализуется в Рыбницком, Резинском, Флорештском и Дубоссарском районах МССР, а также Краснооктнянском районе Одесской обл. УССР. Это — Солончены II (средний горизонт) [52], Рашков, Подойма, Флорешты-Заготзерно, Александрены, Воронково II, Гармацкое, Мигулены [53] и Перликани [54] (рис. 1). На поселениях Солончены II и Поливанов-яр велись многолетние работы, на остальных заложены

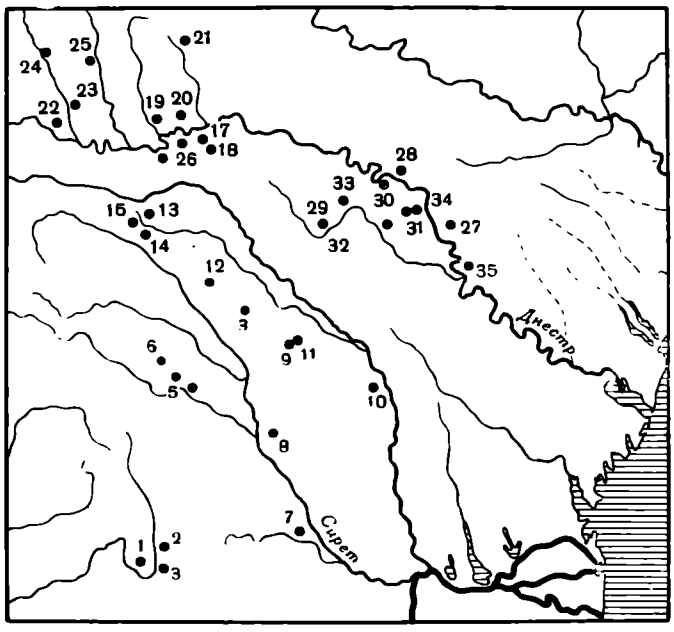


Рис. 1. Карта распространения памятников Триполья BI — BII и Кукутени А — В.

1 — Ариушд; *2* — Муакша; *3* — Брад; *4* — Траян; *5* — Калу, *6* — Фрумушика; *7* — Слобозия; *8* — Бэрбуаса; *9* — Дымбул-Морий; *10* — Хуши; *11* — Кукутень-Бэйчень; *12* — Кривешть; *13* — Корлэтень; *14* — Мындрешть; *15* — Форничень; *16* — Кишла-Неджимоза (уроч. на Долинках); *17* — Бабино (уроч. Яма); *18* — Поливанов-яр; *19* — Макарьевка; *20* — Патринцы; *21* — Крутобородинцы I; *22* — Залещики; *23* — Бильче-Сад; *24* — Выгнанка; *25* — Васильковцы; *26* — Рестев (уроч. Яма); *27* — Перликани; *28* — Подойма; *29* — Флорешты-Заготзерно; *30* — Рашков; *31* — Солончены, II; *32* — Александрены, *33* — Воронково; *34* — Мигулены; *35* — Гармацкое

разведочные шурфы и собран подъемный материал. Средние слои Поливанова-яра и Солончен II так же, как в Кукутенах, Калу и Фрумушике, датируются переходным временем Кукутени А — В (Триполье BI — BII).

В основу характеристики поселений переходного этапа нами положен прежде всего керамический материал, являющийся наиболее многочисленным и быстрее всего изменяющийся. Пластика — также хороший датирующий материал, но она встречается довольно редко. Для общей оценки поселений этого этапа могут быть использованы и другие признаки: местоположение поселений, строительные остатки, орудия труда и оружие.

В залещицкой группе особое значение имеют такие памятники, как Залещики и Поливанов-яр, которые лучше всего представлены археологическим материалом.

---

[49] Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов-яр. КСИИМК, 27, 1951, стр. 41—63; ее же. Раннеземледельческие племена..., стр. 105 сл.; Т. А. Попова. Некоторые итоги палеоэтнографического изучения Поливанова-яра — многослойного памятника Триполья. Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии и антропологии АН СССР 1969, Л., 1970.

[50] К. К. Черниш. Дослідження трипільских поселень на середньому Подністров'ї в 1950—51 рр. АП УРСР, VI, 1956, стр. 145—148.

[51] Неопубликованные материалы с этих поселений хранятся в фондах ИА АН СССР.

[52] Т. Г. Мовша. Трипольское жилище на поселении Солончены II. ЗОАО, 1(34), 1961, стр. 231—248; ее же. Многослойное трипольское поселение..., стр. 91 сл.; ее же. О связях племен трипольской культуры..., стр. 186.

[53] Хочу выразить большую благодарность В. И. Маркевичу за возможность использовать материалы с поселений Флорешты-Заготзерно, Александрены, Воронково, Гармацкое и Мигулены.

[54] А. А. Кравченко. Археологічні пам'ятки в долинах річок Тростянець и Ягорлик. МАСП, III, 1960, стр. 169—171.

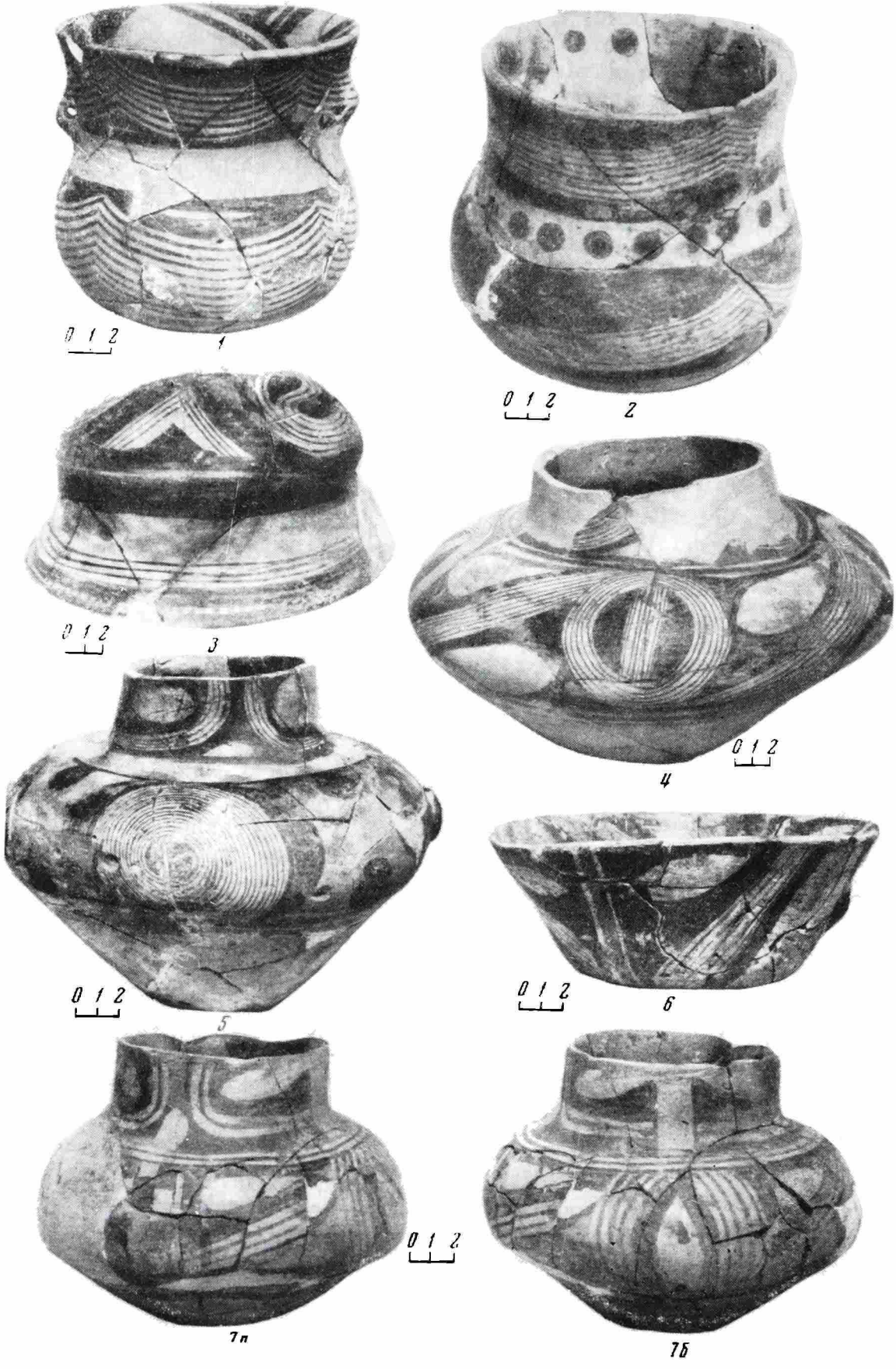


Рис. 2

1—7 — Залещики

Поселение Залещики Тернопольской обл. УССР было открыто Ю. Полянским и впоследствии обследовано О. Кандыбой[55]. Памятник находится на склоне левого низкого берега Днестра. Как установлено Молдавской археологической экспедицией, поселение в настоящее время уничтожено карьером[56]. К сожалению, результаты работ О. Кандыбы в Залещиках не было опубликованы, но, судя по отчету Ю. Полянского, можно, видимо, говорить, что здесь одновременно существовало два типа жилищ: «жилые ямы» и площадки[57]. Большинство находок — керамические изделия, среди которых первое место занимает расписная посуда[58]. Она изготовлена из хорошо отмученной глины, тщательно обожжена, цвет глины красновато-коричневый. Выделяются следующие формы керамики:

1. Кубки различных размеров ($H = 0{,}095—0{,}20$ *м*; $D_{макс} = 0{,}10—0{,}25$ *м*) с бомбовидным туловом, широким устьем, слегка отогнутым краем, иногда в форме воронки. Дно слабо профилировано по отношению к тулову, что является характерным для более древних кубков, часто на горле появляются горизонтальные ушки (рис. 2, *1*, *2*; 3, *2*; 4, *2*).

2. Грушевидные сосуды с высоким почти цилиндрическим горлом, слегка ломающимися плечиками и сфероконическим туловом (рис. 2, *4*, *5*). иногда слегка приплюснутым (рис. 2,*7*). Нередко по линии наибольшего диаметра тулова располагаются два ушка, просверленных вертикально.

Размеры сосудов: $H = 0{,}13—0{,}29$ *м*; $D_{макс} = 0{,}175—0{,}36$ *м*. 3. Шлемовидные крышки с полусферическим верхом и широкими полями (рис. 2, *3*), размеры: $H = 0{,}13$ *м*. $D_{устья} = 0{,}16—0{,}23$ *м*. 4) Миски со слегка отогнутыми наружу краями и маленьким ушком на тулове (рис. 2, *6*), размеры: $H = 0{,}10$; $D_{устья} = 0{,}24$ *м*. 5. Биноклевидный сосуд с цилиндрическим туловом сохранился частично (рис. 3, *1*).

Орнамент обычно не занимает всю поверхность сосуда, располагается поясами, которые часто разделены вертикальными лентами, образующими метопы (рис. 3, *2*). Нередко украшается не только внешняя, но и внутренняя поверхность сосуда. Орнаментальные композиции на зелещицкой посуде богаты и разнообразны. Выделяется несколько стилистических групп орнаментации керамики, характерных для переходного периода. В древней группе α представлены все три подгруппы. Поверхность кубка (рис. 2, *1*) членится на два орнаментальных пояса, причем для каждого характерен один и тот же мотив. Это — «гирлянды», исполненные черной краской по беловато-желтоватому ангобу сосуда, ленты, оставшиеся незакрашенными, заполняются тонкими параллельными красными линиями. Вся роспись исполнена в стиле α^1. Узор гирлянды чрезвычайно характерен для группы α и встречается на поселениях Траян[59], Фрумушика[60], Калу[61], Кривешь[62]. В стиле α^1 расписан и другой кубок (рис. 4, *2*), здесь в две метопы, разделенные диагональными лентами из тонких красных линий, вписывается по два «листика» в каждую. С похожей орнаментальной композицией мы сталкиваемся на других памятниках зелещицкой группы: в Выгнанке[63], Бильче-Сад[64].

---

[55] Ю. Полянский. Ук. соч., стр. 17 сл.; Богатейшая коллекция с поселения Залещики хранится во Львовском Историческом музее. Пользуюсь случаем выразить благодарность дирекции музея и заведующему археологическими фондами Р. С. Багрию за помощь в работе.

[56] Т. С. Пассек. Отчет о работе Молдавской экспедиции в 1960 г., Архив ИА АН СССР, д. Р-1, № 2406, стр. 6.

[57] Ю. Полянский. Ук. соч. стр. 17.

[58] Всего найдено около 460 целых сосудов и фрагментов. Расписная посуда составляет 97% от общего количества; керамика с ракушкой — 2,6% и керамика с углубленным орнаментом всего 0,4%.

[59] V. Dumitrescu. La station..., «Dacia», 1, 3, 4, 5, 7, 8, 10.

[60] C. Mătasă. Frumisica, табл. C.

[61] R. Vulpe. Les fouilles..., рис. 19, *5*, *6*.

[62] N. Zahaia, M. Petrescu-Dîmbovita, E. Zaharia. Aşezări din Moldova de la paleoletic pîna în secolul al XVIII-lea. Bucureşti, 1970. табл. XXXVI, *3*.

[63] Zb. W. XV, 1890, табл. III, *10*, *11*, *15*.

[64] Zb. W. XVIII, рис. 8, стр. 12.

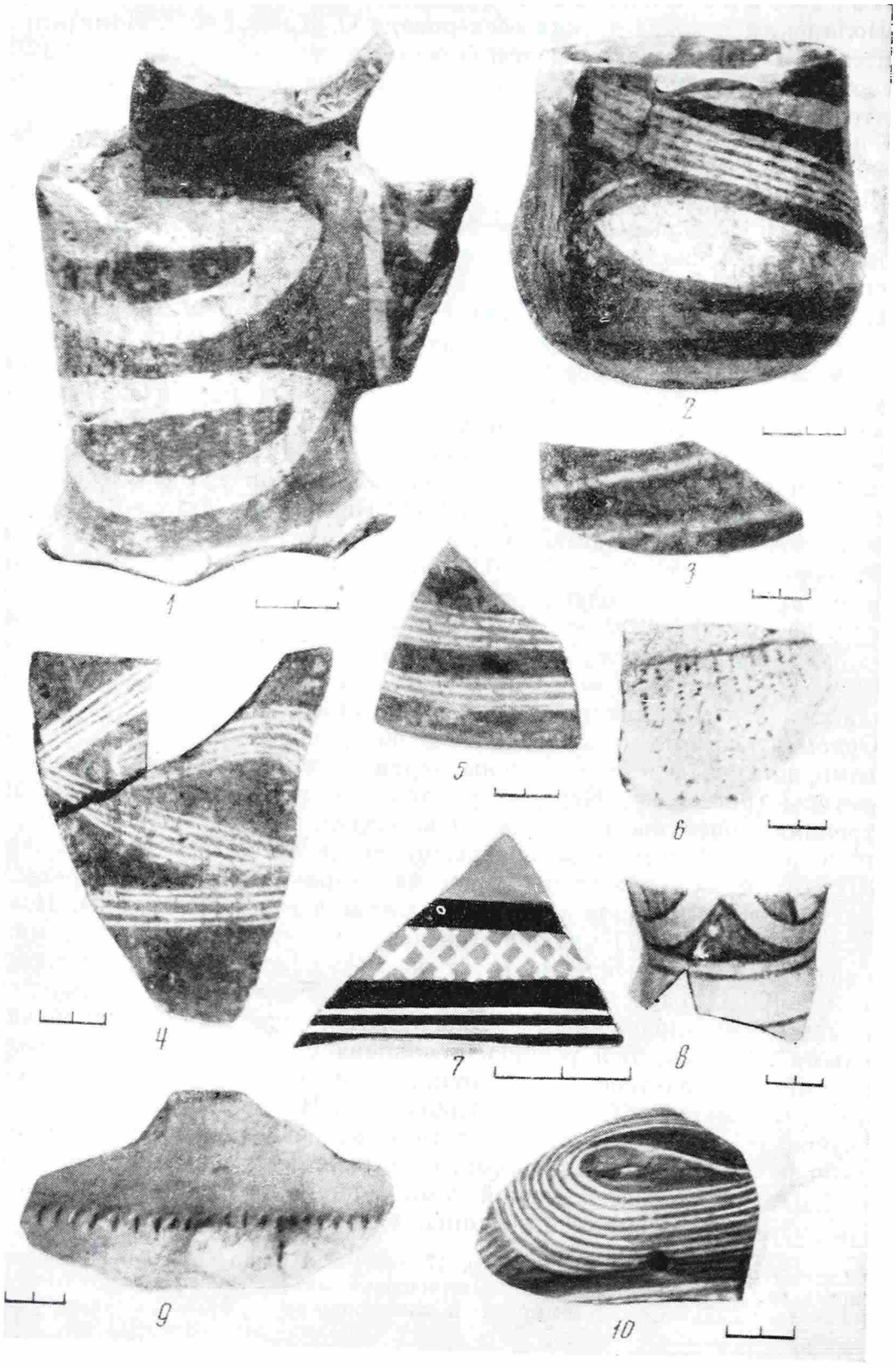


Рис. 3

1—6, 9 — Залепихи; *7, 8, 10* — Полизаново-яр

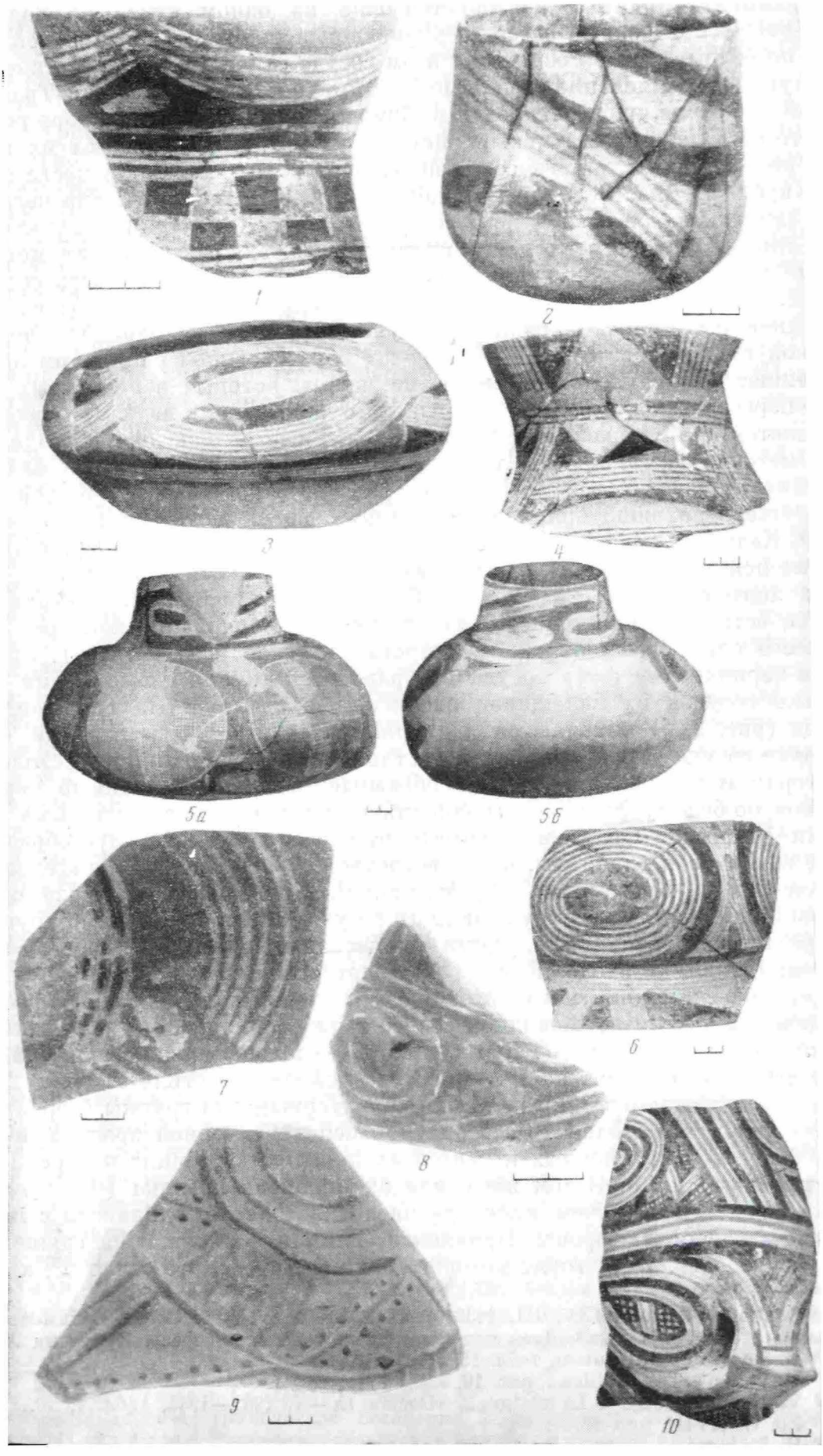


Рис. 4

1, 3—6 — Поливанов-яр; *2* — Залещики; *7—8* — Макарьевка; *9—10* — Солончены II

Орнамент гирлянды повторяется еще на одном кубке из Залещиков (рис. 2, *2*). Правда, здесь весь рисунок исполнен одной красной краской по белому фону. Роспись на этом сосуде относится к стилистической подгруппе α^3, выделенной впервые В. Думитреску на поселении Траян [65]. В этом же стиле орнаментирован и биноклевидный сосуд, в основе росписи которого лежит негативный рисунок овалов и разделяющих их поясков (рис. 3, *1*). К стилистической подгруппе α^3 мы склонны отнести орнамент кубка на рис. 3, *2*, где красной краской исполняется мотив негативных «листиков», черная краска появляется только в тонких параллельных линиях, в тангентах и вертикальных лентах, разделяющих метопы. Кроме указанных выше стилистических подгрупп α^1 и α^3 часть сосудов из Залещиков украшена в стиле α^2. Так, например, на кубке (рис. 5, *1*) в верхней части вновь появляется рисунок гирлянды, исполненный черной краской по красноватому ангобу сосуда, образовавшиеся при этом ленты заполняются параллельными линиями, концы которых в некоторых случаях пересекаются. В нижней части этого же кубка, в двух метопах изображаются две S-образные фигуры, положенные на бок, они и разделяющие метопы вертикальные ленты заполняются параллельными белыми линиями по фону, все остальное пространство закрашивается черной краской. Очень похожий орнамент S-образных фигур встречается в Кукутенах [66], Калу [67] и Траяне [68]. Стиль α^2 появляется и на других сосудах. Негативные ленты с подчеркивающими их белыми линиями чередуются с черными лентами (рис. 3, *5*) или свободно располагаются на поверхности сосуда, остальное пространство закрашивается черной краской (рис.3,*4*).

Всего один фрагмент орнаментирован в стиле β^2 (рис. 3, *3*), где по темно-коричневому фону сосуда изображаются тонкие белые линии. Несколько сосудов из Залещиков расписаны в стиле δ. На грушевидном сосуде (рис. 2, *5*) выделяются две орнаментальные зоны, верхний пояс по горлу сосуда украшен уже в известном стиле α^1, нижний — в стиле δ^1. На горле изображаются две дугообразные ленты, исполненные черной краской по белому фону, ленты заполняются тонкими параллельными красными линиями. Орнамент симметрично расположенных дугообразных лент, как и узор гирлянды, часто встречается в группе α на поселениях Бильче-Сад [69], Кукутени [70], Фрумушика [71], Кривешть [72] и Корлэтень [73]. Широкий пояс по тулову грушевидного сосуда заполнен четырьми кругами со срезанными вершинами, круги нарисованы черной краской. Два из них заполняются заходящими друг на друга волютами, а два других — концентрическими окружностями. Все эти элементы нарисованы красной краской. На другом грушевидном сосуде также совмещаются два орнаментальных стиля: горло расписано в стиле α^1 — рисунок аналогичен описанному выше, а орнамент на тулове сосуда исполнен в стиле δ^1 (рис. 2, *4*). Здесь мы встречаемся с чрезвычайно характерным для группы δ орнаментом «Tangentenkreisband». Весь рисунок исполнен черной краской по белому фону, только в кругах и тангентах появляются тонкие и параллельные красные линии. В том же стиле δ^1 украшена крышка (рис. 2, *3*) и миска (рис. 2, *6*), причем миска расписана абсолютно одинаково с внутренней и внешней стороны. Привлекает внимание рисунок на грушевидном сосуде (рис. 2, *7*), горло которого орнаментировано в стиле α^3, а рос-

---

[65] Şantierul Traian. SCIV, III, 1952, стр. 132, табл. VIII, *4*. Сосуд, орнаментированный в этом стиле, был найден под жилищами переходной фазы Кукутени А—В.

[66] H. Schmidt. Cucuteni, табл. 15, *3*.

[67] R. Vulpe. Les fouilles..., рис. 19, *5*.

[68] V. Dumitrescu. La station..., «Dacia» IX—X, 1941—1944, табл. I, *10*.

[69] Zb. W. XVIII, рис. 13.

[70] H. Schmidt. Cucuteni, табл. 13, *1*.

[71] C. Mătasă. Frumuşica, табл. XXXV, *281*.

[72] Zaharia şi altele, Aşezări..., табл. XXXVI, *1*.

[73] V. Dumitrescu. L'art néolithique en Roumaine, рис. 41; SCIV, II, 1951, стр. 73, рис. 19.

пись по тулову исполнена также красной краской по белому фону. Весь нижний пояс делится вертикальными лентами, заполненными шахматным узором, на две метопы, в которых появляется мотив Tangentenkreisband. Этот орнаментальный мотив находит близкие аналогии в подгруппе δ^{1a} в Траяне [74]. Всего несколько фрагментов из Залещиков расписано в стиле δ^4 черной краской по коричнево-красноватому ангобу сосуда. Вместе с расписной керамикой были найдены черепки с углубленным орнаментом, а также фрагменты с примесью в тесте ракушки (так называемые кухонные сосуды), орнаментированные зубчатым штампом (рис. 3. *6, 9*).

Поселение Поливанов-яр исследовалось в 1949 — 1951 гг. Трипольской экспедицией под руководством Т. С. Пассек [75]. Памятник располагается на высоком мысу правого берега Днестра. Всего экспедицией раскопана площадь около 560 *м*^{2}. В Поливановом-яру Т. С. Пассек выделяется три разновременных культурных горизонта. Самый древний (Поливанов-яр III) датируется этапом Триполья BI, средний горизонт (Поливанов-яр II) относится исследовательницей к Триполью BII, а верхний слой (Поливанов-яр I) к позднему периоду Триполья γI.

Для интересующей нас проблемы особое значение имеет средний горизонт Поливанова-яра. Толщина культурного слоя составляет примерно 0,6 *м*, здесь встречаются жилища только земляночного типа, иногда довольно больших размеров (8 × 4) [76]. Как отмечает Т. С. Пассек, в Поливановом-яру II была найдена расписная керамика, чрезвычайно напоминающая залещицкую [77]. Расписная посуда составляет около 60% от общего количества керамического материала, который сохранился довольно фрагментарно. Формы расписной посуды приближаются к залещицким. В росписи сосудов из Поливанова-яра встречаются различные орнаментальные стили. Так, на одном из кубков появляется хорошо знакомый рисунок «гирлянды», который исполняется в стиле α^1 (рис. 5, *3*). Чаще встречается стилистическая подгруппа α^2. На одном из сосудов негативные S-образные ленты, накладываясь друг на друга, образуют фигуру наподобие восьмерки (рис. 4, *3*). Изредка появляется и стиль α^3 (рис. 5. *2*). Здесь также в основе росписи лежит орнамент гирлянды (ср. рис. 2,*2*). На поселении найдена керамика, орнаментированная в стиле β^1, черными шашечками по белому полю (рис. 5, *5*). Гораздо чаще встречается роспись в стиле β^2 — рисунок исполняется белыми тонкими или широкими линиями по коричневому ангобу сосуда (рис. 5, *4*). На некоторых сосудах можно видеть два или несколько стилей орнаментации одновременно. Например, венчик расписан в стиле α^2, а горло и плечики в стиле β^2 (рис. 4, *1*).

Группа γ в Поливановом-яру II в своем классическом виде отсутствует, но здесь появляется стиль $\gamma^{2в}$, впервые выделенный В. Думитреску на материалах из Крутобородинцев I. Черная и белая краски в отличие от γ^2 как бы поменялись друг с другом местами и образовали новую стилистическую подгруппу $\gamma^{2в}$ [78]. Ярким образцом этого стиля орнаментации может служить рисунок на одном из фрагментов (рис. 3, *7*), где ряды X, исполненные белой краской по коричневому фону, заключены в черные широкие ленты. Похожий орнаментальный мотив встречается в Крутобородинцах I [79]. Очень часто в расписной керамике Поливанова-яра появляется стилистическая группа δ. Она лучше всего представлена стилем δ^{2a}. По формам и орнаментальным мотивам сосуды, расписанные в этом стиле, приближаются к группе β. Роспись наносится белой краской по естественному фону сосуда, затем все остальное пространство покрывается черным

---

[74] V. Dumitrescu. La station..., табл. X, *1*.

[75] Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов-яр. КСИИМК, XXXVII 1951, стр. 41 сл.; ее же. Раннеземледельческие племена..., стр. 101 сл.

[76] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие племена..., стр. 139.

[77] Там же, стр. 118.

[78] V. Dumitrescu. La station..., стр. 101.

[79] T. Passek. La céramique tripolienne, M—L, 1935, фронтиспис и табл. I, *9*, *10*.

Рис. 5

1 — Залещики; *2—5* — Поливанов-яр; *6—7* — Солончены II; *8* — Александрены; *9—10* — Флорешты-Заготзерно; *11* — Рашков. Роспись красным, естественный фон или красноватый ангоб сосуда показаны серым цветом

цветом, часто между лентами проглядывает фон сосуда. В некоторых случаях сначала рисуются черные ленты, а потом белые, иногда древний художник забывает их нанести (рис. 3. *10*). Очень часто этот стиль орнаментации сочетается со стилем $\gamma^{2в}$ (рис. 4, *6*). Наряду с подгруппой $\delta^{2а}$ в Поливановом-яру присутствует и подгруппа δ^2. Особенно наглядна в этом отношении роспись на одном грушевидном сосуде (рис. 4, *5*). Венчик и горло этого сосуда украшены в стиле $\delta^{2а}$, а тулово в стиле δ^2. В орнаментальный пояс по тулову сосуда вписываются круги с крестообразной фигурой в середине, которая в свою очередь заполняется сеткой из белых тонких линий. Подобный орнаментальный мотив несколько напоминает роспись на грушевидном сосуде из Залещиков, правда, здесь круги полностью заполняются сеткой из белых линий [80]. Среди других стилей группы δ в Поливановом-яру хорошо представлена подгруппа δ^3 (рис. 3, *8*). Новым в этой подгруппе является подражание технике росписи Триполья BI — рисунок исполняется темно-красной краской по коричневому фону сосуда и затем обводится тонкой черной линией. Стилистическая подгруппа δ^4 появляется в расписной керамике Поливанова-яра очень часто (рис. 4, *4*). Своеобразие этого орнаментального стиля заключается в том, что иногда вместо черной краски используется темно-красная.

Вместе с расписной керамикой на поселении найдены сосуды с углубленной орнаментацией и керамика с примесью в тесте измельченной ракушки, обычно она украшена жемчужным орнаментом, зубчатым или треугольным штампом или расчесами по венчику сосуда. Из форм наиболее характерны сосуды с прямым венчиком и закругленными плечиками [81]. Следует сказать несколько слов о статуэтках. Почти все они стоячие с конически суживающимися ногами, слитыми вместе, торс плоский с хорошо выраженными плечиками, тщательно моделирована головка. На статуэтках Поливанова-яра II сохраняется углубленная орнаментация [82] и роспись краской [83]. Близкие аналогии пластике Поливанова-яра имеются в Дымбул-Морий [84] и Траяне [85].

Другие поселения переходного периода залещицкой группы во многом напоминают Поливанов-яр и Залещики. В Выгнанке [86] и Васильковцах [87] почти вся керамика орнаментируется в стиле α и β, в Бильче-Саде [88] наряду с этими стилями доминирует группа δ. Эти же орнаментальные стили встречаются и на остальных поселениях в Кишле-Неджимовой, Рестеве, Бабино [89] и Макарьевке (4, 7, 8). Расписная посуда на этих поселениях обычно сопровождается керамикой с углубленным орнаментом и керамикой с примесью в тесте ракушки. В одном случае в землянке на поселении Бабино вместе с расписной керамикой был найден фрагмент сосуда, орнаментированный широкими каннелюрами [90].

Обобщая наши наблюдения над памятниками залещицкой группы, следует отметить, что, несмотря на их большое сходство, имеются и некоторые отличия. Так, например, в Залещиках в расписной керамике лучше всего представлена древнейшая группа α (все стили), хуже подгруппы δ^1 и $\delta^{1а}$, очень редко группа β и подгруппа δ^4. В Поливановом-яру мы

---

[80] Ю. Полянский. Ук. соч., рис. XI, *1*. Этот сосуд хранится в Каменец-Подольском историко-краеведческом музее.

[81] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие племена..., рис. 31, *1—5*.

[82] Две статуэтки с углубленным узором из нижнего слоя Поливанова-яра (Т. С. Пассек. Раннеземледельческие племена..., рис. 22, *7*, *8*). Т. А. Попова считает правильным относить к среднему слою поселения. Любезное сообщение Т. А. Поповой.

[83] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие племена..., рис. 32, *1*.

[84] M. Petrescu-Dimboviţa. Cucuteni, рис. 34.

[85] V. Dumitrescu. La station..., табл. 10, *2*.

[86] Zb. W., XV, 1890, рис. 10, 11, 15.

[87] Zb. W., XIV, табл. II.

[88] Zb. W. XVIII, рис. 4—13.

[89] Е. Черныш. Дослідження трипільских..., стр. 147, табл. I, рис. 49, *14*, *19*.

[90] Там же, табл. I, *23*.

встречаемся с несколько иной картиной: чаще всего появляется группа δ (почти все стили орнаментации), реже группы α и β, представлена и подгруппа $\gamma^{2в}$, отсутствующая в Залещиках. Кроме того, в Поливановом-яру в отличие от Залещиков керамика с ракушкой часто орнаментируется расчесами по венчику.

Все это заставляет нас признать бóльшую древность поселения Залещики по сравнению с Поливановым-яром. Выделение более ранних памятников в залещицкой группе: Залещики, Выгнанка, Васильковцы, Бабино (керамика орнаментируется чаще всего в стиле α и β, группа δ встречается редко или отсутствует) — позволяет сопоставить их с памятниками Кукутени А—В/1 — Корлэтень, Дымбул-Морий. Остальные поселения этой группы: Поливанов-яр, Крутобородинцы I, Бильче-Сад, Макарьевка, Рестев (доминируют группы γ и δ, орнаментация в стиле α и β появляется довольно редко или отсутствует; в кухонной керамике с ракушкой, кроме орнаментации зубчатым штампом, жемчужным орнаментом, встречается украшение расчесами по венчику) можно синхронизировать с Кукутени А—В/2 — Хуши и Траян. Следует иметь в виду, что на памятниках залещицкой группы, в отличие от румынских поселений переходного времени Кукутени А—В, в кухонной керамике с ракушкой отсутствует орнаментация шнуром, здесь также сохраняется посуда с углубленным орнаментом, которая исчезает на Днестре только на этапе Триполья BII.

Солончepisкая группа — переходного этапа. Памятники этой группы располагаются в основном на территории Молдавской ССР, в Рыбницком, Резинском и Флорештском районах. Подобная локализация по отдельным районам связана прежде всего с широкими археологическими исследованиями, которые здесь были проведены. Особый интерес вызывает многослойное поселение Солончены II в Резинском районе Молдавии. Оно исследовалось в 1952—1953 гг. Т. С. Пассек, и 1955—1956, 1959 гг. Т. С. Пассек и Т. Г. Мовшей [91]. Общая вскрытая площадь поселения равна 700 $м^2$. В Солончепах II стратиграфически прослеживается залегание трех культурных горизонтов. Древнейший слой, относящийся ко времени Триполья А, прослежен лишь в некоторых местах и незначителен. Средний горизонт датируется Т. Г. Мовшей переходным этапом Триполья BI — BII, а верхний слой относится к позднему этапу Триполья γII [92].

Особенный интерес для нас представляет средний горизонт Солончен II, являющийся наиболее мощным (средняя толщина слоя около 1,80 *м*). Здесь встречаются площадки прямоугольной формы и полуземлянки, последние иногда перекрыты глинобитными жилищами. Комплексы находок, как отмечает Т. Г. Мовша, с площадок и полуземлянок идентичны [93]. Самую многочисленную группу находок в Солончепах II, 2 составляет расписная керамика. Среди форм различаются кубки с бомбовидным туловом, иногда с двумя горизонтальными ушками на горле (рис. 6, *1, 4—6*), крышки, подставки (рис. 6, *2*), грушевидные сосуды на поддонах, открытые чаши на кольцевых подставках, миски [94]. Орнамент покрывает практически всю внешнюю поверхность сосуда, а в некоторых случаях и внутреннюю. Часто роспись на солончепской посуде исполняется еще в старой технике, характерной для Триполья BI. К примеру на одном из черепков изображается рисунок заходящих друг на друга спиралей, исполненный черной и белой красками по красноватому ангобу (рис. 5, 6). Эта же техника росписи применена и на других сосудах (рис. 6, *2*), орнамент состоит из овалов, дуговидных и горизонтальных

[91] Т. Г. Мовша. Трипольское жилище..., стр. 231 сл.; ее же. Многослойное поселение..., стр. 91 сл.

[92] Там же, стр. 100.

[93] Там же, стр. 92.

[94] Там же, стр. 94.

Рис. 6

1—6 — Солончены II (по Т. Г. Мовше)

лент, закрашенных белой краской и обрамленных черными лентами. Промежутки между овалами и лентами остаются незакрашенными. Рисунок, исполненный подобным образом, напоминает группу АВα В. Думитреску в Траяне [95]. В Солончены II, 2 встречается древнейшая стилистическая группа $\alpha\alpha^1$, выделенная И. Нестором на поселении Шипенцы (древний горизонт А) [96]. На белый фон сосуда (рис. 6, *1*) черной краской наносится рисунок спиралей, затем все свободное пространство между спиралями заполняется тонкими красными линиями [97]. В расписной керамике Солончен II, 2 хорошо представлена группа α. К примеру, в стиле α^1 расписан кубок (рис. 5, *7*), сохранившийся фрагментарно. Рисунок исполняется черной краской по беловатому фону сосуда, образовавшийся при этом орнамент «лабиринт» подчеркивается красными линиями. На внутренней стороне сосуда в его верхней части нанесены вертикальные белые ленты с черным окаймлением, которые изображаются в технике, характерной для Триполья BI. Сосуществование этих двух разных стилей орнаментации на одном сосуде подтверждает мысль Х. Шмидта, что группа α еще тесно связана с керамикой Кукутени А (Триполье BI) [98]. Остановимся на другом рисунке, исполненном в стиле α, на крышке (рис. 6, *3*). Орнамент заходящих друг на друга спиралей свободно располагается по всей поверхности сосуда [99], спирали, нарисованные черной краской по белому фону, заполняются параллельными красными линиями, а свободное пространство между спиралями покрывается сеткой из красных линий. Очень часто в этой группе расписной керамики промежутки между лентами не заливаются черной краской, а заполняются сеткой из черных или красных линий (рис. 4, *10*). Этот новый вариант группы α представляется возможным обозначить как стиль α^{1a}, подобно подгруппе α^{2a} В. Думитреску [100].

Значительную группу находок составляет посуда, расписанная в стиле δ^4 черной краской по естественному фону или красноватому ангобу сосуда (рис. 6, *4—6*). Роспись выполнена по всей поверхности сосуда, заходя на дно. В орнаментальных композициях встречаются тангенты, круги, овалы, ряды Х. Последний элемент орнамента впервые появляется в подгруппе γ^2 в Кукутенах и затем продолжает существовать в группе δ [101]. Этот же орнаментальный мотив часто появляется на посуде с поселения Крутобородинцы I и Поливанов-яр.

Вместе с расписной керамикой в Солончены II, 2 была найдена посуда с углубленным орнаментом, часто в сочетании с росписью в 2—3 краски. В этих случаях рисунок исполняется в технике Триполья BI. Кроме довольно многочисленной группы кухонной керамики с грубой шероховатой внешней поверхностью, в Солончены II представлена и другая категория кухонной посуды с примесью в тесте измельченной ракушки и орнаментированной оттисками зубчатого штампа или ногтевым орнаментом [102]. Эта керамика не имеет генетических корней в Триполье и проникла сюда из степных районов Среднего Приднепровья [103]. Очень показательна и антропоморфная пластика среднего горизонта Солончен II. Статуэтки стоячие с ногами, слитыми вместе, торс плоский [104]. Поверх-

[95] V. Dumitrescu. La station.., табл. I, *1*, *2*.

[96] I. Nestor. Ceramique peinte de style ancien à Şipenit (Bucovine), «Dacia», V—VI, 1935—1936, стр. 121.

[97] В. Думитреску считает, что группа αα может быть и варинтом Кукутени А, так как она иногда встречается в конце этой фазы. См. V. Dumitrescu. La station préhistorique..., стр. 92.

[98] H. Schmidt. Cucuteni, стр. 75.

[99] Этот орнамент часто появляется в группе γ на поселении Траян (V. Dumitrescu. La station préhistorique..., табл. VI).

[100] Там же, стр. 49.

[101] H. Schmidt. Cucuteni..., 13, 8.

[102] Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры..., стр. 189, рис. 3.

[103] Там же, стр. 197.

[104] Т. Г. Мовша. Трипольское жилище..., стр. 247, рис. 9.

ность фигурок украшается углубленными линиями, сходящимися под углом и образующими заштрихованные треугольники. Подобный орнамент является характерным для пластики Триполья BI [105]. На некоторых статуэтках сохранились следы росписи красной и белой краской [106].

Другие памятники солончснской группы имеют много общих черт с Солончснами II. Поселение Флорешты-Заготзерно находится на высокой пойме реки Реута. Оно было открыто В. И. Маркевичем и в 1959 г. обследовано Молдавской археологической экспедицией. В результате зачистки берега реки была найдена землянка глубиной до 1,5 *м* [107]. На поселении встречается посуда с трехцветной и двухцветной росписью, с углубленным орнаментом, иногда в сочетании с росписью, фрагменты кухонных сосудов с ракушкой, украшенных зубчатым штампом или углубленными линиями [108]. Расписная керамика орнаментирована в стиле α^{1a} (рис. 5, *9*), δ^4 (рис. 5, *10*). Статуэтки украшены, подобно фигуркам из Солончен II, углубленными линиями по всей поверхности.

Другое интересное поселение Перликани Краснооктянского района Одесской области было исследовано А. А. Кравченко в долине р. Тростянец, впадающей в Днестр. Из материалов, собранных экспедицией, можно отметить несколько фрагментарно сохранившихся сосудов, расписанных в стиле α^1 и δ^4 [109]. Любопытна керамика с углубленным орнаментом [110], где тонкие параллельные линии обрамляются с двух сторон точками, совершенно так же, как в Солончснах II (ср. рис. 4, *9*). Керамические материалы с поселений Александрены (стиль α^1 — рис. 5, *8*), Рашков (стиль α^{1a} — рис. 5, *11*), Подойма, Воронково, Мигулены, Гармацкое также имеют большое сходство с Солончснами II, 2. На этих памятниках вместе с расписной посудой была найдена керамика с углубленным орнаментом, кухонная с ракушкой, а в некоторых случаях каннелированная (Александрены, Мигулены).

Солончснская группа памятников несколько отличается от залещицкой группы и поселений переходной фазы Кукутени А—В на территории Румынии. Это выражается прежде всего в том, что здесь наряду с доминирующими элементами, характерными для переходного периода Триполья BI—BII (Кукутени А—В), продолжают бытовать традиции Триполья BI: сохраняются формы грушевидных сосудов на подставках, чаши на поддонах, подставки; в орнаментации роспись часто исполняется в технике, типичной для Триполья BI; в кухонной посуде преобладает керамика с грубой шероховатой поверхностью (Солончены II). Генетически поселения солончснской группы следует связывать с поселениями конца этапа Триполья BI — Журы, Попенки, Гаяны [111]. В керамическом материале этих памятников можно проследить зарождение новых черт переходного этапа Триполья BI—BII: бихромия, обычно черным по белому, деление на орнаментальные пояса; часто на одном сосуде новый стиль орнаментации совмещается с росписью, характерной для Триполья BI, что было отмечено еще Р. Вульпе [112]. Близкие аналогии Журам имеются в памятнике Кукутени А, Дрэгушень «Дял ла Лутэрие», где некоторые сосуды по своей орнаментации приближаются к росписи фазы Кукутени

---

[105] Т. Г. Мовша. Об антропоморфной пластике трипольской культуры, СА, 1969, 2, стр. 26, рис. 6.

[106] Там же, стр. 22, рис. 3, *3*.

[107] Т. С. Пассек. Отчет о работе Молдавской экспедиции ИА АН СССР в 1959 г. Архив ИА АН СССР, дело Р-1, № 2150, стр. 26—27.

[108] Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры...., рис. 7, *9*.

[109] А. А. Кравченко. Археологічні памятки...., стр. 170, рис. 2, *д*, *е*.

[110] Там же, рис. 3, *д*.

[111] С. Н. Бибиков. Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 году. КСИИМК, 56, 1954, стр. 104 сл.

[112] R. Vulpe. Izvoare, стр. 207, прим. 8.

А—В [113]. Многие стили орнаментации переходного периода тесно связаны еще с Трипольем BI. Так, например, стилистические подгруппы α, α^1, α^2, α^3 впервые встречаются в конце периода BI на памятниках Шипенцы (древний горизонт А) [114], Незвиско, Журы, Дрэгушень ла Лутэрие [115], Феделешень [116].

Таким образом, все известные памятники переходного периода Триполья BI—BII (Кукутени А—В) могут быть разделены на две группы: 1 — залещицкая, 2 — солончснская. В первой группе были выделены более ранние поселения (Выгнанка, Васильковцы, Залещики), они могут быть сопоставлены с памятниками Кукутени А—В/1; остальные поселения этой группы (Поливанов-яр, Бильче-Сад) синхронизируются со вторым этапом Кукутени А—В. Солончснская группа, как было показано выше, несколько отличается от залещицкой. Здесь в гораздо большей мере сохраняются элементы, характерные для Триполья BI. Это позволяет нам сравнивать памятники солончснской группы с поселениями Кукутени А—В/1. В целом схема синхронизации трипольских и кукутенских памятников может выглядить следующим образом:

Памятники и Кукутени	Трипольские поселения Пруто-Днестровского междуречья
Кукутени В	Триполье γ1 (Варваровка)
(Кукутени — Бэйчень, Валя — Лупулуй)	Триполье BII (Незвиско, Петрены)
Кукутени А — В/2 (Траян)	Триполье BI — BII/2 (Поливанов-яр II)
Кукутени А — В/1 (Корлэтень)	Триполье BI — BII/1 (Солончены II, 2, Залещики)
Кукутени А (Хэбэшешть)	Триполье BI (Поливанов-яр III)

Пока еще неизвестны поселения переходного этапа Триполья BI—BII на Южном Буге и Днепре [117]. Дальнейшие исследования в Молдавии и на Украине дадут более полную картину этих памятников на территории СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стилистические группы орнаментации расписной керамики по Г. Шмидту, И. Нестору и В. Думитреску

АВα Орнамент рисуется белой краской по красноватому фону сосуда и обводится черной краской. Толщина черных линий почти равняется белым.

$\alpha\alpha^1$ Белый ангоб покрывает всю поверхность сосуда, белые ленты образовываются двумя параллельными черными линиями; свободное пространство между лентами заштриховано красными линиями.

$\alpha\alpha^2$ По красноватому фону роспись исполняется двумя параллельными черными линиями с белым окаймлением; свободное пространство покрывается белой штриховкой. Техника орнаментации в группах АВα, αα еще очень напоминает роспись на посуде Триполья BI (Кукутени А), излюбленными орнаментальными мотивами являются негативные S-образные спирали, которые располагаются свободно по всей поверхности сосуда.

α^1 Вся поверхность покрыта белой краской. Роспись исполняется черной краской, белые ленты, оставшиеся незакрашенными, заполняются красными линиями.

---

[113] A. Crişmaru. Contribuţii..., рис. 4, *1*, *4*; 5, *1*; 7, *2*.
[114] O. Kandiba. Schipenitz..., рис. 151—175.
[115] A. Crişmaru. Contribuţii..., рис. 6, *6*; 7, *12*; 8, *5*.
[116] V. Dumitrescu. Origini et évolution..., стр. 17.
[117] На поселении Клищев Тиврийского района Винницкой области была найдена полихромная керамика, очень напоминающая расписную посуду Триполья BI—BII. Сообщение И. И. Зайца на Украинской археологической конференции 1970 г. в г. Ужгороде.

α^2 По красноватому фону роспись наносится черной краской, образовавшиеся при этом ленты заполняются белыми линиями.

α^{2a} В этой подгруппе, в отличие от стиля α^2, свободное пространство между лентами закрашивается не полностью и покрывается штриховкой из черных линий.

α^3 Роспись производится одной красной краской по белому фону. Для группы α очень характерны орнаментальные мотивы «гирлянды», S-образных фигур и другие.

β^1 Сосуд покрыт белой краской, роспись исполняется черной краской.

β^2 Вся поверхность сосуда покрыта черным или коричневым ангобом. Роспись наносится белой краской. В этой группе впервые появляется новая форма спирали — волюта, которая может быть одиночной, обратнобегущей, или образовывает ряды связанных спиралей.

γ^1 По красноватому фону сосуда роспись исполняется черной краской, образовавшиеся при этом ленты заполняются 4—6 параллельными тонкими черными линиями. Все остальное пространство закрашивается белой краской. Здесь белый цвет играет вспомогательную роль.

γ^2 В этой подгруппе белая краска не является второстепенной; она выполняет не роль фона, как в γ^1, а рисунка, как бы повторяя орнаментальные мотивы, исполненные черной краской.

γ^{2a} Здесь впервые появляются белые линейные ленты по фону сосуда, которые являются характерными для стиля α^2. Они существуют вместе с черными линейными лентами.

γ^{2b} Фон естественный или покрыт красноватым ангобом. Белые линейные ленты меняются с широкой черной лентой. Здесь, в отличие от γ^2, черный и белый цвета как бы поменялись местами и образовали новую стилистическую подгруппу.

γ^3 Позитивный орнамент полностью переходит в негативный. Белые ленты лежат в основе орнаментальных мотивов, все свободное пространство заштриховывается черными линиями по фону сосуда. Основными орнаментальными мотивами для группы γ являются S-образные спирали, часто заходящие друг на друга, волюты, меандры. В подгруппе γ^2 впервые появляются ряды x, а в γ^3 — «Tangentenkreisband».

δ^1 По белому фону роспись наносится черной и красной красками, иногда только черной краской.

δ^{1a} Роспись красной краской по белому фону, черная краска появляется очень редко.

δ^2 По естественному фону роспись исполняется черной, иногда красной красками. Белые штрихи, ряды точек оживляют рисунок.

δ^{2a} Роспись наносится белой краской по естественному фону сосуда, затем все остальное пространство покрывается черной краской, часто между лентами проглядывает фон сосуда. В некоторых случаях сначала рисуются черные ленты, а потом белые.

δ^3 По естественому фону или красочному ангобу роспись исполняется черной и красной красками, белый цвет не встречается.

δ^4 Роспись черной краской по естественному фону или красочному ангобу. Приближается к группе ε. Чаще всего в группе δ встречаются орнаментальные мотивы «Tangentenkreisband», «бегущая» спираль, волюты, перекрещивающиеся параллельные линии. Система росписи в подгруппе δ^{2a} сильно отличается от основных мотивов группы δ, стиль δ^{2a} напоминает орнаментацию группы β.

ε Рисунок наносится черной краской по красноватому ангобу или естественному фону сосуда. Эта орнаментальная группа отличается от стиля δ^4 по формам некоторых сосудов и орнаментальным мотивам. Для орнаментальных композиций очень характерны заходящие друг на друга S-образные спирали, волюты, «Tangentenkreisband». В конце стилистической группы ε многие орнаментальные мотивы распадаются, возникают самостоятельные элементы и все труднее проследить взаимосвязь с первоначальным орнаментом.

ζ В орнаментальных лентах, исполненных черной краской по естественному красноватому ангобу, появляется красная краска и очень редко белая. В этой группе происходит полный распад старой спиральной орнаментации.

N. M. Vinogradova

LES MONUMENTS DE L'ETAPE TRANSITOIRE DE TRIPOLIE BI—BII DECOUVERTS DANS LES REGIONS DU DNIESTER

Résumé

De neuvelles recherches archéologiques effectuées sur le territoire de l'Ukraine et sur celui de la Moldavie permettent de préciser actuellement la division en période des monuments au type de Tripolié trouvés dans les régions situées au cours du Dniester. On a réussi à situer es sites revêtant des analogies aux monuments de Cucuteni A—B en Roumaine à une étape de passage de la culture de Tripolié BI—BII (selon la division en périodes proposée par T. S. Passek). L'analyse des matériaux provenant des cites rattachés à l'étape de transition donne lieu à parler de deux groupes de monuments: 1)celui de Zalechtchiki en Ukraine occidentale et 2) celui de Solontchény en Moldavie. On dégage, dans les cadres du groupe de Zalechtchiki qui est mieux étudié à présent, les cites plus anciens dont Vygnanka, Vassilkovtsy, Zalechtchiki (on peut les comparer aux monuments de Cucuteni A—B/1 en Roumaine) et les cites plus tardifs, notamment Polivanov-yar, Kroutoborodinzy 1) synchrones à ceux de Cucuteni A—B/2. Les monuments du groupe de Solontchény correspondent aux sites de Cucuteni A—B/1. Les monuments de l'étape BII de la culture de Tripolié que l'on compare généralement aux cites de Cucuteni A—B sont à estimer comme contemporains à ceux de Cucuteni B.

А. И. МЕЛЮКОВА

О ДАТИРОВКЕ И СООТНОШЕНИИ ПАМЯТНИКОВ НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЛЕСОСТЕПНОЙ МОЛДАВИИ

В течение последних пяти лет в румынской литературе появилось несколько публикаций вновь открытых в Подунавье и Добрудже памятников гальштатского периода, а также статьи, подводящие некоторые итоги изучения культур раннего железного века Румынии. Так, благодаря исследованиям А. Вульпе [1] и В. Думитреску [2], достаточно полно представлена теперь культура Басараби, непосредственно предшествовавшая памятникам скифского периода. Работами С. Моринца открыта и начинает определяться неизвестная ранее группа памятников типа Бабадаг, названная по месту первых раскопок на поселении у с. Бабадаг в Добрудже [3].

Исследования румынских археологов имеют большое значение для изучения истории племен, населявших в предскифский период не только Румынию, но и территорию Молдавской ССР, в первую очередь ее лесостепную область, поскольку там известны памятники, аналогичные или близкие к румынским.

В свое время (1958 и 1961 гг) мною были выделены и описаны три группы памятников конца эпохи бронзы — начала железного века в лесостепной Молдавии [4]: 1 — типа поселения под Кишиневым; 2 — типа поселения и могильника у с. Шолданешты и 3 — типа поселений Сахарна-Солончены. Две первые группы рассматривались как относящиеся к культуре фракийского гальштата Карпато-Дунайского района и датировались: первая — IX — VIII вв., вторая — VIII — VII вв. до н. э. Третья группа памятников сопоставлялась с позднечернолесскими и жаботинскими памятниками правобережной лесостепной Украины и датировалась началом VII — первой половины VI в. до н. э. При описании группы особое внимание было обращено мною на отсутствие интенсивных связей в этот период между населением Поднестровья, с одной стороны, и Подунавья — с другой. Соответственно с приведенной хронологией группы памятников рассматривались как сменявшие друг друга и отражавшие определенные этапы в развитии материальной культуры местного населения, фракийского по своей этнической принадлежности.

Последние исследования румынских археологов, новые археологические материалы с территории Молдавской ССР, а также работы совет-

[1] A. Vulpe. Zur mittleren Hallstattzeit in Rumânien. (die Basarabi-Kultur). «Dacia», нов. сер., IX, 1965, стр. 105—132.

[2] V. Dumitrescu. La nécropole tumulaire du premiere âge du fer de Basarabi (Dép. de Dolj, Olténie). «Dacia», нов. сер., XII, 1968, стр. 261—304.

[3] S. Morintz. Quelques probléme concernant la période ancienne du Hallstatt au Bas-Danube à la lumiere de fouilles de Babadag. «Dacia», нов. сер., VIII, 1964, стр. 101—132.

[4] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1958, стр. 51 сл.; ее же. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, 96, 1961, стр. 35 сл.

ских ученых по уточнению хронологии предскифского периода в Северном Причерноморье заставляют внести некоторые изменения в предложенные ранее датировки и интерпретацию групп памятников. Статья, посвященная этому вопросу, одновременно преследует цель показать соотношение памятников лесостепной Молдавии с синхронными памятниками Румынии, с одной стороны, и Украины — с другой. На характеристике групп специально останавливаться здесь не имеет смысла, так как новые материалы не меняют ранее сказанного об особенностях каждой из них.

Памятники первой группы (типа поселения под Кишиневым) в свое время были сопоставлены мною с памятниками белозерского этапа культуры поздней бронзы степного Северного Причерноморья и на этом основании отнесены к IX — VIII вв. до н. э. Признавая это хронологическое соответствие, А. И. Тереножкин при уточнении датировки белозерского этапа внес исправление в предложенную мною хронологию и датировал белозерский этап, а также Кишиневское поселение вместе с предшествующим ему поселением в Голерканах XI—IX вв. до н. э.[5].

А. М. Лесков при изучении бронзовых кладов степного Северного Причерноморья пришел к выводу, что XI в. до н. э. был переходным от сабатиновского к белозерскому этапу. Основное же время белозерских памятников приходится на X — IX вв. до н. э., а конец его может заходить в начало VIII в. до н. э.[6]. Поскольку бронзовый миниатюрный черенковый кинжал с прямыми лезвиями с поселения под Кишиневом входит в число характерных для основных комплексов белозерского этапа, то, по А. М. Лескову, Кишиневское поселение должно принадлежать к X — IX вв. до н. э., а поселение в Голерканах — к XI в. до н. э. Придерживаясь этой новой хронологии эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья, лучше согласующейся с хронологией материалов из Центральной и Юго-Восточной Европы, вместе с тем замечу, что отнесение начала культуры фракийского гальштата в лесостепной Молдавии к XI в. до н. э. вызывает у меня сомнения. По-прежнему считая, что поселение в Голерканах несколько предшествовало памятникам кишиневского типа, я думаю, что сколько-нибудь значительной разницы во времени между ними не существовало. Небольшой и, очевидно, далеко неполный комплекс находок из сильно разрушенного поселения у с. Голерканы не содержит предметов, точно датирующих этот памятник[7]. Бронзовая булавка оттуда (рис. 1, *1*), судя по венгерским аналогиям, может относиться к большому промежутку времени, от конца бронзы (ВД) до гольштата *B*, т. е. от XIII до IX в. до н. э.[8].

В керамике из Голеркан, в отличие от найденной в поселениях кишиневского типа, содержится лишь небольшой процент сосудов, главным образом мисок и чаш, украшенных каннелированным орнаментом. Однако характерные для поселения в Голерканах черпаки и чаши с глубоким прочерченным орнаментом (рис. 1, *3*, *7*) близки к найденным на поселении у с. Тудорово на Нижнем Днестре, которое относится к белозерскому этапу. Там же и на ряде других поселений этого времени встречаются аналогичные происходящие из Голерканского поселения черпаки, украшенные небольшими налепами (рис. 1, *5*)[9]. Еще более показательны на-

[5] А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1, стр. 63 сл.

[6] А. М. Лесков. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР», Киев, 1967, стр. 145—154.

[7] Т. С. Пассек. Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 г. Изв. Молд. ФАН СССР, 4(31), Кишинев, 1956, стр. 24 сл., рис. 1; А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 52 сл., рис. 10.

[8] E. Patek. Die urnenfelder-kultur in Transdanubien. Budapest, 1968, табл. XXVIII, *49*; XXIX, *18*; XLVII, *2*; XVIII, *12*.

[9] А. И. Мелюкова. Работы в Поднестровье в 1958 г., КСИА АН СССР, 84, стр. 121, рис. 45, *1—3*.

ходки нескольких фрагментов чаш или черпаков с глубоким прочерченным узором на поселении у с. Балабанешты, основной комплекс керамики которого не отличается от найденных на Кишеневском и Лукашевском поселениях (рис. 2) [10]. Элементы культуры ноа, хорошо прослеживаемые в простой, нелощеной посуде, с поселений под Кишиневом [11] и в Балабанештах (рис. 2, *3*, 3, *10—11*), не позволяют растягивать на целое столетие переходный период от культуры ноа к культуре фракийского гальштата и относить поселения в Голерканах к XI в. до н. э. Все это заставляет предполагать, что Голерканское поселение также должно от-

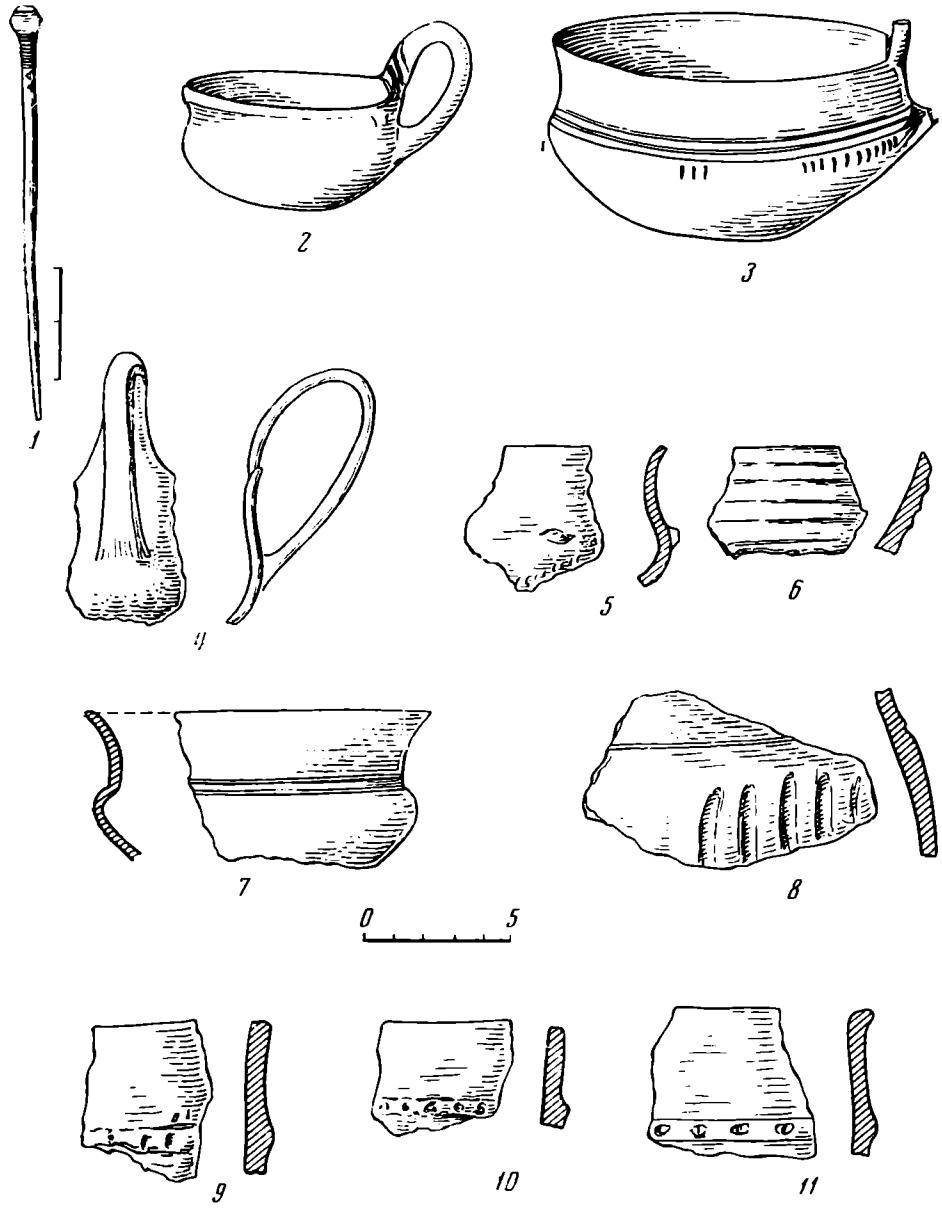


Рис. 1. Бронзовая булавка и керамика с поселения у с. Голерканы

носиться к основному периоду существования белозерского этапа, может быть, к его началу,— X в. до н. э.

По-видимому, очень скоро вслед за ним в пределах того же X в. до н. э. в Молдавии появились поселения кишиневского типа с характерным для них комплексом посуды, типичным для культуры фракийского гальштата. Датировка памятников кишиневского типа X — IX вв. до н. э. подтверждается костяным псалием с тремя продолговатыми отверстиями, найденным на поселении под Кишиневом (рис. 3, *2*). Наиболее близкие параллели ему имеются в псалиях, из землянки № 8 на Субботовском

[10] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., рис. 12—13.
[11] А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода..., рис. 16, 17, 20—24.

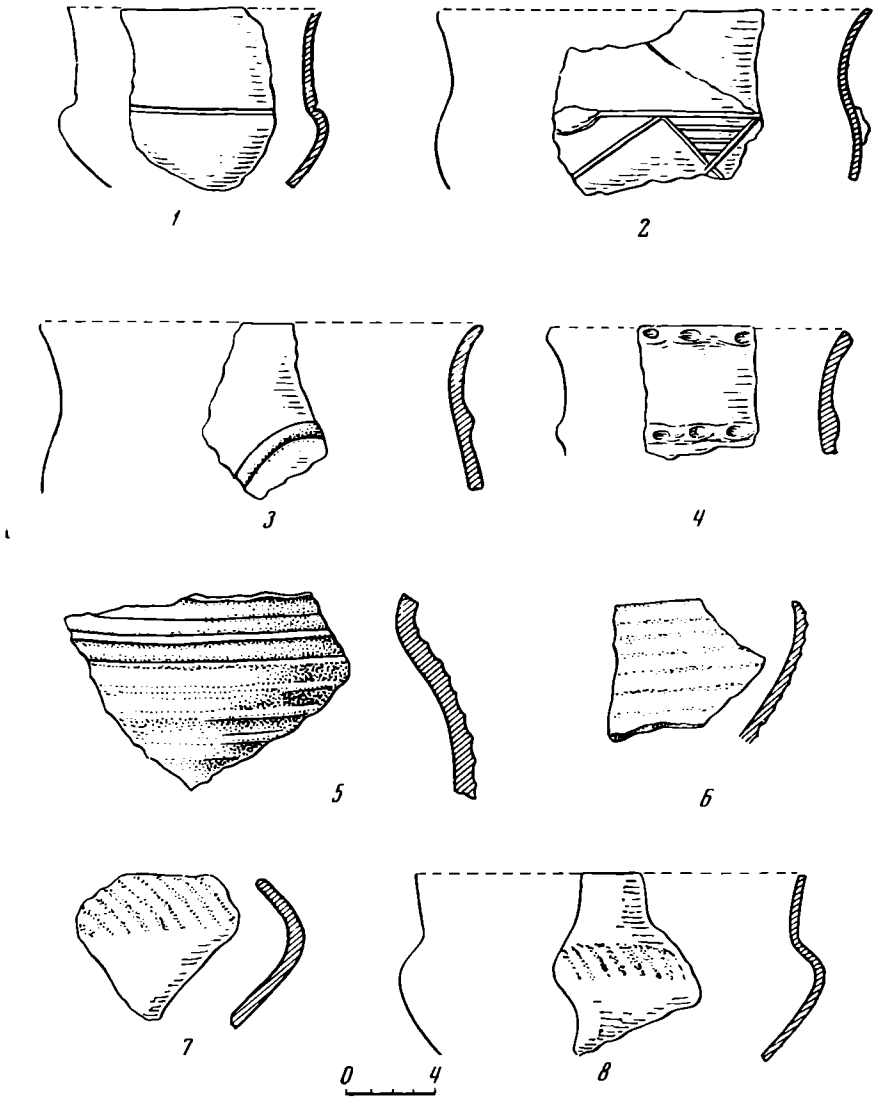


Рис. 2. Керамика с поселения у с. Балабанешты

городище первой ступени чернолаковой культуры и Усатовского поселения [12]. Несколько более широкие хронологические границы (XI — IX вв.) имеет фибула из Лукашевки (рис. 3, *3*) [13]. А. И. Тереножкин датирует первый этап чернолесской культуры вместе с белогрудовскими памятками XI — IX вв. до н. э. Однако упомянутые выше псалии типологически близки к псалиям, характерным для следующей, второй ступени чернолесской культуры и предскифских памятников степной Украины [14]. Это, на мой взгляд, не позволяет растягивать датировку псалиев с поселения под Кишиневом и аналогичных им на весь период, указанный А. И. Тереножкиным. Скорее всего время их бытования едва ли могло далеко выходит за рамки IX в. до н. э.

Предположение о появлении памятников кишиневского типа в лесостепной Молдавии в X в. до н. э. совпадает с выводом, к которому недавно пришла Г. И. Смирнова относительно начала культуры фракийского гальштата в Прикарпатье на основании изучения материалов с поселения у с. Магала [15].

---

[12] А. И. Тереножкин. Основы хронологии..., рис. 4, 12, 35, 36.
[13] А. М. Лесков. Ук. соч., стр. 153.
[14] А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 101, рис. 70, *6*.
[15] Г. И. Смирнова. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье. Сб. «Древние фракийцы в Северном Причерноморье». М., 1969 стр. 32 сл.

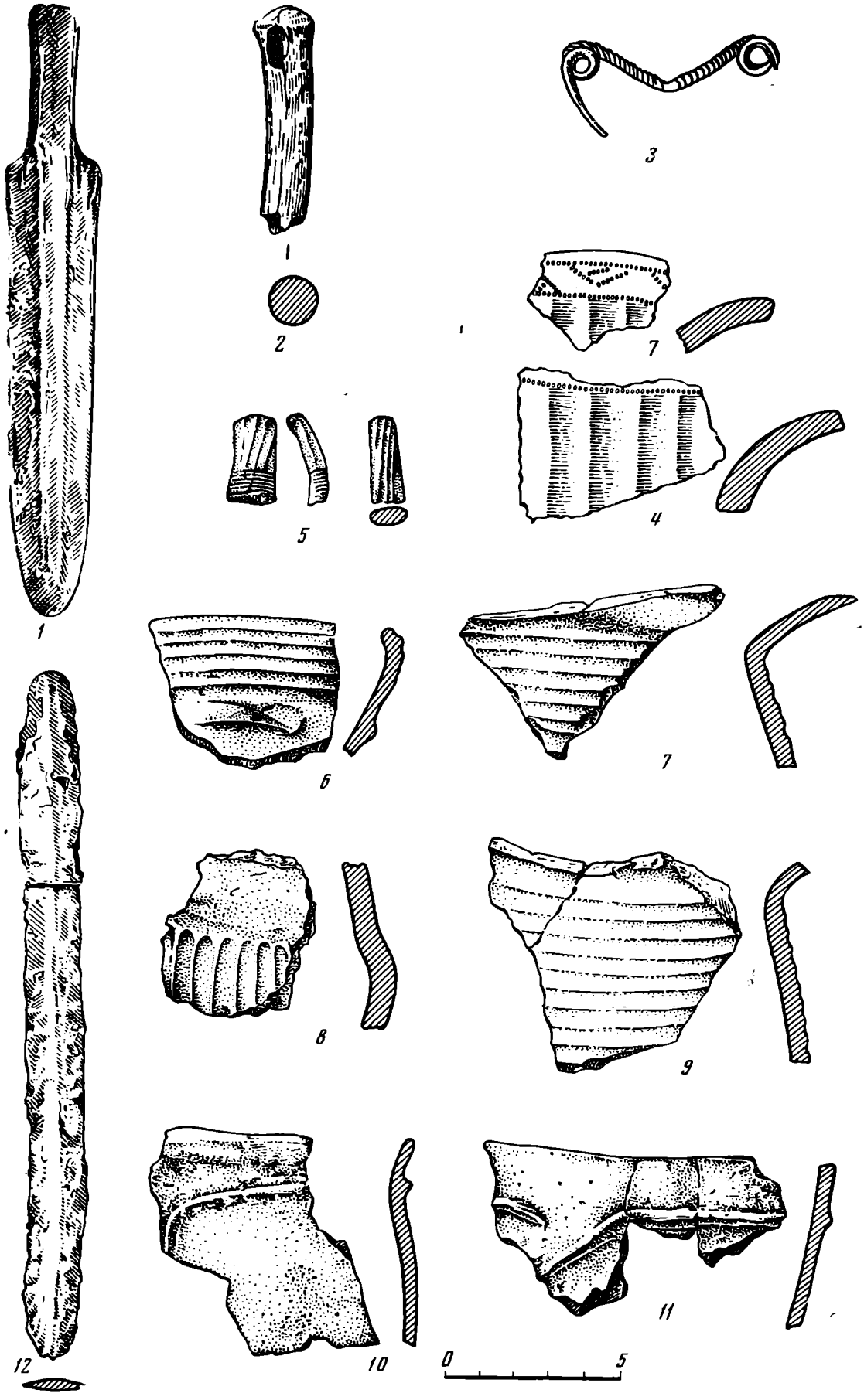


Рис. 3. Вещи и керамика с поселений кишиневского типа:

1, 2, 6—12 — с поселения под Кишиневом; *3, 4* — с поселения у с. Лукашевка; *1, 3, 12* — бронза; *2* — кость; *5—11* — керамика

Что касается Румынии, то появление поселений, которые можно относить к этой культуре, в Трансильвании датируется периодом HA_2, т. е. XI в. до н. э.[16]. Однако развитые керамические комплексы, в которых ведущее место принадлежит хорошо лощеной посуде, украшенной богатым каннелированным орнаментом, относятся к периоду HB (группа поселений типа Медиаш) [17].

В Румынской Молдове поселения с совершенно такой же керамикой, как найденная на поселениях кишиневского типа в Молдавской ССР, в ряде мест перекрывают поселения с зольниками культуры ноа (Корлатэнь, Трушешты, Ларга Жития) [18]. Датирующих вещей на них не найдено, но по керамике, имеющей большое стилистическое сходство с посудой группы Медиаш в Трансильвании, они датируются HB, или X—IX вв. до н. э.[19]. Считается, правда, что эти поселения не были самыми ранними памятниками гальштатской культуры на территории Румынской Молдовы и что им должны предшествовать памятники, непосредственно сменявшие культуру ноа. Последняя, как полагают румынские исследователи, существовала здесь только до XII в. н. э. Тем не менее пока такие более ранние памятники в Румынской Молдове не известны, а датировка X—IX в. до н. э. исследованных поселений подтверждается рассмотренными выше археологическими материалами с памятников кишиневского типа на территории Молдавский ССР.

Совершенно тождественные по керамике поселения в Молдавской ССР и на территории Румынской Молдовы, очевидно, принадлежали к одному из локальных вариантов культуры фракийского гальштата. Одновременные им памятники Прикарпатья входили в иную локальную группу, поскольку происходящая из них керамика в деталях отличается от найденной на поселениях Прикарпатья [20] и в Трансильвании [21]. Местные истоки этой культуры на территории Молдавии и Румынской Молдовы не прослеживаются, так же как они отсутствуют в других районах, где памятники фракийского гальштата сменили распространенную в предшествующий период культуру ноа. Пока невозможно точно определить генезис и причины, приведшие к смене культуры. Румынские археологи предполагают, что в основе культуры фракийского гальштата лежат культуры эпохи бронзы Карпато-Дунайского района, главным образом те, которые не входили в ареал культуры ноа, подвергшиеся влияниям, шедшим с запада, из Центральной Европы [22]. Но этот вывод пока трудно обосновать, особенно для Молдавии. Лишь дальнейшее накопление археологических источников должно помочь решению этого важного вопроса.

Датировка группы памятников типа поселения и могильника у с. Шолданешты второй половиной VIII — началом VII в. до н. э. была определена мною на основании найденных при раскопках могильника звена бронзовых кобанских двукольчатых удил и железных аркообразных фибул (рис. 4, *1*, *2*)[23]. При этом, устанавливая верхнюю хронологическую границу памятников, я исходила из невозможности одновременного их существования с группой памятников типа Сахарна — Солончены, появление которой относилось мною к началу или первой половине VII в. до н. э. В связи с упомянутыми выше исследованиями румынских

---

[16] E. Zaharia. Remarque sur le Hallstatt ancien de Transilvanie. Fouilles et trouvailles de Mediaş 1958. «Dacia», нов. сер., IX, стр. 100 сл.

[17] Там же.

[18] М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. «Dacia», нов. сер., IV, 1960, стр. 139 сл.

[19] Там же, стр. 150.

[20] Г. И. Смирнова. Ук. соч.

[21] E. Zaharia. Ук. соч.

[22] E. Zaharia şi S. Morintz. Hallstattul timpuriu in Romania, SCIV, 16, 3, 1965, стр. 157—160.

[23] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 73—75.

археологов и новыми материалами, полученными благодаря последним работам на территории Молдавской ССР, хронологическое соотношение групп и их датировка должны быть пересмотрены. У румынских археологов не вызывает сомнений принадлежность группы памятников шолданештского типа к культуре Басараби, распространенной на всей территории Румынии, в части Венгрии и Югославии во второй половине

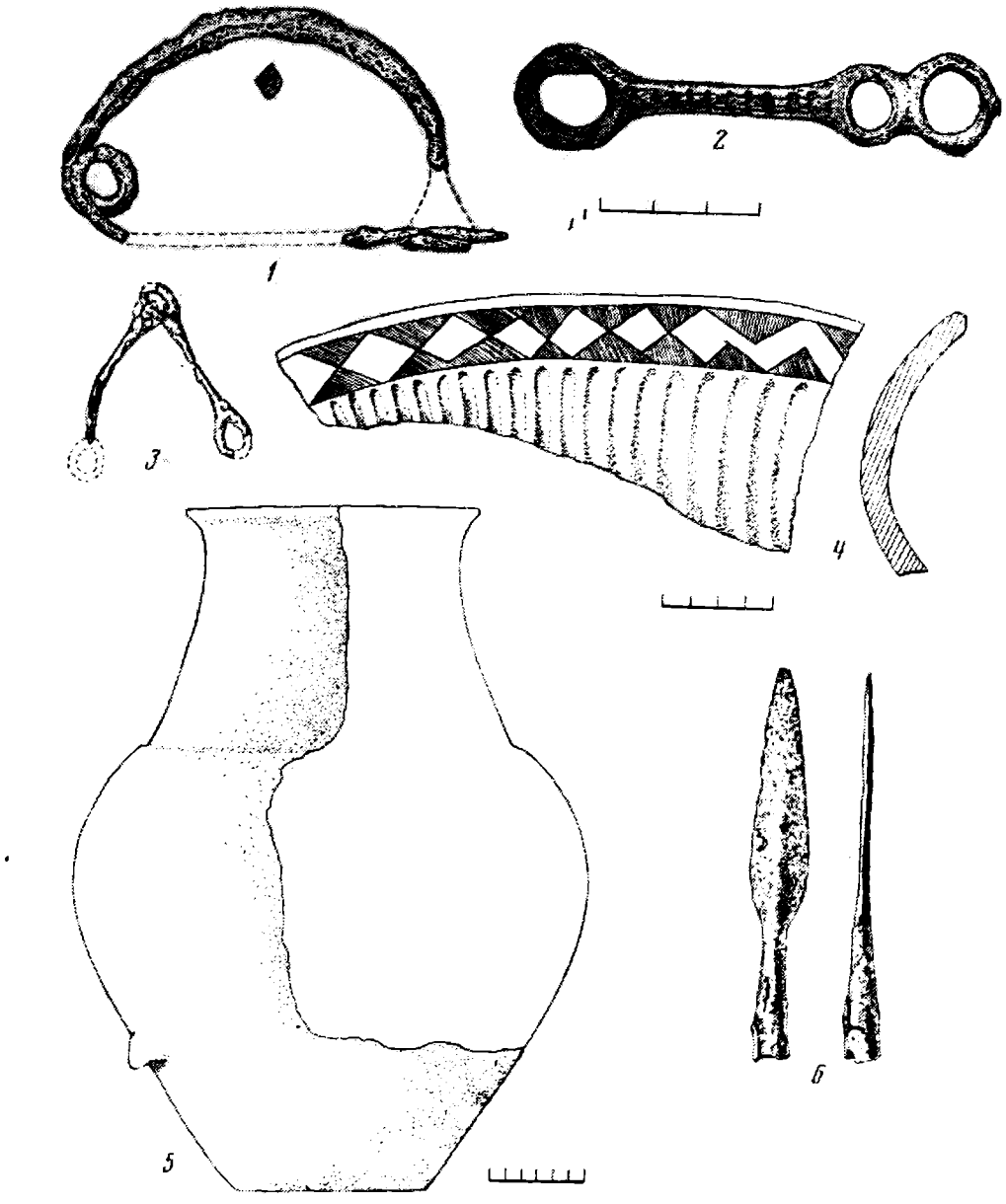


Рис. 4. Вещи и керамика из могильника и с поселения у с. Шолданешты и из могильника у с. Селиште

1—2 — из могильника у с. Шолданешты; *3, 6* — из могильника у с. Селиште; *4—5* — с поселения у с. Шолданешты

VIII — первой половине VI в. до н. э.[24]. А. Вульпе выделяет два периода в ее развитии: первый период — от 750 г. до конца VII в. до н. э. и второй — от конца VII до середины VI в. до н. э. Памятники шолданештского типа он включает, правда без большой уверенности, в период Басараби I[25], используя для датировки те же предметы, что и приведенные мною. Не отрицая возможности отнесения памятников к этому пе-

[24] A. Vulpe. Ук. соч.
[25] Там же.

риоду, замечу вместе с тем, что не исключена их принадлежность к несколько более позднему времени. Поводом для этого служит недавнее открытие, сделанное на территории Молдавской ССР, еще одного могильника, аналогичного Шолданештскому, расположеннного у с. Селиште Оргсевского района. В 1968 г. он был зарегистрирован В. А. Дергачевым, а в 1969 г. начал исследоваться В. А. Лапушняном[26]. По обряду погребения и всему набору посуды этот могильник ничем не отличается от могильника у с. Шолданешты. Однако в одном из 19 обнаруженных там погребений с трупосожжением кроме керамики были найдены два железных предмета — наконечник копья и двусоставные удила с небольшими петлями на концах (рис. 4, *3*, *6*)[27]. Оба предмета и особенно удила не позволяют датировать могильник у с. Селиште или по крайней мере одно из его погребений, временем ранее начала VI в. до н. э. Железный наконечник копья с довольно широким ланцетовидным пером может быть сопоставлен с найденными в могильниках у с. Басараби (650—550 гг. до н. э.[28] и у с. Фериджела VI—V вв. до н. э.[29]. Удила имеют прямые аналогии в скифских древностях, где они известны с начала VI в. до н. э. до конца скифской эпохи[30]. На основании приведенных находок могильник у с. Селиште может быть отнесен ко второму этапу культуры Басараби по периодизации А. Вульпе.

Обращаясь вновь к Шолданештскому могильнику и поселению, приходится отметить, что хронологические рамки памятников были сужены мною. Дело в том, что бытование предметов, привлеченных для датировки, не ограничивается пределами второй половины VIII — началом VII в. до н. э. Бронзовые двукольчатые удила кобанского типа были распространены только в VIII — VII вв. до н. э. на Северном Кавказе[31]. На днепровском лесостепном Правобережье, занимающем второе место после Северного Кавказа, по количеству находок таких удил, достоверно к VIII — VII вв. до н. э. относится лишь одна пара удил из клада чернолесской культуры у с. Залевки. Большинство же находок датируется временем не ранее второй половины VII в. до н. э.[32] Но в VI в. до н. э. такие удила уже не употреблялись. Аркообразные фибулы, по форме близкие к происходящим из могильника у с. Шолданешты кроме ранних памятников, о которых мне уже приходилось говорить, известны в некрополях у с. Басараби[33] и Фериджеле[34]. Причем находки в последнем из них показывают, что фибулы могли существовать в течение всего VI в. до н. э. Правда, они изготовлялись не из железа, а из бронзы. Остальные находки, так же как и керамика, не помогают уточнить дату шолданештского комплекса, поскольку аналогичные формы известны в течение VIII — VI вв. до н. э., т. е. как на первом, так и на втором этапе культуры Басараби. Ниже еще придется коснуться этого вопроса. Здесь же следует отметить, что памятники шолданештского типа, включая могильник у с. Селиште, могут датироваться в широких пределах от второй половины VIII до начала VI в. до н. э. Однако возможно, что

---

[26] И. А. Рафалович, В. А. Лапушнян. Раскопки поселения и могильников у с. Селиште. Сб. АО 1969, М., 1970, стр. 352—353.

[27] В. А. Лапушнян. Раскопки памятников культуры фракийского гальштата в Молдавии. Сб. «Археологические исследования в Молдавии в 1969 г.», Кишинев.

[28] V. Dumitrescu. Ук. соч., рис. 14, *7*.

[29] A. Vulpe. Necropola hallstattiană de la Ferigele. Bucureşti, 1967, табл. XX, *4*, *6*.

[30] В. А. Іллінська. Скифська вузда VI ст. до н. э. «Археология», XIII, Київ, 1961. стр. 38 сл., рис. 1, *3*.

[31] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 70.

[32] А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 152—153.

[33] V. Dumitrescu. Ук. соч. рис. 21, *2*, *3*; 22, *2*, *3*, *5*.

[34] A. Vulpe. Ук. соч., табл. XXIII, 3.

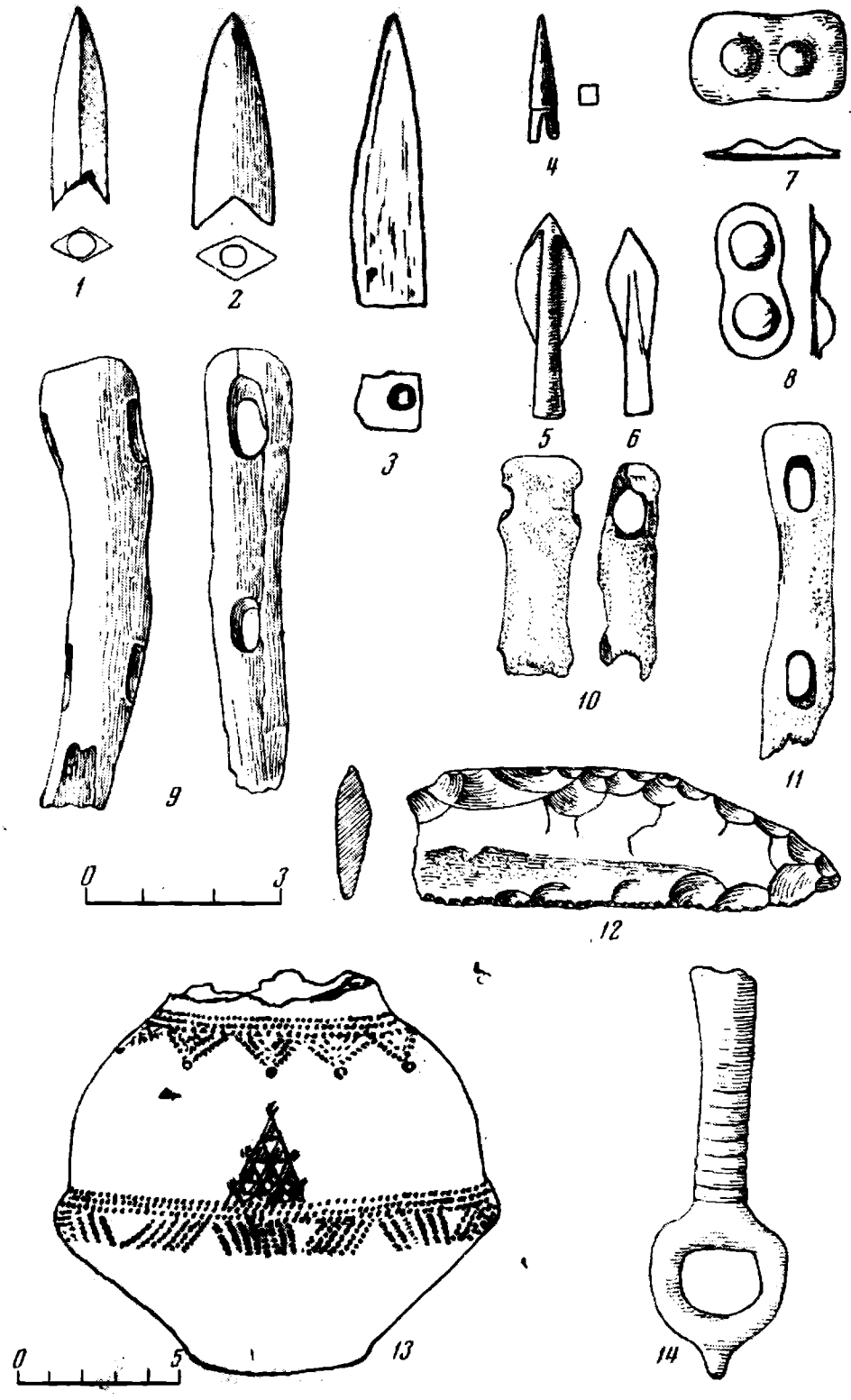


Рис. 5. Вещи и сосуд с поселений типа Сахарана — Солончены:

1, 10, 11 — Цахнауцы; *2, 9* — Царевка; *3, 7, 13, 14* — Сахарна; *4, 12* — Солончены; *5, 6, 8* — Алчедар; *1—4, 9—11* — кость; *5—8, 14* — бронза; *12* — кремень

они существовали лишь в VII — начале VI в. до н. э., т. е. на втором этапе культуры Басараби.

Группа памятников шолданештского типа, расположенная на территории лесостепной Молдавии, по-видимому, составляла восточную окраину распространения культуры Басараби. За пределами Молдавской ССР в нашей стране известно только одно поселение этой культуры, находя-

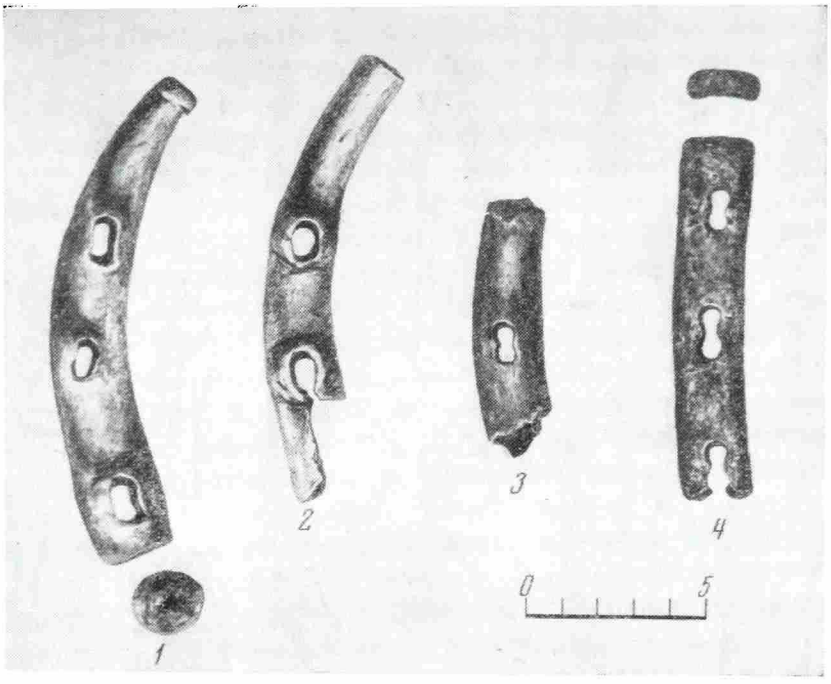


Рис. 6. Костяные и роговые псалии с поселения у с. Сахарна

щееся у с. Орловка на левом берегу Дуная в Одесской области. Несколько фрагментов керамики, типичной для этой культуры, было найдено мною при раскопках поселения в Черновицкой области у с. Ленковцы. На основании их А. Вульпе включил этот памятник в число относящихся к культуре Басараби [35]. Однако основной комплекс посуды с поселения у с. Ленковцы не имеет ничего общего с керамикой культуры Басараби, а является характерным для местной культуры предскифского периода. Очевидно, речь может идти лишь о проникновении отдельных элементов культуры Басараби в чуждую для нее среду.

Вообще, по-видимому, А. Вульпе придал слишком большое значение отдельным находкам сходных сосудов и включил в ареал культуры Басараби памятники, отличающиеся по другим признакам. Так, В. Думитреску убедительно показал, что курганный могильник у с. Басараби, давший наименование большому культурному комплексу, сам не входит в него. Основной его отличительный признак — господство обряда трупоположения, тогда как для других памятников этой культуры характерно сожжение с погребением праха в урнах [36]. Замечу также, что, несмотря на большую территорию, занятую культурой Басараби, из-за недостаточной изученности памятников пока не выделяются локальные варианты. Поэтому сейчас невозможно сказать, к какому именно локальному варианту Румынии ближе всего стоят памятники шолданештского типа лесостепной Молдавии.

Появление памятников типа Сахарна — Солончены в лесостепной Молдавии было отнесено мною к началу VII в. до н. э. Хотя за последние десять лет никаких новых археологических материалов из этой группы не было получено, есть основания считать, что она появилась раньше. К сожалению, определить точно время возникновения первых поселений типа Сахарна — Солончены пока невозможно, однако уверенно можно говорить о том, что вторая половина VIII — первая половина VII в. до н. э. были основным периодом существования этой группы памятников. На такую дату указывают находки ряда предметов, определенно относящиеся к VIII — VII вв. до н. э., сделанные на всех памятниках, подвер-

[35] A. Vulpe. Zur mittleren Hallstattzeit in Rumänien, рис. 11 (карта, пункт 45).
[36] V. Dumitrescu. Ук. соч.

гавшихся раскопкам. К ним принадлежат прежде всего роговые и костяные псалии с тремя овальными или восьмеркообразными отверстиями (рис. 5, *9—11;* 6), найденные на поселениях у сел Сахарна (4 экз.), Царевка (1 экз.), Цахнауцы (2 экз.) и в одном из погребений Сахарнянского могильника (1 экз.). Наиболее близкие аналогии всем этим псалиям находятся в памятниках второй ступени чернолесской культуры правобережного Среднего Приднепровья [37] и на поселении Уч-Баш кизилкобинской культуры в Крыму [38]. Бронзовый псалий, по форме тождественный псалию из Цахнауц, происходит из кургана Черногоровка на Харьковщине [39]. Датировка всех перечисленных памятников VIII или второй половиной VIII — первой половиной VII в. до н. э. в настоящее время ни у кого не вызывает сомнений.

На поселении у Царевка и Цахнауцы (рис. 5, *1—2*) были найдены костяные втульчатые наконечники стрел ромбические в сечении; с поселения у с. Солончены происходит четырехгранный наконечник стрелы с раздвоенным черешком (рис. 5, *4*). Ближайшие аналогии всем этим наконечникам стрел известны из памятников того же круга и времени, что и для псалий [40]. На Сахарнянском и Солонченском поселениях и в ряде погребений Сахарнянского могильника были найдены тонкие бронзовые восьмеркообразные бляшки с двумя округлыми выпуклинами (рис. 5, *7*, *8*), по-видимому, служившие украшениями одежды или головного убора. Много таких же бляшек было найдено на памятниках второй ступени чернолесской культуры [41]. Есть они и в Голиградском кладе на Верхнем Днестре, также относящемся к VIII — первой половине VII в. до н. э. [42]. Восьмеркообразные бляшки, встречающиеся в таврских каменных ящиках VI в. до н. э.[43] и в некоторых погребениях раннескифского времени, отличаются от молдавских и чернолесских более упрощенной формой. К числу предметов, характерных только для VIII — первой половины VII в. до н. э., относятся и бронзовые наконечники стрел с ромбическим пером и длинной втулкой (рис. 5, *5—6*), найденные на Алчедарском поселении [44].

Верхняя дата памятников группы Сахарна — Солончены определяется по находке железных удил в одном из погребений Сахарнянского могильника. Удила двусоставные, но отличаются от скифских тем, что имеют сравнительно большие круглые кольца на концах. Такие удила характерные для Средней Европы, но так же, как и железные скифские, они появляются не ранее начала VI в. до н. э.[45]. На Сахарнянском поселении было найдено звено бронзовых удил с наружным кольцом в виде стремечка, обращенного дужкой наружу, а прямой стороной к стержню. Стремевидные удила этого типа известны в Венгрии и соседних странах Средней Европы [46]. Они существуют одновременно со стремечковидными бронзовыми удилами, хорошо известными на Кавказе и Украине в комплексах второй половины VIII, но главным образом VII — начала VI в. до н. э. Очевидно, эти находки позволяют доводить время существования памятников типа Сахарна — Солончены до начала VI в. до н. э. Таким

---

[37] А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском правобережье, стр. 98, рис. 67, *2*, *4*.

[38] А. М. Лесков. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965, рис. 2, 9.

[39] А. И. Тереножкин. Предскифский период... рис. 70, *6*.

[40] Там же, рис. 66, *2*, *3*, *9*, *14*, *15;* 71, *16*, *17*.

[42] Там же, стр. 173, рис. 105, *1—7*, *14*, *15*.

[42] І. К. Свешников. Пам'ятки голіградського типу на Західному Поділлі. МДАПВ, 5, 1964.

[43] А. М. Лесков. Горный Крым... рис. 21, 40—42.

[44] Р. Л. Розенфельдт. Алчедарские курганы. Изв. Молд. ФАН СССР, 5 (25), 1955. Автор неправильно датирует их VII—VI вв. до н. э., стр. 124, рис. 1, 7, 8.

[45] S. Gallus et T. Horváth. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. Budapest, 1939.

[46] Там же, табл. XI, *5*; XVII, *7*; XXXIX, *2*; XLVI, *4*; XLVII, *5*; IV, *7*; XXI, *2*.

образом, на основании всех хорошо датирующихся находок можно определить время памятников: вторая половина VIII — начало VI в. до н. э. Вместе с тем есть некоторые основания предполагать, что появление памятников типа Сахарна — Солончены произошли раньше, чем это устанавливается по приведенным выше предметам, отражающим, вероятно, только основной период их существования. Свидетельством этого, на мой взгляд, является прежде всего постоянное присутствие на поселениях каменных сверленых топоров и кремневых вкладышей для серпов (рис. 5, *12*, с поселений Сахарна, Солончены, Цахнауцы и Царевка). Сопоставляя эти находки кремневых серпов и сверленых каменных топоров с известными в других районах, можно отметить, что аналогичные им хорошо известны на поселениях белогрудовской культуры и первой ступени чернолесской культуры[47]. На сторой ступени чернолесской культуры Правобережной Украины такие предметы выходят из употребления.

Архаические формы можно выделить и среди лощеной посуды, происходящей с поселений у сел Сахарна и Солончены. К ним относятся прежде всего большие сосуды, как бы составленные из двух — шаровидного сравнительно узкогорлого горшка и миски с небольшим дном (рис. 5, *13*). Верхняя шаровидная часть тулова отделена от нижней хорошо выделенным оттянутым валиком. Плечи, тулово и валик таких сосудов украшены штампованным и резным орнаментом, иногда затертым белой пастой. Происхождение этой формы сосудов может быть связано с керамикой эпохи бронзы и начала гальштата на территории Румынии[48]. Наиболее поздние экземпляры, особенно близкие к молдавским, происходят из ранних гальштатских памятников Трансильвании типа Речи (HA)[49]. Среди керамики, которая датируется румынскими археологами периодом HB, подобные формы сосудов не встречаются. Весьма близкие по форме сосуды с поселений Молдавии отличаются от трансильванских по характеру орнаментации. На этих последних встречаются лишь каннелюры и прочерченный узор, тогда как штампованный и резной орнамент отсутствует. По способу и характеру орнаментации описанные выше молдавские сосуды не отличаются от лощеной керамики иных форм с поселений типа Сахарна — Солончены[50]. Этот признак, ранее рассматривавшийся мною как датирующий всю керамику с резным и штампованным узором раннескифским временем, сейчас не может считаться таковым. Дело в том, что в Добрудже и на Нижнем Дунае стали известны поселения, с которых происходят фрагменты лощеной посуды, близкой по орнаментации к молдавской[51]. По мнению румынских археологов, эти поселения возникли еще в период HA_2, но особенно интенсивная жизнь на них происходила в X — IX вв. до н. э., т. е. в период, предшествующий распространению культуры Басараби. Приведенные в публикации фрагменты не позволяют восстановить по ним целые формы, что затрудняет возможность детального сопоставления этой керамики с молдавской. В частности, пока нельзя определить, были ли там найдены большие сосуды с шаровидным туловом, отделенным от нижней части рельефным валиком, о которых говорилось выше. Вместе с тем по отдельным фрагментам можно проследить близость некоторых сосудов к молдавским. Так, на поселении Insula Banului на Дунае есть фрагменты больших узкогорлых сосудов, с резким переходом от горла к плечику, тождественных одному из происходя-

---

[47] А. И. Тереножин. Предскифский период... стр. 84—86, рис. 54 и 53.

[48] E. Zaharia. Ук. соч., стр. 100—101.

[49] E. Zaharia. Ук. соч., рис. 10, 11, 12; Z. Székely. Aşezări din prima vîrstă a fierului în sud — estul Transilvanien. Muzeul regional Sf. Cheorghe, 1966, табл. II, *3, 4;* III, *3;* IV, *1—2.*

[50] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., рис. 24, 25, 26.

[51] S. Morintz. Quilques problème...; S. Morintz, P. Roman. Un nougrup Hallstattian timpuriu în sud — vestul României — Insula Banului. SCIV. 20, 3, 1969, 393—423, рис. 8, *20.*

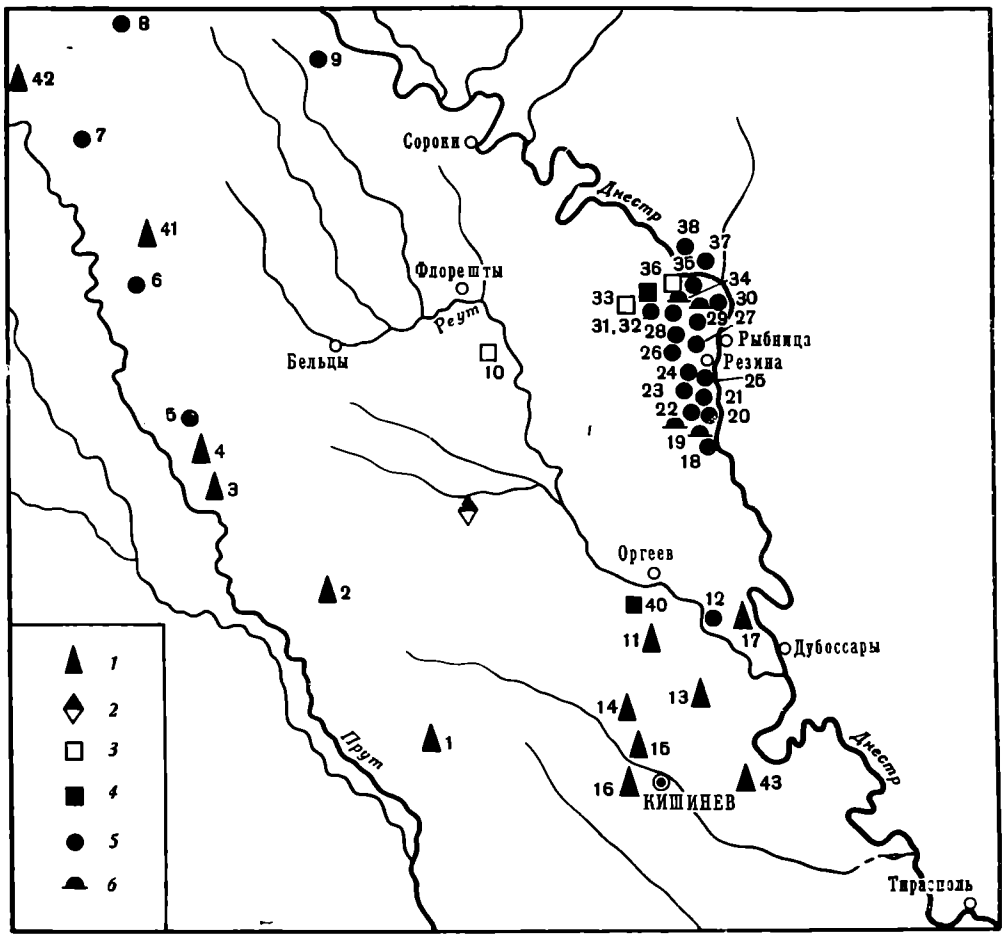


Рис. 7. Карта памятников лесостепной Молдавии X—VI вв. до н.э.:

1 — Ниспорены, *2* — Пырлица, *3* — Джурджены, *4* — Калинешты, *5* — Вишуора II, *6* — Петрушаны, *7* — Бринзены, *8* — Ходороуцы, *9* — Рудь, *10* — Чутулешты, *11* — Лукашевка, *12* — Требужены, *13* — Загайканы, *14* — Пожарены, *15* — Гидигич, *16* — у Кишинева, *17* — Голерканы, *18* — Городиште, *19* — Сахарна Гульбока *20*, *25* — Сахарна, *26* — Цахнауцы, *27* — Стохная, *28* — Царевка, *29* — Магеуцы, *30* — Солончены, *31* — Глинжены — Рошу, *32* — Глинжены — Мигулены, *33* — Шолданешты, *34—36* — Алчедар, *37* — Катериновка, *38* — Рошиетичи, *39* — Мындрешты, *10* — Селиште, *41* — Лукашевка, *42* — Лопатник, *43* — Балобанешты

I — поселения кишиневского типа, *II* — могильники кишиневского типа, *III* — поселения шолданештского типа, *IV* — могильники шолданештского типа, *V* — поселения типа Сахарна — Солончены, *VI* — курганы типа Сахарна — Солончены

щих с поселения у с. Солончены[52]. Близки к найденным на всех молдавских памятниках этой группы фрагменты мисок с загнутым внутрь краем[53] и черпаков со столбиком на перегибе ручки[54]. Наряду с этим комплекс лощеной керамики с поселений Бабадаг и Инсула-Банулуй в Румынии отличается от молдавского наличием в нем фрагментов сосудов, украшенных каннелюрами[55]. Последние близки к найденным на памятниках типа Карлатэнь-Медиаш в Румынии и на поселениях кишиневского типа в Молдавской ССР и не характерны для керамических комплексов типа Сахарна — Солончены. Вполне возможно, что это отличие объясняется принадлежностью румынских памятников к несколько более раннему времени по сравнению с молдавскими. Однако едва ли можно предполагать сколько-нибудь значительный хронологический разрыв между теми и другими памятниками. Скорее всего памятники типа Сахарна — Солончены, основной период существования которых относится ко второй половине VIII — первой половине VII в. до н. э., появились в лесостепи Молдавской ССР не позднее конца IX — начала VIII в. до

[52] S. Morintz, P. Roman, Ук. соч., рис. 13, *1*.
[53] Там же, рис 9, *9*, *10*, *11*, *14*, *15*.
[54] Там же, рис. 9, *1*, *4*; *12*, *6*; 14, *11*.
[55] Там же, рис. 19.

н. э., вероятно, на последнем этапе бытования поселений типа Бабадаг и Инсула — Банулуй в Румынии. Более раннее их возникновение предполагать трудно, так как культурные слои на исследованных поселениях, определенно датирующиеся находками VIII — VII вв. до н. э., не превышают 0,6 *м*, что не позволяет говорить о длительном существовании памятников. Сравнительно тонкие культурные слои затрудняют и стратиграфические наблюдения, даже для выделения ранних и более поздних комплексов керамики.

Очевидно, памятникам группы Сахарна — Солончены непосредственно предшествовали памятники типа Кишиневского поселения. Достаточно определенно могут свидетельствовать об этом костяные псалии с поселений Царевка и Цахнауцы, типологически наиболее близкие к найденному на поселении под Кишиневом (ср. рис. 3, *2* и 5, *10—11*). Об этом же, по-видимому, говорят находки нескольких фрагментов лощеных сосудов с Лукашевского городища, на которых кроме каннелированного орнамента, обычного для керамики кишиневского типа, нанесен узор, выполненный крупнозубчатым штампом, характерный для сахарнянской посуды (рис. 3, *4*). С другой стороны, на керамике с поселений типа Сахарна — Солончены наряду со штампованным и резным орнаментом изредка встречается и каннелированный орнамент [56], типичный для керамики с поселений кишиневского типа.

Не располагая в настоящее время достаточным количеством данных для выяснения происхождения культуры, представленной в лесостепной Молдавии памятниками типа Сахарна — Солончены и ее носителей, можно лишь предполагать, что немалую роль в ее сложении сыграли влияния, идущие с юга Подунавья или вообще из Балкано-Дунайского района. Во всяком случае, такая связь определенно устанавливается по керамике и особенно по ее орнаментации. К сожалению, погребальные памятники, соответствующие поселениям типа Бабадаг и Инсула — Банулуй, на основании которых было бы возможно более убедительно обосновать это предположение, в Балкано-Дунайском районе еще не известны.

Труднее установить соотношение памятников группы Сахарна — Солончены с памятниками шолданештского типа. Выше было показано, что последние могут датироваться в рамках второй половины VIII — начала первой половины VI в. до н. э., т. е. в тех же пределах, что и основной период памятников группы Сахарна — Солончены. Вместе с тем возможно, что памятники шолданештского типа относятся лишь к VII — VI вв. до н. э., и тогда они сосуществовали с сахарнянско-солончеискими лишь короткий период. Мне представляется, что второе предположение больше соответствует действительности. Дело в том, что сколько-нибудь определенных географических границ между теми и другими на территории лесостепной Молдавии наметить не удается (рис. 7) [57]. Наблюдается лишь тяготение и наибольшая концентрация памятников типа Сахарна — Солончены к берегам Днестра и количественное их преобладание над памятниками шолданештского типа. Располагаясь на одной и той же территории, носители одной культуры, по-видимому, не смешивались с носителями другой и мало влияли друг на друга. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в керамике памятников шолданештского типа не встречается орнамент, характерный для керамики сахарнянско-солончеиской группы памятников и, наоборот, керамика, свойственная шолданештским памятникам, отсутствует на поселениях и могильниках сахарнянско-солончеиской группы. Незаметно взаимовлияний и в погребальном обряде. Свойственные для сахарнянско-солончеиской группы небольшие курганные насыпи из камней ни сразу не встречены в шолданештской группе. В то же время обычай погребения остатков трупосожжений в урнах, составляющий

[56] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., рис. 24, *12*, *16*.

[57] Карта составлена В. А. Лапушняном. Пользуюсь случаем выразить благодарность за разрешение ее публикации.

особенность могильников шолданештского типа, не получил распространения у населения, оставившего могильники группы Сахарна — Солончены. Исходя из этого, мне кажется, что сосуществование двух групп памятников на одной сравнительно небольшой территории было недолгим и что распространение памятников шолданештского типа в лесостепной Молдавии произошло лишь на последнем этапе развития культуры, представленной памятниками типа Сахарна — Солончены. Возможно даже, что приходом нового населения, для которого была свойственна культура Басараби, представленная в лесостепной Молдавии памятниками шолданештского типа, объясняется затухание, а затем и прекращение жизни на поселениях типа Сахарна — Солончены. Однако пока мы не знаем, получила ли дальнейшее развитие на территории Молдавской ССР культура Басараби, ибо до сих пор остаются неизвестными памятники, следующие по времени за памятниками шолданештского типа.

Сравнивая выводы, полученные в результате изучения археологических памятников на территории Молдавской ССР, с выводами румынских исследователей, можно отметить следующее: относительная хронология памятников, намеченная для Румынской Молдовы, совпадает, в абсолютной датировке имеются небольшие расхождения по поводу времени бытования памятников, предшествовавших культуре Басараби. Так, А. Вульпе относит поселения Стойканы, Браду и в районе, г. Яссы к IX—VIII вв. до н. э., поскольку в их керамике есть фрагменты с орнаментом, очень близким с сахарнянско-солончепским [58]. Основанием для определения абсолютной даты служит бронзовая фибула из Браду и сопоставление керамики с найденной в Бабадаге. Не отрицая возможности такой датировки, замечу вместе с тем, что она, вероятно, отражает лишь начальный период существования культуры, тогда как более поздний ее этап остается в Румынской Молдове пока неизвестным. Систематические раскопки на поселениях этого рода до сих пор не производились, а погребения еще вовсе не найдены.

В связи с изменениями, внесенными мною в датировку памятников типа Сахарна — Солончены в Молдавской ССР, необходимо остановиться на вопросе о соотношении молдавских памятников с памятниками правобережной лесостепной Украины. Расцвет культуры, представленной памятниками типа Сахарна — Солончены в Молдавской ССР, по времени соответствует второй ступени чернолесской культуры правобережной лесостепи. Последний период ее развития относится к жаботинскому этапу раннескифского времени (вторая половина VII — начало VI в. до н. э.). При значительных отличиях в культурах той и другой территории наблюдаются черты сходства, особенно хорошо прослеживающиеся в лощеной керамике и прежде всего в способах, мотивах и композициях ее орнаментации [59]. Однако если на керамике из молдавских памятников богатую и сложную геометрическую орнаментацию различными штампами и резьбой мы наблюдаем с VIII в. до н. э., то на правобережье лесостепной Украины она имеет место на посуде более позднего, уже раннескифского периода. Керамика второй ступени чернолесской культуры украшена гораздо скромнее и проще, хотя содержит одинаковые с молдавской элементы орнаментации. Этот факт свидетельствует о том, что население лесостепной Молдавии было передатчиком ряда форм и способов орнаментации лощеной посуды, бытовавшей на правобережье лесостепной Украины в предскифский и начале раннескифского периода. Происходило ли это в результате культурных влияний или было связано с движением населения с Поднестровья к Днепру, пока сказать невозможно.

Вместе с тем следует отметить, что памятники лесостепной Молдавии, в отличие от украинских, не дают возможности говорить о сколько-нибудь

[58] A. Vulpe. Zur mittleren Hallstattzeit in Rumânien, стр. 123.

[59] Более подробно см. об этом в работах: А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 89; Е. Ф. Покровская. Поселення VIII—VI ст. ст. до н. э. на Тясмині. «Археология», VII, Київ, 1952, стр. 56 сл.

заметном скифском воздействии на культуру племен, живших в этом районе в VII — VI вв. до н. э. В курганах у сел Сахарна и Алчедар, принадлежавших сахарнянско-солончeнской группе, и в могильнике у с. Селиште культуры Басараби, явно относящихся не только к предскифскому, но и к раннескифскому времени, отсутствуют предметы скифского вооружения. В курганах раннескифского периода правобережной лесостепной Украины они встречаются часто, особенно наконечники стрел. Этот факт не позволяет включать лесостепную Молдавию в широкий ареал скифской культуры, как это представляется А. И. Тереножкину [60].

A. I. Mélioukova

SUR LA DATATION ET LES RAPPORTS DES MONUMENTS DU DEBUT DE L'AGE DU FER DANS LES REGIONS DE STEPPE BOISEE DE LA MOLDAVIE

Résumé

L'auteur propose une nouvelle datation des monuments de l'ancien Hallstatt decouverts sur le territoire de Moldavie occupé de steppes boisées. Des données récentes permettent de rattacher les monuments du type des sites de Kichinev et de Loukachevka aux X—IVes siècles avant notre ère. Il paraît que, chronologiquement, ils furent suivis par des monuments du type de Sakharna — Solontchény qui éxistaient, par prédominance, au VIIIe siècle-à la première moitié du VII e siècle avant notre ère. Les sites et les tombeaux du type de Choldanechty remontent plutôt aux VII—VIes siècles avant notre ère.

Le premier des groupes de monuments ci-mentionnés n'est autre qu'une variante locale de la culture du Hallstatt thracien de la région des Carpates-Danube. Le second groupe s'est formé sous l'influence ou avec la participation de la culture de Babadag qui était fréquente au Dobroudja et dans le cours inférieur du Danube. L'apparition des monuments du type de Choldanechty est probablement en rapport à l'avancement des porteurs de la culture de Bassarabi à l'est.

---

[60] А. И. Тереножкин. Скифская культура. Тезисы докладов и сообщений на Конференции по скифо-сарматской археологии. М., 1966, стр. 4.

К. Ф. СМИРНОВ

САРМАТСКИЕ КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ — ПОВОЛЖЬЯ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К КАТАКОМБАМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В советской литературе большинство исследователей связывает появление катакомб первых веков нашей эры на Северном Кавказе с сарматами и их развитие в раннее средневековье — с аланами [1]. Действительно, их появление здесь по времени совпадает с появлением сарматов (не обязательно алан) в этой области. Среди камерных могил [2] с VI—III в. до н. э. в сарматских степях получают широкое распространение могилы с подбоями и среди них изредка встречаются катакомбы различных видов. Наиболее ранние из них, относящиеся еще к савроматскому времени, обнаружены мною на Илеке в могильниках Пятимары I и Мечетсейском [3], датируются они концом VI и ранним V в. до н. э. О наличии в Поволжье и Приуралье катакомб среди сарматских курганных погребений прохоровской культуры писала М. Г. Мошкова [4]. В своем своде памятников прохоровской культуры она среди более 500 могил прохоровской культуры отметила 15 катакомбных [5]. В настоящее время мною учтено 35 катакомб различных видов. Все известные сарматские катакомбы датируются в пределах от V в. до н. э. до первых веков нашей эры, т. е. они хронологически смыкаются с наиболее ранними катакомбами «Золотого кладбища» Прикубанья, исследованного Н. И. Веселовским в начале этого века [6].

Камерные могилы известны у многих племен раннего железного века. Для скифского мира все их разновидности называются катакомбами [7]. В Средней Азии, как и у сарматских племен, различают подобные и катакомбные могилы [8]. Обычно подбоями называют те камерные могилы, у которых камера (подбой, ниша) устроена в одной из продольных стен входной ямы, а открытое устье камеры равно длине самой камеры или меньше ее. В последном случае сама камера по длине больше входной ямы. Таким образом, эта форма камерной могилы конструктивно ничем

[1] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК. XLVI, 1952; Л. Г. Нечаева. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Сб. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962; В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963.

[2] Этот термин «Kammergrab» удачно впервые употребил П. Д. Рау в своей работе: P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927.

[3] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 82—85, стр. 315, рис. 20, стр. 323, рис. 30.

[4] М. Г. Мошков. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1-10. М., 1963.

[5] Там же, стр. 21.

[6] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Тр. XII АС, 1. М., 1905, стр. 341—373.

[7] Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, 115, 1962, стр. 83—85.

[8] С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятник местной культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 97 сл.

не отличается от одного из видов скифских «катакомб», которые отнесены Б. Н. Граковым к I типу [9]. В Средней Азии и особенно в сарматском степном мире эти камерные могилы преобладают. У сарматов они десятками и сотнями рассеяны по могильникам и наряду с другими формами могил обычно не составляют какой-либо локальной особенности. По соотношению входной ямы и камеры их можно разделить на два основных типа (рис. 1): I — подбойные могилы, у которых камера (ниша) по своей ширине является равной ширине входной ямы или меньше ее; в таких могилах обычно хоронят одного человека; II — подбойные могилы, камеры которых отличаются своей обширностью и значительно шире входной ямы; в них чаще всего встречаются коллективные захоронения. Последний тип подбойной могилы обычно чаще встречается у сарматов прохоровской культуры, чем в более позднее время. Подбойные могилы, как и катакомбы, против входа в подбой имеют ступеньку или две; широкое устье подбоя часто бывает закрыто деревом (доски, колья, плахи), травой, завалено камнями (редко каменной плитой). Каждый тип подбойной могилы может быть разделен на 4 варианта (рис. 1): а) подбой равен по длине яме, б) подбой по своей длине больше входа, т. е. его камера расширяется по сравнению с входной ямой, в) подбой по своей длине меньше входа, г) подбой смещен к одному из углов входной ямы и иногда весьма значительно и в таком случае могила может быть отнесена к определенной группе катакомб с довольно узким устьем, как например, камерные могилы могильника Кара-Оба в Западном Казахстане, особенно могила в кург. № 13 из раскопок И. В. Синицына и погребение 4 кург. № 21 из раскопок В. П. Шилова Старицкого могильника Астраханской обл. [10].

Катакомбы отличаются от подбоев тем, что обычно камеры примыкают к узкой части входной ямы, которая имеет вид дромоса со ступеньками или имеет склон в сторону камеры (рис. 1), заложенной деревом, камнями и травой. Погребенный лежит по одной оси с входной ямой или камера расположена поперек дромоса, иногда она по своей длине шире дромоса и погребенный лежит перпендикулярно ему. Поволжско-уральские катакомбы по своим основным конструктивным особенностям разделяются на три основных типа: I — камера, вырытая в узкой части дромоса, по своей длине иногда равна, а чаще всего шире дромоса; II — камера расположена по продольной оси входной ямы или дромоса, иногда она отделена от дромоса суженным устьем; III — камера, вырытая в узкой части входной ямы, находится под тупым или прямым углом по отношению к ней (рис. 1). III тип заволжских катакомб является производным от второго типа. В этих катакомбах погребенные обычно лежат ногами ко входу. В катакомбах I типа погребенные лежали перпендикулярно входу, во всех случаях, когда удалось зафиксировать позу погребенного.

Только в катакомбном погребении курган № 4 II группы (погр. 3) у с. Визенмиллер (Луговое), которое, судя по описанию П. С. Рыкова [11], имело округлую входную яму со ступенькой, с примыкающей с юга, почти квадратной камерой (2,30 × 2,40 *м*), два покойника лежали вытянуто, головами на юг, т. е. ногами к устью округлой входной ямы или дромоса. Следовательно, по положению покойников эта катакомба также близка к катакомбам II и III типов, а по своей форме (камера по своей ширине больше входной ямы, т. е. имеет Т-образное очертание) она может быть отнесена к I типу поволжско-уральских катакомб. Судя по описанию и чертежу первого кургана у с. Прохоровки, данному С. И. Руден-

[9] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 83.

[10] И. В. Синицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. Тр. НИИЭ, 1, Археология. Алма-Ата, 1956, стр. 136, рис. 39, стр. 138, рис. 41; В. П. Шилов. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции 1961 г. Архив ИА АН СССР, № 2380, 2380а.

[11] П. С. Рыков. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 года. Изв. Краевед. Института изучения Южно-Волжской области при Сарат. ГУ, 1. Саратов, 1926, стр. 115.

ко [12], по своему плану и профилю (изображена обвалившаяся часть камеры) могила имела катакомбу, близкую по сооружению катакомбе из Визенмиллера. Другим вариантом I типа катакомбных погребений является одна могила в кург. № 4 у с. Калмыкова на правом берегу Урала в Западном Казахстане (погр. 4). Ее камера, где покойник лежал головой на юго-восток, вырыта в узкой части входной ямы под острым углом (приблизительно 45°) [13].

Итак, кроме устойчивых форм поволжско-уральских катакомб, каковыми являются, например, Мечетсайские катакомбы II типа [14], ранние

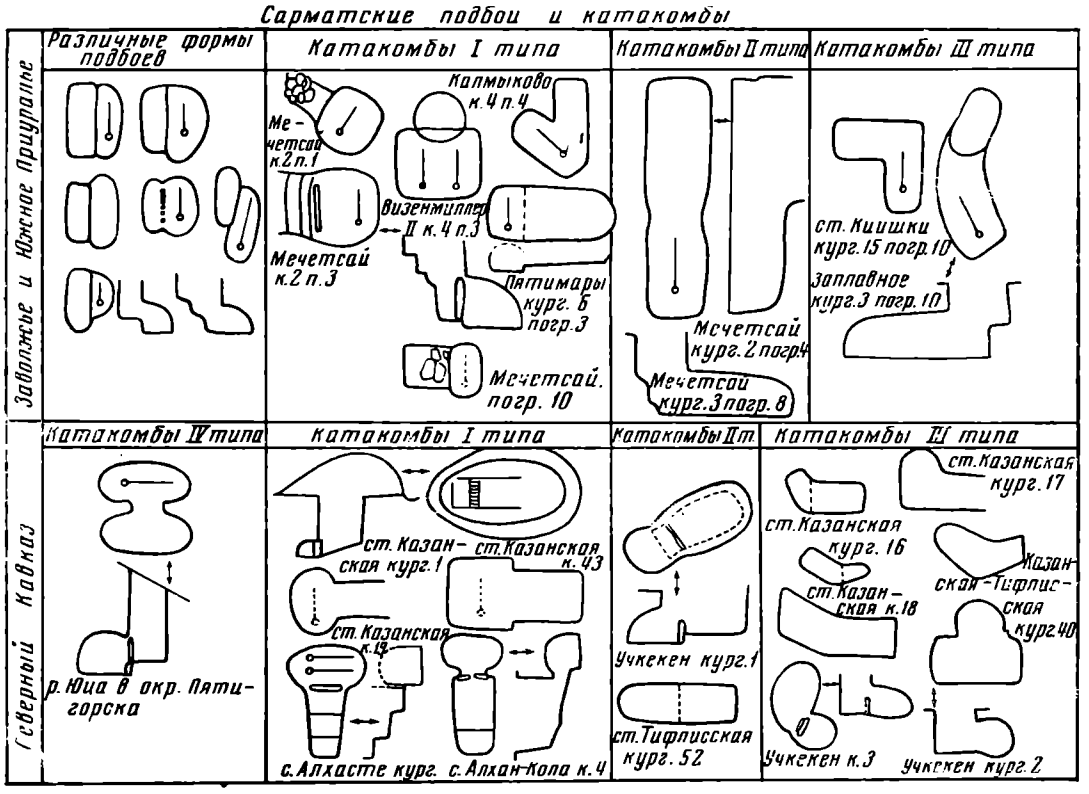


Рис. 1. Виды катакомб Заволжья, Приуралья и Северного Кавказа

мечетсайские же катакомбы I типа [15] и катакомбы у с. Заплавное на Ахтубе [16], мы имеем целый ряд переходных форм, соединяющих в себе ряд признаков иного типа или занимающих среднее положение между обычными подбойными могилами и катакомбами.

Происхождение заволжско-уральских катакомб так же неясно, как и происхождение скифских или среднеазиатских. Попытки найти им источник в какой-либо определенной области, как это делают многие исследователи, до сих пор не увенчались успехом, и я думаю, что этот путь поисков бесполезен. Все эти катакомбы близки между собой по общей конструкции, а иногда и в деталях, что говорит о близости культуры и образа жизни скифов, сарматов и древних племен Средней Азии, родственных между собой и по языку. Ни в одном случае не удается убедительно связать их с аналогичными погребальными сооружениями степей Евразии эпохи бронзы (катакомбной культуры) прежде всего из-за хронологического разрыва. Причина появления и распространения катакомб в скифо-сарматское время на обширной территории Евразии, вероятно, кроется

[12] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской обл. эпохи раннего и позднего эллинизма. II, ПГ., 1918, стр. 5, рис. 4 и 5.

[13] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, 60, 1959, стр. 149, рис. 50, *4*.

[14] М. Г. Мошкова. Ук. соч., стр. 21, табл. 3, *1, 1а*.

[15] К. Ф. Смирнов. Ук. соч. 83—84, стр. 313, рис. 20, стр. 323, рис. 30.

[16] М. Г. Мошкова. Ук. соч., стр. 21, табл. 3, *3*.

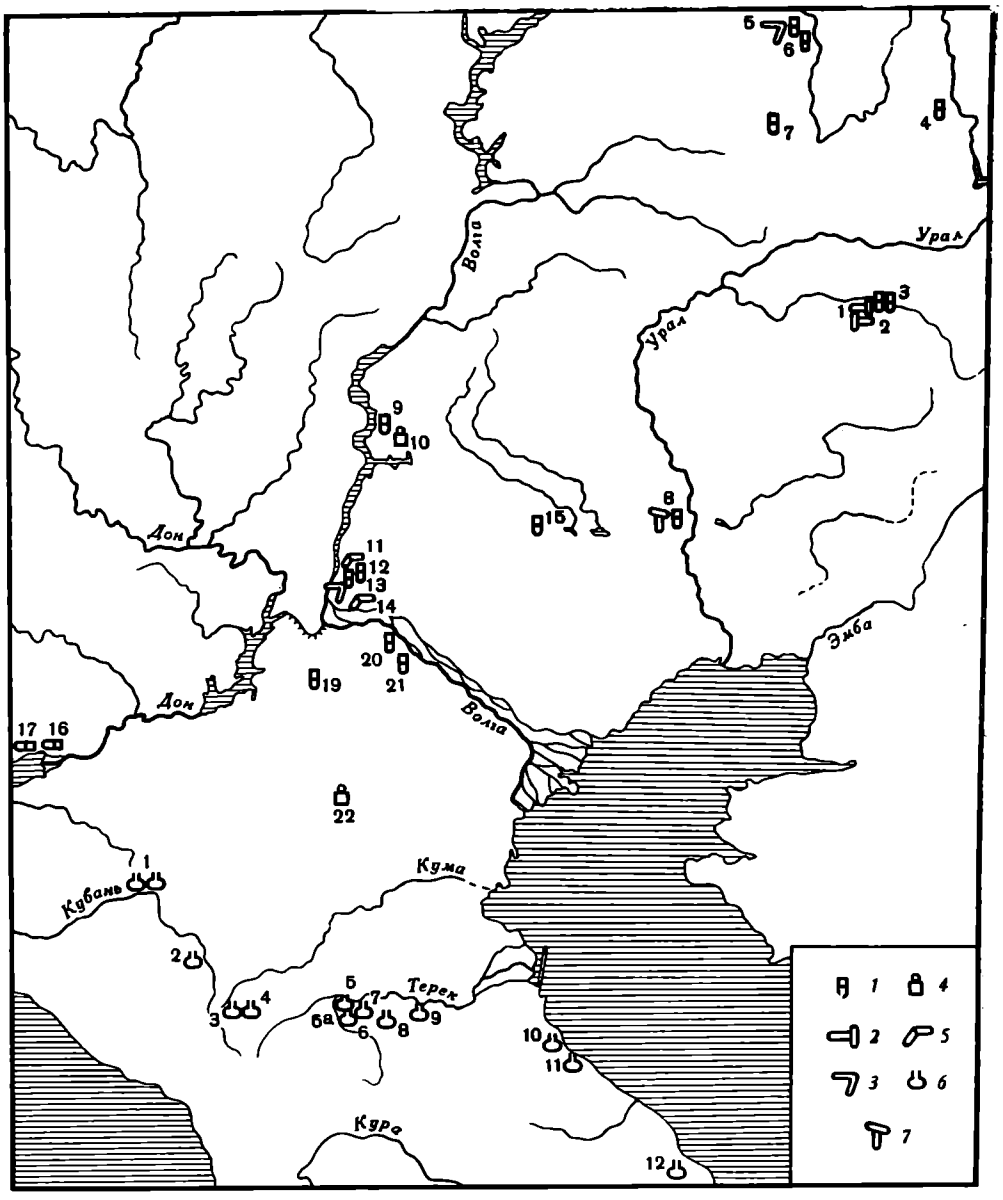


Рис. 2. Распространение катакомбных погребений в сарматских степях и на Северном Кавказе

I — катакомбные погребения Приуралья, Поволжья и Дона V—I вв. до н. э.: *1* — Пятимары I, 2 — Мечет-Сай, 3 — Увак, 4 — г. Сибай, 5 — Старые Киишки, 6 — Бишаулунгарова, 7 — Прохоровка, 8 — Калмыково, 9 — Краснополье, *10* — Визенмиллер (Луговое), 11 — Ново-Никольское, 12 — Калиновка, 13 — Верхне-Погромное, 14 — Заплавное, 15 — Кара-Оба, 16 — Танаис, 17 — Беглицкая коса, 18 — Жутово, 19 — Старица, 20 — Капитанский хутор, 21 — Восточный Маныч.
II — катакомбы Северного Кавказа I—IV вв. н. э.; 1 — «Золотое кладбище» Прикубанья (курганы между станицами Усть-Лабинской и Казанской), 2 — Байтал-Чапкан, 3 — Учкекен, 4 — р. Юца, 5 — Мало-Кабардинская оросительная система (МКОС), 5а — Ниж. Джулат, 6 — Брут, 7 — Пседах, 8 — Алхасте, 9 — Алхан-Кала, 10 — Манас, 11 — Джеми-Кент, 12 — Паласа-сырт.
III — *1* — катакомбы II типа, *2* — катакомбы I типа, *3* — вариант III типа, *4* — вариант I типа, *5* — катакомбы III типа, *6* — катакомба Саверного Кавказа, *7* — вариант I типа (могила у с. Калмыково)

не столько во взаимных связях, сколько в близких идеологических, религиозных представлениях этих народов, в особом их представлении о загробном мире.

Катакомбы, как и подбои, были свойственны различным племенам и этническим группам. Судя по рассеянности подбойно-катакомбных могил по степному Поволжью и Приуралью и по данным этнографии, они не всегда могут служить надежным этно-племенным признаком, особенно если рассматривать их в отрыве от прочих деталей погребального обряда и вещевого материала. Как показывает этнография, только одна лишь форма погребального сооружения не является этно-племенным признаком и все же многообразие форм погребальных сооружений у сар-

матов в отличие от более ранних савроматов, вероятно, говорит о большей сложности происхождения сарматов от различных родо-племенных групп, в основном ираноязычных или со временем перешедших на иранский язык. Судя по картографированию пока незначительного количества катакомб различной формы (рис. 2), можно сделать вывод, что катакомбы чаще всего встречались у сарматских племен, которые более всего могут соответствовать аорсам и верхним аорсам Страбона последних столетий до нашей эры [17]. Вся территория расселения этих племен нам неизвестна из письменных данных.

Первое место среди сарматских катакомб Поволжья и Приуралья занимают катакомбы II типа. Их всего насчитывается здесь 22 (около 63%), а вместе с их производными — катакомбами III типа —27 (более 77%). Они появляются в Поволжье уже с IV в. до н. э. (катакомба у с. Ново-Никольское). Именно этот II тип катакомбы встречается и на Западе, куда проникают сарматы. Так, среди могил некрополя Танаиса открыта богатая катакомба с захоронением женщины в деревянном гробу II в. н. э. [18]. Эта катакомба очень похожа по форме и по деталям обряда (погребение в досчатом гробу) на мечетсайскую (кург. № 2, погр. 4) [19] и калмыковскую (кург. № 2) [20]. Она моложе уральских катакомб у с. Калмыково не менее чем на век. Однако еще западнее, у г. Таганрога, в грунтовом могильнике Беглицкой косы, о котором я уже писал в связи с вопросом о начале проникновения сарматов в Северное Причерноморье [21], И. С. Каменецким обнаружено несколько ранних эллинистических катакомб I типа [22]. Хотя этот тип катакомб хорошо известен и в Скифии, есть основания по деталям обряда связывать их с началом продвижения сарматов на Запад от Танаиса. По времени аналогичные катакомбы левого берега Волги (Ново-Никольское, Калиновка, Верхнее Погромное) и Илека (Мечет-Сай, Увак) совпадают, или почти совпадают, с катакомбами Беглицкой косы.

К рубежу нашей эры по всему Северному Кавказу окончательно распространяются те черты погребального обряда и инвентаря, которые были в это же время характерны для сарматских степей Нижнего Дона и Поволжья,— яркое свидетельство прочного и уже длительного контакта ираноязычных степняков с различными аборигенными племенами Кавказа. Особенно это заметно в обряде и материальной культуре меотов среднего Прикубанья, которые, мне представляется, к этому времени сильно смешались или установили тесные и взаимовыгодные союзнические отношения. По среднему течению Кубани в курганах от станицы Усть-Лабинской до Казанской в «Золотом кладбище» Н. И. Веселовским впервые на Северном Кавказе обнаружены катакомбы рубежа и первых веков нашей эры [23]. Н. И. Веселовский разделил их на два вида: «комнатные» и «коридорные» [24]. Первые из них по основной конструкции и планировке можно отнести к катакомбам I типа, вторые — идентичны катакомбам II и III типов (рис. 1).

Катакомбы последних двух типов первых веков нашей эры обнаружены также в Карачаево-Черкесии у аула Учкекен к западу от Кисловод-

---

[17] Страбон. География, XI, V, 8.

[18] Д. Б. Шелов. Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967, рис. на стр. 134.

[19] М. Г. Мошкова. Ук. соч., табл. 3, *1, 1а.*

[20] И. В. Синицын. Ук. соч., стр. 149—150, рис. 50, *3.*

[21] К. Ф. Смирнов. О начале проникновения сарматов в Скифию. Проблемы скифской археологии. М., 1971, стр. 191 и сл.

[22] И. С. Каменецкий. Отчет о работах археологической экспедиции Таганрогского музея 1956 года, стр. 10—13. Архив ИА, Р-1, № 1520; 1521; его же. Отчет о работах экспедиции Таганрогского краеведческого музея в 1958 г., стр. 18—24. Архив ИА, Р-1, №№ 2492, 2492а.

[23] ОАК за 1901 г., стр. 69—85, рис. 135, 151, 154, 156, 157, 158, 162, 163, 168.

[24] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе.

ска[25]. По составу своего инвентаря они также близки одновременным прикубанским катакомбам. В остальных районах Центрального и Северо-Восточного Кавказа катакомбы в большинстве случаев датируются позже (II—III вв. н. э.) и среди них преобладают хорошо выработанные формы I типа. По всему Северному Кавказу ныне мне известно 13 пунктов, где обнаружены катакомбы I—IV вв. н. э. Они рассеяны от среднего Прикубанья до района Дербента (рис. 2). По своей общей планировке и конструктивным особенностям они формально соответствуют известным ныне поволжско-уральским катакомбам. Помимо этих, здесь выявляются катакомбы IV типа: входная яма и дромос расположены параллельно друг другу, они соединяются между собой при помощи узкого устья (рис. 1). Такие катакомбы обнаружены на р. Юце под Пятигорском и на могильнике Паласа-сырт под Дербентом. Пятигорские катакомбы относятся к первым векам нашей эры[26], а наиболее ранняя из катакомб Паласа — сыртовского могильника (№ 2) датируется В. Г. Котовичем IV—V вв. н. э.[27]. Этот тип катакомбы очень похож на подбой, отличается от него суженным устьем, вообще характерным для большинства катакомб Северного Кавказа. Нельзя ли его рассматривать как дальнейшее развитие сарматских подбойных могил степей Евразии? Во всяком случае широко известная в степях Евразии подбойная форма могилы, особенно распространившаяся при расселении сарматов, могла оказать определенное влияние на выработку этого типа катакомбы. Более уверенно можно провести прямую линию от катакомб II и III типов Заволжья и Приуралья, из которых Калмыковские катакомбы датируются тем временем, с которого приблизительно возникают наиболее ранние катакомбные могилы правобережного среднего бассейна Кубани и Учкекена. Конструктивное сходство и наличие в наиболее ранних катакомбных могилах Северного Кавказа прямых аналогий с сарматским степным миром усиливают нашу убежденность в степной сарматской основе этой формы погребальных сооружений Северного Кавказа первых веков нашей эры.

Этническая принадлежность «Золотого кладбища» Прикубанья до сих пор остается спорной. Главный исследователь Прикубанья Н. В. Анфимов отдает предпочтение местной меотской основе, хотя и признает большое влияние степняков-сарматов. Я высказал мнение о сарматском характере этих курганов, хотя одновременно и признаю большое влияние на них издавно живших на Кубани меотов[28]. Аристократия меотов в течение ряда веков смешивалась с сарматами и, вероятно, вступала в постоянные семейные и военно-политические союзы. Наличие сильных сарматских элементов в вещевых сериях прикубанских курганов бесспорно (их меньше в грунтовых могильниках). Теперь же мы можем увереннее говорить и об элементах сарматского обряда, ведь прикубанские катакомбы II и III типов очень близки степным сарматским (рис. 1). Катакомбы I типа весьма слабо представлены в сарматских глубинах. Их появление и развитие в Прикубанье и особенно в других районах Северного Кавказа (Алхасте[29], Алхан-Кала[30], Паласа-сырт[31] и пр.) может быть объясняется другими причинами. В меотских грунтовых могильниках Прикубанья камерная форма могилы существовала уже в последнем веке до нашей эры. Н. В. Анфимов назвал их, как мне представля-

---

[25] Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. Тр. КЧ НИИИЯЛ. Ставрополь, 1966, стр. 132 сл.

[26] А. П. Рунич. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы. СА, 1961, 1, стр. 266 сл.

[27] В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, 1. Махачкала, 1959, стр. 154.

[28] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья, стр. 15—16.

[29] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, XII. М., 1941, стр. 184, рис. 9.

[30] В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа, стр. 72—74, 203, рис. 29.

[31] В. Г. Котович. Ук. соч., стр. 148 сл.

Сарматские катакомбы Приуралья и Поволжья

Местонахождение	I тип	II тип	III тип	Датировка
Приуралье				
1. Пятимары I (раскопки К. Ф. Смирнова. 1960 г.)	Кург. № 6, погр. 3			V в. до н. э.
2. Мечет-Сай (раскопкопки К. Ф. Смирнова, 1957 г.)	Кург. № 2, погр. 1 и 3; кург. № 3, погр. 10	Кург. № 2, погр. 4 и 5; кург. № 3, погр. 8; кург. № 7, погр. 9		V в. до н. э. III—II вв. до н. э. » » »
3. Уакский могильник (раскопки Э. А. Федоровой-Давыдовой, 1960 г.)		Кург. № 11, погр. 2		»
4. Сибай (раскопки Н. А. Мажитова, 1965 г.)		Кург. № 1, погр. 4 (?)		IV—III вв. до н. э.
5. Ст. Киишки (раскопки М. Х. Садыковой, 1957—1960 гг.)		Кург. № XI, погр. 3; кург. № XV, погр. 4	Кург. № XV, погр. 10 (?)	Конец IV—II вв. до н. э.
6. Бишаулунгарово (раскопки А. Х. Пшеничнюка, 1968 г.)		Кург. № 3, погр. 2		Конец IV—II вв. до н. э.
7. Прохоровка (раскопки С. И. Руденко, 1916 г.)	Кург. № 1 (?)	Кург, № 2		Конец IV—III вв. до н. э.
8. Калмыково (раскопки И. В. Синицина, 1952 г.)	Кург. № 4, погр. 4	Кург. № 2; кург. № 3, погр. 2		II—I вв. до н. э.
Заволжье				
9. Краснополье (раскопки П. Д. Рау, 1927 г.)		Кург. Е14, погр. 15		IV—II вв. до н. э.
10. Визенмиллер (Луговое) (раскопки П. С. Рыкова, 1925 г.)	Кург. II, № 4, погр. 3			IV—III вв. до н. э.
11. Ново-Никольское (раскопки В. П. Шилова, 1954 г.)			Кург. № 3, погр. 3	IV в. до н. э.
12. Калиновка (раскопки В. П. Шилова, 1952—1954 гг.)		Кург. № 19, погр. 21; кург. № 55, погр. 12		III—II вв. до н. э.
13. Верхне Погромное (раскопки В. П. Шилова, 1954, 1957 гг.)		Кург. № 7, погр. 13	Кург. № 1, погр. 13	III—II вв. до н. э.
14. Заплавное (раскопки В. П. Шилова, 1958 г.)			Кург. № 3, погр. 10;	III—II вв. до н. э.
15. Кара-Оба (раскопки И. В. Синицына, 1950 г.)		Кург. № 13 (вариант II типа)	кург. № 5	III—II вв. до н. э.
Междуречье Дона и Волги		Кург. № 27, погр. 2; кург. № 27, погр. 5		II в. до н. э. II в. до н. э.
16. Жутово (раскопки В. П. Шилова. 1964 г.)		Кург. № 21, погр. 4 (вариант II типа); кург. № 24, погр. 5		Прохоровская культура То же
17. Старица (раскопки В. П. Шилова, 1961 г.)				

Продолжение

Местонахождение	I тип	II тип	III тип	Датировка
18. Капитанский хутор (раскопки В. П. Шилова, 1964 г.)		Кург. № 5, погр. 3		То же
19. Восточный Маныч, II левобережная группа (раскопки И. В. Синицина, 1966 г.)	Кург. № 41			Первые века н. э.
Итого:	8	22	5	

ется, неудачно «земляными склепами» [32]. Планировка и конструктивные особенности не позволяют нам уверенно отнести их к подбоям или катакомбам определенного типа. Возможно, что I тип катакомб «Золотого кладбища» в какой-то степени развился под воздействием этих «земляных склепов». Нельзя исключить, конечно, и влияние настоящих земляных склепов античных городов Северного Причерноморья, особенно части Боспора (Таманский полуостров).

Катакомбы I типа получили на Северном Кавказе наибольшее развитие и стали особенно характерными для ряда могильников Северного Кавказа. Племена, оставившие эти могильники, справедливо связывают с аланами раннего средневековья.

Я не могу полностью разделить мнение Л. Г. Нечаевой [33], поддержанное рядом исследователей, о среднеазиатском происхождении всех северокавказских катакомб первых веков нашей эры. Однако пока только эта гипотеза кажется наиболее аргументированной, так как господствующая форма этих катакомб (I тип), представленная особенно четко алхан-калинскими катакомбами, находит большие соответствия с хорошо известными катакомбами Средней Азии, в частности бассейна Сырдарьи.

В настоящее время нельзя сбрасывать со счетов и сарматские поволжско-уральские степи, особенно в вопросе о происхождении прикубанских и учкекенских катакомб II и III типов.

Материал по поволжско-уральским катакомбам в настоящее время представляется недостаточным. Однако истинное количество катакомб в большинстве могильников нам неизвестно, поскольку они целиком не раскопаны. В отдельных могильниках, вероятно, они составляли заметный процент. Так, например, в четырех раскопанных курганах у с. Калмыково обнаружены 3 катакомбы, которые составляют 1/5 всех могил одного времени. Еще 20 лет тому назад нам почти ничего не было известно о наличии катакомб различных видов у сарматов. В южном Поволжье, благодаря систематическим археологическим поискам в Поволожье, Оренбуржье и Башкирии удалось собрать новые данным, которые позволяют теперь убедительнее связать развитие некоторых северокавказских катакомбных сооружений с определенными камерными могилами сарматов поволжско-уральских степей.

[32] Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 148 сл.

[33] Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Автореф. канд. дис. Л., 1956.

K. F. Smirnov

LES SEPULTURES SARMATES EN CATACOMBES DECOUVERTES DANS LES REGIONS MERIDIONALES PREOUPALIENNES ET TRANSVOLGIENNES ET LEURS RAPPORTS AUX CATACOMBES DU CAUCASE DU NORD

Résumé

Les sépultures à chambres sarmates des V—IIes siècles avant notre ère révélées dans les steppes du Pré-Oural et des régions transvolgiennes se composent de deux types: celles à niches et les catacombes. Au premier type sont propres des niches pratiquées dans la partie longitudinale de la fosse d'entrée, au second les chambres creusées dans la partie étroite du dromos ou bien disposées de sorte qu'elles formaient un angle par rapport à la fosse d'entrée. A présent on a trouvé dans ces steppes 33 catacombes de 3 types. Là sont prédominantes les sépultures du second type où la chambre est située selon l'axe longitudinal de la fosse d'entrée ou du dromos. En masse elles sont rattachées aux III—IIes siècles avant notre ère c'est-à-dire elles remontent à l'époque quand ce second type des tombes sarmates apparaît dans la région du Kouban et à l'ouest de la ville de Kislovodsk (à Outchkéken) en Karatchaévo-Tcherkessie. Il se peut bien que ce type des catacombes du Caucase du nord est lié, par son origine, aux sépultures des sarmates découvertes dans les steppes de la Volga et du Pré-Oural du sud et son apparition est due au peuplement du Caucase du nord par les tribues sarmates.

П. А. РАППОПОРТ

ЦЕРКОВЬ ВАСИЛИЯ В ОВРУЧЕ

Замечательный памятник древнерусского зодчества — церковь Василия в Овруче — уже давно привлекает к себе внимание исследователей. Вначале этому способствовало то обстоятельство, что церковь считали, согласно преданиям, построенной князем Владимиром Святославичем (в крещении Василием) сразу же после крещения Руси. Таким образом, Васильевскую церковь относили к числу древнейших памятников русского монументального зодчества [1]. Впрочем, в этой дате высказывали сомнения уже в XIX в. Так, например, П. Батюшков осторожно писал: «быть может, этот храм построен или возобновлен овручским князем XII в. Рюриком Ростиславичем, также носившим христианское имя Василия» [2].

Церковь, стояла заброшенной уже, по-видимому, с XIX в. В описании 1519 г. сказано: «Каменная церковь Василевска кажут люде старые, була колысь золотоверха, но деи от непамятных лит неприятелми огнем спалена и совсим заопсована и розбита» [3]. Внутри руин Васильевской церкви была построена небольшая деревянная церковь. Она несколько раз возобновлялась, а во второй половине XVIII в. была перенесена на новое место, поскольку расположение внутри ветшающих руин стало небезопасным. Действительно, в середине XIX в. верх церкви рухнул. По-видимому, при этом обрушились не своды, а верхние части стен. Своды же церкви и ее глава, очевидно, исчезли значительно раньше, поскольку на изображениях, сделанных в 60-х годах XIX в., церковь показана лишенной подкупольных столбов; вероятно, столбы были разобраны для того, чтобы разместить внутри руин деревянную церковь [4]. Так в руинах и достояла эта разрушенная церковь до начала XX в., несмотря на то, что церковные власти не раз возвращались к мысли о ее «восстановлении», т. е. о постройке на этом месте нового здания.

В 1903 г. Археологическая комиссия обратилась к церковным властям Волыни с просьбой «ввиду плачевного состояния развалин» сделать чертежи и фотографии церкви [5]. Видимо, это послужило толчком к осуще-

---

[1] Волынские губернские ведомости. 1854 г., 7, Часть неофициальная, стр. 34; Tygodnik illustrowany, VII, No. 181, Warszawa, 1863, стр. 97; Н. И. Теодорович. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. I. Почаев, 1888, стр. 290; «Древности», 15, М., 1894, 2, протоколы, стр. 151; 16, М., 1900, протоколы, стр. 13.

[2] П. Н. Батюшков. Волынь. Исторические судьбы Юго-Западного края. СПб., 1888, стр. 19.

[3] Я. В. Яроцкий. К топографии г. Овруча. Памятная книжка Волынской губернии на 1903 г. Житомир, 1902, стр. 11.

[4] П. Н. Батюшков. Памятники старины в западных губерниях Империи. 4, СПб., 1869. В этом альбоме помещены краткое описание церкви, ее план, северный фасад и общий вид руин.

[5] Дело об истребовании чертежей и фотографий развалин Васильевской церкви в Овруче. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 253/1903 г. (в дальнейшем — Дело Археологической комиссии), л. 3.

ствлению идеи о восстановлении церкви, и в феврале 1904 г. волынский архиепископ Антоний возбудил перед Синодом дело о «реставрации» древнего храма [6]. Житомирское Васильевское братство сообщило об этом Археологической комиссии, которая рекомендовала в качестве автора проекта реставрации архитектора Г. И. Котова, незадолго до этого исполнившего реставрацию собора во Владимире-Волынском. Однако Синод поручил эту работу архитектору А. В. Щусеву и в 1904 г. направил его в Овруч «для исследования развалин Овручского Васильевского храма и для составления проекта его реставрации» [7].

В 1905 г. Археологическая комиссия рассмотрела проект, представленный А. В. Щусевым, и согласилась с этим проектом. Вместе с тем Археологическая комиссия просила построить новый храм не на руинах старого, а рядом, сохранив руины «как неоценимый и ничем незаменимый материал для научных исследований» [8]. Технически-строительный комитет хозяйственного управления при Синоде отклонил предложение Археологической комиссии, считая, что «существующие части древнего храма гораздо лучше сохранятся, как часть целого, будучи упрочены при реставрации и ограждены от дальнейшего разрушения в общей связи с новыми частями храма» [9]. Одновременно комитет предложил Археологической комиссии провести во время реставрационных работ исследование памятника. В 1906 г. Археологическая комиссия выделила для этой цели архитектора П. П. Покрышкина, который и провел обследование руин в мае 1907 г.

Об идеологической задаче, которую имели в виду церковные власти, организуя «реставрацию» храма, лучше всего свидетельствует выпущенная в 1907 г. листовка «Воззвание к сынам христианской Руси» [10]. В листовке указано, что восстановление церкви было предпринято в качестве обета «за благополучный исход войны». Однако «война уже окончилась и притом неудачно для России... Окончилась война с Японией, но не окончилась борьба России за себя, за веру и за царя. Внутренние лютейшие враги сменили внешних и если замедление нашего обета отдалило и его цель — победу России над Японией, то выполним обет теперь, о, русские люди, и будем уповать, что Господь, покарав Россию во внешней войне, дарует ей одоление в борьбе с врагом внутренним» [11]. Для столь четко поставленной задачи — использовать восстановление древнего храма для возбуждения националистических чувств и для борьбы с революционным движением — вполне подходила церковь, которую рассматривали «как неоспоримый памятник исконного господства православия и русской народности в западной окраине нашего отечества» [12].

Строительные работы были начаты в 1907 г. Прежде всего начали откапывать древние фундаменты для замены их новыми. Там, где сохранились куски древних стен, фундамент укрепляли, подбивая бетонную массу под стены. Работа эта была выполнена успешно и древние стены полностью сохранены. При земляных работах, совершенно неожиданно для строителей, были обнаружены фундаменты двух круглых башен. Фундаменты были сильно разрушены, но все же достаточно отчетливо выявили конфигурацию башен, примыкавших к северо-западному и юго-западному углам храма. Получив извещение об этом открытии, Археологическая

[6] Дело о восстановлении в гор. Овруче древнего Васильевского храма. ЦГИА в Ленинграде, ф. 799, оп. 25, д. 52/1904 г. (в дальнейшем — дело Синода), л. 1.

[7] Дело Синода, л. 4.

[8] Дело Археологической комиссии, л. 13.

[9] Дело Синода, л. 25; Дело Археологической комиссии, л. 16.

[10] Дело Синода, л. 49-б и 49-в.

[11] Во втором издании листовки добавлено: «Не допустите, русские люди, великой древней святыне остаться в разрушении и бесславии, дабы вся наша Русь святая не подверглась такой печальной участи от возмутившихся сынов ее» (Дело Синода, л. 52-г).

[12] Дело Синода, л. 62.

комиссия попросила остановить раскопки и сохранить фундаменты башен до следующего строительного сезона. Церковные власти, для которых научное значение памятника не имело абсолютно никакого значения, настаивали на безостановочном продолжении работ и немедленном уничтожении найденных фундаментов. Тем не менее А. В. Щусев приостановил работы [13].

Весной 1908 г. П. П. Покрышкин провел обследование фундаментов башен и раскопки рухнувшей южной стены церкви и части стены южной башни, которые, как выяснилось, лежали под землей в относительно хорошей сохранности. Одновременно продолжалось возведение новой кирпичной кладки. При этом существующие стены были облицованы новым кирпичом примерно на 1,5 *м* высоты. Кирпичи для строительства были изготовлены по специальному заказу — по формату и цвету подобные древним кирпичам этой церкви. В процессе строительства в кладку по возможности включали древние фрагменты, находимые в раскопках. Как указывал А. В. Щусев в своем отчете: «Раскопки проводились таким образом, что стены башни и южная стена храма за исключением пилястр и тимпана разбирались во всю их длину постепенно по рядам кирпичной кладки, ряды сосчитывались, измерялись и зачерчивались, камни же, вставленные в кладку, занумеровывались и наносились на чертеж, затем уже по чертежу и номерам вставлялись в стену храма при ее возведении. Таким образом, из прошлого храма ничто не было утеряно, все точно воспроизведено в натуре почти до самого верхнего карниза» [14].

Окончательный проект, учитывающий результаты раскопок, был составлен в том же 1908 г. Выполнением работ в натуре руководили помощники А. В. Щусева — Л. А. Веснин и В. Н. Максимов. В 1909 г. А. В. Щусев представил в Археологическую комиссию фотографии восстановленного храма. Впрочем, отделка интерьера и роспись церкви продолжались вплоть до 1911 г. [15].

Итоги реставрации получили высокую оценку со стороны специалистов. И. Грабарь поместил две фотографии реставрированной церкви в свою многотомную Историю русского искусства, сопроводив их примечанием, в котором отметил научную ценность проведенных раскопок и реставрации [16]. «Самой удачной между всеми реставрациями памятников отечественной архитектуры» назвал проведенную работу И. Б. Михаловский [17].

В процессе изучения памятника стало совершенно ясно, что церковь относится не к X, а к XII в. И. Грабарь датировал ее более определенно — серединой XII в. Авторитет И. Грабаря способствовал закреплению за Васильевской церковью как указанной даты, так и репутации совершенно документально восстановленного памятника. А между тем ни то,

---

[13] Газета «Волынская жизнь» (Житомир) от 22 августа 1907 г.; ИАК. Прибавление к вып. 26, СПб., 1908, стр. 26. Следует отметить, что о наличии башен, так поразившем реставраторов, помнили еще в XIX в.: «главный вход в церковь был с запада, а по сторонам находились две башни, в которые сделаны были двери из-внутри церкви» (Н. И. Теодорович. Ук. соч., стр. 292).

[14] Дело Археологической комиссии, л. 31-об.

[15] Любопытна история сбора средств на «реставрацию» Васильевской церкви. Когда выяснилось, что ранее собранных денег недостаточно, Синод разрешил провести во всех православных церквах Российской Империи однодневный сбор (1 января 1907 г.) на восстановление Овручской церкви. Сбор дал ничтожно малую сумму. Церковные власти обвиняли в этом Археологическую комиссию, якобы задержавшую утверждение проекта (Дело Синода, л. 52-г-об.). Впрочем, несколько позже волынский архиепископ Антоний уже иначе объяснял неуспех сбора — «вследствие бывших смут и неурожая» (там же, л. 95). В 1909 г. он писал в Синод, что «несмотря на воззвания и просьбы к благотворителям, пожертвования не поступают» (там же, л. 95-об.). Переписка епископа с Синодом по поводу недостающих денег тянулась несколько лет. См. также: Волынские епархиальные ведомости, 1912, 7, стр. 142.

[16] И. Грабарь. История русского искусства. 1, М., 1909, стр. 154, прим. 1.

[17] И. Б. Михайловский. Русское искусство в эпоху Владимира святого. Пг., 1916, стр. 48.

ни другое не было бесспорным. Сам А. В. Щусев относился к этому гораздо более осторожно. Говоря о документальности восстановленных форм, А. В. Щусев отмечал: «В основание проекта положены сохранившиеся остатки храма и результаты раскопок, произведенных П. П. Покрышкиным; там, где столь прочных данных не оказалось, затруднения разрешались или аналогиями в одновременных памятниках русских и византийских или же непосредственным чувством меры и впечатлением» [18]. А этих «прочных данных», как выяснилось, не оказалось для всего завершения храма — ни для арок и сводов, ни для купола, ни даже для архивольтов закомар [19]. То же отмечал и П. П. Покрышкин: «Реставрация там, где нехватило реальных материалов, имеет ярко личный характер» [20]. Что же касается до даты памятника, то А. В. Щусев датировал церковь очень широко XII — XIII вв., а П. П. Покрышкин считал, что Овручская церковь была построена позже, чем Коложская церковь в Гродно, и относится скорее уже к XIII в.

Предполагалось, что все результаты исследования памятника будут опубликованы П. П. Покрышкиным в изданиях Археологической комиссии. Однако никаких материалов — ни текстовых, ни графических — опубликовно не было. Полное отсутствие опубликованной документации, безусловно, надолго задержало изучение Овручской церкви и выяснение ее места в истории русской архитектуры.

Первые сомнения в документальности реставрации А. В. Щусева высказал В. Сичинский [21]. Однако его возражения носили настолько тенденциозный характер (он исходил из того, что Овручская церковь имеет явные черты романской архитектуры), что не были приняты никем из исследователей. В отношении даты церкви В. Сичинский соглашался с И. Грабарем, в то же время связывая ее строительство с деятельностью князя Рюрика Ростиславича, чьей вотчиной был город Овруч (Вручий).

Далее В. Сичинский высказал предположение, что строителем церкви был зодчий Петр-Милонег, которого летописец упоминает «во приятелех» этого князя [22].

Подлинное значение Овручской церкви начало раскрываться значительно позже, да и то в процессе изучения другого памятника. В 1948 г. П. Д. Барановский опубликовал свое исследование, связанное с изучением и проектом восстановления Пятницкой церкви в Чернигове [23]. При этом он отметил «исключительную близость» Пятницкой церкви с церковью Василия в Овруче. Этим самым окончательно определилась и дата Овручской церкви — конец XII в. и ее связь с деятельностью князя Рюрика Ростиславича. Вместе с тем укрепилось и предположение об авторстве зодчего Петра-Милонега. Совершенно необычная конструкция верха церкви Пятницы заставила П. Д. Барановского задуматься и над тем, правильно ли восстановил А. В. Щусев завершение Овручской церкви, учитывая, что этот верх «документально не может быть установлен» [24].

Положения, выдвинутые П. Д. Барановским, нашли полную поддержку исследователей. Связь Овручской церкви со строительством князя Рюрика и ее близость к черниговской церкви Пятницы отмечали Н. Н. Во-

---

[18] ИАК, 28. СПб., 1908, стр. 59.
[19] ИАК, 32. СПб., 1909, стр. 5.
[20] Там же.
[21] В. Січинський. Архітектура старокнязівської доби. Прага, 1926, стр. 26.
[22] Ипатьевская летопись под 6707 (1199) г. ПСРЛ, 2, изд. 2, М., 1962, стлб. 711.
[23] П. Д. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. Сб. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М., 1948, стр. 13.
[24] П. Д. Барановский. Ук. соч., стр. 31, прим. 27.

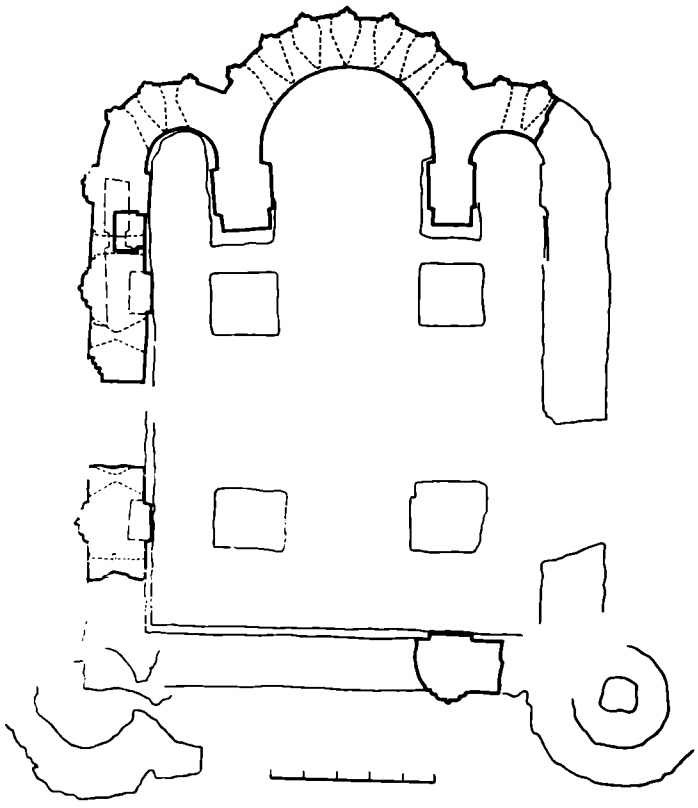


Рис. 1. Церковь Василия в Овруче. План по обмеру 1907—1908 гг.

ронин, Ю. С. Асеев и др.[25] Наиболее полно изложены соображения о стилистическом характере и значении этой церкви в исследовании Ю. С. Асеева[26]. Ю. С. Асеев отметил, что яркая декоративность фасадов этого здания и сложная профилировка лопаток, подчеркивающая вертикальность композиции объема, четко отделяют Овручскую церковь от простых и строгих по формам построек середины XII в. Таким образом, оказалось, что церковь Василия представляет собой пример того нового направления в русском зодчестве, которое сложилось в конце XII — первой половине XIII в. Оно характерно полной переработкой старой, идущей еще от византийских традиций, крестовокупольной схемы (точнее — схемы вписанного креста) с поддерживающими купол подпружными арками, расположенными ниже сводов. Более того, выяснилось, что церковь Василия представляет собой не просто пример этого нового направления, а один из наиболее ярких его образцов. При этом Овручская церковь, наряду с черниговской церковью Пятницы, отражает стилистический вариант этого направления, характерный для среднего Приднепровья[27]. Вместе с тем в Овручской церкви имеются особенности (использование декоративных камней в кирпичной кладке и некоторые детали), которые связывают ее со своеобразной архитектурной школой древнего Гродно[28].

Так постепенно выяснилось то огромное значение, которое имела в развитии русской архитектуры церковь Василия в Овруче. И тем не менее, несмотря на то, что значение Овручской церкви уже было оценено, никакого специального исследования этого замечательного памятника не было проведено. Не были даже опубликованы чертежи, сделанные в процессе реставрации. Во всех печатных работах приводятся чертежи и фотографии, отражающие вид церкви после реставрации, т. е., как теперь стало ясно, с заведомо недостоверной верхней частью[29].

Между тем в Архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР хранятся документы, позволяющие в некоторой степени

[25] «История русского искусства». 1, М., 1953, стр. 148 (Н. Н. Воронин); Нариси історії архітектури Української РСР. Київ, 1957, стр. 48—50 (Ю. С. Асеев); К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 152.

[26] Всеобщая история архитектуры в 12 томах. 3, Л.— М., 1966, стр. 579—580, 589—590 (Ю. С. Асеев).

[27] Там же, стр. 580.

[28] Там же, стр. 590; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. М., 1954, стр. 144.

[29] Единственным исключением является упомянутая работа К. Н. Афанасьева, в которой приведены схематические чертежи, выполненные по обмерным чертежам А. В. Щусева.

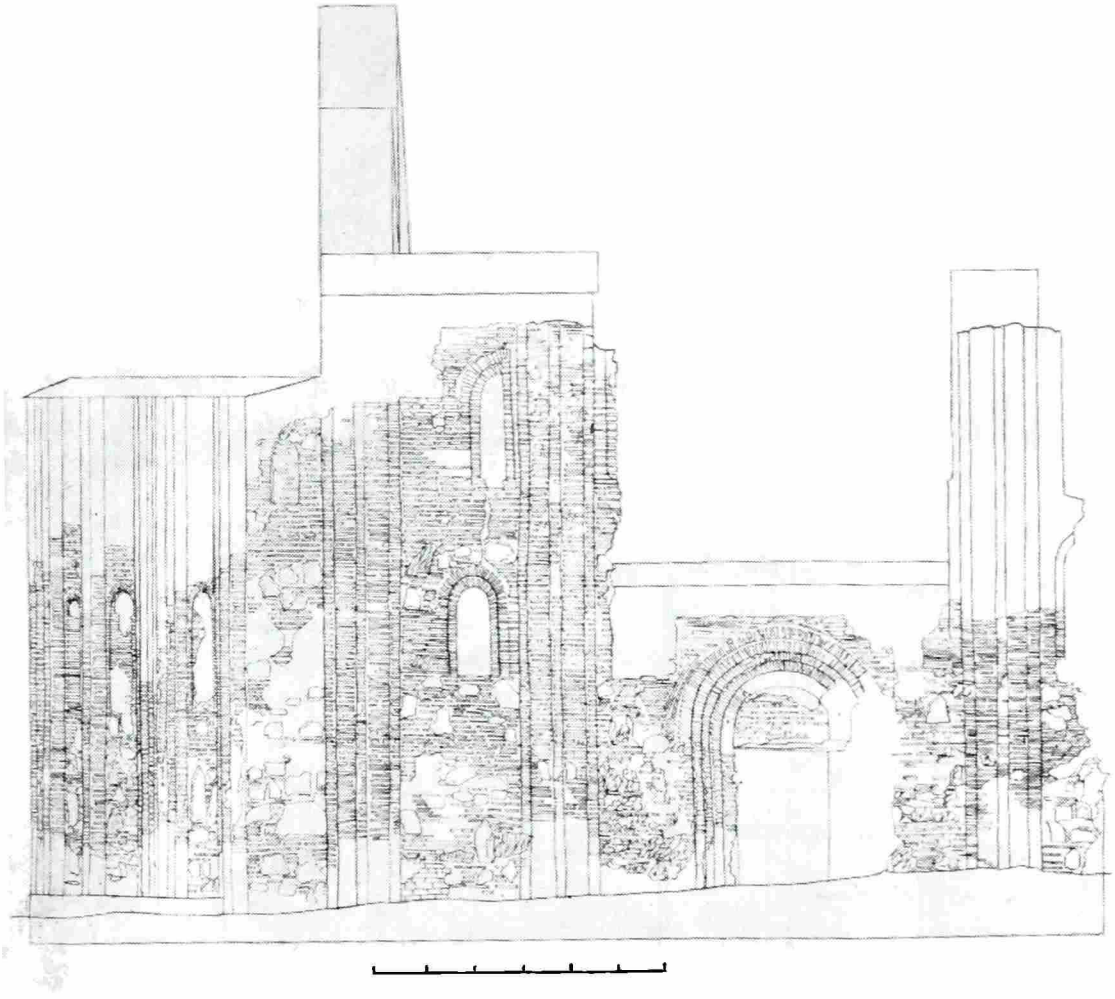


Рис. 2. Северный фасад. По чертежу П. П. Покрышкина

восстановить научные данные, полученные в процессе изучения памятника в 1907—1908 гг. К сожалению, раскопки, проведенные в эти годы, имели прежде всего не научное, а строительное назначение. Задачей раскопок было выявление плана здания для замены его фундаментов новыми, а в тех местах, где существовали стены, для укрепления старых фундаментов. Что же касается до работы П. П. Покрышкина, то в первый свой приезд в Овруч он в основном изучал сохранившиеся руины и лишь во второй приезд провел здесь раскопки. Однако и на раскопках П. П. Покрышкин не столько фиксировал найденные фрагменты, сколько тут же определял их место во вновь возводимой кладке и производил их разборку. Отчет П. П. Покрышкина — крайне суммарное описание выполненной им работы — не дает полного представления о самом памятнике[30]. Некоторые данные можно дополнительно получить из обмерных кроки и зарисовок П. Покрышкина в его альбоме и записных книжках[31]. Дневника раскопок П. П. Покрышкин, видимо, не вел. Наибольший интерес представляют карандашные чертежи П. П. Покрышкина, выполненные с чрезвычайной точностью и тщательностью[32]. П. П. По-

---

[30] Архив ЛОИА, ф. 21, № 21.

[31] Архив ЛОИА, ф. 21, № 17, 18, 19 и 20.

[32] Архив ЛОИА, Р. 1, арх. № 27. Приводимые в настоящей статье чертежи исполнены по черновым чертежам П. П. Покрышкина студентами архитектурного факультета Института им. Репина (Ленинград) Л. Алексеевой, А. Кокориным и В. Мановым.

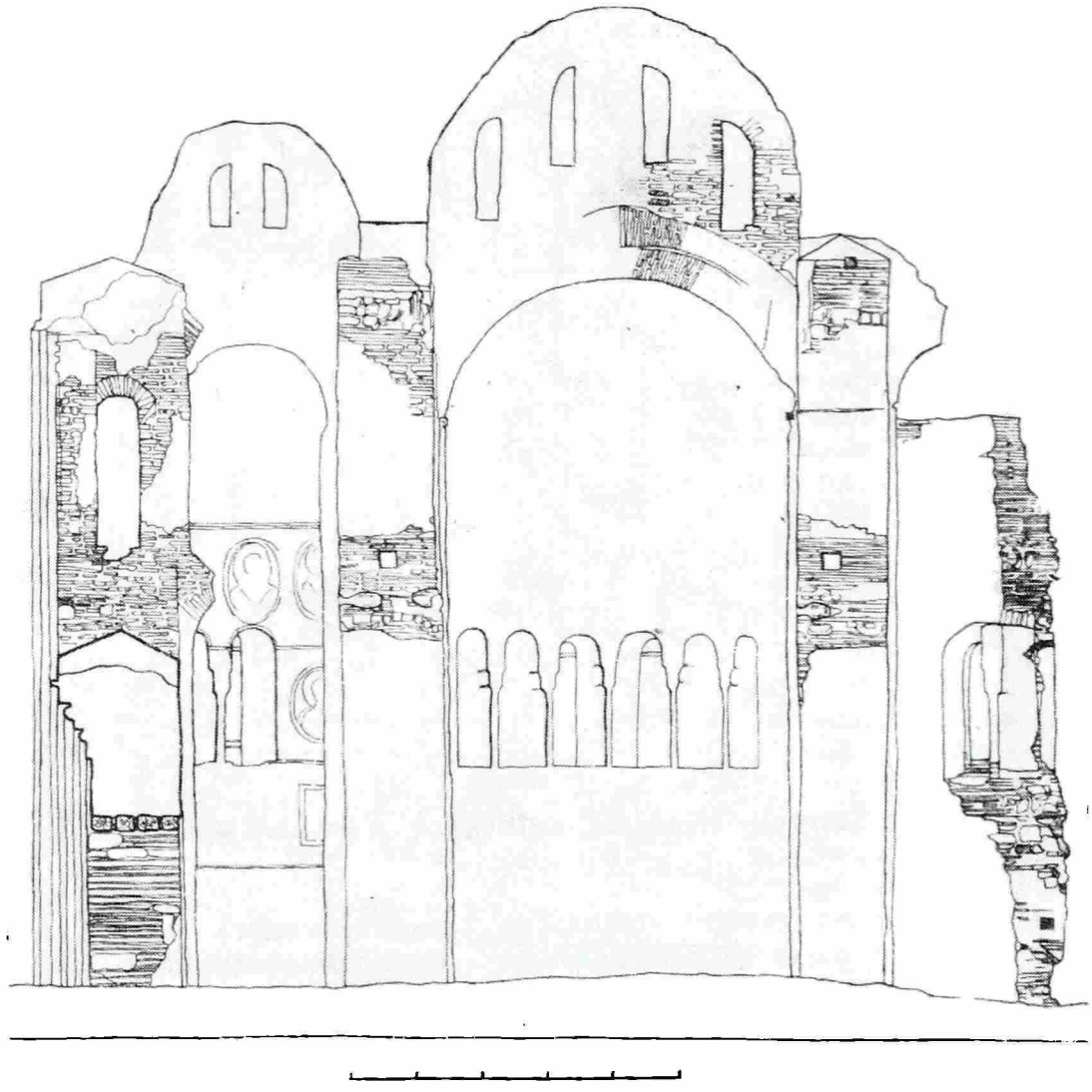


Рис. 3. Поперечный разрез. По чертежу П. П. Покрышкина

крышкин не обмерял руины церкви, а использовал обмерные чертежи А. В. Щусева, которые, однако, значительно уточнил и детализировал [33] (рис. 1, 2, 3). Кроме того, он попытался воссоздать фрагмент южного фасада храма на основании материалов, найденных им при раскопках (рис. 4). В фотоархиве Ленинградского отделения Института археологии имеются многочисленные фотографии, сделанные во время раскопок [34]. Некоторые сведения можно обнаружить в кратком описании работ, составленном А. В. Щусевым в 1907 г., [35] и в чертежах А. В. Щусева, хранящихся частично в Научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева (Москва), а частично в семье покойного А. В. Щусева [36].

Из этой документации видно, что в период реставрации над поверхностью земли поднималась почти целиком сохранившаяся восточная часть церкви с апсидами, значительная часть северной стены и неболь-

[33] Фотографии чертежей А. В. Щусева имеются в Деле археологической комиссии (л. 40, 41, 45, 49 и 51) и в Фотоархиве ЛОИА (III 9492-95).

[34] Фотоархив ЛОИА. Альбомы 0.415; 0.582; 0.1612; 0,764; 0.765. Все публикуемые в настоящей статье фотографии — из этой коллекции.

[35] Дело Синода, л. 64, 65.

[36] Особенно интересен план храма с нанесением раскопанных частей. Этот чертеж использован в работе: К. Н. Афанасьев. Ук. соч., рис. 93.

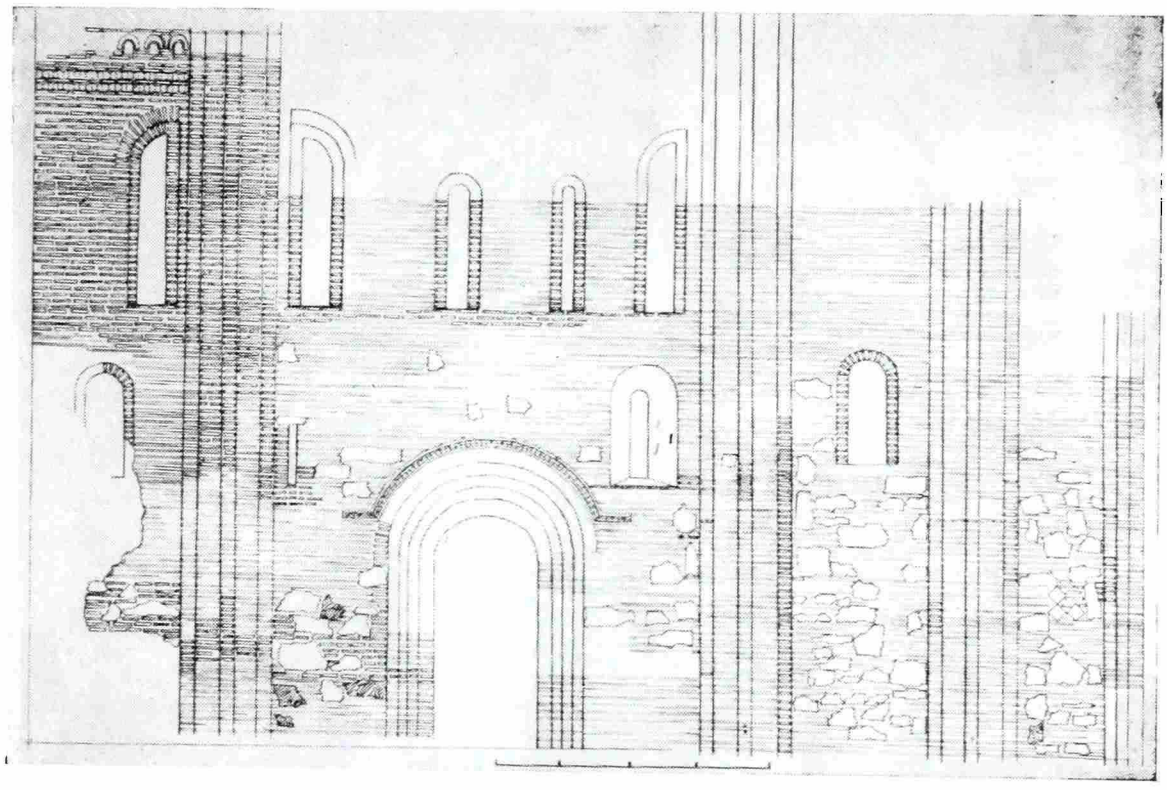


Рис. 4. Фрагмент южной стены. По чертежу П. П. Покрышкина, сделанному на основании материалов раскопок 1908 г.

шой кусок южной части западной стены (рис. 5, 6, 7). Закомары сохранились лишь на восточном фасаде; остальные участки стен сохранились до меньшей высоты. Когда раскопками была вскрыта упавшая южная стена, выяснилось, что здание обрушилось не сразу: сперва рухнула южная стена, а значительно позднее упала южная башня.

На основании архивной документации можно попытаться представить характер древнего памятника в тот период, когда он еще не был реставрирован. Церковь Василия — четырехстолпный трехапсидный храм (рис. 8). Столбы его обычной кресчатой формы, лопатки имеются как на внутренней поверхности стен, так и снаружи, причем наружным лопаткам придана сложнопрофилированная пучковая форма. Общий размер церкви по продольной оси (включая апсиду) — 21,8 *м*, а поперек — 16,3 *м*. Подкупольное пространство имеет не точно квадратную форму: вдоль храма 5,8—5,9 *м*, а поперек — 5,0 *м*. Впрочем, это размеры очень приблизительны, точная форма столбов, по-видимому, не была установлена. Внутренняя ширина церкви 12,7 *см*, толщина ее стен приблизительно 1,7—1,8 *м*. Разбивка плана неточная: имеются искривления, неодинаковые размеры пролетов, неодинаковые толщины стен и столбов.

К западным углам храма примыкают две круглые башни. План южной башни удалось определить достаточно точно. Кроме того, раскопками был обнаружен круглый внутренний кирпичный столб этой башни, а также часть ее упавшей стены (рис. 9). Северная башня сохранилась значительно хуже, и форма ее не совсем ясна; возможно, что с юга она имела не круглый, а плоский фасад. Фундаменты башен сложенные из бутового камня, оказались заложенными не в перевязь, а впритык к фундаментам храма и, кроме того, мельче их примерно на 50 *см*. Это безусловно свидетельствует о том, что на фундаменты башен предполагалась небольшая нагрузка, т. е. что башни были сравнительно невысокими. Возможно, хотя это не было окончательно установлено, что фундаменты башен были сплошными, под всей площадкой башни.

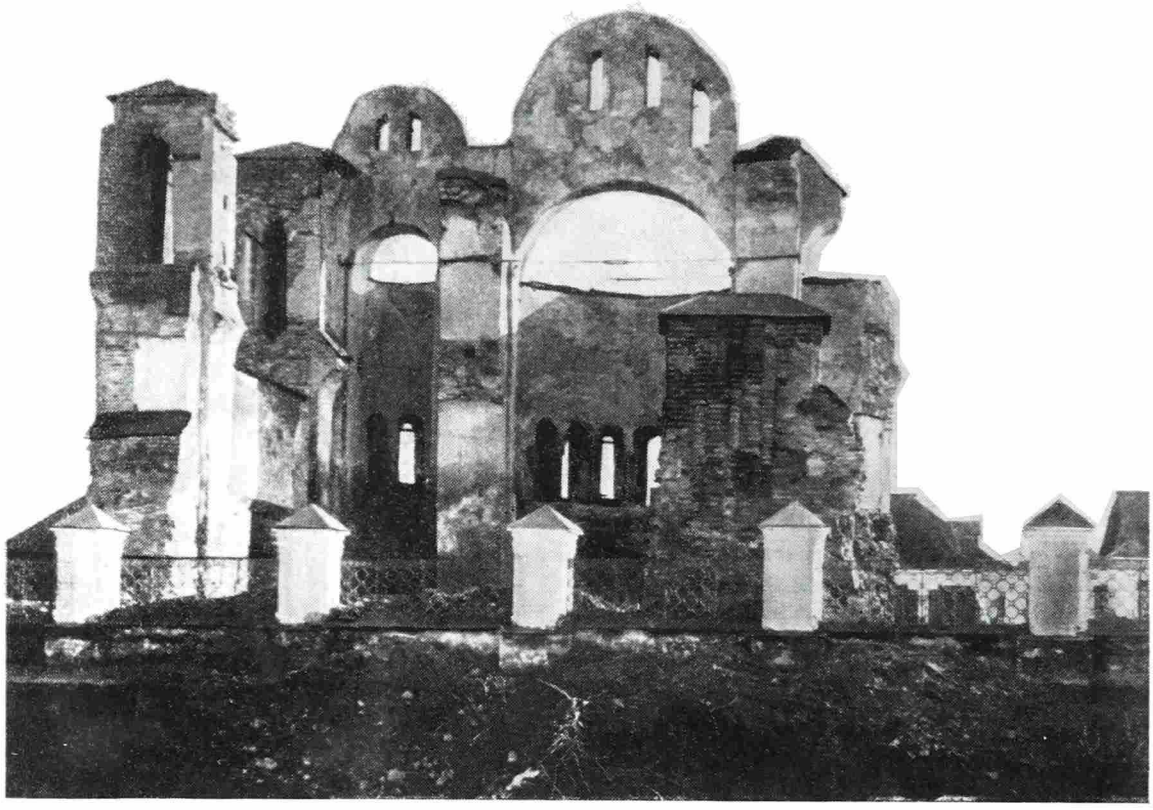


Рис. 5. Общий вид руин с запада

Фундаменты церкви сложены из необработанных кусков красного песчаника на известковом растворе. В процессе раскопок было установлено, что фундаменты подкупольных пилонов были заложены до материкового грунта, на глубину несколько более 2 *м*. Фундаменты были несколько шире, чем стены храма. Выступающие наружу профилированные лопатки здания местами опирались на фундаменты, а местами свешивались над ними.

Стены церкви сложены из кирпичей на известковом растворе. Раствор с примесью толченого кирпича и крупного песка — одинаковый во всех частях здания. Кирпичи в кладке здания имеют размер приблизительно 4,5×19×21 *см*. В нижней части храма больше кирпичей красного цвета, а выше в большинстве использованы кирпичи желтовато-белые. Выше окон третьего яруса кладка из таких кирпичей постепенно переходит в кладку из более крупных кирпичей того же белого цвета. Основной формат кирпичей здесь (7,5—8,5) × (19—20) × (29—33) *см*. Однако в арках и перемычках окон даже в верхней части здания кладка выполнена также из тонких кирпичей. Нет никаких сомнений, что обе кладки, из крупных и из тонких кирпичей, одновременны. Клейм и знаков на кирпичах нет.

У крупноформатных кирпичей по краю проходит каемка (рельефом или впадиной), свидетельствующая о своеобразном способе их формовки. Кладка довольно небрежная. Перевязка швов в большинстве случаев соблюдена, хотя маленькие колонки на пучковых лопатках вложены в кладку без перевязи снизу доверху. В кладке стен были обнаружены пустоты от деревянных связей, а в упавшей наружной стене башни при раскопках отмечено отверстие от пальцев лесов, с остатками дерева в

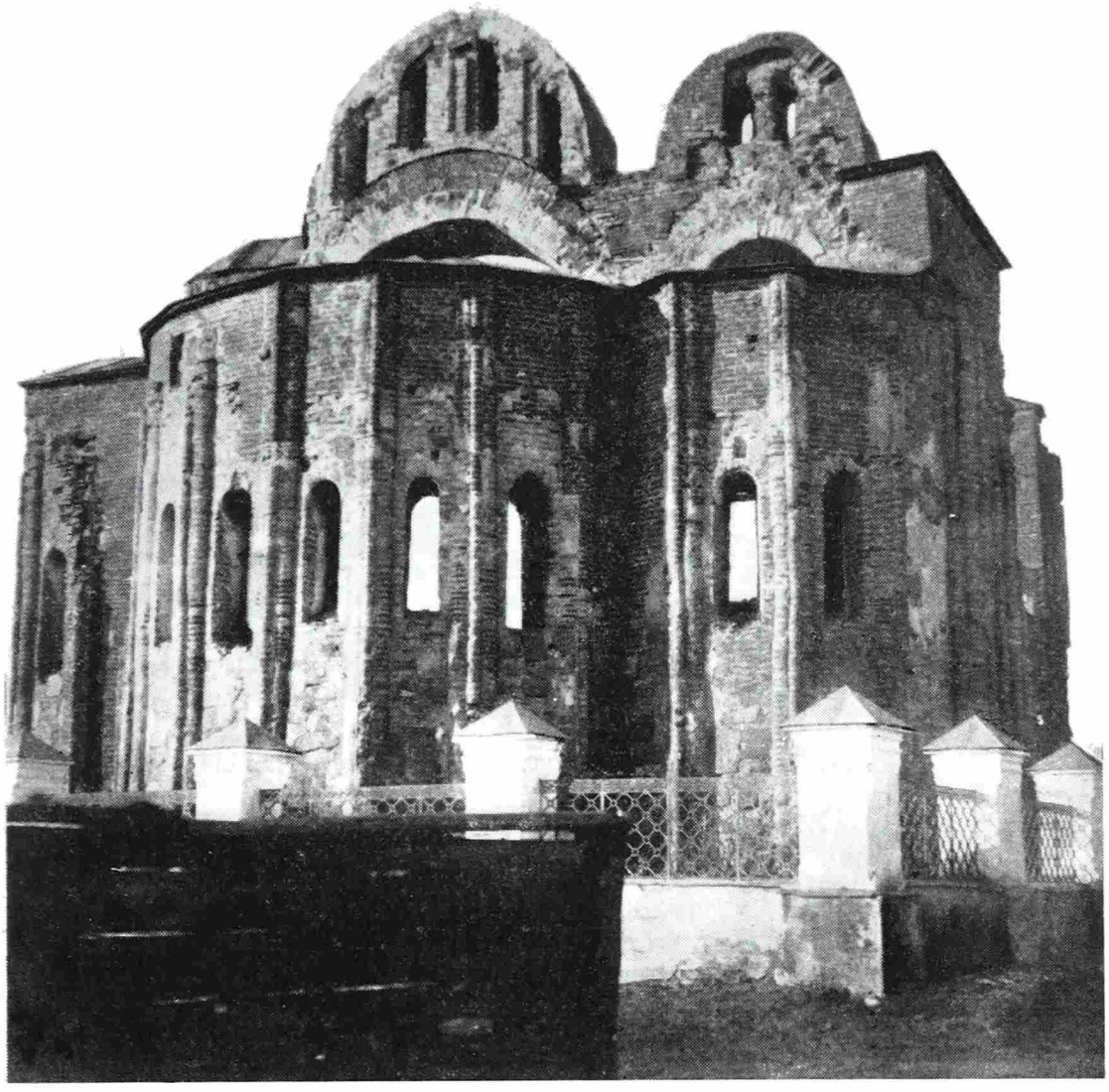


Рис. 6. Вид руин с востока

нем. В нижней части апсид имелось небольшое утолщение стены (типа цоколя), на которое опирались проходившие по апсидам лопатки.

В документах реставрации неоднократно упомянуто, что был определен уровень древнего пола, однако, по-видимому, этот уровень был установлен исключительно на основании высоты порога — красной каменной плиты, обнаруженной в пролете северного портала. По-видимому, не было установлено, чем был выстлан древний пол храма. Во всяком случае, декоративных поливных плиток, широко распространенных в архитектуре этой поры, найдено не было.

Церковь чрезвычайно насыщена декоративными элементами. Особенно бросается в глаза своеобразный прием украшения стены вставкой в нее камней с шлифованной наружной поверхностью (рис. 10). Камни эти большей частью красноватых тонов, неправильной формы. Размер камней различный: от небольших камней, имеющих размер около 30 *см*, до огромных камней длиной до 1,2 *м*. В верхней части здания камней в кладке нет. Отмечено, что в отдельных случаях эти декоративные камни даже врезались в пучковые лопатки. Кое-где подобные камни обнаружены и внутри кирпичной кладки стен. Некоторые камни в нижней части здания (в особенности это отмечено близ северного портала) имеют поверхность, испещренную как бы параллельными волнообразными полосами; по-видимому, это следы естественного выветривания кам-

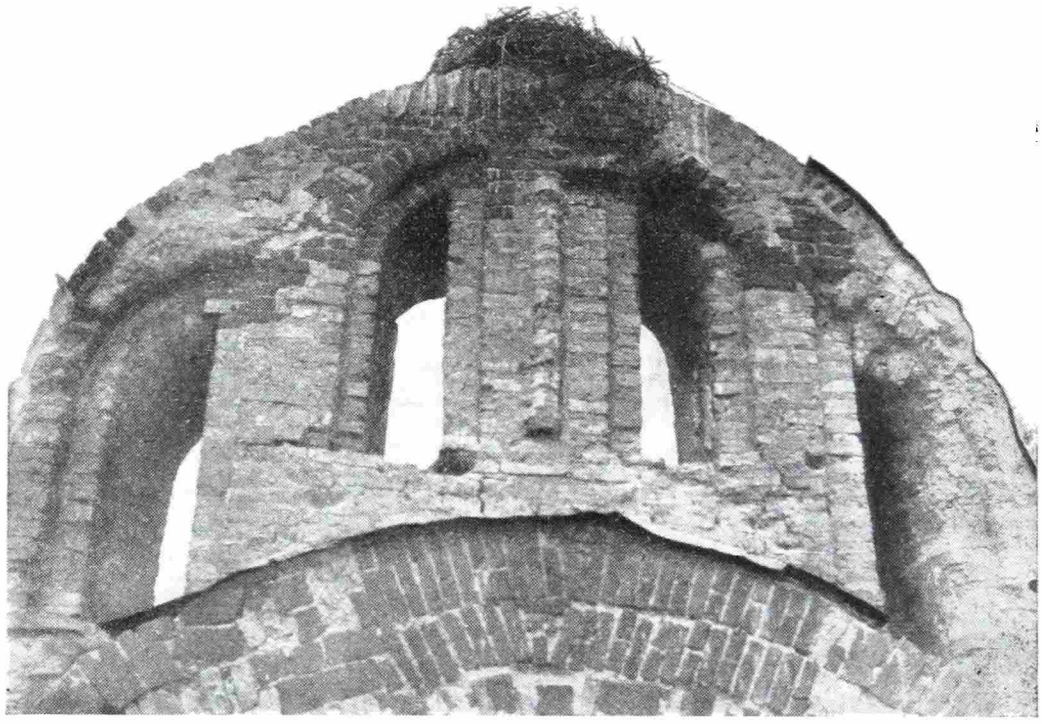


Рис. 7. Центральная закомара восточного фасада

ня, использованные строителями в качестве декоративных мотивов (рис. 11).

Между вторым и третьим ярусами окон проходит декоративный пояс, состоящий из полосы мелких арочек с двумя рядами зубцов под ними. Арочки почти плоские, выложенные из лекальных кирпичей (рис. 12).

Профилировка порталов имеет пять уступов, причем средний и крайние уступы прямоугольные, а второй и четвертый — округлые. Это придает профилям Овручской церкви характер, близкий профилям романских перспективных порталов, хотя никаких других романских элементов в порталах не имеется. Судя по раскопкам западного портала, он имел архивольт из полосы зубцов. Проем северного портала был перекрыт дубовой перемычкой.

Лопатки наружных стен церкви имеют по два уступа, несколько скругленных на углах, а на них — тонкую полукруглую колонку (диаметром 14—16 *см*). Общая ширина пучковой лопатки от 1,25 до 1,37 *м*, а наибольший вынос ее от плоскости стены — 32—36 *см*. Лопатки с маленькими полуколонками имеются также на апсидах и башнях, причем расстояния между этими колонками одинаковые, но профилировка несколько различается — лопатки на апсидах имеют один скругленный уступ, завершающийся полуколонкой, а лопатки на башнях (их удалось определить по упавшим кускам стен) — такой же уступ, но прямоугольный и также завершающийся полуколонкой.

Стены церкви снаружи не оштукатурены. В откосах же окон обнаружена не только штукатурка, но и остатки фресковой росписи — растительные мотивы. Фресковая роспись сохранялась еще и на внутренней поверхности арки главной апсиды, а также в северной апсиде. В одном из упавших окон отмечены остатки деревянной оконницы. В северной стене церкви на высоте около 7,5 *м* проходит коридор шириной около 0,6 *м* и высотой 2,4 *м*, перекрытый коробовым сводом. Местами этот коридор имеет внутри уступы, как бы лопатки, на которых некогда лежали деревянные перекладины. В этих местах коридор сужается до 48 *см*. В коридор, очевидно, попадали из башни. Продолжался ли этот коридор к востоку в апсидную часть подобно тому, как это имеет место в Колож-

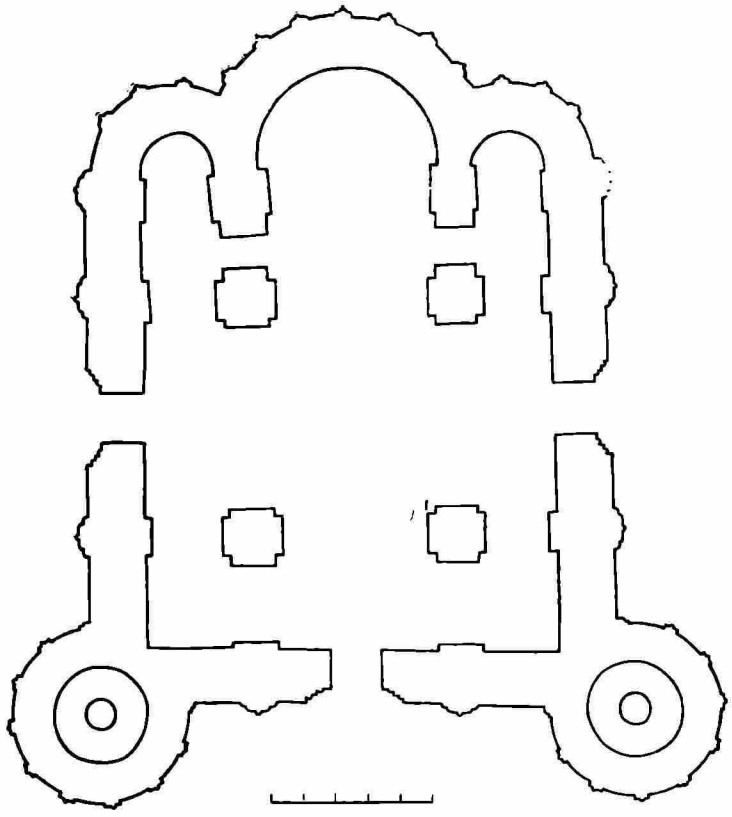


Рис. 8. Церковь Василия в Овруче. План-реконструкция

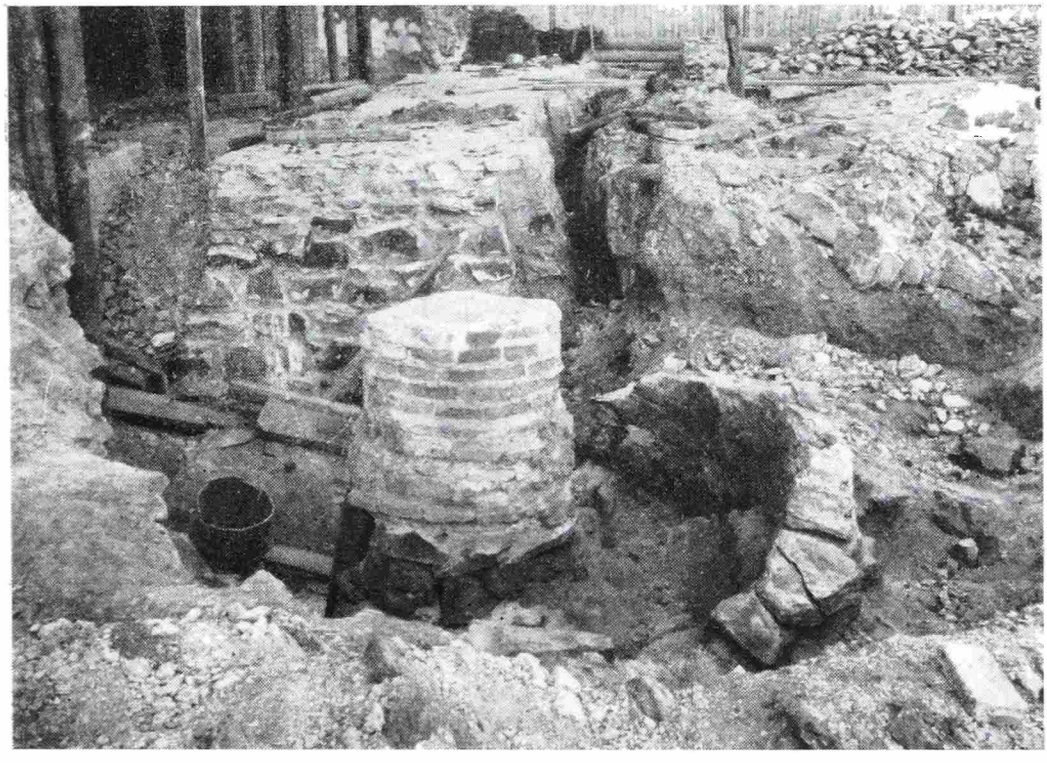


Рис. 9. Раскопки южной башни

ской церкви в Гродно), не было выяснено. Наличие гнезд от балок свидетельствует, что в церкви имелись хоры, на которые выходили через коридор. Раскопки южной стены показали, что в ней был такой же коридор.

В кладку верхних частей церкви вставлено значительное количество голосников. Это крупные сосуды с длинным узким горлом: высота их

Рис. 10. Апсиды Васильевской церкви

42 *см*, ширина в плечиках 21 *см*, диаметр дна 10,5 *см*, диаметр горла 6—7 *см*. По форме голосники идентичны голосникам Коложской церкви в Гродно.

От покрытия храма был найден лишь кусок кровельного листового свинца. Судя по тому, что Овручская церковь во всех описаниях, начиная с XVI в., называется Златоверхой, можно предположить, что ее глава была покрыта золоченой медью.

Конструкция сводов и главы храма на основании сохранившихся остатков не может быть установлена, поскольку все своды здания, вместе с подкупольными столбами, уже отсутствовали ко времени начала реставрационных работ. А. В. Щусев справедливо отмечал, что сомнения

вызывало даже обрамление закомар фасадов, не говоря уже о сводах [37].

Какие же данные могут быть использованы для реконструкции первоначальных форм завершения Васильевской церкви? Очевидно, исключительно аналогии, которые можно найти среди памятников той же эпохи. Сейчас уже не вызывает сомнений время постройки Васильевской церкви — последняя четверть XII в. Церковь не могла быть построена раньше, чем началась связанная с Овручем деятельность Рюрика Ростиславича, т. е., судя по летописи, не ранее 1170 г.[38] С другой стороны, церковь не могла быть построена после смерти Рюрика (1215 г.). Наиболее правдоподобно, что церковь была сооружена уже в то время, когда Рюрик Ростиславич был киевским великим князем, хотя и приезжал зачастую в Овруч «своих деля орудей» (например, в 1190 и 1195 гг.), т. е. не ранее 90-х годов XII в.[39].

Известно всего два храма рубежа XII и XIII вв., сохранивших свои завершения,— церковь архангела Михаила в Смоленске (так называемая Свирская) и церковь Пятницы в Чернигове. Обе эти церкви имеют ступен-

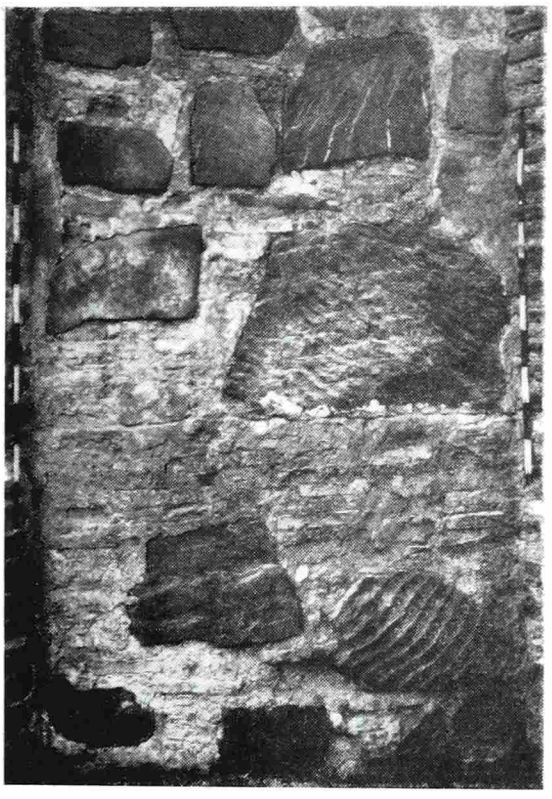


Рис. 11. Деталь кладки стены

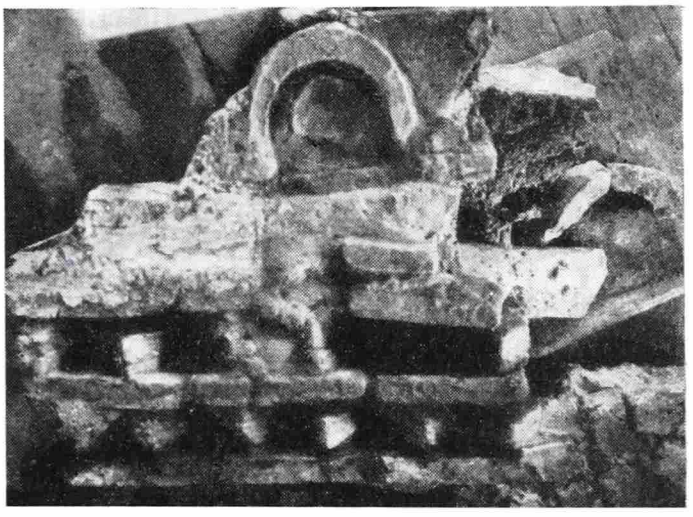


Рис. 12. Фрагмент декоративного пояса, найденный в раскопках

[37] Сохранившаяся центральная закомара восточного фасада имеет неправильное очертание, с некоторым намеком на трехлопастную форму. А. В. Щусев попытался по возможности точно воспроизвести это в своей реконструкции, из-за чего закомары восстановленного храма имеют несколько мятый вид. Подобные очертания арок отмечал П. П. Покрышкин при реставрации церкви Спаса Нередицы под Новгородом. Однако Г. М. Штендер, производивший восстановление Нередицкой церкви после войны, пришел к выводу, что подобная форма является не сознательным приемом строителей, а следствием небрежной кладки. См. Г. М. Штендер. Восстановление Нередицы. Новгородский исторический сборник, 10. Новгород, 1961, стр. 178.

[38] Указатель к первым 8 томам ПСРЛ. Отд. 1, 2, СПб., 1898, стр. 215—220; Отд. 2, СПб., 1907, стр. 319.

[39] Ю. С. Асеев. Зодчество приднепровской Руси конца XII — первой половины XIII в. Автореферат докторской диссертации. М., 1971, стр. 13.

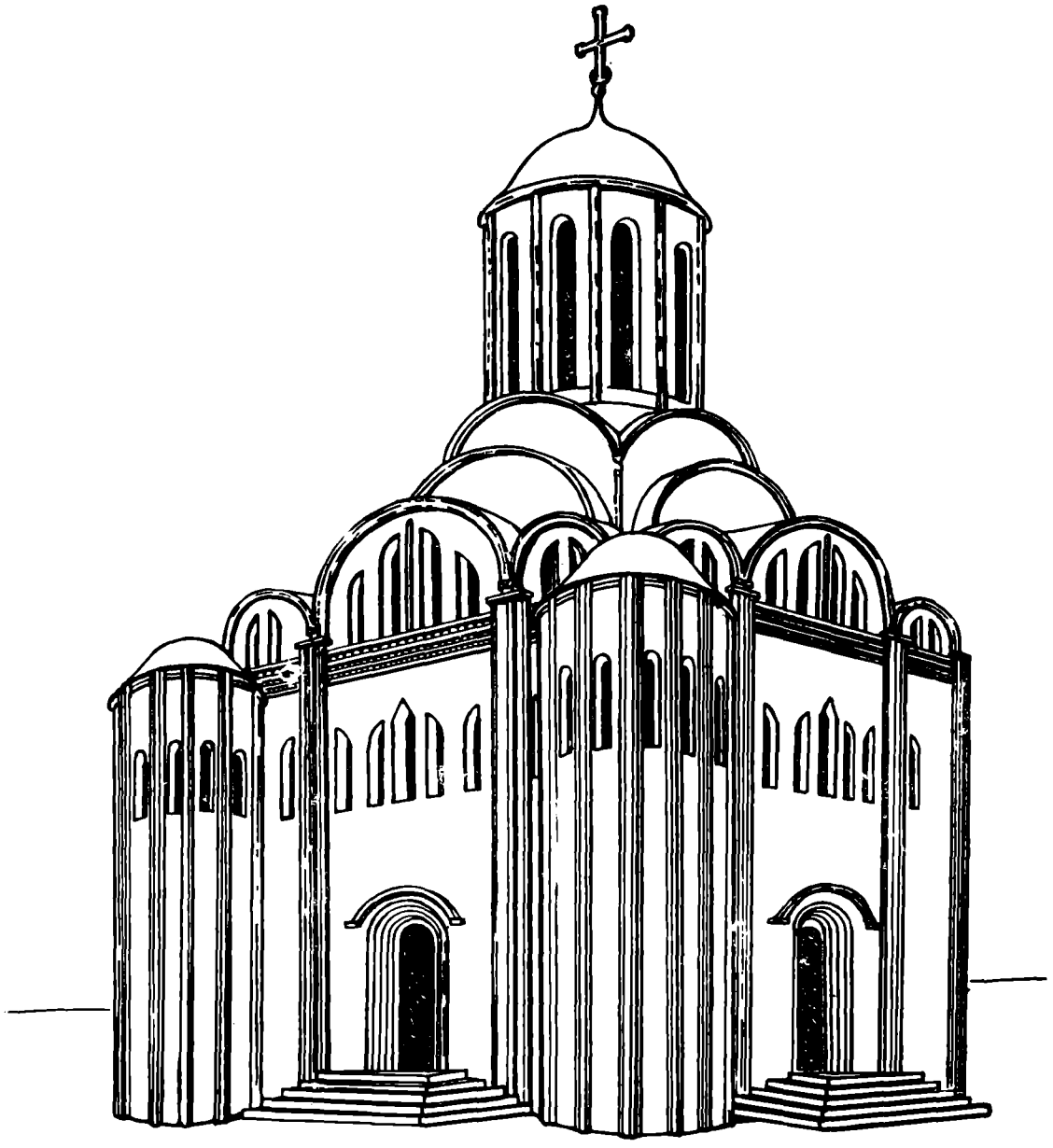


Рис. 13. Церковь Василия в Овруче. Схематическая реконструкция автора

чато-башнеобразную структуру верха, в обоих случаях подчеркнутую большим количеством вертикальных членений на фасадах, что создает динамическую, устремленную вверх композицию. Несомненно, что эта особенность композиции была характерна не только для двух указанных памятников, а являлась отличительной чертой всей русской архитектуры этого времени[40]. Церковь Василия в Овруче по плановой структуре и системе декоративного убранства — типичный памятник конца XII — начала XIII в. Поэтому есть все основания полагать, что композиция ее верха была близка типичным памятникам этого времени, т. е. также была башнеобразной. Косвенным подтверждением этому может служить очень большая мощность фундаментов подкупольных столбов церкви. Однако каковы были конкретные формы башнеобразного завершения Васильевской церкви? Ведь между Свирской и Пятницкой церквями существует не только сходство; между ними явно видна и очень существенная разница. В Свирской церкви башнеобразность композиции достигнута ступенчатым построением объема и очень большой высотой стройного барабана.

[40] П. А. Раппопорт. Некоторые вопросы истории русской архитектуры конца XIII в. «Старинар», Новая серия, кн. XX, Белград, 1969, стр. 339.

конструкция же подпружных арок осталась такая, какую обычно применяли в XII в. В Пятницкой церкви стремительный взлет барабана достигнит путем изменения самой конструкции: введением системы арок, ступенчато повышающихся к центру. Следует отметить и существенные различия в организации планов этих церквей. Так, Свирская церковь имеет план с одной сильно выступающей апсидой и двумя боковыми апсидами, имеющими снаружи прямоугольную форму; лопатки церкви прямолинейных очертаний и со значительным выносом. Для Пятницкой церкви характерна очень компактная плановая схема с тремя округлыми апсидами и мягко профилированными лопатками. Чрезвычайная типологическая и стилистическая близость Овручской церкви к церкви Пятницы в Чернигове заставляет думать, что и завершение верха церкви Василия должно было быть выполнено не по образцу Свирской церкви, а по черниговскому варианту. Такой вывод дает основания представить хотя бы гипотетическую реконструкцию первоначального облика Овручской церкви (рис. 13) [41].

Васильевская церковь обладала рядом замечательных особенностей, не встречавшихся в других памятниках этой поры. Таково, например, наличие двух невысоких башен у западного фасада, придававшее силуэту церкви особую выразительность. Золоченая глава и насыщенность фасадов цветными каменными вставками делали постройку праздничной и декоративной. Церковь Василия в Овруче несомненно была одним из наиболее ярких произведений русского зодчества XII—XIII вв.

P. A. Rappoport

L'EGLISE SAINT — BASILE A OVROUTCH

Résumé

L'eglise Saint-Basile à Ovroutch est un des monuments le plus remarquables de l'architecture de l'ancienne Russie. Construit à la limite des XII—XIIIes siècles cet édifice était en ruines depuis de XIV-e siècle. Au debut du XXe il fut restauré, mais la reconstitution de sa partie supérieure fut fausse. Au cours des travaux de restauration l'église était l'objet d'études effectuées par P. P. Pokrychkine qui y réalisait des fouilles archéologiques. Malheureusement les matérieux de ses recherches ne furent pas publiés. L'auteur de cet article fait une tentative, en se basant sur les documents d'archives, de reconstitner des matériaux de recherches de l'église effectuées en 1907—1908.

[41] Близкую реконструкцию дает Ю. С. Асеев; Ю. С. Асеев. Архітектура Київської Русі. Київ, 1969, стр. 164.

А. П. СМИРНОВ

О СТОЛИЦЕ ГОСУДАРСТВА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

Вопрос о столице государства волжских булгар со времени Френа был решен достаточно убедительно и до самого последнего времени не подвергался пересмотру. Все исторические сведения: записка ибн-Фадлана, другие свидетельства восточных авторов, русская летопись и нумизматические данные — не оставляли сомнения в том, что городище Болгары, расположенное у г. Куйбышева ТАССР, является руинами столицы Булгарского государства. Позднее С. М. Шпилевский пришел к выводу, что в XII в. столицей волжских булгар был город Биляр. Эта точка зрения получила всеобщее признание.

В последние годы начались большие исследования Билярского городища, известного в русских летописях под именем «Великого города». Некоторые исследователи считают сейчас, что столицей волжских булгар был Биляр. А. Х. Халиков пишет, что о Биляре как «столице Волжской Болгарии сообщил в 985 г. арабский географ Мукадесси, писавший, что город занимал оба берега реки (Билярки или Черемшана)»[1]. В более поздней отчетной статье о раскопках 1970 г. А. Х. Халиков называет Биляр столицей Волжской Болгарии X— начала XIII в.[2] Эта точка зрения получила в последнее время признание среди историков Казани. Однако если обратиться к источникам, то это новое мнение не получает никаких подтверждений.

Большое значение в разрешении данного вопроса имеют сведения восточных писателей, и в первую очередь записка ибн-Фадлана, прибывшего с посольством халифа Мкутадира в 921—922 гг. Записка содержит описание пути посольства, местоположения ставки болгарского царя и порядок встречи. Посольство прибыло в **столицу**, безразлично, была ли это ставка кочевника или город. Булгарский царь Альмас был старшим, это также не вызывает сомнения. Ибн-Фадлан пишет: «Когда же мы были от царя славян, к которому мы направились, на расстоянии дня и ночи пути, он послал для нашей встречи четырех царей, находящихся под его властью своих братьев и своих сыновей»[3]... «Итак мы оставались воскресенье, понедельник, вторник и среду в юртах, которые были разбиты для нас, пока собирались цари его земли, предводители и жители его страны, чтобы услышать чтение письма (халифа)»[4]. Из описания явствует, что и прибывшее посольство и царь булгарский поместились в палатках или юртах. Город Булгар, по-видимому, был уже тогда, хотя ибн-Фадлан и описывает жизнь в юртах, отмечая, что юрта царя очень большая, вмещающая 1000 душ и более, устлана армянскими коврами[5].

---

[1] А. Х. Халиков. Биляр Великий. «Советская Татария», 9 августа 1970 г.

[2] А. Х. Халиков. Тайны Старого Биляра. «Советская Татария», 14 января 1971 г.

[3] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 г. М., 1956, стр. 131.

[4] Там же, стр. 131.

[5] Там же, стр. 137.

В записке ибн-Фадлана сказано о наличии минарета [6] и базара [7]. Упоминает ибн-Фадлан и о домах: «Если молния ударит в дом, то они не приближаются к нему...» [8]. А. П. Ковалевский считает, что в данном случае имеется в виду настоящий деревянный дом [9]. Другой автор X в., Эль Балхи, пишет: «Булгар—имя страны, жители которой исповедуют ислам и имя города, в котором находится главная мечеть... Дома деревянные и служат зимними жилищами, летом же жители расходятся по войлочным юртам» [10]. Если учесть, что посольство халифа Муктадира прибыло летом, то вполне понятно размещение посольства в юртах.

Археологические данные не оставляют сомнения в существовании города с дубовыми стенами и домами из соснового дерева. В слоях X в. прослежено поселение с густо заселенными центральными кварталами, где выявлены каменные постройки. К X в. относится и ряд деревянных домов с глинобитными печами, с трубами для вывода дыма, а также значительное число хозяйственных сооружений. Уже тогда существовали ремесленные кварталы. Были исследованы сыродутные горны, мастерские кузнецов и резчиков по кости. Наряду с этим у Голанского озера, в районе гончарной слободы, датируемой золотоордынской эпохой, были открыты остатки круглых построек, по-видимому юрт, относящихся к началу X, может быть, и IX в. Эта часть городища представляла окраины города XIII— XIV вв.

Следует заметить, что город Болгар был основан на территории, где известны поселения середины и второй половины I тысячелетия н. э. Эти догородские поселки мы знаем на «Коптеловом бугре», на «Бабьем бугре» и «под Ивановском» (исследованы в 1968 г.). Они принадлежали местному финно-угорскому населению.

Восточные авторы, писавшие о Болгаре после ибн-Фадлана, отмечают его в числе городов. Так, у эль-Балхи сказано: «Куяба (Киев) больше Булгара». Ибн-Хаукаль пишет: «Булгар — небольшой город, не имеет большой территории. Он был некогда знаменит, так как был складочным местом торговли тамошнего государства, но русские разрушили его в 358 г.» (968, 969). Имеющиеся данные не оставляют сомнения в том, что Булгар был центром государства, его столицей.

Среди находок на городище археологи отмечают большое число привозных вещей — среднеазиатское стекло, сасанидская и русская поливная посуда, русские украшения и шиферные пряслица. Перед нами торгово-ремесленный поселок, который существовал уже в первые десятилетия X в. Город Болгар являлся местом, где чеканили монету. В настоящее время общепризнанно, что монеты самаркандского (918—919 гг.), шашского (920—921 гг.), балхского (918—919 гг.) и нишапурского (920—921 гг.) чеканов с именем Михаила ибн-Джафара являются болгарскими монетами, подражающими саманидским диргемам.

Более поздние болгарские монеты чеканились в Болгаре и Суваре. Монет, чеканенных в Биляре, неизвестно. Талиб ибн-Ахмед чеканил в Суваре (948—949, 949—950, 952—953, 958—959 гг.), Мумин ибн-Ахмед в Болгаре и Суваре (976—977 гг.), Мумин ибн-Хасан в Болгаре (976—977 гг.) и там же в 1370 г. [11] Эти данные свидетельствуют о значении Булгара в политической и экономической жизни края.

А. Ю. Якубовский отрицает существование города Болгар в эпоху ибн-Фадлана и склонен считать, что как город он возник после приезда

---

[6] Там же, стр. 132.
[7] Там же, стр. 136.
[8] Там же, стр. 137.
[9] Там же, стр. 214.
[10] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ., Казань, 1877, стр. 7.
[11] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 38.

посольства халифа Муктадира, т. е. после 922 г.[12] Все данные, рисующие местоположение столицы, не оставляют сомнения в том, что речь идет о Булгаре, а не о другом городе. Ссылка А. Х. Халикова на свидетельство Мукадесси основана на недоразумении. Мукадесси нигде не говорит о столице. Он отмечает Булгар, который лежит на обоих берегах реки, строения там из дерева и камыша. Главная мечеть стоит на рынке. Это свидетельство хорошо сопоставляется с местоположением Болгара, который лежал на двух берегах р. Меленки. Его культурные остатки принадлежат домонгольскому и золотоордынскому периодам. Интересно, что при работах Куйбышевской экспедиции О. С. Хованская открыла и исследовала остатки плотины, перегораживавшей р. Меленку ниже Булгара. Эти остатки были датированы домонгольским временем.

Как видно из описания ибн-Фадлана, город Болгар находился на расстоянии одного фарсанга от Волги[13]. Точно так же ему был близок расположенный у устья Меленки рынок с пристанью, куда прибывали купцы. Куйбышевской экспедицией исследован древний поселок, в котором нижние слои хорошо датированы домонгольским временем. Там были открыты полуземлянка и святилище[14]. Описание этого торжища имеется у ибн-Фадлана[15]. Наконец следует отметить упоминаемое ибн-Фадланом урочище «Три озера», «Между этим местом и их огромной рекой, текущей в страну хазар, называемой рекой Атыл (расстояние), около фарсанга»[16]. Урочище «Три Озера», по которому называется и село, расположено от Болгара на расстоянии около 7 *км*, а от Волги, там где находится торжище, тоже около 7 *км*, т. е. одного фарсанга. Все это не оставляет сомнения, что столица государства волжских булгар помещалась на месте села Болгары, где сохранялись развалины крупного булгарского города, хорошо датируемые временем от X до начала XV в. Этот богатый город, имевший огромное значение в экономике края, неоднократно привлекал к себе внимание русской феодальной знати. Его разрушили в 968—969 гг. Археологические данные позволяют утверждать, что в домонгольскую эпоху город неоднократно горел. Самый большой пожар связан с погромом Батыя.

Большую роль играл и город Сувар, где также чеканились монеты. Археологические исследования, проведенные в 30-е годы, дали большой материал, свидетельствующий о значении города в экономической жизни края. Нижние горизонты культурного слоя содержали материал домонгольского времени. Напластования золотоордынской эпохи сравнительно незначительны и бедны находками. Этот город упоминают восточные авторы эль-Балхи и ибн-Хаукаль О Суваре, по-видимому о племени, а не о городе, сказано в письме хазарского царя Иосифа. Мукадесси, Махмуд Кашгарский, Эдриси отмечают в числе булгарских городов Сувар. Как и в Булгаре, там деревянные дома и войлочные юрты. Из авторов XIII в. о Суваре пишут Якут и Казвини, пользовавшиеся сведениями ибн-Фадлана. И наконец, Хамдула в сочинении «Наслаждение сердец» пишет: «В этом округе суть три больших города: один Булгар, второй Сивар и третий Асбал (Эсбел)». Приведенные сведения достаточно ясно свидетельствуют о существовании города Сувара с X по XIV в.[17]

Кроме данных исторических мы располагаем археологическим материалом. В центре городища было открыто здание, которое существовало длительный период. Нижние пласты хорошо датируются по типам

---

[12] А. Ю. Якубовский. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX—X вв. СА, X, 1948, стр. 268.

[13] А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 135.

[14] К. А. Смирнов. Раннеболгарская землянка в урочище Ага-Базар. МИА, 80, 1960, стр. 155.

[15] А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 141.

[16] Там же, стр. 138.

[17] С. М. Шпилевский. Ук. соч., стр. 48 сл.

строительного материала и стратиграфическим данным X в., верхний свидетельствует о перестройке здания в XIII—XIV вв.[18]. Следует отметить ряд цилиндрических печей золотоордынского времени, которые напоминают печи, известные в Средней Азии. Они, по-видимому, связаны с появлением нового населения в результате прихода монголов.

О Биляре восточные источники ничего не говорят. Под этим именем он остался неизвестен и русским авторам. Это обстоятельство делает сомнительным утверждение А. Х. Халикова о большой роли этого города в политической жизни края в X в. В своей статье «Биляр Великий» он пишет: «До сих пор среди казанских татар и других народов Среднего Поволжья и Приуралья можно услышать интересные легенды и предания, повествующие о городе Бюляре — Биляре, известном в летописях под именем Великого города, древней столицы Волжской Болгарии, Одна из легенд, записанная еще в XVIII в. Рычковым, рассказывает о том, что город исстари принадлежал булгарам и был одним из первенствующих городов их государства... В обширном городе, застроенном каменными, кирпичными и деревянными домами и обнесенном высокими валами, с дубовыми стенами, жило будто бы более 50 000 человек. Говорят также, что этот цветущий город жестоко разрушил Аксак Тимур и жителей привел он в крайнюю нищету. С тех пор Бюляр перестал существовать, а оставшиеся в живых люди бежали за Каму и построили Казань»[19]. О преданиях, записанных П. И. Рычковым, сообщает и С. М. Шпилевский, правда не упоминая 50 000 жителей — число, явно не верное. Татарские предания приписывают разрушение булгарских городов, в том числе Булгара и Биляра, Аксак Тимуру, чему противоречат данные нумизматики. Известны монеты, чеканенные в Булгаре в 30-х годах XV в.

Как можно судить по летописному свидетельству 1183 г., Великим городом русские называли город на р. Черемшане[20]. Это и служит доказательством сопоставления Великого города и Биляра. Под 1164 г. русская летопись отмечает поражение булгар[21] («князь же Болгарьскы в мале утече до Великого города»). Отмечает летопись Великий город и при описании разгрома Ошеля[22]. Под 1229 г. о нем известно в связи с событиями, связанными с убийством Авраамия[23]. Великий город отмечен и при описании трагических событий 1236 г.[24]. Позднее Великий город не упоминается. Для золотоордынского времени термин «Великий» переходит к городу Болгар. Так, например, под 1395 г. упоминаются «Болгары Великие»[25]. Однако город Биляр продолжал существовать, правда не играя такой большой роли. О перенесении столицы из Булгара в Биляр косвенно можно судить по сообщениям восточных писателей, когда происходит смешение понятий «Болгар» и «Биляр». По сведениям абу-Хамида Андалузи, переданным Аашк Мухаммедом в сочинении «Обозрение миров», сказано: «Благочестивый мусульманин назывался Бюляр и по его имени город назывался Бюляром, впоследствии с арабским изменением Болгар». Френ и Хвольсон считали, что эти названия соответствуют разным городам. Смешение названий могло произойти в связи с переходом столицы в Биляр — Великий город русских летописей[26].

Письменные сведения датируют город Биляр домонгольским временем. Однако археологический и нумизматический материал заставляет рас-

---

[18] А. П. Смирнов. Сувар. Тр. ГИМ, XVI, М., 1941, стр. 150 сл.
[19] А. Х. Халиков. Биляр Великий. «Советская Татария», 9 августа 1970.
[20] ПСРЛ, 25, М.— Л., 1949, стр. 90.
[21] ПСРЛ. 25, стр. 90.
[22] ПСРЛ. 25, стр. 117.
[23] ПСРЛ, 25, стр. 123.
[24] ПСРЛ. 25, стр. 126.
[25] ПСРЛ. 25, стр. 226.
[26] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 46.

ширить хронологические рамки. А. С. Башкиров[27] нашел слои золотоордынского времени. Им не было установлено наличие стерильного слоя, который бы свидетельствовал о периоде запустения. После событий 1236 г. город оправился, и жизнь в нем продолжалась. А. С. Башкиров отмечал, что поздние слои незначительны и бедны находками. По-видимому, в это время были реконструированы старые укрепления, которые, как отмечено исследователем, не охватили всей прежней территории. Наиболее интересные находки и открытые постройки, как отмечено в отчете, относятся к домонгольскому времени. Однако нельзя считать Биляр XIII—XIV вв. небольшим захолустным городом. Известно, правда, немного монет, которые довольно хорошо укладываются в рамки конца XIII— начала XIV в. Одна из монет отмечена С. М. Шпилевским по публикации Березина; чеканена в 1293 г.[28] За последние годы при работах Куйбышевской археологической экспедиции был обнаружен ряд монет, чеканенных в Биляре. Они определены и опубликованы С. А. Яниной (чекан 1291, 1292, 1293[29], 1280, 1310[30], 1290, 1292 гг.)[31]. Этот нумизматический материал свидетельствует о возрождении города. Весьма возможно, что в это время большую роль стали играть не только Болгары и Жукотин, но и возродившийся Биляр. Князья Жукотинские самостоятельно ходили в Орду минуя болгарского князя, что косвенно свидетельствует об их самостоятельности. Судя по чеканке монет, можно предполагать и некоторую самостоятельность Биляра. Однако нет никаких оснований считать этот город в XIII—XIV вв. столицей Болгарского государства. Позднее, как можно судить по татарским преданиям, в XV в. в Бюляре правил царь Балынь-Гозя современник Сафа-Гирея. Царь похоронен в Биляре и над ним был построен мавзолей[32]. По-видимому, до самого конца существования Казанского ханства Биляр сохранял значение одного из феодальных центров.

Все документы, которыми располагает историческая наука, заставляют признать столицей Болгарского государства X—XI вв. город Булгар. В XII в. столицей стал Биляр. Великий город. В XIII—XIV — начале XV в. столицей снова стал Булгар, известный для этого времени под именем «Болгары Великие». У нас нет никаких данных полагать, что в эпоху Казанского ханства на этом месте был феодальный центр. Судя по наличию незначительных площадей культурного слоя, жизнь там теплилась. По-видимому, он существовал только как религиозный центр.

A. P. Smirnov

A PROPOS DE LA CAPITALE DE L'ETAT DES BULGARES SUR LA VOLGA

Résumé

Les confrontations des communications des auteurs orientaux et de celles tirées des Chroniques russes avec des donées archéologiques ont permis de conclure qu'aux X—XIes siècles c'était la ville de Boulgar sur la Volga qui était la capitale de l'Etat des Bulgares volgiens. Au XIIe siècle la ville de Biliar lui succéda. Aux XIII—XIVes siècles, à l'époque de Horde d'or Biliar était toujours la capitale de l'Etat. Dans les Chroniques russes cette ville était connue sous le nom des Grandes Bulgares (Bolgary Vélikiïé). Le point de vue sur Biliar en tant que capitale de l'Etat des Bulgares au cours de toute la période antérieure à l'invasion des Mongols n'est pas confirmé de sources.

---

[27] А. С. Башкиров. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 г. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, IИ. Казань, 1919, стр. 33—34.

[28] С. М. Шпилевский. Ук. соч., стр. 58.

[29] С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. МИА, 42, 1954, стр. 473, 476.

[30] С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок... в 1953—1954 гг. МИА, 61, 1958, стр. 419.

[31] С. А. Янина. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок... (1946—1958 гг.). МИА, 111, 1962, стр. 165.

[32] С. М. Шпилевский. Ук. соч., стр. 59—60.

Публикации

Ю. Н. ВОРОНОВ

ОБ ЭШЕРСКОМ ГОРОДИЩЕ

К одной из малоисследованных проблем древней истории Восточного Причерноморья относится вопрос о характере возникновения и развития здесь городской жизни. Одни исследователи рассматривают ее как продукт греческой колонизации [1], другие считают ее результатом внутреннего социально-экономического развития местных племен [2]. Трудности в решении этой проблемы заключаются в первую очередь в неисследованности важнейших греческих центров Колхиды — Фасиса и Диоскуриады — и в ограниченности соответствующих археологических данных. Поэтому лишь систематическое введение в научный оборот археологических материалов с восточнопричерноморских античных поселений сможет способствовать воссозданию реальной исторической ситуации в Колхиде в рассматриваемую эпоху.

К числу таких поселений относится городище, находящееся в пос. Нижняя Эшера в 7 *км* к западу от г. Сухуми, на юго-восточном отроге Верещагинского холма. Памятник зафиксирован М. М. Иващенко, сообщившим краткие сведения о его площади, характере подъемного материала (фрагменты черепицы, амфор, чернолаковой и местной посуды, листовой бронзы, железный шлак, кости животных, уголь) и о следах сооружений из белого тесаного камня [3]. Более полные сведения об Эшерском городище приведены Б. А. Куфтиным, опиравшимся также на подъемный материал — фрагменты черепицы и водопроводных труб, три амфорных ручки (одна со стершимся клеймом) и одна от кувшина, ножка амфоры, два пирамидальных отвеса, фрагмент сосуда грифельного цвета и несколько обломков местной керамики [4]. На основании анализа этих данных Б. А. Куфтин отнес городище к IV—III вв. до н. э. [5] В 1935 г. территория городища обследовалась экспедицией ГАИМК под руководством А. А. Иессена.

Начиная с 1967 г. культурный слой по всей площади городища неоднократно разрушался на глубину до 0,7—0,8 *м* плантажной вспашкой с при-

---

[1] И. А. Джавахов. Государственный строй древней Грузии и древней Армении. 1, СПб., 1905, стр. 42; С. Н. Джанашиа. Родовой строй у грузинских племен. Труды, II, Тбилиси, 1952, стр. 125; М. Д. Бердзенишвили. К истории города Фасиса (диссертация), Тбилиси, 1940, стр. 12, 13; В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья, 1, М.—Л., 1955, стр. 29; А. И. Болтунова. Античные города Грузии и Армении. Сб. «Античный город», М., 1963, стр. 155; М. П. Инадзе. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968, стр. 156.

[2] О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966, стр. 63, 64; Н. Ю. Ломоури. К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды. «Античное общество» (Труды конференции по изучению проблем античности), М., 1967, стр. 169; М. М. Трапш. Древний Сухуми. Труды, II, Сухуми, 1969, стр. 211, 216, 219.

[3] M. M. Ivaščenko. Beiträge zur Vorgeschichte Abschasiens. ESA, VII, 1932, стр. 109; его же. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. ИНИИК, 1935, стр. 67, 68.

[4] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. 1, Тбилиси, 1949, стр. 5—18

[5] Там же, стр. 17.

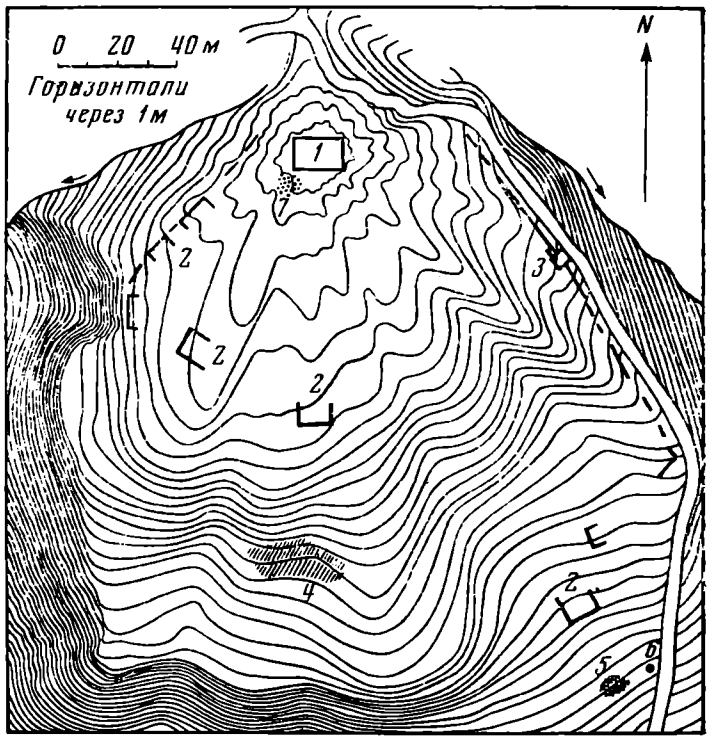


Рис. 1. План Эшерского городища

менением бульдозера. В 1967—1968 гг. на городище проводились работы совместной экспедиции Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Груз. ССР и Абхазского совета Грузинского общества охраны памятников культуры [6]. В основу настоящей работы положены материалы, полученные автором в результате тщательных поверхностных сборов, проводившихся на городище систематически после сельскохозяйственной обработки почвы с весны 1967 по весну 1970 г.

Поверхность городища (рис. 1) площадью более 3 *га* полого опускается к югу и защищена с запада, юго-запада и востока крутыми склонами. В северной его части на вершине холма прослеживаются остатки сильно разрушенной прямоугольной (примерно 12×18 *м*) постройки (рис. 1, *1*), сооруженной из тесаных квадров [7] известняка-ракушечника [8]. Кладка осуществлена на известковом растворе, красноватом от обильной примеси толченой керамики [9] — в нем попадаются иногда почти целые сосуды (рис. 2, *30* — красное лощение). Из забутовки происходят известняковая капетель (рис. 3, *33*), блок с округлым углублением (рис. 3, *34*), обломки сложнопрофилированных карнизов и других архитектурных фрагментов (рис. 3, *35*). Кроме того, на пашне видны следы еще более десятка построек (рис. 1, 2), о чем свидетельствуют теперь лишь скопления камней и разбитой черепицы.

Примечательны руины стены, открытой при проведении дороги в северо-восточной части городища (рис. 1, 3) и выполненной кладкой из валунов и уплощенных обломков известняка или редко песчаника без следов отески. Причем крупные валуны лежат на материке, образуя фундамент, а

[6] Г. Шамба, Ю. Воронов. Эшерское городище раскрывает тайны. Газ. «Советская Абхазия», 1 июня 1968 г., стр. 3.

[7] В течение последних 50—60 лет множество таких блоков ушло на окрестные постройки (М. М. Иващенко. Исследование..., стр. 68).

[8] Ближайшие природные выходы этой породы находятся в районе Нового Афона (Анухва), откуда они, по-видимому, морским путем доставлялись в Эшеру.

[9] Близкий по качеству раствор прослежен в стенах II—III вв. н. э. римской крепости Себастополис в Сухуми (В. А. Лекванадзе. Оборонительные сооружения Себастополиса. СА, 1966, 1, стр. 208, 209).

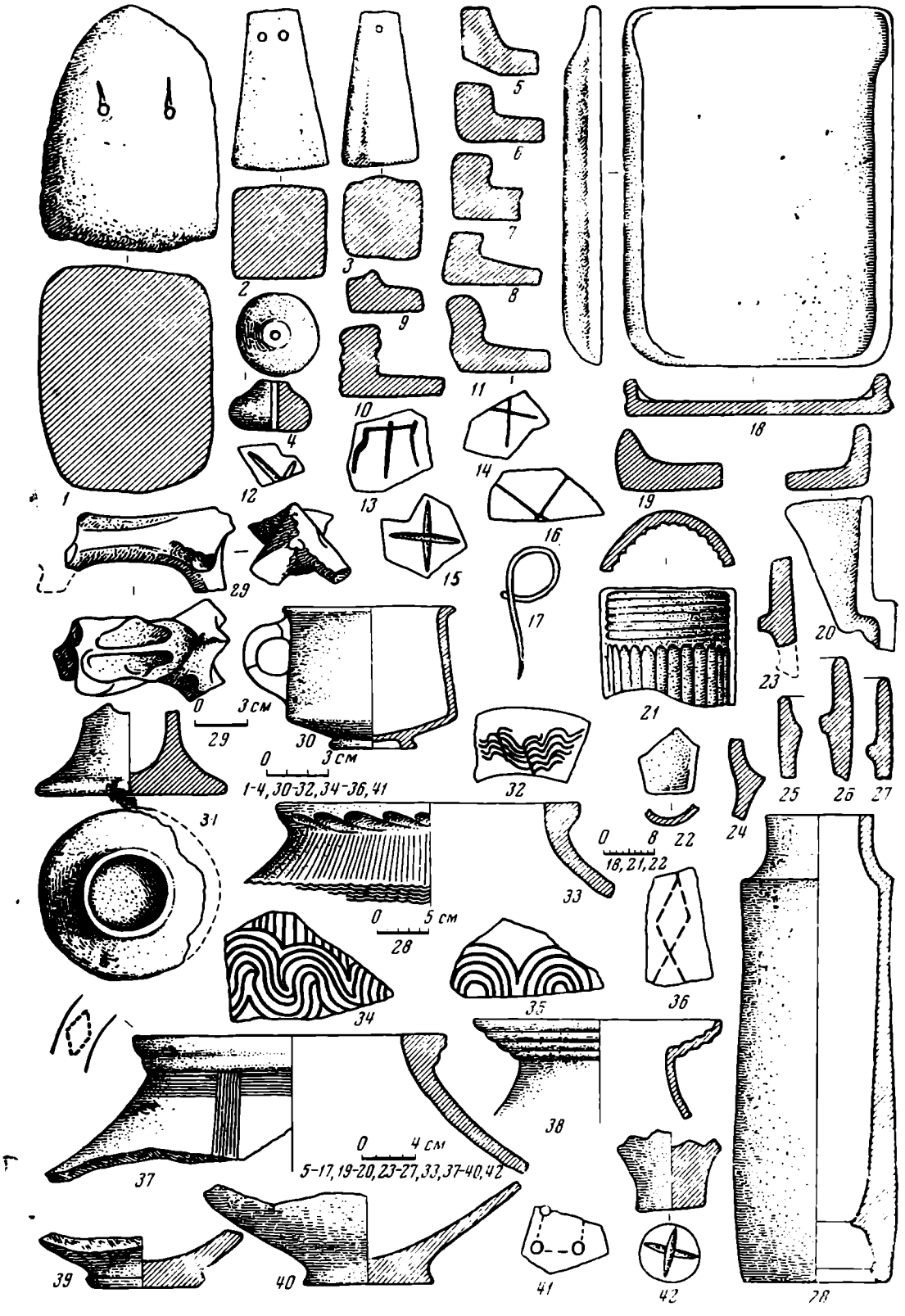


Рис. 2. Различные керамические изделия с Эшерского городища

обломки известняка или песчаника использованы для облицовки стены, пространство же между ними заполнено беспорядочно набросанными камнями. Сама стена прослеживается по контуру городища на несколько десятков метров, а в ширину до 1,5—2 *м*. В одном месте от стены наружу выступают остатки прямоугольного (размером 4×7 *м*) башнеобразного сооружения, наполовину срезанного бульдозером. В отличие от стены (куртины?), сложенной на глинистом растворе, при возведении этого сооружения был использован своеобразный, довольно прочный известково-глинистый раствор. Возможно, в данном случае мы имеем дело с

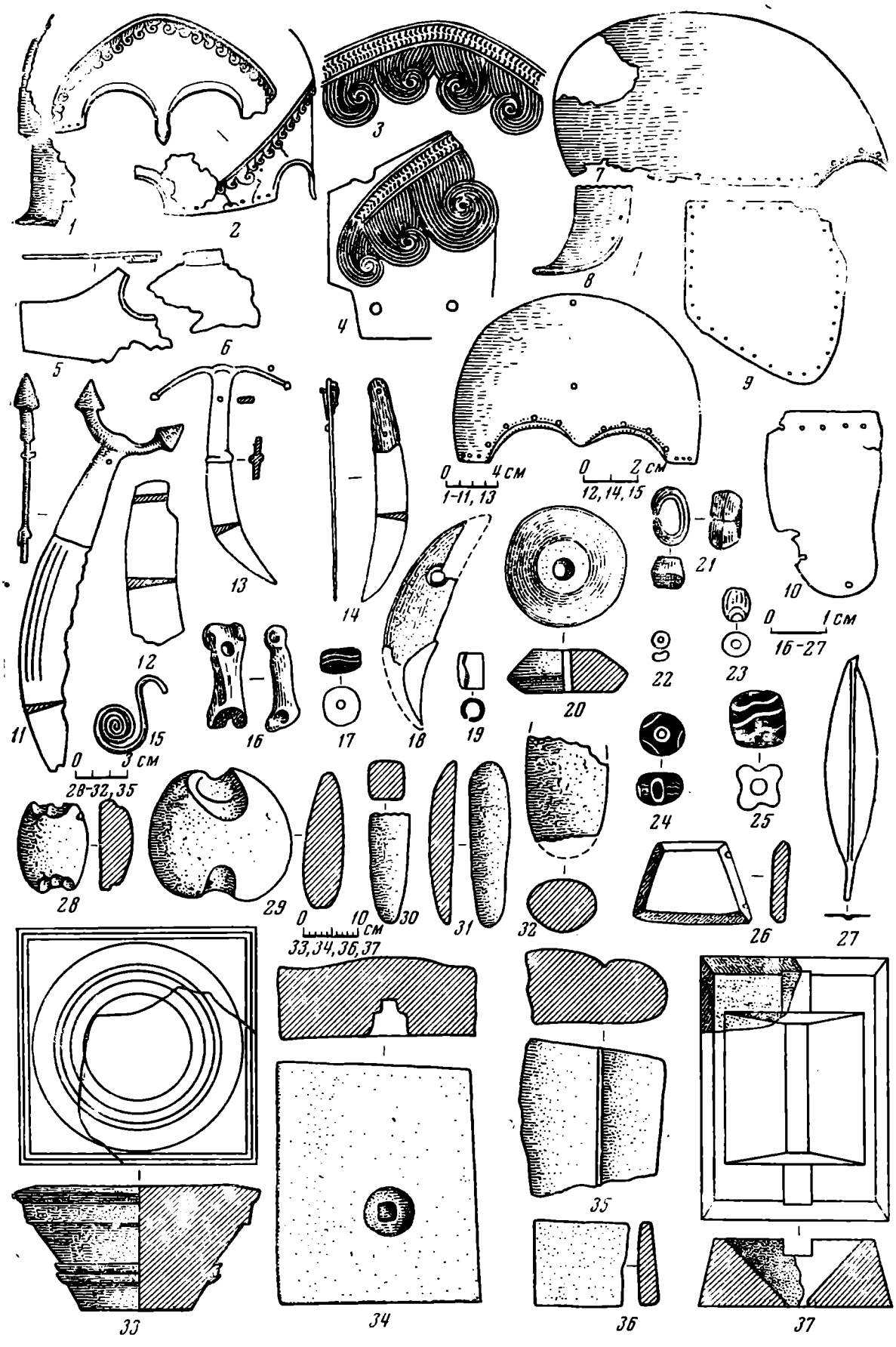


Рис. 3. Различные находки с Эшерского городища

фрагментом оборонительных стен городища, дата постройки которых может быть предположительно определена на основании анализа сопутствующих материалов (фрагменты малоазийских кубков, мегарских чаш и т. д.) II—I вв. до н. э., хотя окончательно этот вопрос может быть решен лишь в процессе раскопок нетронутой части стены.

В южной части городища (рис. 1, *4*) на пашне фиксируется довольно значительный (30×20 *м*) участок, густо насыщенный угольками, золой, многочисленными остатками обугленных костей. Здесь кроме измельченных фрагментов кухонной и привозной керамики найден золотой лепесток (рис. 3, *27*), возможно, от погребального венчика. Следы землянок (рис. 1, *5*) выявлены на юго-восточной окраине городища, а вдоль северной и юго-восточной его границы прослеживаются следы земляного вала, укрепленного валунами.

Тщательное обследование поверхности городища дало помимо ряда более редких находок обильный массовый материал [10], имеющий исключительно важное значение [11] для характеристики одного из значительных античных населенных пунктов Северной Колхиды.

Керамическая тара Эшерского городища по форме, качеству глины и фактуре может быть условно подразделена на три группы: импортную, неопределенного происхождения и местного производства.

Импортная тара представлена изделиями из светлой (желтой, розовой, реже светло-коричневой), хорошо отмученной глины (рис. 4, *1—3*, *6—10*, *12*, *21*, *29*, *30*; рис. 5, *13*(?) с мелкими, часто золотистыми, блестками слюды в тесте либо с обильной примесью пироксена (рис. 4, *11*, *22*, *23*). Выделяются фрагменты амфор хиосских (рис. 4, *2*) V в. до н. э. [12] «типа Солоха I» (рис. 4, *1*), «типа Солоха II» (рис. 4, *3*) и других (рис. 4, *30*), относящихся к IV — III вв. до н. э. [13], а также синопских (рис. 4, *11*, *22*, *23*) III—II вв. до н. э. [14] родосских (рис. 4, *6*) конца III—II вв. до н. э. [15], близких к косским и красноглиняным с двухствольными ручками (рис. 4, *29*) II—I вв. до н. э. [16] Кроме вышеупомянутой, опубликованной Б. А. Куфтиным клейменой ручки, из Эшеры теперь известны еще четыре ручки с сильно поврежденными клеймами (рис. 4, *7—10*). Среди находок имеется также большое число фрагментов двухствольных и обычных амфорных ручек, по качеству глины входящих в рассмотренную группу.

Амфорная тара неопределенного происхождения с Эшерского городища включает изделия (рис. 4, *4*, *5*, *15*, *18*, *25*, *27*, *28*) из небрежно промешанной светло-коричневой с оранжевым оттенком глины с примесями песка, слюды, мелких известковых частиц, темно-бурых железняковых включений; в некоторых изделиях (рис. 4, *4*, *18*) отмечено и присутствие пироксена. Ножка (рис. 4, *4*) по форме восходит к гераклейским амфорам середины — второй половины IV в. до н. э. [17] Другая ножка (рис. 4, *28*), по-видимому, относится к подражаниям косским амфорам III—II вв. до н. э. [18] Следует отметить также факт некоторого сходства в структуре глины и форме отдельных изделий рассматриваемой группы с северопричерноморскими амфорами IV —III вв. до н. э.— горловины (рис. 4, *6*) с пантикапейскими [19], донышка (рис. 4, *27*) с херсонесскими [20].

---

[10] Всего рассмотрено свыше 4000 фрагментов.

[11] И. Б. Зеест. Задачи исследования массового античного материала. КСИА АН СССР, 109, 1967, стр. 9—14.

[12] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 74, 75, табл. III, *11*; О. Д. Лордкипанидзе. Ук. соч., табл. XIV.

[13] И. Б. Зеест. Керамическая тара..., стр. 91, 92, 96, табл. XV, *32е*; XVI, *32ж*; XVIII, *35г*.

[14] Там же, табл. XIII, *29аб*.

[15] Там же, стр. 102, 103, табл. XXIII, *49*.

[16] Там же, стр. 105, 106, 109 табл. XXIV, *52в*; XXVI, *62б*.

[17] Там же, стр. 100, табл. XXII, *42*.

[18] Там же, табл. XXIV, *52б*.

[19] Там же, стр. 95, табл. XVII, *34в*.

[20] Там же, стр. 97, 98, табл. XXI, *39а*.

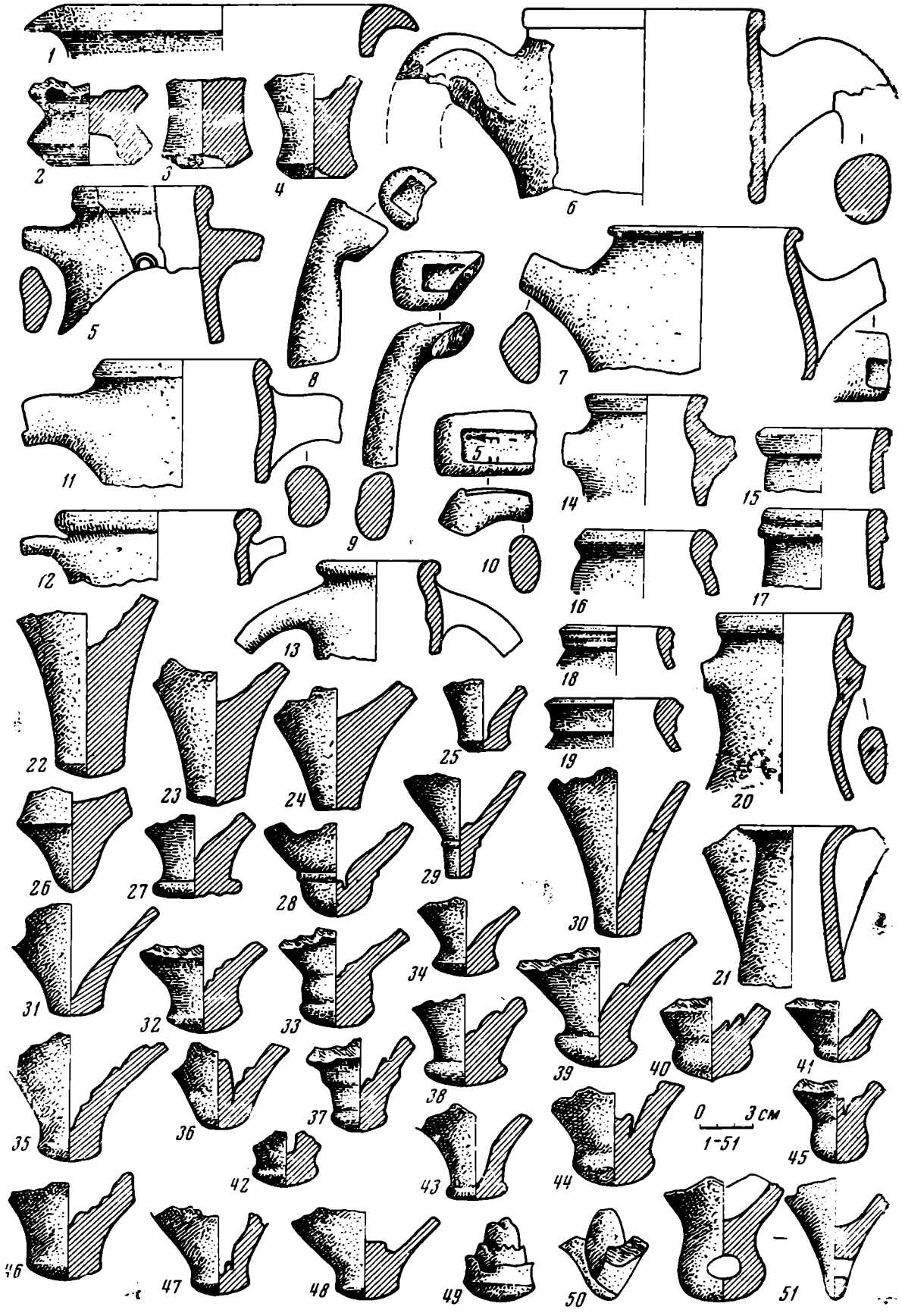


Рис. 4. Фрагменты амфор с Эшерского городища

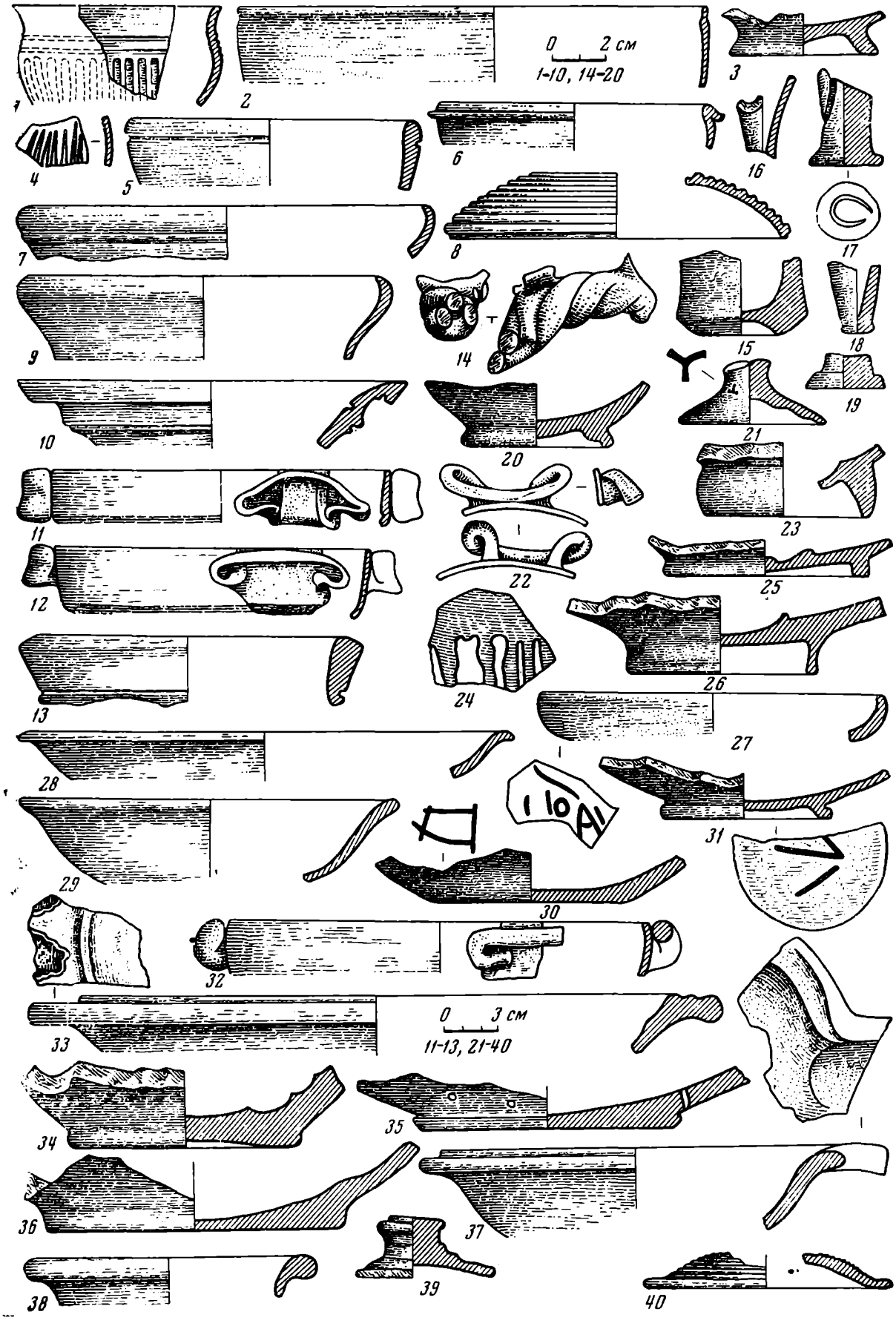


Рис. 5. Различная античная посуда с Эшерского городища

Керамическая тара местного[21] производства (рис. 4, *13, 14, 16, 17, 19, 20, 24, 26, 31—50*) характеризуется в первую очередь грубопромешанной, различных (от светло-серых до темно-красных) оттенков коричневой глиной с примесями песка, слюды, кварцита, известковых частиц, темно-бурых железистых включений, пироксена в большом (рис. 4, *20, 31, 37, 38, 43*) и незначительном (рис. 4, *13, 17, 26, 36, 46*) количестве или вообще без него. По своей форме некоторые изделия восходят к синопским (рис. 4, *24, 26*) III—II вв. до н. э.[22] и косским (рис. 4, *39*) IV—III вв. до н. э.[23] Большинство изделий этой группы должно быть отнесено к разновидностям амфор коричневой глины III—V вв. до н. э. (рис. 4, *33, 37, 45*)[24] и I в. до н. э.— I в. н. э. (рис. 4, *14, 20, 32, 35, 38, 40—43, 46, 47*)[25]; донца амфор этого типа обычно имеют с внутренней стороны спиралевидный завиток. Выделяется несколько, видимо привозных, образцов (рис. 4, *20, 31, 38, 43*), отличающихся более тщательной фактурой и большим числом пироксеновых частиц[26]. На городище встречены и фрагменты своеобразных амфор с обильной пироксеновой примесью, характерных для горных и предгорных античных местных поселений центральной Абхазии[27]. К рубежу нашей эры должны быть отнесены донышки, формованные с помощью пробки (рис. 4, *36, 44, 48—50*)[28]. К группе местных изделий (рис. 5) относятся многочисленные фрагменты аморфных ручек, часто имеющих у оснований по одному или по два пальцевых углубления[29]. Таким образом, рассмотренные материалы позволяют поставить вопрос о местном производстве амфорной тары, начиная с конца III в. до н. э., в то время как время расцвета этого производства, по-видимому, падает на II — I вв. до н. э.— начало I в н. э.

Чернолаковая посуда представлена обломками канфаров (рис. 6, *3, 4*), киликов (рис. 6, *1*), скифосов (рис. 6, *18—19*), крышек (рис. 6, *12*), блюд (рис. 6, *6—8, 10, 11*), кубков (рис. 6, *15*) и других изделий (рис. 6, *5, 9, 13, 14, 16, 17, 20*) V—III вв. до н. э., относящихся в основном к аттическому импорту. Фрагмент «мегарской» чаши (рис. 6, *21*), покрытой черным матовым лаком, связан, по-видимому, с делосской продукцией II в. до н. э.[30] Встречаются фрагменты, покрытые коричневым, бурым или ярко-оранжевым (рис. 6, *22*) лаком, характеризующим обычно продукцию III—II вв. до н. э.[31]

Краснолаковая посуда представлена фрагментами блюд (рис. 6, *23—25, 27*), мисок, кубков (рис. 6, *26*), «мегарских» чаш и других изделий ма-

---

[21] Амфорная тара местного производства была выделена на основе сопоставления глины и песчано-слюдяных примесей амфор и заведомо местных изделий (бытовая посуда колхидского типа, черепица и т. д.), причем последние с достаточной определенностью указывают на существование в окрестностях той же Эшеры ассортимента разнообразных по цвету и структуре глин. Важнейшим показателем существования местного производства амфор являются многочисленные находки керамического брака и ошлакованных амфорных фрагментов, соответствующих по глине и форме рассматриваемой группе.

[22] И. Б. Зеест. Ук. соч., табл. XIII, *29аб, 30а.*

[23] Там же, табл. XXIV, *53.*

[24] Там же, стр. 108, табл. XXVI. *59аб.*

[25] И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, 2, стр. 114, 115, рис. 7; его же. Керамическая тара..., стр. 108, табл. XXVI, *60 абв.*

[26] В пользу местного изготовления подобной тары должен свидетельствовать факт находки на городище обломков черной кристаллической породы, в результате дробления которой получается пироксеновидный порошок, соответствующий примеси в глине многих местных керамических изделий. Этот прием заимствован из техники изготовления керамики синопско-гераклийского круга.

[27] Ю. Н. Воронов. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии. ВДИ, 1968, № 3, стр. 136, 137, рис. 2, *14, 15*; его же. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, стр. 47, 48, 54—56, 58, 59, табл. XXIX, *15—18, 20, 23.*

[28] И. Б. Зеест. Керамическая тара..., стр. 126.

[29] М. М. Трапш. Древний Сухуми, табл. XXVIII, *14*; XXX, *1.*

[30] Д. Б. Шелов. Находки в Танаисе мегарских чаш. Сб. «Античные древности Подонья — Прпазовья», М., 1969, стр. 237.

[31] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, М., 1953, стр. 25.

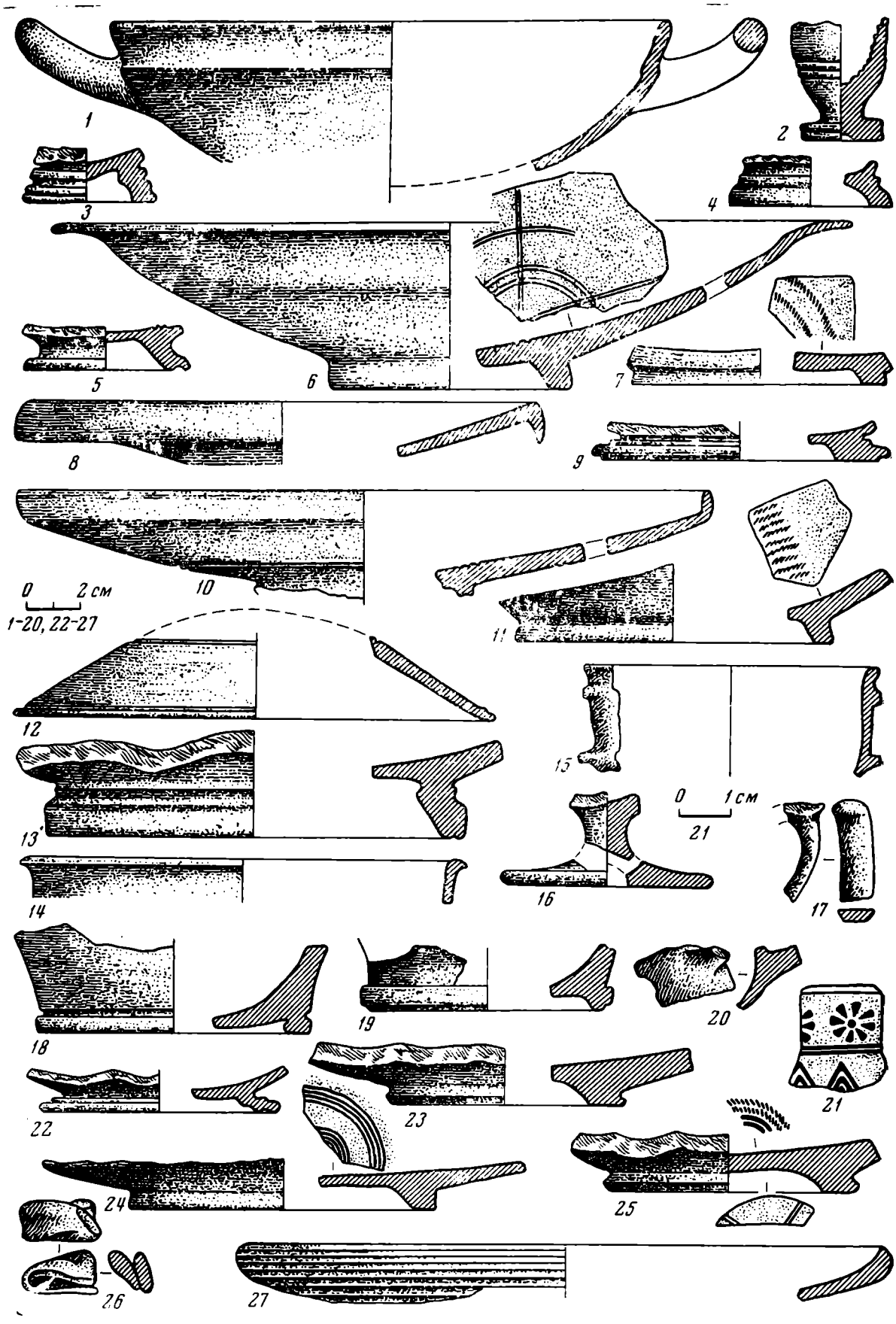


Рис. 6. Чернолаковая и краснолаковая посуда с Эшерского городища

лоазийского характера, по времени не заходящих позднее самого начала нашей эры (рис. 6, *27*)[32].

Бытовая керамика из тонкоотмученной глины подразделяется по цвету на грифельно-серую (рис. 5, *1—4*), здесь, по-видимому, сопутствующую чернолаковой посуде[33], и на светлоглиняную (розовых, желтых, оранжевых оттенков), включающую поддоны (рис. 5, *15, 20, 23*), крышечки (рис. 5, *8, 21, 39, 40*), фрагменты малоазийских, по-видимому пергамских, кубков (рис. 5, *11, 12, 22*) I в. до н. э.[34], амфориски (рис. 5, *16—19*) *II*—I вв. до н. э.[35] и другие изделия (рис. 5, *5—7, 9, 10, 14, 38*; рис. 7, *30*.) Сероглиняная крышечка (рис. 5, *21*), имеющая выпуклую букву Y у ручки, по своей форме и манере исполнения буквы может быть отнесена ко II в. до н. э.[36]

Обломки лутериев (рис. 5, *33*) и других (рис. 5, *34, 35*) изделий из светлой, характерных расцветов глины с обильной примесью пироксена должны быть отнесены к синопской продукции IV—III вв. до н. э.[37] На городище встречено также значительное число фрагментов лутериев (рис. 5, *36, 37*) и других изделий из светло-коричневой с оранжевым оттенком глины с песком, крупными частицами темно-бурых железистых включений, изредка с примесью известковых и пироксеновых частиц. По типу глины к последним близки малоазийский по форме кубок (рис. 5, *32*), крышка (рис. 7, *34*) и закраина сосуда (рис. 5, *38*).

Керамика красного и темно-коричневого лощения, являющаяся в основном, по-видимому, продукцией местного производства, включает обломки мисок (рис. 5, *27, 29, 30*), тарелок (рис. 5, *28, 31*), рыбных блюд (рис. 5, *25, 26*) и других изделий (рис. 7, *20, 28*), имеющих в своей основе античные формы IV—II вв. до н. э.[38] На этих изделиях часты граффити (рис. 5, *27, 30, 31*). Фрагмент кувшина (рис. 5, *24*) покрыт частично красной краской, стекающей по светло-коричневому полю. Любопытны придонная часть сосуда серо-коричневого слабого лощения (рис. 2, *31*) и поддон (рис. 7, *20*) коричневого лощения, имеющий в глине примесь песка, слюды, большого числа известковых частиц и отдельных пироксеновидных включений. Лощение присутствует и у местной керамики колхидского типа — котловидных сосудов (рис. 8, *16*), кувшинов (рис. 8, *23, 27*) и т. д.

Простая античная керамика представлена многочисленными фрагментами кастрюль, горшков, мисок, крышек, кувшинов и т. д. Все эти изделия могут быть разделены на две группы — более раннюю, по-видимому, привозную, и местного производства. В первую группу входят главным образом фрагменты кастрюль (рис. 7, *1, 3, 4, 12, 13, 26*) и соответствующих им крышек из светло-коричневой, хорошо промешанной глины со светлой выступающей примесью, редко с отдельными мелкими пироксеновидными включениями, относящихся к V—II вв. до н. э.[39] К этой же группе примыкают изделия (рис. 7, *11, 16*) из глины оранжевого оттенка с кварцитовыми и железистыми примесями. Посуда второй группы характеризуется глав-

---

[32] Э. Я. Николаева. Раскопки городища Кепы в 1964 г. КСИА АН СССР, 109, 1967, стр. 98, рис. 36, 13.

[33] Б. А. Куфтин. Материалы..., 1, стр. 17.

[34] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 310, рис. 9, *2, 3*.

[35] И. Т. Кругликова. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея. МИА, 56, 1957, рис. 7, *1, 2*; И. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., 1967, рис. 17, *3*.

[36] И. Т. Кругликова. Ук. соч., рис. 3, *12*; Н. М. Лосева. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре. МИА, 103, 1962, стр. 204, 205, рис. 5, *1*.

[37] И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. Типы толстостенной керамики из Пантикапея. МИА, 103, 1963, стр. 158, рис. 11, *1*.

[38] А. М. Мелюкова. Поселение IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка Одесской области. КСИА АН СССР, 109, 1967, рис. 16, *7*; Г. А. Лордкипанидзе. Животноводство и промыслы античной Колхиды. СА, 1967, 1, стр. 38, рис. 4, *2*.

[39] И. Т. Кругликова. Ук. соч., рис. 1, *3*; Е. Г. Кастанян. Археологическая разведка на городище Парфений. МИА, 85, 1958, рис. 15, *11*.

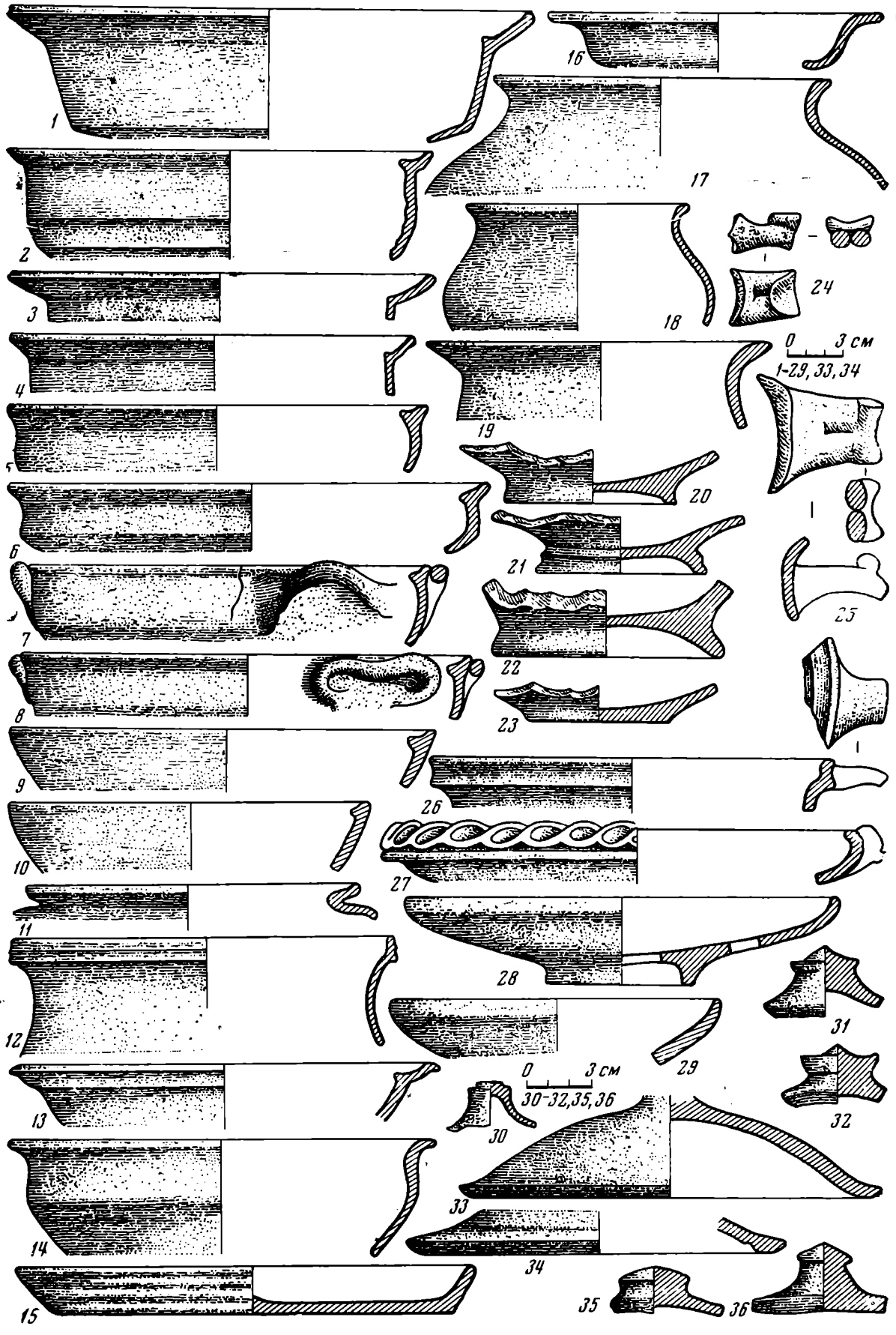


Рис. 7. Бытовая античная посуда с Эшерского городища

ным образом довольно грубой глиной темно-коричневого, редко красного или сизого обжига с обильной примесью песка, слюды, а во многих случаях (рис. 7, *8, 22,—24, 27, 33*) и пироксена. Сюда относятся фрагменты кастрюль (рис. 7, *2, 5—10—14*) и соответствующих им крышек из светло-коричневой (рис. 7, *31—33*) и темно-коричневой (рис. 7, *35, 36*) глины, фрагменты горшков (рис. 7, *17—19*), поддонов (рис. 7, *21—23*), кувшинов (рис. 7, *24, 26*), сковород (рис. 7, *15*) и других изделий, в целом относящихся к III—I вв. до н. э.[40].

Специфически местная североколхидская керамика представлена изделиями, сделанными на гончарном круге и вручную. В первую группу входят фрагменты пифосов (рис. 8, *1—9*), котлов (рис. 8, *16, 29, 30*), блюд (рис. 8, *20, 37, 38*), кувшинов (рис. 8, *23, 25, 27, 28*), кастрюль (рис. 8, *18*), крышек (рис. 8, *22*) и других изделий (рис. 8, *10, 11, 13—15, 17, 19, 21, 24, 35, 51*), главным образом темно-коричневого обжига, имеющих прямые аналогии на памятниках Колхиды V—II вв. до н. э.[41] Любопытен тот факт, что многие изделия, относимые мной к местным главным образом по форме и орнаментировке (рис. 8, *17—23, 38*), по обжигу, глине и примесям объединяются с вышеописанной группой античной кухонной керамики местного производства. Так, сосуд (рис. 8, *21*), помимо закраины античного контура, содержит в глине ощутимую примесь пироксеновидных частиц. Но наиболее любопытен факт присутствия довольно значительной примеси пироксеновидных включений в глине краснолощеного кувшина (рис. 8, *23*), по форме относящегося к одному из распространенных типов местной североколхидской керамики[42].

Местная лепная керамика, связываемая с племенами санигов (соанов)[43], представлена пористыми коричневого обжига обломками светлоглиняных (рис. 8, *12, 26, 31, 33*) и темноглиняных (рис. 8, *32, 34, 36, 39, 40*) сосудов, характеризующих античные горные и предгорные местные поселения центральной Абхазии[44]. Пористость этой керамики обеспечивалась обильной примесью толченого кальцита и известняка, выгоревших при обжиге.

Заканчивая обзор керамической посуды, характеризующей Эшерское городище, следует еще отметить скопление у остатков центрального сооружения (рис. 1, 7) фрагментов пифосов (рис. 2, *32—35, 37, 39, 40*), кувшинов (рис. 2, *36, 38, 41*) и других изделий красного и сизого обжига, характерных для поселений позднеантичной цебельдинской культуры[45], где подобная керамика датируется V—VI вв. н. э. Кроме того, на городище зарегистрированы одиночные обломки средневековых (XII—XV вв.) пифосов (рис. 2, *42*).

Обломки кирпича, черепиц, калиптеров и водопроводных труб распространены по всей территории городища. Многочисленный кровельный материал, подчеркивающий определение Эшерского городища как поселения «городского типа»[46], может быть подразделен на три группы.

---

[40] И. Т. Кругликова. Ук. соч., рис. 1, *5*; 3, *1—4, 7, 9*; 4, *6*; Е. Г. Кастанян. Ук. соч., рис. 2, *3, 7*.

[41] Л. Н. Соловьев. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира. Тр. АГМ, 1, 1947, стр. 39, рис. 6; его же. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. СА, XIV, 1950, стр. 272, рис. 4, *1, 2*; Б. А. Куфтин. Материалы..., I, стр. 43, 44, рис. 12, табл. II, *11*; его же. Материалы..., II, рис. 19, *7*; 25, *1, 4*, табл. 5 — урна погр. 4; 27, *1, 6, 7*; 33, *10*; 34, *1—6*; 35, *10*; М. М. Трапш. Древний Сухуми, стр. 227, табл. XXIX. 1—3, *4, 7*.

[42] Б. А. Куфтин. Материалы..., I, стр. 33, табл. IV *6*; его же. Материалы..., II, стр. 273, табл. 73, *5*; М. М. Трапш. Ук. соч., табл. LIV, *22*.

[43] Ю. Н. Воронов. К вопросу о локализации кораксов..., стр. 141.

[44] Ю. Н. Воронов. Археологическая карта..., стр. 47, 48, 53—56, табл. XXII, *17, 38, 54*.

[45] Там же, табл. XXV, *14, 25, 34, 37, 44, 47*; XXVI, *1, 2*; XXV, *7, 26*.

[46] О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Иберия. Тбилиси, 1968, стр. 126.

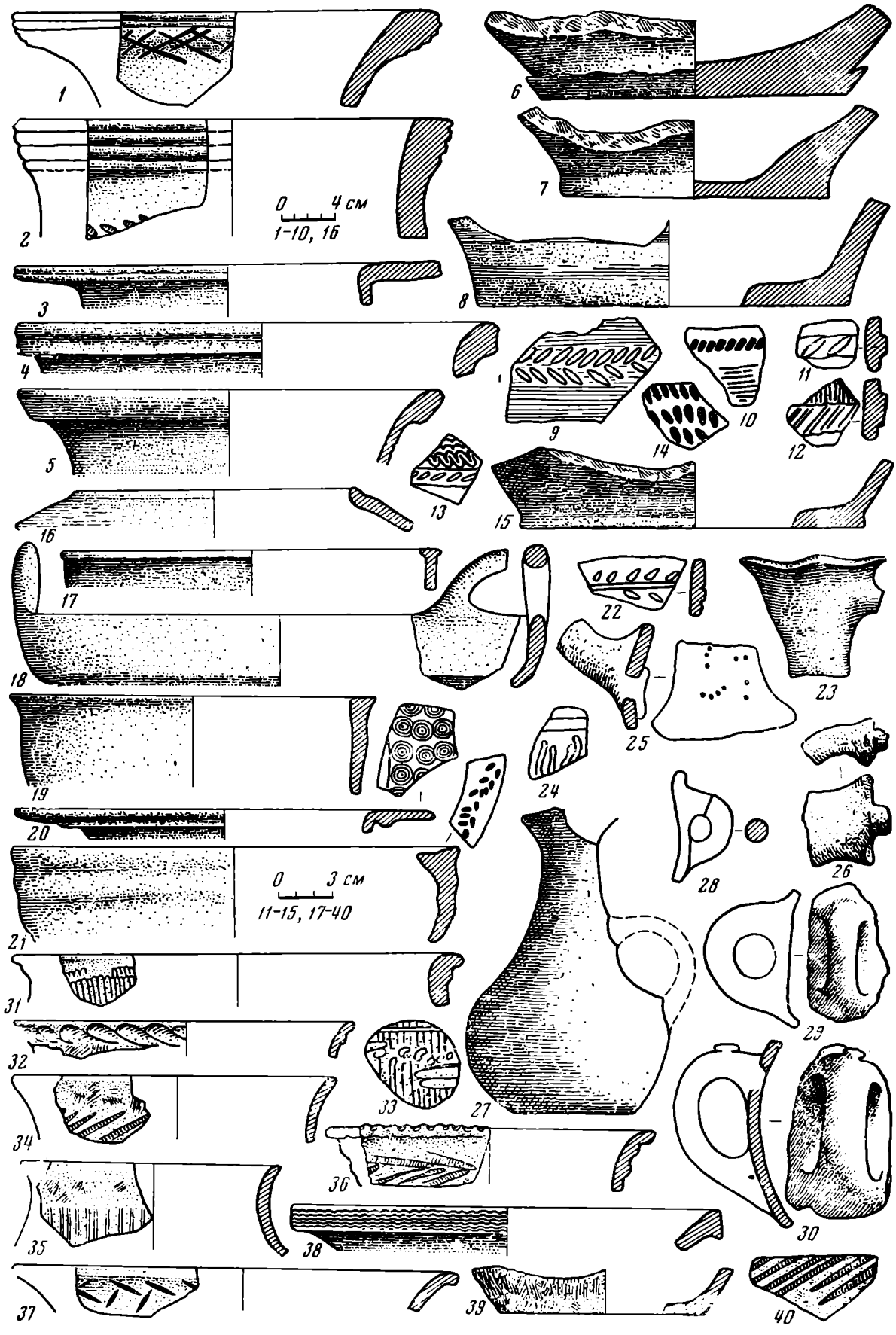


Рис. 8. Местная посуда с Эшерского городища

К древнейшей относятся фрагменты синопской[47] черепицы, характеризующейся светлой с фиолетовыми, желтыми, розовыми и иными оттенками глиной с обильной крупнозернистой примесью пироксена (рис. 2, *5*, *6*). Вторую группу составляет основная масса изделий, представленных плоской, часто с графемами (рис. 2, *12—17*), черепицей (рис. 2, *7—10*, *18*, *19*) и калиптерами (рис. 2, *21*, *22*) красного, коричневого и серого обжига с песчаным отощателем. Черепица проявляет общие черты (размер, профиль бортиков) с соответствующей эллинистической продукцией из Вани[48], Нижнего Гоми[49], Красного Маяка[50], Сухумской горы[51] и т. д. Хронологический диапазон местного производства этой черепицы может быть пока условно определен III—I вв. до н. э. Фрагмент черепицы с угловым уступом, найденный в районе здания I (рис. 2, *20*), характеризует наиболее позднюю группу кровельных материалов, относящуюся уже к позднеримской эпохе[52]. Водопроводные трубы (рис. 2, *23—28*) отформованы из глины коричневых и сизых тонов. Следы водопровода выявлены в 500 *м* к северо-западу от городища.

Среди прочих находок на городище следует отметить керамические пирамидальные (рис. 2, *1—3*) и каменные (рис. 3, *28*, *29*) грузила-отвесы, лепную зооморфную подставку (рис. 2, *29*), керамические (рис. 2, *4*) и каменные (рис. 3, *20*) пряслица, фрагменты листовой бронзы, сосредоточенные в районе здания 1, обломки орудий из гальки (рис. 3, *30—32*), а также гранитных вытянуто-овальных, круглых и прямоугольных (рис. 3, *36—37*) камней от ручных мельниц, железные ножи (рис. 3, *12*) и своеобразные кривые (ритуальные?) кинжалы (рис. 3, *11*, *13*), бусы из темно-синего стекла (рис. 3, *22—23*), пастовые — синие, с зеленым глазком и пояском (рис. 3, *24*), черно-белые (рис. 3, *25*), вставки из синего стекла (рис. 3, *26*), бронзовые пронизи (рис. 3, *21*) и т. д.

У подошвы вышеупомянутого башнеобразного сооружения (рис. 1, *3*) бульдозером была вскрыта древняя яма, из которой происходят фрагменты бронзового аттического шлема (рис. 3, *1—4*), относящегося к концу V—IV вв. до н. э.[53] Налобник его украшен рельефным пояском с двумя рядами насечек, из-под которого спускаются завитки волос. Между обломками эшерского шлема найдены фрагменты чернолакового килика (рис. 6, *5*), по качеству лака и форме сближающегося с аттическими (афинскими)[54] киликами середины V в. до н. э.[55] С территории Эшерского городища происходит также бронзовая пластинка, напоминающая примитивный нащечник (рис. 3, *10*).

Некрополь прослежен к северу от Эшерского городища. Здесь проявляются ингумационные и кремационные погребения, откуда происходят бронзовый шлем (рис. 3, *7—9*) со следами местной переделки, восходящий к коринфским образцам[56], чернолаковая посуда, в том числе маленький сосуд (рис. 6, *7*—находка М. М. Гунба), скифосы, канфары, килики, лека-

---

[47] Б. А. Куфтин. Материалы..., 1, стр. 9.

[48] О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида, табл. XXXVII.

[49] Б. А. Куфтин. Материалы..., II, стр. 89—91, рис. 23.

[50] М. М. Трапш. Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. Тр. АИ, XXIX, 1968, стр. 192.

[51] А. Н. Каландадзе. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953, стр. 80, 81, табл. XIV, *12—14*.

[52] М. М. Трапш. Древний Сухуми, стр. 320, 321, табл. XLI, *7*.

[53] Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. Тр. ОИПКГЭ, 1, Л., 1941, стр. 122, 123, 141, 142; Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 85.

[54] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 25.

[55] Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, 69, 1956, стр. 43, рис. 20; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, 69, стр. 178, рис. 41.

[56] Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 121, 122, рис. 5; табл. XIII; Е. В. Черненко. Ук. соч., стр. 91, 94, 95, рис. 49, *1*.

фы, а также светильники, мечи махайра, железные наконечники копий и ряд других изделий IV—II вв. до н. э.[57]

На южной окраине городища (рис. 1, *6*) местными жителями доследовано одиночное погребение рубежа нашей эры, инвентарь которого содержал железный нож (рис. 3, *14*), несколько костяных подвесок (рис. 3, *16*, *18*), бронзовую двухспиральную подвеску (рис. 3, *15*) и пронизь (рис. 3, *19*), сердоликовую бусину (рис. 3, *17*).

Таким образом, несмотря на почти полное уничтожение культурных напластований неоднократной плантажной распашкой, анализ накопившегося в последнее время подъемного материала характеризует рассматриваемое поселение как многослойный памятник.

Начало экономического подъема на Эшерском городище на основании приведенных материалов может быть определено временем не раньше первой половины, а возможно, и середины V в. до н. э.[58] Находки, относящиеся к данному слою (V— первая половина IV в. до н. э.), указывают на тесные связи с античными центрами (Афины, Хиос, Гераклея, Синопа).

В конце IV — I вв. до н. э. Эшерское городище переживает расцвет — материалы показывают существование здесь различных отраслей хозяйства. О земледелии свидетельствуют ручные мельницы, в частности жерновато-толкачи (рис. 3, *37*)[59], имевшие широкое распространение в античном Причерноморье[60], а также топография городища (удаленность от моря — 1—1,5 *км*)[61]. О скотоводстве свидетельствуют находки костей крупного и мелкого рогатого скота. На садоводство и виноградарство имеются косвенные указания (кривые ножи и т. д.)[62]. Широко были развиты и различные ремесла: керамическое производство кровельных материалов, кухонной, столовой и тарной посуды, по форме в большинстве своем идентичной продукции других причерноморских античных центров[63], ткачество с использованием вертикального греческого станка с пирамидальными глиняными отвесами[64], обработка камня, засвидетельствованная архитектурными деталями, кузнечное дело, специализировавшееся, по-видимому, на изготовлении сельскохозяйственных орудий и вооружения; надо предполагать существование здесь своих плотников, шорников, кожевенников и т. д. Рыболовство также играло заметную роль в хозяйстве городища, о чем свидетельствуют находки каменных грузил, керамических пирамидальных грузил типа пичвиарских[65], рыбные блюда, относящиеся к характерным деталям греческой жизни[66], а также устричные раковины.

---

[57] В. С. Орелкин. Находки на Эшерском городище. Газ. «Советская Абхазия». 17 января 1969 г., 12 (13112), стр. 4; Г. К. Шамба. Об Эшерском античном городище. Тезисы докладов XVII научной сессии Абхазского института (Итоги научно-исследовательских работ 1968 г.), Сухуми, 1969, стр. 23, 24.

[58] Следует отметить, что к этому же периоду (середина V в. до н. э.), судя по археологическим материалам, относится и начало экономического расцвета Гюэноса, связываемого с энергичными действиями в Понте Перикла во второй части V в. до н. э. (М. П. Инадзе. Ук. соч., стр. 200).

[59] Г. К. Шамба. Ук. соч., стр. 23.

[60] В. Д. Блаватский. Античная археология. М., 1961, стр. 38.

[61] И. Т. Кругликова. Роль земледелия в античных государствах Северного Причерноморья в ранний период их существования. КСИА АН СССР, 109, 1967, стр. 5.

[62] Б. А. Куфтин. Материалы..., 1, стр. 40.

[63] Следует при этом учитывать и возможность поступления части указанной продукции путем обмена из других, расположенных поблизости ремесленных центров, примером которых могут служить, в частности, обжигательные печи в пос. Красный Маяк, где зафиксировано производство амфор, черепицы, пирамидальных грузил и т. д. (М. М. Трапш. Археологические раскопки..., стр. 190—193, рис. 5—8) и у устья р. Шицкуары к северо-западу от Эшеры, где производились амфоры с клеймом ΔΙΟΣΚΟΥ . черепица и другие изделия (М. М. Трапш. Древний Сухуми, стр. 227; Ю. Н. Воронов. Археологическая карта..., стр. 50, табл. XXIX, *28*).

[64] Б. А. Куфтин. Материалы..., I, стр. 14—16, рис. 2; В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях. МИА, 25, 1952, стр. 410.

[65] Г. А. Лордкипанидзе. Ук. соч., стр. 38, рис. 3, *1*.

[66] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 51, 52.

В конце IV—I вв. до н. э. на городище используется значительный ассортимент импортных изделий, которые, однако, как и более ранние материалы, характеризуют экономические связи прежде всего самой Диоскуриады, через которую, вероятно, эти изделия путем обмена на сельскохозяйственные продукты поступали в Эшеру. Основное же направление этих связей указывает на Южное Причерноморье, а также на ряд средиземноморских и, возможно, севернопричерноморских центров.

Все вышесказанное позволяет определить Эшерское городище как аналогичный другим причерноморским античным поселениям городского типа продукт греческой колонизации. В результате даже поверхностного обследования этого памятника устанавливаются характерные хозяйственно-экономические и культурные черты, определяющие его греческий характер, позволяющие вместе с тем признать второплановой его эмпориальность — торговое посредничество жителей городища между греческим миром и местными племенами, а на первый план выдвинуть его значение как самостоятельной хозяйственной единицы, экономика которой основана не на торговле, а на сельскохозяйственном и определенном ремесленном производстве, что устанавливается и в отношении многих других раннеантичных и эллинистических городов Причерноморья [67]. В материалах Эшерского городища ясно просматриваются черты античной цивилизации, суть которой содержится в известной характеристике Маркса: «Концентрация в городе, территория которого включает в себя окружающую сельскую местность; мелкое сельское хозяйство, работающее на непосредственное потребление; промышленность (Manufactur) как домашнее побочное занятие женщин и девушек (прядение и ткачество), или как промышленность, обособившаяся только в отдельные самостоятельные отрасли производства (fabri {ремесленники} и т. д.)» [68].

Примечательно, что на самом Эшерском городище, в том числе и при шурфовке, не прослежено характерных остатков местной культуры догреческого периода, что должно быть связано в первую очередь, по-видимому, с его естественной незащищенностью, которая в то же время должна указывать на относительно мирные взаимоотношения его основателей с местными племенами. На связи с последними и на определенную местную этническую прослойку в населении городища в эллинистический период указывает специфическая местная продукция, составляющая около 21% всего рассмотренного керамического материала. Проникновение местных этнических элементов на городище, по-видимому, осуществлялось способом, обычным для других причерноморских, в частности боспорских, античных городов [69].

Важным обстоятельством является и тот факт, что значительное поселение XIII—VII вв. до н. э., хорошо изученное на юго-западном отроге того же Верещагинского холма [70], в античное время утратило свое значение, превратившись в обычное небольшое местное поселение, притом сильно эллинизированное [71]; об этом свидетельствуют обломки амфор, черно-

---

[67] В. В. Лапин. Экономическая характеристика Березанского поселения. Сб. «Античный город», М., 1963, стр. 31—39; Я. В. Доманский. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья. «Археологический сборник» (Гос. Эрмитаж), 7, М.— Л., 1965, стр. 116—135; О. Д. Лордкипанидзе. Ук. соч., стр. 32; И. Т. Кругликова. Роль земледелия..., стр. 3—8. Следует также отметить, что основные черты Эшерского городища дают возможность по аналогии с Западным Причерноморьем выделить в Северо-Западной Колхиде подэтап греческой колонизации, характеризующийся стремлением колонистов обеспечить доступ к внутренним сельскохозяйственным районам (Христо М. Данов. Характер и значение на гръцката колонизация по западния бряг, на Чорно море. «Археология», 1, София, 1969, стр. 17).

[68] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ. 1940, 1, стр. 12.

[69] Н. И. Сокольский. Кепы. Сб. «Античный город», стр. 104.

[70] Б. А. Куфтин. Материалы..., I, стр. 133—257.

[71] Там же, стр. 96—98.

лаковой посуды [72] и в первую очередь погребение III в. до н. э.[73] с характерным греческим обрядом кремации в урне — косской амфоре.

Все сказанное, по-видимому, должно исключать всякую мысль о ведущей роли местного населения в возникновении городских форм жизни в Эшере. Относительно решающей [74] роли местного населения в формировании других греческих колоний Абхазии — Диоскуриады, Гюэноса и Питиунта — нет пока необходимых доказательств [75]. Местоположение Диоскуриады предположительно определяют на дне Сухумской бухты [76], о Питиунте нет никаких археологических сведений [77]. Даже сравнительно скудные археологические материалы из Гюэноса [78] позволяют сделать вывод о типично греческом характере этого поселения [79].

О существовании мощных очагов греческой культуры на побережье должен свидетельствовать факт интенсивной эллинизации в V—III вв. до н. э. многочисленных местных поселений на побережье и в предгорьях Абхазии. «Широкое внедрение элементов греческой материальной культуры и соответствующих культурных навыков в обиход варваров» [80] подтверждается здесь наличием большого античного материала (амфоры, бытовая керамика, чернолаковая посуда, черепицы, украшения, вооружение и т. д.) [81].

Следует отметить, что выводы о местном [82], главным образом, а не греческом характере населения и хозяйственного уклада Диоскуриады делаются на основании анализа материалов в значительной мере эллинизированного местного поселения на Сухумской горе, рассматриваемого исследователями как «один из древних и густонаселенных кварталов Диоскурии» [83]. Аналогично интерпретируются и другие близлежащие местные поселения (Гуад-иху) [84]. При этом упускается из вида тот факт, что анализ культурно-этнического содержания указанных поселений может способствовать лишь определению уровня их эллинизации и отнюдь не демонстрирует реальный этнический состав самой Диоскуриады или других гре-

---

[72] М. М. Иващенко. Исследование..., стр. 64, 65.

[73] И. Б. Зеест. Керамическая тара..., стр. 106.

[74] М. П. Инадзе. К вопросу о характере развития городов Северной Колхиды в античную эпоху. САНГ, XXIII, 6, 1959, стр. 769; Н. Ю. Ломоури. Ук. соч., стр. 169; М. М. Трапш. Древний Сухуми, стр. 211. Фактически та же мысль содержится и в теории о смешанном характере античных городов колхидского побережья (Н. Ю. Ломоури. Ук. соч., стр. 170), «своеобразие» которых сегодня заключается прежде всего не в их «независимом» (Н. Ю. Ломоури. Ук. соч., стр. 169) от греков возникновении и развитии, а в их фактически полной археологической неизученности (имеются в виду зарегистрированные в античных источниках, но до сих пор точно не локализованные Фасис, Диоскуриада и Питиунт).

[75] Следует отметить, что в другом месте М. П. Инадзе прямо связывает возникновение «организованной городской общины», по крайней мере в двух колхидских городах — Фасисе и Диоскуриаде, с основанием здесь «греческих поселений» (М. П. Инадзе. Причерноморские города..., стр. 156).

[76] О. Д. Лордкипанидзе. Ук. соч., стр. 161.

[77] М. П. Инадзе. К вопросу о характере..., стр. 769.

[78] Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. СМИА, 1, 1939, стр. 7—9; Б. А. Куфтин. Материалы..., II, стр. 259—264; О. Д. Лордкипанидзе. Ук. соч., табл. XIX, *1, 3*; XX, *1*; XXXII.

[79] Л. Н. Соловьев. Диоскурия — Севастополис — Цхум. Тр. АГМ, 1, 1947, стр. 111, 125.

[80] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 50.

[81] Среди этих поселений следует в первую очередь отметить Куланурхву (Ю. Н. Воронов. Ук. соч., стр. 46), Новый Афон (М. М. Трапш. Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг. ВВ, XIX, 1960, стр. 268—270, 272, 279, 280), Красный Маяк (М. М. Трапш. Ук. соч., стр. 223—227), Одинец (М. М. Трапш. Ук. соч., табл. XLV, XLVII, XLII, LIV, LV), Сухумскую гору (А. Н. Каландадзе. Ук. соч., стр. 77, 78), Гуад-иху (М. М. Трапш. Ук. соч., стр. 223), Ахвыла-абаа (Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 124, 125). Гнатенберг (М. П. Инадзе. Причерноморские города..., стр. 189), Багмаран, Мачару (Ю. Н. Воронов. Ук. соч., стр. 58), Пацкир (Ю. Н. Воронов. К вопросу о локализации кораксов..., стр. 136, 137) и т. д.

[82] М. П. Инадзе. К вопросу о характере..., стр. 770.

[83] Там же, стр. 771.

[84] М. П. Инадзе. Причерноморские города..., стр. 21.

ческих поселений, откуда происходило «...распространение в Колхиде греческой культуры и греческого языка» [85].

Следует также подчеркнуть, что возникновение греческих колоний в Северной Колхиде происходило в специфических условиях относительного упадка местной социальной и культурной жизни, последовавшего вслед за опустошительными походами киммерийцев и скифов во второй половине VIII — первой половине VI вв. до н. э. [86] Известную разобщенность в культурно-социальный облик местного населения должны были внести и осевшие здесь в VI в. до н. э. отдельные скифские племена [87]. Кроме того, представления о «высокоразвитой социально-политической» среде [88], о возможности возникновения у местных племен собственной городской жизни [89] и о «царской власти», ограничивавшей греческую колонизацию [90], не могут быть соотнесены с Северной Колхидой и потому, что здесь в среде многоплеменного объединения гениохов [91] «... в это время (VI — III вв. до н. э.— *Ю. В.*) господствовал родовой строй» [92].

Согласно сообщению Плиния Секунда (NH, VI, 15, 16), в начале I в. н. э. Диоскуриада [93] и Питиунт были опустошены древнеабхазскими племенами гениохов. Эти события, по-видимому, положили конец городской жизни и в Эшере.

В начале V в. н. э. район Эшеры был захвачен древнеабхазским племенем апсилов [94], пребывание которых здесь отмечено вышеупомянутой керамикой специфического облика (рис. 2, *32 — 41*). С их пребыванием либо с несколько более ранним периодом следует связать строительство здания (по некоторым признакам раннехристианской церкви) на остатках более древнего, еще эллинистического сооружения (рис. 1, *1*).

В небольшой статье нет возможности коснуться всех интересных вопросов, возникающих в процессе изучения материалов Эшерского городища, и все же приведенные данные достаточно определенно рисуют экономическую и культурную специфику этого довольно значительного, тесно связанного с Диоскурией античного сельскохозяйственного поселения, проливая некоторый свет на сложный вопрос о путях и формах греческой колонизации Восточного Причерноморья.

Yu. N. Voronov

A PROPOS DU SITE URBAIN A ECHERY

Résumé

Le problème relatif à l'époque et aux particularités de la formation des villes de Colchide est assez compliqué. L'analyse des données archéologiques peut beaucoup contribuer à sa résolution. L'auteur étudies les matériaux archéologiques obtenus au cours

[85] Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 116.
[86] Г. А. Меликишвили. Ук. соч., стр. 223, 225.
[87] М. Н. Погребова. Железные топоры скифского типа в Закавказье. СА, 1969, 2, стр. 186.
[88] М. П. Инадзе. О некоторых общих чертах развития городов Причерноморья в античную эпоху (доклад на конференции по проблемам античности в Москве в 1968 г.). ВДИ, 1969, 2, стр. 175.
[89] Н. Ю. Ломоури. Ук. соч., стр. 172.
[90] М. П. Инадзе. Причерноморские города..., стр. 143, 144, 158 сл.
[91] Г. А. Меликишвили. Ук. соч., стр. 308, карта. II.
[92] Там же, стр. 251, 310. Важно также отметить, что в качестве одной из причин опустошения греческих колоний в Северной Колхиде на рубеже нашей эры М. П. Инадзе (М. П. Инадзе. Ук. соч., стр. 238) справедливо отмечает «более низкую ступень развития» местного этнического окружения.
[93] Г. А. Меликишвили. Ук. соч., стр. 364.
[94] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 401; З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959, стр. 8—11; М. М. Гунба. К вопросу о локализации крепости Трахеи. Тр. АИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963, стр. 159—167.

de l'inspection du site urbain d'Echéry situé à 7 km à l'ouest de la ville de Soukhoumi (en Abkhasie). Parmi les trouvailles prédomine la céramique importée (de Sinop, Héraclée, Chio, Rhodes, Pergame, Athènes etc.) et celle de production locale fabriquée d'après les spécimens anthiques. Les trouvailles des détails architecturaux en pierre, des casques anciennes grecques en bronze et d'autres revêtent d'une grande importance. L'analyse des matériaux ci-mentionnés montre que, primo, le site urbain d'Echéry est né au Ve siècle avant notre ère en tant qu'agglomération dont les habitants pratiquaient l'agriculture et qui était étroitement liée, du point de vue d'économie, à Dioscurias; secundo, elle fait ressortir le caractère grec de ce site et, terzo, donne lieu, à l'unanimité avec plusieurs archéologues, à mettre en rapport l'apparition des villes en Colchide du nord avec la colonisation des régions attenantes à l'est de la Mer Noire par les Grecs.

К. К. МАРЧЕНКО

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА V—III ВВ. ДО Н. Э. С ГОРОДИЩА У СТАНИЦЫ ЕЛИСАВЕТОВСКОЙ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Начало изучения комплекса лепной керамики с городища у станицы Елисаветовской Азовского района Ростовской области положено А. А. Миллером и Т. Н. Книпович, опубликовавшими итоги своих наблюдений в начале 30-х годов [1]. За прошедший период в результате работ Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Ростовского областного музея краеведения (раскопки 1954, 1958, 1959, 1964—1969 гг.) накоплен новый обширный материал существенно расширяющий наши представления о памятнике [2]. Настоящая работа ставит своей основной целью публикацию новых данных о комплексе лепной керамики с названного городища [3].

При раскопках городища лепную керамику находят во всех частях культурного слоя скифо-античного периода существования памятника. На основании датировок импортного греческого материала, сопровождающего эти находки, слой должен быть датирован V —III вв. до н. э. Наибольшее количество датируемого материала и обломков лепной посуды относятся к IV— первой пол. III вв. до н. э.— времени расцвета жизни на городище. Однако сильная перемешанность слоя не позволяет достаточно четко расчленить весь комплекс на узкие хронологические отрезки. Дробная датировка возможна лишь в относительно редких случаях и в основном для индивидуальных форм керамики. Кроме импорта V — III вв. до н. э., в верхних частях слоя спорадически фиксируются находки первой половины II в. до н. э., но соответствующего слоя здесь пока не найдено. Следует также отметить наличие в культурном слое V — III вв. до н. э. крайне незначительного числа обломков лепных сосудов, относящихся к культурам различных этапов эпохи бронзы, вплоть до ямной [4].

За период работ Южно-Донской экспедиции, вскрывшей на городище площадь несколько более 1500 $м^2$, получен огромный керамический материал. Достаточно сказать, что только за пять лет (1965 — 1969 гг.) на площади в 665 $м$ было найдено 31 857 обломков посуды. Процентное соотношение основных категорий керамики выглядит следующим образом. На центральной укрепленной части городища находки обломков остродонных амфор составили 81,3%, лепной керамики — 15,3%, посуды, сделанной на

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926—1927 гг. СГАИМК, II, Л., 1929, стр. 29 сл; Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, 104, М.— Л., 1934, стр. 159 сл.

[2] Материалы экспедиции хранятся в фондах первобытного отдела Ростовского областного музея краеведения.

[3] Автор пользуется случаем, чтобы выразить признательность В. П. Шилову, Я. В. Доманскому и И. Б. Брашинскому за предоставленную возможность ознакомиться с материалами Южно-Донской экспедиции.

[4] Работа по учету и анализу этого материала проделана Э. И. Шарафутдиновой в ее диссертационной работе «Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону».

кругу,— 3,4%. Процентное соотношение лепной керамики и сделанной на кругу без учета амфор составило: 83% — обломки лепной посуды, 17% — фрагменты керамики, сделанной на кругу. Заметно увеличивается доля лепной посуды в общем балансе находок за пределами центральной части городища, достигая 29% на его южной окраине.

В подавляющем большинстве лепная керамика найдена в обломках. За все годы раскопок на городище известно всего 28 археологически целых сосуда, естественно не охватывающих все возможные формы комплекса. Подсчет соотношения различных частей лепных сосудов дал следующую картину: обломки стенок составили 76%, фрагменты венчиков — 17%, днища — 7%.

Лепные сосуды Елисаветовского городища изготовлялись из крупнозернистой плохо промешанной глины. В тесте заметно большое количество примесей. Естественные примеси — мелкая слюда, песок. Специальные добавки в тесто для отощания глины — шамот, дресва, редко мелкие кусочки раковин. Обжиг посуды относительно неплохого качества: черепок плотный, в изломе (внутри) черный, внешне — различные вариации серого и коричневого цветов. Сосуды средних и крупных размеров изготовлялись в два или даже три приема наращиванием глиняной ленты на плоское массивное днище с последующим разглаживанием поверхности пучком травы или куском ткани. Примерно у 1,5% горшков в месте перехода плечей в горло заметен невысокий гурт — выступ, образовавшийся в результате прикрепления отдельно вылепленного горла к тулову. Маленькие сосудики лепились из одного куска глины. Под днище сосуда при его изготовлении насыпали песок либо клали кусок грубой ткани, отпечатки которой хорошо сохранились на некоторых фрагментах. Лощение поверхности на Елисаветовской керамике V—III вв. до н. э. наблюдаеся исключительно редко, и при этом оно всегда плохого качества. В целом технология изготовления лепной посуды на городище мало чем отличалась от приемов, употреблявшихся на местных поселениях V—III в. до н. э. в степной зоне Северного Причерноморья.

Поскольку анализ технологических приемов мало что дает для выделения отдельных типов керамики, возможность классифицировать материал сводится к определению значимости различий в форме, размерах и орнаменте. При этом недостаток целых форм заставляет обратить особое внимание на наиболее показательные обломки сосудов, и прежде всего на верхние профилированные части — венчики, лишь по мере возможности привлекая целые профили. Общее число обломков венчиков сосудов, учтенных в работе, включая и целые сосуды, составило 1150 единиц. Весь комплекс лепной керамики условно разделен на четыре большие группы. Три первые группы выделены на основе визуально фиксируемых существенных различий в форме верхних частей сосудов. Четвертая группа объединяет керамику индивидуальных форм.

Около 89% в общем балансе комплекса падает на закрытые сосуды с отогнутым наружу краем, выраженным горлом и округлыми плечами. Край горшков плоско срезан или, что встречается гораздо реже, скруглен. Второй прием иногда наблюдается на одном сосуде в сочетании с первым, что не дает возможности считать его самостоятельным признаком. Степень отгиба края у сосудов этой группы варьирует, так же как варьирует и вид кривой профиля, образованной отогнутым краем и частью плеча сосуда. Визуально устанавливаемая степень вариабельности и в том и другом случае значительна. Это обстоятельство позволило в свое время Т. Н. Книпович выделить из этой керамики первые два типа горшков Елисаветовского городища: тип 1— горшки с более или менее плавно отогнутым краем; тип 2— горшки с почти вертикальным горлом и крутыми плечами [5]. Судя по описанию типов, основой для их выделения послужило общее представ-

[5] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 161—164, рис. 45—46.

ление о вариабельности двух признаков — вид кривой профиля верхней части сосуда и степень отогнутости края. Уже тогда Т. Н. Книпович отмечала наличие ряда промежуточных звеньев между двумя типами, затруднявшими их четкое разделение [6]. Последующее накопление материала выявило еще более значительное число вариантов, совершенно смазывающих границы 1-го и 2-го типов классификации. Естественным поэтому казалось дать этим границам более определенное, конкретное выражение. При решении задач подобного рода наиболее оправдано применение некоторых наиболе общих приемов вариационной статистики, с помощью которых можно достаточно объективно оценить значимость для классификации изменения выбранных признаков и определить тем самым естественные границы действия признака как признака данного типа. Кроме наличия большого числа относительно однородного материала, что как раз и характеризует I группу, такой подход требует достаточно объективной оценки конкретных значений признаков. Кажется целесообразным в этой связи подробнее остановиться на схеме работы. Из общего числа венчиков сосудов, соответствующих приведенному выше описанию (I группа), были отобраны наиболее целые в археологическом отношении фрагменты. Их оказалось 120 экземпляров. В это число вошли также 11 археологически целых сосуда. Кроме наличия указанных признаков, все отобранные экземляры должны были отвечать еще одному требованию: их можно было правильно фиксировать в пространстве в соответствии с их истинным положением в сосуде. Точная фиксация профиля каждого члена выборки проводилась при помощи рисовального столика. Необходимые параметры замерялись следующим образом (рис. 1, *1*). Проецируемая на бумагу плоскость рисовального столика дает фиксированную горизонтальную линию А, от которой отходит кривая верхней части профиля сосуда. Из крайней внешней точки кривой на ее плечо опускается вертикальная по отношению к *А* линия *В*, отсекающая вполне определенный участок профиля. Через точку наибольшей вогнутости отсеченной части профиля или там, где эту точку невозможно четко определить, через среднюю часть отрезка профиля, все точки которого удалены от *В* практически на одинаковое наибольшее расстояние, проводится линия *С*, параллельная *А*, до пересечения с *В*. Практически величина, измеряемая отношением *В/С*,

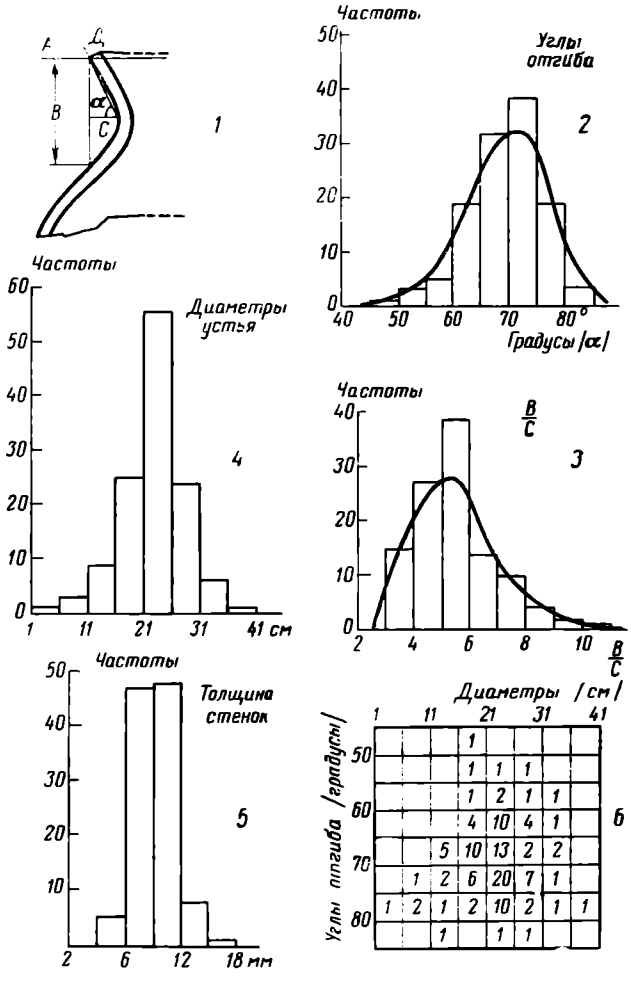


Рис. 1

1 — схема замеров значений признаков; *2* — гистограмма и выравненная кривая распределения значений отношения В/С у горшков I группы; *3* — гистограмма и выравненная кривая распределения значений угла отгиба края у горшков I группы; *4* — гистограмма распределения диаметров у горшков I группы; *5* — гистограмма распределения толщины стенок у горшков I группы; *6* — таблица сопряженности диаметров устья и углов отгиба края у горшков I группы

[6] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 165.

функционально зависима от формы отсеченной *B* части профиля. Анализ изменения значений данного отношения с определенной долей вероятности позволяет судить о степени и характере вариабельности отсеченной кривой профиля. Параметры другого признака — степень отогнутости края горшков — измерялись величиной угла, образованного пересечением линии *C* с *Д*, проведенной из точки пересечения *C* с кривой профиля через его крайнюю внешнюю точку. У большинства отобранных экземпляров (83%) каждый вид замера брался от двух до четырех раз в зависимости от сохранности и величины обломка через вполне определенные расстояния. Полученные при этом сгруппированные данные увеличили точность измерений и позволили примерно оценить вариабельность замеряемых величин в пределах любого сосуда группы. Так, например, оказалось, что разница двух наиболее отличных величин угла отгиба края в пределах одного сосуда не превышает 9°, причем у 78% экземпляров она колебалась от 0 до 3°. Эти же данные учитывались и при группировке полученных величин по классам. Затем на основании сгруппированных значений отношения *B/C* и величин угла отгиба края были построены гистограммы и выравненные кривые распределения частот [7], позволившие сделать ряд наблюдений о границах вариабельности выбранных признаков, характере и виде распределения отдельных вариант (рис. 1, *2*, *3*). Как явствует из полученных графиков, распределение отдельных значений признаков, учитывая даже положительный эксцесс кривой *B/C*, можно считать близким к нормальному. Закономерно предположить, что сама по себе вариабельность рассматриваемых признаков не даёт оснований для естественного выделения из I группы горшков Елисаветовского городища двух или более типов. Подобный же вывод напрашивается и при рассмотрении характера распределений значений диаметров устьев и толщины стенок сосудов I группы (рис. 1, *4*, *5*). На присутствие лишь одной гомогенной группы указывают также данные таблицы сопряженности значений угла отгиба края и диаметров устья горшков (рис. 1, *6*). Возможность расчленить группу наметилась лишь при сопоставлении распределений значений всех определимых диаметров устья горшков с распределе-

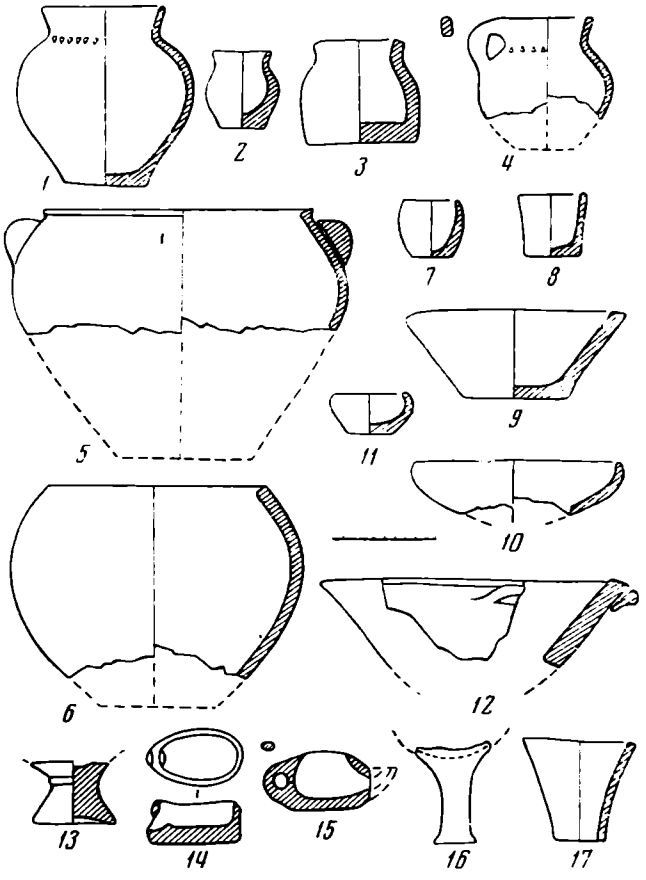


Рис. 2

1 — горшок I типа; *2* — маленький горшочек I типа; *3* — горшок II типа; *4* — фрагмент кувшина (III тип); *5* — баночный сосуд IV типа с краем в виде козырька; *6* — баночный сосуд IV типа со срезанным краем; *7* — маленький баночный сосудик-игрушка IV типа; *8* — сосудик V типа с цилиндрическим туловом; *9* — миска VI типа в виде усеченного перевернутого конуса; *10* — обломок миски VII типа с загнутым внутрь краем; *11* — маленькая мисочка VII типа; *12* — фрагмент лепного лутерия — тип IX; *13* — обломок «чаши» на низкой ножке — тип X; *14* — светильник с отверстием для фитиля; *15* — светильник с вертикальной ручкой; *16* — обломок светильника на столбовой ножке; *17* — воронка

[7] Кэлвин Шмид. Руководство по графическим изображениям. М., 1960, стр. 114 сл.

нием диаметров днищ комплекса. Допустимость такого сравнения обосновывается значительностью удельного веса сосудов I группы, с одной стороны, и наличием в комплексе только одного различимого типа простых плоских днищ, с другой. В результате этого сопоставления выяснилось, что в группе присутствуют две части. Первая часть — примерно от 92 до 98% всех горшков группы — имела диаметр устья, значительно превышающий диаметр дна. При этом наиболее характерными были сосуды, у которых диаметр устья приблизительно равнялся двум диаметрам дна. Не имея возможности провести наблюдение изменчивости каких-либо иных общих признаков, мы решили отнести к I типу горшков Елисаветовского городища именно эту категорию сосудов, допустив, что одним из крайних вариантов I типа должен считаться горшок, имеющий диаметр устья, примерно равный диаметру дна, но не меньше его. Из 28 археологически целых сосудов коллекции лишь 9 удовлетворяют всем требованиям, предъявляемым к I типу. Для любого из них подходит нижеследующее описание, данное на примере горшка, изображенного на рис. 2, *1*. Горшок имеет выраженное горло с более или менее плавно отогнутым наружу плоско срезанным (как вариант — скругленным) краем. Расширенные в средней части (чаще в верхней половине) сосуда округлые плечи переходят в стенки, сужающиеся к плоскому днищу. Соединение последнего со стенками образует в вертикальном сечении тупой угол. Место соединения имеет небольшую закраину или, судя по другим целым экземплярам, скруглено. Диаметр устья превышает диаметр дна. Очевидно, что возможно полное представление о форме I типа образует соединение этого общего описания с характеристикой границ и вида вариабельности рассмотренных выше признаков и размеров сосудов I группы.

31% горшков I типа орнаментирован. Из всего числа украшенных горшков 81,5% орнаментированы рядом пальцевых или, как вариант, ногтевых вдавлений. Вдавления нанесены по краю или по плечам сосудов. Гораздо реже сосуды орнаментировались двумя рядами вдавлений, по краю и плечам одновременно. Зафиксирован лишь один случай, когда орнаментальный ряд пальцевых вдавлений шел по нижней части стенки сосуда вдоль днища [8].

Примерно 17,5% орнаментированных сосудов украшено по краю или по плечам рядом, реже двумя рядами вдавлений или насечек, нанесенных с помощью какого-либо орудия, чаще всего палочки, имевшей заостренную, треугольную или округлую форму торца. В эту же группу входит и так называемый кольчатый орнамент, исполненный пустотелой соломиной или обрезанным пером. Крайне редок налепной валик (отмечен четыре раза). Во всех случаях валик моделирован пальцевыми вдавлениями или защипами и расположен чуть ниже края сосуда в месте наибольшего прогиба горла (рис. 3, *1*). Следует отметить также, что около 2,5% горшков I типа снабжены ручками-упорами числом до трех. Ручки в виде налепных вертикальных выступов расположены на плечах сосудов (рис. **4**, ***1—3***). Значительно реже встречаются «ручки» в виде подковообразных налепов. Среди других атрибутов можно отметить оттянутый слив, зафиксированный в четырех случаях. Единичны экземпляры горшков I типа, орнаментированные более сложными видами орнамента. Особый интерес вызывает небольшая (5 экз.) группа сосудов, украшенных налепными каннелюрами. Один из них (целый) имеет 15 вертикальных каннелюр, покрывающих все туловo (рис. 3, *2*). Каннелюры моделированы частыми неглубокими вдавлениями пальца. Более частыми каннелюрами украшены другие представители этой группы. Один из них (верхняя часть горшка) имеет кроме каннелюр насечки по краю и неглубокие частые вдавления орудием на плечах (рис. 3, *3*). Отметим, что стенки этих сосудов, в отличие от обычных горшков I типа, гораздо сильнее прожжены с внутренней стороны и имеют

[8] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 164, рис. 47, *3*.

вследствие этого почти черную окраску. Своеобразный орнамент, сильная прожженность глины дают основание считать эти сосуды курильницами.

Исключительное место в общем балансе комплекса, которое занимали горшки I типа, связано, несомненно, с разнообразными и широкими функциями, которые они могли выполнять в хозяйстве населения. Это замечание может быть до некоторой степени подтверждено вариабельностью основных размеров сохранившихся сосудов. В этом смысле различаются три размерных варианта. Так, можно предположить, что горшки I типа с

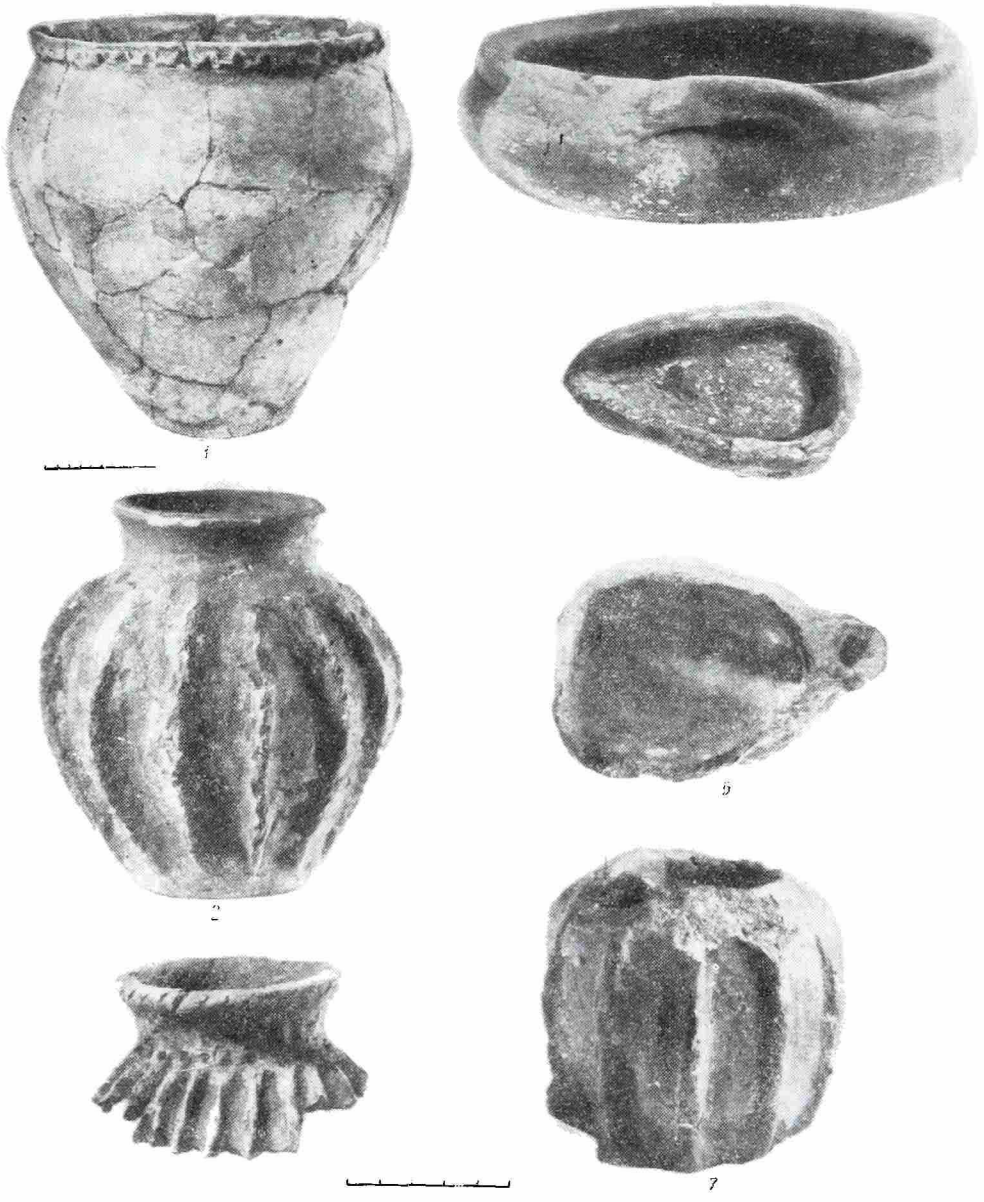


Рис. 3

1 — корчага; *2* — курильница; *3* — обломок курильницы с сложным орнаментом; *4* — круглодонная миска — тип VIII; *5* — ладьевидный светильник; *6* — светильник овальной формы с носиком для фитиля; *7* — яйцевидная курильница

большим объемом вместилища могли в основном использоваться для хранения пищевых припасов, т. е. служили корчагами. Представление о размерах и пропорциях городищенских корчаг дает сосуд 1967 г., найденный в хозяйственной яме с заполнением IV — III вв. до н. э. (рис. 3, *1*). Диаметр устья корчаги равен 32 *см*. Наибольшая ширина равна высоте — 38 *см*. Маленькое неустойчивое дно имеет диаметр 13,5 *см*. Если взять в качестве условного критерия оценки объема вместилища сосудов диаметр

устья (напомним, что выбор иных общих критериев при недостатке целых форм невозможен), то к корчагам можно отнести примерно 7% фрагментов венчиков сосудов I типа.

Подавляющее большинство горшков I типа имело средние размеры и, несомненно, употреблялось чаще всего для приготовления пищи. Об этом говорит и сильный налет сажи, часто встречающийся на их поверхности.

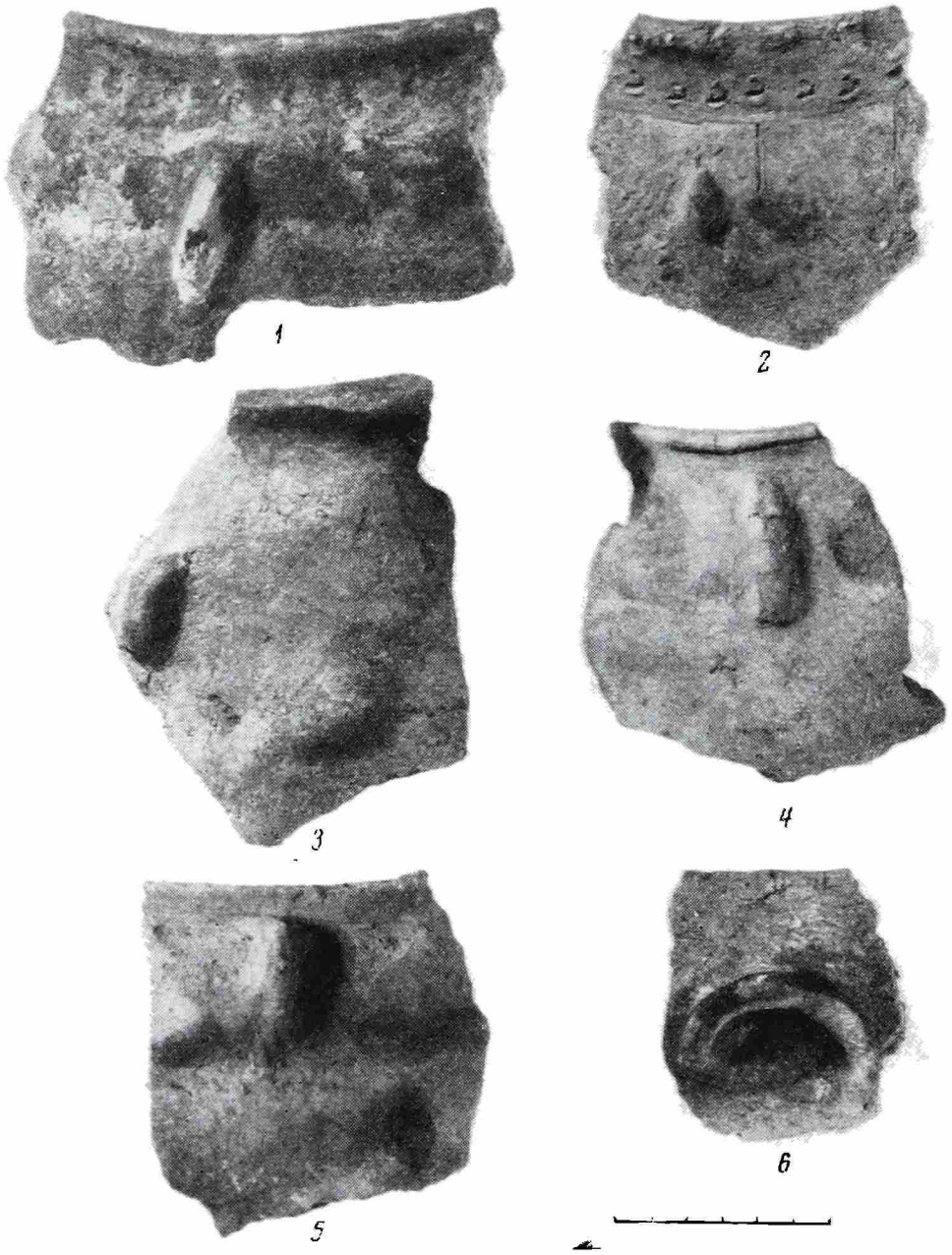


Рис. 4

1—3 — обломки горшков I типа с ручками-упорами; *4—6* — обломки горшков IV типа с ручками-упорами

Диаметры устья таких сосудов находятся в пределах 7 — 29 *см* (границы условны). У целых горшков этого размера высота колеблется от 8 до 26 *см*. Наибольший диаметр от 9 до 25 *см*. Не менее 4% всех обломков венчиков горшков I типа относятся к сосудикам столь малых размеров (с диаметром устья меньшим 7 *см*), что они вряд ли могли применяться в качестве настоящей кухонной посуды. Скорее это были игрушки. Три горшочка это-

го размера сохранились полностью. Высота целых сосудиков колеблется от 5,5 до 7,5 *см*, наибольший диаметр от 6 до 6,5 *см*. Полное представление о их виде дает горшочек, изображенный на рис. 2, *2*.

Ареал распространения посуды, типологически близкой I типу керамики Елисаветовского городища, в V — III вв. до н. э. огромен и охватывает степные и лесостепные районы Северного Причерноморья от Дона до Днестра. Существенных различий в формах керамики этого рода всего региона визуально не устанавливается. Они, по-видимому, могут быть обнаружены лишь статистически. Зато серьезные отличия заметны в наборе орнаментальных приемов, с помощью которых украшали посуду. Отсутствие наколов и сквозных проколов по краю — прием, характерный для керамики некоторых лесостепных районов Северного Причерноморья, позволяет сопоставить I тип горшков классификации прежде всего с материалами степной зоны. Наиболее показателен в этом смысле комплекс Каменского городища на Днепре, керамика которого, как известно, находит хорошие параллели не только в материалах Поднепровья, Степного Побужья и Поднестровья, но и в посуде Елисаветовского городища [9]. Близость форм керамики I, III типов Каменского городища, с одной стороны, и I типа Елисаветовского, с другой, несомненна и в принципе может быть даже расширена за счет формы горшков II типа, аналогичной отдельным вариантам профилей горшков I типа Елисаветовки. Следует, однако, отметить, что сопоставляемые материалы обработаны различными способами, и, следовательно, констатируемое сходство требует дополнительной проверки и уточнения. Замечание становится тем более очевидным, что, судя по опубликованным данным, число горшков II и III типов в комплексе Днепровского памятника больше или равно числу горшков I типа и каждый тип объединяет устойчивую и большую группу сосудов [10], в Елисаветовке же, как мы видели, подобная группа одна. Существенно, с нашей точки зрения, полное отсутствие на керамике с Каменского городища ручек-упоров, хотя и в небольшом числе, но постоянно встречающихся на обломках горшков I типа Елисаветовского городища.

Сопоставление орнаментики сходных типов керамики обоих памятников выявляет поразительную близость. Иные ассоциации вызывает лишь керамика с каннелюрами. Орнаментация подобного рода мало характерна для керамики V—III вв. до н. э. степных районов Северного Причерноморья. Небольшое количество сосудов-курильниц, украшенных каннелюрами, дают только комплексы конца III—I вв. до н. э. Поднестровья, Побужья, Нижнего Поднепровья и Крыма [11]. Упомянем также единичные находки керамики с каннелюрами на городищах VI—II в в. до н. э. на среднем Подонье [11]. Интересно, однако, отметить, что курильницы вышеназванных районов (исключая Нижнее Подонье) представляют собой группу керамики, вполне отличную от обычной кухонной посуды не только своим специфическим орнаментом, но прежде всего формой, в то время как форма елисаветовских сосудов с каннелюрами полностью соответствует форме кухонных горшков I типа.

Кроме горшков I типа, из I группы керамики Елисаветовского городища выделен тип II — горшки с диаметром днища, значительно превышающим диаметр устья, и тип III (см. ниже). Присутствие в комплексе небольшого количества (около 3—4% общего числа) сосудов II типа засвидетельствовано двумя небольшими целыми горшками. Представление о форме дает горшок, изображенный на рис. 2, *3*. Сосуд имеет несколько отогнутый

---

[9] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 70 сл.

[10] Там же, стр. 72.

[11] А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины. МИА, 115, 1962, стр. 156 сл.; Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса, II. МИА, 154, 1969, стр. 209, табл. I, *11*; А. И. Пузикова. Поселение Среднего Дона. МИА, 151, 1969, стр. 48, рис. 3.

наружу уплощенный край и выраженное горло. Покатые плечи переходят в вертикальные стенки. Место перехода стенок к днищу скруглено. Вертикальное сечение нижней части дает почти прямой угол. Горшки II типа не орнаментировались. Область распространения керамики близкой формы почти не совпадает с ареалом бытования горшков, аналогичных I типу Елисаветовского городища. Наиболее близкие аналогии горшкам с широким днищем дают материалы VI—IV вв. до н. э. Нижнего Поволжья [12]. В более позднее время сосуды сходной формы появляются и в более западных районах Северного Причерноморья [13].

В III тип керамики Елисаветовского городища условно объединены сосуды с петельчатой овальной ручкой, названные кувшинами. Их очень немного, и целых форм, к сожалению, нет. Наиболее показателен фрагмент верхней части небольшого кувшина, датируемый IV—III вв. до н. э. (рис. 2, *4*). Кувшин, как и обычные кухонные горшки I типа, имеет плоско срезанный отогнутый край и хорошо выраженное горло. Тулово, судя по обломку, имело мягкие округлые очертания. От края венца к плечу идет небольшая петельчатая ручка, не поднимающаяся над краем. Как и обычные горшки, кувшин украшен орнаментальным рядом треугольных вдавлений по горлу. Следует, однако, заметить, что от кухонных горшков его отличает несколько более тщательное исполнение: поверхность хорошо заглажена, без бугров. Кроме вышеописанного фрагмента к этому же типу можно отнести еще два обломка стенок сосудов с петельчатой ручкой и четыре фрагмента лепных ручек, найденных в слое V — III вв. до н. э. Естественно, что на основании столь невыразительного материала трудно судить о степени вариабельности формы кувшинов городища, можно лишь отметить, что среди лепных кувшинов, известных по материалам V—IV вв. до н. э. некрополя Елисаветовского городища, наблюдается значительное разнообразие.

Группа II лепной керамики объединяет сосуды закрытых форм без выделенного горла с загнутым внутрь или вертикальным краем. В этой группе выделены IV и V типы.

Тип IV. 7,5% всех обломков венчиков комплекса принадлежит баночным сосудам (3 тип, по классификации Т. Н. Книпович) [14]. Сходные по технологическим признакам с горшками первой группы, банки имеют существенные отличия по форме. Для них характерны более или менее выпуклые в верхней части бока и загнутый внутрь край. Венчик сосудов оформлен в виде выступающего горизонтального козырька (рис. 2,*5*) либо плоско срезан (рис. 2, *6*). Значение вариантов в оформлении края из-за недостатка материала остается неясным. Других существенных различий в формах отдельных экземпляров не обнаружено.

83% баночных сосудов IV типа имеет диаметр устья в пределах 20—28 *см*. Наибольший из зафиксированных диаметров равен 32 *см*. Наименьший — 5,5 *см*. К сожалению, в коллекции не оказалось ни одной полноценной формы, однако ясно, что у большинства сосудов устья значительно превышали диаметр дна. Толщина стенок колеблется в пределах 0,6 — 1,5 *см*. Наиболее характерная толщина (мода) — 0,8 — 1,0 *см*.

Около 8% баночных сосудов орнаментировано. Набор орнаментированных мотивов скуден, это всегда ряд простых насечек либо пальцевых вдавлений по краю. «Недостаток» украшения с лихвой восполняется ручками-упорами, которыми снабжены не менее 30% сосудов. Ручки такого же типа, как и у горшков (рис. 4, *4—6*).

---

[12] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, Д1—9, М., 1963, стр. 24, табл. 7, *21*, *22*, *24*, *25*, *29*.

[13] М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповки. ВССА. М., 1953, стр. 225—226, табл. II, *10*; Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса, II, стр. 181, табл. IV, *10*.

[14] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 163, 164, рис. 47, *1*, *2*.

Что касается назначения баночной формы, то, несомненно, они употреблялись в основном для приготовления пищи. Трудно сказать, было ли это их единственной функцией. Скорее всего нет. Можно предположить, что и в данном случае повторяется картина с тремя размерными вариантами, отмеченными для горшков I типа. Однако возможностей для их выделения у нас еще меньше. Более или менее определенно можно отнести к третьему размерному варианту, т. е. игрушкам, лишь один маленький сосудик (рис. 2, *7*). Размеры баночки: диаметр венчика — 5,5, диаметр дна — 4, высота 5,6 *см*. Игрушка отличается от больших банок несколько более грубой выделкой, однако ее форма в основных чертах соответствует нашему представлению о форме IV типа.

Ареал распространения керамики, типологически близкой сосудам IV типа Елисаветовского городища, меньше, чем у горшков I типа, и отчасти не совпадает с последним. Кроме района Нижнего Подонья, где обломки аналогичной посуды встречены на ряде памятников, синхронных Елисаветовскому городищу, баночные сосуды сходной формы хорошо известны по материалам IV — I вв. до н. э. Прикубанья [15]. Небольшое количество обломков аналогичной посуды дали также отдельные комплексы V — III вв. до н. э. Среднего Донца [16]. В более позднее время типологически близкая керамика, кроме района Нижнего Подонья, где она получает дальнейшее развитие [17], известна лишь по материалам ряда памятников Прикубанья.

V тип керамики Елисаветовского городища представлен двумя баночными сосудами с туловом цилиндрической формы и вертикальным краем (рис. 2, *8*). Тип полностью соответствует 6 типу классификации Т. Н. Книпович [18]. Судя по имеющемуся материалу, керамика этого рода не играла сколько-нибудь заметной роли в комплексе.

Группа III керамики объединяет открытые сосуды — миски. В общем балансе коллекции на эту группу приходится несколько более 3%. Из группы выделены пять типов — с VI по X включительно.

VI тип. Не менее 90% всех мисок городища имели форму перевернутого усеченного конуса (рис. 2, *9*). Край сосудов плоско срезан или скруглен. Наиболее часто встречаются миски с совершенно прямыми стенками, отходящими от дна под тупым углом. Гораздо реже стенки имеют небольшую припухлость в средней части либо несколько прогнуты внутрь в нижней придонной части. Определимые диаметры устья варьируют от 7 до 28 *см*, диаметры дна — от 3,5 до 15 *см*. Высота целых мисок колеблется от 4 до 16 *см*, толщина стенок — от 0,5 до 1,5 *см*. Заканчивая описание VI типа, отметим, что ни на одном экземпляре не было обнаружено какого-либо орнамента или налепов. Крайне бедно представлен в комплексе наиболее популярной в Северном Причерноморье в скифо-античный период тип миски с загнутыми внутрь краями — VII тип классификации. Из трех зафиксированных экземпляров этого рода два принадлежат мискам большого размера с диаметром устья около 20 *см*. Из них наиболее интересен обломок края миски с лощением серого цвета, датируемый по условиям находки IV—III вв. до н. э. (рис. 2, *10*). Третий, и последний, представитель этого типа, повторяя форму больших мисок, имеет значительно меньшие размеры (рис. 2, *11*).

---

[15] В. П. Шилов. Новые данные о Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. СА, XXIII, 1955, стр. 240, рис. 7, *1*; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 165, рис. 3, *7*; стр. 171, рис. 5, *4*, стр. 193, рис. 15, *3*; К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, 64, 1958, стр. 279, рис. 5, *21, 22*.

[16] П. Д. Либеров. Лесостепные культуры скифского времени. МИА, 113, 1962, стр. 55, рис. 17, *1*.

[17] Д. Б. Шелов. Сухо-Чалтырское городище. ВДИ 2, 1953, стр. 191, рис. 3, *2*; его же. Некрополь Танаиса. МИА, 98, 1961, табл. XVIII, *4*; И. С. Каменецкий. Нижне-Гниловское городище на Дону. Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея. 1, Таганрог, 1957, стр. 131, рис. 6; С. Н. Братченко. Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону. СА, 1957, 2, стр. 195, рис. 7, *2*.

[18] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 166, рис. 48, *3*.

К редким формам мисок Елисаветовского городища относится также большая круглодонная миска с двумя дуговидными плотно прижатыми к тулову ручками — тип VIII (рис. 3, *4*). Широкий край сосуда плоско срезан и скошен внутрь. Крутые плечи шире устья. Не подлежит сомнению, что форма заимствована у одного из распространенных типов античной кухонной посуды эллинистического времени. Местная имитация сосудов этого рода, сделанных на кругу, отмечена в материалах ряда античных городов-колоний Северного Причерноморья [19].

Тип IX классификации представлен верхними частями двух больших мисок с расходящимися стенками. От мисок VI типа форму отличает иное оформление венца: плоско срезанный широкий край выступает наружу в виде козырька. Одна из мисок имела не менее двух округлых ручек-выступов, расположенных под венцом (рис. 2, *12*). Диаметр устья миски равен 32 *см*. Толщина стенок 1,7 *см*. К сожалению, фрагменты не дают полного представления о форме, однако создается впечатление, что перед нами местное подражание хорошо известной на городище и в Северном Причерноморье в эллинистическое время формы лутерия [20]. Следует отметить, что оба экземпляра лепных лутериев найдены в слое IV—III вв. до н. э.

К группе III открытых сосудов мы относим также «чашу» на низкой ножке —X тип (рис. 2, *13*). За все годы раскопок на городище найдено четыре обломка чаш этого рода. Все они обнаружены либо в самой верхней, пахотной части культурного слоя, либо при сборах на поверхности городища и, по-видимому, должны быть датированы самым последним периодом жизни памятника — концом III в. до н. э.— началом II в. до н. э. Именно в это время аналогичные чаши получают особенно широкое распространение в Северном Причерноморье.

Группа IV керамики Елисаветовского городища объединяет изделия с формами, резко отличающимися от форм основных типов посуды комплекса. Все они представлены в материалах одним, реже двумя экземплярами.

Разнообразны формы лепных светильников. Почти целиком сохранился один экземпляр ладьевидного светильника (рис. 3, *5*). Светильник по условиям находки может быть датирован IV — III вв. до н. э. Нам неизвестны другие светильники простой ладьевидной формы в синхронных комплексах Северного Причерноморья. Аналогии дают лишь материалы более позднего времени [21]. Этим же временем датируется экземпляр светильника овальной формы с широким сквозным отверстием для фитиля в торцовой части (рис. 2, *14*). Несколько отличается от него другой экземпляр овального светильника с носиком для фитиля, отделенным от вместилища горизонтальной перемычкой (рис. 3, *6*). Светильник датируется V—III вв. до н. э. Форма светильника имитирует хорошо известную форму греческого светильника эллинистического времени [22]. Иная форма у светильника с большим вместилищем и вертикальной петельчатой ручкой (рис. 2, *15*). Носик отбит. Светильник датируется IV—III вв. до н. э. Форму можно рассматривать как местный вариант греческого светильника с вертикальной ручкой и закругленным рожком [23]. Всего двумя обломками представлен в коллекции светильник-чаша на высокой столбовой ножке. Лучшее представление о форме дает обломок 1968 г. (рис. 2, *16*). Судя по сохранившейся нижней части вместилища светильника, оно имело овальную форму. Круглая в сечении ножка при относительно большой высоте оканчивается

---

[19] Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа И. «Ольвия», 1, Киев, 1949, табл. XXVI. *6*; Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, 25, 1952, стр. 254, 255, рис. 6, *2*, *3*; 7, *1*, *2*.

[20] Т. Н. Книпович. Ук. соч., табл. XXXVI, *1*.

[21] См. например, Т. Н. Книпович. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 79, рис. 34, *6*; И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 76, рис. 17, *7*, *8*.

[22] О. Вальдгауер. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, табл. I, *6—8*.

[23] Там же, табл. V, *53*, *54*, *58*, *60*.

неустойчивым плоским расширением. Оба обломка найдены в слое IV—III вв. до н. э. Сопоставление формы с аналогичными материалами Северного Причерноморья убеждает, что елисаветовские экземпляры — наиболее ранние представители светильников на столбовой ножке. Ближайшие по времени аналогии мы находим в Танаисе, где они встречены в смешанном слое III—I вв. до н. э.[24]. В слое IV—III вв. до н. э. найдена лепная глиняная воронка в виде усеченного конуса (рис. 2, *17*). Диаметр широкой части воронки примерно в два раза превышает диаметр узкой. Назначение воронки не вполне ясно. Лепные воронки, известные по более поздним материалам Танаиса, имеют иные пропорции и совершенно иную форму устья[25].

Особый интерес представляет находка на Елисаветовском городище небольшой курильницы яйцевидной формы с двумя сквозными отверстиями в верхней части для подвешивания (рис. 3, *7*). Вместилище сосуда имеет цилиндрическую форму и носит следы сильной обожженности. Толщина стенок равна 2 *см*. Сосуд украшен высокими вертикальными каннелюрами. На темной поверхности заметны следы слабого лощения. Судя по условиям находки, курильница может быть датирована V—IV вв. до н. э.

На этом заканчивается описание лепной керамики городища. Следует лишь упомянуть о наличии в комплексе крайне незначительного числа обломков лепных крышек сосудов[26]. Все обломки крышек очень невыразительны. Орнамента на крышках не отмечено.

В заключение кратко суммируем основные выводы работы. Набор форм и размерных вариантов форм посуды Елисаветовского городища (кухонные горшки, корчаги, кувшины, игрушки, светильники, курильницы) отображает быт традиционно оседлого населения. Сопоставление отдельных типов и вариантов сосудов памятника с аналогичными формами керамики Северного Причерноморья, Поволжья, Северного Кавказа, несмотря на широкое распространение отдельных типов посуды в скифское время, позволяет наметить определенное отличие комплекса от материалов степной зоны более западных районов Северного Причерноморья; появляется возможность установить связи с керамикой различных в культурном отношении регионов. В этом смысле выделяются четыре части: I — горшки I типа, связанные с керамикой памятников преимущественно степной зоны Северного Причерноморья (Каменское городище на Днепре); II — горшки II типа, сопоставленные с отдельными формами лепной посуды Поволжья; III — баночные сосуды IV типа, аналогичные лепным горшкам IV — I вв. до н. э. Прикубанья; IV — формы сосудов, возникшие под непосредственным воздействием греческой импортной керамики (лепные лутерии, светильники и т. д.).

Думается, что дальнейшее изучение всех составных элементов материальной культуры городища и письменных источников позволит углубить и конкретизировать эти замечания. Что же касается связи комплекса Елисаветовского городища с керамикой памятников Нижнего Подонья более позднего времени, то лучше всего она проявляется в ранней посуде из Танаиса. Мы не будем сейчас подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку в этом направлении недавно проделана большая и плодотворная работа[27], отметим лишь, что, хотя номенклатура типологически близких форм керамики обоих памятников в свете новых данных существенно меняется, основной вывод о преемственности определенной части керамики Танаиса от Елисаветовской остается в силе.

---

[24] Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса, I. МИА, 127, 1965, стр. 200, табл. IX, *6, 8—11*.

[25] Там же, стр. 198, табл. VII, *10*.

[26] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики..., стр. 165.

[27] Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса, I, стр. 191 сл; ее же. Лепная керамика Танаиса, II, стр. 204 сл.

K. K. Martchénko

LES POTERIES MODELÉES A LA MAIN DATANT DES V—IIIes SIÈCLES AVANT NOTRE ÈRE MISES AU JOUR SUR LA GORODICHTCHÈ A PROXIMITE DE LA STANITZA ELISSAVETOVSKAÉA SITUÉE DANS LE COURS INFERIEUR DU DON

Résumé

L'article traite de la classification des poteries faites sans tour et provenant de la gorodichtché d'Elissavétovskaïa.

Tout l'ensemble de la céramique est divisé conventionnellement en quatre grands groupes.

Les trois premiers groupes sont dégagés compte tenu des différences essentielles qu'on signale visuellement dans les formes des parties supérieures des récipients. Le quatrième groupe comprend les vases de configurations particulières.

Les trois premiers groupes se subdivisent en dix types.

М. Я. ЧОРЕФ, П. Н. ШУЛЬЦ

НОВЫЙ РЕЛЬЕФ САРМАТСКОГО КРУГА

Рельефы сарматского круга, вопрос о которых был поставлен в печати в 1966 г.[1], пополнились за последние годы новыми памятниками[2]. Возросла и литература, посвященная савроматскому и сарматскому искусству[3]. Однако художественной культуре сарматов Северного Причерноморья, времени их продвижения и укрепления на территории юга Восточной Европы должного внимания по-прежнему еще не уделено. Вместе с тем для того чтобы понять и осветить сложные процессы сарматизации культуры в Северном Причерноморье в первые века нашей эры, надо знать те изменения, которые испытывали сарматы и сарматское искусство в новой среде и в новых исторических условиях тесного соприкосновения с Боспорским царством, греческими городами, поздними скифами и фракийским миром.

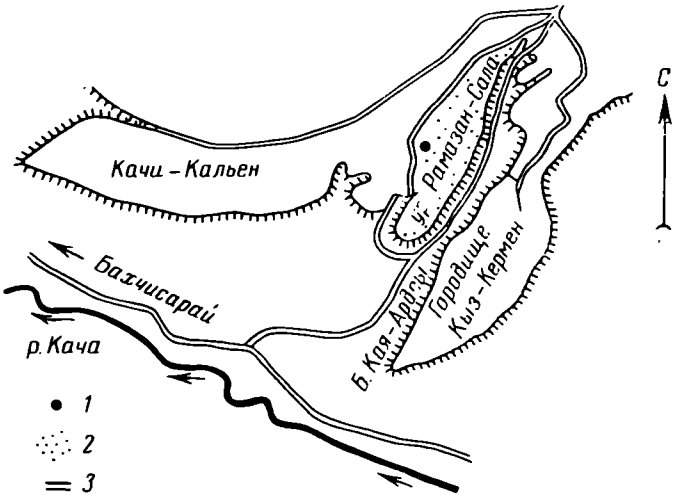


Рис. 1. Схематический план местности, где был найден рельеф

В этой связи небезынтересны процессы антропоморфизации религии и искусства поздних сарматов и появление в их художественной культуре под влиянием греков, фракийцев и поздних скифов монументальных форм, в том числе антропоморфных стел[4] и рельефов[5]. Эти два вида монументов развивались у сарматов Северного Причерноморья параллельно, но наряду с ними мы знаем сарматскую монументальную графику — рисунки и знаки на скалах[6], стелах и штукатурке[7] и росписи сарматского стиля[8].

---

[1] П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга. КАМ, М., 1966, стр. 278—286.

[2] О. Д. Дашевская. Археологические исследования близ оз. Донузлав. АО — 1966, М., 1967, стр. 212—215, рис. на стр. 213.

[3] Основа исследования савроматского искусства заложена К. Ф. Смирновым еще в 1964 г. в его монографии: К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, гл. 7, стр. 216—246; Л. Я. Маловицкая. Сарматский звериный стиль. Автореф. канд. дис., Л., 1968, стр. 3—19.

[4] П. Н. Шульц. Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке. ЗОАО, II, Одесса, 1967, стр. 196—201, рис. 4.

[5] П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга, стр. 278—286.

[6] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, № 57—58, стр. 113—120.

[7] Там же, № 43, стр. 97—99, рис. 43; О. Д. Дашевская. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском. СА, 1962, 1, стр. 178—194, рис. 1—18.

[8] К числу последних можно отнести роспись склепа № 8 в Неаполе скифском

В 1969 г. рельефы сарматского круга пополнились новым чрезвычайно интересным памятником. Во время плантажной вспашки в Юго-Западном Крыму, на границе гор и предгорий, в урочище Рамазан-Сала, в 5,5 *км* на юго-восток от г. Бахчисарая и на северо-запад от городища Кыз-Кермен, пенсионер В. А. Берегулев обнаружил стелу с рельефным изображением двух всадников (рис. 1—3). Здесь, как показал осмотр урочища, имеются естественные выходы мшанкового известняка, легко раскалывающегося на плиты. Стела была замечена при вспашке на территории древнего селища и могильника с признаками каменных кладок, небольших валов, заброшенного колодца. Под обрывом, у подножия мыса, в естественных пещерах следы подрубок, признаки водоотливного желоба. Поблизости на плато мыса имеются остатки курганообразной насыпи высотой около 2,5 *м*. От кургана на северо-запад тянется небольшой вал.

Рис. 2. Рельеф с изображением двух всадников, найденный в урочище Рамазан-Сала близ Бахчисарая. Мшанковый известняк

Рельеф был доставлен в Бахчисарайский музей (инвентарный № 5845).

Стела (будем ее называть бахчисарайской) вырезана из плиты местного мягкого белого мшанского известняка. Форма плиты неправильная, продолговатая, с закругленными верхними углами. Нижняя ее часть вводилась в землю или же в «гнездо» каменной базы. Тыльная часть плиты не обработана, боковые стороны грубо подтесаны, наиболее тщательной отделке подверглась лицевая сторона. Более двух третей всей лицевой поверхности в верхней части памятника равномерно заглублено. В середине оставлен плоский рельеф с примитивным изображением двух всадников. Край плиты сверху и по сторонам оставлен и образует бортик, обрамляющий рельеф. Общая высота, ширина и толщина стелы 1,54 × 0,87 × 0,25 *м*. Высота и ширина заглубления 0,88 × 0,66 *м*. Ширина рамки от 4 до 7 *см*. Высота рельефа от поверхности заглубления от 2 до 4 *см*.

Стела была расколота на три неравные части: две больших (верхнюю и нижнюю) и третью малую. Поверхность сильно выветрена, с выщерблинами, камень покрылся серо-желтой, местами коричневатой, патиной.

(П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. ИАН, IV, 3, М., 1947, стр. 289; В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя скифского. ИАДК, Киев, 1957, стр. 106—109, рис. 9—11) и некоторые из росписей геометрического стиля Пантикапея (М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913, I, стр. 401—434, Атлас, табл. XCIX, *1*; табл. C1, *2*).

Но в общем сохранность памятника неплохая. В настоящее время стела восстановлена, части склеены. Композиция рельефа видна четко, хотя отдельные детали, в особенности прическа, черты лица и знаки, пострадали.

На стеле в формах плоского рельефа вырезаны два всадника, едущие вправо один за другим. Первый в композиции занимает главное место, он на первом плане — и по пространственному своему положению и по размерам. Ноги коня первого всадника упираются в землю ниже ног коня второго всадника, который едет как бы в небольшом отдалении. Налицо элементы двухпланового построения, что обычно для парных геронзированных изображений всадников Боспора [9], поздней Скифии [10] и Фракии [11]. Характерно, что высота рельефа первого всадника (4 *см*) превышает высоту рельефа второго (2 *см*).

Рис. 3. Рельеф с изображением двух всадников. Бахчисарайский музей

Движение всадников вперед передано хотя и в двух планах, но без ракурса, условно: корпусу коней придано едва заметное наклонное положение, ось фигуры первого седока слегка отклонена влево. Ноги коней прямолинейны, параллельны и чуть наклонны, передние упираются в землю выше задних, что часто встречается в конных рельефах сарматского круга [12]. Движение первого всадника, положение ног, рук и головы седока, равно как и движение коней, ритмически, с легким нарушением, повторено у второго всадника, при отмеченных различиях в размерах и в построении фигур (второй всадник меньше первого и следует за первым как бы на втором плане).

В композиции применен принцип остановившегося движения: фигуры коней и седоков как бы застыли, кони осажены и неподвижны, оба всадника почти полностью повторяют друг друга, и вместе с тем наклонное положение коней и седоков призвано передать процесс медленного, торжественного движения. Поэтому современному зрителю очень трудно решить, движутся ли всадники или они застыли.

Противоречивая передача остановившегося движения выражена в посадке седоков. Кони изображены в профиль, седоки — в фас, фронтально. Посадка их необычная: ноги перекинуты по одну сторону корпуса коня. Так сидели, если верить рисунку Стефанского, тяжеловооруженные бос-

---

[9] А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, стр. 129, табл. 72; К.—W. Berlin, 1909, стр. 111, табл. XLII, *627*; АДЖ, I, стр. 330, Атлас, табл. LXXXIV, *1—2*.

[10] П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, XII, 1946, стр. 44—57, рис. 21, 22.

[11] G. I. Kazarow. Die denkmäler des thrakischen Reitergvttes. Budapest, 1938, стр. 114, 115, № 611, табл. LII, *307*.

[12] П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга, стр. 283, рис. 2; Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 36, стр. 81.

порские или сарматские всадники с пиками на одной из фресок Боспора [13]. Но посадка сарматских катафрактариев[14], если только она изображена верно, могла быть вызвана на фреске ритуальным характером конного боя, связанного с погребальным культом. На нашем рельефе сидят по-женски без мечей и копий невооруженные всадники. Поэтому их манера сидеть лицом к зрителю приобретает подчеркнутый ритуальный смысл. Вряд ли это результат неуменья мастера посадить седоков правильно верхом, ногами по обе стороны туловища коня. Скорее это традиция, идущая от особой посадки конников, связанной с какими-то культовыми представлениями [15]. Насколько нам известно, это пока единственный рельеф, изображающий всадников столь оригинальным способом, в сарматской графике этот мотив встречался [16]. Лишь одна деталь нарушает фронтальность посадки. У обоих всадников носок правой ноги повернут вправо, тогда как на левой ноге он изображен в фас.

В правой руке первого главного всадника укороченный ритон. Культовое значение ритонов у скифов, в частности на изваяниях и в поздних стелах сарматского круга [17], уже не раз привлекало внимание исследователей. «Богоданный» ритон в руках наездника помимо культового значения мог иметь и дополнительный смысл — символа власти[18]. Ритон мог подчеркивать привилегированное положение всадника, выдвинутого на первый план не только композиционно и по размерам, но и своим атрибутом. На груди второго наездника выгравирован сарматский знак, как бы подчеркивающий родовитость всадника.

Перейдем к деталям. На головах всадников, обращенных в фас, или мягкие круглые сарматские шапки с опушкой (мы видим их на рельефах и антропоморфных стелах сарматского круга) [19], или же, что вероятнее, обычная для сарматов прическа. Волосы обрамляют голову и прикрывают уши [20]. Второй всадник круглолицый и безбородый, очевидно, более молодой (рис. 4); у первого признаки бороды, голова крупнее, лицо сужено к подбородку. Он явно старше второго не только по положению (ритон), но и по возрасту. Плечи у него чуть более покаты. Наклон головы к правому плечу и наклон туловища выражен энергичнее. Границы одежд у обоих всадников (ворот, края руковов и т. д.) не показаны или

---

[13] АДЖ, I, стр. 352, 353, Атлас, табл. XXXVIII, *2*. М. И. Ростовцев полагает, что Стефанский неправильно изобразил посадку сражающейся конницы в силу плохой сохранности фрески (АДЖ, I, стр. 253). Следует отметить, что на рисунке Стефанского сидят «по-женски» лишь два всадника в длинных панцирных одеяниях, ниспадающих до пят.

[14] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 114, 115; его же. О посадке боспорской конницы. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 96—99.

[15] В. Д. Блаватский в статье (В. Д. Блаватский. О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа. АИК, Л., 1968, стр. 44, 45) полагает, что боспорские живописцы придавали знатным конным воинам фронтальное положение для того, чтобы создать им «торжественный импозантный облик; это подчеркивало особую значимость победоносного военачальника и героизированного покойника. Возможно, что фасовому изображению лица придавалось какое-то сакральное значение...». Нечто похожее могло иметь место и в Бахчисарайском рельефе.

[16] Сидящим «по-женски» изображен фантастический всадник на граффити здания с фресками Неаполя скифского (О. Д. Дашевская. Граффити...). Но здесь это может объясняться примитивностью изображения.

[17] П. Н. Шульц. Скифские изваяния Северного Причерноморья. АО — 1966, М., 1967, стр. 225—237; его же. Скифское изваяние, найденное у городища Чайка. АИК, стр. 324—331; Н. А. Богданова. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму. СА, 1961, 2, стр. 249—252, рис. 1—2; ее же. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника. СА. 1965, 3, стр. 233 сл., рис. 3.

[18] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, 49, СПб., 1913, стр. 2—10, 25, 26.

[19] О. Д. Дашевская. Археологические исследования близ оз. Донузлав, стр. 212 сл., рис. на стр. 213; Н. А. Богданова. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму. СА, 1961, № 2, стр. 249—252, рис. 1, *1*; 2, *1*.

[20] АДЖ, I, стр. 340—342, Атлас, табл. XXXV, *4*.

же не сохранились. Детали лиц: глаза, надбровные дуги, рот выпуклины носа едва улавливаются. Очень возможно, что все эти детали были обозначены цветом, как это встречается в боспорских надгробиях [21].

Оба всадника левыми руками придерживают поводья, прочерченные, так же как и уздечки, резными линиями. Задняя граница чепраков процарапана. Лошади с удлиненным корпусом и слегка приподнятым крупом

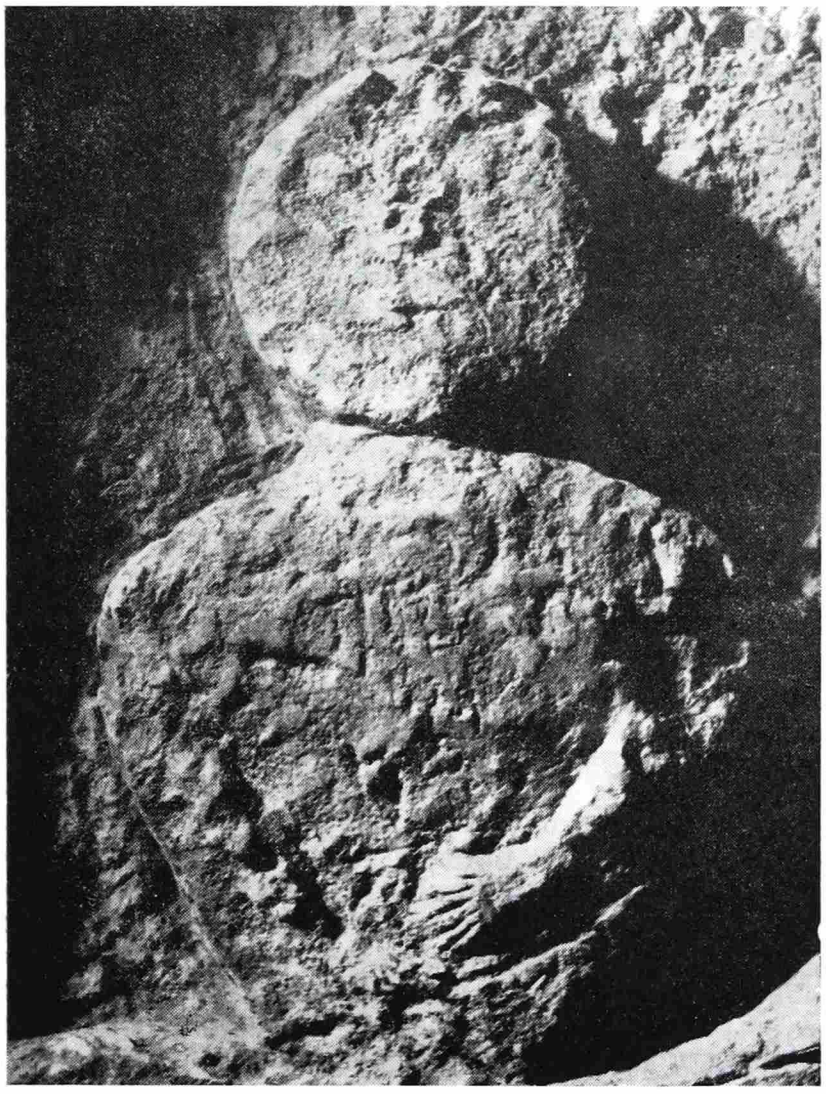


Рис. 4. Деталь рельефа из урочища Рамазан-Сала

отличаются малепькими головами. Это характерно для коней, изображенных в рельефах сарматского круга [22]. Хвосты длинные, они опущены и почти параллельны задним ногам. Хвост и часть крупа коня второго всадника не вместились в поле, выдолбленное для рельефа, и потеснили рамку. Трактовка силуэтов седоков и коней упрощенная, «деревянная», с жесткими контурами. Эта стилевая черта, наряду с пропорциями коней и сочетанием плоского рельефа с резными линиями, образует одну из особенностей сарматских памятников этого рода.

Фигуры седоков, нарочито преувеличенные по размерам, округлы и мешковаты. Кони, переданные резко и прямолинейно, контрастируют с всадниками. Силуэты коней вызывают в памяти резные фигуры жи-

[21] А. А. Иванова. Ук. соч., стр. 133—137.

[22] П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга. стр. 278 сл., рис. 1—2; Э. И. Соломник. Ук. соч., № 36, рис. на стр. 81.

вотных и первобытных рельефах [23] и антропоморфных стелах [24]. Навыки, может быть сложившиеся у мастера Бахчисарайского рельефа в процессе резьбы по дереву и кости, несколько огрубленно перенесены на камень. Но резчик был, очевидно, знаком с образцами боспорских [25] и позднескифских [26] парных конных рельефов. Распространенную в сарматских стелах трактовку уплощенных форм, вырезанных на камне под прямым углом к плоскости плиты, мастер наиболее резко применил к силуэтам коней и несколько смягчил в головах и округлых фигурах всадников.

Одна из примечательных черт памятника — нанесение знаков, следы которых на стеле заметны несмотря на выветренность и местами даже стертость поверхности. Один знак на груди второго юного всадника сахранился лучше других (рис. 4). Он явно принадлежит знакам сарматским и имеет немало аналогий [27]. Труднее различимы знаки в нижней части стелы под всадниками, за пределами углубления, окружающего рельеф (рис. 5, *2—6*), но выше той части основания, которая вставлялась в землю или в базу. Четыре знака вырезаны по вертикальной линии ниже второго всадника; один — под первым (с ритоном). Знаки резные, линейные, за исключением первого, сохранились крайне плохо. Они отличаются от обычно четких сарматских знаков аморфностью и могут быть воспроизведены лишь приблизительно. Аналогии подобрать им, за исключением первого, трудно [28].

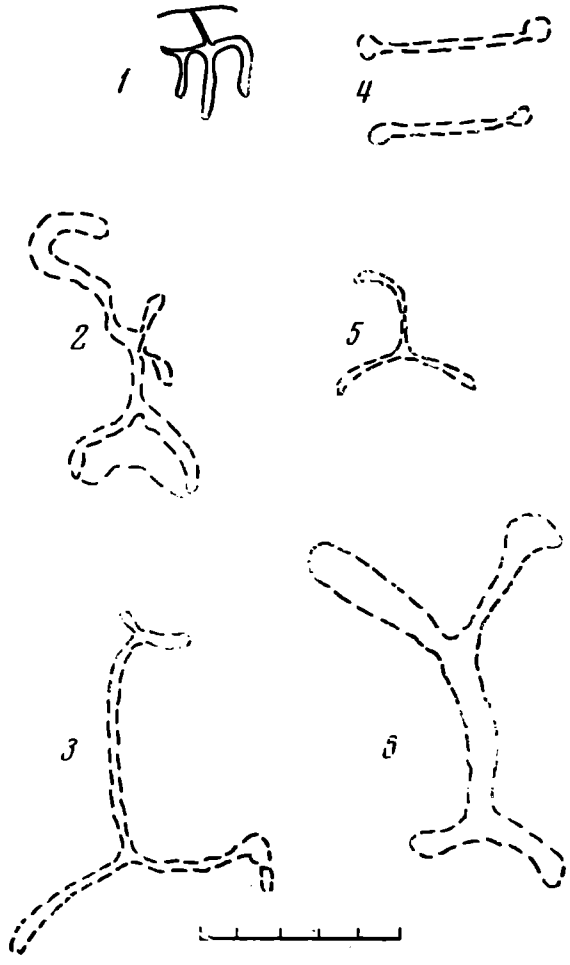


Рис. 5. Знаки на рельефе с изображением двух всадников

Обычай наносить знаки как на фигуры людей [29], так в особенности и на коней [30], а также за пределами рельефа, на нижней части стелы, можно проследить на ряде примеров [31]. На Анапском рельефе Одесского музея под каждой из фигур побратимов с укороченными ритонами в руках изоб-

[23] А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 151 сл., рис. 53.

[24] Тождественные изображения коней имеются на неопубликованной еще стеле эпохи ранней бронзы, найденной в Крыму в 1968 г. (хранится в Бахчисарайском музее).

[25] А. А. Иванова. Ук. соч., стр. 129, табл. 72; стр. 142; табл. 92; K W, стр. 109. № 619, табл. XLIII; стр. 113, № 634, табл. XLIV.

[26] П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей..., стр. 44—57, рис. 21—22.

[27] Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 31, 157. На таблице знаков (стр. 169) обозначен под № 122.

[28] Весьма приближенная аналогия к знаку № 5 в работе Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... табл. знаков, стр. 169, № 218; ср. знак № 149, стр. 162.

[29] Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 20, рис. на стр. 67; П. Н. Шульц. Антропоморфная стела сарматского круга..., стр. 196 сл., рис. 1, рис 4, 5—7, 8—10.

[30] Э. И. Соломоник. О таврении скота в Северном Причерноморье. ИАДК, Киев, 1957, стр. 210—218, рис. 1, 3.

[31] Там же, стр. 213 сл., рис. 3; ее же. Сарматские знаки Северного Причерноморья, № 9, рис. на стр. 56.

ражено по различному сарматскому знаку. Быть может, это указывало на родовую принадлежность братающихся. Рядом с побратимами на Анапской стеле изображены отрубленные кисти рук и ног. Все это отвечает рассказу Геродота о клятвенных договорах у скифов (IV, 70). Плоскостный, грубоватый, жесткий стиль Анапского рельефа [32] и характерные укороченные ритоны допускают отнесение памятника к позднесарматскому времени, на что указывают и знаки, которые, судя по характеру резьбы и расположению, со стелой связаны.

Истолковать содержание Бахчисарайского рельефа и датировать его не так легко. По композиции, как уже отмечалось, он близок парным героизированным конным надгробиям Боспора, изображающим воинов-всадников и следующих за ними оруженосцев или родственников. Такого рода стелы на Боспоре иногда дополнялись сарматскими знаками [33]. По костюму, вооружению, стилю, обычаю клеймить коня тамгами эти стелы несомненно находятся в сфере сарматских воздействий и могут рассматриваться как одно из проявлений процессов сарматизации культуры Боспора. Но традиции античной культуры в боспорских стелах выражены, как правило, сильнее, чем в бахчисарайской, более самобытной и примитивной. Лишь один фрагментированный боспорский рельеф по стилю (деревянная трактовка коня, как бы поднимающегося в гору, изображение фигуры седока в фас, предельная плоскостность, жесткость контуров, изображение деталей резной линией, примитивность) вплотную примыкает к нашему [34]. Этот рельеф, хотя он и найден на Боспоре, смело может быть отнесен к сарматскому кругу. Вторую аналогию в трактовке коня с застывшими формами дает рельеф, может быть вотивный, из Малой Козырки [35]. Он дополнен сарматскими знаками и относится к позднейшей группе рельефов сарматского круга [36]. Мы видим здесь вполне сходный вытянутый корпус коня, сходную трактовку параллельных «деревянных» ног, тот же прием постановки передних ног выше, чем задних. Рельеф из Малой Козырки относится скорее всего к первой половине III в., он явно предшествует надгробию Хедосбия из Пантикапея, относимому по палеографическим данным ко второй половине III в.[37] Бахчисарайский рельеф близок рельефу из Малой Козырки не только по стилю, но скорее всего и по времени. Он несколько мягче и легче по формам, чем последний, и вряд ли ему намного предшествует. Но он явно позже двух рельефов из Южно-Донузлавского могильника, которые мы уже привлекали ранее. В рельефе из Малой Козырки ярче, чем в нашем, выражены не только сарматские черты, но и фракийские влияния. Сочетание всадника, предстоящей пешей женской фигуры в длинном одеянии и сцены травли кабана двумя собаками — мотив, обычный для вотивных стел Фракии [38].

---

[32] Там же, № 31, рис. на стр. 76. Подробное истолкование стелы дано в моей рукописной работе о памятниках скульптуры скифов и сарматов. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 2, 1933, д. № 1446, стр. 280 сл.; И. И. Козыренко. Тамги на археологических памятниках Одесского государственного археологического музея. Сб. «Материалы по археологии Северного Причерноморья», I, Одесса, 1957, стр. 93, табл. 1, *4*.

[33] Э. И. Соломоник. О таврении скота в Северном Причерноморье, стр. 210 сл., рис. 1; ее же. Сарматские знаки Северного Причерноморья, № 35, рис. на стр. 80. Главное композиционное отличие Бахчисарайского рельефа от боспорских заключается в том, что на боспорских надгробиях обычно изображается лишь первая половина второго всадника (без крупа и задних ног коня). В нашем рельефе оба всадника полностью вмещены в композицию.

[34] П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга, стр. 283, рис. 2.

[35] Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии. ОАК за 1909, 1910 г., СПб., 1913, отд. 1, стр. 100 сл., рис. 146; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1954, стр. 72, рис. 24; Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 36, рис. на стр. 81.

[36] П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 282.

[37] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. ИАК, Пг., 1914, 54, стр. 65 сл., рис. 1, *а*, *б*; А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 143, табл. 91; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 452, 606; КБН, № 846.

[38] G. I. Kazarow. Ук. соч., стр. 159, № 926, табл. LXXVI, *450*.

На основании стилистических особенностей и аналогий мы склонны датировать бахчисарайский рельеф рубежом II—III вв. и отнести его к рельефам сарматского круга. Еще сложнее решить вопрос о назначении бахчисарайской стелы. Является ли она надгробием или вотивом? По формам, композиции и стилю этот вопрос решить нельзя. Стела может оказаться и надгробной и вотивной. Может быть, необходимые разведочные раскопки решат этот вопрос. Если на месте находки стелы окажется одновременный ей могильник, то вопрос решится, очевидно, в пользу надгробия. Пока этого сказать еще нельзя. Можно лишь отметить, что у всадника на Бахчисарайском рельефе оружия нет. В руках у первого из них ритон. Это усиливает культовый элемент памятника. Характерно, что и в стеле из Малых Козырок оружия не видно, но это, может быть, вызвано тем, что верхняя часть стелы обломана. И в той и в другой стеле ритуальные черты ярко выражены, что допускает их вотивное назначение. Обе фигуры в бахчисарайском рельефе сидят на конях строго фронтально. Они как бы застыли. Создается впечатление, что они задуманы как предстоящие перед божеством.

Но возможно и другое истолкование рельефа — на основании сопоставления с героизированными изображениями парного, как мы полагаем, конного портрета Скилура и Палака из Неаполя скифского[39]. Не воспроизведены ли и на бахчисарайском рельефе отец и сын? Возрастные и размерные различия при стилевом родстве фигур и ритмическое построение композиции по двум планам подчеркивают близкую связь между персонажами при главенстве первой фигуры; это допускает толкование всадников как изображение отца и сына. Не имеем ли мы здесь более позднее, примитивное сарматское повторение того мотива, который был выполнен греческим мастером по заказу скифов во времена расцвета позднескифского государства? Не повторение ли это в скромных масштабах и доморощенных формах старой героической темы. Основное иконографическое отличие здесь в том, что в нашем рельефе, в отличие от неапольского, нет оружия и не подчеркнута в костюме этнокультурная принадлежность изображаемых персонажей.

Во всяком случае, бахчисарайский рельеф уникален. Это пока единственная стела из Причерноморья, изображающая всадников с посадкой ногами по одну сторону коня, о которой мы до сих пор знали только по рисунку Стефанского, опубликованному М. И. Ростовцевым[40]. Сочетание на рельефе «сарматской» посадки, специфических пропорций коня, встречающихся на рельефах сарматского круга, сарматских знаков и, наконец, совершенно особый стиль уплощенной, линеарной резьбы по камню дают все основания отнести бахчисарайскую стелу с двумя всадниками к произведениям позднесарматской художественной культуры времени ее укрепления и торжества не только в степях Сарматии, но и в предгорьях Юго-Западного Крыма.

Не исключена возможность, что и некоторые иконографические детали, например ритон в руке всадника, восприняты у скифов. Есть черты общего и с некоторыми поздними упрощенными вотивными стелами Фракии, изображающими конного героя-бога[41]. Но определяющие особенности стиля — сарматские.

---

[39] П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей..., стр. 44—57, рис. 21—22 сл. Л. А. Ельницкий (Л. А. Ельницкий. По поводу портретных скульптур скифских царей Скилура и Палака. СА, 1962, 3, стр. 291 сл.) пытался взять под сомнение выдвинутое толкование рельефа. Я уже имел возможность высказаться по поводу «аргументов» автора и не буду повторяться (П. Н. Шульц. Надгробный рельеф..., стр. 286, прим. 16).

[40] АДЖ, Атлас, табл. XXXVIII, *2*. М. И. Ростовцев, как мы уже говорили, взял под сомнение изображение Стефанским посадки катафрактариев (АДЖ. I, стр. 352 сл.). Публикуемая стела подтверждает возможность такой посадки.

[41] G. Mihailov. Inscriptions Graecae in Bulgaria repertae. Serdicae, 1961, III, стр. 210, № 1417, табл. 195; G. Kazarow. Ук. соч., стр. 180, № 1077, табл. LIIIVII, *515*.

Сарматской принадлежности бахчисарайской стелы не противоречит и археологический материал. С конца II и в особенности в III и IV вв. н. э. в крымских степях и предгорьях, в том числе и в Юго-Западном Крыму, прослеживается третий, поздний этап сарматского проникновения [42]. В позднейшем слое городища Алма-Кермен Бахчисарайского района, относящегося к первой половине III в., появляется лепная керамика сарматского типа [43]. К этому же времени в могильнике у с. Красногорского (б. Нейзац) на правом берегу р. Зуи относится склеп с сарматскими знаками и погребение с конским набором, на котором также имеется знак [44]. Сарматские граффити и знаки мы видим на штукатурке здания с фресками в Неаполе скифском [45]. На площади, близ главных городских ворот в Неаполе, появляется погребение сарматского или аланского военачальника с богатым конским набором и захоронениями коней [46]. В Бахчисарайском районе близ с. Озерное обнаружен могильник, в котором научный сотрудник Бахчисарайского музея И. И. Лобода исследовал расписной склеп с вырезанными на стенах сарматскими знаками и погребением воина с сарматским вооружением. Склеп хорошо датируется находками, в том числе и монетами, IV в.[47].

Количество примеров можно было бы значительно увеличить. Но и привлеченных достаточно, чтобы убедиться в том, что бахчисарайский рельеф с двумя всадниками, относящийся к II—III вв., включается в цепь фактов, свидетельствующих о новой волне позднего сарматского, а может быть и аланского, проникновения в Крым.

Итак, рельефы сарматского круга за последние годы пополнились двумя памятниками: южно-донузлавским (вторым) и бахчисарайским. Всего мы насчитываем шесть рельефов этого круга, из них четыре найдено в Крыму (два южно-донузлавских, бахчисарайский, керченский — Хедосбия из Пантикапея) и один в Малой Козырке (рис. 6). Концентрация рельефов этого типа в Крыму, очевидно, связана с тем, что толчком к их появлению послужили боспорские надгробия и позднескифские рельефы. Из шести пять рельефов изображают всадников и лишь один — пеших. Два из них имеют сарматские знаки. Остальные определяются по стилю. Хронологически рельефы укладываются не более чем в три столетия: I—III вв. Надо полагать, что при дальнейших розысках в поле и фондах музеев число рельефов интересующего нас круга значительно увеличится [48].

Следует отметить, что не только в рельефах сарматского круга, но и в позднескифских [49] безусловно преобладают изображения всадников. Это,

---

[42] П. Н. Шульц. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. Сб. «Проблемы скифо-сарматской археологии». М., 1970; Т. Н. Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Автореф. канд. дис., Киев, 1966, стр. 13 сл.

[43] Т. М. Высотська. Ліпна кераміка городища Алма-Кермен. «Археологія», XX, Киев, 1966, стр. 188, 194, 195, табл. II.

[44] Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 34, рис. на стр. 79, № 92, рис. на стр. 140.

[45] О. Д. Дашевская. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском, стр. 173—194, рис. 1—18.

[46] П. Н. Шульц. Об одной группе сарматских погребений с конским набором на Боспоре и в Неаполе скифском. Сб. «Плепум Института археологии АН СССР. Ранний железный век». М., 1966, стр. 18—20; его же. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, стр. 42, прим. 62, на стр. 65; его же. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.). ИАДК, Киев, 1957, стр. 76, 92; рис. 8—9, 16; А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя скифского. КСИИМК, XXXVII, стр. 170 сл., рис. 55—56.

[47] Отчет И. И. Лободы о раскопках могильника близ с. Озерное в 1963 г. хранится в архиве ИА АН УССР.

[48] В 1970 г. на урочище Рамазан-Сала рядом с местом находки публикуемого рельефа найден второй рельеф сарматского круга, близкий по стилю первому.

[49] П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей, стр. 56, прим. 4; его же. Надгробный рельеф из с. Марьино. Сообщения Херсонесского музея. III. Симферополь, 1963, стр. 3—10, рис. 1—2; О. Д. Дашевская. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). КСИИМК, 70, 1957, стр. 116, рис. 46, *2*.

вероятно, связано с тем, что конная знать играла немалую роль в правящем слое не только поздних скифов, но и в дружинной позднесарматской среде. Главное отличие позднескифских рельефов от позднесарматских заключается в том, что в скифских безусловно преобладает влияние греческой скульптуры, они более пластичны и менее условны и геометричны, чем сарматские. Рельефы сарматского круга примитивнее. Это согласуется и с различиями культурного уровня позднескифской среды, знавшей

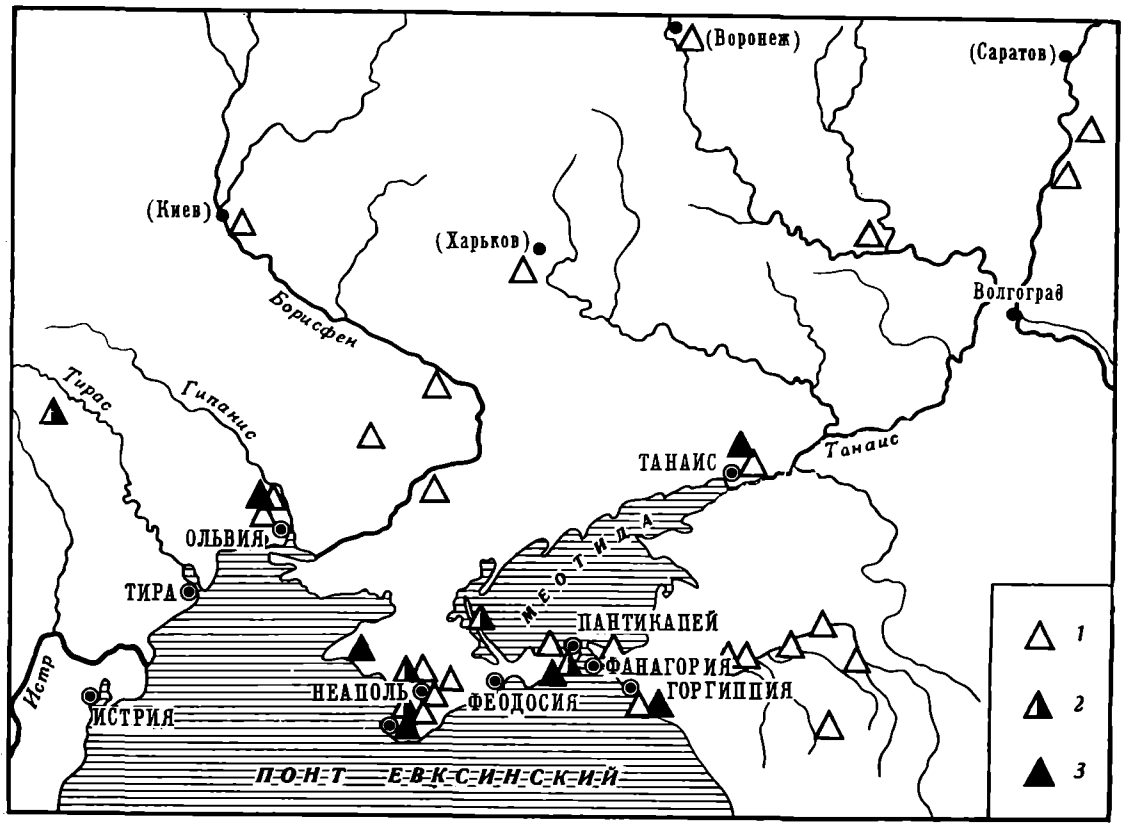


Рис. 6. Схематическая карта с обозначением мест находок рельефов сарматского круга

1 — знаки на камнях, ремесленных изделиях, монетах и т. д.; *2* — антропоморфные стелы с сарматскими знаками; *3* — рельефы сарматского круга (со знаками и без знаков)

уже условия не только кочевой и сельской, но и городской жизни, и сарматской среды, длительное время сохранявшей кочевой быт.

Как уже указывалось, рельефы сарматского круга и сарматские антропоморфные стелы входят в сложный комплекс явлений позднесарматской художественной культуры Северного Причерноморья. Сюда входят и граффити на скалах, стелах и штукатурке; и стенные росписи Неаполя и Пантикапея геометрического стиля, в которых сарматский элемент несомненен; и сарматские зеркала-подвески с солярными геометризованными мотивами и знаками, превращенными в орнаментальный узор; и ажурные пряжки, часто оснащенные знаками; и наконец, изделия полихромного стиля, которые получили распространение в поздней сарматской среде. Элемент графического искусства в сарматских знаках также входит как компонент в геометризованное, линеарное искусство поздних сарматов Причерноморья.

В круг позднесарматской художественной культуры включается и бахчисарайский рельеф, несколько наивный и примитивный, но не лишенный местного колорита, с явным желанием мастера доступными ему средствами героизировать всадников. Не даром же в руке одного из них ритон, а на груди второго — знак, подчеркивающий родовитость всадника.

P. N. Chults et M. Ya. Tchoref

UN RELIEF RECEMMENT DECOUVERT ET SE RAPPORTANT A LA CULTURE SARMATE DES FORMES

Résumé

En 1969 au lieu-dit de Romasan-Sila au voisinage de la ville de Bakhtchisaraï (en Crimée) on a trouvé un relief fait de calcaire et portant l'effigie de deux chevaliers se dirigeant à droite. Le premier, plus grand, serre à sa poitrine un rhyton des dimensions réduites, sur la poitrine du second est gravé un signe nommé «signe sarmate».

Une particularité iconographique de la représentation réside en ce que les deux chevaliers sont mis à chemal à la manière de femmes c'est-à-dire les deux jambes de chaque homme figurent d'un côté des corps de leurs montures. C'est la façon de se tenir à cheval propre aux guerriers lourdement armés (en cuirasses longues sarmates, et munis de piques qu'on voit, par exemple, sur les fresques découvertes dans le caveau Stassovsky à Panticapée).

Le style du relief se caractérise par ce qu'il est aplati à l'extrême et d'un caractère barbare primitif. Il paraît que le relief en question remonte aux II—IIIes siècles de notre ère et appartient aux reliefs de la culture sarmate. En 1970 on a trouvé un autre relief d'un style semblable dans le même lieu.

А. В. КУЗА, Г. Ф. СОЛОВЬЕВА

ЯЗЫЧЕСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ В ЗЕМЛЕ РАДИМИЧЕЙ

Недалеко от Рогачева, близ с. Ходосовичи на левом берегу р. Днепра, примерно в 4—5 *км* к востоку от него, находится Святое (ныне Доброе) озеро. С двух сторон (с севера и юга) в него впадают безымянные ручьи. Вдоль всего берега в песке можно найти обломки керамики, относящейся к различным эпохам — от периода неолита до эпохи Киевской Руси.

Здесь же расположен курганный могильник, насчитывающий более ста насыпей. Раскопки курганов несколько лет тому назад производил И. И. Артеменко и обнаружил погребения как эпохи бронзы, так и славянские XI—XIII вв.[1]. В 1969 г. Восточно-Белорусская экспедиция Института археологии АН СССР также раскопала несколько курганов этой группы и впервые открыла здесь курганы, содержащие останки сожженного на стороне умершего VIII—IX вв.

Первоначально предполагалось начать комплексное изучение как могильника, так и близлежащего селища. Однако в процессе раскопок основное внимание было уделено исследованию несколько необычного комплекса сооружений, которое, несомненно, было языческим святилищем. (В этой связи интересно сочетание названия озера «Святое» и расположение на его берегу святилища.)

Святилище занимало конечный мыс песчаной дюны, вытянувшейся с юга на север вдоль берега озера. Его западный склон возвышается над уровнем воды примерно на 2 *м*. С севера мыс омывается ручьем, впадающим в озеро; на востоке он, постепенно понижаясь, переходит в луг. Верхняя площадка святилища имеет вытянутую овальную форму, размеры: С—Ю — 60 *м*, З—В — 25 *м*. На юге мыс, несколько поднимаясь, сливается с основной частью дюны, заросшей соснами, среди которых разбросаны курганные насыпи. Дневная поверхность селища свободна от леса, но сильно испорчена военными траншеями и ямами. Территория селища была раскопана почти полностью.

Раскопки вскрыли здесь три разновременных культурных горизонта, впрочем сильно перемешанных и стратиграфически не всегда разделимых. В самом низу, в слое слегка окрашенного гумусом материкового песка, встречались отдельные неолитические черепки, кремневые орудия: скребки, ножевидные пластины, резцы и отщепы кремния. Прослеживались также расположенные бессистемно углубления, заполненные светло-серым золистым песком, смешанным с угольками. Некоторые ямки были наполнены мелкими кремневыми чешуйками, а в одной стоял раздавленный неолитический сосуд.

К среднему горизонту относятся два жилых комплекса, расположенных в юго-восточной части памятника, несколько ям и обломки грубой лепной керамики серого или коричневатого цвета, плохого обжига с

[1] Г. Ф. Соловьева, И. И. Артеменко. Славянские курганы близ с. Ходосовичи. КСИА АН СССР, 96, 1963.

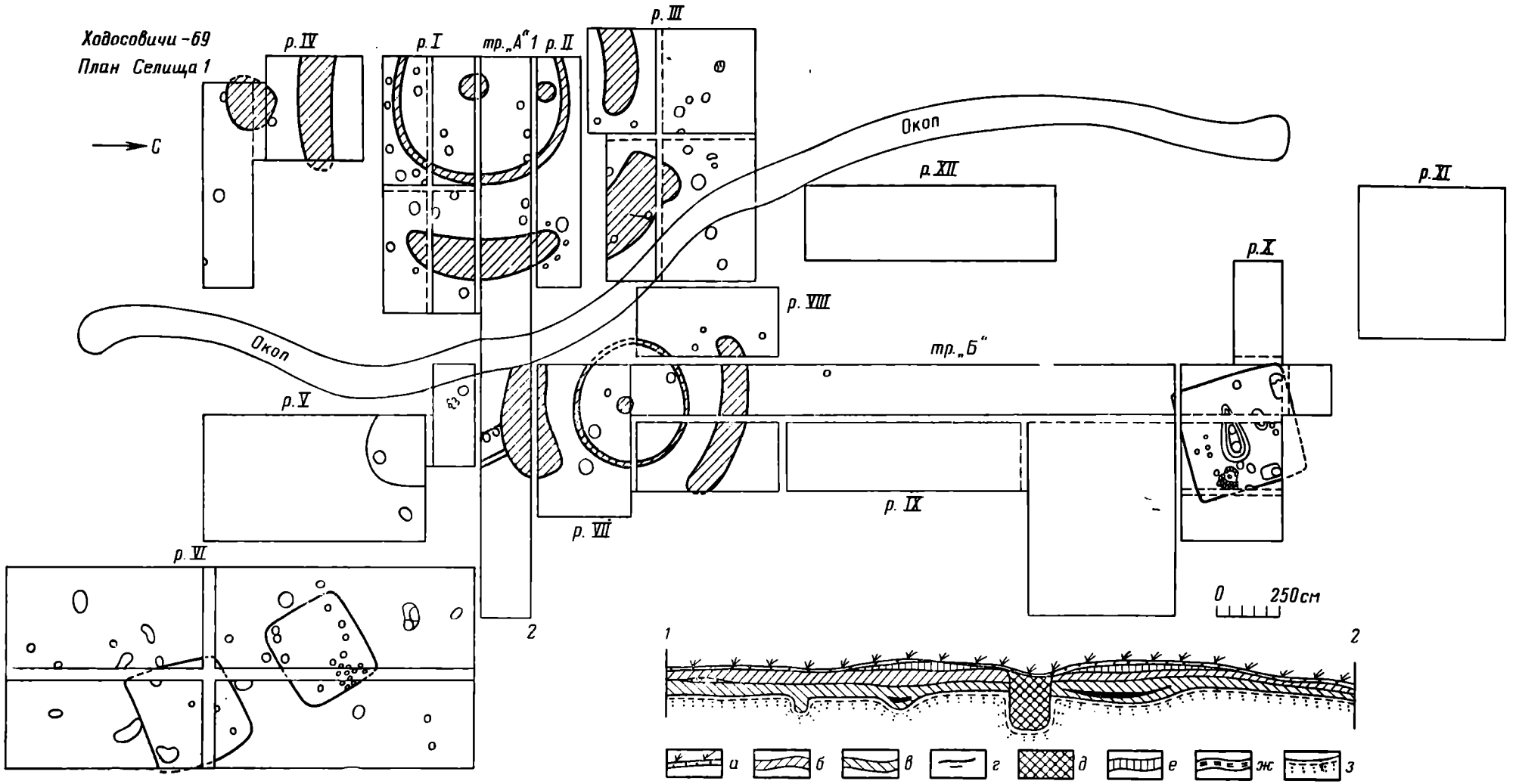


Рис. 1

1 — общий план раскопок селища № 1 близ с. Ходосовичи; *2* — северный профиль траншеи А. Разрез по линии 1—2: *а* — дерн, *б* — темно-серый песок, *в* — светло-серый песок, *г* — углистый слой, *д* — окоп, *е* — выброс из окопа, *ж* — обожженная глина, *з* — материк

бугристой поверхностью из-за большой примеси дресвы, найденные повсеместно. Следует отметить, что этот слой выделен условно по вещевым находкам и сооружениям на материке.

Исследованные жилища расположены рядом и ориентированы длинными осями под углом в 45° к линии запад — восток.

Жилище № 1 имело следующие размеры: З—В — 3,5 *м*, С—Ю — 3,2 *м* и было углублено в материк на 0,2 *м*. Развал печки-каменки находился ближе к северо-восточному углу жилища. Вход не прослеживался.

Жилище № 2 имело более расплывчатый контур, так как сверху было испорчено постройкой XVIII в. Его приблизительные размеры 4 × 3,5 *м*. В этих двух жилищах найдена упомянутая выше лепная керамика, других находок не было. Датируются жилища, судя по керамике, второй половиной I тысячелетия н. э., ближе к ее концу.

С такой же керамикой северо-западнее жилищ были расчищены две ямы, перекрытые сооружениями более позднего времени (см. ниже).

К последующему периоду существования селища — X в. относится основной комплекс археологических памятников этой дюны — святилище, открытое на материке под слоем углистого песка.

Центральную часть святилища составлял круг диаметром 7 *м*, по краю окружности которого шла кольцевая канавка шириной 40 и глубиной 40—50 *см*, заполненная темно-серым песком, смешанным с золой и мелкими угольками. Следов отдельных столбов в канавке не было. Около $^1/_3$ круга не сохранилось, так как эта часть вплотную примыкала к западному краю мыса, который размывается водой.

В центре круга сохранилось круглое в плане углубление (до 0,15 *м*) диаметром 1 *м* с плоским дном.

С трех сторон (север, юг, восток) на расстоянии до 2 *м* от внешнего края круга находились серповидные с закругленными концами ямы длиной до 6 п шириной до 1,8 *м*, глубиной до 1 *м*, имевшие корытообразное дно. Ямы были заполнены черным углистым песком. На дне наблюдалось скопление угля и обожженных камней.

С кольцевой канавкой и между собой они были связаны системой столбов, точно установить которую мешает обилие ям других периодов. Однако все же можно заметить одну особенность: у концов «серпов» восточного ровика находились две ямки от довольно толстых столбов (по одному с каждой стороны), отличающиеся от остальных своими размерами.

Ямы имели плоское дно, а по краю располагались другие углубления, значительно меньшего диаметра и глубины. Причем посредине «серпа» с каждой его стороны один столбик был поставлен прямо против другого. Ямы были обильно насыщены обломками славянской керамики, встречались также железные предметы неопределенной формы.

Кроме того, к южному «серпу» примыкало конструктивно с ним связанное округлое в плане углубление (диаметр 2,25 *м*) со сходящимися на конус стенками (глубина 1,3 *м*). Его заполнение аналогично заполнению основных ровиков. Другая яма, подпрямоугольной формы, глубиной до 0,5 *м*, с неровным дном, размещалась между северным и восточным ровиками. Установить ее действительные очертания не позволила траншея военных лет, срезавшая часть сооружения.

На расстоянии 10 *м* к востоку от центрального круга было обнаружено второе кольцо несколько меньших размеров (диаметр 5 *м*). Канавка имела глубину 25 и ширину 20—30 *см*. В нескольких местах на дне канавки были обнаружены ямки от отдельных столбиков диаметром 15—20 и глубиной 20—30 *см*.

В центре круга, как и в первом случае, находилась круглая в плане яма диаметром 60 и глубиной 25 *см*, также с плоским дном. На одной с ней линии у внутренних бортиков канавки находились еще две небольшие ямки от столбов.

С северной и южной сторон круга, на расстоянии 1,5 *м* от него были расположены две серповидные ямы. Длина северной, полностью сохранившейся,— 6 *м*, наибольшая ширина 1,1, глубина 1,2 *м*.

Южная яма, сильно поврежденная траншеей военных лет, перекрывала более древнее сооружение, также углубленное в землю. Здесь было найдено немного лепной керамики, характерной для второго горизонта селища. С внешней стороны у южной стенки ямы находился какой-то плохо сохранившийся очаг. Об этом свидетельствует пятно обожженной глины и прокаленного песка с более темными полосами сгнивших и частично сгоревших деревянных конструкций.

В самой северной части дюны (стрелке мыса) при впадении безымянного ручья в Святое (Доброе) озеро было открыто жилище, одновременное святилищу. Размеры жилища 4,5 × 4,6 *м*. Стенки жилища были ориентированы с отклонением в 30° от направления по странам света. Яма от жилища была заполнена черным жирным песком, смешанным с золой и углем. Остатки печи-каменки находились у юго-восточного угла жилища. Под развалом камней свода печи удалось расчистить остатки пода, сделанного из мелких плоских камней, обмазанных глиной.

Возможно, печь стояла не на материке, а опиралась на сруб или опалубку из дерева, так как по краям развала были выявлены три ямки от столбов глубиной 20—25 и диаметром 25 *см*. Четвертая ямка находилась, по-видимому, под бровкой. Ямки образовывали правильный квадрат со стороной примерно 1 *м*. Сбоку от печки (к северу) почти в центре жилища находилась овальная в плане предпечная яма (размеры: З—В — 2,3 *м*, С—Ю — 1,2 *м*, глубина 0,65 *м*). Яма имела покатые края, округлое дно и была заполнена золой, угольками, небольшими камнями и обломками гончарной керамики X в. Здесь же был найден обломок серебряной подковообразной фибулы, украшенной «скандинавским» орнаментом.

Кроме того, в полу жилища оказался еще ряд ямок меньших размеров (в северо-западном углу, в центре и у восточной стенки) и несколько еще более мелких углублений.

Два столба у западной и восточной стенки, по-видимому, поддерживали двускатную крышу. Вдоль северной и части восточной стены, возможно, были сделаны нары; южная половина жилища служила, видимо, для хозяйственных целей, северная — для жилья. Открытое жилище было единственным и, несомненно, связано со святилищем. Специально заложенные вокруг него и вдоль краев дюны разведочные раскопы и траншеи других сооружений не обнаружили.

Вновь открытое экспедицией святилище стоит в одном ряду с такими же памятниками, открытыми И. П. Русановой на р. Гнилопяти и В. В. Седовым в урочище Перынь под Новгородом. Определенное сходство обнаруживает оно и со святилищем балтов, раскопанным П. Н. Третьяковым на городище Тушемля.

Однако отсутствие вокруг последнего характерных серповидных ям, ориентированных по странам света, а также весь археологический материал, найденный в заполнении святилища в Ходосовичах, не позволяют сближать эти памятники.

Святилище, изученное И. П. Русановой[2], — наиболее раннее по времени, оно датируется VII—IX вв. и представляет собой углубление крестообразной (или скорее даже человекообразной формы), заполненное углистой землей, ориентированное по странам света. Размеры его с севера на юг 14,2 *м*, с запада на восток 11 *м*, углублено оно в материк на 40—50 *см*.

---

[2] И. П. Русанова. Исследование памятников на р. Гнилопяти. АО — 1965, М., 1966, стр. 142—146.

В центральной части святилища находилась большая яма от столба, немного сдвинутая к востоку, заполненная камнями, а к северу и югу от нее симметрично расположено несколько меньших ям, окруженных рядом мелких ямок и камней.

Вся центральная часть святилища была занята кострищем, перекрытым сверху каменной вымосткой. Кострища находились также в южном и восточном выступах углубления.

И. П. Русанова так реконструирует святилище: «Под открытым небом горели мощные костры и в определенном порядке стояли большие и маленькие столбы (идолы)».

В 12 *м* к юго-востоку от святилища находилось кострище правильной круглой формы диаметром 8,5 *м*, в середине которого прослеживается круговая канавка (диаметр 6,6, ширина 1,2, глубина 1,9 *м*), заполненная углистой землей и камнями.

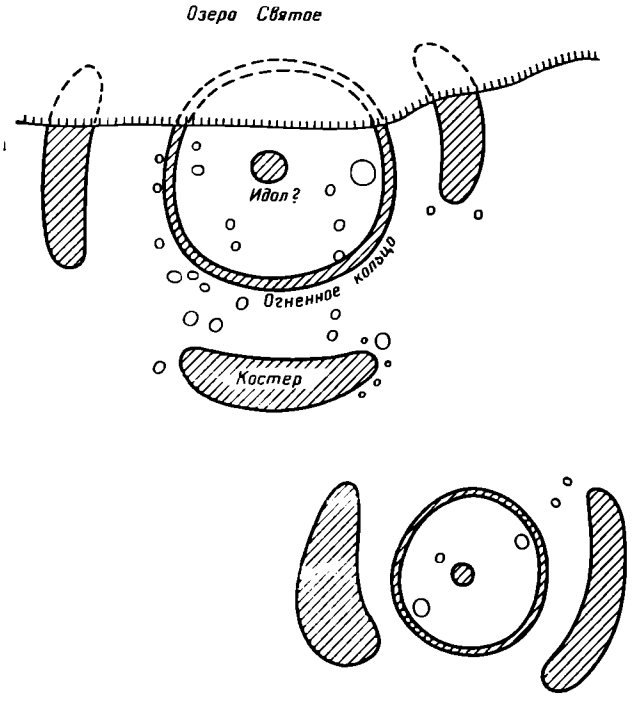


Рис. 2. Реконструкция плана святилища

К северо-западу от святилища, примыкая к нему, расположен могильник, а к северу (на расстоянии 60 *м*) находится жилой комплекс (дом и хозяйственные постройки).

Второе святилище исследовано В. В. Седовым в Перыни близ Новгорода [3]. Оно представляло собой круглое возвышение (диаметр 21 *м*) с горизонтальной поверхностью и с вертикальным столбом в центре, обрамленное рвом с восемью лепестками (радиус лепестков 7 *м*) для костров.

В. В. Седов вполне обоснованно полагает, что открытый им комплекс — святилище Перуна.

И наконец, В. В. Хвойкой в Киеве было также раскопано языческое святилище, которое представляло собой каменную вымостку неправильной формы с четырьмя выступами по странам света [4].

Открытое нами святилище ближе всего по своей конструкции стоит к перынскому, но в то же время имеет отдельные черты, которые сближают его и с гнилопятским, и с киевским.

Как и перынское, оно имеет круглую форму, в центре также стоит центральный столб, принадлежащий главному идолу, вокруг которого горят «неугасимые» огни.

Однако святилище Перуна под Новгородом — более высокая ступень, это уже архитектурное сооружение.

Со святилищем, открытым В. В. Хвойкой в Киеве, ходосовичское святилище связывают четыре полумесяца, ориентированные строго по странам света (в Киевском святилище им соответствуют четыре выступа).

И наконец, святилище на Гнилопяти. Внешне, кажется, здесь нет никаких общих черт, хотя гнилопятское святилище, напоминающее своим контуром антропоморфную фигуру с раскинутыми руками, также имеет четыре выступа. В то же время нельзя не обратить внимание на такие де-

[3] В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, 50, 1953.

[4] В. В. Хвойка. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913.

тали. И там и здесь к северу от святилища расположен жилой комплекс (дом и хозяйственные сооружения), и там и здесь непосредственно к святилищу примыкают могильники (бескурганный — Гнилопять, курганный — Ходосовичи). Кроме того, на гнилопятском святилище также имеются ямки от многих столбов, которые связываются И. П. Русановой со многими идолами.

Попробуем реконструировать святилище у Святого озера.

Прежде всего бросается в глаза определенное, почти детальное сходство плана вскрытых сооружений с картиной, получаемой после зачистки подошвы многих славянских курганных насыпей. На это первым применительно к святилищу в Перыни обратил внимание В. В. Седов [5]. Недавно в печати выступил Д. А. Авдусин, также считающий, что конструкции курганов подчинены общим закономерностям ритуального порядка [6].

В связи с этим необходимо решить один существенный вопрос: не являются ли раскопанные комплексы остатками разрушенных курганов? По совокупности всех наблюдений ответ должен быть отрицательным. Во-первых, в 50 *м* к югу от них хорошо сохранились одновременные курганные насыпи. Объяснить существование одних и разрушение других случайными причинами трудно. Во-вторых, что особенно важно, при общем сходстве с конструкцией подошвы кургана изученные сооружения имеют ряд несомненных отличий: дополнительные ямы, ряды столбов и т. п. Более того, околокурганные ровики у всех раскопанных в Ходосовичах насыпях, как и у хорошо сохранившихся курганов, нигде не имеют таких четких форм и столь абсолютной ориентации. В-третьих, центральное кольцо уже в конце XI— начале XII в. было перекрыто каким-то неясно выраженным жилым комплексом с очагом. Если вспомнить, что прилегающая к мысу часть курганного могильника датируется самым концом X—XI в., то маловероятно, чтобы некоторые могилы спустя короткий промежуток времени после их сооружения были уничтожены какими-либо хозяйственными постройками. Надо думать, что обнаруженная постройка (очаг с предочажной ямой) была возведена уже на пустом месте, когда низлежащее сооружение перестало функционировать и было заброшено.

Следовательно, предложенное нами определение раскопанного памятника как языческого святилища правильно. Сходство его конструктивных особенностей с устройством курганов вполне объяснимо и лишний раз подтверждает сделанный вывод. Органическая связь погребального обряда древних славян со всей системой их религиозных воззрений хорошо известна.

Реконструировать святилище у Святого озера можно следующим образом. Первоначально была размечена круглая площадка. В центре поставили массивную деревянную статую идола. Площадку окопали правильной кольцевой канавкой. Ее назначение могло быть двояким: или здесь размещали «малый» огонь (жгли, наверное, сучья и солому), или это следы окружавшего идола частокола. В первом случае огонь не должен был быть особенно сильным, иначе бы сгорели столбы внутри круга и за ним. Этот огонь, возможно, зажигали по особо торжественным поводам — большим праздникам.

В расположенных по сторонам основного круга полумесяцах также, по-видимому, горели костры [7]. Мощный зольный слой в них указывает на то, что пламя горело там дольше (неугасимый огонь). Обилие же в их заполнении черепков от различных горшков дает возможность предполагать, что

---

[5] В. В. Седов. Ук. соч.

[6] Д. А. Авдусин. Ровики славянских курганов. Сб. «Древности Восточной Европы», М., 1969, стр. 11—16.

[7] Число полумесяцев, как нам представляется, было 4. Западный не сохранился и вместе с частью круга рухнул в воду. Обращает внимание необычайно правильная ориентация этих полумесяцев по странам света.

сюда приносили жертвенное питье, которое затем выливали в этот огонь, а горшки разбивали и бросали также в костер.

У южных ровиков как первого, так и второго кольца существовали какие-то сооружения, по всей видимости, жертвенники. Определить их конструкцию в деталях трудно. При малом круге это был наземный очаг, а при большом — очаг, углубленный в грунт с камнями на дне.

Хуже обстоит дело с обилием ямок от столбов как вокруг святилища, так и внутри него. Одни из них хорошо связываются с комплексом. Это прежде всего ямки вокруг восточного полумесяца. По-видимому, большая часть их является остатками столбовой оградки, а два крайних больших столба, возможно, также принадлежали идолам или конструкции для добывания трением «живого» огня (как предполагает Б. А. Рыбаков).

Интересно сопоставить святилище близ с. Ходосовичи с описанным Ибн-Фадланом святилищем руссов в Болгарах. «Каждый из них (руссов), пишет он,— идет в город, имея при себе хлеб, мясо лук (чеснок), молоко и крепкий напиток (мед), отправляется к высоко поставленному чурбану, который имеет точно человечье лицо и окружен небольшими изваяниями, за которыми поставлены снова высокие колья (частокол)... кладет принесенное пред деревянным идолом...». И дальше: «Если жертвы (неоднократные жертвы) не помогают, тогда приносят жертву одному из небольших идолов и говорят: «это нашего бога жены и дочери»— и так переходят от одного идола к другому, прося их заступничества и благоговении преклоняясь перед ними»[8].

Ямки от столбов ходосовичского святилища, возможно, и принадлежали этим меньшим богам.

Мы встречаемся здесь с каким-то пантеоном родственных русских божеств, во главе которых стоит один главный бог. Таким главным богом, по-видимому, был Перун, которому посвящали неугасимые огни. Культ Перуна был широко распространен на Руси, его статуи стояли и в Киеве, и в Новгороде. В Белоруссии (именно в тех районах, где производились раскопки) до сих пор во время грозы занавешивают окна, зеркала и т. д., говоря: «Перун может ударить».

Перуну, видимо, принадлежит и святилище у с. Ходосовичи с «вечным» огнем вокруг его статуи. Второе святилище, меньших размеров, возможно, было посвящено уже не общеславянскому, а местному божеству, покровителю данного рода.

Жилище, находящееся на северном конце мыса, также связано со всем комплексом и принадлежало жрецу или тому лицу, которое обязано было следить за святилищем и поддерживать огонь. В этой связи интересно сопоставить его со святилищем на Тетереве, где, как уже упоминалось выше, то же расположение и жилища, и святилища, и могильника (ведь в период христианства у каждой церкви также были погосты).

Теперь вопрос о конструкции: круг (правильной или неправильной формы) и в одном случае четыре выступа (Гнилопять, Киев, Ходосовичи), в другом — восемь (Перынь).

В. В. Седов пытается эту конструкцию (восьмилепестковую) объяснить тем, что святилище Перуна повторяет цветок с восемью лепестками. Славяне-язычники посвящали некоторые цветы Перуну (именно те, которые имеют восемь лепестков. Эти цветы дошли до наших дней в народных вышивках). Отсюда вывод: «По-видимому, план святилища Перуна представлял собой геометризированное изображение одного из таких цветков, посвященных Перуну»[9].

Более вероятным кажется обратное мнение: цветы, чьи лепестки напоминали форму святилища, получили название «божьих цветков», «перуники» и т. д.

---

[8] Ибн-Фадлан. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 142.

[9] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 146.

Почему в Перыне было восемь лепестков, а в Ходосовичах четыре? Трудно сказать. Выше уже отмечалось, что и по размерам Перынь в три раза больше ходосовичского и, конечно, превосходит последнее по архитектурным формам. Кроме того, Перынь — капище древнего Новгорода, Ходосовичи — одной из частей радимичских (возможно, и драговичских) племен.

Четыре лепестка — ровика, точно ориентированных, по-видимому, связаны с представлением «о всех четырех странах света», известного уже с глубокой древности.

Перынь, как считает В. В. Седов, принадлежала одному Перуну. Святилище у Ходосовичей, так же как и гнилопятское, несомненно, включало еще и других божеств.

Дата вновь открытого святилища устанавливается довольно отчетливо. Абсолютное большинство найденной внутри него и по соседству керамики — обломки гончарных сосудов со стреловидными венчиками, характерными для конца X— начала XI в. Есть также фрагменты сковородок или блюд. Среди черепков с обычным волнистым или глубоко прочерченным линейным орнаментом выделяются несколько обломков, украшенных оттисками круглого решетчатого, прямоугольного или треугольного штампа. Подобный орнамент имеет близкие аналогии в западнославянских землях. Индивидуальные находки: шиферное пряслице, половина подковообразной фибулы, железный ключ от кубического замка с Т-образной прорезью — не противоречат указанной дате. Упоминавшийся выше жилой комплекс с очагом и керамикой (сильно отогнутый венчик с закраиной) XII в., перекрывший центральное кольцо, указывает, что к этому времени (начало XII в.) святилище было давно заброшено. Уточнить нижнюю дату помогает разрушенное вторым кольцом сооружение с грубыми лепными сосудами, датирующимися не ранее VIII в., а вероятнее всего, IX в. Таким образом, временем функционирования святилища на берегу Святого озера можно считать середину X— начало XI в.

Кому оно принадлежало? Все сооружение, в несколько раз меньше Перынского и конструктивно почти полностью совпадающее с виденным Ибн-Фадланом, являлось, наверное, межродовым капищем одного из племен радимичского союза. В течение последних лет Восточно-Белорусская экспедиция исследовала в ближайших окрестностях несколько курганных могильников, в инвентаре и обряде которых прослеживаются многие общие черты. Для них характерно также присутствие среди радимичских погребений или рядом с ними одновременных дреговичских захоронений. Напротив святилища за Днепром находится древнерусское городище с курганным могильником у с. Лучин. К северо-западу, видный невооруженным глазом, располагается г. Рогачев. Наконец, в 1,5 *км* к югу на берегу того же озера есть одновременное селище.

Очень заманчиво связать исследованный памятник с летописным городом Рогачевым (расстояние между ними примерно такое же, как от Новгорода до Перыни).

К сожалению, в Рогачеве пока неизвестны слои X в. Основной комплекс находок датируется там XI—XII вв., хотя значительных раскопок на Рогачевском городище не проводилось.

Дальнейшие исследования несомненно увеличат число подобных открытий и помогут более конкретно изучить языческие верования восточных славян.

A. V. Kouza, G. F. Soloviéva

UN SANCTUAIRE SLAVE DU Xe SIECLE AU VOISINAGE DU VILLAGE DE KHODOSSOVITCHI

Résumé

Un sanctuaire slave est situé sur un cap du Lac Sacré (Sviatoïé Ozéro) qui est un lit abandonné du Dniéper, à 8 km à l'est de la ville de Rogatchev de la région de Gomel (la rive gauche du Dniéper).

Le sanctuaire n'est autre qu'un cercle à diamètre d'environ 7m. Le cercle est contourné d'un ravin peu profond rempli de cendres et de charbons. On a découvert, à la distance d'environ 60 cm des bords du cercle, quatre fosses segmentoïdes remplies de charbons, cendres et tessons de poteries. Ces fosses sont orientées sur quatre points cardinaux.

Au milieu du cercle il y a une fosse où se dressait jadis un poteau (un idole). Au nord-est du lieu sacré principal a été trouvé un autre plus petit. Dans la partie nord du cap, tout près du lac on a mis su jour une hutte partiellement souterraine qui appartenait probablement à un sacrificateur. Au sud se situe une nécropole à tumuli datant des VIII—Xes siècles.

А. В. ЦИРКИН

ШОКШИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Раннесредневековая история северо-запада мордовской земли в 1960—1970 гг. пополнилась новыми археологическими памятниками, материал которых позволяет существенно расширить наши представления об этом еще недостаточно изученном крае. Группа могильников (Погибловский, Перемчалкинский, Старший Кужендеевский, Абрамовский и Шокшинский) расположена в пограничной области, занимаемой родственными, но далеко не тождественными по культуре соседними племенами. Судя по материалам вышеуказанных могильников, в середине I тысячелетия н. э. данная территория являлась контактной зоной, памятники которой аккумулировали разнообразные культурные компоненты.

Новые памятники открывают возможность решать такие проблемы, как установление северо-западных границ расселения мордвы, выяснение степени хозяйственного обмена между соседними племенами, выявление взаимной культурной ассимиляции, инфильтрации пришлого населения в иную среду.

В последнее время у некоторых археологов-мордвоведов сложилось, как нам представляется, недостаточно убедительное мнение, смысл которого сводится к следующему. Нижнее течение Оки, там, где русская летопись помещает мурому, в VIII в. было заселено мордвой-эрзей. Позднее мордва-эрзя перемещается на юго-восток, осваивая и занимая бассейн р. Теши. П. Д. Степанов, например, полагает, что никакого самостоятельного племени мурома не было и археологические памятники на нижнем течении Оки принадлежали мордве-эрзе. Мурома — это поздняя вставка в летописи, и поэтому доверять им в этой части вряд ли есть основания [1]. Здесь уместно указать, что инвентарь муромских могильников качественно отличается от инвентаря синхронных им могильников, расположенных на нижнем течении р. Мокши и бассейна Теши. В особенности это касается украшений в женских погребениях. Вместе с тем инвентарь могильников, находящихся в пограничной зоне (низовье Мокши и бассейн р. Теши), в раннюю пору имеет очень много элементов, сходных с культурой рязано-окских могильников. Важно отметить также, что могильники Перемчалкинский, Старший Кужендеевский, принимаемые за эрзянские, в отдельных погребениях содержат височные привески с грузиком, характерные, по мнению большинства археологов, для южномордовских племен. Таким образом, если согласиться с точкой зрения П. Д. Степанова, трудно объяснить наличие вышеперечисленных отличий. Не найдет объяснений и ряд сходств, имеющихся в культуре муромских и так называемых эрзянских могильников. По всей вероятности, решение этих вопросов следует искать в тщательном анализе погребального инвентаря муромских могильников и могильников, расположенных по нижнему течению реки Мокши и бас-

[1] П. Д. Степанов. Древняя история мордвы-эрзи. Тр. МНИИ, 34, Саранск, 1968, стр. 267; М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша. СА, 1959, 1, стр. 227.

сейна р. Теши, с учетом той сложной политической обстановки, которая характеризует взаимоотношения между Киевской Русью и финно-угорскими племенами, а также миграции населения из южнорусских степей на север, обусловившей этническую пестроту в этом районе.

Шокшинский могильник, расположенный на магистральном пути движения населения из южных районов на север, впитал в себя несколько культурных компонетов: рязано-окский, армиево-сурский и тамбово-цницкий. В инвентаре могильника есть отдельные вещи (украшения) из памятников Подонья, где в VII—IX вв. обитали племена салтово-маяцкой культуры.

Имея это в виду, следует подчеркнуть, что Шокшинский могильник — интересный археологический памятник, правильная интерпретация материалов которого позволит понять многие стороны жизни и культуры населения северо-запада Мордовской земли.

Могильник расположен у поселка «Коммуна» в Теньгушевском районе на стыке Мордовии с Горьковской и Рязанской областями, на высоком мысу надлуговой террасы правого берега Мокши, в 0,5 *км* от ее впадения в Мокшу. Памятник находится в аварийном состоянии. Весеннее половодье подмывает берег реки, разрушая северную границу могильника. В 1967—1969 гг. археологической экспедицией Мордовского государственного университета на могильнике были проведены обширные работы.

Визуальный осмотр и инструментальные измерения показали, что площадь могильника составляет примерно 5000 $м^2$. За три полевых сезона вскрыто 1000 $м^2$. Как свидетельствуют раскопки, могильник возник на месте поселения эпохи бронзы. Здесь, в его юго-восточной части, было обнаружено небольшое количество фрагментов керамики фатьяновского и примокшанского типа.

На могильнике исследовано 243 захоронения, из которых 102 оказались женскими, 77— мужскими, 12— детскими. В трех погребениях было захоронено по два костяка. В 49 погребениях принадлежность пола, к сожалению, определить не удалось. Основной обряд захоронения — трупоположение, в 16 совершена кремация трупа, что составляет 6,6% общего числа.

По конструкции могильные ямы в плане имели чаще всего подчетырехугольную форму и реже овально-вытянутую. Длина могильных ям колеблется от 90 до 260 *см*, но преобладают могилы длиной 160—220 *см*, ширина могил в среднем составляет 50—70 *см*, глубина от 40 до 140 *см*. В отдельных могилах нижняя их часть по ширине у́же верхней, но преобладают захоронения с вертикальными стенками. Дно ровное, следов подсыпки или каких-либо дополнительных сооружений в могилах не наблюдалось. В заполнении могильных ям найдены: фрагменты керамики — в 103 погребениях, остатки древесного угля — в 61, кости животных — в 15. В шести погребениях в засыпной земле встречены украшения.

Умершие, судя по расположению костей и костным остаткам, лежали вытянуто на спине и только в трех захоронениях были положены на правый бок, а в одном — на левый. Руки лежали на тазовых костях. В трех погребениях руки были вытянуты вдоль туловища. Исключение составляет погр. 23; левая рука погребенного была согнута и положена на грудь, другая вытянута вдоль туловища. Дно могильных сооружений устилалось лубом, причем в 35 женских погребениях, четырех мужских и трех детских следы луба прослежены не только на дне могилы, но и на отдельных украшениях. Это дает основание предполагать, что умершего предварительно обвертывали в луб. В погребениях позднего периода встречается ткань, в которую обвертывали умершего. За три года раскопок в 26 женских и трех мужских погребениях обнаружены остатки ткани.

Положение сосудов при костяках не имеет строгой закономерности. Чаще сосуды ставились в ноги (14 погребений), у головы слева или справа (9 погребений), у пояса (4 погребения).

Керамический материал в могильнике представлен тремя типами: 1) сосуды горшковидной формы с орнаментом в виде небольших углублений по краю венчика. Толщина стенок сосудов 10 *мм*. Обжиг слабый и неравномерный: сверху темный, в изломе темно-углистый. В качестве примеси в глину добавлялся шамот и мелкозернистый песок; 2) сосуды горшковидной формы средних размеров с хорошо выраженным туловом, венчик прямой, не орнаментированный. Толщина стенок сосудов 8 *мм*, обжиг слабый, неравномерный, сверху темный, в изломе темно-углистый, в глину добавлялся шамот и небольшое количество мелкозернистого песка; 3) сосудики небольших размеров, предназначенные специально для ритуальных целей. Толщина стенок сосудов 5 *мм*, в двух случаях венчик горшков имел прямой срез, хорошо выраженное тулово. В одном захоронении ритуальный сосудик имел форму банки. Обжиг миниатюрных сосудиков неравномерный, сверху темно-коричневый, в изломе темно-серый. В глину добавлялся шамот и отчасти мелкозернистый песок. Аналогичную керамику мы наблюдаем в памятниках мордвы, расположенных на среднем течении реки Оки [2] и на реке Цне [3].

В некоторых мужских захоронениях найдены женские вещи, вероятно положенные вдовой умершего. Так, например, в погр. 20, 156 в могилы были положены свертки из ткани, в которых находились женские украшения. Точно так же был произведен символический обряд захоронения женских вещей в мужских могилах 33 и 38.

Ориентировка умерших неустойчива, о чем свидетельствует приводимая ниже таблица.

Данные таблицы позволяют отметить следующие устойчивые явления, характерные для погребального обряда древних шокшинцев.

Наибольшее количество женских погребений ориентировано головой на с-в (41 из 102), при этом 21 захоронение, судя по составу могильного инвентаря, имеет множество аналогий с инвентарем из рязано-окских могильников. 25 мужских погребений из 77 были положены головой на с-в, из них 20 могил по составу вещей точно так же имеют большое сходство с могильным инвентарем рязано-окских могильников.

В 69 захоронениях могильника костяки имели юго-восточную ориентировку. Вещи из этих погребений находят аналогии в инвентаре южномордовских ритуальных памятников (Армиево, Серповое, Кошибеево, Крюково-Кужново). Эти захоронения по сравнению с ранними погребениями богаче и разнообразнее. Отдельные украшения изготовлены из драгоценного металла — серебра. В поздних погребениях нередко встречаются украшения, хозяйственно-бытовой инвентарь и целые наборы вещей муромского типа.

Погребения с кремацией трупа, относящиеся к раннему периоду, составляют 40% общего числа погребений с трупосожжением. Кремация трупа производилась на стороне. В могилы пережженные кости складывались небольшой кучкой. Вещи не подвергались огню и располагались в обычном для трупоположения порядке. Это принципиально новый, иноземный обряд погребения, не специфичный для местного населения [4].

В погр. 51, 89 никаких вещей не найдено. Вероятно перед нами редкий случай, когда близкие умершего, отдавая дань традиции, совершали символическое погребение сородича, погибшего во время военного похода на чужбине, вдали от родных мест.

В двух захоронениях (68, 87) было найдено по два наконечника копий, лежащих остриями в разные стороны по отношению друг к другу. Этим, по-видимому, как бы подчеркивалась неопределенность положения умершего. В погребениях с трупоположением наконечники копий обычно лежали острием в сторону головы.

---

[2] Древности Мордовского народа. Саранск, 1941, табл. 20, *6*.

[3] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VII—XI вв. Моршанск, 1952, табл. 51, *1—5*.

[4] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 153—154.

Пол умершего	Стороны света								
	юг	север	запад	восток	ю-в	с-з	ю-з	с-в	всего
Мужские	2	1	1	5	20(1)	9	9(2)	25(2)	77
Женские	1	2	2	4	39(2)	7	2	41(2)	102
Детские	—	1	—	—	6	2	—	3	12
Парные						2	—	1	3
Неопределенные	2	2	1(2)	1	4(1)	11	13(2)	8(2)	49
Итого	5	6	4(2)	10	69(4)	31	24(4)	78(6)	243

Примечание. В скобках указаны погребения с трупосожжениями.

Захоронения с ранним вещевым комплексом локализуются у коренного берега надлуговой террасы, располагаясь в два правильных ряда, идущих параллельно с юго-запада на северо-восток. Такая планировка погребений характерна для могильников среднего Поволжья первой половины и середины I тысячелетия н. э. В частности, она отчетливо просматривается в планировке погребений рязано-окских могильников. Ранние погребения Шокшинского могильника отличаются от поздних незначительной глубиной могил, достигающих в большинстве случаев 80—100 *см*.

Захоронения с поздним вещевым комплексом располагаются в более высоких точках могильника, дальше от берега реки в его южной части. Расположение могил правильными рядами прекращается, они концентрируются по кольцевой схеме (по-видимому, вокруг родового знака), с господствующей юго-восточной ориентировкой. Такое положение умерших было свойственно племенной группе мордвы-мокши [5].

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что состав погребенных в Шокшинском могильнике время от времени пополнялся за счет пришлого населения, что в свою очередь влекло изменение устойчивых погребальных традиций.

Анализируя инвентарь погребений могильника, нетрудно заметить его разнородность и разновременность. Именно поэтому захоронения четко разделяются на два хронологических периода.

Первый охватывает конец VI и VII вв. включительно; для этого периода характерны наборы и целые комплексы вещей рязано-окского облика.

Второй период падает на VIII и X вв.; для него специфичны наборы вещей и целые комплексы украшений, имеющие южное происхождение. В поздний период, как уже отмечалось выше, заметен наплыв вещей и украшений муромского типа. Рассмотрим комплексы вещей по периодам.

РАННИЙ КОМПЛЕКС (VI—VII вв.)

Инвентарь женских погребений

Состав могильного инвентаря раннего периода близок по составу инвентарю рязано-окских могильников. В некоторых погребениях найдены детали от налобных венчиков, состоящие из бронзовых спиралек и витушек, нанизанных на ремешки и разделенных пластинчатыми обоймами. В них продеты плоские луновидные подвески-колечки (рис. 1, *1*). Налобные венчики такого типа на собственной территории Мордовии встречаются впервые. Но они хорошо известны по материалам рязано-окских могильников [6].

[5] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952.
[6] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, III, 1, 1926, рис. 1, *9*.

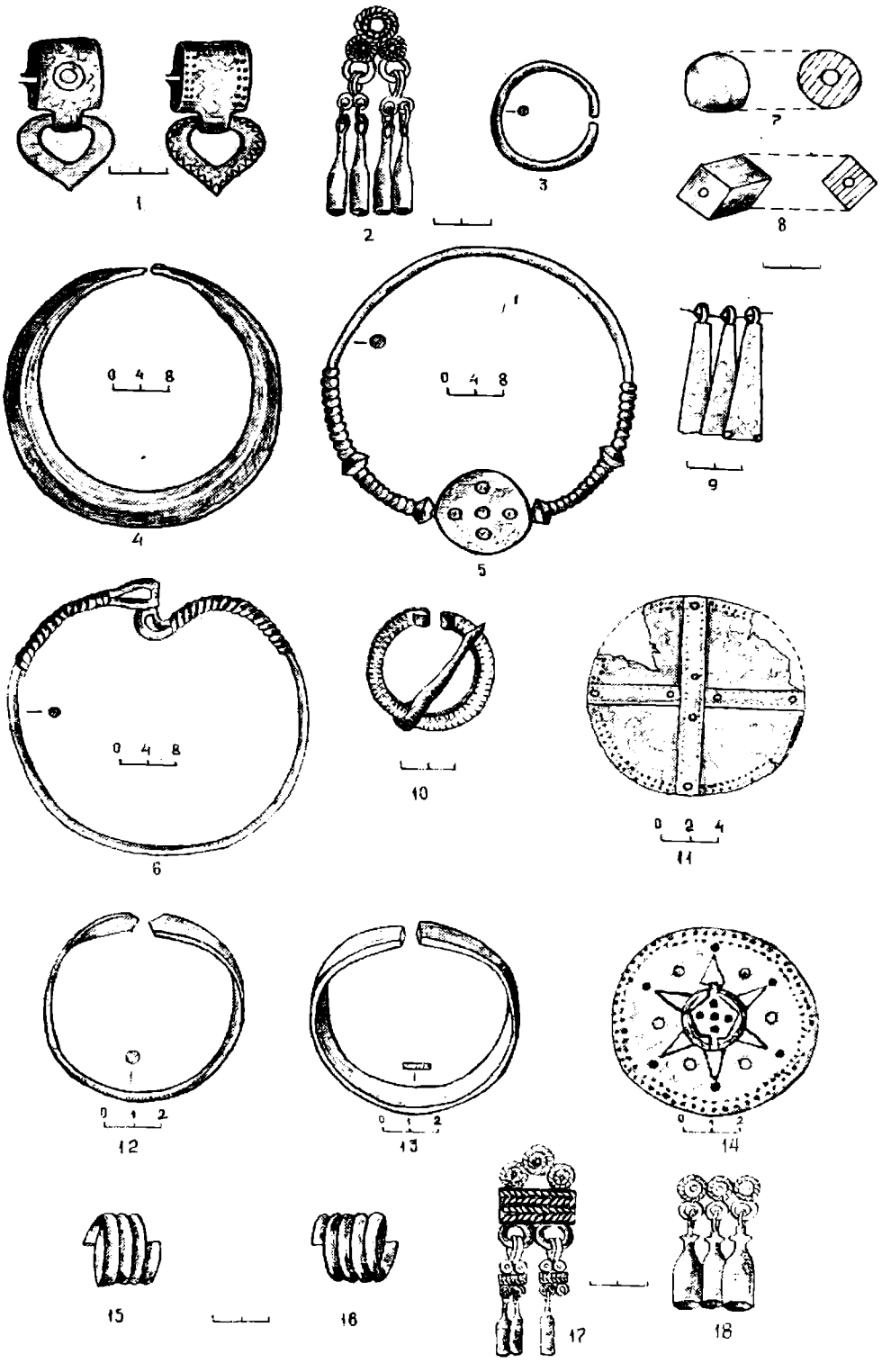


Рис. 1 Ранний вещевой комплекс VI—VII вв.

1 — детали от налобного венчика, *2—3* — височные привески, *4—6* — гривны, *7, 8* — бусы, *9* — подвески, *10* — сюлгама, *11, 14* — нагрудные бляхи, *12, 13* — браслеты, *15, 16* — перстни, *17, 18* — ажурные привески

Интересны височные привески со щитком в виде эсовидного завитка с четырьмя бутыльчатыми подвесками (рис. 1, *2*). Полная аналогия этим привескам известна в рязано-окских могильниках, где они датируются VI в. [7].

В женских захоронениях встречаются височные кольца, изготовленные из толстого бронзового и серебряного дрота. Форма концов тупая, обрубленная (рис. 1, *3*). Подобные височные кольца также известны в древностях рязано-окских могильников и датируются VI в. [8].

К раннему периоду относятся серповидные пластинчатые гривны без каких-либо подвесок. Это начальная форма гривен. Примерно в конце VII в. они получают новую модификацию. К нижнему краю пластины гривны подвешиваются трубчатые конические подвески (рис. 1, *4*). Гривны подобные нашим, встречаются в древностях рязано-окских могильников [9].

В отдельных погребениях найдены гривны с замком в виде коробочки с прорезью, в которую вставлялся второй отогнутый конец. Концы у гривны перевиты звеньями проволоки, между которыми иногда насаживались бронзовые бусы. Коробочка украшена пятью рельефными шишечками (рис. 1, *5*). Гривны подобного типа известны по материалам рязано-окских могильников [10], встречаются также среди древностей Армиевского могильника [11]. От рязанских типов эти гривны отличаются сравнительно большим диаметром коробочки (60 *мм*) и, вероятно, могут быть датированы VII в. В некоторых погребениях обнаружены шейные гривны, по конструкции отличные от двух предыдущих типов. Гривна изготовлена из дрота с замком в виде двойной петли. Концы у гривны обмотаны тонкой бронзовой проволокой, но в отличие от более древних они не имеют напускных металлических бус (рис. 1,*6*).

Нередко встречаются красные пастовые бусы. Это сравнительно распространенная категория украшений, хорошо датирующая вещевые комплексы. В отдельных погребениях (№ 61) бус подобной формы найдено по нескольку десятков. Они имеют неправильную округлую форму, иногда слиты по две, по три вместе. Встречаются красные пастовые бусы бочонковидной и шаровидной формы (рис. 1, *7*).

Красные пастовые бусы, аналогичные нашим, широко были распространены в рязано-окских могильниках, а также в комплексах Серповского [12] и Старшего Кужендеевского могильников [13]. Изредка встречаются бусы из стекла (рис. 1, *8*). В составе ожерелий бусы очень часто чередуются со спиральными бронзовыми произками.

В состав шейных украшений входили также привески с ажурным литым щитком и с подвешенными к ним бутыльчатыми подвесками (рис. 1, *17*, *18*).

Одежда женщины украшалась трапециевидными подвесками (рис. 1, *9*).

В женских погребениях раннего периода найдены сюлгамы с завернутыми в трубочку концами. Преобладают сюлгамы бронзовые, пластинчатые, диаметром 20—28 *мм* (рис. 1, *10*). Наиболее ранними типами являются сюлгамы с насечкой по внутреннему, реже по наружнему краю. Сюлга-

---

[7] П. П. Ефименко. Ук. соч., рис 4, *5*; А. А. Спицын. Древности бассейнов реки Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, табл XIX, *9*.

[8] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. по археологическим источникам. СА, II, 1937.

[9] П. П. Ефименко. Рязанские могильники, рис. 4, *14*.

[10] Там же, рис. 4, *15*.

[11] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930, рис. 13. *17*.

[12] А. Е. Алихова. Серповской могильник. Сб. «Из древней и средневековой истории Мордовского народа». Саранск, 1959, табл. 50, *2*, *3*.

[13] М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша. Там же, табл. 24, *2*.

мы аналогичной конструкции обнаружены в Армеевском [14] и Селиксинском могильниках [15]. Встречаются они в рязанских древностях. П. П. Ефименко датирует подобные сюлгамы стадией С-1, т. е. VI в. [16]. Не исключено, что на территории рязанского течения Оки такие сюлгамы бытовали в указанное время, но на ее окраинах и особенно в пограничных областях они могли существовать и позднее. Эволюция мордовских сюлгам прослежена А. Е. Алиховой [17]. В более позднее время у мордвы появляются сюлгамы, концы которых принимают форму трубочки и несколько выступают в виде штырьков так называемых усов. Сюлгамы такой измененной формы легли в основу позднейших типов и стали характерными мордовскими украшениями на протяжении всей второй половины I тысячелетия н. э.

Интересны нагрудные пластинчатые бляхи с перекрестием, орнаментированные по краю двумя рядами рельефных шишечек (рис. 1, *11*). В шести погребениях обнаружены нагрудные бляхи с крышечкой и симметрично расположенными треугольными прорезями (рис. 1, *14*). Подобные украшения известны по материалам рязано-окских могильников [18].

Встречаются браслеты из тонкого круглого дрота с расплющенными, подтреугольной формы концами (рис. 1, *12*). Браслеты подобного типа известны из Серповского могильника [19]. В Армеевском могильнике встречаются браслеты точно такого же типа, но с концами, срезанными под углом [20]. П. П. Ефименко датирует браслеты, близкие по форме нашим, стадией С-1, т. е. VI в. К этому же времени, вероятно, следует отнести браслеты из плоско-выпуклого дрота со слегка расплющенными концами. Аналогичной формы браслеты встречаются в древностях рязано-окских могильников [21].

Интересны два экземпляра браслетов, сделанных из толстого бронзового дрота, слегка расплющенного, с прямо обрубленными концами, имеющими четкие четыре грани (рис. 1, *13*). Аналогии этим браслетам известны, по материалам прибалтийских памятников, где они датируются VII—VIII вв [22].

Очень редко в вещевых комплексах раннего периода встречаются спиральные (в три-четыре оборота) перстни. Вероятно, они появляются в самом конце VII в. (рис. 1, *15*, *16*). Подобные по конструкции и форме перстни представлены в материалах Борковского могильника [23].

Инвентарь мужских погребений

Мужские погребения менее богаты. В могильном инвентаре преобладают предметы хозяйственно-бытового назначения, украшения встречаются реже.

В погр. 30 и 109 найдены массивная гривна из белого сплава (билон), аналогии которой можно найти в Серповском могильнике [24] (рис. 2, *1*).

Чаще всего встречаются железные пряжки В-образной формы (рис. 2, *2*). Пряжки подобной конструкции были широко распространены в V—VII вв. в Восточной Европе. Известны они в материалах Армеевско-

---

[14] П. С. Рыков. Ук. соч., рис. 3, *6*, *37*, *41*.

[15] М. Р. Полесских. Отчет об археологических работах в Пензенской области в 1954 г. Архив ИА АН СССР № 965, погр. 10, 13.

[16] П. П. Ефименко. Рязанские могильники, рис. 2, *9*.

[17] А. Е. Алихова. Из истории мордвы... табл. 1, *20*, *34*, *44*, *56*, *63*.

[18] А. А. Спицин. Ук. соч., табл. XVI, *8*, *12*.

[19] А. Е. Алихова. Серповской могильник, табл. 52, *1*.

[20] П. С. Рыков. Ук. соч., рис. 80, 81.

[21] Древности мордовского народа. Табл. 23, *9*.

[22] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понемья. М.—Л., 1962, стр. 66, рис. 55, *5*.

[23] Древности мордовского народа, табл. 23, *10*.

[24] А. Е. Алихова. Серповский могильник, табл. 51, рис. 3.

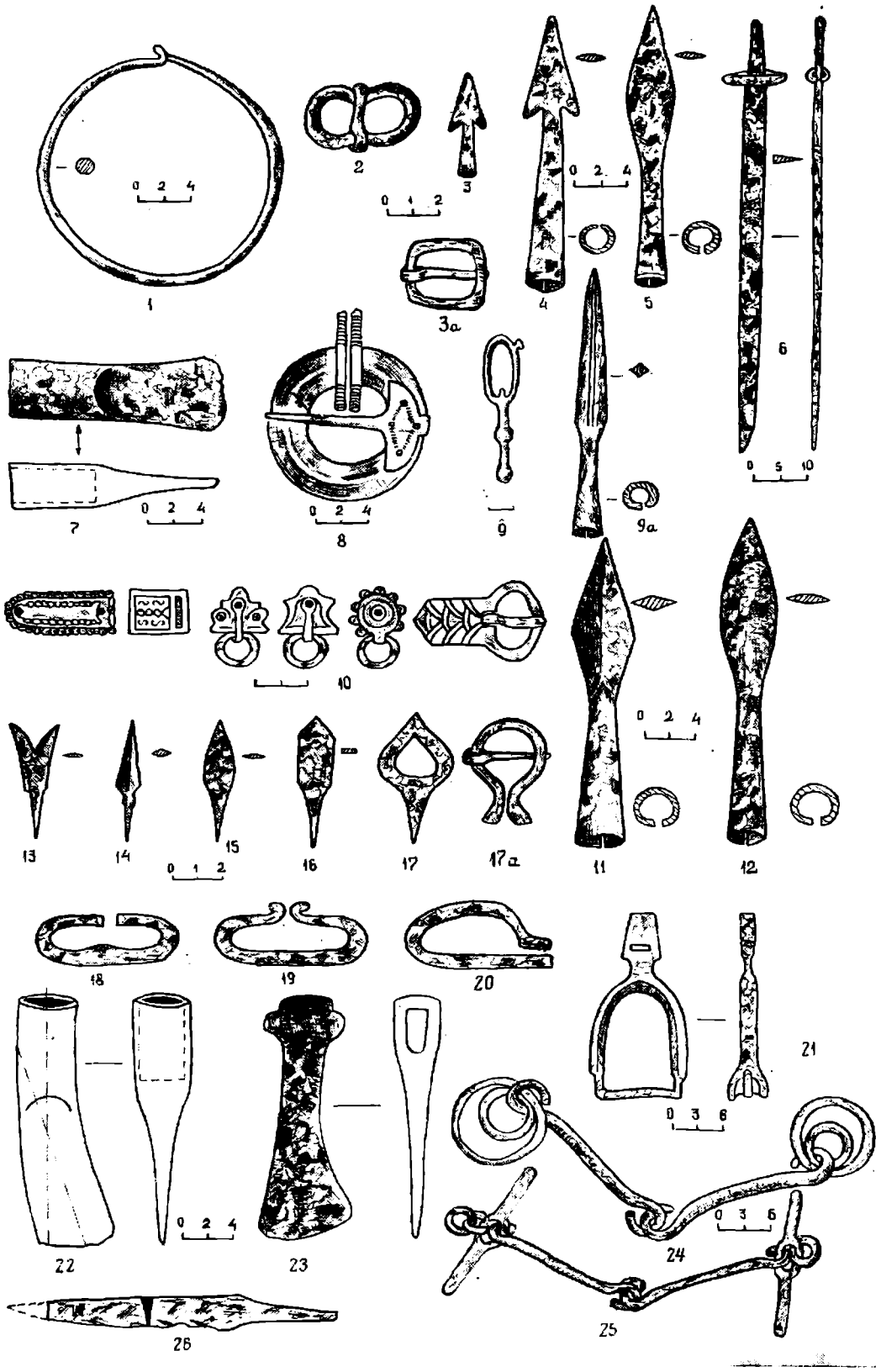


Рис. 2. Вещевой комплекс мужских погребений (VI—X вв.)

1 — гривна, *2, 3а* — пряжки, *3, 13—17* — стрелы, *4, 5, 9а, 11, 12* — копья, *6* — сабля, *7, 22, 23* — топоры, *8* — бляха-застежка, *9* — височное кольцо, *10* — украшение ремня, *18—20* — огнива, *21* — стремя, *24, 25* — удила, *26* — нож, *17а* — сюлгама

го могильника [25], а также в памятниках Именьковской культуры [26]. Встречаются подобные пряжки и в восточнолитовских курганах VI—VIII вв. [27].

Из оружия прежде всего следует отметить находку сабли в погр. 43(117) [28]. Она обнаружена в довольно скромном захоронении с обычным набором вещей. При костяке были положены копье, нож, пряжка. Длина сабли 98 *см*, ширина полосы 35 *см*. Стороны клинка параллельны почти на всем протяжении, и только у самого конца имеется очень незначительный изгиб лезвия. Тыльная сторона сабли прямая. Ось стержня рукоятки совпадает с осью клинка. Перекрестие рукоятки не сохранилось. На поверхности сабли заметны следы истлевших деревянных ножен (рис. 2, *6*). По своей конструкции рассматриваемый тип сабли близок прямым однолезвийным саблям, найденным в Борковском и Кузьминском могильниках, и относится ко времени, когда этот тип оружия лишь начал формироваться, а именно к середине VII в. Следует думать, что родина появления этого легкого и маневренного оружия — южнорусские степи. Аналогичной формы сабли встречаются в древностях Салтовской культуры.

Наконечники копий раннего комплекса представлены двумя типами: 1) втульчатые копья с двумя шипами, 2) втульчатые с листовидным утолщенным пером, дающим в сечении линзу (рис. 3, *4*, *5*). Аналогичные по форме копья были распространены в южных областях, и в частности в Салтово-маяцкой культуре [29]. Встречаются подобные копья и в муромских древностях [30].

К раннему комплексу следует, вероятно, отнести наконечник стрелы с двумя шипами (рис. 2, *3*).

Втульчатые топоры в ранних погребениях отличаются несовершенством форм. Короткие, длиной всего лишь 137—153 *мм*, они имеют небольшой угол насадки, образуемый осью втулки и осью лезвия топора (рис. 2, *7*). Топоры, подобные этим, встречаются в памятниках мордвы в VI—VII вв., в частности в Серповском могильнике [31].

Таким образом, весь вышеперечисленный материал определенно показывает, что инвентарь ранних погребений Шокшинского могильника укладывается в VI—VII вв. Подавляющая его часть, как показали аналогии, имеет среднеокское происхождение, что наводит на мысль о притоке какой-то части окских племен в Примокшанье. И это, вероятно, не случайно. В середине 1 тысячелетия н. э. в среднем течении Оки сложилась яркая археологическая культура, представленная рязанскими могильниками. Племена этой культуры вели широкие экономические и культурные связи с соседями. В конце VII в. вятичи, обитавшие в бассейне Дона, под давлением кочевников сместились на среднюю Оку. Здесь они занимали свободные земли и отчасти поселения, вытесняя аборигенов. Рязано-окские племена под давлением вятичей двинулись одной волной на север, в низовье Оки, где пришли в соприкосновение с муромой, ассимилируясь с последней. Другая волна переместилась на северо-восток в низовье Мокши и Теши, войдя в этнический контакт с местными племенами. В результате образовался местный вариант археологической культуры, представленной Шокшинским, Погибловским [32] и Абрамовским могильниками [33].

---

[25] П. С. Рыков. Ук. соч., рис. 59.

[26] П. Н. Старостин. Памятники Именьковской культуры. САИ, Д1-32, М., 1967, табл. 19, *14*.

[27] Ф. П. Гуревич. Ук. соч., стр. 66, рис. 55, *5*.

[28] А. В. Циркин. Меч и сабля из Шокшинского могильника. «Древности Восточной Европы». М., 1969, рис. 1, *2*; При дальнейших раскопках могильника порядковая нумерация погребений изменилась. В скобках дана позднейшая нумерация.

[29] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, рис. 43, *2*.

[30] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, рис. 57, *19*.

[31] А. Е. Алихова. Серповский могильник, табл. 54, *1*.

[32] Е. И. Горюнова. Погибловский могильник. Археологический сборник 1, стр. 88, и далее.

[33] В. Ф. Черников. Отчет об археологических работах в 1963 г. в Горьковской области. Рукописный фонд ГИАМЗ.

Незначительное количество вещей кошибеевского типа, встречающихся в отдельных ранних захоронениях Шокшинского могильника, вероятно, следует объяснить кратковременностью культурного контакта с этими племенами. Древние кошибеевцы в VI—VII вв. все еще находились под большим влиянием позднепьяноборских племен. Начиная с VII в. кошибеевские племена под давлением пьяноборских переместились в южном и юго-западном направлениях. В конце VI и начале VII в. могильники и городища этой группы памятников встречаются на р. Пьяне, в низовьях г. Суры [34] и на р. Цне.

ПОЗДНИЙ КОМПЛЕКС (VIII—X вв.)

Инвентарь женских погребений

В богатых захоронениях найдены типичные для мордвы налобные венчики, состоящие из нескольких секций, включающие трубчатые пронизки и пронизки, соединенные между собой пластинчатыми обоймами. Обоймы по краю орнаментированы двумя рядами шишечек (рис. 3, *1*). Налобные венчики появляются впервые у мордвы в VIII в. как результат модификации известных налобных украшений из рязано-окских древностей. Полное совпадение налобных венчиков с нашими встречаются в Перемчалковском [35] и Лядинском могильниках [36].

В женских погребениях найдены височные кольца с замком в виде крючка на одном конце и отверстием для него на расплющенном — втором (рис. 3, *2*). Этот тип колец имел широкое распространение у соседей мордвы — муромы. Они являются характерными муромскими украшениями [37]. Причем находки муромских височных колец приходятся как раз на те погребения, в которых костяки имели южную ориентировку.

В некоторых погребениях обнаружены височные кольца с обрубленными, заходящими друг за друга концами (рис. 3, *3*). Височные кольца подобного типа бытовали на северо-западе у славян-кривичей [38]. Из земель древней муромы, вероятно, проникали на нижнюю Мокшу луновидные височные кольца с трапециевидными подвесками (рис. 3, *7*) [39].

Своеобразным мордовским шейным украшением в VIII—X вв. становится серповидная гривна с пластинчатой накладкой на лицевой стороне и с подвешенными к ней трубчатыми конусовидными подвесками (рис. 3, *4*). Аналогия данным гривнам имеется во многих памятниках мордвы, укажем лишь на материалы Лядинского могильника [40].

В указанный период у мордвы и отчасти у муромы была распространена гривна с замком в виде лодочки на одном конце и крючка на другом (рис. 3, *5*). Концы гривен подобной конструкции плотно обвиты тонкой проволокой, время бытования их относится к IX—X вв. Гривны аналогичной формы широко представлены в материалах Лядинского и Томниковского могильников, где они датируются IX—X вв. [41].

В некоторых погребениях встречаются гривны с многогранной головкой. Эти украшения получили широкое распространение в Прикамье в X в. [42] (рис. 3, *6*).

---

[34] Н. В. Трубникова. Отчет об археологических работах в Чувашии в 1960 г. Архив ИА АН СССР. Р-1, 1901.

[35] А. Е. Алихова. Перемчалкинский могильник. Археологический сборник 1, табл. IX, *2*.

[36] Древности мордовского народа, табл. 11, *7*.

[37] Там же, табл. 24, *5*.

[38] Е. И. Горюнова. Погибловский могильник, рис. 94, *1*.

[39] Древности мордовского народа, табл. 26, *10*.

[40] Там же, табл. 4, *12*.

[41] Там же, табл. 11, *2*.

[42] В. Ф. Генинг. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа. Сб. «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967, стр. 51, рис. 10, *1*.

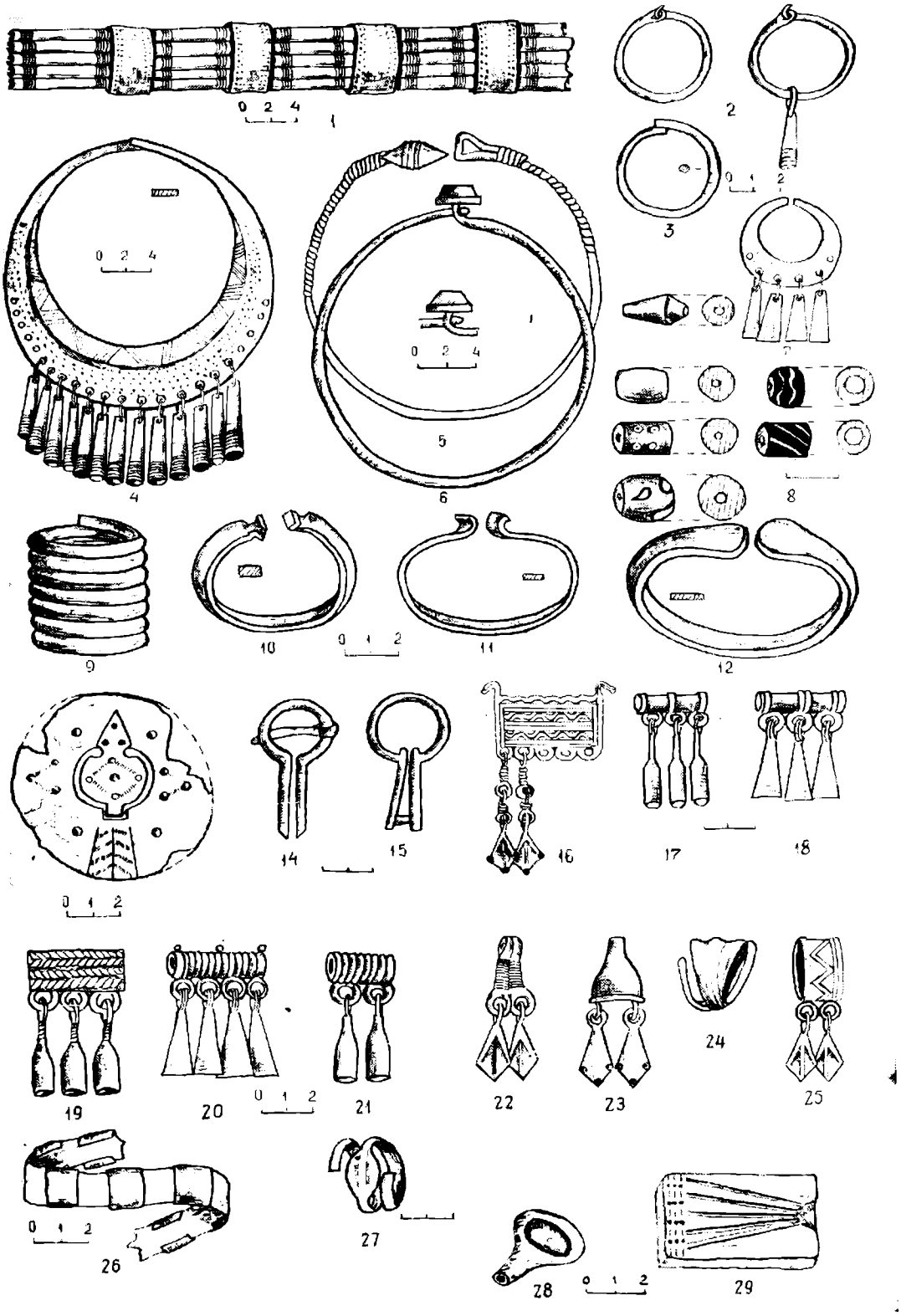


Рис. 3. Поздний вещевой комплекс VIII—X вв.

1 — налобный венчик, *2, 3, 7* — височные кольца, *4—6* — гривны, *8* — бусы, *9—12* — браслеты, *13* — нагрудная бляха, *14, 15* — сюлгамы, *16—23* — привески, *24, 25, 27* — перстни, *26* — украшения обуви, *28* — льячка, *29* — литейная формочка

Широко представлены бусы в захоронениях позднего периода. В состав ожерелий входят бусы пастовые, стеклянные, глазчатые (рис. 3, *8*). Красные пастовые бусы, бисер и стеклянные разных форм бусы были широко распространены в памятниках мордвы IX—X вв.[43]. Что же касается глазчатых пастовых бус, то они имеют полные аналогии в Салтовских древностях, а также в могильниках лядинского типа.

С конца VIII по X в. у мордвы в качестве женского украшения распространены спиральные браслеты (рис. 3, *9*). Это хорошо иллюстрируется на материалах Шокшинского могильника, где спиральные браслеты найдены в 30 погребениях с поздним вещевым комплексом. Аналогии подобным украшениям можно найти в лядинских древностях[44].

С VIII по X в. у мордвы широкое распространение получили граненые браслеты с расплющенными и слегка отогнутыми концами, напоминающие шляпку гвоздя. Подобные браслеты встречаются преимущественно в сочетании со спиральными браслетами[45] (рис. 3, *10*).

В IX и особенно в X в. в мордовских древностях нередко встречаются пластинчатые браслеты. В Шокшинском могильнике известны браслеты с отогнутыми наружу концами (рис. 3, *11*). В материалах могильника встречаются браслеты, концы которых сильно расплющены или же прямо срезаны (рис. 3, *12*). Все перечисленные выше типы браслетов получили широкое бытование в лядинских древностях[46].

В 24 погребениях найдены пластинчатые круглые нагрудные бляхи с крышечкой посредине. В рассматриваемом могильнике наиболее ранней формой явилась бляха, имеющая на лицевой стороне рисунок, состоящий из трех маленьких рельефных шишечек, сведенных в треугольник (рис. 3, *13*). Подобный орнамент встречается на бляхах Томниковского могильника[47], а также в материалах Серповского могильника[48]. В VIII—X вв. эти бляхи получили широкое распространение в мордовских могильниках, расположенных по р. Цне. Иногда эти украшения проникают за пределы мордовской земли, в частности, земли муромы.

В погребениях позднего периода часто встречаются сюлгамы с «усами» (рис. 3, *14*). Эти сюлгамы, по-видимому, являются последующей стадией развития данного типа украшений, зародившегося еще в IV — V вв. В более позднее время лопасти у сюлгам расширяются и богато орнаментируются. Следует отметить также оригинальную сюлгаму с перекладиной на концах (рис. 3, *15*). Украшения подобной конструкции в других памятниках мордвы найти не удалось.

На могильнике найдены привески с прямоугольным ажурным щитком, с подвешенными к нему лапчатыми подвесками (рис. 3, *16*). Подобные украшения широко представлены в могильниках лядинского типа[49]. Нередко они встречаются в муромских древностях. В могильнике найдено свыше 160 привесок с трубчатым литым щитком, к которому подвешивались бутыльчатые, трапециевидные, треугольные, а в большинстве случаев лапчатые и ромбовидные подвески. Появившиеся еще в середине I тысячелетия н. э., эти украшения получают широкое распространение в конце I тысячелетия н. э. у муромы[50]. Реже они встречаются в мордовских древностях VIII—X вв. (рис. 3, *17, 18*).

В женских захоронениях встречаются привески со щитком либо в виде лепестков, симметрично расположенных на плоскости, либо в виде гоф-

---

[43] Древности мордовского народа, табл. 12, *5, 11*.
[44] Там же, табл. 4, *6, 8*.
[45] Там же, табл. 2, *1, 2*.
[46] Там же, табл. 2, *6*.
[47] Там же, табл. 5, *1*.
[48] А. Е. Алихова. Серповский могильник, табл. 51, *4*.
[49] Древности мордовского народа, табл. 1. *1, 3, 4*.
[50] Е. И. Горюнова. Этническая история... рис. 69, *6*.

рированной цельнолитой трубочки с напаянными шишечками, либо просто гофрированной цельнолитой трубочки с двумя ушками в нижней части (рис. 3, *19, 20, 21*). Подобные украшения встречаются в муромских могильниках. Но нередко археологи находят их и в мордовских памятниках [51].

Северо-западное происхождение имеют привески со щитком в виде двух спаянных штырьков, обвитых в центре проволокой, с подвешенными к нижней части лапчатыми привесками (рис. 3, *22*). Встречаются привески со щитком в виде колокольчика (рис. 3, *23*). Подобной формы привески свойственны муроме, в частности они встречаются в древностях Максимовского могильника [52].

В восьми погребениях найдены овально-щитковые, или так называемые усатые, перстни по терминологии А. В. Арциховского. Этот тип перстней встречается в памятниках по среднему течению Волги, находят их на средней Оке. Известны «усатые» перстни в северо-западных областях, в мордовских древностях VIII—IX вв.[53], а также и в памятниках древней муромы [54] (рис. 3, *24*).

В некоторых погребениях наряду с мордовскими украшениями встречаются муромские изделия, к числу которых прежде всего следует отнести ажурные перстни с лапчатыми подвесками (рис. 3, *25*), а также украшения для обуви в виде кожаных ремешков с пластинчатыми бронзовыми обоймами (рис. 3, *26*). Точно такой же формы перстни и украшения обуви встречаются в муромских древностях [55]. Обычай украшать обувь характерен не только для муромы. В некоторых мордовских могильниках IX—X вв. также встречаются подобные украшения обуви [56]. Отдельные погребения содержат спирально-щитковые перстни, имеющие, по всей видимости, муромское происхождение (рис. 3, *27*). И в женских, и особенно в мужских захоронениях встречаются черешковые железные ножи с прямой спинкой и небольшим выступом, отделяющим лезвие ножа от его черешковой части (рис. 2, *26*).

Особое место в позднем комплексе занимают могилы 227, 234, содержащие женские погребения, в которых наряду с украшениями находили литейные формочки, льячки и кусочки олова (рис. 3, *29, 30*). Подобные погребения встречаются в Подболотьевском могильнике, а ближе к нашей территории — Старшем Кужендеевском [57].

Инвентарь мужских погребений

В мужских погребениях встречаются бляхи-застежки с «крылатой» иглой (рис. 2, *8*). Подобные типы застежек можно привести из целого ряда мордовских памятников. В качестве ближайшей аналогии можно указать на застежки из Томниковского могильника [58].

Иногда в могилах попадаются серьги в виде овального колечка с шишечкой наверху и неподвижным грузиком внизу (рис. 2, *9*). Серьги подобного типа были широко распространены в памятниках Салтовской культуры.

Очень часто мужские погребения содержат бронзовые и серебряные накладки для поясов. По своей форме и восточной орнаментике они напо-

---

[51] Древности мордовского народа, табл. 1, *5*; табл. 4, *8*; табл. 8, *5*; дополнение 1, *18*.
[52] Там же, табл. 24, *7*; табл. 25, *2*; табл. 28, *8*.
[53] А. В. Циркин. Кельгининский могильник. Тр. МНИИ, 34, табл. IV, *2, 3*.
[54] Е. И. Горюнова. Этническая история, ...рис. 69, *5, 7*.
[55] Там же, рис. 69, *2*; рис. 58, *7*.
[56] А. Е. Алихова. Из истории мордвы... табл. 3, *6*.
[57] М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник, рис. 8.
[58] Древности мордовского народа, табл. 15, *8*.

минают точно такие же украшения из салтовских древностей [59] (рис. 2, *10*).

Пешее войско, судя по составу вооружения, имело копья, которые по форме пера и втулки можно сгруппировать в три типа: ромбовидный с удлиненным пером, дающий в сечении четкие грани (рис. 2, *9а*); ромбовидный с коротким пером, дающий в разрезе четыре четких ребра (рис. 2, *11*); листовидный, в сечении напоминающий форму линзы (рис. 2, *12*). Все три типа имели втулку для насадки на древко. Иногда при умершем было положено по нескольку копий. Несомненно, могилы, содержащие полный комплект вооружения, принадлежали воинам дружинникам. Копья подобных форм и конструкций встречаются в ряде мордовских памятников, в частности в Лядинском могильнике [60].

Наконечники стрел представлены следующими типами: пламявидной формы (рис. 2, *13*;) ромбической (рис. 2, *14*); листовидной (рис. 2, *15*); тупоконечный, дающий в сечении четыре грани (рис. 2, *16*); сердцевидной (рис. 2, *17*). Аналогии этим типам стрел можно найти на довольно обширной территории северо-восточной Европы. Укажем лишь на памятники лядинского типа и материалы Крюково-Кужновского могильника, в которых встречаются все приводимые типы, за исключением пятого, аналогию которому найти не удалось [61]. Все указанные типы стрел бытовали в довольно широком хронологическом диапазоне с II по XIV в.

В двух мужских захоронениях (21, 206) найдены мечи, небольшой длины лезвия (50—60 *см*) при ширине клинка 3,5—3,8 *см*. Рукоять меча на вершине оформлялась в виде полусферической головки. Эти мечи по форме и конструкции имели широкое распространение в славянском мире, в частности в древнерусском государстве IX—X вв. Встречаются мечи, подобные шокшинским, в Крюково-Кужновском могильнике [62]. Данный материал опровергает установившийся взгляд об отсутствии у мордвы социально обособившейся прослойки — дружинников, большую часть своей жизни проводивших в походах, в военных набегах.

Поздний комплекс мужских погребений представлен более совершенными втульчатыми топорами. Угол насадки, образуемый осью втулки и осью лезвия, достигает 13° (рис. 2, *22*). Позднее эта конструкция топора сменяется проушными топорами со щековицами (рис. 2, *23*). Подобной конструкции топоры, зародившиеся в VIII в., становятся господствующими в памятниках мордвы IX—XIII вв.

Важную роль играют находки стремян в погр. 204. Стремена имеют дужки в форме арки, широкую подножку, по краю и центру которой находятся бортики, в верхней части прямоугольное отверстие для ремня (рис. 2, *21*). Аналогичная форма стремян была распространена не только в памятниках мордвы лесостепной полосы района р. Цны [63], но и на широкой территории Восточной Европы.

В погр. 55,198 найдены двусоставные удила с двумя подвижными кольцами на концах (рис. 2, *24*). Удила подобной конструкции только с одним кольцом известны в бассейне Мокши, в частности в могильнике у колхоза «Красный Восток», где они датируются VII—VIII вв. [64] Погребение 206 содержало удила с прямыми псалиями (рис. 2, *25*). По конструкции они напоминают удила из ряда погребений Крюково-Кужновского могильника [65]. В заключение следует отметить кресала — довольно частую находку в мужских погребениях. Разнообразные по форме и конструкции, они делятся на три типа: овальной формы с небольшим высту-

[59] С. А. Плетнева. Ук. соч., рис. 44, 45.
[60] Древности мордовского народа, табл. 10, *5*.
[61] Там же, табл. 10, *21*, *22*; П. П. Иванов. Ук. соч., табл. 38, *3*, *5*.
[62] Там же, табл. 37, *3*.
[63] Там же, табл. 25, *5*.
[64] А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный Восток». КСИИМК, 29, 1949, рис. 14, *14*.
[65] П. П. Иванов. Ук. соч., табл. 38, *1*.

пом во внутренней части[66] (рис. 2, *18*); овальной формы с отогнутыми концами (рис. 2, *19*); в форме дверной ручки (рис. 2, *20*). Кресала рассматриваемых форм имели широкий хронологический диапазон распространения и встречаются сравнительно часто в мордовских древностях VII—XII вв. Аналогию третьему типу кресал можно привести из материалов Тумовского селища[67].

Анализ вещевого комплекса показал, что материалы поздней поры имеют очень много аналогий в собственно мордовских памятниках, расположенных по р. Цне, и укладываются в эпоху VIII—X вв. С методической точки зрения эти памятники исследованы вполне удовлетворительно благодаря работам В. Н. Ястребова и А. А. Спицина в конце XIX и начале XX в. Под руководством П. П. Иванова в 30-годах XX в. с наибольшей полнотой изучены Моршанские могильники.

Вместе с тем в позднем комплексе встречаются украшения и целые наборы вещей, пришедшие в низовье Мокши с юга от племен Салтово-маяцкой культуры. Вполне возможно, что часть вещей этой культуры могла проникнуть через посредников или же через промежуточный ремесленный центр, расположенный, быть может, где-то в бассейне р. Цны. Но где этот центр? Найти его — задача ближайшего будущего.

Погребения ранней стадии Шокшинского могильника близки по своему вещевому комплексу и обряду захоронения древности рязано-окских могильников, хорошо датированных П. П. Ефименко. Поэтому эти комплексы с большой долей вероятности можно отнести к VI—VII вв. Обращает на себя внимание тот факт, что именно в это время (на стадии Д) рязанские могильники, по крайней мере большая их часть, прекращают свое существование. В свое время П. П. Ефименко отмечал, что прекращение существования рязанских могильников было связано с отливом населения со среднего течения Оки в конце VI и начале VII в. в районы, более удобные для подсечного земледелия. Он указывал при этом северное направление движения рязанцев, т. е. на нижнее течение Оки[68].

Материал Шокшинского могильника свидетельствует о том, что какая-то часть населения со средней Оки продвинулась на северо-восток в нижнее течение р. Мокши и, быть может, еще дальше, в бассейн р. Теши.

Преобладание южной ориентировки и наличия в погребениях целых наборов типично мордовских (ЦНИИСКИХ) вещей не позволяет считать Шокшинский могильник типично муромским. В то же время значительное количество муромских украшений не дает основания ставить его в один ряд с известными мордовскими могильниками.

Устойчивую взаимовстречаемость мордовских и муромских вещей нельзя объяснять только территориальной близостью этих племенных групп. Она свидетельствует прежде всего об этнической родственности мордвы и муромы, существовавших самостоятельно на протяжении VIII—X вв. Нельзя признать правильным утверждение некоторых ученых о расселении мордвы-эрзи в низовьях Оки и о тождестве культуры рязано-окских могильников с памятниками муромы в этом регионе. Публикуемый материал свидетельствует, что с момента появления памятников на Нижней Мокше и в районе р. Теши местная культура испытала влияние рязано-окских племен, с одной стороны, и культуры южномордовских племен — с другой. Это явилось результатом движения племен с запада на восток и с юга на север, вызванного усилением Киевской Руси и экспансионистской политикой кочевников на юге нашей страны. Присутствие в материалах Шокшинского могильника ряда иноземных культурных элементов с бесспорностью свидетельствует о взаимной ассимиляции пришлого населения с культурой местного края.

---

[66] Е. И. Горюнова. Погибловский могильник.... Археологический сборник, 1, табл. 20, *2*.

[67] Е. И. Горюнова. Этническая история, рис. 75, *7*.

[68] П. П. Ефименко. К истории западного Поволжья..., стр. 53.

Распределение типов вещей по погребениям

Рис. 1. *1* — погр. 61, 111, 203, 204, 243; *2* — 111, 120, 123, 139, 149; *3* — 34, 43, 47, 52, 60, 61, 90, 101, 115, 131, 155, 176, 219; *4* — 111, 115, 123, 205, 219; *5* — 111, 203, 204, 243; *6* — 61, 120, 123, 127, 203, 235, 243; *7* — 43, 47, 60, 61, 90, 111, 115, 120, 123, 131, 149, 176, 202, 204, 215, 217; *8* — 98, 204, 217; *9* — 34, 60, 149, 204, 230, в позднем комплексе трапециевидные подвески встречаются почти в каждом женском погребении; *10* — 10, 61, 90, 103, 111, 123, 127, 139, 149, 154, 155, 176, 202, 215, 219, 230, 235; *11* — 61, 94, 111, 120, 203, 215, 235, 243; *12* — 115, 121, 127, 176, 189, 202, 204, 215, 217, 219, 243; *13* — 33, 43, 61, 111, 131, 154, 204, 219, 235, 243; *14* — 43, 52, 202, 204, 217, 219; *15* — 60, 94, 111, 123, 219, 243; *16* — 1, 4, 5, 14, 15, 17, 20, 34, 42, 48, 95, 104, 107, 110, 118, 125, 131, 154, 159, 169, 189, 219; *17* — 34, 61, 78, 101, 115, 123, 243; *18* — 40, 42, 47, 55, 115, 139, 203, 204

Рис. 2. *1* — погр. 30, 109; *2* — 44, 54, 56, 59, 64, 65, 109, 117, 122, 130, 136, 138, 150, 157, 158, 160, 162, 163, 164, 205, 212, 229, 237, 240; *3* — 69; *3а* — 6, 7, 8, 9, 18, 20, 31, 32, 33, 46, 48, 56, 57, 64, 68, 71, 73, 84, 86, 91, 92, 158, 180, 206, 207; *4* — 44, 59, 68, 136, 151, 162, 163, 164, 198, 206, 210, 211; *5* — 56, 57, 68, 87, 126, 136, 138, 164, 198, 206, 226; *6* — 92, 117, 206; *7* — 6, 20, 30, 44, 46, 56, 68, 71, 81, 133, 136, 157, 163, 164, 194, 206, 210; *8* — 40, 68, 87, 211, 218; *9* — 69, 102, 117; *9а* — 92, 157, 163, 194, 218; *10* — 69, 73, 102, 156, 162, 172; *11* — 32, 54, 67, 91, 168, 211; *12* — 7, 8, 9, 20, 41, 85, 88, 96, 105, 117, 145, 218; *13* — случайная находка; *14* — 198, 208, 226; *15* — 9, 15, 33, 38, 46, 67, 78, 79, 198; *16* — 26, 198, 208; *17* — 157; *17а* — 1, 88, 138, 155, 163, 194, 198, 226, 233; *18* — 3, 20, 25, 31, 35, 41, 59, 68, 73, 82, 84, 86, 92, 117, 133, 138, 145, 151, 158, 160, 165, 180, 194, 210, 211, 212, 214, 229; *19* — 9, 15, 141, 168, 218, 222, 233, 236; *20* — 25, 31, 148, 167, 209; *21* — 61; *22* — 1, 9, 15, 22, 38, 40, 41, 48, 54, 55, 57, 65, 67, 73, 82, 87, 92, 101, 110, 141, 145, 151, 156, 158, 160, 162, 165, 167, 168, 198, 208, 209, 218; *23* — 33, 59, 85, 96, 144; *24* — 55, 64, 73, 107, 198; *25* — 206; *26* — 2, 6, 8, 9, 15, 16, 17, 18, 20, 22, 25, 26, 29, 31, 32, 35, 41, 44, 46, 47, 48, 54, 55, 56, 57, 62, 65, 68, 73, 74, 84, 85, 91, 92, 94, 98, 109, 110, 119, 122, 126, 133, 136, 138, 141, 145, 146, 148, 153, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 163, 165, 167, 172, 180, 188, 190, 193, 194, 198, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 217, 218, 226, 227, 228, 233, 236, 237, 239.

Примечание. В пяти женских погребениях (40, 110, 147, 158, 214) найдены втульчатые топоры, в 22 погребениях (16, 17, 29, 35, 47, 55, 62, 65, 74, 94, 98, 110, 119, 146, 159, 188, 190, 193, 217, 227, 234) обнаружены железные ножи.

Рис. 3. *1* — погр. 3, 14, 17, 20, 22, 32, 33, 34, 37, 38, 40, 42, 48, 55, 57, 67, 74, 75, 78, 106, 108, 110, 119, 146, 147, 152, 173, 190, 193, 224, 227; *2* — 5, 10, 12, 13, 16, 17, 18, 23, 30, 34, 35, 37, 40, 42, 45, 48, 67, 74, 75, 78, 91, 95, 98, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 119, 128, 134, 140, 141, 146, 147, 152, 153, 156, 161, 162, 173, 188, 190, 191, 192, 193, 200, 227, 232, 234, 238, 241; *3* — 14, 20, 25, 27, 36, 55, 57, 61, 62, 82, 103, 153, 170, 192, 197, 212; *4* — 17, 29, 42, 62, 65, 98, 119, 146, 152, 173; *5* — 1, 3, 4, 11, 13, 15, 17, 20, 34, 36, 61, 75, 78, 106, 108, 227, 238; *6* — 14, 28, 42, 104, 170; *7* — 5, 8, 23, 208; *8* — 17, 23, 42, 45, 49, 53, 61, 62, 75, 82, 98, 103, 104, 105, 107, 108, 118, 128, 129, 132, 134, 147, 152, 153, 159, 184, 190, 191, 192, 195, 200, 203, 217, 227, 230, 231, 242; *9* — 1, 3, 14, 16, 18, 23, 27, 28, 34, 38, 42, 55, 65, 74, 75, 78, 79, 95, 108, 110, 119, 146, 173, 212, 224, 227, 232, 241; *10* — 1, 9, 16, 17, 20, 22, 28, 40, 42, 53, 78, 79, 95, 98, 105, 173, 195; *11* — 3, 11, 41, 118, 170, 192, 193, 195, 238; *12* — 30, 49, 61, 62, 82, 125, 143, 158, 159, 169, 184, 189, 195, 200, 206, 217; *13* — 13, 16, 17, 23, 34, 40, 42, 45, 55, 74, 79, 104, 108, 110, 152, 159, 173, 188, 190, 194, 212, 217, 231, 232; *14* — 11, 20, 40, 53, 61, 62, 82, 95, 118, 143, 144, 192, 193, 197, 212, 230, 234; *15* — случайная находка; *16* — 1, 18, 26, 65, 105, 173, 188, 227, 232; *17* — 38, 110, 142, 188, 191, 242; *18* — 1, 14, 20, 42, 53, 55, 103, 107, 110, 129, 144, 146, 152, 173, 192, 212, 238; *19* — 3, 34, 35, 188, 191, 193; *20* — 27, 169, 173, 197, 224, 227, 231, 232; *21* — 17, 63, 173; *22* — 147; *23* — 4, 10, 12, 27, 29, 98, 140, 193, 214, 234; *24* — 15, 20, 32, 34, 42, 107, 227; *25* — 17, 31, 34, 67, 190, 192; *26* — 10, 14, 104, 190, 193, 224, 232, 234; *27* — 32, 34, 47, 65, 232; *28* — 42, 50, 227; *29* — 227, 230

A. V. Tsirkine

LA NECROPOLE DE CHOKCHINO

Résumé

L'article est consacrée à une analyse détaillée du mobilier funéraire découvert dans la nécropole de Chokchino, ce qui est très important pour la période du Haut moyen âge de l'histoire du peuple des Mordvines.

On dégage deux ensembles: l'ancien rattaché aux VI—VIIes siècles et le tardif remontant aux XIII—X es siècles.

Les sépultures de l'étape ancienne de la nécropole de Chokchino révèlent une analogie étroite à celles des nécropoles de Riazan et de l'Oka.

Les matériaux de l'étape tardive sont proches aux antiquités également mordvines provenant du fleuve de Tsna.

Л. М. НОСКОВА

ПОЛИВНОЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР ИЗ САРАЯ-БАТУ (СЕЛИТРЕННОЕ ГОРОДИЩЕ)

Старый Сарай — первая столица Золотой Орды, построен во второй половине XIII в. ханом Бату. Это был город, который поражал современников красотой и размерами территории. «Город Сарай — один из красивейших городов, достигающий чрезвычайной величины на ровной земле, переполненной людьми, красивыми базарами и широкими улицами... В нем тринадцать мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей»,— писал посетивший его в 30-е годы XIV в. арабский путешественник Ибн-Батута [1]. Сейчас на долю исследователей остались лишь многочисленные обломки мозаик, майолик, резных терракот и алебастра, когда-то украшавших великолепные ансамбли.

Проблема архитектурного декора Золотой Орды до сих пор остается малоизученной. В работе Ф. В. Баллода, вышедшей еще в 1923 г., была дана характеристика золотоордынского города и памятников архитектуры Нижнего Поволжья в XIII—XIV вв. [2]

За время, прошедшее с тех пор, накопился обширный материал, позволяющий пересмотреть многие выводы автора. Поливным изразцам посвящена работа Л. П. Матвеевой, но в ней разбирается лишь материал, полученный из раскопок Болгара [3].

В нашей статье использованы материалы из раскопок на Селитренном городище Ф. В. Баллода, П. С. Рыкова, материалы Поволжской археологической экспедиции, хранящиеся в Саратовском, Астраханском краеведческих музеях, в Музее искусства народов Востока, на кафедре археологии исторпческого факультета МГУ. Мы останавливаемся на самом массовом материале: мозаике, майолике и поливной терракоте, делая попытку разобрать стиль украшений и классифицировать орнаменты архитектурного декора Золотой Орды на примере Сарай-Бату [4].

I. Поливные кирпичи

Большое количество поливных кирпичей, найденных на территории Селитренного городища, указывает на значительное их применение в качестве архитектурного декора. В основном они из кашинного теста, только изредка полива нанесена на красноглиняную основу. Чаще встречаются кирпичи больших размеров. Среди них можно выделить два типа: с пазами на боковых сторонах для лучшего скрепления с раствором и без пазов. Верхняя поверхность покрыта бирюзовой, ультрамариновой и белой поливой. Следует заметить, что в основном употреблялась бирюзовая поли-

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, 1, стр. 306.

[2] Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. М., 1923.

[3] Л. П. Матвеева. Поливные изразцы из Болгар. СА, 1959, 2.

[4] Вопросы технологии изготовления мы не затрагиваем.

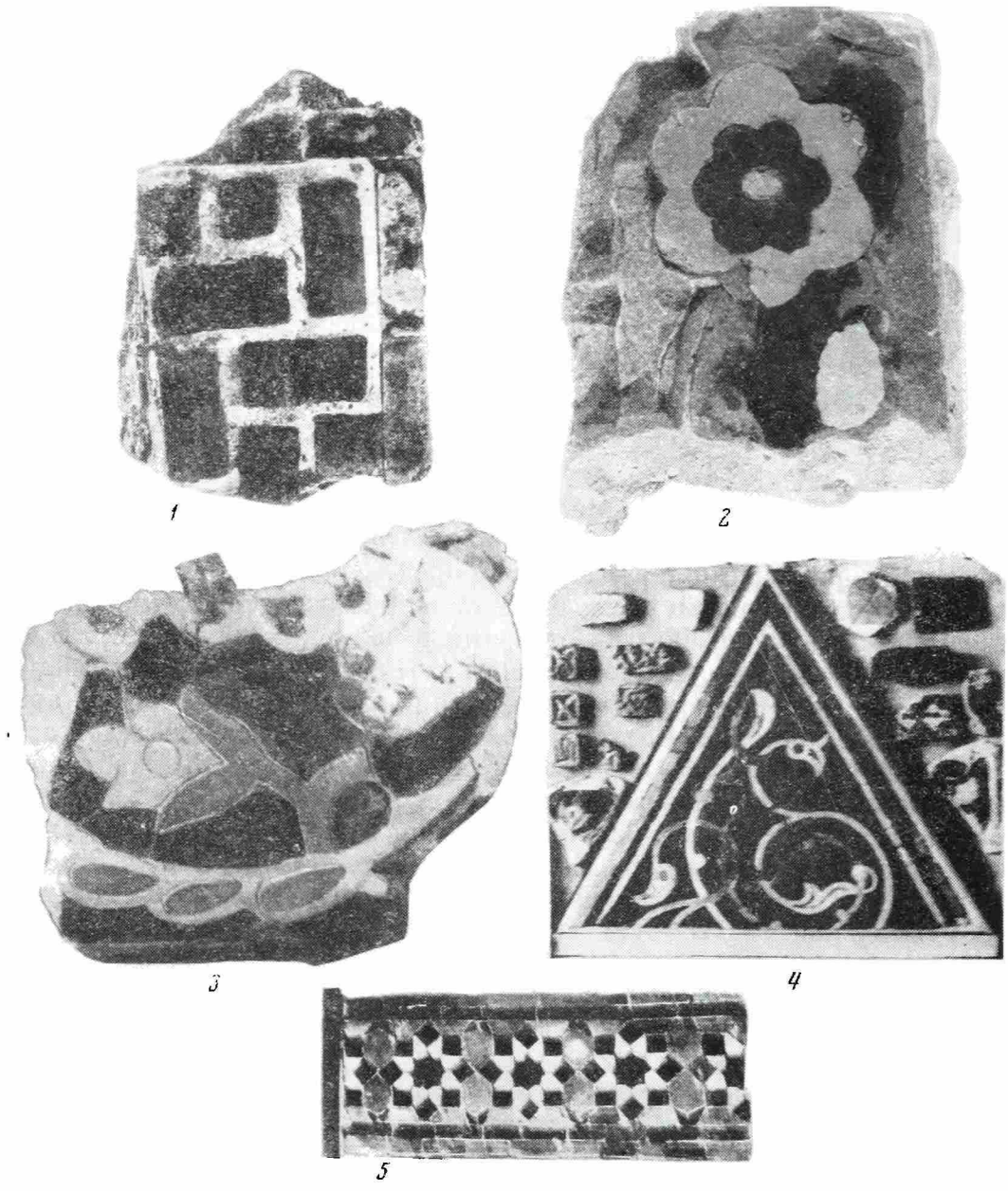


Рис. 1. Поливные кирпичи и мозаика

ва, а ультрамариновых и белых поливных кирпичей гораздо меньше. По аналогии со среднеазиатскими памятниками поливные кирпичи применялись для оформления купольных поверхностей и внешней облицовки зданий. По археологическим раскопкам известно, что ими также выкладывались полы в помещениях. Часто поливные кирпичи применялись в сочетании с простыми, образуя орнаментированные поверхности. К сожалению, найден всего лишь один фрагмент, отражающий подобную композицию (СГ-69, № 37, рис. 1, *1*) [5], поэтому трудно говорить о вариантах орнаментации. Судя по сохранившемуся обломку, бирюзовые поливные кирпичики в сочетании с простыми образуют елочный орнамент, который обрамлялся полосой из бирюзовых поливных вставок. Вставки и кирпичи крепились алебастром.

[5] Шифром СГ (Селитренное городище) обозначены материалы из раскопок Поволжской археологической экспедиции Сарая-Бату. СКМ ИО — материалы из Саратовского краеведческого музея, инвентарный номер; АКМ ИО — материалы из Астраханского краеведческого музея, инвентарный номер; ГИМ — материалы Государственного Исторического музея; МИНВ — материалы из Музея искусства народов Востока.

II. Мозаики на кашинном тесте

Сохранившиеся обломки мозаик с Селитренного городища покрывали крупные плоскости и составляли большие панно. К сожалению, восстановить полностью орнаменты невозможно вследствие незначительной величины фрагментов. Изразцовые вставки крепились алебастром, который после их выпадения сохранил контуры рисунка. Изразцовые вставки все на кашине, большей частью розоватом, что характерно для селитренского керамического производства. Поливы, покрывающие рисунки, встречаются и прозрачные, и глухие. Найденные фрагменты мозаик можно по орнаменту разделить на три вида: растительный, геометрический и эпиграфический.

1. *Растительный орнамент.* В основном сохранились обломки мозаик с растительным, вернее цветочным, орнаментом. Можно выделить несколько вариантов для плит, применявшихся для составления основного рисунка:

а) лилия, стеблем связанная с гвоздикой, от которой в разные стороны отходят завитки узких листьев, или, наоборот, листья отходят от лилии (СГ-68, № 1032);

б) цветок, по очертанию напоминающий незабудку, стеблем связанный с нарциссом; от стебля отходят побеги с бутоном (СГ-68, № 1031, 1039, СГ-69, № 51, рис. 1, *2*);

в) ветка, загибающаяся в виде венка с тремя завитками на конце. От нее отходит стебель с тюльпанами. Ветка связана с цветком, лепестками напоминающими гвоздику (СКМ ИО 1547, рис. 1, *3*);

г) спиралевидно пересекающиеся побеги с ответвляющимися бутонами (СКМ ИО 1547, рис. 1, *4*).

Плиты с растительным орнаментом, применявшиеся для оформления бордюра, также можно подразделить на несколько вариантов:

а) гвоздика, стеблем связанная с цветком, напоминающим незабудку. От гвоздики отходят два побега: один с листом, а другой с бутоном. От незабудки также отходит побег с бутоном (АКМ ИО 112);

б) завершающий побег, напоминающий сильно стилизованную букву, так называемое «цветущее куфи», от него отходят на стебле незабудки (СГ-68, № 1037).

Что касается цвета поливы, применявшихся в данных мозаиках, то это в основном ультрамариновые, белые, бирюзовые, желтые и изредка красные изразцовые вставки. Элементы орнамента имеют один определенный для всех вариантов цвет, иногда с небольшим отклонением. Так, фон обычно выкладывался из вставок с ультрамариновой поливой. Листья, стебли, побеги — бирюзового цвета (исключение СКМ ИО 1547, где есть побеги и бутоны белого цвета).

Цветочный ковер однообразен, чаще всего встречаются сочетания нарцисса и незабудки, лилии и гвоздики, гвоздики и незабудки, реже в цветочном букете присутствуют тюльпаны. Для каждого цветка, как правило, характерно применение одного определенного цвета: так, незабудка обычно была желтой с красной вставкой, лилии и гвоздики белые (правда, на изразце АКМ ИО 112 гвоздика несколько иная по начертанию, чем на остальных фрагментах: желтые лепестки разделены красными и бирюзовыми прожилками), тюльпаны желтые. Бутоны, встречающиеся в орнаментах, изображаются белыми, желтыми и красными.

2. *Геометрический орнамент.* Среди мозаик с геометрическим орнаментом также можно выделить несколько вариантов:

а) орнамент служит для обрамления основного рисунка, состоит из расположенных один за другим восьмиугольников, в которые вписаны восьмиугольная звезда и малый восьмиугольник. Две пары смежных углов больших смежных восьмиугольников соединены парой восьмиугольников. С двух сторон рисунок ограничивают две полосы из изразцовых вставок.

Принцип построения такого орнамента прост. Полоса основного орнамента делится на квадраты, куда вписывается окружность. В окружности строится восьмиугольник. При соединении его внутренних тупых углов получается восьмиугольная звезда, в которую уже известным способом вписывается малый восьмиугольник. Так же строятся и остальные фигуры. Затем четыре внешних угла квадратов соединяются треугольниками (СКМ ИО 1547, рис. 1, *5*);

б) орнамент, служащий обрамляющим фризом. Рисунок состоит из чередующихся прямоугольных ромбов и эллипсов, его ограничивают две полосы (СГ-69, № 63);

в) рисунок состоит из шестиугольных звезд, в которые вписаны малые шестиугольные звезды. Построение такого орнамента следующее: на плоскости строится квадрат, куда вписывается окружность. В окружности строится шестиугольная звезда, при соединении ее внутренних тупых углов получается малая шестиугольная звезда. Затем на прямой, проходящей через смежные лучи большой звезды, строится новый квадрат, равный первому, и дальше построение идет таким же способом (СГ-65, № 91, СГ-69, № 53).

3. *Эпиграфический орнамент.* На ультрамариновом фоне надпись, сделанная почерком насх. Белые буквы с двух сторон обрамлены белыми полосами (АКМ ИО 119). Плиты применялись в качестве бордюра. К этому же виду мы относим также соединение растительного и эпиграфического орнамента: буквы одной надписи пересекаются другой, расположенной немного выше первой, и накладываются на лигатуры алифа и ляма. Свободное пространство заполняют растительные стебли, ветви и бутоны цветов. Фон плит ультрамариновый, буквы покрыты белой поливой; побеги, ветки бирюзовые, а бутоны красные (АКМ ИО 107).

Как архитектурный декор мозаики применялись для украшения больших плоскостей. Мозаичные наборы облицовывали стены дворцов, тимпаны арок, щипцы порталов, ими обрамлялись портальные ниши. К сожалению, в Сарай-Бату, как и в других золотоордынских городах, не сохранилось архитектурных сооружений. Приходится пользоваться описаниями путешественников, посетивших эти города в период их расцвета, а также данными археологических раскопок (мозаичные украшения полов) [6]. Примером может служить среднеазиатская архитектура, в своей основе родственная золотоордынской. Даже мозаики имеют много общего, однако прямых аналогий в Средней Азии, в Закавказье найти не удается, хотя элементы рисунков одни и те же. Но они представлены в таких сочетаниях, которые не находят себе подобий. По сравнению с мозаичными орнаментами других мусульманских памятников орнаменты в Золотой Орде более просты и однообразны. В цветочном букете присутствуют только сильно упрощенные и стилизованные тюльпаны, незабудки, нарциссы и гвоздики. Правда, кое-какие аналогии удается обнаружить в архитектурном декоре Хорасана. Так, расположение бутонов посреди побега (СГ-68, № 1031) характерно для мозаик с растительными мотивами на мавзолее Ходжа-Раби [7]. На медресе в Шаргирде встречаются венки из сильно стилизованных листьев, подобные золотоордынским образцам (СКМ ИО 1547) [8]. Геометрический орнамент в золотоордынской архитектуре представлен шестиугольниками и подобными им звездами, без хитроумных переплетений, а вписанными лишь один в другой и построенными на очень простой орнаментальной сетке. Кроме того, следует обратить внимание на распределение цветов. Для золотоордынских мозаик характерно применение красной поливы, что находит себе аналогии в хорезмийских памятниках. Это касается и ультра-

---

[6] Ф. В. Баллод. Две столицы Золотой Орды. «Новый Восток», М., 1923, 17, стр. 376.

[7] E. Dies. Churasanische Baudenkmäler, 27, Berlin, 1918.

[8] Там же, табл. 32, *2*.

маринового фона с белыми буквами, одинаково распространенного как в Золотой Орде, так и в Хорезме. Очень характерно применение в золотоордынской мозаике позолоты. Были найдены позолоченные мозаичные вставки (СГ-69, № 68).

III. Майолики на кашине с подглазурной росписью

Наряду с мозаикой в архитектурном декоре Золотой Орды применялись еще майоликовые плиты с росписью. Роспись была двух типов: подглазурная и надглазурная. Для подглазурной росписи характерно применение прозрачных свинцовых полив, а для надглазурной — глухих, оловянных. Наиболее распространены были майолики первого типа, украшенные разнообразными орнаментами, среди которых можно выделить четыре вида: растительный, геометрический, плетенки и эпиграфический. В каждом виде можно выделить несколько вариантов, хотя из-за небольшого количества фрагментов их разнообразие весьма ограниченно.

1. *Растительный орнамент:*

а) на ультрамариновом фоне изображены чередующиеся цветы. Один распустившийся в виде ромашки и связанный с ним другой, изображенный подобно распустившейся из бутона лилии с девятью лепестками, причем верхние два лепестка соединены друг с другом четырехлепестковым цветком несколько вытянутой формы. В пространстве между цветами веточки с бутонами и листьями. Весь рисунок покрыт белой поливой, для тени иногда нанесена бирюзовая. С двух сторон рисунок ограничен двумя узкими полосами: две внутренние — бирюзовые, а внешние — белые. Нижние полосы не сплошные, а, загибаясь под углом, пересекаются и касаются внешней сплошной полосы, разделяя рисунок на повторяющиеся композиции (СГ-68, № 1030);

б) большие, наложенные один на другой, листья с шестью широкими округлыми зубьями по внешнему краю. Листья изогнуты в виде вопросительного знака. Здесь же в беспорядке расположены сильно стилизованные побеги, сходящиеся в четырехлепестковый цветок с сердцевиной, а затем вновь расходящиеся. Они завиваются наподобие спирали в стебли с бутонами. Цвет бирюзовый с ультрамариновым оттенком (АКМ ИО 113);

в) майоликовая квадратная плитка с углубленным полем основного рисунка с небольшим выпуклым бортом. Орнамент на плоскости не сохранился, остались только фрагменты лепестков и листа. На лицевой поверхности борта две парные линии, отделяющие борт от основной поверхности плиты, и черная линия по краю борта, тут же по борту ультрамариновые точки. Боковая грань плиты покрыта орнаментом из черных ограничительных линий и ультрамариновых зигзагов между ними на белом фоне. Такие плиты применялись, вероятно, отдельно, о чем свидетельствует орнаментированная боковая грань (СГ-65, № 95).

На остальных найденных фрагментах восстановить рисунок полностью невозможно. Сохранились отдельные детали орнаментальной композиции (СГ-69, № 3, 6, 44, 303).

2. *Геометрический орнамент.* Его также можно разделить на несколько вариантов:

а) шестиугольник, чередующийся с ромбом (СГ-66, № 737, рис. 2, *1*);

б) равносторонние шестиугольники, расположенные так, что они чередуются с шестиугольными звездами (СГ-66, № 371);

в) соединяющиеся неравноугольные шестиугольники, внутри них расположены овальные розетки, представляющие собой сильно стилизованный цветок (об этом свидетельствуют тычинки и сердцевина). На плоскости вне шестиугольников находятся такие же розетки (СГ-65, № 275, СГ-69, № 176, рис. 3, *1*).

Что касается окраски орнамента, то в первом случае фон ультрамариновый, а во втором и третьем — бирюзовый. Фигуры белые, внутреннее

пространство шестиугольников покрыто ультрамариновой поливой. Окантовка фигур черная (применение мертвого края). Розетки белые, с черными тычинками. Кроме того, рисунок изразцов этого вида выделен рельефом.

К вариантам геометрического орнамента следует отнести изразцы в виде брусков со скошенными краями. Орнамент на них представлен широкими поперечными линиями или зигзагами, окрашенными разноцветной глазурью. Роспись нанесена прозрачной поливой. Эти изразцы, вероятно,

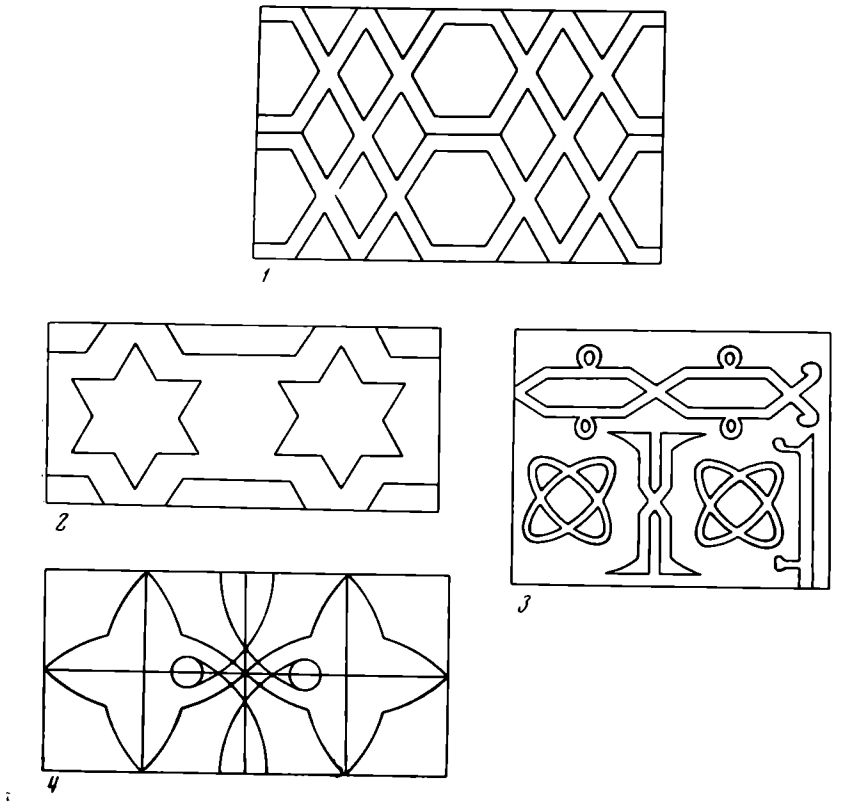


Рис. 2. Реконструкция орнаментов на майоликах, ложных мозаиках и поливной терракоте

предназначались для оформления края майоликового рисунка. Можно выделить два таких варианта:

а) рисунок представлен поперечными полосами (СГ-69, № 45, 55, 62, 66, рис. 3, *2*);

б) рисунок представлен ультрамариновыми зигзагообразными линиями на белом фоне (СГ-69, № 321, рис. 3, *3*).

Основными глазурями, применявшимися для окраски полос, были ультрамариновая, бирюзовая и белая. Обычно полосы отделялись одна от другой узкими черными линиями. Наиболее часто встречаются изразцы с рисунком из чередующихся ультрамариновых, бирюзовых и белых полос, где белая полоса у́же других (ширина бирюзовых и ультрамариновых полос равна приблизительно 15 *мм*, а белой — 0,5 *см*). По размерам эти бруски мало чем отличаются друг от друга, их ширина равна 35 *мм*, высота 30—45 *мм*. Зато по форме можно выделить несколько групп:

а) прямоугольные бруски со скошенным одним краем (СГ-69, № 45, 62);

б) прямоугольные бруски со скошенными двумя краями, в сечении свободные трапеции (СГ-69, № 66);

в) прямоугольные бруски со скошенным одним краем и выемкой на другом (СГ-69, № 55).

3. *Плетенки.* Одним из распространенных орнаментов майолики являются так называемые плетенки, чередующиеся с четырехлепестковыми ро-

зетками. Майоликовые плиты с этим рисунком, судя по найденным фрагментам, применялись в качестве фризов, для обрамления основного рисунка или для украшения простой поверхности. Плетенки получены в результате переплетения лигатур эпиграфического орнамента, выполненных в стиле «цветущего куфи». Можно выделить несколько вариантов плетенок:

а) рисунок состоит из двух стилизованных куфических побегов, переплетающихся в виде двойного «узла счастья». В то же время побеги пере-

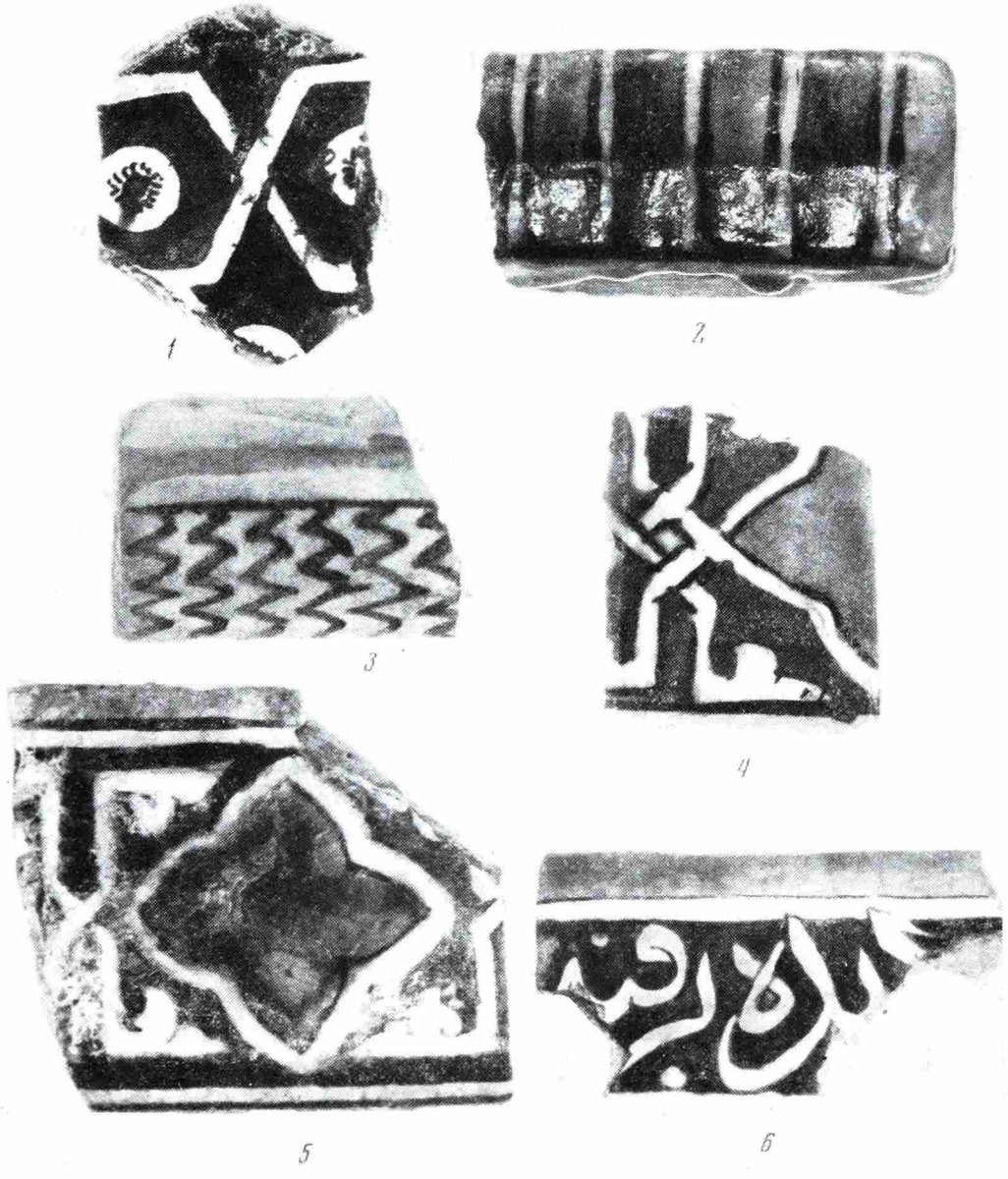


Рис. 3. Майолики с подглазурной росписью

ходят в стороны розеток, с которыми чередуются «узлы счастья». С двух сторон орнамент оканчивается белой полосой (СГ-69, № 48, 49, рис. 3, *4*);

б) орнамент в виде двух перекрещивающихся стилизованных куфических побегов, образующих одинарный «узел», и чередующихся с четырехлепестковыми розетками, лепестки которых слегка изогнуты. С двух сторон рисунок обрамляют чередующиеся белая и бирюзовая полосы (СГ-65, № 95, СГ-69, № 2, 5, 60 и др., рис. 3, *5*).

Следует заметить, что этот орнамент более упрощен по сравнению с теми же плетенками, встречающимися на изразцах из Болгар, из Средней Азии. Все майолики этого типа сделаны на кашине, рисунок дан рельe-

фом, покрыт прозрачными глазурями с применением «мертвого края». Поливы (ультрамариновая, бирюзовая, белая) во всех случаях характерны для определенного элемента орнамента. Так, внешний фон ультрамариновый, рисунок и полосы покрыты белой глазурью, а внутренняя плоскость рисунка окрашена в бирюзовый цвет. Рисунок, полосы оконтурены черной линией.

4. *Эпиграфический орнамент.* Найдено всего два фрагмента с надписями, по которым невозможно восстановить текст. Следует выделить два варианта:

а) надпись, сделанная почерком насх (СГ-69, № 18, рис. 3, *6*);

б) соединение эпиграфического и растительного орнаментов. Буквенный завиток пересекает узкая полоска, принадлежащая стеблю или ветке (СГ-69, № 94).

Плиты применялись для обрамления рисунка в качестве бордюра, о чем свидетельствуют полосы по краям плит. Окраска мало чем отличается от майолик с другими орнаментами: фон рисунка покрыт ультрамариновой поливой, буквы белые, с «мертвым краем». Ограничительные полосы: в первом случае белые; верхнее скошенное ребро бирюзовое, а во втором случае белые и бирюзовые. Буквы даны рельефом.

IV. Майолики на кашине с надглазурной росписью

Надглазурная роспись распространена гораздо меньше подглазурной, о чем свидетельствует небольшое количество фрагментов, найденных на Селитренном городище. Здесь также можно выделить несколько видов орнаментов, которые аналогичны предшествующим. Это растительный, геометрический и эпиграфический; кроме того, встречен один фрагмент с изображением человека, исполненный также в технике надглазурной росписи, подобной технике иранских сосудов типа «минаи».

1. *Растительный орнамент.* Среди фрагментов с этим видом орнаментации можно выделить изразцы, применявшиеся для обрамления фризов и для оформления основного рисунка. У фризовых орнаментов рисунок в основном один и тот же, с небольшими изменениями. Центром композиции является шести- или четырехлепестковый цветок, полностью окрашенный или оконтуренный красным цветом. Рассмотрим несколько вариантов таких майолик:

а) шестилепестковые цветы, связанные стеблями с лепестками и заостренными листьями. Плитка с двух сторон обрамлена парной линией, полоса между двумя нижними позолочена, так же как и середина цветка (СГ-69, № 41, рис. 4, *1*);

б) шестилепестковые позолоченные цветы, чередующиеся с завитком в виде буквы «Г», только несколько больше закругленной (СГ-69, № 39, рис. 4, *2*);

в) четырехлепестковый позолоченный цветок, чередующийся с позолоченным ромбом, от двух противоположных углов которого в разные стороны отходят завитки с листочками и бутонами. Рисунок с двух сторон ограничен линиями (СГ-65, б/н);

г) четырехлепестковый цветок, обвитый завивающимися побегами; плитка с двух сторон обрамлена парными линиями (СКМ, № 2795, СГ-69, № 42).

Окраска этой группы изразцов также однообразна. Фон почти всегда темно-бирюзовый или ультрамариновый, только в двух случаях плитки покрыты белой поливой (СГ-69, № 40, 42). Цветы обычно окрашены или оконтурены красной поливой. Иногда они с сердцевиной в виде кружка или такого же, только меньшего по размеру, цветка. Лепестки и сердцевина цветов большей частью покрыты позолотой, иногда окрашены в ультрамариновый цвет (СГ-69, № 41). Завитки, стебли, окантовка бутонов и листьев, как правило, черные. Бутоны розовые. Окаймляющие плитку ли-

нии обычно красные, иногда полоса между ними позолочена (исключение СКМ ИО 2795, где внутренняя линия и завитки побегов белые).

У изразцов, предназначенных для оформления панно, рисунок очень разнообразен, и поэтому установить в нем какое-то единство почти невозможно. Может быть, это связано с небольшим количеством и крохотной величиной найденных фрагментов. Однако можно выделить несколько вариантов изразцов с изображением листьев, веток, цветов (СГ-68, № 1025, СГ-69, № 70, СКМ, случ. нах.) [9] (рис. 4, *3*).

Окраска этих изразцов очень своеобразна. Рисунок нанесен на белый фон, очень часто покрыт коричневой поливой, что характерно для этого

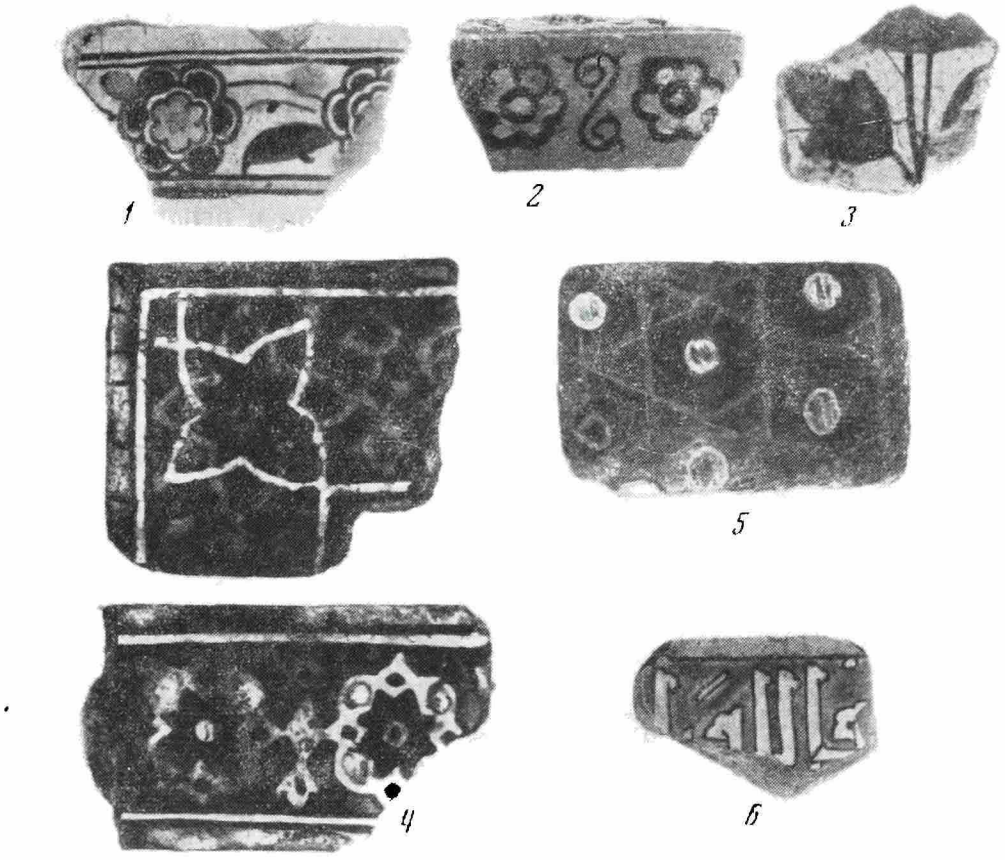


Рис. 4. Майолики с надглазурной росписью

вида изразцов. Правда, есть исключения: так, на плитке (СГ-65, № 71) листья, стебли оконтурены красной поливой и покрыты голубоватой глазурью, сам же цветок голубовато-синего цвета, обведенные красной линией завитки покрыты зеленой глазурью.

2. *Геометрический орнамент.* Изразцов с геометрическим орнаментом найдено в Селитренном всего лишь четыре фрагмента, причем только один из них мог служить для внутреннего рисунка, остальные — для украшения фриза. Имея такое незначительное количество плиток, очень трудно составить представление о геометрическом орнаменте, применявшемся на майоликах с надглазурной росписью. Может быть, будущие находки выявят варианты геометрического орнамента, а пока что мы в состоянии выделить два варианта для фризовых плиток и один для изразцов, составлявших внутренний рисунок:

а) рисунок состоит из чередующихся через сплетение розеток и завершающей композицию фигуры, состоящей из двух четырехугольных, нало-

[9] Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи, табл. 30, *3*.

женных одна на другую звезд. Розетки получены также наложением четырехугольных звезд на квадрат. Так что в центре получается восьмиугольная звезда. Сплетение оканчивается противоположно лежащими бутонами. Бутоны и закругленные концы розеток создают впечатление растительного орнамента из стилизованных цветов. Но в данном случае, вероятно, правильнее говорить о композиции, построенной на основе геометрических фигур: четырех- и восьмиугольных звезд и квадратов (СГ-67, № 1075, 1076, рис. 4, *4*).

Окраска этих плиток довольно необычна для селитренских изразцов, где желтая глазурь применялась только для мозаик. Здесь же она является одним из основных цветов. Рассмотрим окраску по элементам: чередующиеся розетки белого и желтого цвета. Лепестки и сердцевина белой розетки желтые, а сердцевина желтой розетки белая. Сплетение и бутоны желтые, внутренние восьмиугольные звезды ультрамариновые, а внутренние углы обоих квадратов и сердцевина бутонов красные. Угловая розетка тоже очень красочна: контур верхней четырехугольной звезды покрыт белой поливой, а контур нижней звезды — желтой, ее внутренние лепестки красные. Восьмиугольная звезда ультрамариновая с желтой сердцевиной и красным центром. Фон покрыт бирюзовой поливой и ограничен белыми линиями. Окантовка звезд, сплетений, бутонов коричневая;

б) рисунок на сохранившемся фрагменте восстановить очень трудно, можно только предполагать, что это геометрический орнамент из равнобедренных треугольников, разделенных белой полосой пополам. По сторонам, вероятно, также должны были проходить белые полосы, иначе орнамент остается незавершенным. Треугольники бирюзовые и ультрамариновые, контуры полос и треугольников нанесены красной поливой (СГ-65, № 65);

в) орнамент из шестиугольных звезд и вписанных в них равносторонних выпуклых шестиугольников (СГ-67. п/м). Принцип построения таков: на плоскости строится квадрат со стороной а, через центр которого проводится окружность (радиус равен 1/2 диагонали квадрата). В окружность вписывается шестиугольная звезда, тупые углы которой при соединении образуют внутренний шестиугольник. Затем на продолжении сторон квадрата строится прямоугольник, равный $a+\sqrt{3}$ [10], в котором строится квадрат, равный первому (сторона равна а); построение звезды подобно предыдущему. В результате получается, что два смежных луча одной звезды являются как бы двумя смежными лучами другой (рис. 4, *5*).

Окраска характерна для многих изразцов с надглазурной росписью: на ультрамариновый фон звезды и шестиугольники нанесены красными линиями, а их центры в виде позолоченных кружков.

3. *Эпиграфический орнамент.* С эпиграфическим орнаментом найдено всего два фрагмента, буквы сохранились очень плохо, так что восстановить надписи невозможно. Тексты выполнены разными шрифтами. Один —куфи (СГ-69, № 57, рис. 4, *6*), другой — насх (МИНВ, СГ-65, подъемный материал). Однако по технике росписи изразцы одинаковы: шрифт, белый с черной окантовкой, нанесен на зеленый фон. Орнаментальную эпиграфическую полосу ограничивают с двух сторон парные красные линии, пространство между которыми покрыто позолотой. Эти изразцы являлись, вероятно, фрагментами майоликовых плит, на которых могли быть человеческие изображения, так как сохранившийся обломок, описанный Л. Л. Галкиным [11], исполнен в той же технике, так же обрамлен позолоченной полосой, а над ней сохранился остаток зеленого бордюра. По всей видимости, эпиграфическая полоса по краю не заканчивала собой изразец, а только ограничивала некоторую, может быть шестиугольную, поверхность с основным рисунком, а плитка имела еще другое обрамление (МИНВ, СГ-65).

---

[10] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, стр. 191, рис. 82.

[11] Л. Л. Галкин. Несколько изразцов из Селитренного городища. СА, 1968. 3

Если золотоордынские мозаики и не находят себе прямых аналогий в архитектурной орнаментике других мусульманских стран, то отдельные элементы композиции (цветы, побеги, бутоны) часто одни и те же. В отношении рисунка майоликовых плит этого сказать нельзя. Майоликовый декор до того разнообразен, что даже косвенных аналогий подобрать не удается. Отличается он и от орнаментики других золотоордынских памятников. Правда, растительный орнамент майоликовых плит с подглазурной росписью варианта «а» (СГ-68, № 1030) встречаются в памятниках Хорезма середины XIV в. [12]. Следует заметить, что майолики с подглазурным рельефом находят себе аналогии в золотоордынской поливной керамике (по классификации Н. М. Булатова — отдел А, группа I, вид I) [13]. Не исключено, что техника посуды была перенесена на способ орнаментации майолик. К тому же следует заметить, что подобные типы встречаются и в Хорезме [14].

В мусульманской архитектуре распространены оконные решетки-панджара с герихом, напоминающим рисунок на майоликовой плитке с надглазурной росписью варианта «в» [15]. Здесь очевидно прямое заимствование, даже перенесены кружки в центры шестиугольников. Вполне вероятно, что подобные панджары имелись и в золотоордынской архитектуре, но на азиатских памятниках они более ранние.

Композиционно законченных орнаментов для майолик с подглазурной росписью первого вида не сохранилось, и это затрудняет поиски аналогий. В отношении майоликовых плит с надглазурной росписью следует отметить, что они исполнены в индивидуальной манере, особенно растительный (цветочный) орнамент. Иной характер носят фрагменты с эпиграфическим орнаментом и изображением человека. Надписи, по всей видимости, судя по технике, по окраске, обрамляли орнамент. Такие изразцы характерны для более раннего периода — XIII в. Прямой аналогией для них могут служить майоликовые плиты с надглазурной росписью из Конии [16]. Здесь мы также видим изображения людей. Но эти плиты вписаны в шестиугольные и восьмиугольные звезды, в нашем же случае просто шестиугольники, обрамленные по периметру надписью. Можно предположить, что подобная техника попала в Сарай-Бату из центров мусульманского искусства, в частности из Ирана, будучи завезенной керамистами. Такие плиты могли применяться для украшения стен богатых жилищ, для обрамления ниш. Для мечетей они были непригодны, так как ислам запрещал изображение живых существ.

Для майолик с надглазурной росписью очень характерна позолота, нанесенная на красноватую эмаль. Аналогии есть в Средней Азии [17]. Кроме того, в Золотой Орде применялись плиты без всякого орнамента, покрытые позолотой, выполненной в технике золотой фольги (СГ-69, № 21).

Плетенки на майоликовых плитах очень просты, состоят из пересекающихся растительных побегов в стиле «цветущего куфи». Это как бы прообразы тех среднеазиатских плетенок, образующих всевозможные «узлы счастья», которые распространились в мусульманском искусстве с приходом монголов и являлись частью их национального орнамента. Плетенкам других золотоордынских городов свойствен более усложненный характер (Болгары). Аналогии селитренским образцам с плетенкой находятся в памятниках Самарканда: оформление угловой колонки в мавзолее Улук-Султан-

---

[12] Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении. Ашхабад, 1939, стр. 94; Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, стр. 263.

[13] Н. М. Булатов. Классификация кашинной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Автореф. канд. дис., М., 1969, стр. 5.

[14] Керамика Хорезма. Тр. ХАЭЭ, IV, М., 1959, стр. 323, 324.

[15] K. A. C. Creswell. A Short Account of Early Muslim. Penguin Books, 1958, 72 (*b*).

[16] F. Sarre. Erzeugnisse islamischer Kunst. 1, Berlin, 1906, XIV, стр. 44, 45.

[17] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, стр. 262.

бегим (Шахи-Зинда, XIV в.) [18]. Плитки с плетенкой обычно служили для обрамления орнаментальных панно.

Майоликовые бруски с ультрамариновыми, бирюзовыми или белыми полосами, как об этом говорилось выше, применялись для оформления орнаментального рисунка. Об этом свидетельствуют фрагменты майолик, найденные в других золотоордынских городах [19].

V. Ложная мозаика на кашинном тесте

Это майоликовые плиты с полихромным орнаментом, прочерченные контуры которого создают видимость мозаики. Сохранились фрагменты с геометрическим орнаментом. Можно выделить несколько вариантов:

а) основной элемент рисунка — переплетающиеся фигуры шестиугольников, эллипсов и одинарных Х-образно связанных узлов (побегов).

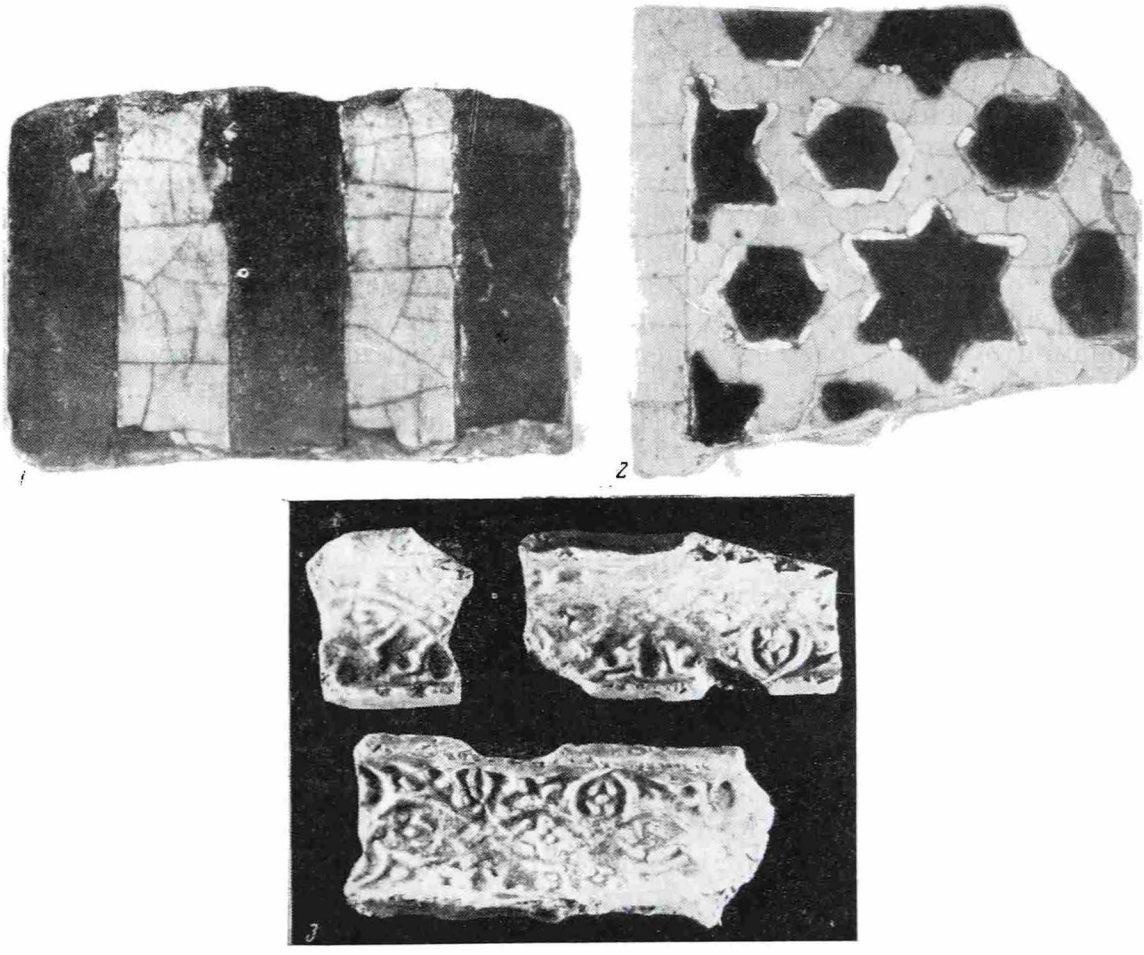


Рис. 5. Ложные мозаики и поливные терракоты

Разделительный обрамляющий элемент — удлиненный шестиугольник, стороны которого, переплетаясь, дальше образуют такой же шестиугольник. На его удлиненных сторонах по одному круглому завитку. В конце композиции, на краю плиты, стороны шестиугольника, переплетаясь, заканчиваются завитками. Параллельно линии обрамления идет полоса с ответвляющимися круглыми завитками, как бы отделяя одну композицию от другой. Завершающий элемент такой композиции — простейшая плетенка из пересекающихся под углом линий (аналогична СГ-69, № 6). Центральной фигурой служит плетенка из перпендикулярно пересекающихся овалов (СГ-66, № 3179, рис. 2, *2*);

[18] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, стр. 424—427, рис. 138, *1*.

[19] Изразцы из Болгара. ГИМ, № 1784/35, 1784/19.

б) несоединенные между собой шестиугольные звезды, расположенные по горизонтали. В пространство между верхними лучами звезд вписаны трапеции (одна с перевернутым верхним основанием) (СГ-69, № 7, рис. 2, *3*);

в) чередующиеся белые и ультрамариновые полосы шириной до 35 *мм* (СГ-69, № 56, 58, рис. 5, *1*);

г) чередующиеся геометрические фигуры: выпуклые шестиугольники и шестиугольные звезды (СГ-69, № 54, рис. 5, *2*).

Цвет рисунка на ложных мозаиках очень однообразен: на белом фоне ультрамариновые звезды и бирюзовые шестиугольники и трапеции. Исключением является изразец СГ-66, № 3179, где на ультрамариновом фоне рисунок покрыт белой поливой. Этот тип архитектурного декора — наиболее простое и грубое подражание мозаики. Вряд ли он применялся для украшения ответственных деталей построек. Можно предположить, что такими плитами выкладывались наружные простенки дверей, наличники окон в жилых домах; для внутреннего же убранства они очень грубы и низкого качества. О применении ложных мозаик для украшения мечетей, дворцов, мавзолеев вообще не может быть и речи. Архитектурный декор этих построек обычно составляли великолепные мозаичные панно, полихромные майоликовые плиты, прекрасные, тонко исполненные резные терракоты.

Ложные же мозаики относятся к более позднему типу архитектурного декора. Аналогии для варианта «в» следует искать в Средней Азии. Это, вероятно, те же гравированные поливные плитки, о которых упоминает Л. И. Ремпель [20].

VI. Рельефная поливная терракота

К шестому типу декоративного убранства золотоордынской архитектуры относится рельефная поливная терракота с геометрическим орнаментом. Плитки вогнутые, треугольные в сечении. Вогнутая сторона покрыта бирюзовой непрозрачной поливой. Применялись они для оформления фриза, угла, бордюра. Рисунок состоит из лежащих на одной горизонтали розеток, соединенных друг с другом. В виде сплетения из двух смежных лепестков розеток в разные стороны отходят по паре стилизованных под «куфи» побегов (СГ-69, № 14, 15, 52, 59, рис. 5, *3*). В лепестках по окружности вписываются тычинки, дорисовываются растительные побеги. Принцип геометрического построения на всех таких плитах один и тот же. Только рисунок может быть несколько изменен из-за большей изогнутости побегов, лепестков розеток. Часто ростки побегов отходят от лепестков, иногда они превращаются просто в выпуклые точки. О применении таких терракотовых плиток говорить трудно. Все они найдены на месте расположения гончарной мастерской и еще не побывали в употреблении. К тому же подобные терракотовые плиты встречаются только в Сарай-Бату, для архитектурного декора других золотоордынских городов они не характерны.

Местное производство мозаик, майолик, поливных терракот не вызывает сомнения. Большая часть была найдена на месте бывшей гончарной мастерской (раскоп II), где обжигались также и детали архитектурного декора. Отсюда происходят и бракованные одноцветные майоликовые плиты, применявшиеся для украшения стен и полов зданий. Из них же делали и мозаичные вставки. Первоначально плиты имели прямоугольную форму ($\approx 22 \times 22$ *см*) при толщине 15—20 *мм*. Затем из них вырезались нужные фигуры: элементы мозаик, шестиугольники, треугольники. Определенные тенденции наблюдаются и в распределении цветов [21]. Преобла-

[20] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, рис. 125, *2*, 128, *3*.

[21] Данные взяты из материалов археологических раскопок Сарая-Бату в 1969 г.

дают плиты с бирюзовыми, ультрамариновыми и белыми поливами (38, 37,6 и 15,3%). Значительно меньше красных (5%), желтых (2,3%) и зеленых (1,8%) майоликовых плит. Это можно заметить и в полихромных майоликах, где исключением является надглазурная роспись с весьма значительным применением красной опаковой глазури.

Мы рассмотрели несколько типов архитектурного декора золотоордынской архитектуры на примере Сарая-Бату. На этом материале пока трудно сделать окончательные выводы о происхождении золотоордынской орнаментики, тем более о происхождении мозаик и майолик. Аналогий очень мало. Композиции орнаментов значительно отличаются от среднеазиатских, азербайджанских, иранских. Золотоордынский орнамент, в частности из Сарая-Бату, значительно проще, чем на других архитектурных памятниках мусульманской культуры. Весьма интересно, что большую часть аналогий для орнаментов на майоликах мы находим в резном ганче. О синкретическом характере золотоордынского искусства спорить не приходится. Оно развивалось под влиянием достижений мусульманского мира, с одной стороны, и местной культуры — с другой, хотя в основном преобладало мусульманское начало. Но, вобрав в себя черты различных культур, золотоордынское искусство не осталось на месте, а сумело самостоятельно переработать их, пусть даже на более низком уровне. Это касается и декора золотоордынской архитектуры. Были выработаны свои местные типы орнаментации, которые не встречаются на других территориях, в том числе и близких к Золотой Орде. Это можно сказать о поливных терракотах с Селитренного городища, об изразцах с белым орнаментом на темно-синем фоне из Болгар[22]. Кроме того, следует заметить, что даже в самих золотоордынских городах очень трудно встретить аналогичные орнаментальные композиции. Все это позволяет предположить, что в золотоордынских городах существовали различные школы мастеров керамистов, в какой-то степени связанные с очагами мусульманской культуры, но развивающие свои местные традиции.

Таким образом, классификация элементов архитектурного декора и рассмотрение их особенностей позволяют судить о своеобразии декоративного убранства архитектурных памятников Золотой Орды.

L. M. Noskova

LES DECORATIONS ARCHITECTURALES A GLAÇURE PROVENANT DE STRAI-BATOU (LA GORODICHTCHE SELITRENNOIE)

Résumé

L'article est consacré à un des problèmes de l'art de Horde d'or, particulièrement aux ornementations de ses monuments architecturaux. L'auter fait la tentative d'analyser le style des décorations et de donner une classification des ornements du décor architectural de Horde d'or (en se basant sur les matériaux provenant de Saraï-Batou). Il a employé à ces fins les trouvailles mises au jour sur les chantiers de fouilles de la gorodichtché Sélitrennoïé et ceux de l'expédition archéologique dite Povoljskaïa (des régions de la Volga). La classification est établie selon un système classique: sont dégagés des types, espèces et variantes de la décoration (ornements végétatifs, géométriques et épigraphiques). La culture de Horde d'or faisant partie de l'art musulman, on peut révéler, pour certains de ces types, des analogies dans les monuments architecturaux de l'Asie Centrale, l'Azerbaïdjan et l'Iran. Outre cela sont signalés les types locaux d'ornement qui ne sont pas communs sur d'autres territoires, y compris les régions voisines à celle de Horde d'or.

L'auteur fait une supposition que dans les villes de la Horde d'or existaient des écoles diverses des céramistes plus au moins liés aux foyers de la culture islamique mais développant leurs traditions locales.

[22] Л. П. Матвеева. Поливные изразцы из Болгар, стр. 220.

А. А. ЮШКО

ПОКРОВСКИЕ И СТРЕЛКОВСКИЕ КУРГАНЫ

Изучение вятичских древностей имеет 130-летнюю историю [1]. За это время раскопана не одна тысяча вятичских курганов. Результатам этих раскопок посвящено большое количество работ как публикационного характера, так и монографических исследований, касающихся племенных границ, истории и классификации курганных древностей вятичей [2]. Сравнительно слабо изученной группой памятников продолжают оставаться места поселений вятичей — селища и укрепленные поселки — прообразы феодального города.

Юг Московской области — «классическая» территория вятичей, густо усеянная археологическими памятниками этого времени. В Подольском районе Московской области, например в границах бывшего административного деления по уездам, известно около 120 археологических памятников времени распространения вятичей (по архивным материалам, публикациям и полевым обследованиям).

Естественно, что район этот давно привлекал внимание исследователей. Большие работы велись здесь начиная с 60-х годов XIX в., и связаны они с именами А. П. Богданова, Н. Г. Керцелли [3] и др. Но к сожалению, материалы этих раскопок не сохранились, а публикации крайне неполны.

Уже в то время на территории Подольского района было учтено 89 пунктов с общим числом 414 курганов [4]. А. И. Кельсиев в 1879 г. писал, отмечая насыщенность юга Московской области археологическими памятниками: «особенно много курганов в Московском уезде: в Замоскворецкой стороне почти нет селения, при котором не было бы одного или нескольких курганных кладбищ, то же наблюдается в соседнем Подольском уезде» [5].

После Октябрьской революции, начиная с 20-х годов, большие работы на юге Московской области вели К. Я. Виноградов, А. В. Арциховский, М. А. Арсакова, А. П. Смирнов, М. Е. Фосс, А. Ф. Дубынин, Б. А. Рыбаков [6] и др.

Раскопанные в 1965—1967 гг. Подольским отрядом Московской экспедиции [7] курганы росположены на среднем течении р. Пахры, у деревень

---

[1] Со времени первых раскопок вятичских курганов А. Д. Чертковым в 1838 г.

[2] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. РАНИОН. М., 1930; его же. Основные вопросы археологии Москвы, МИА, 7, 1947; Т. Н. Никольская. Культура бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959; Т. В. Равдина. О датировке вятичских курганов. СА, 1965, 1 и др.

[3] Н. Г. Керцелли. Отчет о произведенной раскопке..., ИОЛЕАЭ, XXI, М., 1878, стр. 11.

[4] Антропологическая выставка. 1879. ИОЛЕАЭ, XXXV, 2. М., 1879.

[5] А. И. Кельсиев. Подмосковное курганное кладбище при д. Митиной. «Древности», X, М., 1885.

[6] Отчеты в архиве ЛОИА.

[7] Работы проводились автором. Начальник экспедиции — А. Ф. Дубынин.

Покров [8] и Стрелково [9]. Они дают новый интересный материал по изучению культуры, ремесла и погребального обряда вятичей.

Вскрыто всего 13 курганов (3 — в Покрове и 10 — в Стрелкове). Все они имеют в основном форму полушария; курганы вытянутых пропорций (разница диаметров 1—2 *м*) никаких существенных отличий ни в инвентаре, ни в погребальном обряде в сравнении с остальными насыпями не содержат.

В раскопанных 13 курганах обнаружено 24 погребения, из которых 9 мужских, 10 женских и 5 детских.

Все погребения совершены либо на горизонте, либо в насыпи кургана. Интересно в этой связи рассмотреть курганы с несколькими погребениями. В зависимости от количества погребений все курганы распадаются на следующие группы: пять курганов имели групповые погребения (один — № 13 у д. Покров — содержал четыре погребения, остальные — по три погребения), два кургана — с парными погребениями, пять курганов — с одиночными и один курган (№ 1 у д. Покров) не содержал погребения совсем. Что касается взаиморасположения мужских и женских костяков, то из шести курганов, содержащих мужские погребения в сочетании с женскими, в трех случаях мужской костяк занимал центральное положение по отношению к женскому, в одном случае наоборот, и в двух случаях мужской и женский костяки лежали симметрично по отношению к центру кургана.

Можно отметить еще одну интересную деталь — ориентировку женского костяка по отношению к мужскому. В трех случаях женское погребение положено к северу по отношению к мужскому, в двух случаях — к югу.

Сравнительно редки одновременные погребения в парных и групповых курганах. Впускных ям через всю насыпь кургана для сооружения вводных погребений не прослежено, поэтому говорить о способе захоронения вводных погребений трудно. Все погребения, за исключением одного, имеют западную ориентировку. В одном случае ориентировка костяка южная (погребение подростка в кург. 11).

Обычный обряд погребения — трупоположение, за исключением одного случая, когда покойник был сожжен (кург. 11). Интересная особенность выявлена была в нескольких раскопанных нами курганах. Это — наличие кольцевых канавок вокруг погребений. Кольцевые канавки в древнерусских курганах, как отмечалось И. П. Русановой [10],— явление довольно редкое. Из 13 раскопанных нами курганов в 4 обнаружены такие канавки. Они имеют вид светлых супесчаных колец на темной материковой глине. В одном случае кольцо имеет форму сомкнутого эллипса (кург. 1 у дома

---

[8] Группа раскапывалась ранее А. П. Богдановым и Н. Г. Керцелли.

[9] Группа расположена в 3 *км* к северо-западу от Покровских курганов. Она состоит из 20 курганов и стоящих отдельно в 200 *м* к северо-западу 4 курганов — их мы называем группой у дома отдыха Быково. В литературе основная группа называется группой у д. Ордынцы. Есть указание (С. К. Богоявленский. Материалы к археологической карте Московского края, МИА, 7, 1947, стр. 174), что группа раскапывалась ранее Ю. В. Готье. В действительности ссылка на соответствующий том «Древностей» (XX, 2, стр. 41) свидетельствует о том, что Ю. В. Готье, проверяя и уточняя сводку Саблина, обнаружил курганы у д. Ордынцы Подольского р-на. Никаких сведений о раскопках в этом указании нет. В группе же из 20 курганов 10 раскопаны колодцем; на некоторых видны свежие траншеи — следы кладоискательской деятельности. Очевидно, что большая часть курганов распахана, особенно в группе у дома отдыха Быково; во всяком случае обследовавшие эту группу в 1923—1924 гг. П. Герасимов, Д. Ахланов, В. Костомаров (ее они назвали группой у д. Плещеево) отмечали в этом месте две группы (архив ЛОИА, ф. 2, д. 101, 1925): в одной — 25 курганов, в другой — 22, из которых 5 разрушено. Как сообщил нам Р. Л. Розенфельдт, сведения о раскопках этих курганов имеются в архиве Ю. В. Готье. Однако местонахождение архива в настоящее время неизвестно, поэтому сведения эти остались нам недоступны.

[10] И. П. Русанова. Курганы XI—XII вв. у с. Буки Житомирской обл. КСИА АН СССР, 110, 1967, стр. 46.

отдыха Быково, рис. 1), в остальных курганах — это разомкнутые кольца шириной от 0,1 до 0,35 *м*, глубиной от 0,14 до 0,4 *м*. Диаметр их сообразуется с размерами кургана. В заполнении всех канавок встречены угли, в канавке кургана 2 у д. Стрелково обнаружена горизонтально лежащая горелая плаха длиной около 2 *м* (рис. 2). Инвентарь этих курганов ничем не отличается от остальных погребальных комплексов.

Из этой группы курганов особо следует отметить курган 1 у д. Покров. Курган расположен на расстоянии 50 *м* в стороне от основной группы и

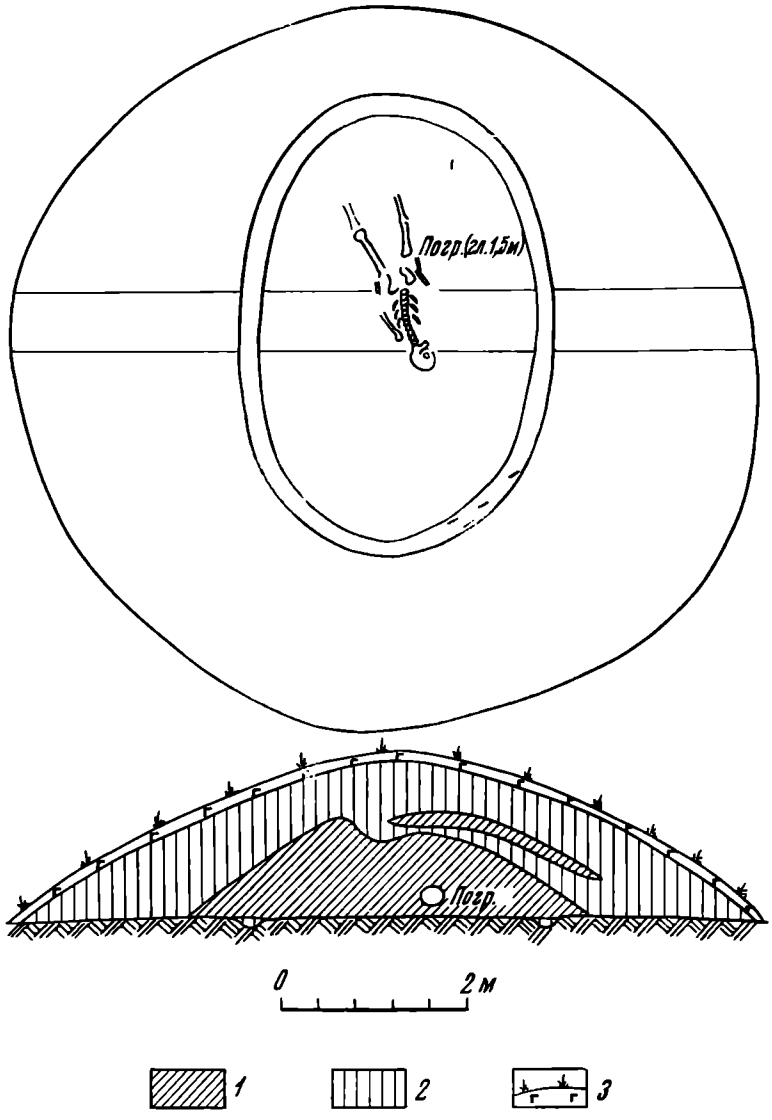


Рис. 1. Курган I у дома отдыха Быково. План и разрез

1 — серая супесь; *2* — коричневый суглинок; *3* — дерновый слой

выделяется своими размерами (высота 4, диаметр 16 *м*, рис. 3). По-видимому, именно его имела в виду Е. И. Горюнова [11], перечисляя самые крупные в Подмосковье курганы.

В насыпи кургана, состоящей из чередующихся полос рыхлой и плотной супеси, на глубине 1,16 *м* прослеживается угольное пятно (размером 0,7 × 0,7 *м*, мощность 0,1 *м*) в виде скопления углей на прокаленной глине, в основании кострища — слой золы. Никаких погребений в кургане не встречено.

Немного ниже уровня погребенного дерна выявлена кольцевая канавка шириной 0,1—0,35 *м*. Диаметр канавки 13,5 *м*, глубина — до 0,4 *м*. Помимо

[11] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 207.

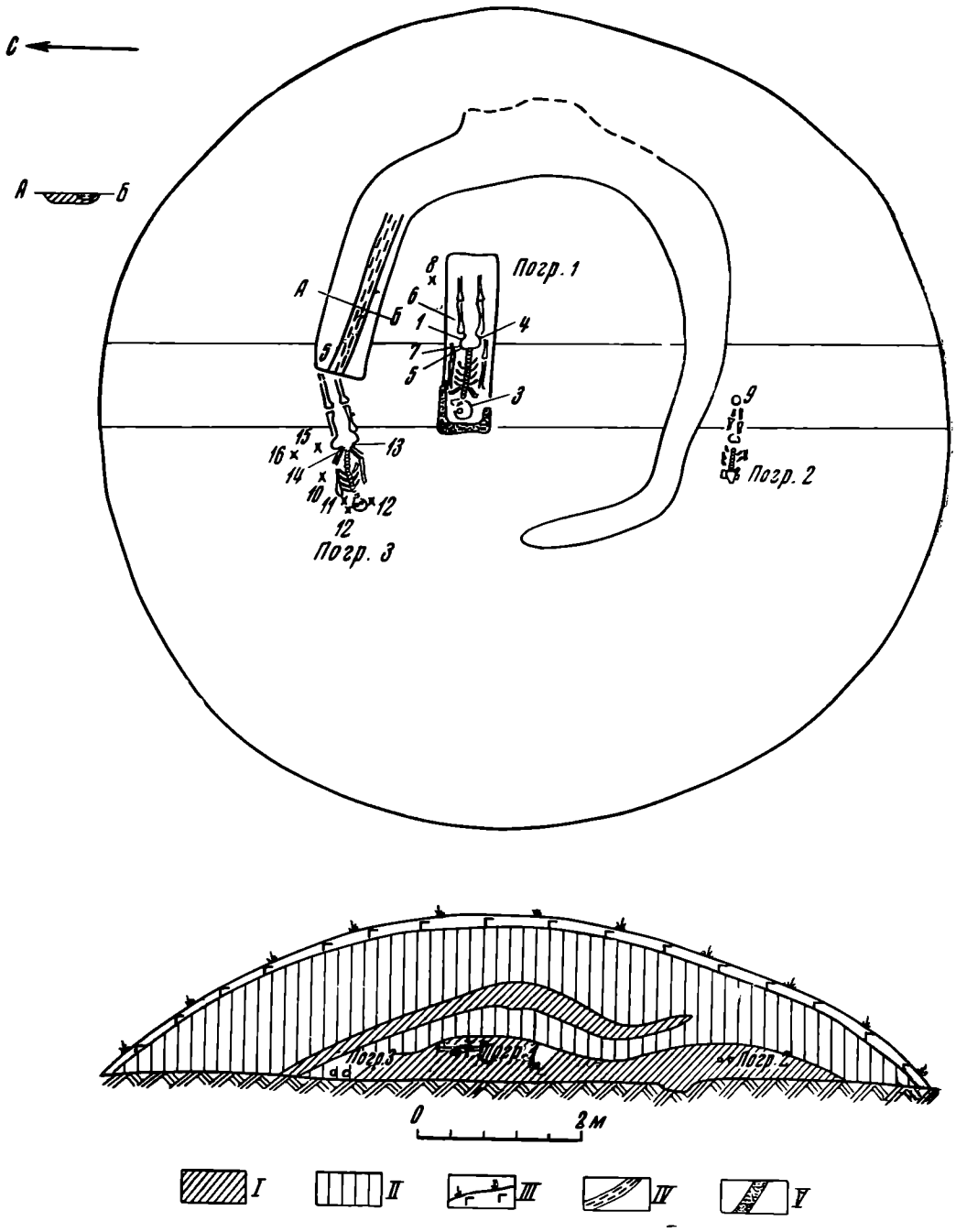


Рис. 2. Курган 2 у д. Стрелково. План и разрез

I — серая супесь; *II* — светло-коричневый суглинок; *III* — дерновый слой; *IV* — горелое дерево; *V* — древесный тлен.

1 — пряжка; *2* — привеска; *3* — проволочное колечко; *4* — кольцо бронзовое; *5* — кольцо бронзовое; *6* — металлический предмет; *7* — нож; *8* — гвозди; *9* — сосуд; *10* — перстень; *11* — бусы (7 хрустальных шаровидных, 8 сердоликовых бипирамидальных, 3 стеклянных биконических); *12* — четыре семилопастных височных кольца; *13, 14* — разомкнутые браслеты; *15* — обломок ножа; *16* — бубенчик с линейной прорезью

этого на материке обнаружено несколько столбовых ям глубиной до 0,18 *м* с темным заполнением и угольное пятно в юго-западном секторе, которое разрезается кольцевой канавкой. Из находок в этом кургане обнаружена одна — обломок железного ножа (найден в юго-восточном секторе на глубине 1,1 *м*). По своим размерам и конструкции курган этот необычайно напоминает Большой Беседский курган, раскопанный А. В. Арциховским в 1946 г., который также не содержал погребений, но наличие кольцевой канавки позволило А. В. Арциховскому [12] сблизить этот курган с памятниками типа Шаньково и Почепок и соответственно его датировать. В на-

[12] А. В. Арциховский. Беседские курганы. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 101.

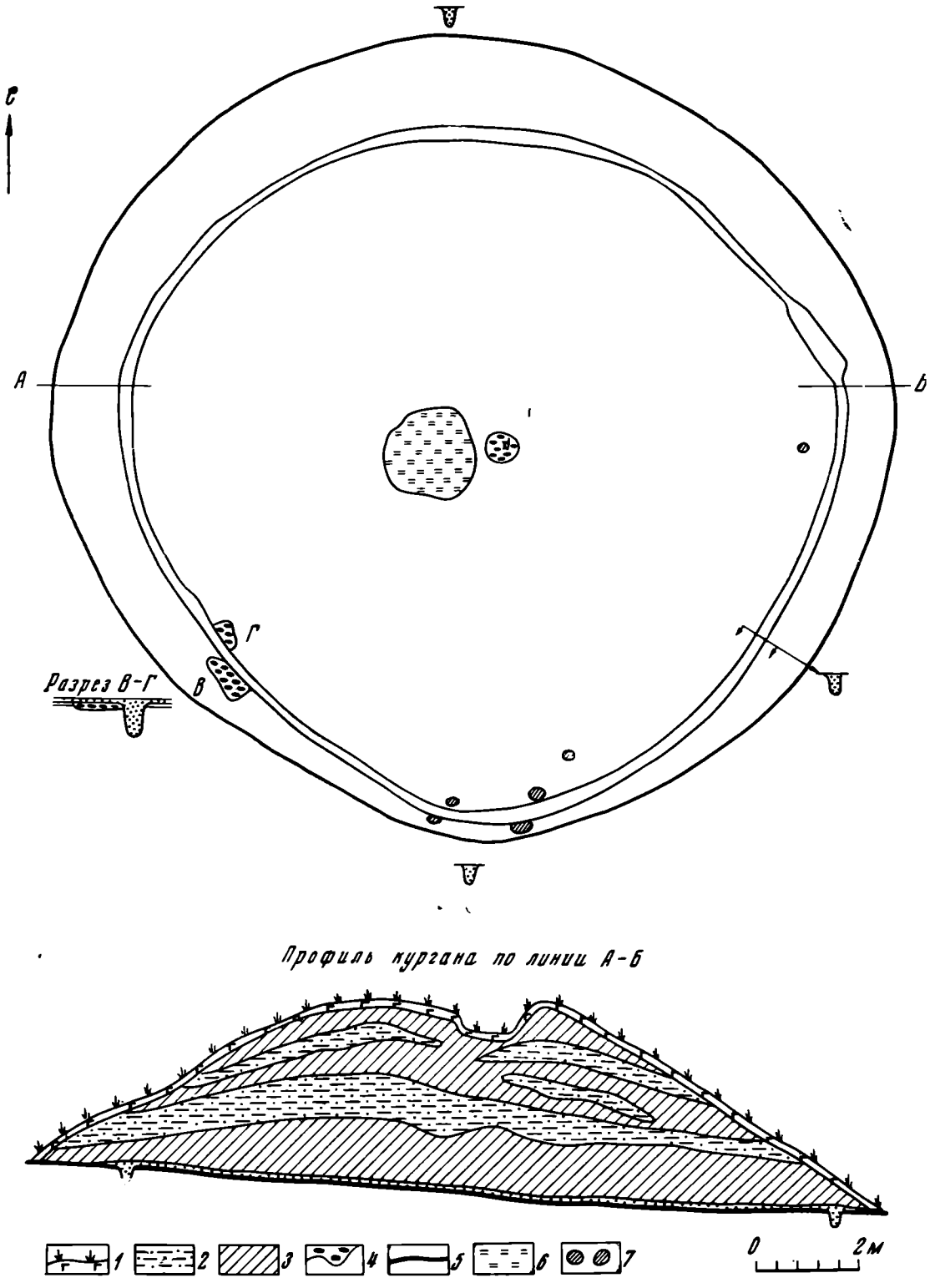


Рис. 3. Курган 1 у д. Покров. План и разрез

1 — дерновый слой; *2* — рыхлая светлая супесь; *3* — плотный суглинок; *4* — кострища; *5* — погребенная почва; *6* — глинобитная подсыпка; *7* — столбовые ямы

шем кургане мы имеем еще обломок ножа, который по форме более ранний, чем древнерусские [13].

Как в нашем, так и в Беседском кургане отсутствуют определенные датирующие признаки. Поэтому вслед за Е. И. Горюновой [14] можно усомниться в правомерности датировок подобных памятников только на осно-

[13] К сожалению, сохранность ножа такова, что он не поддается микроструктурному анализу.

[14] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 94.

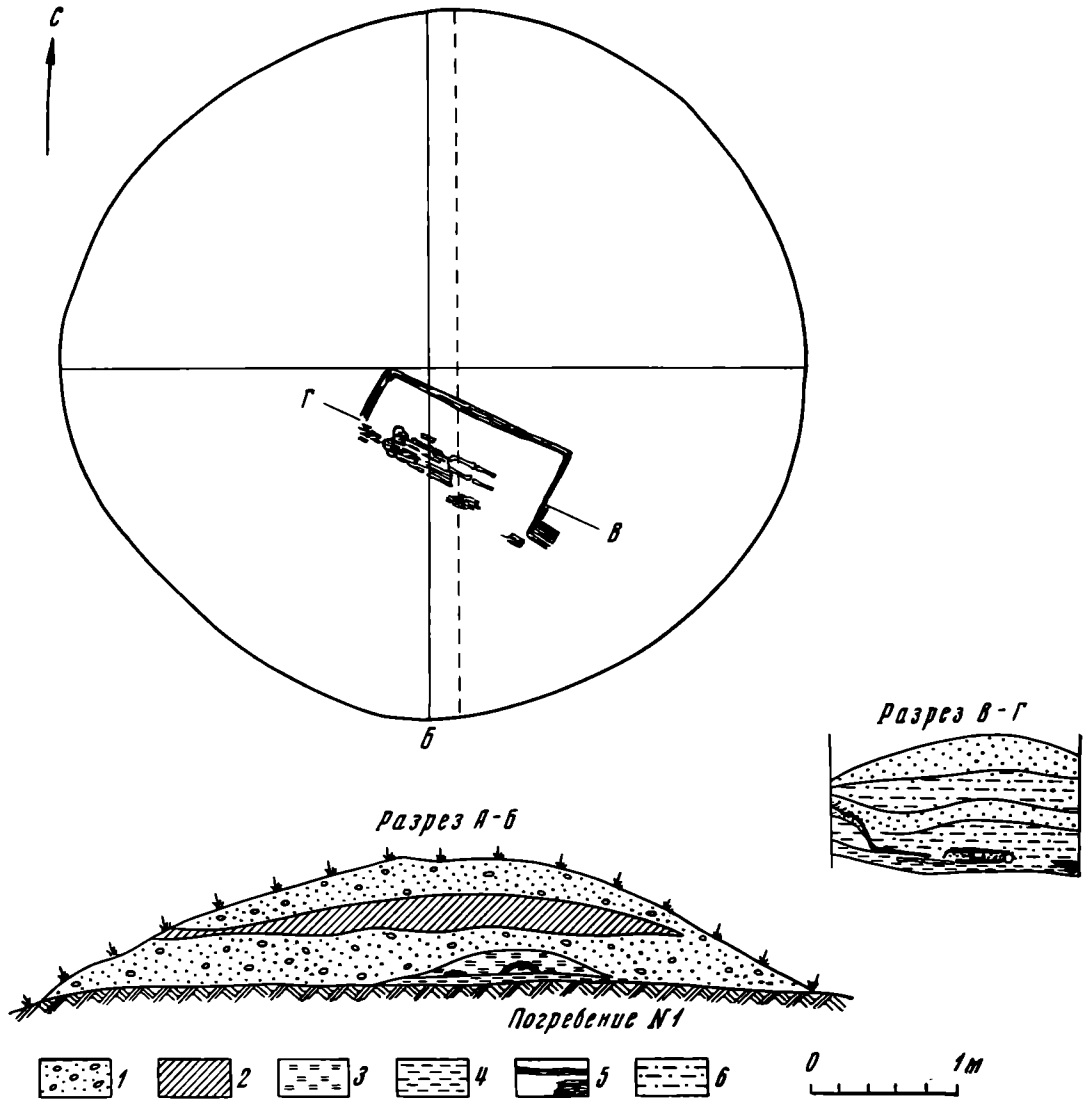


Рис. 4. Курган 15 у д. Покров. План и разрез

1 — рыхлый песок с галькой; *2* — плотный суглинок; *3* — глинобитная подсыпка; *4* — белоглиняная подсыпка; *5* — древесный тлен; *6* — плотная супесь

вании одной детали погребального обряда (кольцевой канавки), тем более, что эта деталь была присуща памятникам на очень широкой территории [15]. Кольцевая канавка встречается как в курганах, содержащих трупосожжения или трупоположения, так и в курганах, совсем не содержащих погребений. По-видимому, все их надо дифференцировать и подходить к их изучению в каждом случае конкретно. Что же касается курганов с кольцевыми канавками, не содержащих погребений (описаны нами выше) или содержащих трупосожжения [16] и расположенных на территории вятичей, то принадлежность их этому племени обуславливается лишь единственным фактором — местоположением в земле вятичей. Выявляемые археологически племенные признаки вятичей в них отсутствуют.

Другая особенность погребального обряда наших курганов — сооружение деревянных конструкций при самих погребениях — выявлена в трех случаях (дважды при женских погребениях, один раз при мужском).

Следует, по-видимому, разделять эти деревянные конструкции на домовины, т. е. сооружения, имеющие перекрытия, и открытые срубы. С домовиной мы имеем дело в кургане 15 у с. Покров (рис. 4). Размеры ее —

[15] И. П. Русанова. Ук. соч., стр. 46.

[16] Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 51; С. А. Изюмова. Курганы у д. Тризново. СА, 1961, 2.

2,8×1,5×0,5 *м*. Сложена она, очевидно, из горбылей, положенных тесаной поверхностью внутрь, но сохранность дерева очень плохая, так что характер кладки углов не выявляется. О первоначальной высоте сооружения позволяет судить уровень дощатого перекрытия, остатки которого прослежены в юго-восточном углу домовины.

Лучшей сохранности оказался сруб кургана 9 у с. Стрелково (рис. 5). Размеры его 3,6×1,8 *м*. Хорошо прослежен один венец бревен и юго-западный угол сооружения, сложенный в обло.

В шести погребениях встречены остатки гробовищ. Это либо долбленные из деревянных колод сооружения, иногда имеющие деревянные ручки для переноски гроба, либо берестяные многослойные саваны (кург. 1 у д. Стрелково). Как правило, погребения с домовинами или срубами уже не имеют деревянных гробовищ.

Инвентарь погребений богат и разнообразен. Из 25 вскрытых нами погребений не было ни одного, совершенно лишенного вещей.

Из орудий труда при мужских погребениях обнаружены ложкари, ножи, рыболовные крючки, точильный брусок. Дважды встречены удила, кроме того — пряжки, поясные кольца, пуговицы, один пластинчатый браслет. Ножи (общее их количество — 12) — и самая частая находка при мужских костяках. Из восьми мужских погребений в шести мы находим ножи, причем в двух случаях обнаружено по два ножа. Обычное их местоположение — слева у пояса. Длина рабочей части лезвий 6—8, ширина лезвий 1,5—2 *см*. Они имеют прямую или слегка скругленную спинку, клиновидное сечение лезвия. Толщина обушка колеблется от 1,5 до 5 *мм* при почти неизменной ширине лезвия. Клинки ножей насаживались на деревянную (судя по отпечаткам волокон дерева на них) рукоятку. В двух случаях сохранились деревянные футляры для ножей. В одном из мужских погребений, выделявшемся богатством погребального инвентаря (кург. 5 у д. Стрелково), найден самшитовый футляр (определение Г. Н. Лисицыной), сам нож — очень небольших размеров: длина лезвия с клинком в футляре 8 *см* при ширине 0,1 *см*.

Дважды ножи встречены при женских костяках. Они также обнаружены слева у пояса погребенной и имеют несколько меньшие размеры, чем ножи при мужских погребениях. К орудиям труда относится найденный в единственном экземпляре крючковидный резец (ложкарь). В Новгороде они встречены в слоях с X по XIV в. Известна и технологическая схема их изготовления [17].

В нашем кургане (кург. 9 у д. Стрелково) ложкарь найден в ногах мужского погребения в наборе с такими вещами, как нож, точильный брусок в виде удлиненной прямоугольной плитки (1,2 × 1, 6 × 8 *см*), гвоздь, дверной пробой, а также бубенчик с щелевидной прорезью и битрапецоидная бусина синего стекла.

К орудиям труда относится также обломок пружинных ножниц — это пружина и часть стержня (лезвия обломаны). Судя по диаметру пружины и длине стержня, ножницы сравнительно больших размеров — общая длина их не менее 20 *см*. Ножницы были обнаружены при женском погребении к юго-западу от ног погребенной.

Интересной находкой являются два бронзовых рыболовных крючка при мужском костяке в кургане 3. Они имеют несколько упрощенную схему: отсутствует бородка на цевье, нет петли для крепления лески, взамен чего имеются зарубки на слабозагнутой внутрь верхней части цевья.

Найдено большое количество железных гвоздей для скрепления гробовищ. Все они кованые, в большинстве — квадратные в сечении костыли длиной от 4,7 до 14,0 *см*. Представляют известный интерес

---

[17] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 43.

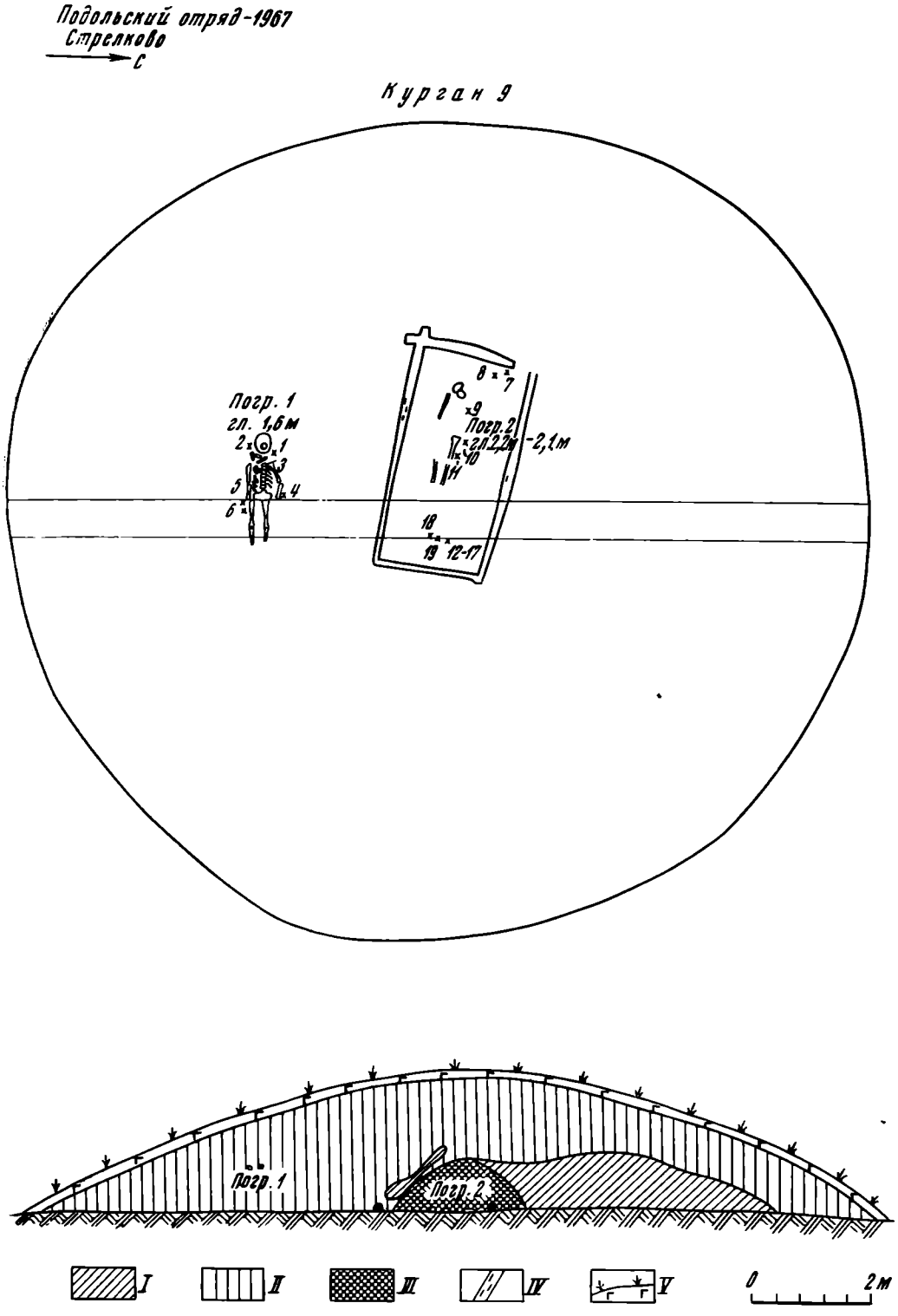


Рис. 5. Курган 9 у д. Стрелково. План и разрез

I — серая супесь; *II* — коричневый суглинок; *III* — коричневая супесь; *IV* — горелое дерево; *V* — дерновый слой.

1 — семилопастные височные кольца (3 экз.); *2* — семилопастные височные кольца (2 экз.); *3* — бусы; *4* — браслет бронзовый витой (2 × 4); *5* — браслет бронзовый витой (2 × 3); *6* — перстень двухзигзаговый решетчатый; *7* — обломок сосуда; *8* — гвоздь; *9* — гвоздь; *10* — нож; *11* — накладка на ремень; *12* — дверной пробой; *13* — нож; *14* — ложкарь; *15* — удила; *16* — гвоздь; *17* — оселок; *18* — бубенчик; *19* — бусина

встреченные у ног женского костяка сапожные гвозди. Они костылевидные, высотой до 1,5 *см*, найдены при пяточной кости погребенной, очевидно, служили для крепления каблуков.

И мужская и женская одежда имела, по-видимому, пояс. В двух случаях сохранились остатки кожаных ремней в мужских погребениях. Ширина их — около 1 *см*. У женщин были, по-видимому, и тканые пояса.

Почти при каждом мужском костяке найдены бронзовые, либо железные поясные кольца различного диаметра — от 1,5 до 3 *см* при толщине 0,3—0,5 *см*. Служили они, по-видимому, для прикрепления к ремню различных инструментов, ножей и т. д. В одном погребении встречены орнаментированные кольца: в погребении 1 кургана 5 у д. Стрелково найдена пара идентичных литых колец. Аналогичные кольца найдены в слоях Новгорода XII—XIII вв.[18]. Пряжки представлены пятью экземплярами, все различных типов, две из них бронзовые, три железные. Есть пряжка прямоугольная, овальная, лировидная. Из погребения с трупосожжением происходит железная пряжка подтрапецоидной формы. Найдена небольшая бронзовая пряжка, которая крепилась к ремню с помощью торчащих с внутренней стороны шипов. Интересна бронзовая прорезная накладка на ремень.

К элементам одежды относятся также пуговицы. При мужских погребениях найдена бронзовая конусовидная пуговица, а также пуговица из непрозрачного черного стекла с инкрустированным золотой амальгамой крестом. По определению Ю. Л. Щаповой, эта пуговица византийского происхождения. Найдена она вблизи кожаных сапог мужского погребения кургана I у д. Стрелково. В женских погребениях встречены сферические пуговицы из непрозрачного стекла с железной петлей. В одном из Покровских курганов найдена такого же типа медная пуговица высотой 0,7 *см*. В качестве пуговицы зачастую, по-видимому, использовались и бубенчики. Все они (8 экз.) бронзовые, с щелевидной прорезью, диаметром от 1,4 до 2,5 *см;* два из них грушевидной формы, остальные шарообразные. Бубенчики встречены как в женских погребениях, так и в мужских.

В двух случаях сохранились остатки кожаных мужских сапог. Они несколько выше колен, имеют швы по бокам и отстрочены по верхнему краю. Кожа дубленая.

Женские украшения. Височные кольца, исключительно семилопастные, встречены в количестве 22 при женских погребениях в группе у д. Стрелково и 21 при четырех погребениях у д. Покров (всего 43 экз.). Обычное их количество — по два у каждого виска, но бывает по одному, по три и даже (кург. 13 у д. Покров) по четыре. Держались они у висков с помощью различного вида налобных повязок. Остатки такой повязки, сделанной из шерсти с нашитыми на нее тонкими овальными бронзовыми бляшками, были обнаружены в том же кургане 13 у д. Покров.

Коллекция семилопастных височных колец различна и по внешнему виду, и по материалу, и по технологии изготовления, несмотря на то, что все они принадлежат к типу так называемых простых, по типологии А. В. Арциховского (рис. 6) [19]. Внутри этой коллекции прослеживается эволюционная схема, в общем близкая схеме, приведенной Т. В. Равдиной[20]. Самый ранний тип — небольшие (высота щитка около 3 *см*) серебряные кольца (3 экз; рис. 6, *1*) с узкими каплевидными лопастями и без боковых колечек. Орнамент на щитке состоит из двух заштрихованных полос.

Следующая группа семилопастных височных колец (3 экз.) характеризуется некоторым увеличением размеров (высота щитка до 3,5 *см*, рис. 6, *2*). Лопасти их несколько шире, чем лопасти колец первого типа, боковые колечки отсутствуют. В местах крепления дужек к щиткам либо имеются характерные утолщения, либо один из концов дужки расплющен. Орнамент на щитке тот же.

Следующий, третий тип семилопастных колец (3 экз., рис. 6, *3*) также без боковых колец, но с довольно широкими лопастями. Орнамент на

---

[18] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, 65, 1959, рис. 7.
[19] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 49.
[20] Т. В. Равдина. Типология и хронология лопастных височных колец. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 137.

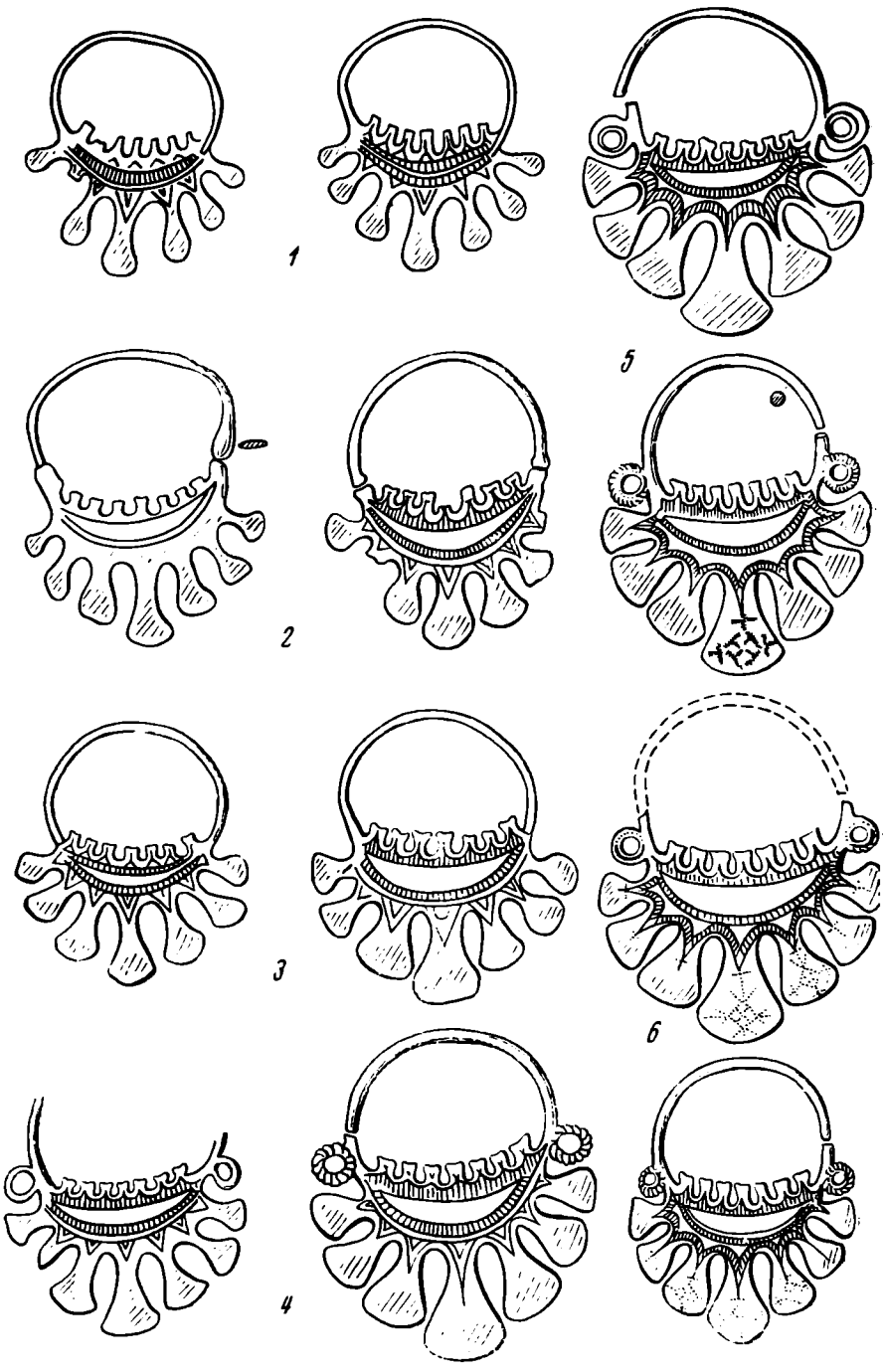


Рис. 6. Семилопастные височные кольца

щитке таких колец также состоит из сочетания заштрихованных полос и городков. Высота щитка 3—3,5 *см*.

Четвертый тип — бронзовые, отлитые по восковой модели кольца. Высота щитка их также 3—3,5 *см*. В местах соединения дужки со щитком у них появляются гладкие или иногда ложновитые колечки, лопасти их широкие, со скругленными углами. Резко возрастает их количество (25 экз.— 58% общего количества) (рис. 6, *4*).

Пятый тип семилопастных колец (8 экз.; рис. 6, *5*, *6*) определяется увеличением размеров: высота щитка до 4,5 *см*. Лопасти этих колец секировидные, очень широкие. Боковые колечки все, как правило, имеют вид ложновитых. Орнамент на щитке усложняется. В дополнение к двум заштрихованным полосам появляется заштрихованная полоса, состоящая из острых углов, заходящих в лопасти. Сами кольца либо бронзовые, либо серебряные.

Что касается хронологии этих типов, то нам представляется, что специфика такой категории вещей, как племенные украшения, характеризующаяся известным консерватизмом, а также сравнительно небольшой отрезок бытования семилопастных колец (200 лет) не дают возможности точно датировать тот или иной тип, тем более что часты случаи, когда первые четыре типа встречаются вместе. По-видимому, эти типы можно датировать концом XI—XII в. Пятый тип с секировидными лопастями датируется концом XII—XIII в.

Так, два семилопастных кольца первого типа встречены в погребении 2 кургана 12 у д. Стрелково в сочетании с такими вещами, как золотостеклянные бусы конца XI—начала XII в. с шаровидным бубенчиком, украшенным пояском из концентрических линий, которые сейчас датируются более широко — концом XI началом XIII в. [21]

Третий экземпляр этого типа семилопастных височных колей обнаружен в кургане 11 у д. Стрелково. Это единственный курган, в котором наравне с трупоположением (женский костяк и погребение мальчика-подростка) встречено и трупосожжение. В женском комплексе с семилопастным кольцом первого типа встречены золотостеклянные бусы, шаровидный, без орнамента, толстостенный бубенчик, относящийся к группе, которую В. А. Мальм и М. В. Фехнер датируют первой половиной XI в. [22]

В этом же комплексе — витой тройной браслет, свободные концы которого загнуты в форме петли. Подобные браслеты, как известно, в настоящее время передатированы. По Новгороду они датируются XI—XIV вв.[23]

Таким образом, три экземпляра ранних семилопастных колец встречены в самых ранних наших комплексах (по наличию золотостеклянных бус). Любопытно отметить, что первые четыре типа семилопастных колец встречены вместе в одних комплексах, поэтому нам и представляется возможным не расчленять их хронологически, в то время как пятый тип височных колец никогда в ранних комплексах не встречен, а соседствует с такими вещами, как витые 2×4 и 2×3 браслеты, рыбовидные бусы синего и фиолетового стекла, т. е. с вещами, характерными для XII—XIII вв.

Сопоставление семилопастных колец между собой выявляет большое разнообразие литейных форм для их изготовления. Форм было около 25 для отливки 43 экземпляров. Наиболее долговечны были литейные формы для отливки самых поздних типов височных колец. В наших комплексах встречено до пяти экземпляров таких колец, вышедших из одной литейной формы. Любопытно, что они принадлежали одной владелице, т. е. здесь мы, по-видимому, имеем дело с торговлей на заказ, когда ремесленная продукция закупалась у мастера целыми партиями.

Интересны семилопастные кольца с орнаментацией лопастей. Обычный мотив орнамента — выполненные в различной технике ромбы, усложненные системой перекрещивающихся линий (рис. 6, *6*). Эту дополнительную орнаментику имеют, как правило, только самые поздние кольца (пятый тип).

Гривны — довольно редкое нагрудное украшение. У нас их встречено три экземпляра. Одна — двускатно-пластинчатая серебряная [24], другие две — витые (2 × 3) [25].

Коллекция бус богата и разнообразна. Многочисленна коллекция бус из сердолика. Обычно это шестигранные бипирамидальной формы бусы из полупрозрачного красно-коричневого сердолика, являвшиеся предметом

---

[21] В. А. Мальм, М. В. Фехнер. Привески-бубенчики. ГИМ, 43. М., 1967, стр. 133.

[22] Там же, стр. 137.

[23] Т. В. Равдина. О датировке вятичских курганов. СА, 1965, 1, стр. 128.

[24] А. А. Юшко. Раскопки кургана XI—XII вв. у с. Покров Московской обл. КСИА АН СССР, 110, 1967, стр. 151.

[25] Там же, стр. 51.

импорта из стран Средней Азии [26]. В одном из ожерелий их 53 штуки. По-видимому, эта самая многочисленная коллекция сердоликовых бипирамидальных бус, встреченных в одном погребении на территории распространения вятичских курганов. В этом же ожерелье обнаружена и довольно редкая монетовидная сердоликовая бусина.

Бусы из горного хрусталя двух типов: шарообразные (до 38 экз. в одном ожерелье — кург. 15 у д. Покров) и бипирамидальные, укрупненные в сравнении с сердоликовыми (длина около 2,5 *см*; в том же кургане — 7 экз.).

Металлические бусы в составе ожерелий встречаются сравнительно редко. Две биллоновые бусины (полусферическая и бипирамидальная) из кургана 13 у д. Покров нами уже опубликованы [27]. Интересна мелкозерненая полая серебряная бусина, вероятно, от бусинного височного кольца (кург. 15 у д. Покров, рис. 7, *1*). Она посажена на серебряный же стержень, свободный конец которого расплющен. Подобные бусы датируются В. П. Левашовой XI—XII вв.[28].

Бусы стеклянные представлены серией золоченых бус в двух упомянутых выше погребениях. В обоих случаях они находятся в сочетании с сердоликовыми бипирамидальными бусами, а в погребении 2 кургана 11 у д. Стрелково еще и с бочонковидными из непрозрачного стекла бусами. Формы золоченых разнообразны: цилиндрическая, биконическая, ребристая.

Из бус цветного стекла следует отметить сравнительно редко встречающиеся рыбовидные бусы из синего и фиолетового стекла (8 экз. из погр. 1 в кург. 9), усеченно-биконическую бусину голубого стекла в мужском погребении кургана 9, у д. Стрелково. Неоднократно встречены бусы из непрозрачного стекла, так называемые пастовые. Они обычно либо бочонковидные, либо зонные. По-видимому, это одни из самых дешевых бус. Стекловидная масса легко крошится, сохранность этих бус обычно плохая. Чаще всего такие бусы принадлежат детским погребениям (девочек). Так, в погребении девочки 5—6 лет из кургана 13 у д. Покров все ожерелье (20 бусин) состояло только из пастовых бус. Встречаются они и в женских погребениях, но обычно в единичных экземплярах (погр. 2 в кург. 1 у д. Стрелково). Найдена бусина битрапецоидная янтарная (кург. 1 у д. Стрелково). Подобные бусы известны в Харлаповских курганах.

В ожерелье включались и различные привески. Интересна лунница из кургана 15 у д. Покров (рис. 7, *3*). По типологии В. В. Гольмстен она относится к круторогим [29]. Она серебряная (размер около 5 *см*), украшена треугольниками из зерни, сходящимися острыми углами к округлой вставке, обрамленной также линией зерни. Сам камень не сохранился. Наиболее близка ей лунница из Костромских курганов, которые датируются по монетам концом XI—XII в [30]. Три подобных лунницы известны по коллекции ГИМ из Вятской и Пермской губерний, которые В. В. Гольмстен относит к XII в.[31].

В том же кургане, что и зерненая лунница, найдена очень редкая для вятичских древностей находка — полая шумящая привеска (рис. 7, *2*). Подобные привески очень широко распространены в Костромском Поволжье [32]. Наша привеска была найдена слева у пояса. Кресты, найденные в славянских курганах, как уже отмечалось в литературе [33], не были

---

[26] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ. 33, М., 1959, стр. 154.

[27] А. А. Юшко. Ук. соч., стр. 17.

[28] В. П. Левашова. Височные кольца. Тр. ГИМ, 43, М., 1967, стр. 19.

[29] В. В. Гольмстен. Лунницы Российского Исторического музея. М., 1914.

[30] Ф. Д. Нефедов. Костромские курганы. МАВГР, М., 1899, табл. 5, рис. 38*а*.

[31] В. В. Гольмстен. Ук. соч., стр. 93.

[32] Ф. Д. Нефедов. Ук. соч., табл. 3.

[33] Г. П. Латышева. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. Тр. МИРМ, V, М., 1954, стр. 53.

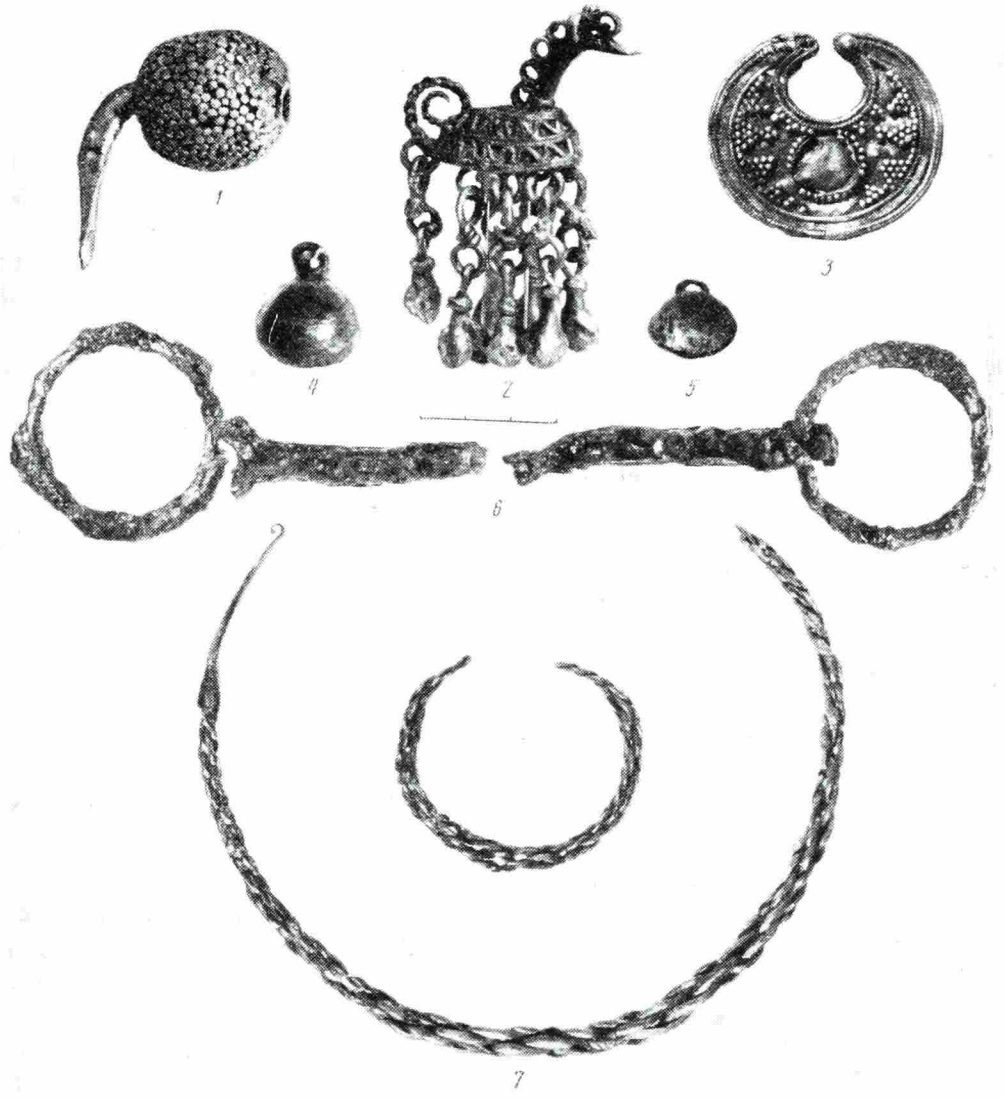


Рис. 7. Вещи из погребений

1 — зерненая серебряная бусина (увеличено), *2* — коньковая полая привеска; *3* — зерненая лунница; *4, 5* — бубенчики с щелевидной прорезью; *6* — удила; *7* — витая шейная гривна; *8* — витой браслет

символами христианства, а служили украшениями (их местоположение — у черепа).

Найденный в кургане 1 (погр. 2) литой крест был также обнаружен у затылочной части женского костяка. Крест двухсторонний (высота 3,7 *см*), концы его перекладин украшены тремя дискообразными выпуклостями, средокрестие — ромбом с вписанным в него крестом, по краям которого идет орнамент из заштрихованных полос. Аналогий этому кресту нам найти не удалось. Наиболее близки ему кресты так называемого Скандинавского типа [34].

Коллекция браслетов насчитывает 11 экземпляров, 10 из них — при женских погребениях, один — при мужском. Все браслеты бронзовые. Мужской браслет пластинчатый бронзовый украшен по краю зубчатым штампом и треугольным пуансонным чеканом с тремя шариками, имитирующими зернь. Концы браслета раскованы в форме жгута и завязаны, а концы закручены вокруг жгута (кург. 5, погр. 1); это, как известно, считается ранним признаком (XI — начало XII в.). Еще два браслета

[34] Н. П. Журжалина. Датировка древнерусских привесок-амулетов. СА, 1961, 2, стр. 127.

с такой же системой завязывания, но витых происходят из Покровского кургана 13 [35]. Пластинчатых загнутоконечных браслетов в женских погребениях обнаружено два. Оба орнаментированы.

Дважды встречены витые четверные браслеты из двух проволок (кург. 9, погр. 1 у д. Стрелково), один раз — витой тройной браслет. Два экземпляра — круглопроволочные разомкнутые браслеты с острыми концами (кург. 3, погр. 3 у д. Стрелково) и один — плосковыпуклый сплошной (кург. 2, погр. 2 у д. Стрелково).

Перстней обнаружено 18. Почти все они бронзовые, но есть и серебряные. Встречены следующие типы: решетчатые двузигзаговые (3 экз.— кург. 13, погр. 1 у д. Покров; кург. 1, погр. 2 у д. Стрелково; кург. 9 погр. 1 у д. Стрелково), пластинчатые широкосрединные с орнаментом в виде косых крестов с перечеркнутыми концами (3 экз.— кург. 13, погр. 1 и 3 у д. Покров [36] и там же кург. 15). На одном из перстней весь фон, утопленный по отношению к выпуклым крестам, заполнен крытой эмалью. Это подтвердил и анализ, сделанный Ю. Л. Щаповой. То, что эта категория вятичских перстней украшалась эмалью, было отмечено М. В. Житомирской [37]. По-видимому, все подобные перстни имели эмаль, но сохранность ее не везде одинакова. Неоднократно встречены рубчатые бронзовые перстни, а также витые.

Керамический комплекс насчитывает 12 сосудов. Высказывалось мнение о том, что в районе Пахры распространены сосуды мискообразной формы [38]. В нашей коллекции только два сосуда низкой формы (соотношение диаметра и высоты 2 : 1). Остальные имеют обычные для славянских курганов пропорции — примерно одинаковое соотношение диаметра и высоты. Вся керамика, за исключением двух сосудов из кургана 7, круговая, тонкостенная, тесто хорошего обжига, в основном сероглиняная.

Два лепных сосуда из кургана 7, очевидно, не следует связывать с погребением: они расположены на 0,3 *м* ниже погребений и в стороне от них.

Сосуды необычной для курганов слабопрофилированной формы. Один из них украшен по краю венчика косыми насечками. Орнамент на сосудах либо волнистый, либо линейный, либо представляет сочетание того и другого. Исключение составляют два лепных сосуда, один из них имеет только косые насечки по венчику, на другом в дополнение к этому орнаменту есть еще ногтевые вдавления по плечикам.

Из 12 обнаруженных сосудов восемь связаны с погребениями, четыре обнаружены либо в кострище (кург. 13 у д. Покров), либо в насыпи кургана, либо на материке. При мужских погребениях четыре сосуда (два в головах погребений, один в ногах, и в одном случае — кур. 1, погр. 3 — сосуд находится в юго-восточной части берестяного гробовища).

Два сосуда найдены при женских костяках: один между голенями ног погребенной, другой в головах погребения.

Два сосуда из кургана 11 были на месте восточного угла домовины, на глубине 0,75 *м*. В этом кургане, как отмечалось выше, мужское трупосожжение соседствует с женским трупоположением.

В целом все курганы соответствуют времени распространения вятичей в Подмосковье — XI—XIII вв.

---

[35] А. А. Юшко. Ук. соч., стр. 52.

[36] Там же, стр. 51.

[37] М. В. Житомирская. Орнаментированные перстни и браслеты вятичей. Дипломная работа. Хранится на кафедре археологии МГУ.

[38] Р. Л. Розенфельдт. Доклад о курганной славянской керамике на заседании сектора славяно-русской археологии в ИА в 1968 г.

A. A. Yuchko

LES TUMULI DE STRELKOVO ET DE POKROV

Résumé

La partie méridionale de la région de Moscou est le domaine classique de la contrée des Viatitches. Les kourganes fouillés dans le district de Podolsk de la région de Moscou à proximité des villages de Strelkovo et de Pokrov ont fourni un nouveau matériel intéressant pour l'étude de la culture et des rites funéraires des Viatitches aux XI—XIII siècles. Les rigoles circulaires découvertes dans certains tumuli ainsi que les maisonnettes funéraires et les charpentes de certaines sépultures sont considérées comme des détails intéressants de la cérémonie funéraire. Le mobilier funéraire est trèst abondant et varié.

Н. С. ШЕЛЯПИНА

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ УСПЕНСКОГО СОБОРА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В истории древнерусской архитектуры и раннемосковского зодчества особый интерес представляет Успенский собор 1326 г.— первая каменная постройка Москвы «во имя Успения святые богородица», как ее называют летописи.

Материалы архитектурно-археологических наблюдений, проведенных за последние годы в Успенском соборе, во многом обогатили и расширили представление об этом памятнике. Получены новые сведения о периоде, предшествующем строительству 1326 г. Впервые представилась возможность положить в основу изучения вопросов, связанных с первоначальной историей собора, вещественный документальный материал.

Как известно, основанием считать первым каменным храмом Москвы Успенский собор 1326 г. служило летописное свидетельство под 6834 г.: «Того же лета в госпожино говенье месяца августа в 4 день заложена бысть первая церковь каменая на Москве на площади Успения святые богородица, пресвященным митрополитом Петром и великим князем Иваном Даниловичем» [1].

Летописи не сохранили свидетельств о строительстве, относящемся к более раннему периоду, однако о нем имеются косвенные данные. В своем исследовании Н. А. Скворцов справедливо связывал летописное сообщение о погребении князя Юрия Даниловича в феврале 1326 г. с единственным письменным свидетельством о церкви, являвшейся предшественницей соборного храма Ивана Калиты, которую он считал деревянной [2].

По сообщению Львовской и Уваровской летописей, князь Юрий был погребен в приделе святого Дмитрия в Успенской церкви [3]. Однако в других письменных источниках существуют разночтения этого текста: Троицкая летопись, Псковская вторая летопись, Симеоновская летопись и летопись по Воскресенскому списку, составленная в конце XVI в., называют местом погребения Юрия Даниловича церковь архангела Михаила [4]. Те же данные о смерти и похоронах князя Юрия содержатся в Московском летописном своде конца XV в. Характерна одна и та же редакция этого текста: «...положиша его в церкви святого Архангела Михаила на десной стране» [5].

---

[1] ПСРЛ, XXV, стр. 167—168.

[2] Н. А. Скворцов. Археология и топография Москвы. М., 1913, стр. 196.

[3] ПСРЛ, XX, стр. 177; ПСРЛ, XXVIII, стр. 228.

[4] «Привезоша на Москву из Орды великого князя Юрья Даниловича, внука великого князя Александра Ярославича и положища его в церкви святого Архангела Михаила на десной стране». ПСРЛ, VII, стр. 19; М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М., 1950, стр. 351; ПСРЛ, V, стр. 217; ПСРЛ, XVIII, стр. 89.

[5] ПСРЛ, XXV, стр. 167.

Необходимо иметь в виду, что это сообщение свода 1480 г. в основном совпадает с известием Софийской I летописи, к тексту которой в Московском своде добавлена фраза о том, что убийство произошло «без цесарева слова, и не добро бяше и самому, что бо хто сеет, то и пожнет». В контексте Софийской I летописи, в Новгородской IV, в Суздальской летописи нет этой фразы, однако она есть в древнейшем памятнике — Синодальном списке Новгородской I летописи, XIV в.[6], откуда она, как видно, и была заимствована составителями Московского летописного свода. Важно отметить, что в тексте Новгородской I летописи нет указания на место захоронения князя Юрия, следовательно, сведения о его погребении в Архангельской церкви в Московской своде взяты не из первоисточника, а являются более поздней редакцией[7].

По свидетельству Никоновской летописи, содержащей источники, характер и происхождение которых до сих пор недостаточно изучены, Юрий Данилович был похоронен в Архангельской церкви[8]. Однако в основном академическом списке (II) слова «архангела Михаила» зачеркнуты и поверх них иным почерком написано: «Дмитрия»[9]. Стало быть, исправлявший текст знал, что погребение князя было совершено в Дмитровской церкви. Те же сведения мы находим в Степенной книге царского родословия 1560—1563 гг., где сообщается о погребении Юрия Даниловича в Дмитровской церкви и где имеется указание на местонахождение этой церкви: «иже есть ныне придел великия соборныя церкви»[10]. Большой соборной церковью был, как известно, Успенский собор. Следовательно, если верить этому источнику, место захоронения князя Юрия не Архангельская церковь и не придел Успенского собора, а Дмитровская церковь, стоявшая там же, где теперь Успенский собор.

Исследователи истории древней Москвы и архитектуры Успенского собора не раз возвращались к этим летописным текстам, комментируя их по-разному в соответствии со своей научной концепцией.

И. Е. Забелин справедливо указал на то, что ряд летописных свидетельств называет местом погребения князя Юрия придел великомученика Дмитрия в церкви Успения; другие указывают на Архангельский собор. Их авторы, по всей вероятности, руководствовались соображением о том, что все московские князья погребались в этой великокняжеской усыпальнице[11].

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с гипотезой И. Е. Забелина о том, «...что погребение совершалось если не в новозаложенном храме, то на определенном для храма месте и что придел храма во имя св. Дмитрия Солунского был построен над гробом великого князя»[12].

---

[6] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888, стр. 321—322.

[7] Ю. А. Лимонов. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, стр. 118.

[8] ПСРЛ, X, стр. 189—190.

[9] Начертание букв почти то же, что и в основном тексте. По заключению В. И. Малышева, почерк не моложе начала XVII в. Вероятно, исправление внесено редактором рукописи вскоре после ее написания. (БАН, Отдел рукописей, Никоновская летопись, Патриарший список. Основное собрание № 32—14—8, Л., 355 лицевой.)

[10] ПСРЛ, XXI, стр. 316.

[11] Вполне возможно, что в сообщение Троицкой летописи о погребении в 1304 г. князя Даниила Александровича в церкви Михаила Архангела вкралась та же неточность, что и в вопрос о месте захоронения Юрия Даниловича (см. М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 351). Этому свидетельству противоречит сказание о том, что в основанном Даниилом Александровичем Даниловском монастыре, где была поставлена соименная ему церковь Даниила Столпника, князь перед смертью принял схиму, но был погребен не в церкви, а «на монастыри, идеже и прочую братию погребаху». Известно, что Даниловскому монастырю в то время придавалось особое значение, в связи с чем его настоятели уже в XIII в. носили сан архимандритов — факт, говорящий в пользу достоверности этой версии (см. ПСРЛ, XXI, стр. 297—298).

[12] И. Е. Забелин. История города Москвы. М., 1902, стр. 74.

Как известно, Юрий Данилович был убит 21 ноября 1325 г., тело его привезли в Москву для похорон в феврале 1326 г.[13] Успенский собор был заложен 4 августа 1326 г., т. е. спустя почти полгода после захоронения князя.

Вполне вероятно, что вслед за погребением митрополита Петра в 1326 г. в Успенский собор перенесли и гробницу князя Юрия, поместив ее в южной апсиде в Дмитровском приделе. Это предположение находит подтверждение в летописном свидетельстве, относящемся ко времени строительства — 1472 г.: «И егда разбираша старую церковь, и тогда выняша ис стены церкви святаго Дмитреа мощи княжи Юрьевы Даниловича, великого князя всеа Руси, и вложше в раку древяну поставиша их на гробе Феогноста митрополита, иде же была церковь Поклонения вериг, и егде же зижуще церковь уготоваша место в тои же церкви в великом Дмитрее в стене на тои же стране. И принесше их ...положиша их тамо»[14]. Учреждение Дмитровского придела в постройке Калиты К. К. Романов справедливо связывает с упразднением отдельной церкви Дмитрия[15].

Закономерно было бы предположить, что мощи князя Юрия были первоначально захоронены в Дмитровской церкви незадолго до ее разборки в связи со строительством соборного храма в 1326 г., а затем были перенесены в эту постройку, где находились до 1472 г.

Погребение князя Юрия в церкви, соименной святому мученику Дмитрию Солунскому, по выражению И. Е. Забелина, соответствовало печальному событию, так как великий князь погиб за свое отечество, за свой город Москву.

Проведенные за последние годы археологические исследования в северной части современной Соборной площади позволили получить новые данные о первоначальном этапе каменного строительства одного из древнейших московских храмов[16]. В свете археологических данных теперь может быть решен вопрос о происхождении Дмитровского придела в Успенском соборе Кремля.

Изучение обнажений культурного слоя в шурфах у Архангельского собора и придела Иоанна Предтечи не обнаружило каких-либо следов некрополя, связанные с храмовой постройкой старше 1333 г. и свидетельствовавших о древней погребальной традиции на этой территории.

Наблюдение за земляными работами, проведенное Г. П. Латышевой и А. В. Никитиным в октябре 1966 —январе 1967 гг. у северного фасада придела Уара и вдоль северной стены собора, это подтвердили[17]. В траншее VI во II культурном слое к востоку от бывшей церкви Иоанна Лествичника в 1960 г. были вскрыты захоронения конца XV—XVI вв.[18] Погребений старше XV в. обнаружено не было. Правда, раскопки не доводились до отметок коренных грунтов, однако, если бы траншея прошла по территории некрополя, были бы встречены поврежденные захоронения древнейшего горизонта, располагавшиеся, по традиции, вокруг храма-усыпальницы. Проведенное в 1969 г. вскрытие культурного слоя до отметок материка в центральной части Архангельского собора также не

---

[13] Погребение было совершено в первую субботу великого поста, а так как пасха в 6833 г. была 7 апреля, то на первую субботу поста приходится 28 февраля. А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси. 1, СПб., 1891, стр. 69.

[14] ПСРЛ, XXV, стр. 294.

[15] К. К. Романов. О формах Московского Успенского собора 1326 и 1472 гг. МИА, 44, 1955, стр. 16.

[16] Раскопки проводились автором статьи, археологами М. Х. Алешковским и Д. А. Беленькой в связи с реставрационными работами и прокладкой каналов отопительной системы Архангельского собора. Архитектурный надзор осуществлялся главным архитектором музеев Кремля В. И. Федоровым. Графический материал и обмеры выполнены архитектором музеев Кремля О. Д. Кузнецовой. Фотофиксация Л. А. Сальникова. Работы консультировал М. Г. Рабинович.

[17] Раскопки были доведены до материка.

[18] Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович Археологические работы в Московском Кремле. СА, 1963, 1, стр. 262.

обнаружило древних грунтовых захоронений. Следовательно, версия о том, что Архангельская церковь была княжеской усыпальницей уже в XIII в. и даже ранее, не подтверждается археологически. Напротив, летописное свидетельство о погребении князя Юрия в Дмитровской церкви, там, где «ныне придел великия соборные церкви», документируется археологическими материалами.

В северной части соборной площади у стен Успенского собора и под ним раскопками 1963—1968 гг. было частично вскрыто и исследовано древнейшее многослойное кладбище Москвы. Зафиксировано 45 захоронений в грунтовых ямах [19] (рис. 1).

Инвентарь погребений и стратиграфические условия залегания датируют самый древний горизонт кладбища в подошве культурного слоя XII в. Наиболее поздние захоронения этого некрополя относятся к первым десятилетиям XIV в. По всей вероятности, кладбище, тяготевшее к Успенскому собору, занимало эту территорию вплоть до 1326 г., когда в северную часть Соборной площади был перенесен митрополичий двор. В шурфах в центральном нефе собора и под фундаментами стен были обнаружены грунтовые могилы, относящиеся к XIII в. В погр. 34 из шурфа 8, вскрытом Д. А. Беленькой в 1966 г., был найден фрагмент ткани, расшитой спиралями золотой нитью. Находка аналогична обрывку шитья из некрополя XIII в. на так называемом Северном городище Старой Рязани [20]. Следует предположить, что этот горизонт захоронений должен быть связан с синхронной ему церковью [21].

О каменном строительстве на севере Соборной площади в этот период времени свидетельствует прослойка белокаменной крошки, отесов камня и комьев известкового раствора, подстилающая мощный строительный слой начала XIV в. Чрезвычайный интерес представляли найденные на исследуемой территории архитектурные обломки грубой тески, фрагменты белокаменного декора (рис. 2 — 5) [22] и обломки керамических плит пола со скошенными бортами размером 15 × 15,5 *см*, толщиной 2—2,4 *см* (рис. 6, *в, г*). На их поверхности сохранились следы поливы желтого, либо зеленого цвета. Обжиг печной, неравномерный, трехслойный. Исследование поливы, произведенное в лаборатории спектрального и структурного анализа стекла при историческом факультете МГУ, показало, что глазурное покрытие плит из кремлевских раскопок аналогично поливе бытовой и строительной керамики XII — XIV вв.[23] Подобные плитки известны в памятниках архитектуры Владимира, Суздаля, Смоленска, Ярославля. Московские плитки, так же как поливные плитки церкви Иоакима и Анны во Владимире, сделаны из красной, грубо обработанной глины и имеют почти ту же толщину. Плитки с выпуклой рамкой на тыль-

---

[19] В 1913 г. архитектором И. П. Машковым и археологом С. С. Закатовым при реставрационных работах в Успенском соборе на той же территории было вскрыто несколько захоронений (фото в архиве Оружейной палаты). В 1965 г. следы древнего некрополя были обнаружены археологом М. Х. Алешковским (см. отчет в архиве Оружейной палаты). В 1966 г. кладбище исследовала Д. А. Беленькая. Ею было вскрыто 13 захоронений, в их числе два групповых перезахоронения. Д. А. Беленькая, А. Ф. Дубынин, К. А. Смирнов, А. А. Юшко. Работы в Москве и Подмосковье. АО — 1966, М., 1967, стр. 38.

[20] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, стр. 171, рис. 133.

[21] М. Г. Рабинович. Средневековая Москва (XI—XV вв.). «Доклады и сообщения археологов СССР на XII Международном конгрессе доисториков и протоисториков». М., 1966, стр. 238.

[22] В забутовке фундамента кладки 80—90-х годов XIV в., обнаруженной в раскопках 1965 г. у западной стены Успенского собора, была найдена база колонки, облик и пропорции которой напоминают колончатые пояса владимирских построек. Там же обнаружен белокаменный блок с фрагментами декоративной резьбы, выполненной в технике высокого округлого рельефа, характерного для декора владимирских памятников. Обе детали принадлежали разобранным ранее зданиям.

[23] Н. С. Шеляпина. Археологические наблюдения в Московском Кремле 1963—1965 гг. Древности Московского Кремля. МИА, 167, 1971, стр. 154.

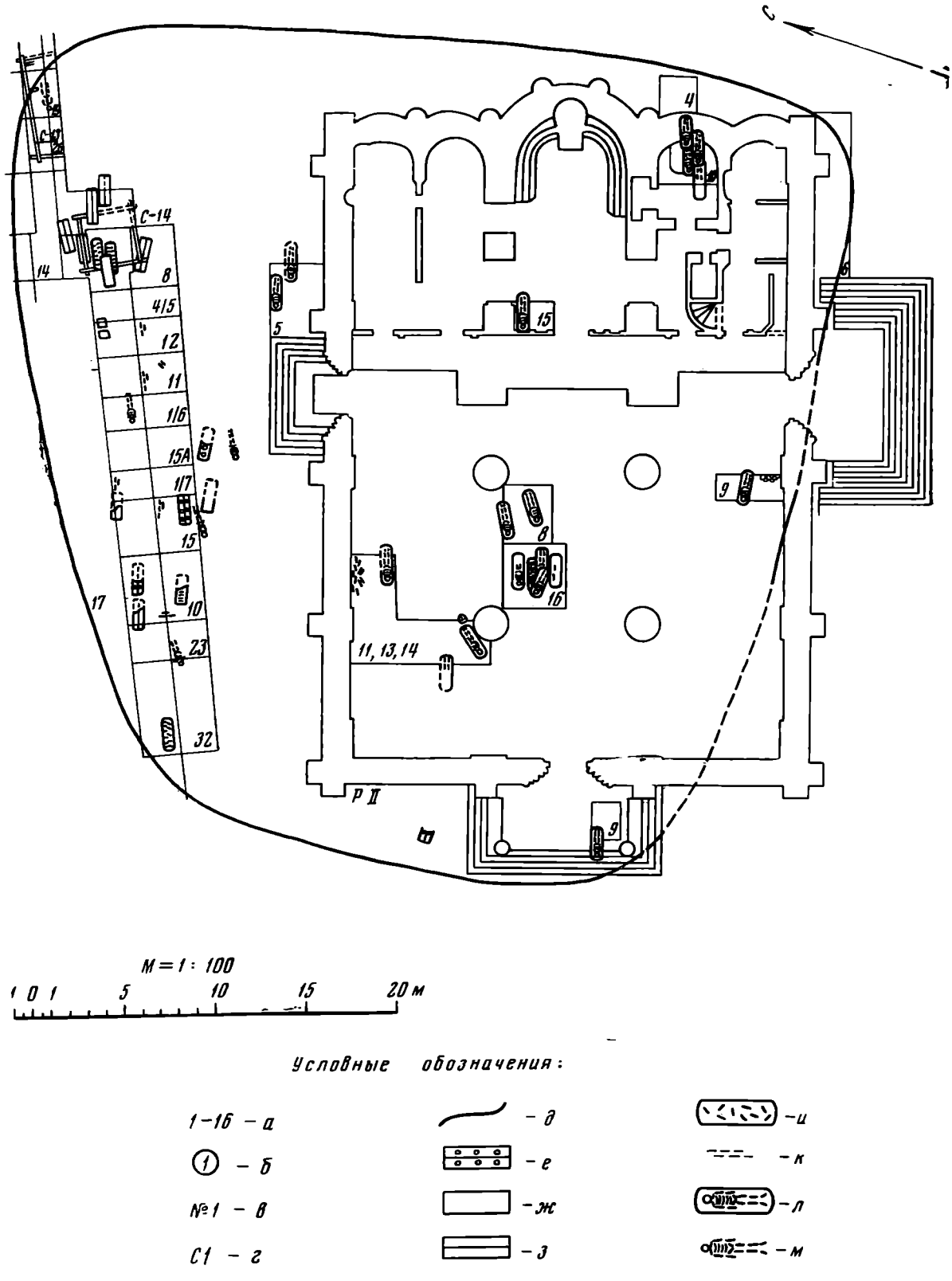


Рис. 1. Некрополь под Успенским собором Московского Кремля. Раскопки 1963—1968 гг.

Условные обозначения: а — номера шурфов, б — номера захоронений, в — номера могильных плит, г — номера срубов, д — прослеженная граница некрополя, е — орнаментированные белокаменные намогильные плиты, ж — гладкие белокаменные намогильные плиты, з — погребения в дубовых гробах ящичного типа на шипах с плоскими крышками, и — берестяной покров погребения, к — разрозненные костяки, л — погребения в деревянной долбленой колоде, обернутой берестой, м — погребения с несохранившейся гробовиной

ной стороне и квадратным углублением ближе всего к поливным плиткам Рождественского собора в Суздале 1222 — 1225 гг.

Дата поливных керамических плит пола и их принадлежность к древнейшим каменным постройкам Москвы была подтверждена недавней находкой в Архангельском соборе двух фрагментов, сохранившегося in situ пола постройки 1333 г. из желтых и зеленых плит с квадратным углублением и обломка фасонной керамической поливной плитки толщиной 1,5 *см* (со следами износа) в забутовке белокаменного фундамента этой церкви. Как показали раскопки, раннемосковские храмы, так же как памятники Южной Руси и Владимира, имели полы «моромора красного разноличного».

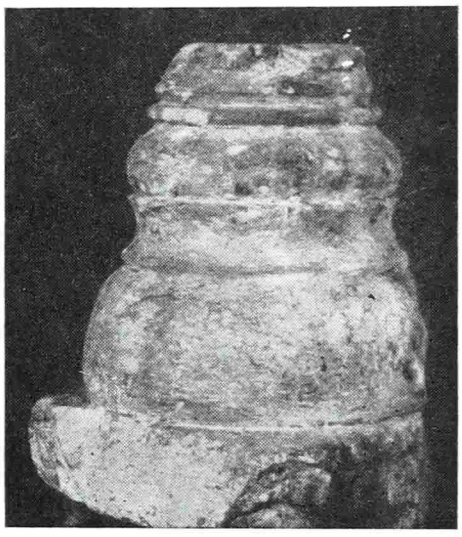


Рис. 2. База фасадной декоративной колонки из забутовки фундамента кладки конца XIV в.

Не менее важной находкой являлись обломки кирпича в слоях XIII — XIV вв. Кирпич маломерный, ручной формовки, слабого обжига размером 4,2 × 10 × 22 *см*. В этом же горизонте обнаружены обломки кирпича другого размера 3 — 3,7 × 15 — 16 × 30 — 32 *см* лучшего качества со следами формовки на доске.

При раскопках у Успенского собора впервые в культурном слое, в том же горизонте, были обнаружены обломки бывшей в употреблении красноглиняной полуцилиндрической черепицы в форме разрезанных надвое по продольной оси сосудов с выступом в виде венчика гончарного сосуда на одной стороне и с закраиной на другой. Установить ее размер по найденным фрагментам не удается. Черепица укладывалась на раствор, судя по следам извести на ее поверхности. Гончарная техника и характер глиняного теста говорят за то, что красноглиняная черепица не являлась продукцией московских гончаров, а могла быть привезена из южнорусских городов (рис. 6, *а, б*).

Топография находок этих строительных материалов и фрагментов архитектурного убранства указывает на то, что остатки древних каменных зданий могли находиться под Успенским собором 1475—1479 гг.

В 1968 г. во время археологических исследований в междустолпном пространстве Успенского собора к западу от его северо-восточного столба были обнаружены фрагменты кладки неизвестной ранее храмовой постройки. Это фундамент и низ цоколя стены с обработкой в виде трехчетвертной выкружки, фундамент и сохранившийся ряд надземной кладки столба. Квадратный в плане столб имел размеры 1,36×1,36 *м* (рис. 7). Толщина стены 1,36 *м*. Кладка выполнена в характерной для владимиро-суздальских построек полубутовой технике из тесаного белого камня с заполнением внутренней полости булыжником. Фундамент сложен из булыжного бута пролитого известковым раствором желто-серого цвета. Сужающийся к основанию фундамент несколько шире кладки стены — деталь, характерная для архитектуры древнего Галича и известная по постройкам Старой Рязани [24] и ряда владимиро-суздальских памятников [25]. По заключению лаборатории специальной научно-рестав-

[24] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, стр. 89.

[25] Аналогичная деталь прослежена в древнейшем памятнике владимиро-суздальского зодчества — Спасо-Преображенском соборе 1152 г. в Переславле-Залесском. Н. Н. Воронин. Раскопки в Переславле-Залесском. МИА, 11, 1949, стр. 200.

Рис. 3. Белокаменная резная деталь

Рис. 4. Белокаменная резная деталь (подъемный материал)

рационной производственной мастерской, известь в растворе магнезиальная с малым содержанием отощающих окислов, возможны примеси магнезита или доломита. Уширение фундамента пилона от внешнего обреза лицевой кладки от 10 до 70 *см*. Сваи под подошвой не обнаружены. О характере лицевой белокаменной кладки можно судить по сохранившимся блокам нижней части столба и внешнего обреза стены. Грубо обработанные теслом квадры разномерны (рис. 8). Их размеры колеблются в интервалах: длина от 30 до 50 *см*, высота от 15 до 30 *см*. Это еще одна характерная деталь техники кладки владимиро-суздальской школы. Блоки нижнего ряда кладки имели выступ, к которому примыкала несохранившаяся вымостка пола. На значительной площади вокруг столба была прослежена известковая подготовка под пол.

Стратиграфия слоев северного борта шурфа 8 со всей очевидностью свидетельствует о том, что храм — предшественник собора Калиты — был разобран не позднее 1326 г. (рис. 9). Здесь под подошвой фундамента столба храма 1475 г. сохранился участок булыжного бута и белокаменной кладки, аналогичной основанию столба церкви XIII в. Тонкая прослойка желто-серого известкового связующего отмечает время сооружения этого памятника. Поверхность кладки перекрыта мощным строительным слоем времени возведения храма 1326 г.

Рис. 5. Белокаменный резной блок из забутовки фундамента XIV в.

Руины неизвестной ранее постройки вскрыты ниже уровня дневной поверхности собора 1326 г., которая четко устанавливается по его фундаментному уступу (рис. 10). Не вызывает сомнения, что ко времени строительства 1326 г. занимавший почти ту же площадь каменный храм XIII в. перестал существовать. Валунный фундамент постройки заглублен с горизонта второй половины XIII в. в слой желто-серой супеси, нарушенной могильными ямами. Эта зона культурного слоя стратиграфически датируется второй половиной XII — первой половиной XIII в. В супесчаном грунте были обнаружены курганная керамика XII—XIII вв. и несколько обломков стеклянных браслетов, подтвердивших приведенное выше хронологическое определение [26].

Датировка архитектурных остатков была проверена и уточнена в результате исследования захоронений нижней зоны многослойного некрополя в подошве культурного слоя. Могильные ямы древнейших захоронений не нарушили слоя известковой подготовки пола вновь открытого храма. Одно из них обнаружено непосредственно под подошвой фундамента его столба.

Представляют интерес захоронения с остатками шелковых одежд и головных уборов с золотыми венчиками и фрагментами дорогих привозных тканей. Исследование захоронений нижней зоны некрополя позволило выявить наиболее древнюю его территорию, располагавшуюся под зданием и фундаментами стен Успенского собора. Должно быть, здесь и стояла деревянная церковь, к которой тяготели захоронения с богатым могильным инвентарем.

[26] При раскопках той же территории в 1966 г. Д. А. Беленькой также было обнаружено несколько фрагментов стеклянных браслетов в слое, перекрывающем кладбище. Д. А. Беленькая. Ук. соч., стр. 38.

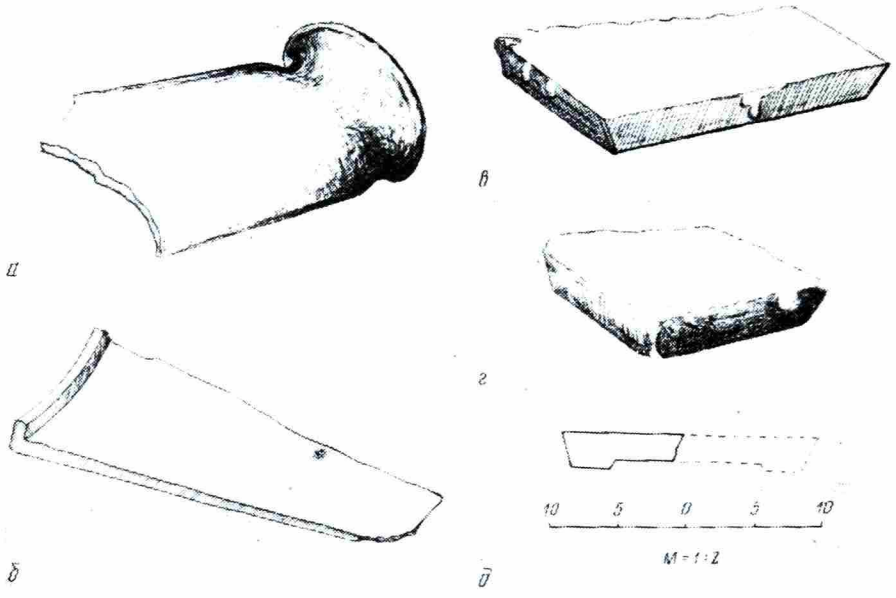


Рис. 6. Красноглиняная черепица (*а*, *б*) и керамические плитки (*в*, *г*) из горизонта конца XIII—XIV вв.

Важно отметить, что с этой, как видно особо почитаемой, храмовой постройкой связаны захоронения раннемосковской феодальной знати. В вопросе о месте погребения князя Юрия Даниловича необходимо учитывать эту древнюю, чрезвычайно устойчивую погребальную традицию.

Характерно, что нижний предматериковый слой, вскрытый под Успенским собором, резко отличается по консистенции от культурных напластований граничащей с ним территории. Желто-серый супесчаный грунт бёден вещевым материалом и керамикой и не содержит органических остатков, характерных для жилого слоя московского поселения XII—XIII вв. Не вызывает сомнения, что жилая и хозяйственная застройка поселения на территории современной Соборной площади располагалась вокруг наиболее высокой, центральной ее точки, где издавна сложился культовый центр и находилось городское кладбище.

Было бы естественно предположить, что в летописном упоминании о захоронении князя Юрия Даниловича в феврале 1326 г., когда не был еще выстроен храм Калиты, но еще стояла церковь, обнаруженная раскопками, речь идет именно об этом памятнике. Отсутствие в письменных источниках сообщения о нем и явилось причиной противоречивых толкований в исторической литературе о месте захоронения Юрия Даниловича.

Не исключено, что престол во имя великомученика Дмитрия Солунского мог быть перенесен в храм 1326 г. из разобранной ранее церкви, в свою очередь получившей его после упразднения стоявшего на этой же территории деревянного храма XII в.

Как известно, культ духовного патрона Всеволода — Дмитрия Большое Гнездо стал на Руси особо почитаем после 1196 г., в связи с принесением «доски гробной Дмитрия из Селуня» во Владимир и рождением у Всеволода в 1194 г. сына Владимира — Дмитрия. Вслед за Дмитриевским собором во Владимире (в княжение Всеволода) как бы в подражание ему появляется Дмитровская церковь в г. Дмитрове. Видимо, она и была первым храмом этого города. Если исходить из широко распространенной в домонгольской Руси преемственности исторической топонимики стольных городов, то строительство Дмитровской церкви в Москве нужно рассматривать как явление вполне закономерное.

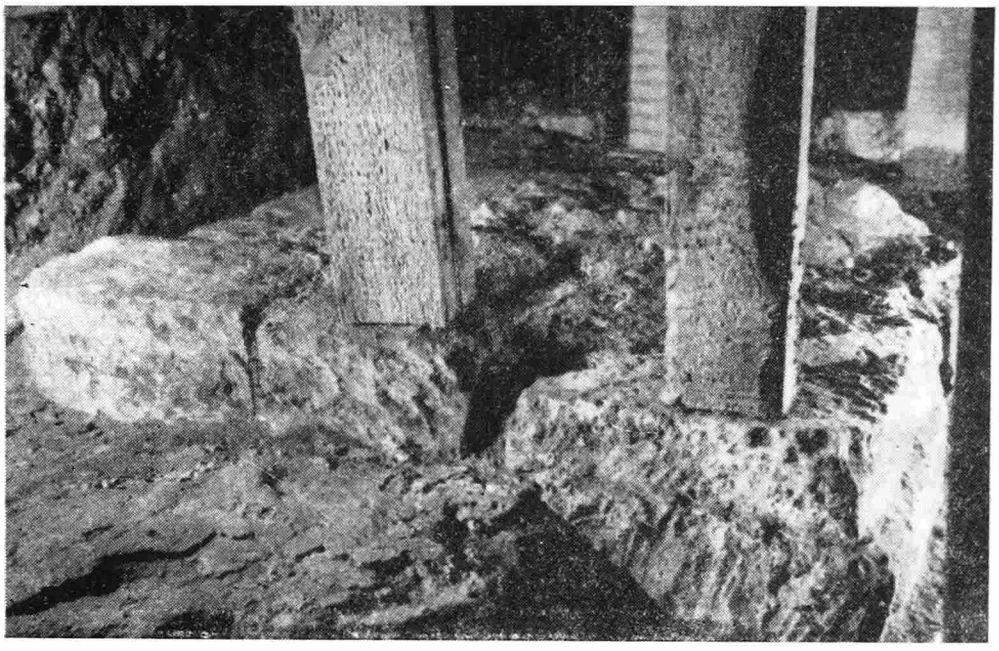


Рис. 7. Основание белокаменного столба храма конца XIII в.

Существует мнение, что первоначальным московским собором была церковь Спаса [27], построенная вслед за церковью 1285 г. в Твери. Церковная традиция освящения церквей в честь Спаса, идущая от черниговского собора Спаса Преображения с XI в., находит отражение в Переславле-Залесском, Нижнем Новгороде, Галиче, Торжке, Ярославле.

Основанием полагать, что и в Москве древнейший храм был посвящен Спасу, послужило сообщение тверской летописи под 6826 г. о захоронении в церкви Спаса в Москве тела Михаила Ярославича Тверского, привезенное сюда из Орды. Однако в тексте летописи: «...привезше на Москву, и положиша его в церкви святаго (Спаса)» [28] слово «Спаса» взято в скобки. Следовательно, это не текст летописи, а вставка издателя либо редактора. По другому контексту [29], князь был захоронен «...в церкви святого Спаса в монастыри...». Как предполагал И. Е. Забелин, летопись имеет в виду деревянную церковь Спаса на Бору. Можно предполагать, что помимо этой культовой традиции в посвящении одного из первых каменных храмов Москвы святому Дмитрию Солунскому могла найти отражение ориентация на прославленный Дмитриевский собор Владимира.

Московский Успенский собор 1326 г. справедливо назван в летописных списках первым каменным храмом во имя Успения. В свете последних данных становится ясно, что это свидетельство имело в виду не первую каменную постройку Москвы, а первый храм «на Москве на площади во имя Успения пресвятой богородицы». Только в таком контексте можно встретить сообщение о постройке каменного храма Москвы во всех летописных свидетельствах.

Известно, что возведению раннемосковских храмов в XIV в. предшествовало большое по тому времени монастырское строительство второй половины XIII в. В 1271 г. на правом берегу Москвы-реки князем Даниилом Александровичем был заложен один из старейших монастырей Москвы — Даниловский [30]. От этой постройки частично сохранились

---

[27] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 20.
[28] ПСРЛ, XV, стр. 412.
[29] ПСРЛ, XXV, стр. 166.
[30] «Православные Русские обители». СПб., 1909, 1, стр. 280; По другим источникам, монастырь был основан в 1282 г. См. «Указатель церквей и часовен Китай-города». М., 1916, стр. 3.

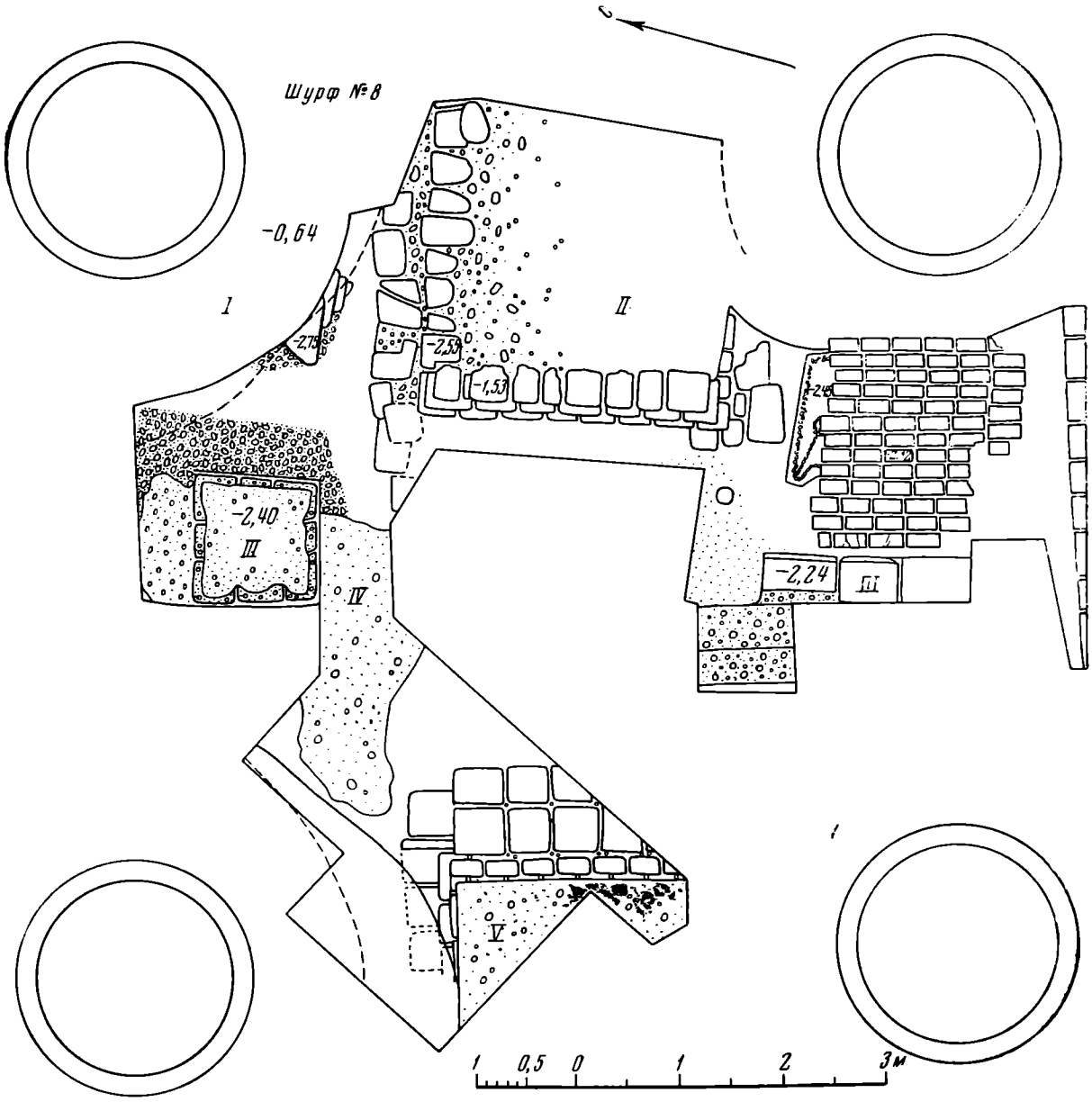


Рис. 8. Успенский собор. План шурфов 8 и 16. Условные обозначения:

I — уширение северо-восточного столба собора 1475—1479 гг., II — остатки белокаменной кладки собора 1326 г., III — остатки белокаменной кладки храма 80—90-х годов XIII в., IV — известковая подготовка пола храма 80—90-х годов XIII в.

белокаменные подвалы, лежащие в основании кладки более позднего соборного храма[31]. Ко времени княжения Даниила Александровича относится постройка еще одного московского монастыря — Богоявленского, основанного, по монастырской записи в 1292 г., в Китай-городе[32]. Важнейшие данные могут быть получены в результате исследования культурного слоя и древних каменных кладок зданий Крутицкого монастыря, первые постройки которого, по преданию, возникли также во время княжения Даниила Александровича.

По предположению М. Н. Тихомирова, храм на Крутицах был основан уже в XIII в.[33] И наконец, если верить летописным сказаниям, в XIV в. уже существовал Высокопетровский монастырь, хотя время основания этой обители неизвестно[34].

---

[31] В. Л. Снегирев. Московское зодчество. Очерки по истории русского зодчества XIV—XIX веков. М., 1948, стр. 24.

[32] «Православные русские обители», стр. 278.

[33] М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 15.

[34] «Православные русские обители», стр. 278.

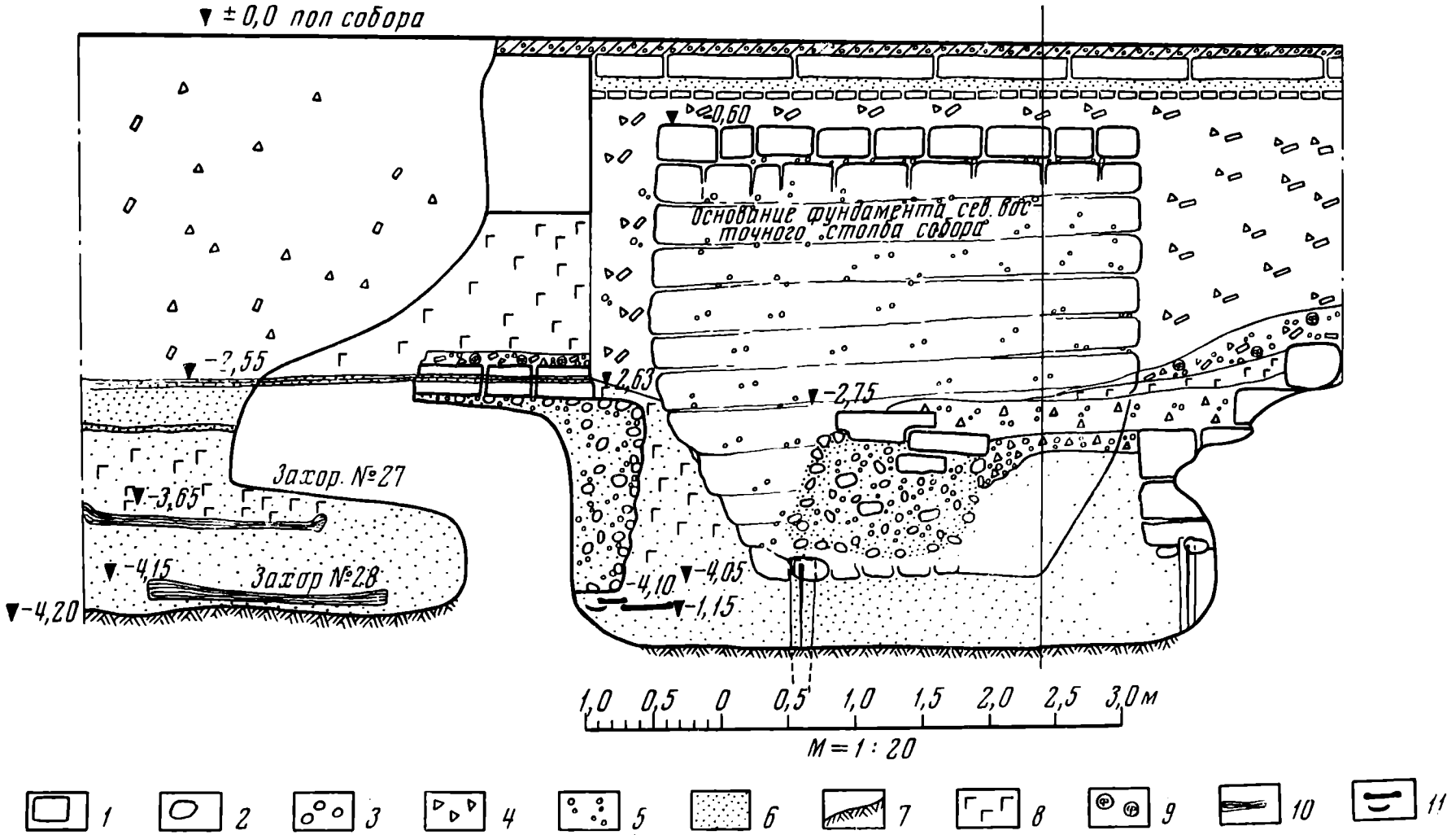


Рис. 9. Успенский собор. Северный и развертка восточного профиля шурфов 8 и 16

1 — белокаменные блоки, *2* — белокаменный бут, *3* — валуны, *4* — кирпичный щебень, *5* — известковый раствор, *6* — желто-серая супесь, *7* — материк, *8* — гумированный грунт, *9* — обломки штукатурки с фреской, *10* — остатки дерева, *11* — захоронения

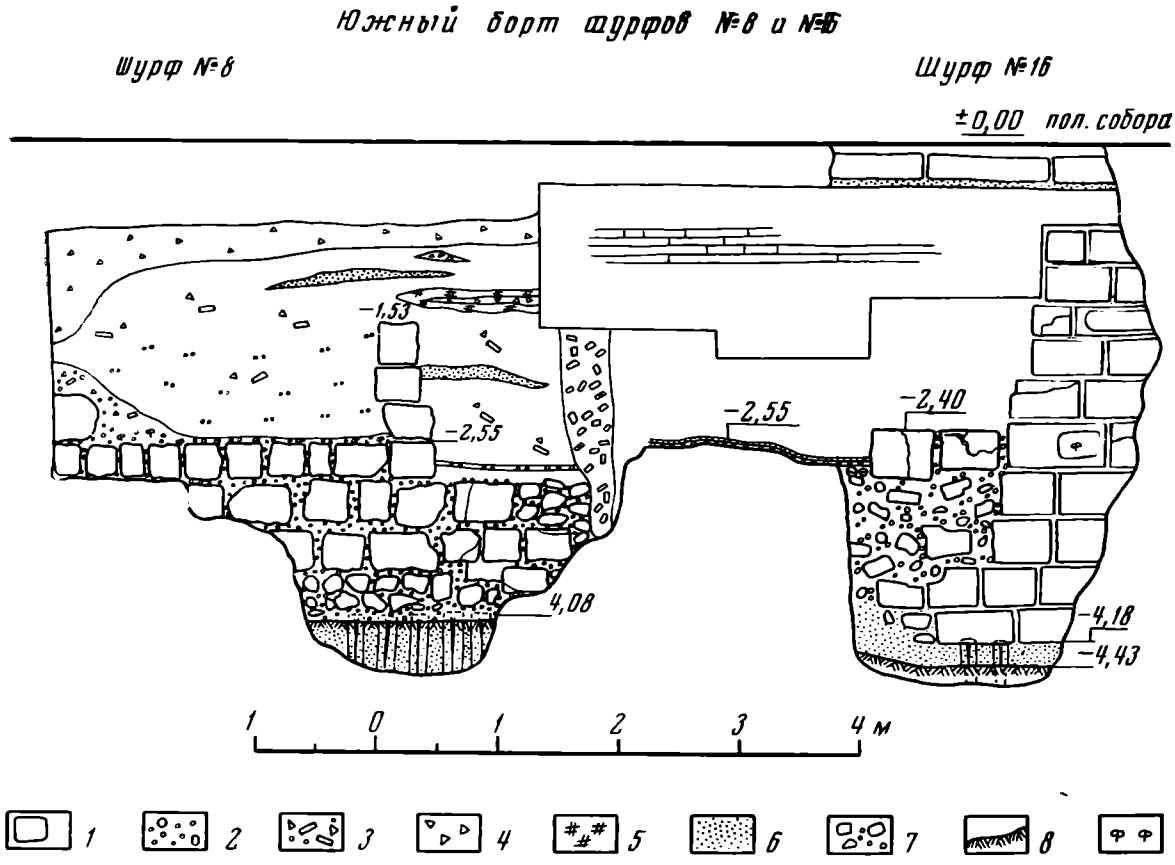


Рис. 10. Успенский собор. Южный профиль шурфов 8 и 16

Обнаруженная раскопками в Кремле каменная церковь, предшественница Успенского собора 1326 г., могла быть построена в тот же отрезок времени в 80 — 90-х годах XIII в., в период княжения Даниила Александровича, основателя династии московских князей.

Как известно, окончательное территориальное и политическое выделение Московского княжества из княжения Владимирского происходит не ранее 70-х годов XIII в. В этот период Москва становится столицей удельного княжества.

Нельзя не согласиться с хорошо аргументированной точкой зрения В. А. Кучкина о стремительном росте значения московского князя в политическом развитии северо-восточной Руси 80 — 90-х годов XIII в., о чем свидетельствует хотя бы такой факт: вставший во главе молодого московского княжества Даниил Александрович уже через 15—20 лет после своего вокняжения в Москве находит достаточно сил и средств, чтобы вступить в борьбу с владимирским великим князем и занять Новгородский стол. Такая политическая активность Даниила несомненно основывалась на быстром экономическом росте Московского княжества[35]. В этот период были созданы основные предпосылки политического и экономического подъема Москвы, ознаменованного большим каменным строительством в XIV в.

Как известно, в 1285 г. в Твери был заложен каменный Спасо-Преображенский собор с придельной церквью во имя святого Дмитрия — храм, ставший княжеской усыпальницей. Несомненна связь этого события со строительством каменного храма в Москве.

Таким образом, создание каменного храма в центре Москвы в конце XIII в. диктовалось и политической обстановкой того времени. В этой

[35] В. А. Кучкин. Роль Москвы в политическом развитии северо-восточной Руси конца XIII в. Сб. «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 64.

связи необходимо обратить внимание на союз московского княжества с Переславлем, в котором княжил брат Даниила Александровича князь Дмитрий Александрович. Исследователи считают, что союз этих княжеств и Твери, руководимый с середины 90-х годов XIII в. Даниилом Александровичем, был одним из факторов, определивших политическое развитие северо-востока Руси и способствовавших возвышению Москвы. Не исключено, что в возможном посвящении одного из первых каменных храмов Москвы великомученику Дмитрию нужно также усматривать связь с политическими устремлениями Даниила. Не случайно, сын Дмитрия Переславского Иван, умирая бездетным, в 1302 г. отдает свою вотчину, Переславль, Даниилу Александровичу московскому. По словам летописи: «бе бо Данило отцу его великому князю Дмитрию Александровичу родной брат, мезиный же сын Александров Данило сей московский того же любяще паче инех...» [36].

Недолго простоявши, раннемосковский каменный храм мог пострадать как от пожаров или стихийных бедствий, так и от вражеских набегов [37]. Известно, что в 1293 г. во время усобицы сыновей Невского князей Андрея и Дмитрия Москва в числе 14 городов была взята татарским царевичем Дюденей и сожжена. Татары «...всю землю пусту створиша», рассказывает летопись [38]. К тому же нужно учитывать ветхость крепостных укреплений Москвы, вынудившую начать в 1339 г. строительство нового кольца городских стен.

Таким образом, отсутствие сведений письменных источников и недостаточная изученность остатков кладок древних сооружений послужила основанием распространенной точки зрения о начале каменного строительства Москвы со времени Ивана Калиты.

Вновь полученные данные доказали, что начало раннемосковского церковного зодчества восходит ко второй половине XIII в. и, по всей вероятности, тесно связано с владимиро-суздальской архитектурной традицией, являясь как бы связующим звеном между памятниками этого круга и зодчеством московской школы XIV—XV вв.

Чрезвычайный интерес представляют находки строительной поливной керамики, глиняной кровельной черепицы в слоях XIII—XIV вв., указывающие на связь Москвы с Южной Русью, строительные традиции которой продолжали жить в городах Северо-Востока после ее разгрома татарами.

Говоря о роли архитектурной традиции, необходимо учитывать и то, что она была одним из средств сохранения национальной независимости в условиях татарского ига. По справедливому замечанию Н. Н. Воронина, элемент традиции в зодчестве XIII—XV вв. являлся в первую очередь выражением прочности и стойкости русской национальной художественной культуры [39].

В итоге археологических работ было документально подтверждено предположение о том, что центр ансамбля Соборной площади Кремля определился в глубокой древности, задолго до строительства Калиты. Успенский собор 1326 г., ставший усыпальницей митрополитов, был первым в Москве каменным храмом во имя Успения.

Обнаруженная раскопками, по всей вероятности Дмитровская, церковь, построенная Даниилом Александровичем в центральной части древнего некрополя, могла служить прототипом Успенского собора 1326 г.

---

[36] ПСРЛ, X, стр. 174.

[37] «В лето 6788... быша громове страшни и ветри мнози и вихри велици и буря силна и молния многа и многи люди гром поби, и мнози молниями попалени быша, инде же вихор силен взя двор изо основания и с людьми и со всем отнесе прочь». ПСРЛ, XXV, стр. 152—153.

[38] Там же, стр. 157.

[39] Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси. II, М., 1962, стр. 134.

Как показали исследования, каменная церковь Москвы была современником Спасо-Преображенского собора 1285 г. в г. Твери, строительством которого, как считалось ранее, начиналось возрождение белокаменного храмового зодчества в Средней Руси после татарского нашествия. Возведение каменного храма в Москве было, видимо, продиктовано стремлением утвердить собственно Московскую строительную традицию, отражавшую возросшее политическое и культурное значение Москвы — будущей столицы Русского централизованного государства.

Вопрос о том, каковы конструктивные и архитектурные особенности древнейшего московского каменного храма, предстоит решить в ходе дальнейших архитектурно-археологических исследований в Успенском соборе.

N. S. Chéliapina

CONTRIBUTION A L'HISTORIQUE DES ETUDES DE LA CATHEDRALE DE LA DORMITION DU KREMLIN A MOSCOU

Résumé

Les recherches architecturales et archéologiques effectuées au cours de ces dernières années dans la partie nord de la Place de Cathédrale actuelle (Sobornaïa plochtchad') ont permis d'obtenir de nouvelles données relatives à l'étape initiale de la construction «en pierre» sur ce territoire du Kremlin. En conformité avec le texte des Chroniques la cathédrale de la Dormition de 1326 est considérée en tant que première église de pierre à Moscou. Dans les sources écrites dont nous disposons il n'y a pas de données sur une étape plus ancienne de la construction. Les études des couches archéologiques dans les sondages, pratiqués dans la partie centrale du nef médiane de la cathédrale ont révélé les vestiges des maçonneries en pierre de la cathédrale datant de 1326 et une maçonnerie de la cathédrale rattachée à la IIme moitié du XIIIe siècle avec un cimetière y attenant.

Le monument récemment découvert pouvait être construit sur l'ordre du prince Daniil Aleksandrovitch, fondateur de la dynastie des grands princes de Moscou. Les particularités des maçonneries mises au jour et celles du décor architectural font preuve des traditions très prononcées architecturales, artistiques, constructives et techniques propres à l'école architecturale de Vladimir et Souzdal.

La stratigraphie de la couche archéologique montre que la date de la démolition du premier temple moscovite en pierre ne peut pas être postérieure à 1326, ce qui fut lié à la construction de l'église, selon l'ordre d'Ivan Kalita, qui remonte justement à cette année. Il n'est pas exclu que l'autel de la chapelle consacrée à la vénération de Dmitri Solounsky fut transféré à la cathédrale de 1326 justement de l'église antérieurement abolie qui était consacrée à ce Saint. La détermination chronologique des vestiges architecturaux mis au jour pendant les fouilles a été vérifiée et précisée par des études des sépultures de la zone inférieure de la nécropole multicouche de l'ancienne Moscou.

М. И. БЕЛОВ, О. В. ОВСЯННИКОВ

РАСКОПКИ МАНГАЗЕИ

(некоторые итоги исследования 1968—1969 гг.)

Изучение городища Мангазеи представляет интерес как для археологов, так и для историков-документалистов, в особенности специалистов по истории Русского Севера и Сибири[1]. Построенный на Тюменском Севере в начале XVII в., город Мангазея сыграл исключительную роль в прокладывании морских и речных путей в глубинные районы Сибири, в географическом открытии и первоначальном освоении новых зауральских территорий. Мангазея по праву считалась торговой столицей Севера Сибири, важнейшим опорным пунктом, от которого на север и восток в радиусе 500 *км* и более распространялось русское влияние на земли, заселенные кочевыми самодийскими и эвенкийскими племенами[2]. Мангазейское воеводство, самое северное из сибирских уездов и самое богатое пушниной, давало на всероссийский рынок до 100 тыс. соболиных шкурок. «Пушной Клондайк» — Мангазею XVII в. называли «златокипящей государевой вотчиной».

Необычна судьба этого русского города в Сибири. Просуществовав немногим более 70 лет, он был оставлен ремесленным людом и стрелецким гарнизоном, перебравшимися по приказу царя Алексея Романова на Енисей в Туруханское зимовье, которое после возведения в 1672—1676 гг. городовых деревянных укреплений официально стало называться городом Новой Мангазеей. К Туруханску окончательно отошло и административное управление громадным уездом, раскинувшимся от правого берега Оби и Обской губы до левых притоков Лены, включая все северные районы, в том числе Таймырский полуостров. Хотя причины запустения, а затем и оставления древней Мангазеи еще и сегодня являются предметом изучения, бесспорно, что судьбу города решили три взаимосвязанных события: истребление главного пушного зверя — соболя (жалобы на «беспромыслицу» в Мангазее стали раздаваться уже в 30-х годах); запрещение в 1619 г. Мангазейского морского хода — морского и речного пути из Русского Поморья в Обскую и Тазовскую губы, что было сделано царским двором в целях предотвращения возможности захвата пушного рынка со стороны западноевропейских военно-торговых экспедиций, появившихся в XVI в. в арктических водах; наконец, перемещение торговых и казенных дорог с севера на юг, с «черезкаменного» (Северо-Уральского) направления на Камо-Верхотурское и Тоболо-Маковско-Енисейское, ставшее главным для продвижения основных масс русского населения, устремив-

---

[1] Экспедицию ордена Ленина Арктического и антарктического научно-исследовательского института в Мангазею в 1968—1969 гг. возглавлял д-р истор. наук, проф. М. И. Белов. От Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в полевых работах принимал участие младший научный сотрудник О. В. Овсянников.

[2] М. И. Белов. Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. М., 1951, стр. 41—52.

шегося в бассейны Лены и северо-восточных рек— Яны, Индигирки, Колымы, Анадыря, а также на Охотское побережье.

Широкий научный интерес к Мангазее возрастал по мере накопления и изучения письменных документов. Письменные документы и источники сохранились в довольно скудном объеме: во время грандиозного пожара Мангазеи 1642 г. погибла, по всей вероятности, значительная их часть. Перевезенные в Туруханск остатки мангазейского архива вновь пострадали во время пожара 1711 г. Лишь сохранившаяся часть архива была обследована Г. Ф. Миллером и его группой во время 2-й Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) [3]. Значительное количество документов, касающихся внутренней жизни города, но неравноценных по значимости, хранятся в фондах Сибирского Приказа, в Приказе Старых дел (ЦГАДА).

Тот интерес, который проявился к Мангазее, несомненно отражает особое значение этого города на начальном этапе освоения Сибирских земель [4].

Городище древней Мангазеи было открыто для науки в 1862—1864 гг., когда снаряженная известным энтузиастом исследования Севера М. К. Сидоровым экспедиция во главе с Ю. И. Кушелевским, следуя из Обской и Тазовской губ. по р. Таз на Енисей, в Туруханск, посетила старое городище «Я видел,— писал Ю. И. Кушелевский,— очень заметные следы некогда существовавших зданий города Мангазеи, а у его обрушившегося берега реки Таз нависший над водою огромной величины гроб из лиственных досок. Здесь у гроба поставили крест» [5].

Вторично городище Мангазеи посетил В. О. Маркграф. «На месте, где значится «часовня», из высокого берега, подмываемого рекою,— сообщил он,— обнажаются бревна подвальных построек некогда бывшего здесь города Мангазеи» [6]. В 1914 г. омский биолог И. А. Шухов, участник Северо-Енисейской экспедиции Переселенческого управления, не только побывал на городище, но и пытался вести раскопки: «Пытался вести раскопки, но грунт оттаял на $^3/_4$ аршина, несмотря на конец лета» [7]. В 1927 г. на городище побывал Р. Е. Кольс во время попутных маршрутов Тазовской гидрографической экспедиции Географического общества [8]. Началом научного археологического изучения мангазейского городища явились разведочные работы В. Н. Чернецова в 1946 г., в результате которых была проведена визуальная съемка плана городища и остатков деревянных сооружений [9]. Даже незначительные по объему работы 1946 г. показали перспективность широкого археологического изучения этого русского города.

Основная задача Мангазейской комплексной историко-географической экспедиции 1968—1969 гг. состояла не только в обстоятельной разведке

---

[3] Г. Ф. Миллер. История Сибири. I, М.— Л., 1937; II, М.— Л., 1941. Копии документов, просмотренных Г. Ф. Миллером, опубликованы в Приложениях к этим двум томам. Сами копии хранятся в архиве АН СССР, фонд 21 (так называемые «Портфели Миллера»).

[4] Г. Ф. Миллер. История Сибири. I—II; П. Н. Буцинский. К истории Сибири. Мангазея и Мангазейский уезд (1605—1645). Зап. Харьков. ун-та, I, Харьков, 1893; Б. М. Житков. Город Мангазея и торговый путь через Ямал. «Естествознание и география», 1903, V; Д. Анучин. Город Мангазея в Мангазейской Земле. «Землевладение», IV, М., 1903; С. В. Бахрушин. Мангазейская мирская община XVII в. Научные труды, III, М., 1955; его же. Андрей Федорович Палицын. Там же; его же. Легенда о Василии Мангазейском. Там же; его же. Пути в Сибирь в XVI—XVII вв. Там же; М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. I, М., 1956, стр. 106—127; его же. Мангазея. Л., 1969; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.

[5] Ю. И. Кушелевский. Путевые записки. Тобольск, 1864, стр. 45.

[6] Р. Е. Кольс. Река Таз. Л., 1930, стр. 27.

[7] И. Н. Шухов. Общий обзор реки Таз. Ачинск, 1915, стр. 9, 10.

[8] Р. Е. Кольс. Ук. соч.

[9] В. Н. Чернецов. О работах мангазейской экспедиции. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 159—162.

культурного слоя поселения, выработке методики исследования в условиях вечной мерзлоты, но и в тщательном исследовании наиболее важных и интересных участков городища [10].

Мангазея имеет типичное для древнерусских городов деление на кремль (город) и посад. Кремль занимает более возвышенную часть берега, с южной стороны выходит к р. Таз, с западной — к Ратиловскому ложку, с северной — в зону лесотундры и с восточной — в сторону посада (рис. 1). Границы крепости с западной и северной сторон четко прослеживаются по характеру растительности.

Время появления оборонительных сооружений в Мангазее по письменным документам определяется 1601 годом. В наказе 1601 г. мангазейским воеводам кн. Василию Мосальскому и Савлуку Пушкину предписывалось построить острог, если такового по прибытии они не обнаружат: «...розыскать места лутчево, которое бы место было угодно, накрепко, и водяно, и ласно, и впредь бы в том месте острогу стоять было мочно» [11]. Вокруг острога надлежало сделать надолбы и «всякие острожные крепости». Документы косвенно подтверждают, что этим воеводам удалось начать или даже завершить постройку первой мангазейской крепости, так как в наказе следующим воеводам, отправившимся из Москвы в 1603 г., надлежало принять «острог и на остроге наряд, казну, и зелье, и свинец, и всякие пушечные запасы» [12]. Время возведения городовых укреплений в Мангазее точно называется в сохранившемся отрывке Мангазейской городской летописи: «во 115 (1607) году зарублен город Мангазея на Тазе реке, а зарубал тот город Давыд Жеребцов» [13]. Эта дата подтверждается другими документами: в 1606 г. воеводы Давыд Жеребцов и Курдюк Давыдов приняли острожные укрепления [14], а сдавали следующим воеводам «ключи от города и острога и на городе и остроге наряд» [15]. «Росписной список» Мангазеи 1625—1626 гг. сохранился, по всей вероятности, не полностью и дает представление лишь о городовых укреплениях [16].

Военно-оборонительные сооружения Мангазеи исследовались как большими раскопами, так и шурфами. В большинстве случаев остатки деревянной крепости залегали сразу же под дерном и поэтому сохранились плохо (зачастую в виде древесной трухи). Удалось обнаружить остатки трех башен и фрагменты стен между ними: северо-западная угловая Ратиловская башня, северная угловая Успенская (обе глухие, четырехугольные) и четырехугольная воротная Спасская башня на северо-восточной стене города (рис. 1).

На некоторых участках городской стены прослежены следы ремонтных работ (после пожара), в целом размеры городовой стены (ширина городен, длина прясел) соответствуют данным обмера Мангазейского города по «Росписному списку».

Письменные документы не давали возможности определить роль и место острожных укреплений в Мангазее. Во время исследований городовых стен и башен было определено местонахождение первоначальной крепости — острога. Остатки острожных стен прослежены почти на всех сохранившихся сторонах города. В раскопе № 2 (рис. 2) наиболее наглядно

---

[10] М. И. Белов, О. В. Овсянников. Раскопки древней Мангазеи. АО — 1968, М., 1969, стр. 246—248; их же. Новое о Мангазее. АО — 1969, М., 1970, стр. 213—214. В полевых работах приняли участие географы ААНИИ (Р. И. Юнак, А. П. Балабаев, Е. П. Котрехов), собравшие ценные материалы для физико-географической характеристики района, изучения его почв, особенностей мерзлотных явлений, прогрессирующего разрушения правого берега реки Таз в районе городища под воздействием оползневых и сгонно-нагонных процессов.

[11] Г. Ф. Миллер. Ук. соч., I, стр. 397—401.

[12] Г. Ф. Миллер. Ук. соч., II, стр. 174.

[13] ААН, ф. 3, оп. 1-а, д. 193.

[14] ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 91.

[15] Там же, л. 99.

[16] РИБ, II, СПб., 1875, № 135.

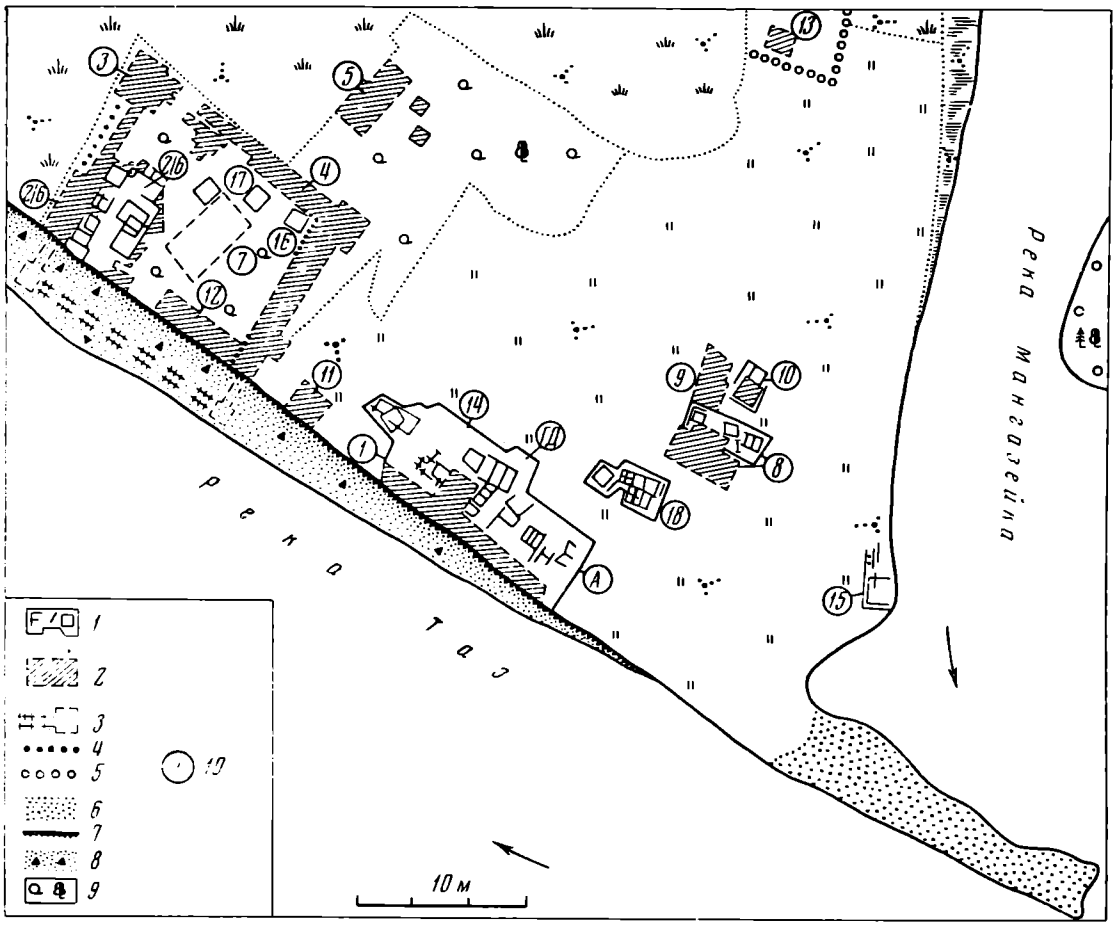


Рис. 1. План Мангазейского поселения

1 — раскопы, вскрытые в 1968 г.; *2* — раскопы, вскрытые в 1969 г.; *3* — части городовых укреплений, упавших в р. Таз; *4* — участки острожных стен; *5* — деревья; *6* — бичевник р. Таз; *7* — береговой обрыв; *8* — участки бичевника с подъемным материалом; *9* — группа деревьев; *10* — номера раскопов

видна вся система мангазейских военно-оборонительных сооружений: почти впритык к ряду вертикально стоящих бревен (острожная стена в этом раскопе открыта на протяжении почти 10 *м* — кв. А-2-5) шла городовая стена, рубленная городнями. Сохранившиеся в один венец городни были положены на тонкий слой щепы, лежащей на материке. Таким образом, мангазейские военно-оборонительные сооружения не являются исключением среди других сибирских городов, когда остроги возникают как временные крепости, заменявшиеся через несколько лет более мощными деревоземляными укреплениями — городами. Дендрохронологический анализ спилов с городовой стены дал следующую дату: время возведения ее — 1607 г. [17]

Мангазейский острог, а впоследствии и город, по своей конфигурации — обычный для рубежа XVI—XVII вв. пятибашенный кремль-детинец с регулярной планировкой [18].

Внутри крепости исследовались гражданские и церковные постройки, в том числе приказная изба, комплекс воеводского двора, а также остатки Троицкой соборной церкви, имевшей западный притвор (в алтарной части собора открыто шесть детских и взрослых захоронений).

[17] Предварительные даты дендрохронологического материала, которые использованы авторами в данной статье, определены научным сотрудником Института экологии АН СССР (Свердловск) канд. биол. наук С. Г. Шиятовым. Абсолютные даты мангазейской древесины даны по разработанной С. Г. Шиятовым шкале абсолютных дат для Обского Севера.

[18] Сведения В. Н. Чернецова о расположении башен с внутренней стороны стен ошибочны, острожная стена была принята им за свайный фундамент под башни.

Особый интерес представляет большой жилищно-хозяйственный комплекс воеводских построек (раскоп № 2, затем к нему сделана прирезка — раскоп № 6) (рис. 2).

В 1968—1969 гг. изучался этот участок кремля, его стратиграфия. Удалось расчленить два строительных периода: горизонт I (первичная застройка — рис. 3) и более поздний — горизонт II (рис. 4).

Горизонт I. Срубы *а* (кв. ББВГ-1), *б* (кв. ББ-3, 4), *в* (кв. ББ-4, 5), *г* (кв. ДЕ-2-4), *ж* (кв. ББ-6, 7), *д* (кв. ГД-8) и *и* (кв. ГДЕ-4-6) поставлены на нетолстом слое щепы (около 10 *см*). Стратиграфически к этому горизонту относятся острожная и городовая стена, а также части бревенчатой ограды (кв. ББ-8, ДЕ-7, Е-6, 7). Срубы *а* и *б*, между которыми располагались сени, составляют большую трехчастную постройку — связь.

Сруб *а* сохранился лишь частично (ширина сруба 6,2 *м*), в его северо-восточной стене открыты остатки древнего проема с фрагментами дверной колоды и дверей. Пол сруба замощен досками, уложенными на брусковые лаги.

С северо-восточной стороны сруба *а* примыкали сени; юго-восточная и северо-восточная стенки сеней сооружены из горизонтально лежащих бревен, обтесанные концы которых забраны в вертикальные пазы врытых столбов. Постройка заканчивалась срубом *б* (размеры сруба 4 × 4 *м*, бревна сохранились в три венца), в юго-восточной стене — остатки древесного проема, пол вымощен слегка подтесанными бревнышками, концы которых врублены в паз на бревне, лежащем на окладном венце. Любопытно, что сени имеют только три замкнутые стены, северо-западная же стена заканчивается задним корридором (кв. Б-3). Учитывая то, что подклеты срубов *а* и *б* могли использоваться в качестве хозяйственных помещений, этот корридор служил своеобразным черным проходом в нижний этаж здания.

У северного угла сруба *б* начинался небольшой заборчик из вертикально врытых бревен протяженностью около 1,5 *м*; забор, очевидно часть круговой ограды (об этом дальше), упирался в сруб *в*.

На территории южной половины раскопа находился еще один сруб — *г*. Это остатки большого (6,5 × 6 *м*), отдельно стоящего дома. В северном углу сруба остатки печи (значит, подклет был теплым), пол замощен досками и положен на лаги. В юго-западной стене сруба остатки дверного проема.

Территория между постройками замощена досками, положенными на подкладки (в вымостке использовались даже части судов-кочей).

Постройки, обнаруженные в северной части раскопа, также входили в жилой комплекс, состоящий из большого трехчастного дома (клеть *в* — сени — клеть *ж*) и двух отдельно стоящих построек — *и*, *д*.

Сруб *в* сохранился на три венца, его размеры 4 × 3,75 *м*, в юго-восточной стене сохранились остатки дверного проема. Пол сруба был вымощен (как и в клети *б*) слегка подтесанным кругляком. Сени трехчастного дома имели такой же задний корридор (только меньших размеров), как и у южного дома, но конструкция сеней, по крайней мере юго-восточной стены, была другой: в толстом, горизонтально лежащем бревне был врублен продольный паз, в который набирались вертикально стоящие бревна.

Сруб *ж* имел размеры 5,3 × 5,5 *м*. в юго-восточной стенке — дверной проем (сохранились и остатки дверей). Внутри большого сруба поставлен маленький, он срублен из тонких бревен (диаметром около 15 *см*), внутри его остатки вымостки из досок.

В северной части раскопа открыта большая, отдельно стоящая постройка *и*, аналогичная по назначению постройке *г* в южной части раскопа.

На схожесть комплексов построек воеводского двора показывают их одинаковые размеры и зеркальность строительного плана. Однако есть еще одно обстоятельство, которое необходимо учесть: разделяющая их

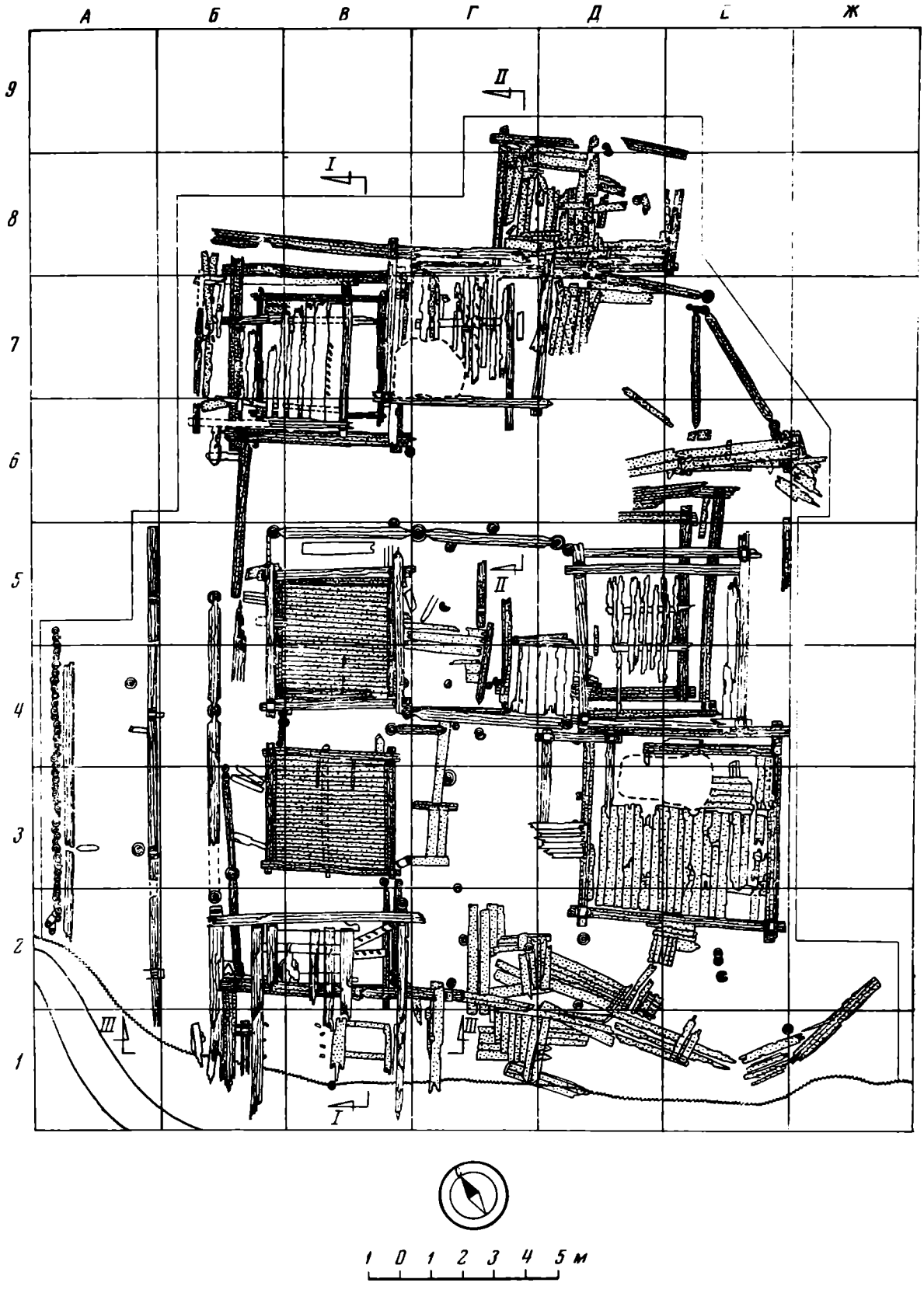


Рис. 2. Раскопы 2, 6 (Воеводский двор)

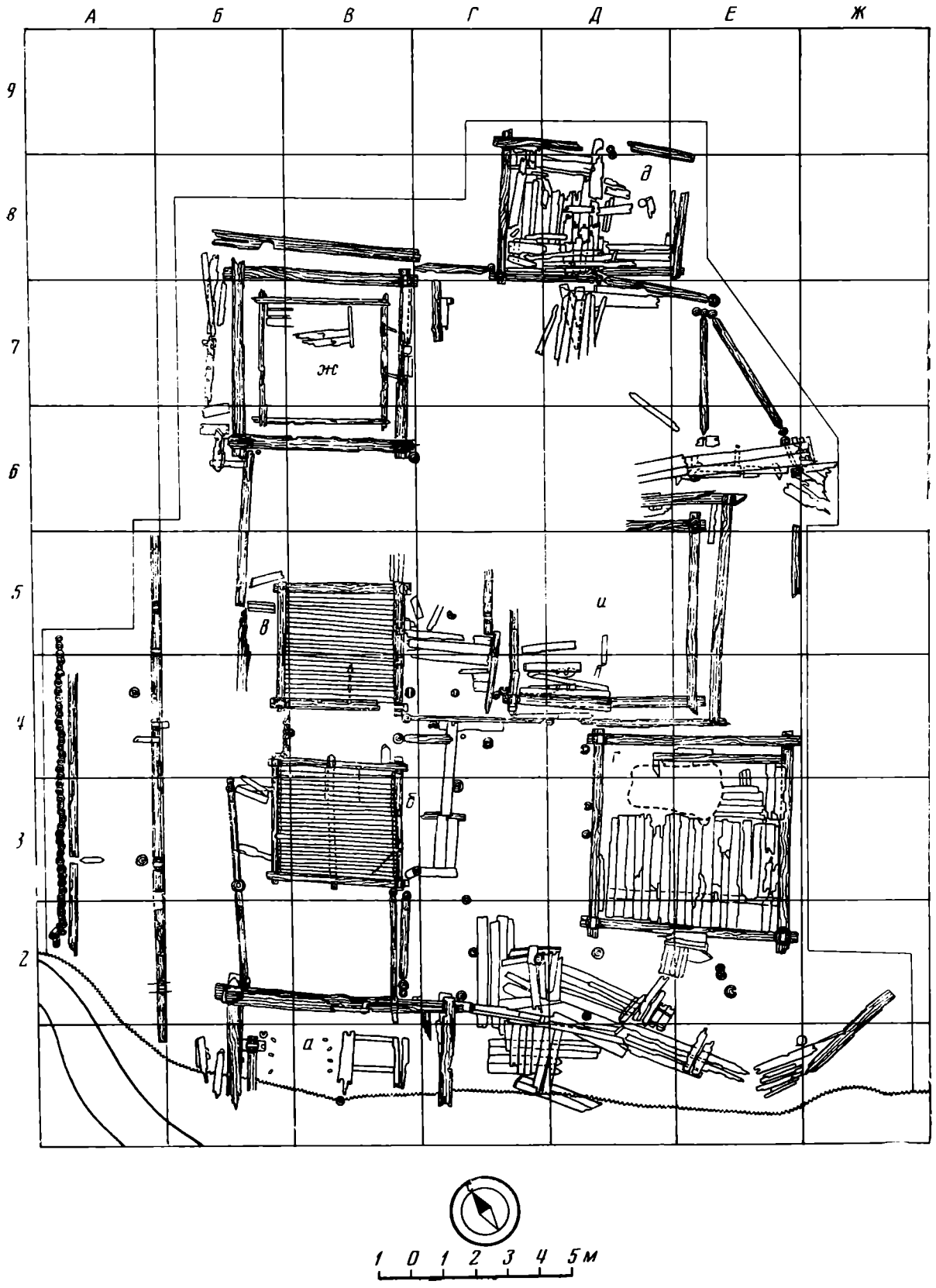


Рис. 3. Воеводский двор, Нижний горизонт

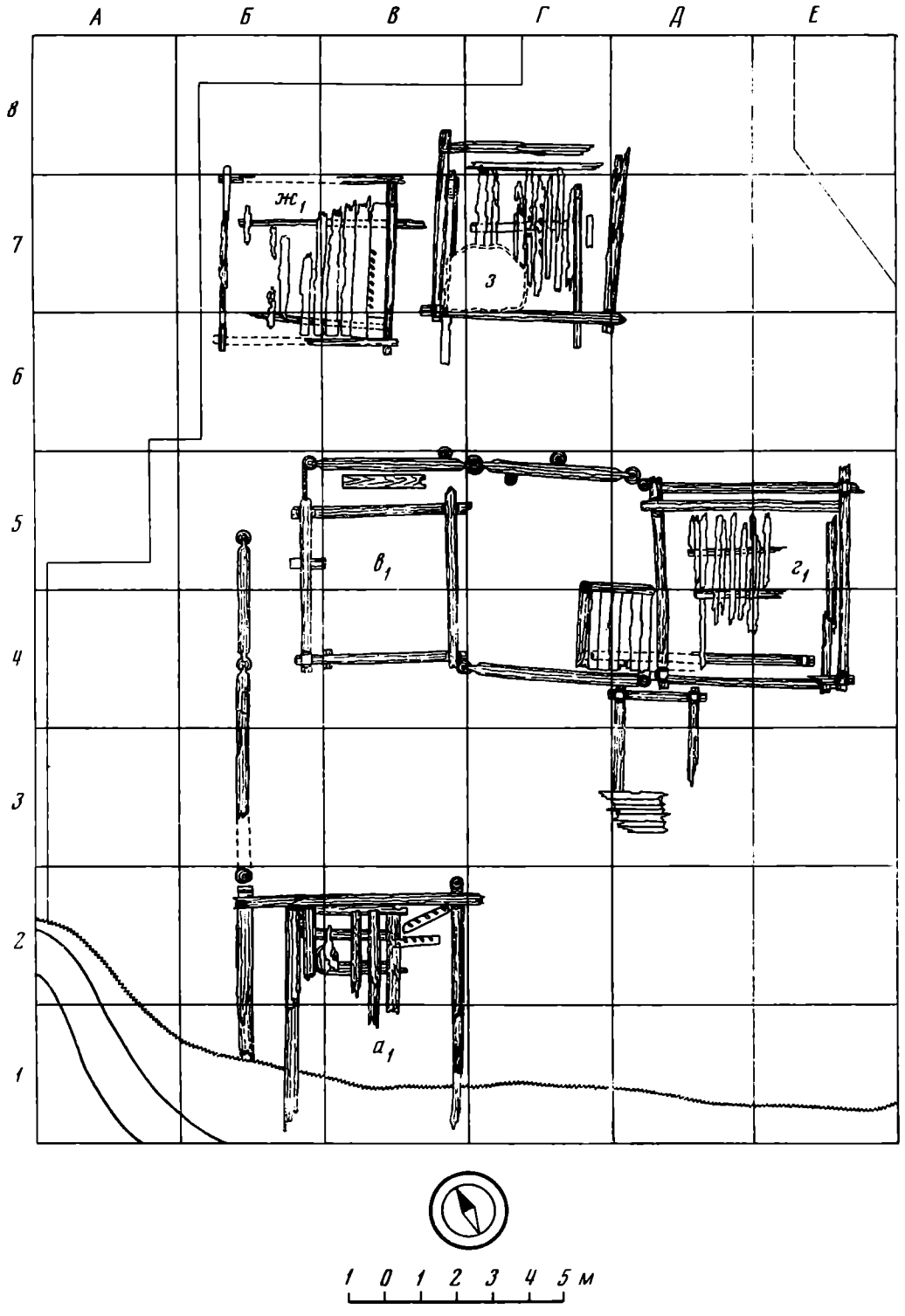


Рис. 4. Воеводский двор. Верхний горизонт

ограда, сохранившаяся в виде врытого столба с вертикальным пазом и фрагмент забранного бревна в кв. Г-4, у юго-восточного угла сруба *в*. Это бревно идет во второй столб с двумя пазами (он стоит в центре кв. Г-4) и от него в третий столб у северо-западного угла сруба Г. Возможно, в жизни воеводского двора был такой период, когда дверь в срубе *в* являлась выходом на большую вымостку в кв. ГДЕ-1-2-3-4, по которой можно было попасть в воеводскую канцелярию (съезжую избу). В противном случае жителям северного комплекса приходилось ходить туда окружной дорогой через узкую калитку в кв. ЕЖ-6 или дверь сруба *д*. Эти два последних выхода с воеводского двора были совершенно непригодны для конного транспорта, поэтому надо предполагать, что возможность пользования большой вымосткой обеспечивалась для всех обитателей воеводского дво-

ра. Остатки этой вымостки прослеживаются также и в кв. Г-4-5, т. е. в средней части северного комплекса, еще до конца не изученного из-за мерзлоты.

В нижнем строительном горизонте воеводского двора на уровне первого окладного венца обнаружены части круговой ограды. Своеобразие ее в том, что она включила в себя как части здания, так и специальные оградительные сооружения. И хотя этот вопрос требует дополнительного исследования, уже сейчас можно назвать части единого оборонительного пояса вокруг всей воеводской усадьбы, что превращало ее в своего рода крепость, возникшую в условиях отсутствия острога или земляного вала. Дендрохронологически обнаруженные части ограды датируются 1601 г. Именно эти годы следует считать наиболее опасными для существования главной воеводской резиденции, которая могла быть подвергнута нападению извне.

Наиболее уязвимой частью усадьбы надо считать западную сторону. Поэтому в оборонительный пояс вошли все западные глухие стены южного и северного комплекса построек, где через шесть-семь лет на расстоянии 4 *м* была воздвигнута крепостная стена. Здесь надлежало укрепить лишь застроенное пространство. Этот проход между северо-западным углом сруба *б* и юго-западным углом сруба *в*, забранным в стену вертикальных столбов (кв. Б-4). Совсем по-иному пришлось решить вопрос об ограде вокруг сруба *г*. Этот сруб с западной и северной стороны выходил на поле, и поэтому его надлежало укрепить особенно. У юго-западного угла сруба *ж* найдены фрагменты круговой ограды (кв. Б-6). Бревна ее развала показывают, что она шла вдоль западной стены до северо-западного угла (кв. Б-7-8). Здесь бревно отесано и вставлено в продольный паз другого бревна, идущего параллельно северной стене сруба *ж* (кв. БВ-8). У северо-восточного угла сруба *ж* оно также стесано и вставлено в продольный паз бревна, забранного в вертикальный паз столба, расположенного в южной части сруба *г* (кв. Д-8).

В северо-восточной части раскопа ограда продолжается от столба с вертикальным пазом, стоящего у дверного проема сруба *д* (кв. Д-7-8), откуда она идет в юго-восточном направлении до столба с вертикальным пазом в кв. Е-7. Рядом с этим последним расположены еще три столба с пазами. От одного из них идет бревно в юго-восточном направлении до столба с пазом в кв. Е-6. Здесь обнаружен настил вымостки и фрагменты калитки (кв. Е-6). В юго-восточном направлении в кв. Е-5 найдено бревно, очевидно из развала ограды, которая шла в юго-восточном направлении к северо-восточному углу сруба *г*. У южной стены этого сруба найдено три столба, один из которых с пазом (кв. Е-2). Можно предположить, что в самой южной своей части круговая ограда подходила к стене крепости и, может быть, смыкалась с ней.

Представляет известный интерес обнаружение оград отдельных зданий, сомкнутых в северной части раскопа с круговой оградой. Так, в кв. Г-7 обнаружено бревно, сомкнутое на севере с круговой оградой. Бревно идет к столбу, расположенному параллельно восточной стене сруба *ж*. Из-за мерзлоты не удалось проследить ограду до конца в южном направлении. Такая же ограда обнаружена вокруг столба, затем идет к вымостке. Вероятно, от вымостки оно было соединено с оградой вокруг здания (кв. ДЕ-4-5-6).

Сруб *д* не совсем обычен: длинные его стены не сплошные. Особенно хорошо это прослеживается на южной стороне сруба: приблизительно посередине окладное бревно разобрано и забрано в вертикальный паз врытого столба, причем от соседнего столба с таким же пазом начиналась дворовая ограда (кв. ДЕ-6-7), идущая в южном направлении. Пока трудно судить о назначении этого помещения (размеры сруба 5,6×5,2 *м*, внутри вымостка из досок, положенных в несколько рядов), но предположение о том, что это один из въездов, вполне реально.

Таким образом, есть все основания считать, что большой архитектурный комплекс, открытый в юго-западной части мангазейского кремля на площади почти 800 *м*^{2}, состоял из двух стоящих впритык комплексов построек. В каждый из них входили длинный трехчастный дом и большое квадратное в плане здание, вероятно связанное с длинным домом переездом. Можно предполагать, что сруб *а* по размерам почти соответствовал срубу *ж*. «Схожесть» дворов или одного двора подчеркивалась почти «зеркальной» планировкой обоих комплексов.

Постройки горизонта I погибли во время пожара; это видно по обугленным бревнам сруба *а*, мощный слой гари лежал и в постройке *г*.

Слой, связанный с пожаром, дал основное количество вещей на этом раскопе: части «дверного наряда» (дверные петли, жаковины) (рис. 5, *10, 11*), костяные и деревянные шахматные фигуры, костяные гребни, орнаментированные костяные накладки, костяные бусы, восковая печать в деревянном футляре, фрагменты стеклянных штофов, остатки кожаной обуви и деревянные вещи, клепка бочек, весла, поплавки и т. д. Несомненный интерес представляют находки двух железных льячиков (рис. 6, *11, 12*), створки бронзового креста — энколпиона, небольшой книжечки в кожаном тисненном золотом переплете. Книжечка была закрыта на бронзовый штырек-замок.

Стратиграфическое выделение нижнего строительного горизонта I полностью подтвердилось данными дандрохронологии: из 38 спилов, взятых с описанных выше построек и частей ограды, 24 спила-модели дали дату 1601 г., остальные свидетельствуют о незначительных перестройках в 20-х годах XVII в. (самая поздняя дата — 1625 г.).

Любопытно, что на некоторых участках горизонта I обнаружены строительные остатки, стратиграфически относящиеся к более ранним постройкам (под срубом *а* обнаружена часть сруба — столб и два бревна с перерубом, основание печи, отдельное бревно выходит даже за пределы сруба *а* и лежит параллельно юго-восточной стенке сеней). Однако дендрохронологические даты показали, что они относятся к 1601 г., ко времени сооружения всего комплекса, и являются следами переделок, происходивших в процессе строительства. Очень важен и тот факт, что большой архитектурный ансамбль воеводского двора был разделен на два замкнутых комплекса лишь на последней стадии существования строительного горизонта I (примерно с 1617 г.).

После пожара, от которого основательно пострадала значительная часть зданий горизонта I, воеводская усадьба была построена заново. Строили сразу же после пожара, после незначительных нивелировочных работ. Бревна строительного горизонта II легли непосредственно на остатки прежних построек.

Стратиграфически горизонты I и II четко отделяются друг от друга (рис. 7).

Г о р и з о н т II. Постройки этого горизонта сохранились довольно плохо, так как находились непосредственно под дерновым слоем и подвергались непосредственно температурным колебаниям. Во многом прежняя планировка была повторена, но есть и существенные отличия. Сохраняя прежние конструктивные приемы и планировку усадьбы, строители значительно сократили ее площадь. К горизонту II относится сруб *а* (ширина сруба 6,2 *м*), вымостка пола подклета не сохранилась, но обилие навоза указывает на то, что нижняя часть постройки была использована под хлев. От северо-западного угла сруба идет ограда в северном направлении. Остатков построек между срубами $а_1$ и $в_1$ не обнаружено. Сруб $в_1$ (кв. БВ-4-5) размерами 4,5×4,2 *м* сохранился в два венца. Северо-западный угол сруба $в_1$ смыкается с небольшим забором из вертикальных досок, от которого начинается ограда из толстых бревен. Ограда упирается в угол сруба $ГН_1$ (кв. ДЕ-4-5). Размеры сруба $г_1$ 5,8×5,8 *м*, внутри остатки вымостки на пагах. Таким образом, срубы $а_1$, $в_1$ и $г_1$ составляют одну боль-

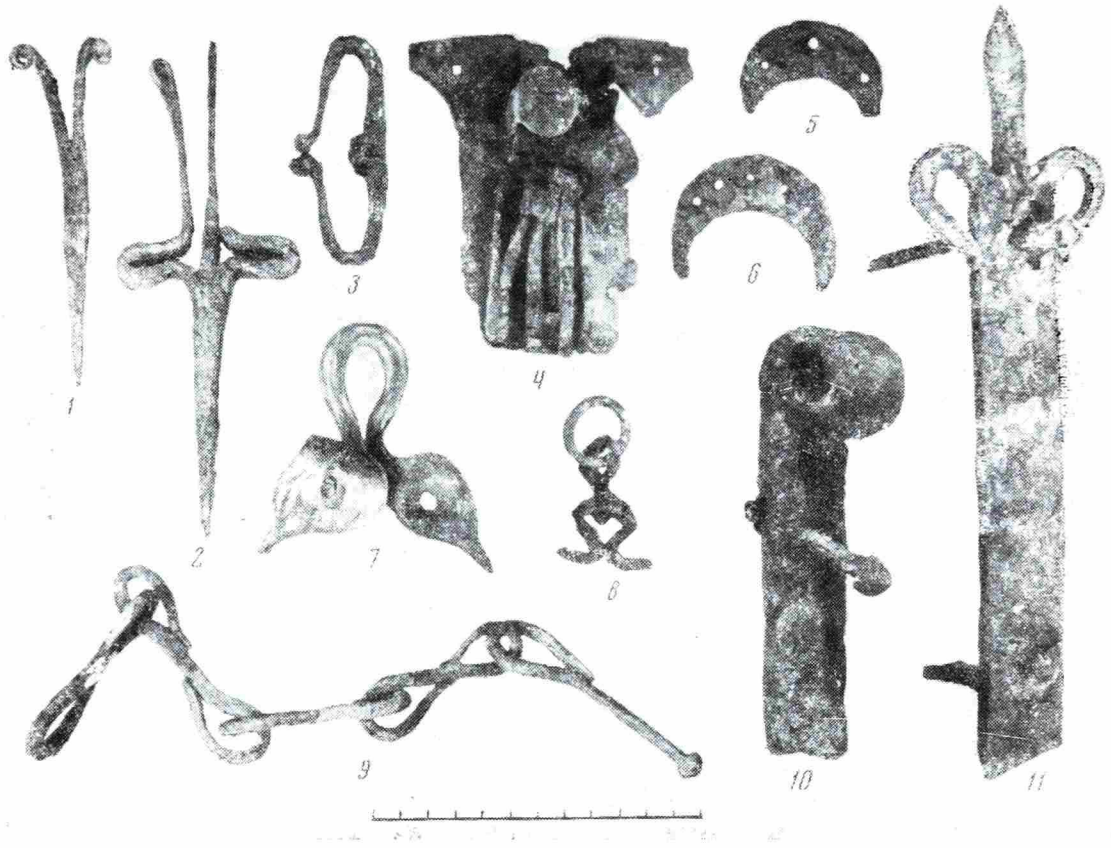


Рис. 5. Вещи из раскопов Мангазейского поселения

1—2 — светцы; *3* — кресало; *4* — врезной замок; *5—6* — сапожные подковки; *7* — бронзовая петля от котла; *8* — петля с пробоем; *9* — цепочка; *10* — дверная петля; *11* — фрагмент жиковины

шую постройку, обширные помещения между ними — сени. В сенях между срубами $в_1$ и $г_1$ открыто небольшое помещение (2,5×2 *м*) с полом, положенным на лаги. К юго-западному углу сруба $г_1$ с внешней стороны ограды примыкает еще одно помещение (сохранилось оно не полностью, размеры 4×2,3 *м*). В северной части раскопа к горизонту II относятся: сруб $и_1$ (4,6×4,5 *м*, внутри сохранилась частично дощатая вымостка на лагах) и сруб *а* (5×5 *м*, вымостка из досок лежит на лагах).

Плохая сохранность древесины позволила взять лишь пять спилов с построек верхнего горизонта, три из них датируются 1625 г., один — 1640 г. и еще один — 1649 г. Таким образом, стратиграфически выделены два горизонта построек, по дендрохнологическим датам относящиеся к двум периодам: первая четверть XVII и вторая четверть XVII в. (с 1625 г.).

Исследование комплексов построек воеводского двора представляет несомненный интерес для изучения конструктивных приемов и планировки дворов социальной верхушки в русских городах северной Сибири XVII в.

На территории Мангазейского посада было заложено восемь раскопов (рис. 1) с целью изучения жилых, производственных и административных построек. Безусловно, история застройки посада, особенно его прибрежной части, должна явиться предметом специального анализа, Именно здесь располагались такие жизненно важные центры поселения, как гостиный двор, торговые ряды и т. д. Для этого есть необходимые стратиграфические наблюдения и дендрохронологические данные, которые позволяют проследить несколько строительных периодов, самый ранний из которых относится к 1601—1608 гг., т. е. ко времени основания поселения.

Принципиально важным в истории изучения Мангазеи явились данные, полученные во время исследования раскопа 8, заложенного в центре

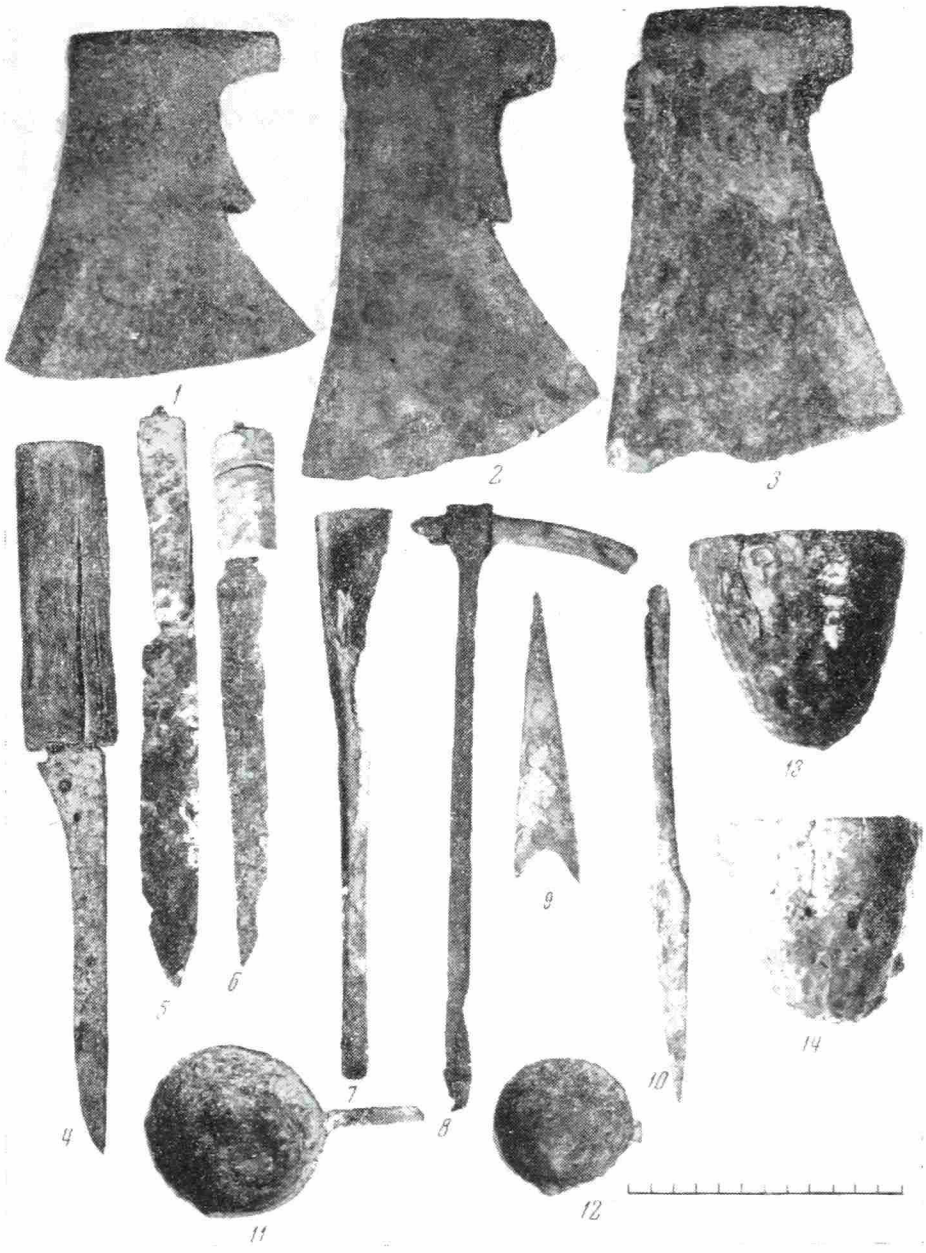


Рис. 6. Вещи из раскопов Мангазейского поселения

1—3 — топоры; *4—6* — ножи; *7* — втульчатое долото; *8—10* — сверла; *11—12* — железные льячики; *13—14* — керамические тигли

посада (рис. 8). В раскопе открыт большой и сложный как по планировке, так и по стратиграфии жилищно-хозяйственный комплекс со специальными ремесленными помещениями.

Стратиграфически пока четко выделяются два горизонта, отражающих историю застройки исследованного комплекса.

Горизонт I. К этому горизонту относится большая трехчастная постройка (клеть — сени — клеть) и три постройки в северо-восточной части раскопа (*ж*, *з*, *и*) (рис. 9).

Трехкамерное жилище включало в себя клеть *а* (кв. ЖЗ-1-3), сохранившуюся на пять венцов, рубленную в обло с остатком, размеры 6×5 *м*, внутри сохранились фрагменты вымостки из досок и жердей, положенных на лаги, в юго-западной стенке — следы дверного проема. С юго-востока к клети *а* примыкали сени *б* (кв. з=3), размеры сеней 5×3,7 *м*, северо-восточная и юго-западная стенки сеней набраны из бревен, забранных в вертикальные пазы врытых столбов, пол настлан из досок (прослежено два слоя пола). Дом заканчивается клетью *в* ($в_1$), которая отстраивалась

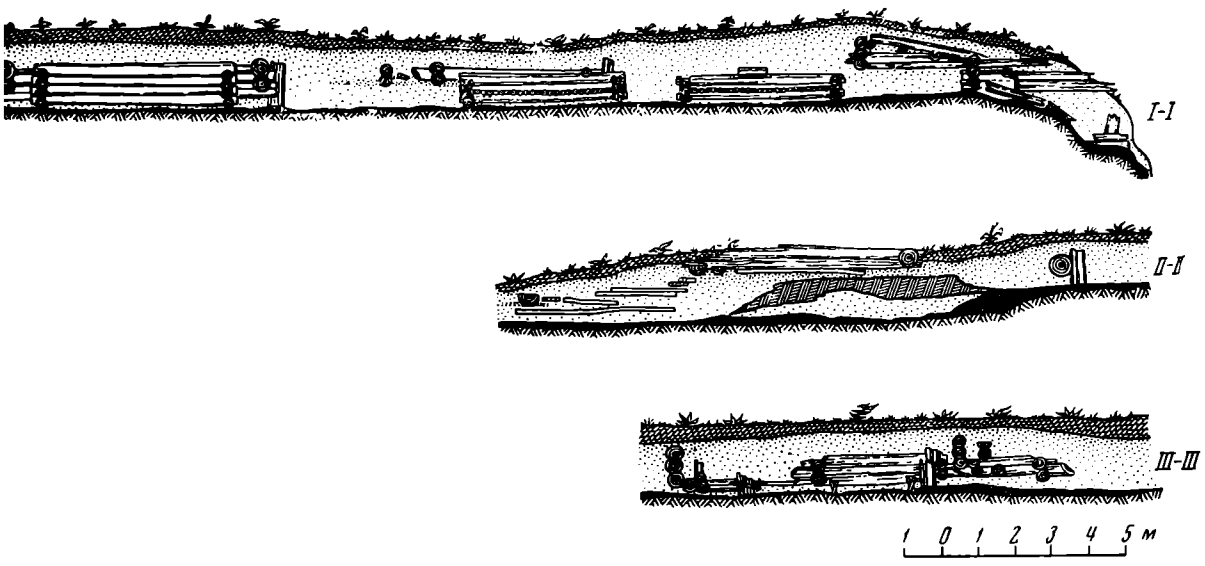


Рис. 7. Воеводский двор. Разрезы

два раза. Первоначальная застройка — клеть *в*, размеры ее 6×5 *м* (как клеть *а*), в северо-восточном углу стояла печь, сложенная из булыжников на глине. Печь имела деревянную обноску из бревнышек, забранных в вертикальный паз врытого столбика. В северной и северо-восточной частях клети сохранились фрагменты первоначального пола, положенного на лаги. В развале печи, а также на обугленном и покрытом слоем гари полу было найдено довольно много тиглей (рис. 6, *13*, *14*), т. е. печь, поставленная в подклети, использовалась для производственно-ремесленных целей. После пожара клеть была отстроена, размеры клети $в_1$ 5,3×5 *м*, т. е. она стала шире и короче, был настлан новый пол. Вероятно, тогда же были несколько расширены и сени. Впоследствии в клети $в_1$ на небольшой песчаной подсыпке был настлан третий пол. Находки тиглей в верхних слоях развала свидетельствуют о том, что печь использовалась в ремесленных целях все время существования дома.

К северо-восточной стенке клети *а* примыкало помещение, построенное в той же технике, что и сени *б*. Эти вторые сени служили связующим звеном со срубом *ж* (кв. Е-1-2), размеры сруба 4,7×4,7 *м*. Восточная часть постройки замощена судовыми досками, положенными на лаги, западная часть сруба пола не имела, в юго-западном углу обнаружены следы печи.

С востока к клети *ж* примыкала постройка *з* (кв. ДЕ-3; размеры 4,3×4 *м*), внутри которой почти полностью сохранилась вымостка из досок, положенных на четыре мощные лаги. Весь комплекс как бы замыкала постройка *и* (кв. ДЕ-4,5), размеры сруба 5×4,5 *м*, внутри сохранились остатки вымостки из досок. Комплекс построек имел рубленую ограду, которая четко прослеживается в северной части раскопа (кв. ДЕЖ-1-2).

В восточной части раскопа под постройкой *и* обнаружены фрагменты деревянных конструкций, относящихся к более древнему горизонту. До полного исследования этого горизонта трудно судить, связаны ли они с отдельными постройками в этой части раскопа или относятся к первоначальному периоду строительства, предшествовавшему появлению всего комплекса построек.

Горизонт II. В этот период количество построек значительно сократилось — продолжал существовать лишь большой трехчастный дом, к которому с северо-западной и северо-восточной сторон были пристроены небольшие хозяйственные помещения типа галерей и небольшой сруб *д* (рис. 10).

С северной стороны трехчастного дома была раскрыта небольшая постройка *д* размерами 3,5×3,5 *м*; непосредственно с сенями она не соединя-

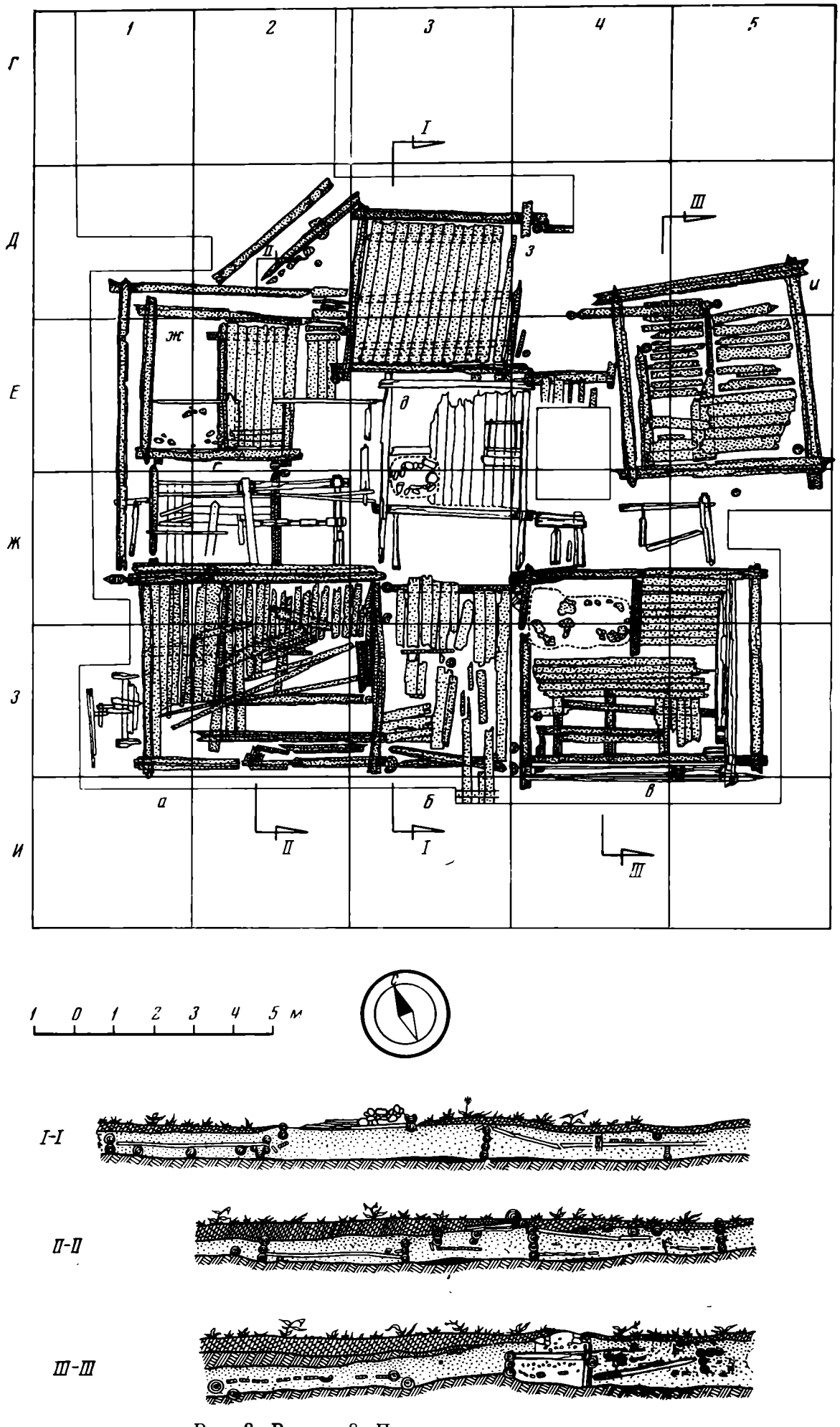


Рис. 8. Раскоп 8. План и разрезы раскопа

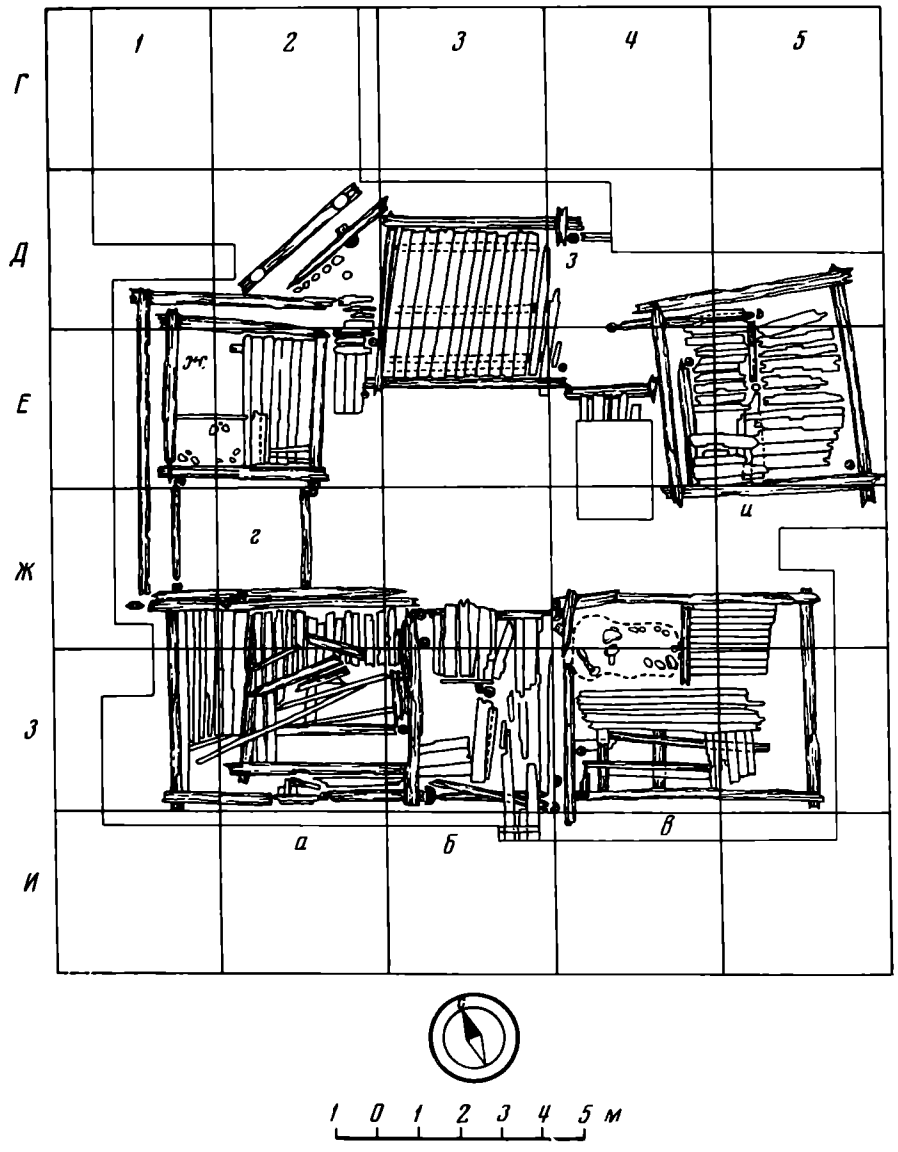


Рис. 9. Раскоп 8. Нижний горизонт

лась; восточная часть постройки вымощена дощатым полом, в западной половине пола не было. В юго-западном углу стояла печь-горн из булыжников на глине с деревянной обноской. Внутри горна, а также перед ним найдено значительное количество тиглей и шлаков с бронзовисто-медными вкраплениями. В восточной половине постройки на полу стоял деревянный ящик с глинистым заполнением. В основной постройке были найдены вещи, которые, можно сейчас сказать, являются типичными для Мангазеи: полозья нарт, клепка от бочек, деревянные поплавки и различного типа грузила, костяные и деревянные изделия. Найденные у печей несколько десятков тиглей (можно говорить о 30—40 тиглях, стенки их массивны, тигли сильно оплавлены) позволяют предполагать наличие здесь довольно мощного и долго действующего ремесленного литейного комплекса.

Особые условия залегания культурного слоя (мерзлота), постоянный режим температуры и влажности в его толще способствовали хорошей сохранности не только остатков деревянной архитектуры, но и широкого ассортимента бытового деревянного инвентаря (деревянная посуда, тигли, части нарт и судов-кочей, весла, шахматные доски и шахматные фигуры [19] и т. д.), кожаной обуви и тканей.

[19] О шахматах, найденных в Мангазее, см. М. И. Белов, О. В. Овсянников. Шахматы древней Мангазеи. «Шахматы в СССР». 6, 1969, стр. 26, 27; О. В. Овсянников. Мангазейские шахматы. Находки 1969 г. «Шахматы в СССР», 7, 1970.

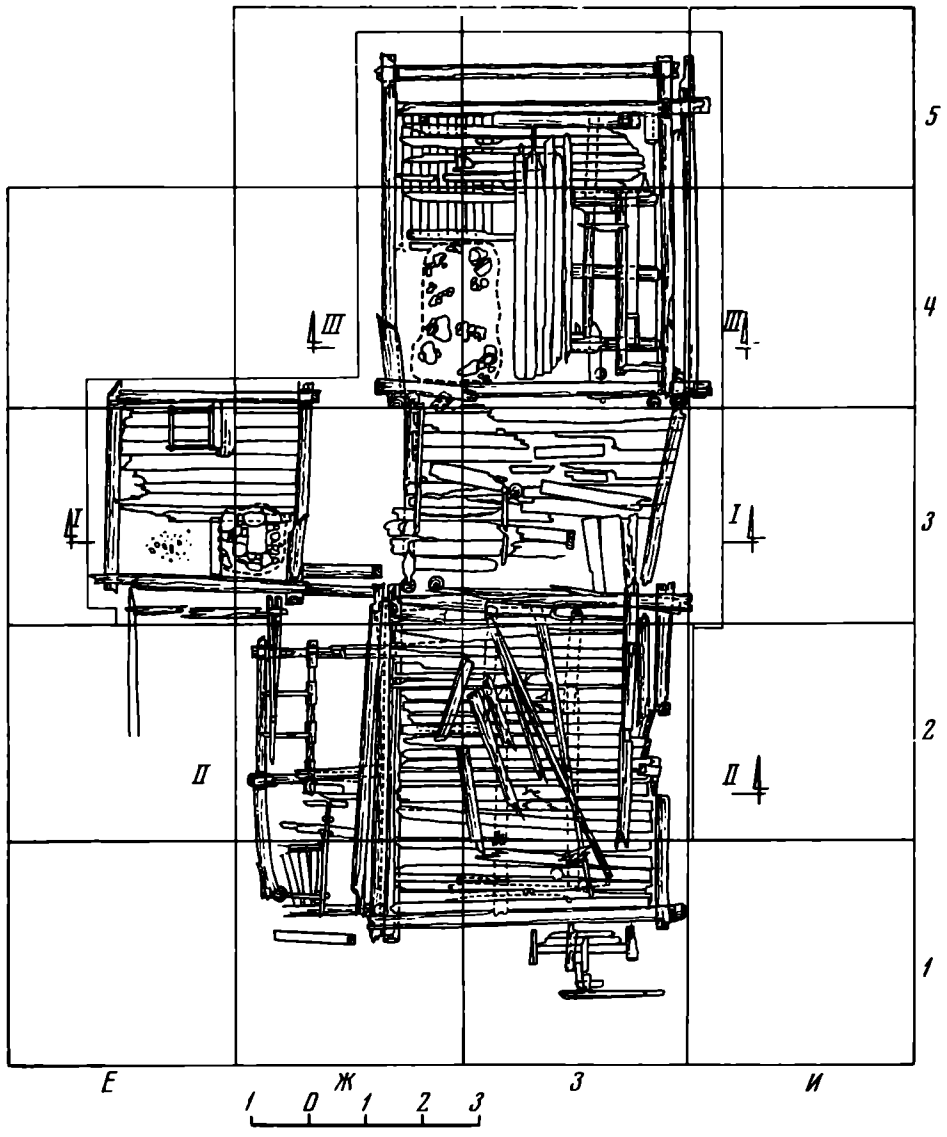


Рис. 10. Раскоп 8. Верхний горизонт

Ассортимент железных вещей также разнообразен, наиболее многочисленны категории железных вещей: сапожные подковки (рис. 5, *5—6*), ножи (нередки случаи, когда сохраняются деревянные рукояти, рис. 6, *4—6*), судовые крепежные скобы. Железный инструментарий немногочислен: втульчатое долото (рис. 6, *7*), различного типа сверла (рис. 6, *8—10*) и топоры (рис. 6, *1—3*). Разнообразны находки бытовых вещей: светцы (рис. 5, *1—2*), кресала (рис. 6, *3*), замки (рис. 5, *4*), ушки от котлов, (рис. 5, *7*).

Раскопки в Мангазее в 1968 г. значительно пополнили сибирскую шахматную «казну», известную раньше главным образом по находкам на севере Таймырского полуострова [20]. Мангазейская шахматная коллекция представлена 29 костяными и 31 деревянной шахматными фигурами и тремя шахматными досками.

Из мелких деревянных вещей внимание привлекает небольшая деревянная крышечка, покрытая сплошь геометрическими (трехгранновыемчатым) орнаментом (рис. 11, *1*), деталь ларчика с таким же орнаментом на лицевой стороне и подписью «Устин» на оборотной (рис. 11, *2*, *2—а*), орнаментированная доска с надписью «Ондрея Трофимова» (рис. 11, *3*).

[20] С. Н. Замятнин. О старинных русских шахматах. Сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.», стр. 147, 148, рис. 1.

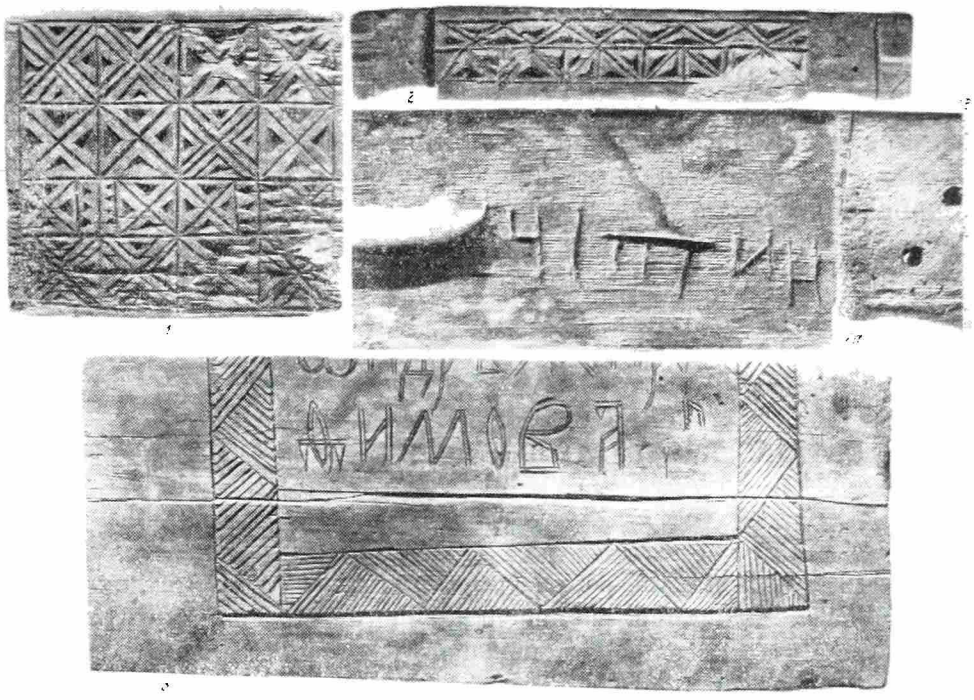


Рис. 11

1 — деревянная орнаментированная крышечка; *2* — деталь деревянного ларчика; *2а* — обратная сторона (увеличено); *3* — деревянная пластина с надписью

Предположение В. Н. Чернецова о существовании в Мангазее определенного контингента ремесленников, работавших на местный рынок [21], подтвердилось. Наличие ремесленного комплекса с остатком горнов и тиглей (раскоп 8), находки таких же тиглей в прибрежной части посада, исследование на территории посада еще одного ремесленного комплекса (раскоп 9), в котором открыта печь со следами медно-бронзового литья и тигли,— все это позволяет рассматривать Мангазею не только в качестве русского военно-торгового форпоста на севере Сибири [22]. Полученные материалы позволяют рассматривать Мангазею как складывающийся торгово-ремесленный центр края, как поселение, по своей социально-экономической структуре являющееся зародышем позднесредневекового русского города.

Изучение Мангазеи имеет немаловажное историко-культурное значение: достоянием науки становится малоизвестный до сих пор пласт материальной культуры русского поселения Сибири на начальном этапе освоения огромных зауральских пространств.

Следует особо отметить находки деревянных частей [23] тех морских полярных судов-кочей, на которых совершались походы по Мангазейскому морскому ходу (Архангельское Поморье — Тобольск — Мангазея). Бортовые доски от кочей с расположенными в определенном порядке сверленными отверстиями, через которые пропускались крученые древесные прутья (потом отверстия забивались деревянными нагелями), являются в Мангазее массовой находкой, найдены почти во всех открытых постройках. Два крупных фрагмента кочевых бортов были найдены в раскопах 1, 2 и 6. Кроме бортовых частей обнаружены хорошо сохранившиеся лестничные

---

[21] В. Н. Чернецов. О работах Мангазейской экспедиции, стр. 162.

[22] В Мангазее были также ремесленники, обслуживающие нужды городского населения,— обувщики (найдены отходы сапожного производства, инструменты и деревянные колодки).

[23] В большом количестве найдены крепежные железные скобки, при помощи которых крепилась прокладка между двумя бортовыми досками.

марши и штевни. Эти находки вносят важный вклад в изучение как русского арктического мореплавания, так и в историю русского судостроения.

В отличие от срубов, сделанных из ели и лиственницы, кочевые доски (это, пожалуй, единственные доски в Мангазее) из сосны, родиной которой явились более южные районы Сибири, а также Русский Север. Можно утверждать, что Мангазея построена не только из местной древесины, но и из корабельных досок.

Мангазея сравнительно далеко отстоит от моря, но в эпоху своего расцвета она была единственным портом на севере Сибири.

Bélov M. I., Ovsiannikov O. V.

LES FOUILLES DE MANGASÉIA (CERTAINS RÉSULTATS DES RECHERCHES DE 1968—1969)

Résumé

En 1968—1969 on a effectué pour la première fois de grands travaux archéologiques à la gorodichtché de Mangaséïa, monument unique du Moyen Age russe en Sibérie.

La ville russe transcircompolaire née dans les premières années du XVII siècle dans le cours inférieur du fleuve de Taz joua un rôle important de l'avant-poste dans le processus de la mise en oeuvre du Nord et du Nord-Est de la Sibérie. Les particularités de la couche archéologique, telles qu'une humidité élevée et les phénomènes propres à la congélation perpétuelle ont assuré une bonne conversation des constructions architecturales de bois ainsi que des étoffes, outils de ménage en bois, objets de cuir. On a découvert au cours des fouilles un mobilier abondant de bois et de fer comportant des objets de ménage et d'activité économique, instruments de chasse et de pêche, moyens de transport (skis, traîneaux dits «narty»), objets d'art appliqué, échecs d'os et de bois, échiquiers. Tout cela permet de reconstituer l'aspect de Mangaséïa en tant qu'une ville typique de la Russie septentrionale du Moyen Age tardif. Il est à mettre en relief tout particulièrement les trouvailles des parties en bois des navires anciens dits kotchi et celles des instruments de navigation maritime.

Dans cet article les auteurs n'analysent que quelques problémes concernant l'histoire de la ville. Sont étudiées les étapes essentielles de l'histoire de la construction du Kremlin de Mangaseïa (en 1604 on construit un ostrog qui fut remplacé en 1607 par une ville de bois plus fortifiée). On a investigué deux niveaux d'un grand ensemble des bâtiments appartenants aux voïvodes (représentants du pouvoir central) de Mangaséïa.

Заметки

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

ХОТЫЛЕВСКОЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ

Еще в довоенные годы на средней Десне было обнаружено несколько пунктов с находками кремневых изделий мустьерского типа [1]. В 1948 г. на верхнем участке средней Десны, на территории Брянского и Жуковского районов Брянской области, нами были произведены археологические разведки, в результате которых удалось установить несколько новых пунктов с аналогичными находками мустьерского типа. Наиболее интересным и перспективным из них явилось Хотылевское местонахождение. Но прошло более 10 лет, прежде чем окончательно выяснилось, что это среднепалеолитический памятник.

С. Хотылево находится на правом берегу Десны в 18 *км* северо-западнее Брянска. В районе этого села деснинский берег образует огромный, сравнительно узкий и длинный мыс. С северной стороны он ограничен долиной Десны и изрезан короткими оврагами и балками. С восточной стороны мыс, постепенно снижаясь, упирается в пойму небольшой речушки Госомы. С южной стороны его огибает древняя циркообразная балка, по которой в нижней половине течет ручей Ржавка. В наиболее высокой части высота мыса достигает 55—60 *м* над уровнем современной Десны. Северный, деснинский склон мыса образован несколькими террасами. Находки изделий мустьерского типа были произведены в основании 21—23-метрового террасового выступа в древних базальных аллювиально-делювиальных галечниках на глубине 15—20 *м* от верхнего горизонта, в основании четвертичной толщи.

И. К. Иванова и А. А. Величко связывают эти находки с погребенным аллювиальным комплексом второй надпойменной террасы и относят их к концу микулинского — началу валдайского времени [2]. Г. И. Горецкий и Н. М. Грищенко придерживаются другой точки зрения. Они связывают хотылевскую террасу, в основании которой лежат культурные наслоения мустьерского времени, с более высоким и древним уровнем и датируют образование галечников одинцовским временем [3].

Как удалось установить, галечники, содержащие материальные остатки, прослеживаются вдоль берега реки на расстоянии 800 *м*. В одних местах они залегают на высоте 3—4 *м* над современным уровнем реки, в дру-

---

[1] М. В. Воеводский. Находки раннего палеолита в бассейне р. Десны. СА, X, 1950.

[2] И. К. Иванова. Геологические условия нахождения палеолита на территории СССР. БМОИП, 1969, 3, стр. 27; Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. К VIII Конгрессу INQVA. Париж, 1969, стр. 22—23.

[3] Работы названных геологов, в которых рассматривается вопрос о геологической датировке хотылевских находок, находятся в печати. Автор выражает им глубокую благодарность за предоставленные сведения.

гих поднимаются на высоту до 6 *м*. Там же, где коренные меловые породы имеют более высокий уровень, галечники выклиниваются, хотя отдельные находки костей на их контакте иногда встречаются. Мощность образований, в которых заключены культурные остатки, 0,1—0,3 *м*, но в отдельных местах она больше метра.

В 1960—1964 гг. на средства Брянского областного краеведческого музея нами производились здесь стационарные работы. Было заложено шесть раскопов общей площадью около 500 $м^2$. За пять лет исследований собрано около 20 тыс. находок. Среди них более 800 готовых и дефектных орудий.

При первом знакомстве с материалом создается впечатление о его типологическом однообразии и культурно-хронологическом единстве, тем более что собран он в отложениях одного геологического периода. Однако при более внимательном и глубоком анализе находок, происходящих из разных частей местонахождения, наблюдаются существенные различия, которые позволяют выделить несколько комплексов.

Довольно четко отделяется большая серия грубых, массивных, зачастую эолитовидных изделий. Насколько удалось проследить, эти орудия локализуются исключительно в нижней части местонахождения. В верхних раскопах подобных изделий не встречалось. Мы их выделили в особый аморфный комплекс.

Большинство орудий аморфного комплекса изготовлено из темно-коричневого, красноватого или почти черного кремня, несколько отличающегося от темно-сероватого кремня, из которого изготовлялся мустьерский инвентарь. Поверхность у них более заполирована, а рабочие края сглажены. Чаще всего орудия этого комплекса встречались в нижних прослойках или нижней части галечника.

Как правило, такие орудия обработаны довольно примитивным и своеобразным техническим приемом. Заготовками для них служили угловатые кремни, для чего, по-видимому, специально дробились кремневые плиты. Судя по отдельным находкам, человек пытался изготовлять некоторые свои орудия и из морских галек. Но галька исследуемого района происходит из окремневшего известняка. Эта порода дробится и не дает желательных сколов, вследствие чего оказалась малопригодной для искусственной обработки. Кроме того, использовались кремневые отщепы естественного расщепления и получившиеся при дроблении. В дальнейшем заготовки обрабатывались грубой односторонней или двусторонней обтеской. Более тщательно подправлялся рабочий край. Ему придавалась определенная форма. Орудия с подобными рабочими краями изредка прослеживаются и в других комплексах.

При всей архаичности и примитивности инвентаря этого комплекса можно выделить несколько групп сравнительно однотипных изделий, таких как: отбойники-ретушеры, нуклевидные орудия, рубящие и ударные орудия (рис. 1, *1, 2*), массивные скребловидные и скребковидные орудия (рис. 1, *3, 6, 9*), орудия с выступами (рис. 1, *4, 7*), орудия с выемками (рис. 1, *5*), орудия, сочетающие выемки и выступы (рис. 1, *9—11*), массивные зубчатые орудия и т. д. Отдельные орудия этого комплекса находят прямые аналогии среди изделий домустьерских памятников Восточной и Западной Европы [4]. Близкие по технике обработки и по формам орудия также известны среди изделий австралийцев и тасманийцев [5].

Возможно, с комплексом аморфных орудий связаны примитивные нуклеусы со следами грубых снятий и целый ряд неопределенных заготовок

---

[4] П. У. Аутлев. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. 1963 г., рис. 2, *1*; 3; Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Киик-Коба. КИЧП, 1940, 1, табл. I—VIII; Н. Д. Праслов. Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и Нижнего Дона. 1968. 2; F. Bordes. Typologie du paleolithique ancien et moyen. 1961, 87, v. 2, стр. 89. рис. 4.

[5] Г. Обермайер. Доисторический человек. X, 1913, стр. 178.

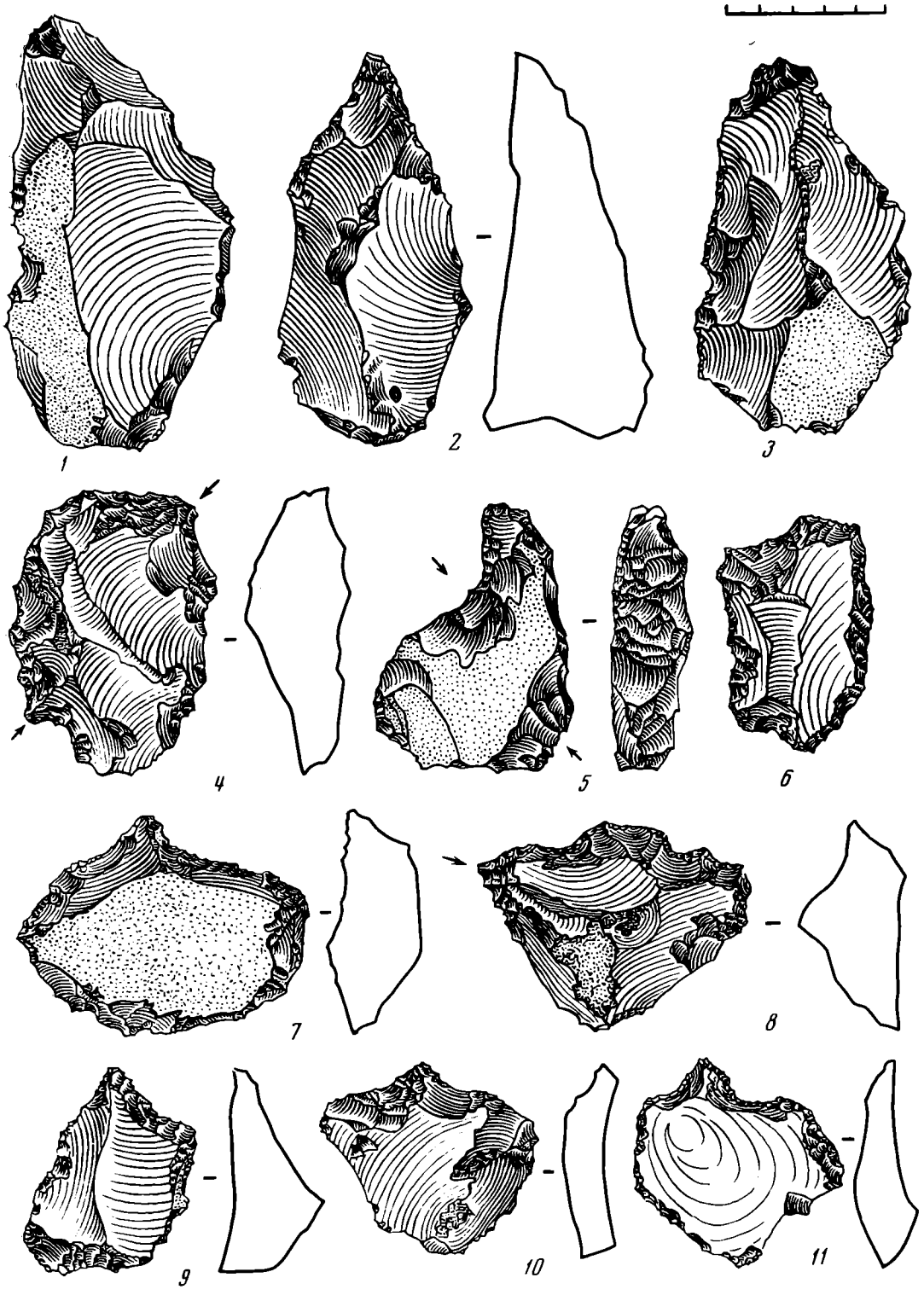


Рис. 1. Орудия аморфного комплекса

со следами вторичной подправки и употребления. Все это позволяет нам считать комплекс данных находок бесспорным творением рук человеческих и относить его к домустьерскому времени.

В средней части местонахождения на протяжении 250 *м* вдоль берега реки нами было заложено четыре раскопа. В них удалось обнаружить и частично исследовать несколько линзообразных углублений. Наиболее крупные линзообразные западины достигают в длину 20 *м*, с наибольшей мощностью слоя до 1,5 *м*. В верхней своей половине они заполнены галечником, а в нижней гравийно-песчано-глинистой массой. Эти два углубления дали особенно обильный кремневый материал и небольшое количество костяных изделий. Некоторая часть кремня из средних раскопов нами

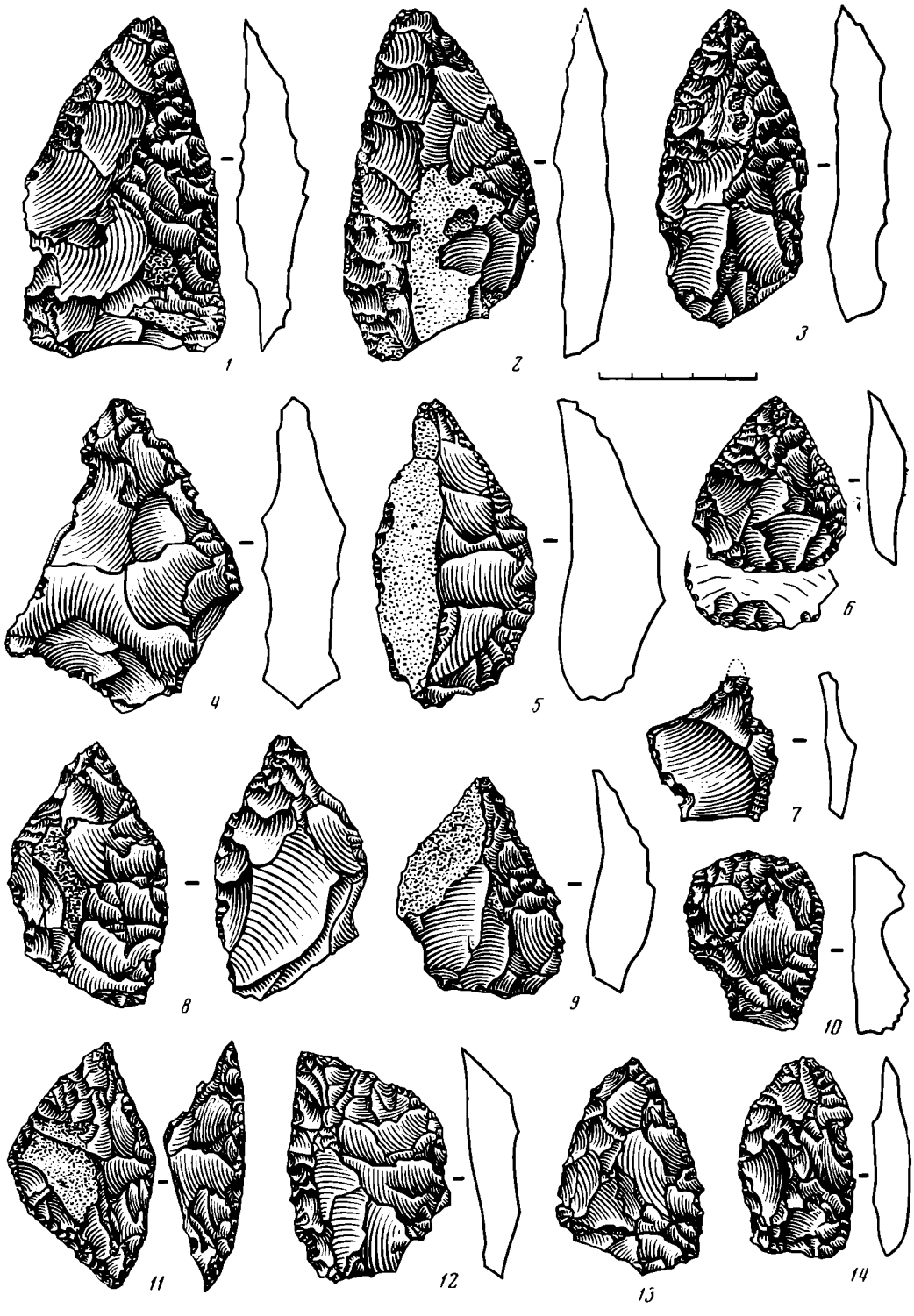


Рис. 2. Орудия мустьерского комплекса из средних раскопов

отнесена к аморфному комплексу. Почти весь остальной выделен в первый мусьерский комплекс.

В общей сложности здесь собрано около 800 нуклеусов, свыше 3500 разнообраных сколов и заготовок, 351 орудие и 6 изделий из кости. Нуклеусы представлены небольшим числом дисковидных ядрищ, сработанных с двух сторон, дисковидными ядрищами с односторонним скалыванием, черепаховидными нуклеусами, нуклеусами квадратных, прямоугольных и треугольных очертаний, нуклеусами со скалыванием в параллельном направлении, с односторонним и двусторонним снятием заготовок, призматическими, пирамидальными и т. д. Из них наиболее многочисленны дисковидные ядрища, сработанные с одной стороны. Большинство нуклеусов средних размеров. Наличие среди них черепаховидных ядрищ и

ядрищ с параллельным скалыванием заготовок указывает на леваллуазский характер техники расщепления кремня. Однако, судя по самим нуклеусам, она здесь еще недостаточно развита и не получила господствующего значения.

Среди сколов имеются отщепы, пластинчатые отщепы и типичные пластины. По формам они делятся на треугольные, прямоугольные, квадратные, круглые, округло-удлиненные и т. д. Среди треугольных снятий преобладают атипичные. Ударные площадки представлены гладкими, двугранными, многогранными, фасетированными и неопределенными.

Кремневый инвентарь включает орудия с двусторонней, неполной двусторонней и односторонней обработкой. Представлен он нуклевидными орудиями, рубильцами (рис. 2, *4*), остроконечниками (рис. 2, *3*, *6*), двухконечными остриями (рис. 2, *11*), всевозможными скреблами (рис. 2, *1*, *2*, *5*, *8*, *9*, *12*, *14*), скребками (рис. 2, *10*), орудиями с выступами, орудиями с выемками, проколками (рис. 2, *7*), зубчатыми орудиями и др. Среди скребел имеются с двусторонней, неполной двусторонней и односторонней обработкой. По своим формам они могут быть разделены на несколько подгрупп: угловатые (рис. 2, *12*), с продольными рабочими краями (рис. 2, *5*), полуовальные (рис. 2, *14*), поперечные, скребла с заостренным концом (рис. 2, *1*, *2*), в небольшом количестве скребла с диагональным рабочим краем (рис. 2, *9*) и др. Большинство скребел изготовлены на крупных, толстых и массивных отщепах и пластинах, имеют выпуклое лезвие, обработаны чешуйчатой или ступенчатой ретушью. Иногда лезвие заострено ретушью с двух сторон (рис. 2, *8*). Перечисленные типы скребел характерны для стоянок типа Кина[6]. Этот комплекс содержит и другие орудия, свойственные аналогичным памятникам. К ним относятся двухконечные острия-лимасы, в данном случае ромбовидной формы, остроконечники с подправленным со стороны брюшка основанием (рис. 2, *6*), скребки (рис. 2, *10*), проколки с хорошо оформленным жалом (рис. 2, *7*), зубчатые орудия и орудия с выступами.

Среди инвентаря, изготовленного из кости, имеются «наковаленки», несколько плохо выраженных проколок и одно орудие в виде двухконечного острия со сквозным отверстием в середине. Подобные изделия также известны на стоянках типа Кина.

Как видим, для данного комплекса характерно большое число орудий, и прежде всего скребел, на массивных и толстых заготовках, крутая чешуйчатая или ступенчатая ретушь, а также основные типы орудий, встречающиеся на стоянках типа Кина. Такие типологические особенности, несмотря на локальное своеобразие хотылевского инвентаря, позволяют сопоставлять данный комплекс с кругом мустьерской культуры типа Кина[7].

Судя по условиям залегания, по недостаточно развитой леваллуазской технике скалывания, обилию нуклевидных орудий, значительному проценту двусторонне обработанных изделий, рассмотренный комплекс можно отнести к сравнительно ранней поре мустьерского времени.

В верхней части памятника было заложено два раскопа, в результате чего удалось установить два культурных горизонта находок. Нижний представлял собой слой галечника с большим линзообразным углублением мощностью до 0,8 *м*. Верхний слой являлся присклоновой погребенной почвой с темно-каштановыми и черными гумусовыми прослойками мощностью около 1 *м*.

Особенно богатые и обильные находки дал слой галечника. В нем обнаружено 671 всевозможных нуклеусов, 8202 различных сколов и заготовок, 14 каменных (из валунного материала) отбойников, свыше 180 кремневых орудий и несколько костяных поделок. Как нам представляется,

[6] F. Bordes. Typologie du paleolihtique ancien et moyen, стр. 28—29.

[7] F. Bordes. Mousterien cultures in France. «Science», 134, 3482, 24 september. 1961, стр. 805; Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. 1968, стр. 83—84, табл. XIV—XV.

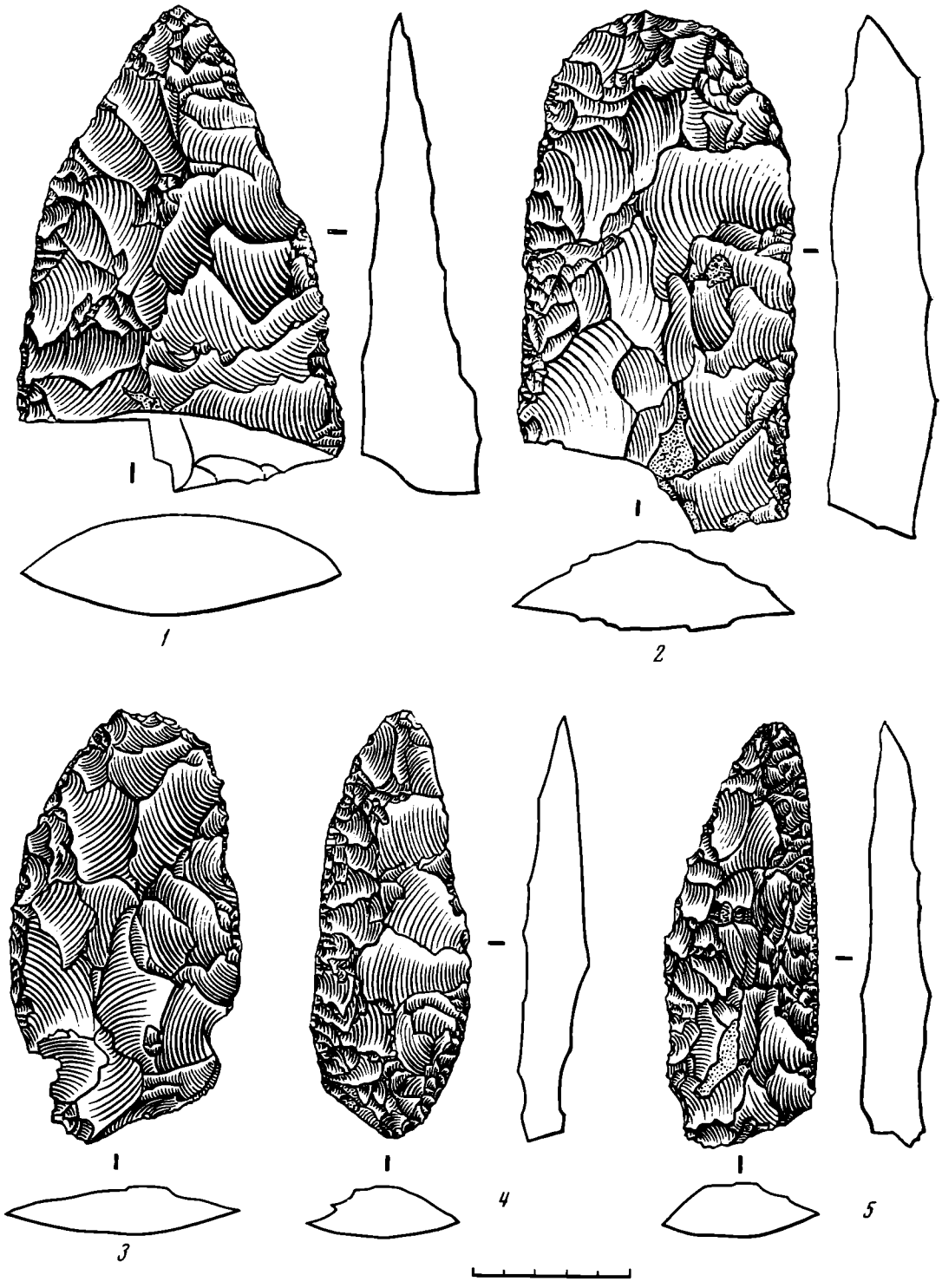


Рис. 3. Двусторонне обработанные орудия мустьерского комплекса из нижнего слоя (слой галечника) верхних раскопов

этот материал связан с остатками (возможно, уже переотложенными) кремнеобрабатывающей мастерской. На это указывает огромное число кусков плитчатого кремня, различных нуклеусов, кремневых сколов (связанных как с расщеплением кремня, так и обработкой орудий), отбойников, дефектных орудий и т. д.

Нуклеусы из нижнего слоя представлены почти теми же типами, что и в первом мустьерском комплексе. Однако в подавляющем большинстве ядрища более крупных размеров, более правильных форм, с более совершенным отделением заготовок. Преобладают леваллуазские ядрища, и особенно черепаховидные. Больше нуклеусов с параллельным скалыванием длинных, сравнительно тонких и правильных пластин. Среди снятий больше пластинчатых заготовок. Все это указывает на развитую леваллуазскую

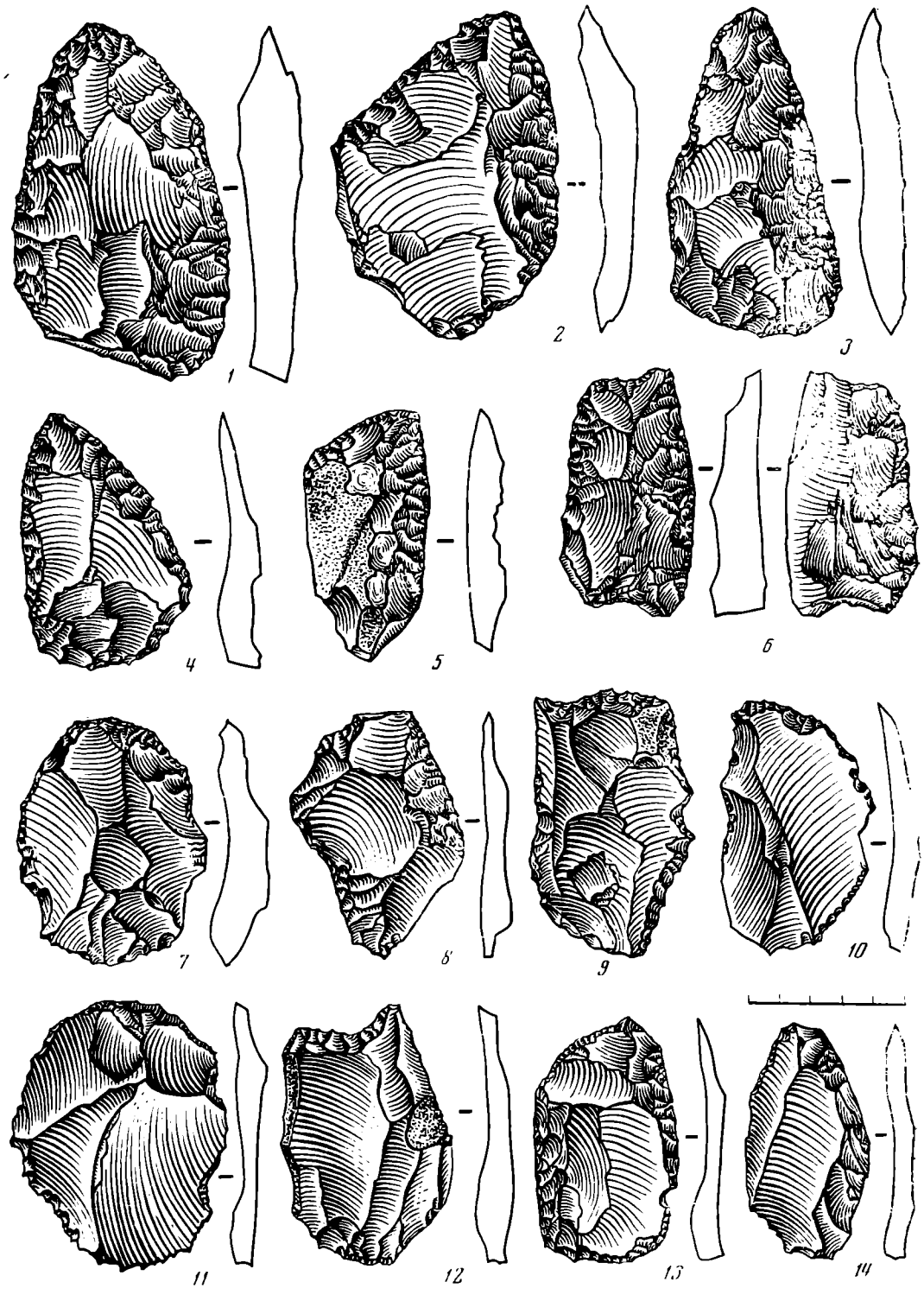


Рис. 4. Орудия мустьерского комплекса из нижнего слоя (слой галечника) верхних раскопов

технику. Поверхность кремневых изделий менее заполирована, чем у мустьерского комплекса из средних раскопов. В связи с этим данный материал выделен нами во второй мустьерский комплекс.

Как и в первом мустьерском комплексе, кремневый инвентарь представлен орудиями с двусторонней обработкой, неполной двусторонней обработкой и орудиями с односторонней обработкой. Но в типологическом отношении они далеко не равнозначны. Мустьерский комплекс из нижнего слоя верхних раскопов имеет изделия типа ручных рубил. Судя по сохранившимся фрагментам, это были крупные, сравнительно уплощенные орудия удлиненно-треугольной формы с плавновыпуклыми рабочими краями (рис. 3, *1*).

Имеются фрагменты от крупных овальных рубил, крупные уплощенные рубящие, скребловидные и режущие бифасы (рис. 3, *2*), изделия листовидных форм, выполнявшие, по-видимому, роль режущих и скребловидных орудий, а в некоторых случаях, возможно, и остроконечников (рис. 3, *3—5*; 4, *1*), пикообразные орудия, двусторонне обработанные скребла, ножи типа пронднк[8] (рис. 4, *6*) и др. Орудия на заготовках представлены угловатыми скреблами (рис. 4, *2, 4—5*), ножевидными и скребловидными орудиями, иногда со стесанным ударным бугорком (рис. 4, *2, 8—10, 12—14*), скребками (рис. 4, *7, 9, 11*), резцами, проколками, зубчатыми орудиями, орудиями с выемками, реже с выступами и т. д. Большинство таких орудий изготовлено на сравнительно тонких и правильных заготовках, обработано преимущественно плоской ретушью. У некоторых рабочий край сочетает несколько видов ретуши.

В то время как в мустьерском комплексе из средней части местонахождения отсутствуют листовидные орудия, но имеются типичные остроконечники, в мустьерском комплексе из нижнего слоя верхних раскопов отсутствуют типичные остроконечники на заготовках, массивные и толстые скребла с крутой чешуйчатой или ступенчатой ретушью типа Кина, двуконечные острия-лимасы, очень мало нуклевидных орудий и орудий с выступами. У некоторых сходных по форме орудий рабочий край повернут в иные стороны. Зубчатые орудия — с более крутыми и резче выраженными краями.

По технике расщепления кремня, способам обработки орудий и типологии инвентаря рассмотренный комплекс близок к мустье с ашельской традицией и леваллуазскому варианту мустье. Данный комплекс содержит такие характерные для этих индустрий типы инвентаря, как треугольные и уплощенные орудия типа ручных рубил, ножи с обушком, своеобразные угловатые скребла, скребла с диагональным лезвием, концевые скребки и огромное количество расчлененных заготовок, иногда со следами употребления[9]. Правда, хотылевский комплекс при наличии общих типологических черт довольно своеобразен и содержит орудия листовидных форм, близкие к «bleatspitzen». Последние характерны особенно для мустье Центральной Европы. Как отмечает Ф. Борд, «они сопровождают в Центральной Европе довольно малоопределенное мустье, которое иногда содержит ашельские традиции»[10]. Что касается восточно-европейских мустьерских памятников, то данный комплекс по наличию орудий листовидных форм ближе всего стоит к крымским стоянкам Чокурча и Староселье[11] и в какой-то мере к Волгоградской стоянке[12], хотя по технике расщепления кремня это совершенно разные индустрии.

Судя по геологическим условиям залегания материала, обилию двусторонне обработанных орудий, применению таких технических приемов в обработке орудий, как противолежащая ретушь, небольшой процент ножей с обушком, рассмотренный комплекс можно отнести к средней поре мустьерского времени.

В верхнем культурном горизонте находок встречено значительно меньше, чем в слое галечника. Здесь найдено всего 56 нуклеусов, 112 разнообразных отщепов, отбойник и 13 разнообразных орудий. Несмотря на небольшое количество кремневых изделий, в целом они дают некоторое

---

[8] В. Хмелевский. Археологические культуры верхнего плейстоцена на территории Польши. Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. КИЧП, 1965, рис. 3—5.

[9] F. Bordes. Mousterien cultures in France, p. 804—805; Г. П. Григорьев. Ук. соч., стр. 84—87, табл. XVI—XVII.

[10] F. Bordes. Typologie du paleolithique ancien et moyen.

[11] Н. Л. Эрнст. Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму. Тр. II МКИЧП, 1934. V, табл. 1; А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, 71, 1958, табл. 45, *1*.

[12] С. Н. Замятин. Сталинградская палеолитическая стоянка. КСИА. 82, 1961, рис. 12, *1*; 13.

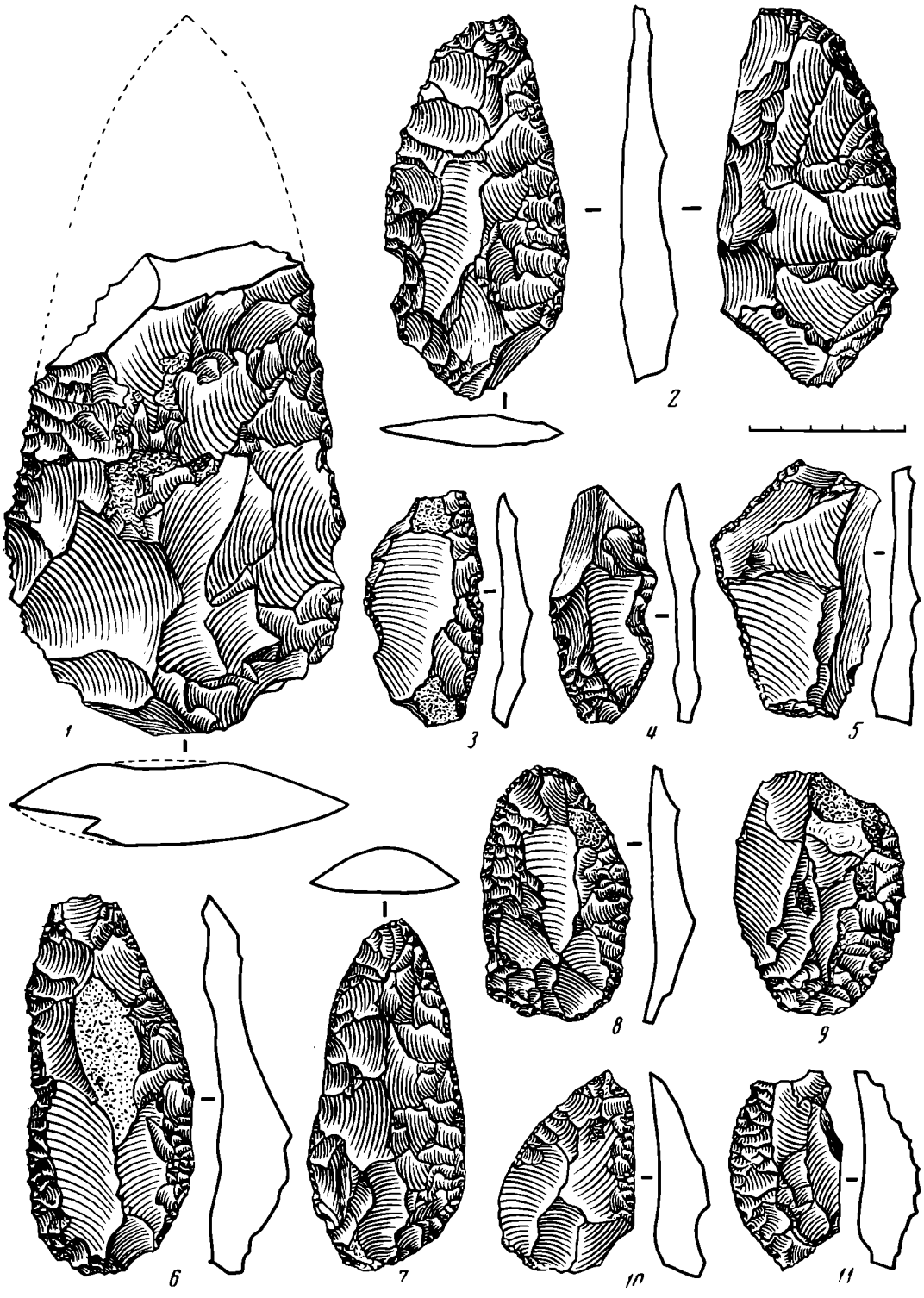


Рис. 5. Орудия мустьерского комплекса из верхнего слоя (слой погребенной присклоновой почвы) верхних раскопов

представление об инвентаре этого горизонта. Он своеобразен и поэтому выделяется нами в третий мустьерский комплекс.

По технике расщепления, приемам обработки и типологии орудий он близок к мустьерскому комплексу из нижнего слоя (слоя галечника). Имеется один экземпляр почти полного крупного орудия типа ручного рубила треугольной формы, с округлой пяткой, сильно уплощенного (рис. 5, *1*), два орудия листовидных форм (рис. 5, *2*, *7*), несколько скребел (рис. 5, *3*, *6*, *8—11*), ножей (рис. 5, *5*) и орудий с выемками (рис. 5, *4*). Скребла изготовлены на отщепах, пластинчатых отщепах и пластинах. Представлены угловатыми (рис. 5, *10*) и продольными или боковыми (рис. 5, *3*, *6*, *8—9*, *11*) типами. Имеются скребла с одним и двумя рабочими краями, в одном

случае полуовальные. Почти все они с выпуклыми лезвиями. Имеются скребла типа Кина (рис. 5, *9*, *11*), но они значительно меньше по своим размерам. У них менее крутой рабочий край, который обработан более тщательной и мелкой чешуйчатой ретушью. Это как бы смягченный тип Кина. По набору скребел этот комплекс отличается от комплекса из нижнего горизонта и в то же время, при наличии некоторых общих типов, от мустьерского комплекса из средних раскопов.

Орудия данного комплекса, и особенно скребла, в какой-то мере ближе к инвентарю стоянок типа Ферраси [13]. Однако при таком сопоставлении надо иметь в виду, что в незначительном количестве скребла типа Кина встречаются в комплексах мустье с ашельской традицией.

Следует также отметить, что в мустьерском комплексе из верхнего слоя имеется значительно больше односторонне патинизированных изделий. Здесь больше изделий, изготовленных из беловатого или светлого опаловидного кремня, почти совершенно не характерного для других мустьерских комплексов. У них еще меньше заполирована поверхность [14]. Если судить по геологическим условиям залегания, он как будто моложе кремневого инвентаря из нижнего горизонта.

В данной работе мы сделали первую попытку типологического и морфологического исследования кремневого материала из Хотылевского палеолитического местонахождения и его сопоставления с индустриями классических памятников мустьерской эпохи. При этом учитывались некоторые различия в технике расщепления кремня, в геологических условиях его залегания, в степени его заполированности и патинизации, в качестве и цвете кремневого сырья. Как видим, типологические особенности каждого комплекса в основном находятся в соответствии с вышеперечисленными факторами.

Большая площадь распространения находок, мощность культурных наслоений, достигающая в отдельных местах значительных размеров, обилие различных изделий указывают на то, что человек в районе с. Хотылево обитал довольно длительное время. Собранный при раскопках материал довольно своеобразен. Возможно, здесь мы имеем дело с особой восточноевропейской мустьерской культурой. На это указывают не только общие технические приемы в расщеплении кремня и обработки орудий, но и типы сходных и даже иногда почти тождественных орудий, столь характерных для других мустьерских культур Центральной и Западной Европы.

[13] Г. П. Григорьев. Ук. соч., стр. 85.

[14] Как отметил в личной беседе С. А. Семенов, заполированность изделий зависит не от степени окатанности, а от степени растворения их поверхности. Чем древнее орудие, тем больше растворена его поверхность.

Р. В. КАТИНЧАРОВ

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ПЕРВОБЫТНОГО ПОСЕЛЕНИЯ В г. НОВА ЗАГОРА (ЮЖНАЯ БОЛГАРИЯ) В 1968 и 1970 гг.

На территории Южной Болгарии находится большое число многослойных первобытных поселений, крайне важных для разработки основных вопросов истории древнейших земледельцев и скотоводов, населявших болгарские земли в неолите, энеолите и бронзовом веке. Но если первые два из этих периодов изучены с относительной полнотой, то третий до сего времени исследован крайне недостаточно. Особенно это касается среднего и позднего бронзового века. Небольшое число подвергавшихся раскопкам поселений и сильная разрушенность их верхних культурных

слоев поздними постройками создавали впечатление, что жизнь на многослойных поселениях Южной Болгарии прекратилась в конце раннего бронзового века — т. е. на грани III и II тысячелетий до н. э. Последующие этапы его развития, охватывавшие II тысячелетие до н. э., были известны нам только по слоям поселений у сел Юнаците (Пазарджикский округ) [1] и Маноле (Пловдивский округ) [2]. Но для создания периодизации бронзового века этой территории материалы указанных памятников явно недостаточны. Это позволило некоторым ученым утверждать, что в Южной Болгарии ранний бронзовый век имел чужеземное происхождение, а средний не зафиксирован совсем [3]. В силу этого понятен особый интерес к памятникам, позволяющим заполнить указанную лакуну. К числу их относится и поселение в г. Нова Загора, раскопки которого проводятся ныне Археологическим институтом БАН при сотрудничестве музея г. Нова Загора.

Прежде чем перейти к результатам этих раскопок, напомним, что в районе Новой Загоры отмечено особенно значительное сосредоточение первобытных поселений. В 10 *км* к северо-западу от города расположено знаменитое Карановское поселение, а в 3 *км* к юго-востоку от Новой Загоры — поселение у с. Эзеро, исследуемое болгаро-советской экспедицией [4]. Верхний культурный слой последнего отражает непрерывное развитие культуры раннего бронзового века, охватывающее почти все III тысячелетие до н. э. Прямое же продолжение этой линии развития представлено материалами Новозагорского поселения, отражающими следующий этап бронзового века Южной Болгарии и относящимися уже ко II тысячелетию до н. э.

Поселение расположено в юго-западном районе Новой Загоры, на правом — высоком берегу старого русла р. Чатал Азмак, омывавшей поселение с восточной и северной сторон. Поверхность значительно нивелирована многолетней обработкой. С севера холм очерчен четко, западная же и восточная полы сливаются с окружающей местностью. В основании холм овальный. Диаметры его 150 × 120 *м*. Толщина культурного слоя около 3 *м*.

Непосредственно перед освобождением Болгарии от турецкого ига почти вся территория поселения служила кладбищем, а после освобождения — вплоть до 1936 г.— она была заселена цыганским населением Новой Загоры.

Обильный подъемный материал показывает, что помимо основного слоя среднего бронзового века в южной части холма имелись остатки поселения конца бронзового и начала железного века. Есть и более поздние находки, относящиеся ко второй половине I тысячелетия до н. э., но они единичны: слой этого периода уничтожен почти полностью.

Раскопки поселения начались в 1968 г. Работы ведутся в северо-восточной его части на площади 50 × 30 *м*. До сего времени вскрыты пять строительных горизонтов слоя бронзового века. Из них два верхних, а частично и третий сильно разрушены кладбищем. Поэтому полные планы жилищ здесь не установлены. В последующих двух горизонтах жилые сооружения сохранились заметно лучше. В IV горизонте открыты основания двух жилищ, в которых найдено большое число целых и фрагментированных сосудов (кувшины и кубки с косо срезанным горлом и высокими, увенчанными навершием ручками) и совсем немного орудий труда. В V горизонте расчищены основания четырех сгоревших жилищ. Стены

---

[1] В. Миков. Селищната могила при Юнаците (Пазарджишко). «Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей. 1937—1939». София, 1940.

[2] П. Детев. Селищната могила Разкопаница. ИБАИ (ИАИ), XVII, 1950.

[3] J. Mellaart. Anatolia and the Balkans. «Antiquity», 136, 1960.

[4] Г. Георгиев, Н. Я. Мерперт. Раскопки многослойного поселения у с. Езеро близ г. Нова Загора в 1963. ИБАИ (ИАИ), XXVIII, 1965.

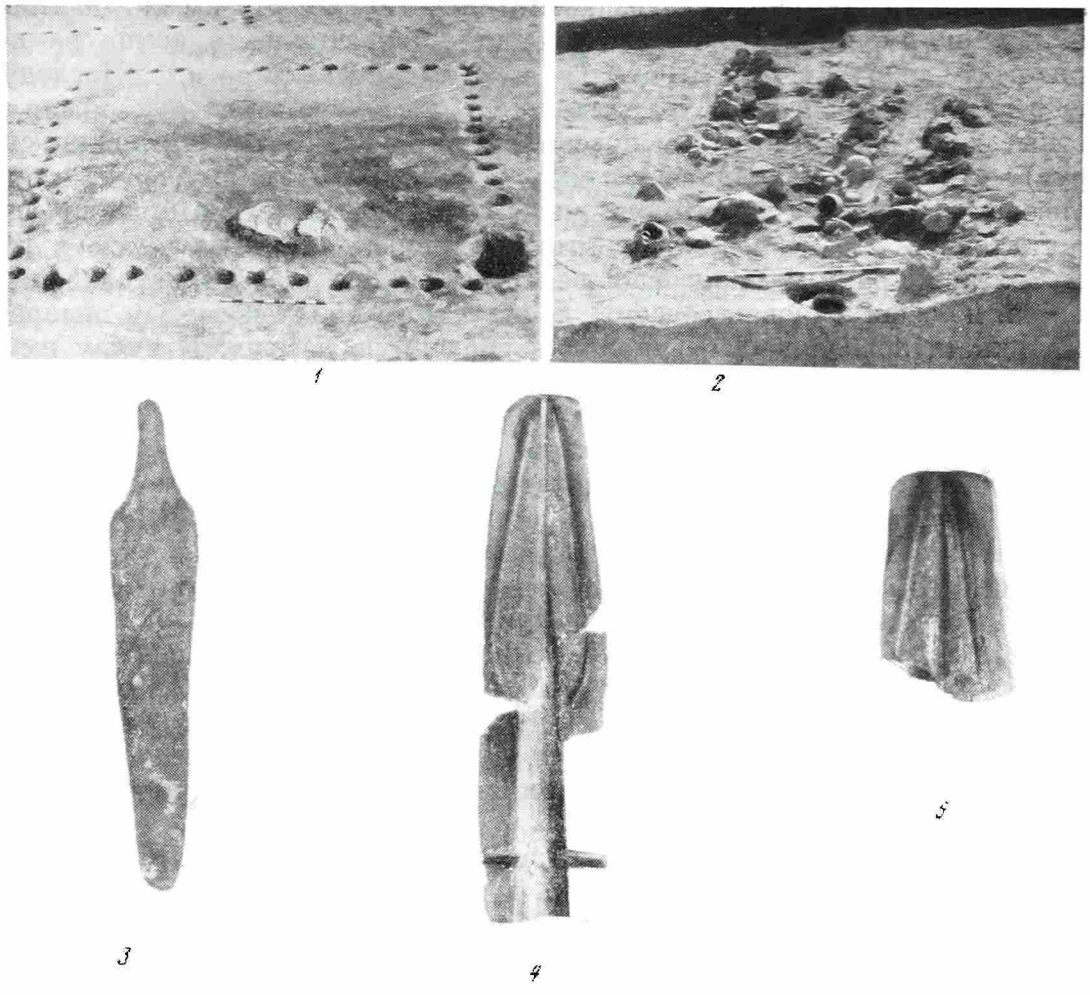


Рис. 1. Жилища и инвентарь поселения в г. Нова Загора

1 — основание жилища с печью из V горизонта; *2* — скопление сосудов в одном из жилищ; *3* — медный нож из III горизонта; *4, 5* — глиняная форма для отливки копья из II горизонта

их состояли из рядов забитых в землю кольев, оплетенных ветвями и обмазанных глиной. В глиняной штукатурке отмечена заметная примесь рубленой соломы. В плане жилища имели подпрямоугольную (близкую трапеции) форму (рис. 1, *1*). Длина их 6—6,5, ширина 5,5—6 *м*. Они располагались в два ряда, между которыми проходили узкие улочки шириной 1,5—2 *м*. Ориентированы жилища с востока на запад. Два жилища имели вход с восточной стороны, два других — с западной. Для предохранения от сырости полы покрыты толстым слоем глины, который в одном из жилищ трижды обновлялся. Каждое жилище имело подковообразную или эллипсовидную печь (длиной до 1,70 и шириной до 1,30 *м*), расположенную у задней стены (почти против входа) и приподнятую на 20—25 *см* выше пола. Основы печей были выложены мелким камнем или черепками сосудов, их перекрывал слой глины, гладко отполированный и представляющий под печи. При реконструкции жилищ печь обновлялась, а иногда и несколько перемещалась. В жилищах имелись также сосуды-зернохранилища (высотой 60—80 при диаметре 40—60 *см*) из необожженной глины с примесью соломы. В одном доме таких сосудов было четыре. В них обнаружено большое количество зерн обугленной пшеницы, ячменя, сорго и т. п.

По сравнению с домами поселения у Эзера, жилища Новозагорского поселения более массивны: колья, составлявшие основу стен, толще, а покрывавшие их слои штукатурки значительнее.

Немногочисленные орудия труда сделаны из кремня, других сортов камня, кости, рога и меди. Найдены каменные тесла, долота, проушные топоры, лощила, булавы, пули для пращи, точильные камни, абразивные инструменты, кремневые ножи, скребки и проколки.

Из кости и рога сделаны мотыги, шилья, иглы и молотки. Наиболее многочисленны мотыги, которые наряду с другими орудиями и обугленным зерном являются свидетельством развития земледелия в исследуемый период.

Вызывает удивление незначительное число каменных и костяных орудий, найденных на сравнительно большой площади (1500 $м^2$). В Эзере число их заметно больше [5]. По всей вероятности, в Новозагорском поселении значительно большая роль принадлежала уже медным и бронзовым орудиям. Это подтверждается находками не только самих изделий (рис. 1, *3*), но и форм для их отливки. Большинство форм найдено на одном участке, что доказывает определенную локализацию существовавшего на поселении металлообрабатывающего производства. В IV и V горизонтах найдены каменные формы для отливки втульчатых топоров, во втором горизонте — каменная же форма для отливки плоского тесла. Наибольший интерес представляет двусторонняя форма для отливки втульчатого копья, также найденная во II горизонте (рис. 1, *4—5*). Одна ее половина сохранилась полностью, вторая частично. Форма выполнена из хорошо отмученной глины и имеет серо-коричневую полированную поверхность, внутри же она серо-черная и местами сильно обгорела в результате длительного использования. Длина формы 24,5, ширина 6,5, толщина 4,4 *см*. Отливавшееся в ней копье имело листовидное перо длиной 14,5 и шириной 4,5 *см* и конусовидную втулку длиной 10 *см* при диаметре основания 3,3 *см*. Копья подобного типа появляются в Европе не ранее среднего бронзового века, изредка они встречаются в Греции (микенские шахтные гробницы) и в Подунавье (копье из собрания И. Эванса, Венгрия), но наиболее близкие новозагорской форме аналогии известны среди восточноевропейских копий третьей четверти II тысячелетия до н. э. (бородинские, сейминско-турбинские и пр. копья). Следует подчеркнуть, что данная форма найдена в самой верхней части культурного слоя.

В краткой статье невозможен анализ огромного керамического материала, открытого при раскопках поселения (рис. 1, *2*). Остановимся поэтому лишь на некоторых основных формах сосудов, дающих возможность проследить соотношение нашего культурного слоя с культурным слоем раннего бронзового века, исследованным в Эзеро.

Наиболее распространенная в Новозагорском поселении форма — кувшин с косо срезанным горлом и вертикальной ручкой, начинающейся от самого края устья или немного ниже. Большинство ручек имеют конусовидные или цилиндрические навершия. Высота кувшинов 16—25, диаметр 12—20 *см* (рис. 2, *1, 2*). Много кубков с подобными же ручками. Их высота 16—20, диаметр 5—10 *см* (рис. 2, *3—5*).

Еще одна характерная форма, существующая с самого начала бронзового века вплоть до поздних его этапов,— чаша с завернутым венчиком. Средний диаметр их 15—20 *см*, но есть и большие. Некоторые имеют носик. Особенно интересна чаша из II горизонта, найденная вблизи формы для отливки копья. Она имеет носик и на противоположной стороне — ручку с навершием. От края устья по тулову спускаются группы вертикальных резных линий. Высота чаши 8,5, диаметр 23,5 *см*. Поверхность серо-черная, лощеная (рис. 2, *6*).

Встречены и глубокие горшки с орнаментальными валиками, покрытыми насечкой или ямками. Сосуды этого типа использовались как хранилища или урны для погребения младенцев: одно такое хорошо сохранив-

---

[5] Г. И. Георгиев. Раскопки на Дипсизката селищна могила при с. Езеро през 1964 и 1965 гг. «Археология», VIII, 1966, 3, стр. 13.

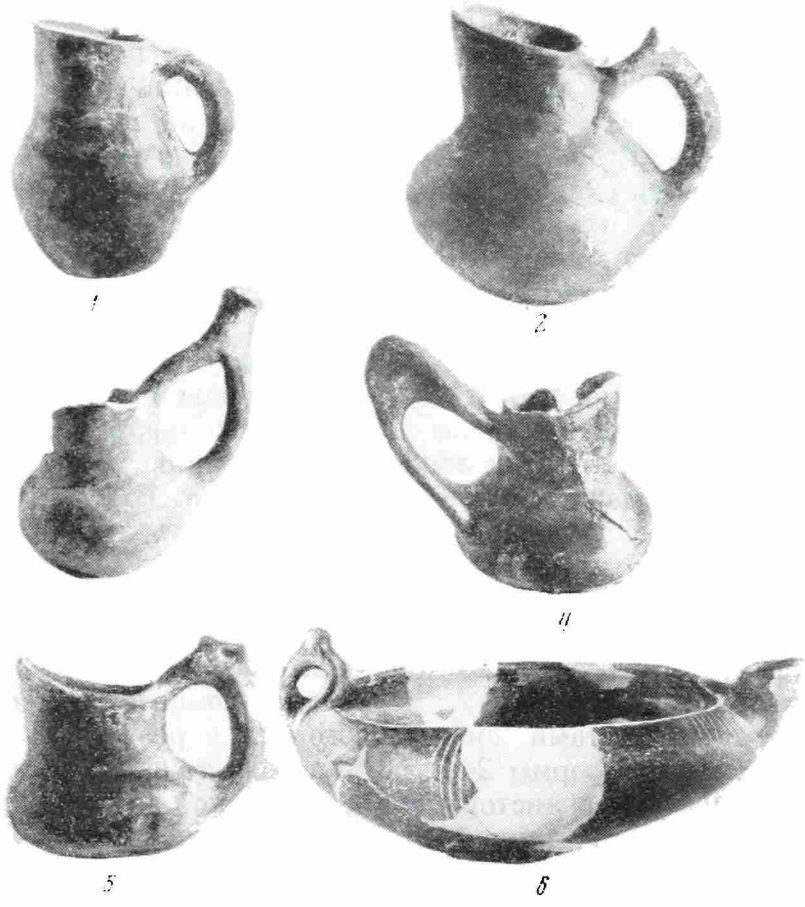


Рис. 2. Керамика поселения в г. Нова Загора

1, 3 — из V горизонта; *2* — из I горизонта; *4* — из IV горизонта; *5, 6* — из II горизонта

шееся погребение найдено в III горизонте. Все найденные на поселении сосуды имеют черную, серо-черную или коричневую поверхность, хорошо заглаженную, а часто и лощеную.

Для установления места Новозагорского поселения в развитии бронзового века на территории Болгарии необходимо кратко остановиться на стратиграфии поселения у Эзера. В четырехметровом ее слое, принадлежащем раннему бронзовому веку, выделены 13 строительных горизонтов, наслоившихся в течение длительного периода. Это дает возможность синхронизировать определенные горизонты Эзера не с одним, а с несколькими периодами Трои [6].

В нижних горизонтах весь керамический комплекс в основном находит параллели в Трое I [7]. В средних горизонтах сохраняются определенные архаичные формы, но наряду с ними — в конце периода — появляются формы, характерные уже для Трои II [8]. В верхних горизонтах отмечаются некоторые новые черты в керамическом комплексе. Распространяются кувшины с косо срезанным горлом (ранее известные, но лишь в единичных случаях) и кубки с высокими, увенчанными навершиями ручками. Возрастает число высоких сосудов с рельефным орнаментом в виде валиков с ямками или насечкой. Эти формы находят аналогии в Трое III и IV [9].

[6] Г. Георгиев и Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 154 сл.

[7] Н. Я. Мерперт. Ранний бронзовый век Южной Болгарии. «Actes du Premier Congres International des études Balkaniques et Sud-Eest Européennes», Sofia, 1970, стр. 250.

[8] Там же, стр. 251.

[9] Там же, стр. 252.

В нижних — V и IV горизонтах Новозагорского поселения — найдены почти все формы сосудов, наиболее характерных для самых верхних (финальных) горизонтов Эзера. Этот факт доказывает не только одно-культурность и безусловную связь между двумя поселениями, но и то, что Новозагорское поселение является прямым продолжением Эзера и знаменует следующий этап развития культуры бронзового века Юго-Восточной Болгарии. В III, II и I горизонтах число таких сосудов все более возрастает, появляются и новые, еще более поздние формы, находящие аналогии в Юнаците [10] и на Разкопанице [11]. В этих горизонтах найдены большие сосуды с двумя массивными ручками, увенчанными конусовидным или цилиндрическим навершием. Точно такие же сосуды найдены в нижнем слое Разкопаницы [12], относящиеся к позднему бронзовому веку.

Если к хорошо изученным 13 строительным горизонтам Эзера прибавить установленные до сего времени пять горизонтов Новозагорского поселения, то культурный слой бронзового века превысит 6,5 *м*, а число горизонтов достигнет минимум 18. В рамках этих строительных горизонтов и прослежено последовательное развитие единой культуры. Основываясь на этих данных, мы предлагаем некоторые поправки к периодизации культуры бронзового века Юго-Восточной Болгарии. Нижние и средние горизонты слоя бронзового века Эзера мы относим к раннему периоду, поздние же горизонты слоя бронзового века Эзера вместе с пятью горизонтами Новозагорского поселения — к среднему периоду бронзового века.

Изучение Новозагорского поселения создает возможность заполнения существенной лакуны в наших представлениях о развитии бронзового века рассматриваемой территории, заметно пополняя материалы среднего его периода. Поздний период бронзового века и начало железного века освещены материалами поселений Разкопаница [13], Асеновец Сливенского округа [14] и др.

Можно надеяться, что систематические исследования заметно пополнят эти материалы и что уже в недалеком будущем мы сможем проследить основные этапы культурного развития Юго-Восточной Болгарии на протяжении всего II тысячелетия до н. э.

---

[10] В. Миков. Ук. соч., рис. 21.
[11] П. Детев. Ук. соч., рис. 110, 115, 117, 119, 120, 122, 124—126.
[12] Там же, рис. 112.
[13] Там же, стр. 171—190.
[14] Материалы находятся в музее г. Нова Загора. Ознакомлению с ними мы обязаны директору музея М. Кънчеву, за что выражаем ему глубокую благодарность.

В. А. ПАДИН

РАСКОПКИ НА ХОЛМЕ

Стоянка Холм находится в 5 *км* от г. Трубчевска на р. Нерусе — левом притоке Десны. На памятнике в свое время побывали Н. В. Воеводский и В. П. Левенок, которые заложили здесь небольшие шурфы и произвели зачистку берега [1]. В 1960 г. нами были заложены здесь три раскопа общей площадью 80 *м*^{2}. Культурный слой залегает сразу же под дерном и представляет собой гумусированный (а в третьем раскопе желтый сыпучий) песок мощностью 0,3—0,6 *м*. Следов жилых сооружений не обнаружено. Насыщенность культурного слоя находками слабая, возможно потому, что основная площадь поселения размыта р. Нерусой.

Отсутствие следов сооружений в культурном слое связано прежде всего с его переотложенностью (может быть, и не на всех участках), о чем

---

[1] В. П. Левенок. Неолит верхнего участка бассейна средней Десны. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 60—66.

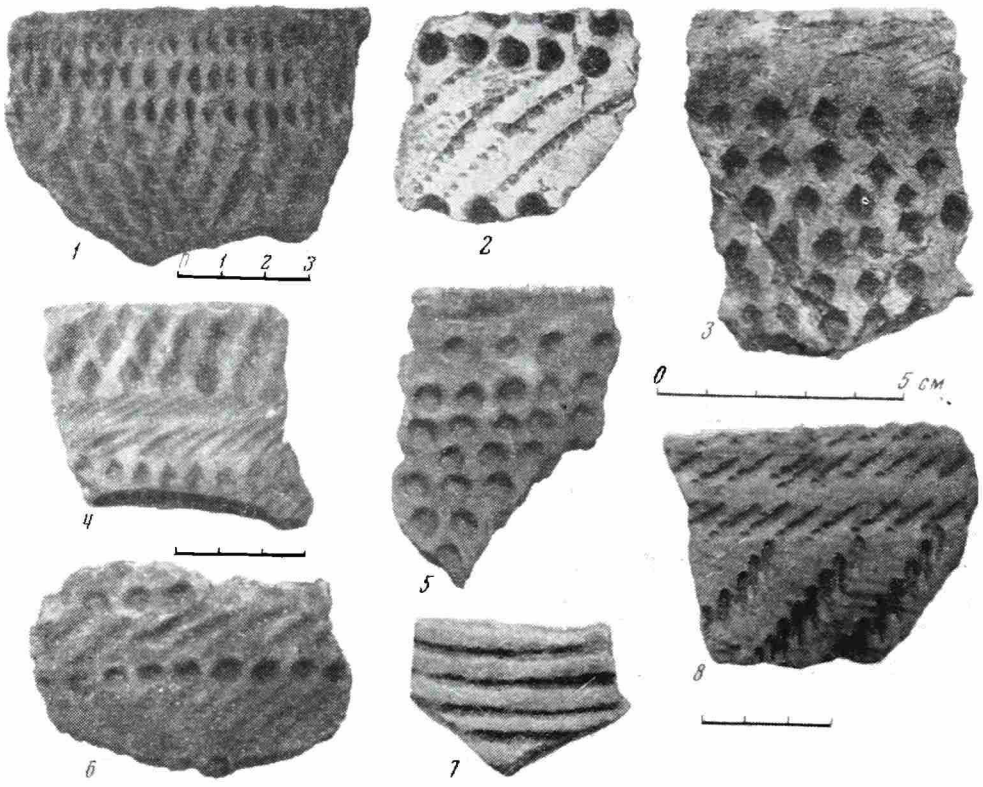


Рис. 1. Неолитическая керамика

1—6 — ранний комплекс; *7, 8* — керамика позднеолитического облика

говорят находки в одних и тех же стратиграфических условиях разновременных материалов.

В верхних штыках, например, среди керамики эпохи бронзы встречено много неолитических черепков, и наоборот, в нижнем штыке среди неолитической керамики имеется посуда бронзового времени.

Наибольшее количество керамики и орудий найдено в раскопе 1, заложенном в северной части Холма. Керамика этой стоянки, как и орудия, делится на две группы, первая из которых относится к неолиту, вторая — к бронзовому веку.

Неолитическая керамика орнаментирована круглыми, ромбическими, овальными ямками, часто сочетающимися с оттисками гребенчатого штампа. Встречен орнамент гребенчато-лунчатый (рис. 1, *1*). Венчики прямые, иногда несколько вогнутые внутрь (на позднем этапе чуть отогнутые), прямосрезанные или закругленные. Цвет буро-желтоватый, коричневый и коричневато-серый. Есть фрагменты с гусеничным орнаментом. На позднем этапе неолита верхняя часть сосудов украшалась горизонтальным рядом «жемчужин», чередующихся с ямками. Толщина стенок колеблется от 0,4 до 1 *см*.

К древнейшему типу относится остродонная керамика, орнаментированная четкими правильными круглыми или ромбическими глубокими ямками вперемежку с поясками оттисков гребенчатого штампа (рис. 1, *2, 3, 5, 6*). Ромбические ямки имеют правильное пирамидальное дно. Круглоямочный орнамент близко напоминает орнаменты Белевской стоянки [2]. Такая орнаментация отмечена М. Е. Фосс на керамике древневолжского

[2] А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 19.

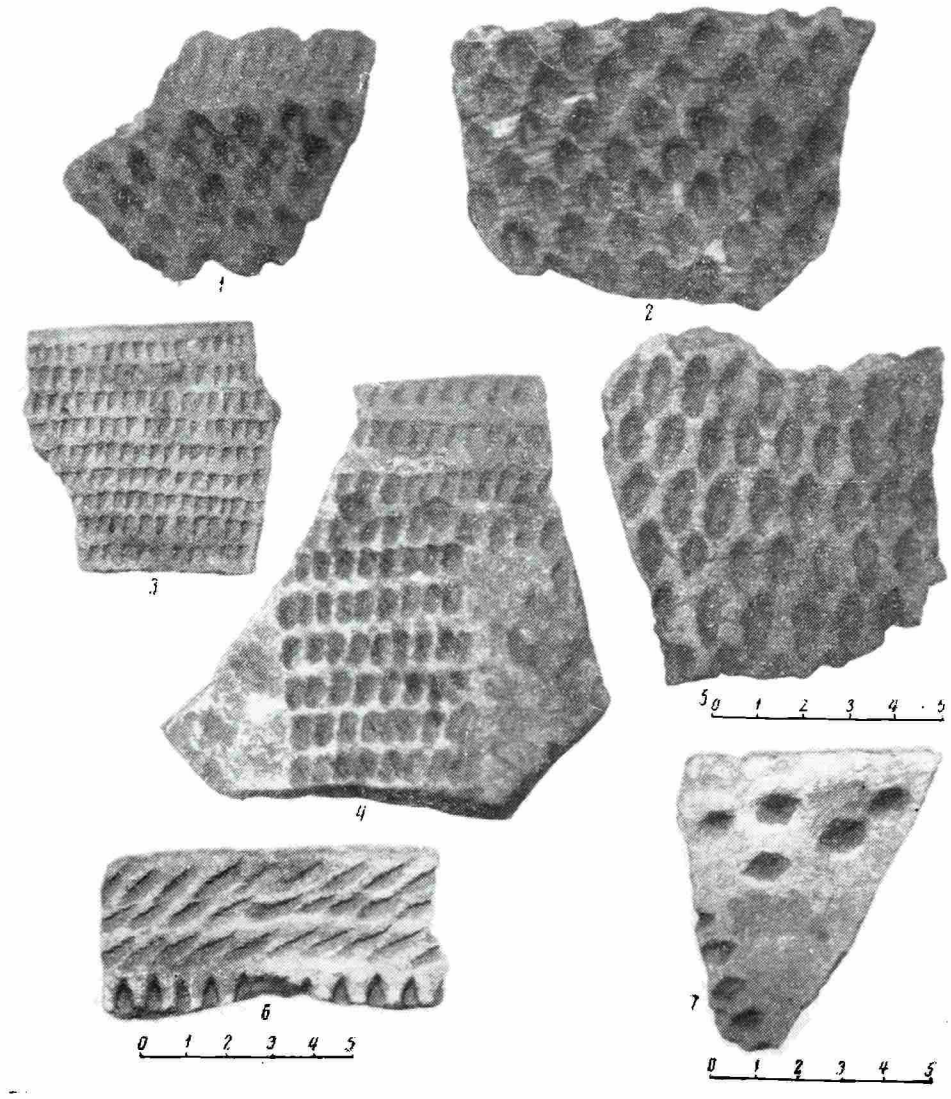


Рис. 2. Керамика позднего неолита

типа [3]. В деснинских неолитических памятниках она найдена на стоянке Городцы и особенно на стоянке Новая речка в Трубчевском районе [4].

Иногда вертикально расположенные ромбические ямки (10×5 *мм*) с пирамидальным дном сочетаются не только с поясками оттисков гребенчатого штампа, но с более мелкими (5×3 *мм*) четкими ромбическими ямками (рис. 1, *4*). Посуда этого типа имеет «типичный ромбический орнамент», по определению А. Я. Брюсова [5].

На последнем этапе неолита в орнаменте посуды Холма появляются ямки, имеющие не совсем четкую форму ромба (рис. 2, *1*), овально-вытянутые (рис. 2, *2*, *4*), глубоко врезанные гребенкой желобки, создающие своеобразные валики (рис. 1, *7*), появляются пальцевые защипы по венчику (рис. 2, *1*), разреженный ямочно-ромбический орнамент (рис. 2, *7*), оттиски крупного гребенчатого штампа (рис. 1, *8*). Правильные круглые или ромбические ямки сменяются ямками неправильной формы, разбро-

[3] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, рис. 19.

[4] Фонды Трубчевского музея, № 1665.

[5] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 89.

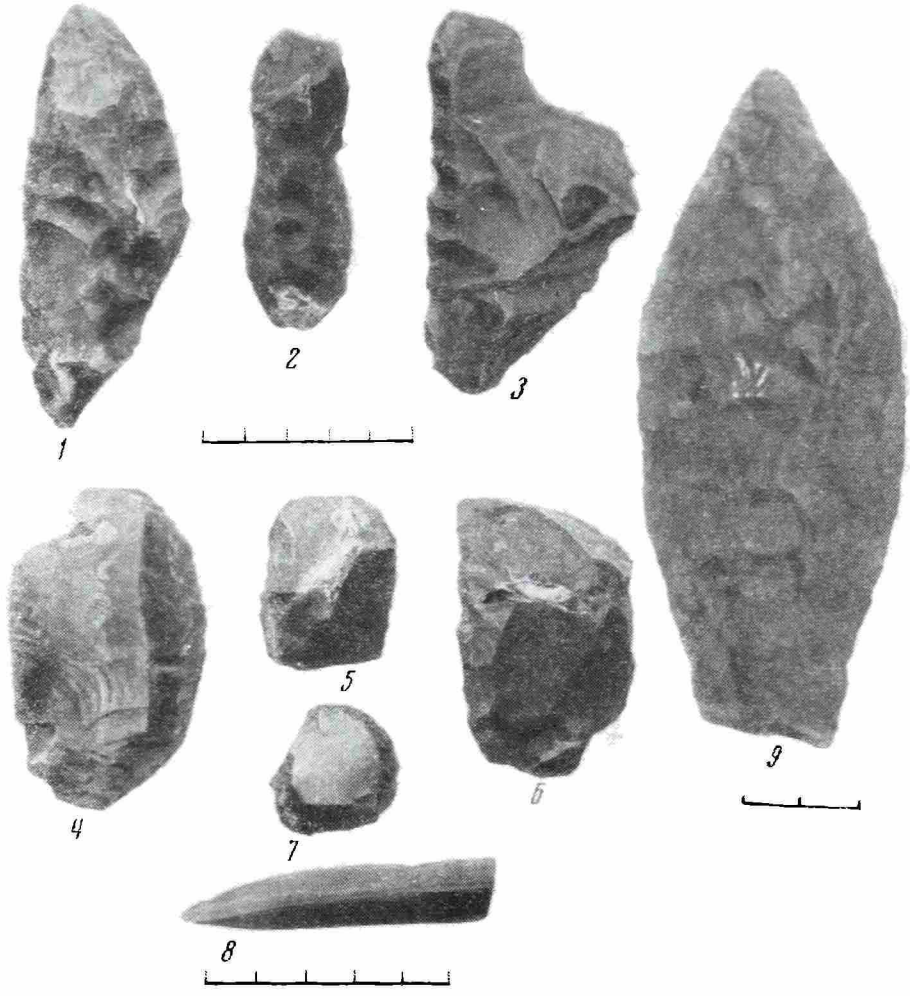


Рис. 3. Каменный инвентарь неолитической эпохи

санными по поверхности посуды зигзагообразными поясами, образующими ромбическую сетку.

Раскоп 2 был заложен в западной части Холма. Чуть западнее этого участка когда-то текла Неруса, о чем говорит продолговатая низинка в пойме.

В слое раскопа встречено несколько черепков неолитического и бронзового времени, сверло, обломок ножа с односторонней отжимной ретушью (на пластине), нуклеус, а также (на глубине 0,6 *м*) железный серп и обломок рыболовного грузила юхновской культуры. Здесь же найден маленький наконечник кремневой стрелы, ромбический, с хорошо выраженным черешком.

Раскоп 3 был заложен в юго-западной части Холма. На глубине 0,5 *м* найден обломок шлифованного большого топора, на глубине около 0,6 *м* два скребка и около 30 фрагментов керамики эпохи неолита и бронзы, аналогичной посуде из раскопа № 1. Однако здесь не встречено шнурового орнамента, зато характерна керамика, украшенная ямками. Но слой, видимо, и здесь переотложен, так как на глубине 0,50 *м* вместе с керамикой эпохи бронзы (здесь встречены обломки зарубинецкого горшка) найдены неолитические черепки, а на глубине 0,50—0,70 *м* вместе с неолитической керамикой — обломки посуды бронзового века. Возможно, это результат какого-то перекопа, следы которого песок не сохранил. Неолитическая керамика более многочисленна.

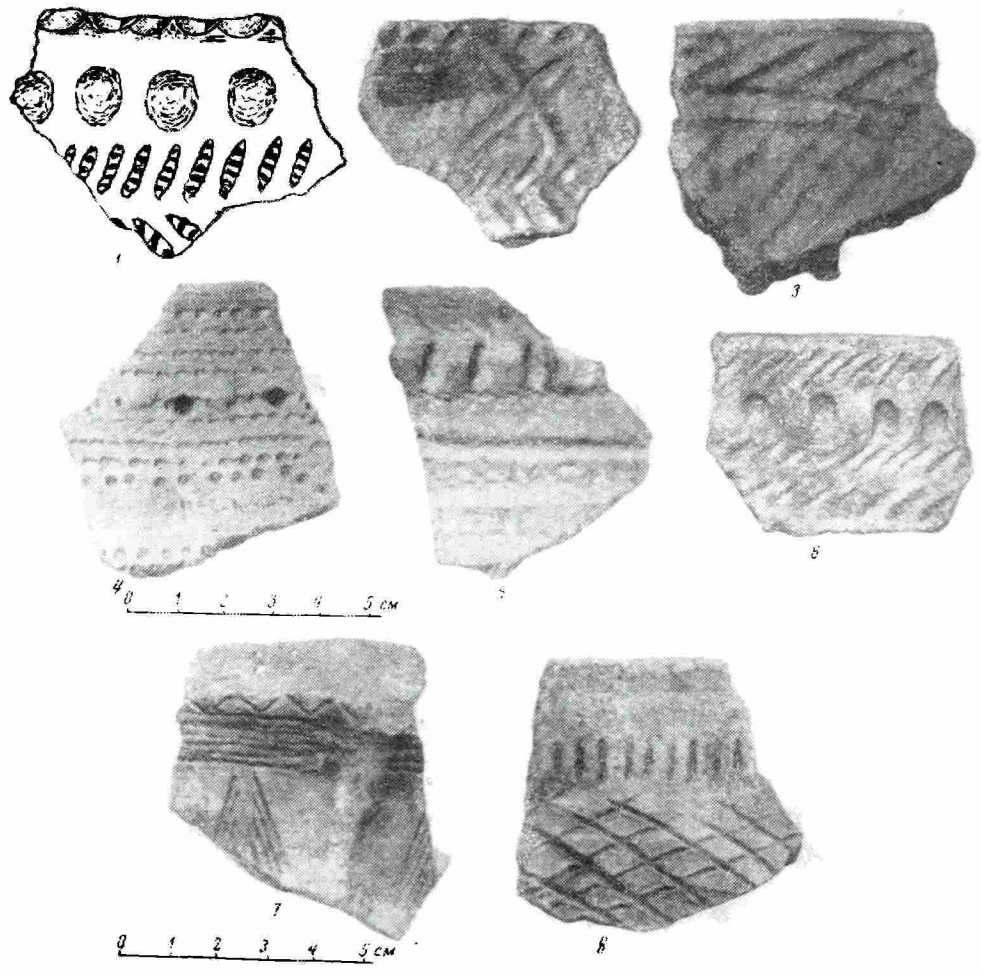


Рис. 4. Керамика бронзового века

Основным орнаментом для ранней керамики Холма, как и для посуды деснинского неолита, является круглоямочный и ромбический, часто сочетающийся с гребенчатым [6].

В раскопках найдено 35 кремневых орудий (топорик, обломок топора или незаконченное орудие для муфты, три наконечника дротиков, два наконечника стрел, проколка, 10 ножей, несколько отщепов и обломков орудий). Кремень преимущественно черный.

Ножи сделаны из отщепов, ножевидных пластин, имеют заостряющую ретушь по одной или двум боковым сторонам. Два ножа (раскоп 1, глубина 0,50 *м*) изготовлены из массивных отщепов с ретушью по одной боковой стороне. Два других (раскоп 1, глубина 0,60 *м*) ретушированы по всей поверхности. Лезвия некоторых ножей лишь частично подправлены грубой ретушью (рис. 3, *2, 3*).

Один нож, сделанный из пластины путем обработки ретушью обоих краев (раскоп 1, глубина 0,40 *м*), видимо, выполнял функции резчика, так как его третий край заметно сработан.

Среди находок в раскопе 2 (глубина 0,50 *м*) имеется резец, сделанный из ретушированной по двум краям пластины со сбитым верхом (рис. 3, *6*). Встречено сверло (раскоп 2, глубина 0,40 *м*), изготовленное из отщепа, и проколка из узкой длинной пластинки (раскоп 3, глубина 0,50 *м*). Найдено шесть скребков, типичных для неолита Десны. Они изготовлены из широких отщепов с краевой крутой ретушью лезвия. Форма скребков преиму-

[6] И. Г. Розенфельд. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э. КСИИМК, 75, 1959.

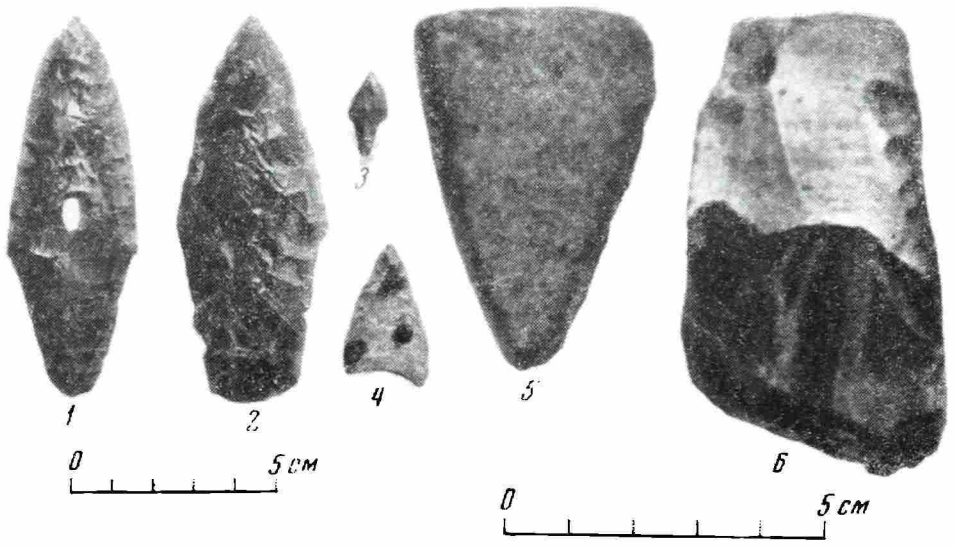


Рис. 5. Каменные орудия эпохи бронзы

щественно округлая (рис. 3, *5, 7*). Каменный инвентарь Холма, так же как и керамика, имеет много общего с развитым неолитом Оки. Неолитическому времени принадлежал также и листовидный дротик длиной 11,5 *см*, изготовленный при помощи плоской отжимной ретуши (рис. 3, *9*).

Керамика эпохи бронзы орнаментирована врезанными линиями, образующими фестоны, треугольники, сетки. Иногда сосуд опоясывают узоры из оттисков шнура. Встречаются оттянутые валики, часты защипы, придающие венчику своеобразную волнистость, ногтевые вдавления, отпечатки ткани. Иногда верхняя часть сосуда полностью покрыта скошенными оттисками гребенчатого штампа. Все эти элементы встречаются на одном сосуде в разных сочетаниях.

Найдена посуда без орнамента или заглаженная гребенкой, а также много фрагментов (в том числе и неолитические) с заштрихованной внутренней поверхностью. Цвет наружной поверхности керамики бронзового века буро-желтоватый, коричневый или серый, а внутренний — темно-серый. Глина без примесей или с песком, иногда с дресвой, часто плотная. Стенки сосудов имеют толщину от 4 до 9 *мм*. Венчики как прямые, так и с небольшими отклонениями, прямосрезанные и закругленные; днища круглые и плоские.

Несомненно, к ранней поре бронзового века относятся толстостенные (до 9 *мм*) круглодонные сосуды с чуть намечающейся отогнутостью венчика, украшенные ложношнуровым орнаментом, нанесенным зубчатым штампом (рис. 4, *3*).

Один из черепков имел прямой венчик со скошенным внутрь срезом, с орнаментом из нарезных перекрещивающихся линий, заканчивающихся в 25 *мм* ниже края венчика. Свободное от клеток поле на шейке сосуда орнаментировано вертикальными оттисками гребенчатого штампа (рис. 4, *8*). Такой орнамент довольно редок для стоянок Десны и, видимо, относится к поздней бронзе.

Встречены черепки с прямым венчиком, украшенным по срезу защипами и ногтевыми вдавлениями, с продолговатыми ямками изнутри, создающими на внешней поверхности горловины поясок из ритмично расположенных овальных выпуклостей, ниже которого нанесен орнамент из косых оттисков гребенчатого штампа. Тесто с песком, буро-серого цвета, толщиной 7 *мм* (рис. 4, *1*). Найдены фрагменты остроребернного сосуда срубного типа (рис. 4, *7*), а также тонкостенного (3—4 *мм*) сосуда с отогнутым венчиком и выраженными плечиками (цвет бурый, глина с пе-

ском); он украшен желобком на границе плечиков и горла, имитирующим оттиск веревочки, и поясками из оттисков гребенки, идущих вокруг сосуда. Косые накалы штампа есть на округлом срезе венчика. На внешней и внутренней поверхности стенок имеются отпечатки ткани, а по горловине, чуть ниже края венчика, расположен поясок из узких вертикальных вдавлений, сделанных снаружи и изнутри, которые проходят по оттянутому валику (рис. 4, *5*).

Ряд сосудов эпохи бронзы имеет отверстия, просверленные снаружи. Некоторые отверстия находятся чуть ниже края венчика и, очевидно, служили для подвешивания. К эпохе бронзы относятся два наконечника дротиков (раскоп 1, глубина 0,60 и 0,55 *м*), изготовленные из массивных удлиненных отщипов. Они имеют поперечное ромбическое сечение. Перо удлиненное, треугольное, отчетливо выделены насады в виде овальных черешков. Обе поверхности наконечников обработаны плоской ретушью, в некоторых местах видна вторичная подправка по краям пера (рис. 5, *1, 2*). Из двух наконечников стрел — один ромбический, с длинным черешком (раскоп 2, глубина 0,60 *м*), другой с выемкой вместо черешка (раскоп 1, глубина 0,60 *м*; рис. 5, *3*, *4*). Среди других каменных орудий отметим целый шлифованный топорик (раскоп 1, глубина 0,50 *м*), прямоугольный в сечении, с оббитым лезвием (рис. 5, *5*); обломок топора, также шлифованного (рис. 5, *6*), и нож, сделанный в виде наконечника, который явно относится к эпохе бронзы (рис. 3, *1*).

Если ранняя керамика Холма имеет сходство с посудой неолитических стоянок Оки, то на более позднем этапе в ней видно влияние южных культур неолита и бронзы (ямки с неопределенными очертаниями, нарезной и «защипной» орнамент и т. д.).

Материалы, добытые на Холме, представляют определенную научную ценность, так как помогают знакомству с малоизученным районом Десны, археологические памятники которого чрезвычайно важны в изучении древних племен Восточной Европы.

Ф. Х. АРСЛАНОВА

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ VII—VI ВВ. ДО Н. Э. ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Проблема происхождения и исторического развития населения Сибири и Казахстана VII—VI вв. до н. э. за последние годы все больше привлекает внимание исследователей. Имеющийся в распоряжении специалистов археологический материал позволяет уже теперь воссоздать структуру хозяйства и общественных отношений древних племен, населявших районы Сибири, Алтая и Казахстана.

С переходом населения степных районов к новой, более прогрессивной форме хозяйства — кочевому скотоводству — соответственно изменяется быт, облик материальной культуры, социальные отношения. Происшедшие изменения в форме предметов быта, вооружения, конской сбруи, украшений рассмотрены в ряде специальных работ, посвященных изучению археологических памятников указанной территории [1].

[1] М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, 61, 1956; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963; С. С. Черников. Загадка Золотого кургана. М., 1965; М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. В кн.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. О. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен татарской культуры. М., 1967.

В свете новых исследований особенно возрастает интерес к археологическим памятникам Восточного Казахстана, территория которого являлась как бы связующим звеном между Западом (Семиречье, Средняя Азия, Центральный Казахстан) и Востоком (Алтай, Минусинская котловина).

В последней работе Н. Л. Членовой на многочисленном, ярком и разнообразном материале убедительно показано наличие взаимосвязей племен тагарской культуры Сибири с населением Восточного Казахстана в VII—VI вв. до н. э. Позже (VI—V вв. до н. э.) в результате развития внутренних и внешних причин «...имела место миграция населения с Алтая и из Восточного Казахстана в Минусинскую котловину» [2], что привело там к изменению форм погребальных сооружений и предметов материальной культуры. Вот почему каждое новое свидетельство того отдаленного прошлого, будь то исследование целого комплекса сооружения или случайная находка, существенно дополняет наши сведения о племенах, живших в период VII—VI вв. до н. э.

В этой связи заслуживают внимания случайные находки, обнаруженные в с. Камышинке (Шемонаихинский район) и в с. Чистый Яр (Самарский район) Восточно-Казахстанской области. Летом 1965 г. во время земляных работ во дворе Камышинской средней школы учениками были найдены 18 бронзовых предметов от конской сбруи [3]. Сбруйный набор состоит из стремечковидных удил, двух трехдырчатых псалиев, двух подпружных пряжек, пяти цилиндрических обойм для перекрестия ремней, трех бляшек, двух пронизок, трех боченковидных бус.

Сравнительно хорошая изученность конского снаряжения по материалам VII—III вв. до н. э. Центрального Казахстана и Сибири позволяет определить назначение каждого изделия из Камышинского клада и установить его хронологические рамки.

Использование степными кочевниками в VII—VI вв. до н. э. единой по конструктивным формам конской сбруи позволило исследователям считать ее одним из компонентов «скифской триады» [4]. Однако изучение материалов из отдельных районов Казахстана, Сибири, Средней Азии позволяет проследить и ряд специфических черт регионального характера.

Удила (рис. 1, *8*) из Камышинского клада слегка асимметричны, со стремевидными окончаниями. Аналогии удилам этого типа в большом количестве встречаются в материалах VII—VI вв. до н. э. Центрального [5] и Северного [6] Казахстана, а также Сибири [7].

По единодушному мнению ряда специалистов (А. А. Иессен, К. Ф. Смирнов, М. К. Кадырбаев), эта форма удил — восточного происхождения. Это положение уточняет Н. Л. Членова, считающая местом возникновения стремевидных удил Среднюю Азию и Казахстан. Находка в с. Камышинка является еще одним подтверждением приведенного предположения.

Не противоречат сказанному и найденные вместе с удилами псалии (рис. 1, *6*, *7*) слабодуговидной формы, с тремя овальными отверстиями в стержне. Небрежная отливка второго псалия не позволяет конкретизировать детали, но по общим контурам изображения ясно прослеживается идентичность обоих псалиев. Форма этих трехдырчатых псалиев позволяет отнести их к группе памятников VII—VI вв. до н. э.

---

[2] Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история..., стр. 218, 219.

[3] Вещи были сразу же переданы автору, производившему тогда археологические работы близ с. Камышинки. Хранятся в историческом музее Усть-Каменогорского педагогического института.

[4] Типологическая классификация конской сбруи для районов Северного Кавказа сделана А. А. Иессеном; для районов Поволжья и Приуралья — К. Ф. Смирновым; для районов Казахстана — М. П. Грязновым и М. К. Кадырбаевым.

[5] А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура..., рис. 7, *4*; 15, *6*; 26, *6*; 28, *8*.

[6] М. П. Грязнов. Северный Казахстан..., рис. 3, *13*.

[7] Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история..., табл. 16, *3*.

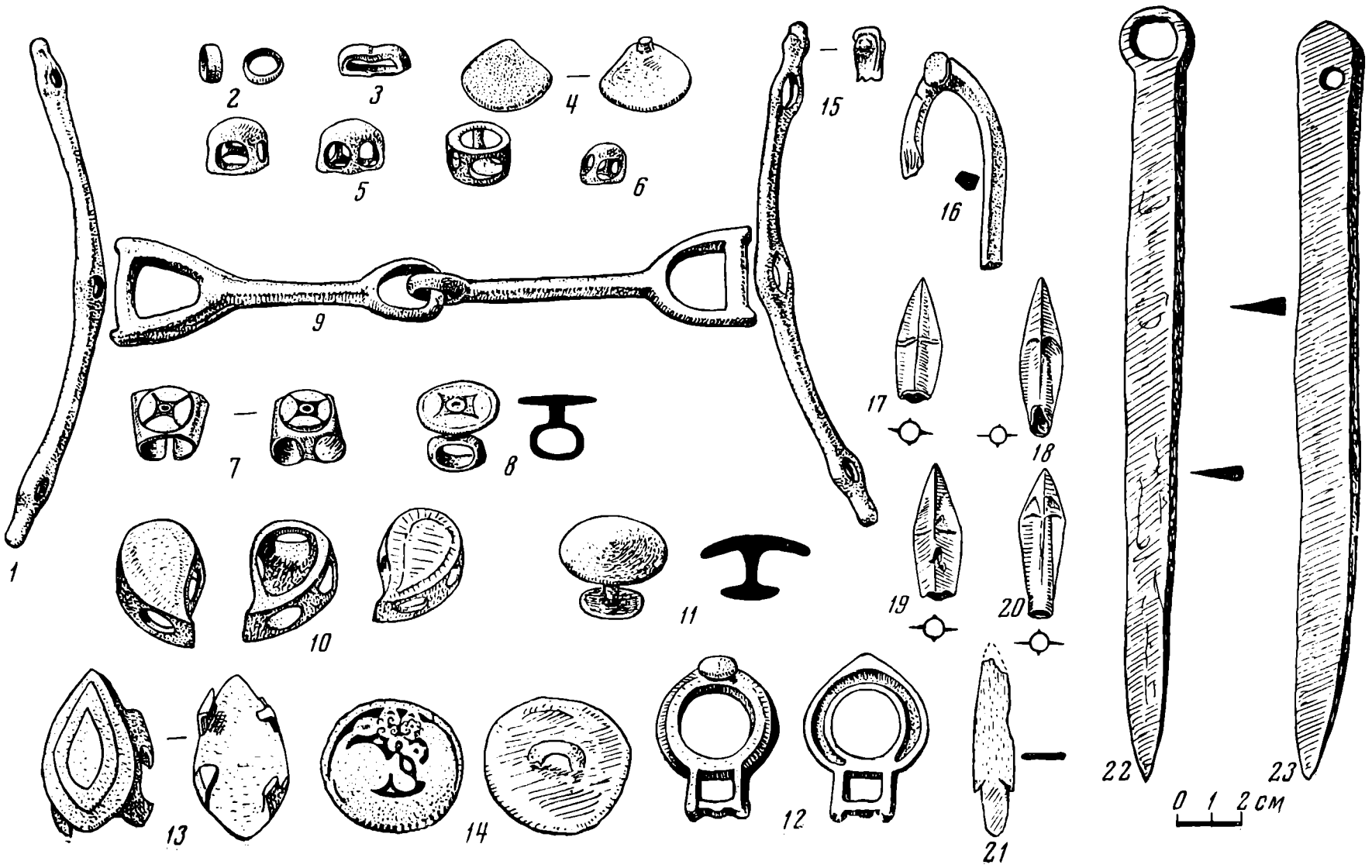


Рис. 1. Вещи VII—VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана

1, 4—12 — с. Камышинка; *2, 3, 13—23* — с. Чистый Яр (*21* — кость, остальное — бронза)

Обе пряжки (рис. 1, *12*) из камышинского комплекса имеют прямоугольную рамку и сердцевидную дужку. На одной из них есть выступ («кнопка») для закрепления ремня. По мнению К. Ф. Смирнова, подобные пряжки были принадлежностью ремней [8]. Почти точные копии их имеются в материалах из курганов VII—VI вв. до н. э. Центрального Казахстана [9] и Средней Азии [10].

В состав конской сбруи входят пять прорезных цилиндрических обойм для перекрестия ремней (рис. 1, *4, 5*) и две пронизки в виде «запятой» (рис. 1, *10*) с двумя сквозными, овальной формы горизонтальными отверстиями через центр, расположенными перпендикулярно друг другу. По расположению пронизей подобного типа, найденными in situ вместе с другими предметами конского убора (могильник Тасмола, кург. 19), М. К. Кадырбаев достаточно убедительно, на наш взгляд, определил их назначение. Он считает, что такой формы пронизки служили для соединения суголовного и налобного ремней в узде [11]. Центральноказахстанские пронизки отличаются от рассматриваемых рельефным спиралеобразным орнаментом и формой отверстия. Пронизям камышинского уздечного набора более близки среднеазиатские из Уйгарака, датированные VII—VI вв. до н. э. Составной частью сбруи являются две полусферические гладкие бляшки со штырьком (шляпкой) на оборотной стороне (рис. 1, *11*). Подобные им известны среди материалов тасмолинских курганов.

Среди вещей из Камышинского клада имеется одна бляшка в виде пуговицы с кольцом на стойке и с изображением четырехлучевого солярного знака на поверхности (рис. 1, *9*).

Происхождению и развитию такого орнамента посвящена специальная статья В. А. Ильинской [12], в которой автор на основании большого материала с широкой территории приходит к выводу, что наиболее близкие параллели таким солярным знакам известны в культурах Месопотамии, Сирии, Вавилона, Хеттском царстве. Проникновение знака солнца шло через Кавказ, так как его появление там относится к предскифскому периоду.

Встречающийся орнамент в виде четырехлучевого солярного знака на пронизях и бляшках в курганах Восточного Казахстана, Средней Азии [13], Восточного Памира [14] отражает, видимо, определенные связи, существовавшие у местного населения со скифскими племенами. Объяснение этому факту можно найти и в самой истории происхождения скифской культуры, которая, как считает ряд исследователей (А. И. Тереножкин [15], А. П. Смирнов [16], Н. Л. Членова [17]), распространилась с территории Средней Азии и Казахстана.

Найденные биконические бусы (рис. 1, *1*), судя по центральноказахстанским аналогиям, являются украшением чумбура.

Таким образом, рассмотренные аналогии для вещей Камышинского комплекса позволяют проследить однотипность форм удил, псалиев и бронзовых частей узды в синхронных памятниках Казахстана, Средней Азии, Сибири и юга Восточной Европы, населенных скифо-савроматскими и сакскими племенами.

---

[8] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 146.

[9] М. К. Кадырбаев. Новые материалы по истории ранних кочевников Казахстана. Изв. АН КазССР, I, Алма-Ата, 1962. табл. II, *4*, *9*, *17*.

[10] С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовья Сыр-Дарьи. СА, 1966, 2, рис. 7.

[11] М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры, рис. 5.

[12] В. А. Іллінська. Скіфська вузда VI ст. до н. э. (За матеріалами Посулля). «Археологія», XIII, Київ, 1962.

[13] С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки..., рис. 7, *7*, *8*.

[14] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, рис. 128.

[15] А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 198.

[16] А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 47.

[17] Н. Л. Членова. Ук. соч., стр. 213 сл.

* * *

Второй комплекс вещей найден в разрушенном захоронении у села Чистый Яр Самарского района Восточно-Казахстанской области[18]. По словам К. Д. Досканина, принимавшего участие в расчистке погребения, скелет длиной 1,6 *м* лежал в каменном ящике головой к северо-западу. При нем были найдены два бронзовых ножа (рис. 1, *22, 23*), четыре втульчатые бронзовые (рис. 1, *17—20*) и один костяной (рис. 1, *20*) черешковый наконечники стрел. Здесь же лежали бронзовая фигурная обойма (рис. 1, *2*), две пронизки — одна листовидной формы (рис. 1, *14*), другая четырехугольной с изображением четырехлучевого солярного знака (рис. 1, *13*), обломок пряжки с «кнопкой» для закрепления ремня (рис. 1, *16*) и округлая бляха с петлевидным ушком на оборотной стороне (рис. 1, *15*). На поверхности бляхи имеется рельефное изображение свернувшегося в кольцо хищника из семейства кошачьих, заключенное в круг. Голова хищника повернута в фас и передана двумя выпуклыми кольцами, под которыми полукругом обозначена оскаленная пасть. Концы лап и хвоста исполнены в виде округлых выпуклостей, уши — двумя треугольниками. Элементы стилизации в изображении головы искусно переплетаются с фрагментами спиралевидного орнамента. По краю бляхи вдоль спины зверя нанесен рубчатый орнамент.

Обращает на себя внимание фронтальное положение головы хищника на чистоярской бляхе, а не в профиль, как на большинстве известных изображений. Чистоярский образец, по-видимому, следует считать одним из вариантов канонизированного сюжета, широко распространенного в искусстве скифо-сарматских племен.

Наиболее близкими аналогиями являются изображения на бляхах восточного происхождения (Ордос, Северный Китай), приведенные Н. Л. Членовой в сравнительной таблице распространения мотива свернувшегося хищника в тагарских и евразийских памятниках VII—V вв. до н. э.[19]. О проникновении и распространении данного образа в глубь Южной Сибири и в районы Монголии высказывался С. В. Киселев[20], который считал, что мотив свернувшегося хищника развивался параллельно в скифо-савроматской и тагарской культурах.

Четыре наконечника стрел из чистоярского комплекса относятся к асимметрично-ромбическому и листовидному типам, широко распространенным на территории Евразии.

Составленные хронологические и типологические классификации бронзовых наконечников стрел скифо-сакской культуры значительно облегчают определение датировки. Так, наконечник стрелы (рис. 1, *20*) асимметрично-ромбической формы с выступающей круглой в сечении втулкой очень сходен с наконечниками из Чиликтинской долины[21] и Центрального Казахстана[22], датированными VII—VI вв. до н. э. Другой наконечник (рис. 1, *19*) — втульчатый, с четко обозначенными продольным и поперечным швами, и третий (рис. 1, *18*) — со слегка выступающей втулкой — аналогичны найденным в Восточном Казахстане и Восточной Европе. Наконечник листовидной формы (рис. 1, *17*) со скрытой втулкой, на которой видны продольный и поперечный швы, весьма близок ранней форме наконечника, найденного на поселении Мало-

---

[18] Вещи были переданы автору учителем истории Ново-Тимофеевской средней школы Досканиным Курманом Доскановичем.

[19] Н. Л. Членова. Ук. соч., табл. 27, *37*, *39*, *40*.

[20] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1952, стр. 246 сл.

[21] С. С. Черников. Ук. соч., стр. 27, табл. X.

[22] М. К. Кадырбаев. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. В сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата. 1968. рис. 1, *4*, стр. 24, 25.

Красноярка Большенарымского района Восточно-Казахстанской области (IX—VIII вв. до н. э.) [23].

Известно, что прототипом скифо-сакских втульчатых наконечников стрел являются листовидные наконечники эпохи поздней бронзы. Выработанная устойчивая форма наконечников стрел из Чистого Яра (исходной формой которых были, очевидно, наконечники предшествующей эпохи), с учетом всего комплекса материала, позволяет датировать их более поздним временем — приблизительно VII—VI вв. до н. э. Таким образом, на материалах Восточного Казахстана можно проследить определенную последовательность развития основных типов двуперых втульчатых наконечников от эпохи бронзы до раннего железа.

Два бронзовых ножа, найденные в с. Чистый Яр, несколько различаются между собой. Оба они однолезвийные, без выделенной рукояти, но один с кольцевым навершием (рис. 1, *20*), другой с круглым отверстием в верхней части рукояти (рис 1, *23*). Оба типа ножей встречаются в синхронных памятниках Центрального Казахстана [24], Павлодарского Прииртышья [25] и Тувы [26].

Обе формы известны еще в эпоху поздней бронзы. Так, однолезвийный нож со слабо выделенной рукоятью известен из могилы карасукского времени на Верхней Оби [27]. Нож с кольцевым навершием на рукояти был найден в могильнике VIII—VII вв. до н. э. у с. Зевакино Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области [28]. Таким образом, в развитии «раннекочевнических» ножей в Восточном Казахстане наблюдаются преемственные черты от предшествующих форм ножей карасукской эпохи.

Остальные предметы, входящие в погребальный инвентарь Чистоярского захоронения (костяной наконечник стрелы — рис. 1, *21*; обломок подпружной пряжки) не выходят за хронологические рамки комплекса вещей в целом. Фигурной обойме (рис. 1, *2*) и трапециевидной пронизке с продольным раздваивающимся отверстием (рис. 1, *13*) прямых аналогий нам неизвестно.

Обряд погребения в каменном ящике, характерный для андроновских и карасукских памятников, и наличие среди инвентаря ранних типов изделий (ножи, наконечники стрел), исходной формой которых были металлические предметы эпохи поздней бронзы, свидетельствуют о существовавшей преемственной связи сакских племен с племенами андроновской и карасукской эпох.

Итак, на основании аналогий, приведенных при описании рассматриваемых вещей, комплекс в целом датируется VII—VI вв. до н. э. Небольшой, но яркий материал из Камышинки и Чистого Яра дает возможность говорить о скотоводческой форме хозяйства древних племен Восточного Казахстана.

Сходство найденных форм оружия, сбруи и бытовых предметов с материалами скифо-сакских племен Средней Азии, Казахстана и Сибири объясняется единым обликом культуры населения этих районов.

---

[23] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, табл. XXXVI, *4*.

[24] М. К. Кадырбаев. Ук. соч., рис. 38, *5*; 43, *1*.

[25] Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции за 1955 г. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7. Алма-Ата, 1956, табл. I, *54*.

[26] С. И. Вайнштейн. Памятники кызылганской культуры. Тр. ТКЭАН, II, М.— Л., 1966, табл. VII, *7*.

[27] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956, табл. V, *25*.

[28] Ф. Х. Арсланова. Отчет об археологической практике студентов Усть-Каменогорского педагогического института 1967—1968 гг. Хранится в фондах архива ИИАЭ АН КазССР, инв. № 234.

Г. И. МАТВЕЕВА

НОВЫЕ САВРОМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ В БАШКИРИИ

В 1962 г. М. Х. Садыковой были исследованы савроматские погребения в курганах у сел Елембетово, Еметбаево и Юрматы I на юге Башкирии. В последние годы были выявлены новые савроматские памятники в Центральной Башкирии. Особый интерес представляет курган, исследованный в 1967 г. экспедицией Башкирского государственного университета в 50 *км* к югу от г. Уфы, близ дер. Чукраклы Чишминского района.

Курган расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Демы. Диаметр кургана 14 *м*, высота 0,65 *м* от уровня современной поверхности. Насыпь состояла из плотной спрессованной супеси с примесью гравия. Недалеко от центра кургана, в юго-западном секторе, на глубине 0,31 *м* был найден железный нож с прямым клинком, сужающимся к концу в виде острия, и массивной железной ручкой (рис. 1, *13*).

В центральной части кургана на уровне материка просматривалось темное пятно могильной ямы, ориентированное с запада на восток, с небольшим отклонением к югу. Размеры пятна 3×2,3 *м*. Стенки могилы наклонные, ее размеры на уровне дна — 2,6 × 1,8, глубина 0,95 *м* от древней поверхности. Яму заполнял чернозем, в котором на глубине 0,92 *м* была найдена кость овцы. Кое-где встречался древесный тлен. Дно могилы было посыпано мелом. Мощность подсыпки достигала 10 *см*.

На дне могилы находились два костяка (рис. 2), ориентированные головами на запад. Первый костяк лежал на спине с вытянутыми конечностями. В 20 *см* от его головы стоял глиняный сосуд горшковидной фор-

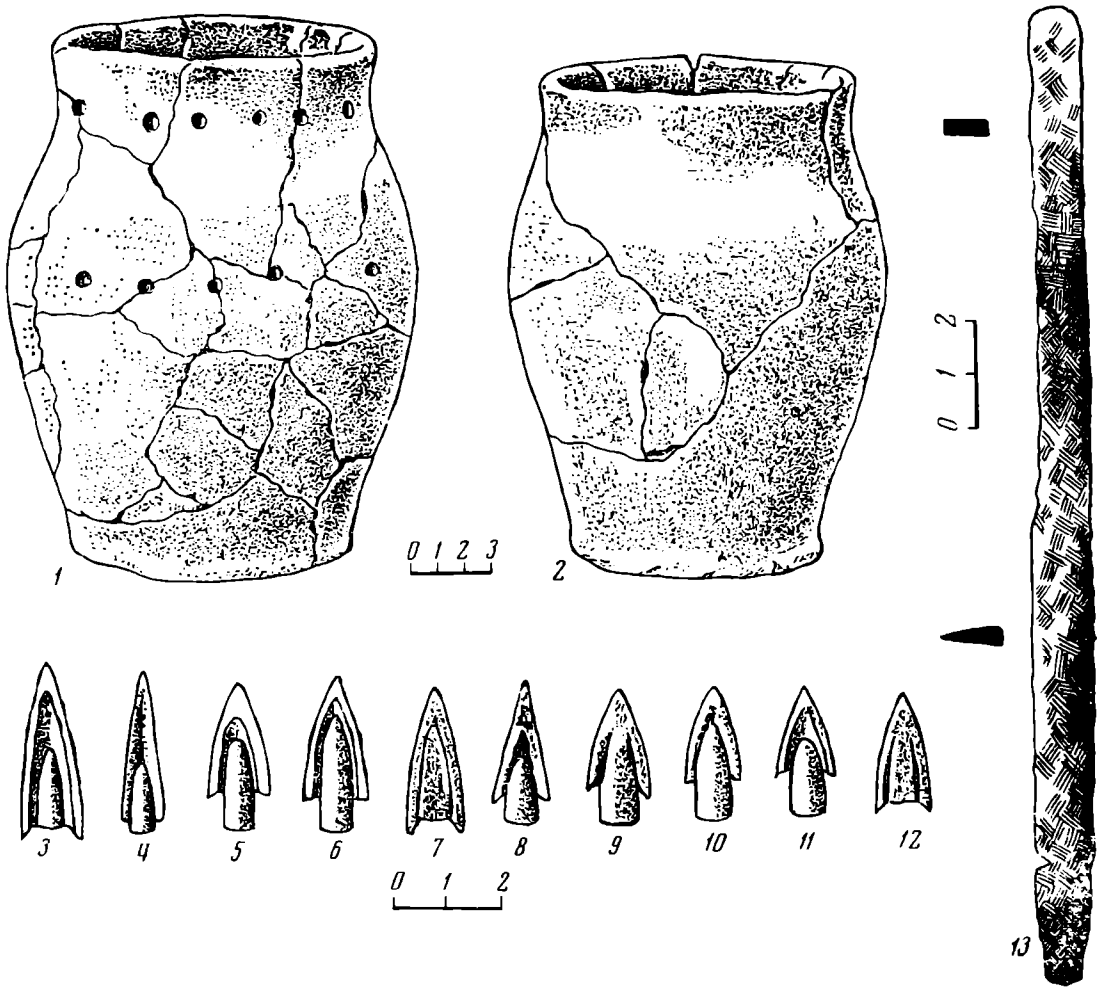


Рис. 1. Керамика и орудия из Чукраклинского кургана

мы, украшенный по шейке и тулову двумя рядами круглых ямок (рис. 1, *1*). Рядом с сосудом лежали 24 бронзовых наконечника стрел. Видимо, первоначально они находились в колчане, от которого сохранился темный тлен. 19 стрел имели внутреннюю втулку (рис. 1, *3*, *7*, *12*), пять — выступающую (рис. 1, *4*, *5*, *8—11*). У правой руки костяка лежали крупные куски мела, кости овцы и мелкие кусочки красной минеральной краски.

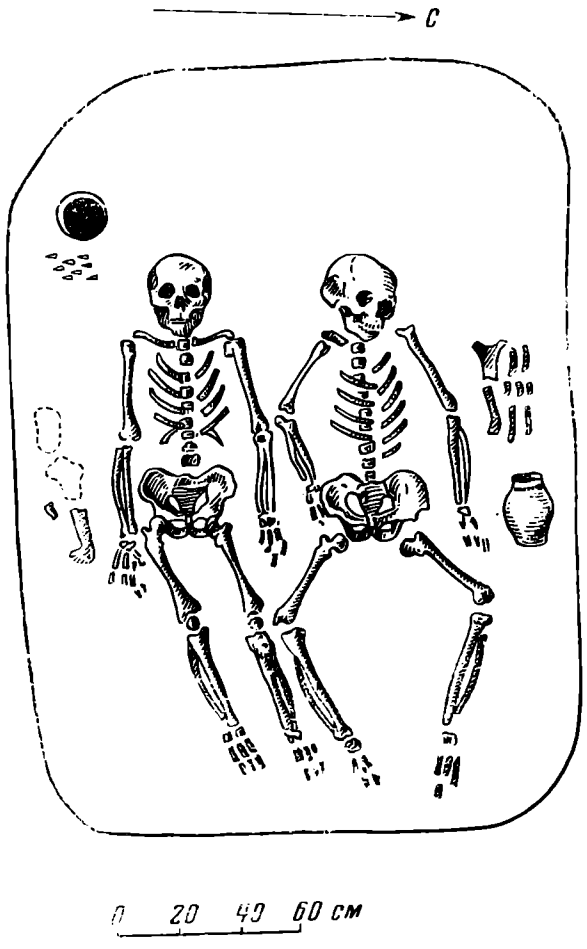


Рис. 2. Погребение Чукраклинского кургана

Второй костяк был несколько крупнее первого. Он лежал на спине, лицо было обращено к северу, правая рука согнута в локте, ноги раздвинуты и согнуты в коленях. У левого колена лежал на боку грубый горшковидный сосуд без орнамента (рис. 1, *2*). Слева от плечевой кости левой руки лежала часть тушки ягненка. На костях встречались кусочки охры.

Принадлежность погребения к числу савроматских памятников несомненна. Об этом свидетельствует погребальный обряд: наличие в могиле охры и мела, ориентировка и поза погребенных, а также погребальный инвентарь. Горшковидные сосуды высоких пропорций из Чукраклинского кургана находят ближайшие аналогии среди керамики савроматских памятников Нижнего Поволжья и Приуралья. Особенно близки к ним горшки из савроматских погребений в курганах у дер. Бережновка [1] и у хутора Степана Разина [2] в Нижнем Поволжье. Наконечники стрел, найденные в рассмотренной могиле, имеют аналогии в памятниках V в. до н. э. Ножи с плоской железной ручкой и прямым клинком, постепенно сужающимся к концу, известны в погребениях V—IV вв. до н. э. [3].

Таким образом, рассмотренное погребение позволяет сделать вывод о том, что в V в. до н. э. савроматские племена продвинулись довольно далеко на север, достигнув в своем движении нижнего течения р. Демы.

В кабинете археологии Башкирского государственного университета хранится фрагмент бронзового литого котла с дугообразной ручкой (рис. 3, *1*). Вероятно, котел относится к савроматскому времени. Он происходит из разрушенного кургана около д. Утеймуллино Кармаскалинского района. По сообщению местных жителей, котел был первоначально целым; кроме него были найдены другие бронзовые предметы и человеческие кости. Котел был разбит, и части его, за исключением описанного фрагмента, сданы школьниками на металлолом; вещи, найденные в кургане, были утеряны.

Вторая находка савроматского времени происходит из Учалинского района Башкирии. Это каменный жертвенник с арочным орнаментом

[1] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, Д. 1—9, М., 1963, табл. 7, *3*.
[2] Там же, табл. 10, *8*.
[3] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 106.

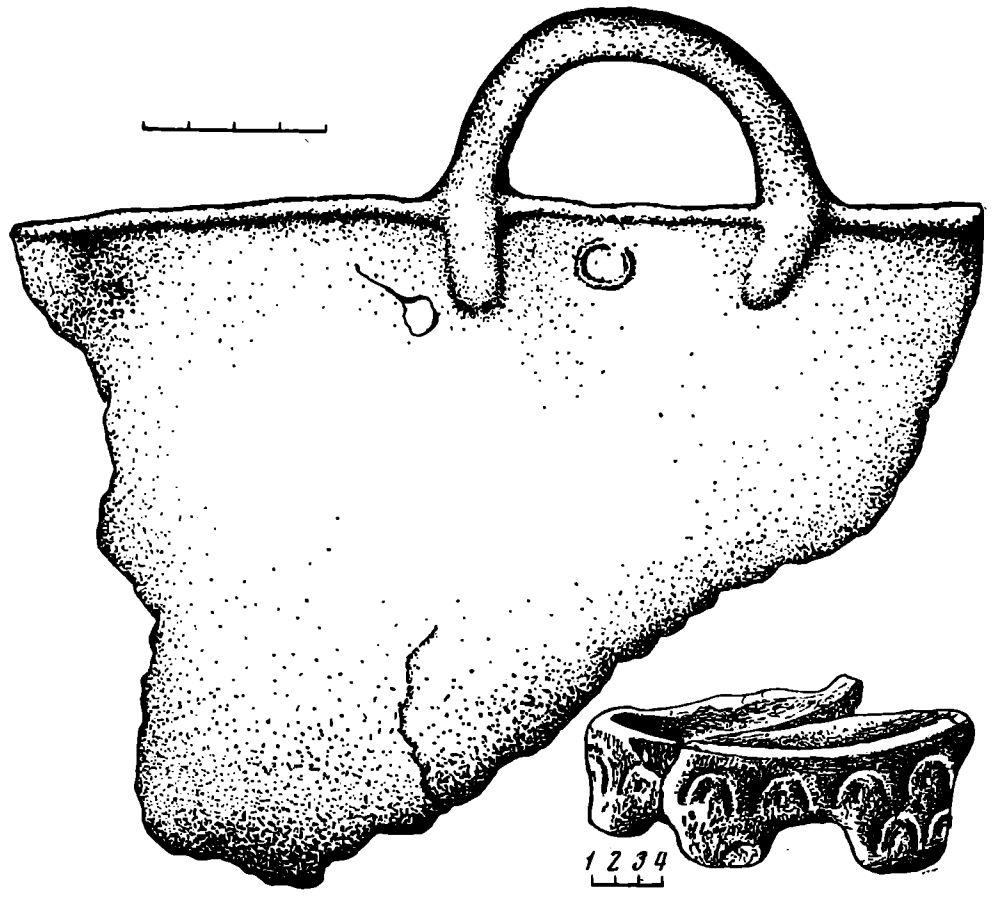


Рис. 3. Савроматские вещи, найденные в разных частях Башкирии

1 — фрагмент бронзового котла из Утеймуллинского кургана; *2* — каменный жертвенник из Учалинского района

(рис. 3, *2*). Не менее интересный каменный жертвенник в виде блюда без ножек, с головой барана был найден в дер. Бекешево Баймакского района.

Новые находки савроматских вещей свидетельствуют о широком распространении савроматов на территории Башкирии.

В. П. ШИЛОВ

ЮЖНОИТАЛИЙСКИЕ ЗЕРКАЛА В ВОЛГО-ДОНСКИХ СТЕПЯХ

В 1924 г. П. Д. Рау и Т. М. Минаева раскопали у с. Альт-Веймара на р. Торгуне в Заволжье погребение в кургане В7. Захоронение было совершено в прямоугольной яме размерами 2,2×1,15×1,25 *м* ориентированной длинной осью по линии С — Ю. На дне могилы лежал костяк женщины, на спине, вытянуто, головой на север. Череп погребенной искусственно деформирован. Среди погребального инвентаря обнаружены бусы из сердолика, янтаря, светлого и голубого стекла и темного камня. Кроме того, здесь найдены бронзовое спиральное височное колечко, глиняное пряслице, бронзовое колечко с несходящимися концами, лепной кувшин, железное колечко с заходящими друг за друга концами, краснолаковое блюдце с отверстием в центре, круглый золотой медальон со стеклянной вставкой в гнезде, обрамленном зернью, и бронзовое дисковидное зеркало диаметром 9 *см* и толщиной диска около 2 *мм*. По краю зеркала идет ряд отверстий диаметром около 1 *мм*, отстоящих друг от друга на расстояние 2 *мм*. На месте прикрепления ручки отверстий нет. С оборотной стороны на поверхности зеркала четко видны пять концентрических круговых бороздок,

начертанных циркулем [1] (рис. 1). Судя по обряду захоронения и инвентарю, это типичное позднесарматское погребение раннего этапа.

Второе аналогичное зеркало, также без ручки, происходит из Донской области. Оно было куплено Археологической комиссией через И. П. Попова, проживавшего в Новочеркасске [2]. В дальнейшем зеркало поступило в музей Харьковского университета (отношение Археологической комиссии в музей Харьковского университета, № 1913 от 27 сентября 1903 г. Архив ЛОИА, д. № 10, 1901). На сохранившейся фотографии хорошо видно, что по краю зеркала идет круговой ряд отверстий с перерывом на месте прикрепления ручки. На оборотной стороне диска у края две концентрических бороздки. Центральная часть зеркала повреждена коррозией (рис. 2). Из-за отсутствия масштаба размеры зеркала установить не удалось. Центр производства зеркал этого типа — Южная Италия. Аналогичные зеркала встречены при раскопках Помпеи, причем в некоторых случаях они сохранились полностью, т. е. вместе с ручкой, которая моделирована в виде палицы Геракла [3]. Три аналогичных зеркала тех же размеров, с отверстиями по краю, опубликованы Г.М.А. Рихтер [4]. В маленькие отверстия по краю этих зеркал обычно вставлялись костяные булавки или иголки, необходимые в женском туалете [5]. Очень часты изображения аналогичных зеркал на расписных вазах [6] и росписях [7] Южной Италии. По сообщению Плиния, одним из важнейших центров производства зеркал являлся г. Бринд в Италии. Современник Помпея знаменитый греческий скульптор Пасител, живший и работавший в Италии, на изготовляемых им зеркалах, вызывавших всеобщее восхищение, оттискивал клейма со своим именем [8]. Упомянутая выше находка аналогичных зеркал в г. Помпее, который, как известно, погиб в 79 г. н. э., позволяет относить их ко второй половине I в. Однако такие зеркала продолжали изготовляться и в более позднее время, о чем свидетельствуют находки аналогичных зеркал в Венгрии, в могильнике с сожжением Дьер-Надорвароше, исследованном Е. Биро. Здесь, в могиле № 6, в глиняной урне кроме зеркала обнаружены две стеклянные слезницы конца I—II вв., стеклянный и глиняный кувшинчики, краснолаковая чашечка «терра сигиллата». Дата могильника — первая половина II в. [9] Второе зеркало с ручкой встречено в этом могильнике вне комплекса [10].

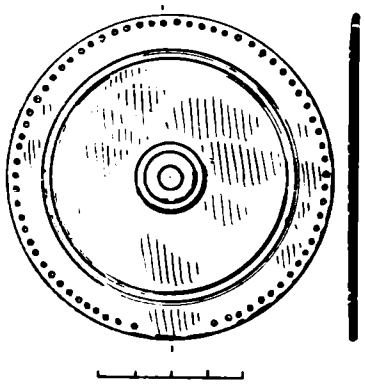


Рис. 1. Зеркало из сарматского погребения у с. Альт-Ваймар в Заволжье

---

[1] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga. Mitteilungen des Zentralmuseums, Jahrgang I, 1—2. Pokrowsk, 1927, стр. 38—40.

[2] ОАК за 1901 г., стр. 125; Архив ЛОИА, д. № 10, 1901.

[3] P. Çusman. Pompei. Leville. Les moeurs. Les arts. Paris, May, 1899, стр. 345, рисунок.

[4] G. M. A. Richter. Greek, Etruscan and Roman Bronzes. New York, 1915, стр. 288, 289, рис. 830; стр. 289, рис. 831.

[5] M.-A. Heron de Villefosse. Le trésor de Boscoreale. Monuments de Piot. V, Fascicule supplémentaire, Paris, 1, 1902, стр. 191, прим. 5.

[6] Ch. Lenormant et I. Witte. Elite des monuments céramographiques Matérieux pour l'histoire, des religions et moeurs de l'antiquité rassamblés et commentés par Ch. Lenormant et I. Witte. IV, Paris, Lieux 1861, табл. 4, 6, 42, 60, 66.

[7] M.-A. Heron de Villefosse. Ук. соч., стр. 188.

[8] Там же.

[9] E. Biro. Cyör-Nádrvárosi-Kora csaszákori sirok. AE, tö 1961, 88/2, Budapest, стр. 244, рис. 5, *1*; стр. 247.

[10] Там же, стр. 244, рис. 5, *2*.

Рис. 2. Зеркало, найденное в Донской области

Не противоречит этой дате и погребение с сожжением, обнаруженное в 1952 г. в Болгарии. у с. Поповицы близ Асеновграда при строительных работах на железнодорожной линии Пловдив — Свиленград. Здесь рядом с древним фракийским поселением обнаружен курган и грунтовый могильник. В женском погребении, находящемся непосредственно у кургана, найдены два глиняных сосуда (один из них с греческой надписью), глиняное пряслице, железный нож, римской стеклянный кубок, бронзовый медальон с изображением римского императора Домициана, чеканенный в Филипполе в 88 г., и бронзовое посеребренное зеркало с ручкой, моделированной в виде палицы Геракла, и маленькими отверстиями по краю. Диаметр диска 12,1 см. На лицевой стороне зеркала у края — два концентрических круга. На оборотной — три концентрических кружка в центре и три у края диска. Наличие в женском погребении с интересующим нас зеркалом медальона Домициана (81—96 гг. н. э.), а также стеклянного кубка II в. позволяет отнести этот комплекс к первой половине II в. [11]

Совершенно идентичные зеркала известны мне из музея Карлсруе [12], Дании [13] и Северной Италии [14]. Дата комплекса, раскопанного П. Д. Рау в 1924 г., вполне соответствует указанному времени. Здесь обнаружено краснолаковое блюдце конца I—II в. Таким образом, время бытования

---

[11] Д. Цончев. Тракийски некропол при с. Поповицы. Годишник на музеите в Пловдивски окръг. 1, София, 1954, стр. 226, рис. 21, 22.

[12] K. Schumacher. Beschreibung der Sammlung antiker Bronsen. Karlsrue, 1890, стр. 41, табл. IV, *14*.

[13] S. Müller. Nordische Altertumskunde. Strassburg, 1897, II, стр. 59, рис. 38.

[14] O. Montelius. La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des métaux, Stockholm, 1895, сер. B, табл. 113, *3*.

дисковидных зеркал с отверстиями по краю и ручкой в виде палицы Геракла умещается в рамках второй половины I — первой половины II в. н. э. Комплекс же из кургана В7 относится к первой половине II в.

Находка южноиталийских зеркал в волго-донских степях еще раз подчеркивает тесные связи сарматов с Римской империей. В то же время отсутствие аналогичных зеркал в Танаисе и продвижение в I в. сарматских племен роксолан на Дунай, где они оказались соседями римлян, невольно заставляет предполагать, что эти зеркала попадали в бассейны рек Дона и Волги степными дорогами, минуя г. Танаис [15]. Вместе с тем хорошо датирующиеся позднесарматские комплексы у с. Старицы (первая половина II в.), где был найден бронзовый южноиталийский ковш со штампом южноиталийского фабриканта Епафродита [16], а также погребение из с. Альт-Веймара с южноиталийским зеркалом [17] того же времени являются важными доводами в пользу отнесения начала позднего этапа сарматской культуры к рубежу I и II вв. н. э.

---

[15] Ср. А. Волкович. К южным связям Прикамья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры. Тр. ОПИГЭ, I, Л., 1941, стр. 231 сл.; Д. Б. Шелов. Италийские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков нашей эры. AAH, XVII, Budapest, 1965, стр. 251 сл.

[16] В. П. Шилов. Позднесарматское погребение у с. Старица. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, стр. 310 сл.

[17] К сожалению, эти зеркала по неизвестным причинам не попали в каталог. В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия в Восточной Европе. САИ, Д—1—27, М., 1970.

В. В. КРОПОТКИН

ЗОЛОТАЯ ПОДВЕСКА ИЗ РЫЖЕВКИ

Могильник черняховсквого типа в с. Рыжевка Уманского района Черкасской области открыт на северо-восточной окраине села при разработке глиняного карьера в урочище «Козовый яр». Местные жители за несколько лет разрушили северную часть могильника на площади около 3000 *м*². На этой территории были найдены лепные и гончарные глиняные сосуды, в том числе два небольших горшочка со стеклянными вставками на дне, чарка с боковой ручкой, стеклянный кубок, бронзовые пряжки и фибулы, костяной гребень, железные ножи, бусы и подвески. Вещи из разрушенных погребений частично были переданы в фонды Уманского краеведческого музея [1]. Исследование могильника было начато в 1962 г. и продолжалось с перерывами до 1971 г. [2]. Некоторые вещи из могильника, по нашему мнению, заслуживают специальной публикации.

К ним относятся, например, вещи из погребения № 43, вскрытого нами в 1966 г. [3]. Погребение это детское. Обнаружено на глубине около 1 *м* от уровня современной поверхности. Контуры погребальной ямы не прослеживались. Скелет ребенка лежал на спине, в вытянутом положении, головой

---

[1] Небольшая часть вещей из разрушенных погребений опубликована Э. А. Симоновичем и Г. Е. Храбаном; Э. А. Симонович. Инкрустированные стеклом изделия из Черкасской области. КСИА, 90, 1962, стр. 69—72; рис. 15, *1—2*; его же. Орнаментация черняховской керамики. МИА, 116, 1964, рис. 17, *6а*, *б*; Г. Е. Храбан. Черняховские памятники в Уманском районе Черкасской области. МИА, 116, стр. 264, 265, № 62—63.

[2] В. В. Кропоткин. Раскопки черняховского могильника у с. Рыжевка. АО — 1965, М., 1966, стр. 137—139; его же. Исследования черняховских памятников в Среднем Побужье и Среднем Поднепровье. АО — 1967, М., 1968, стр. 228, 229.

[3] Краткое описание этого погребения см.: В. В. Кропоткин. Черняховские памятники Среднего Побужья. АО — 1966, М., 1967, стр. 230, 231.

на север. Череп был раздавлен, кости сохранились очень плохо. По определению М. С. Великановой, возраст умершего менее одного года.

В состав погребального инвентаря входили следующие вещи:

1. Лепной горшок с плоским дном, расширяющимся кверху туловом и загнутым внутрь венчиком; край скошен во внутреннюю сторону. Поверхность сосуда темно-бурая, пятнистая, местами заглажена, обжиг слабый, неравномерный. Размеры: высота 15,5, диаметр тулова 14, диаметр венчика 10,2, диаметр дна 8, толщина стенок 0,5—0,8 *см* (рис. 1, *1*).

2. Гончарная чернолощеная миска с перегибом на тулове, на кольцевом поддоне. Венчик утолщен, в верхней части тулова небольшой уступ. Обжиг слабый, в глине примесь мелкого песка; черепок коричневого цвета. Размеры: высота 5, 4, диаметр тулова 9, диаметр венчика 8, диаметр поддона 3,3 *см* (рис. 1, *2*).

3. Нижняя часть крупного чернолощеного гончарного сосуда с вогнутым толстым дном и (по всей вероятности, от остроребериой большой миски). Поверхность сосуда хорошо заглажена, обжиг хороший, сквозной, в изломе буро-коричневого цвета глина хорошо отмучена, примесей не отмечено. Размеры: сохранившаяся высота 5, 7, диаметр сохранившейся части тулова 17, 2, диаметр поддона 9, 2, толщина стенок 0,3—0,7 *см*.

4. Две небольшие серебряные фибулы с прогнутой спинкой и узкой подвязанной ножкой; спинка в сечении треугольная, в верхней части утолщена. Размеры: длина 2, 5 и 2, 8, длина пружины 1, 6 и 1, 4, ширина спинки 0,3 *см* (рис. 2, *1, 2*).

5. Две янтарные грибовидные подвески. Размеры: высота 1, 6, диаметр 0,9 *см* (рис. 2, *4*).

Рис. 1. Керамика из детского погребения (№ 43)

1 — лепной горшок; *2* — гончарная чернолощеная миска

6. Янтарные октоэдрические бусы со скошенными углами разной величины (4 экз.). Размеры: длина 1,3, ширина 1,0, толщина 0,4 *см* (рис. 2, *6*).

7. Сердоликовая бусина со скошенными углами (1 экз.).

8. Мелкие зонные бусины (8 экз.) из черного непрозрачного стекла диаметром 0,4 *см* (рис. 2, *5*).

9. Золотая миниатюрная подвеска в виде ведерка с цилиндрическим туловом и коническим дном (рис. 2, *4*; 3). Подвеска сделана из небольших золотых пластинок, спаянных между собой. На тулове четыре ряда мелкой зерни, дно также украшено рядами мелкой зерни. Профилированная дужка шириной 0,1 *см* припаяна к верхнему краю подвески. Размеры: высота 1,1, диаметр 0,9 *см*.

Судя по инвентарю, в могиле была захоронена девочка. Вещи в погре-

бении располагались следующим образом: около головы находилось три сосуда, на шее — бусы и подвески, на груди — две серебряные фибулы. В южной части могилы, в ногах, обнаружена уникальная золотая подвеска в виде ведерка. Золотые и серебряные вещи свидетельствуют о том, что это детское погребение было самым богатым в исследованной нами части могильника. Как известно, золотые предметы на памятниках черняховского типа встречаются редко и преимущественно в виде монет [4].

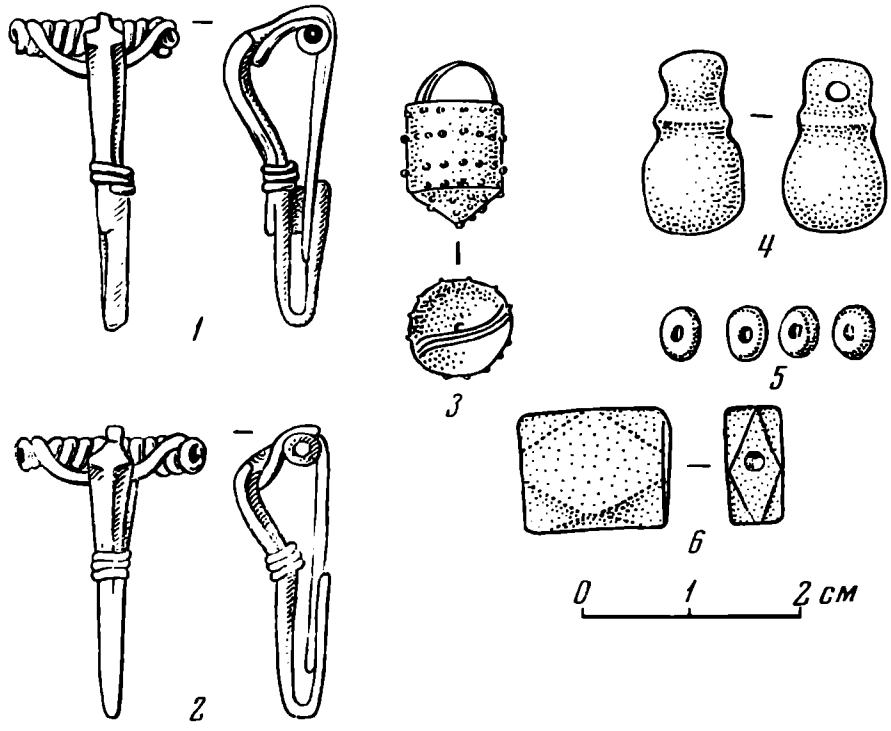


Рис. 2. Украшения из детского погребения (№ 43)

Если подыскивать аналогии для вещей из этого погребения, то в первую очередь нужно обратить внимание на лепной горшок с загнутым вовнутрь венчиком, на янтарные восьмеркообразные подвески и золотую подвеску в виде ведерка. Лепные горшки подобного профиля широко распространены в Средней Европе, в области пшеворской и поморско-мазовецкой культур [5]. Довольно часто они встречаются и в погребениях черняховского типа в Побужье и Поднепровье (Косаново, Черняхов, Журовка Ольшанская, Компанийцы, Гавриловка) [6], на поселениях и могильниках поморско-

---

[4] В. П. Петров. Черняховский могильник. МИА, 116, стр. 80, 117, рис. 15, *1*; Л. Н. Казаманова, В. В. Кропоткин. Подражания римским золотым монетам II—III вв. н. э. ВДИ, 1964, 1, стр. 114, табл. 1, *11*. В одном из погребений IV в. могильника у с. Черняхов Кагарлыцкого района Киевской области (№ 160) была обнаружена золотая монета — варварское подражание римскому ауреусу императора Гордиана III (238—244).

[5] J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 181, рис. 530; A. Kietlinska, T. Dąbrowska. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz, pow. Turek, MS, IX. Warszawa, 1963, стр. 143—254, табл. X, *3*, *7*, *8*; XIX, *2*; XXIX, *1*; XXXIII, *2*.

[6] Н. М. Кравченко. Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961—1964 гг.). МИА, 139, 1967, стр. 105, табл. VI, *11*, *13*; Э. А. Симонович. Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра. КСИИМК, 68, 1957, рис. 5, *3*; его же. Раскопки могильника у овчарни совхоза «Приднепровского». МИА, 82, 1960, стр. 192, табл. 11, *12*; Г. Ф. Никитина. Лепная керамика Масловского могильника. СА, 1964, 4, стр. 202—207, рис. 1, *5*.

мазовецкого типа в Полесье и на Волыни (Брест-Тришин, Дитиничи, Раковец Чесновский, Деревянное, Пражев, Викнины Великие, Слободищи, Лепесовка) [7].

Янтарные грибовидные подвески обнаружены в могильниках черняховского типа у с. Привольное Запорожской области (погр. № 10), в с. Косаново Винницкой области (погр. № 22) и в с. Ружичанка Хмельницкой области [8]. Одна грибовидная подвеска из светлого балтийского янтаря найдена на поселении волынского типа у хут. Сутец близ с. Волосковцы Острожского района Ровенской области [9]. Грибовидные подвески найдены также в Чернореченском могильнике и в могильнике у совхоза «Севастопольский», недалеко от Инкермана в Крыму [10] (рис. 4). Аналогичные янтарные подвески часто встречаются в погребениях пшеворской и особенно поморско-мазовецкой культур в бассейнах Вислы и Одера (Закшув, Жерники Вельки, Опатув, Мержановице, Лодзь-Реткиня, Брулино-Коски, Дрогичин, Тчев, Липники, Любешово, Гостишево, Кросно, Мальборк, Эльблонг, Цепле, Хощно, Гродзешовице, Шурпилы и другие) [11].

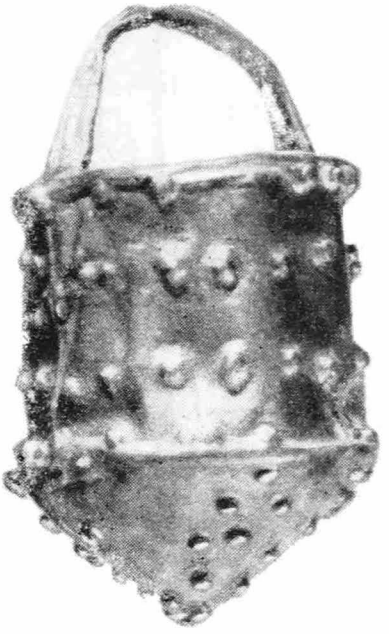


Рис. 3. Золотая подвеска

Золотая ведеркообразная подвеска в погребении черняховской культуры встречена в Рыжевском могильнике

---

[7] Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест-Тришин. КСИА АН СССР, 100, стр. 97—101; его же. Le problème de la civilisation «gotho-gépide» en Polésie et en Volhynie. «Acta Baltico-Slavica», 5. Białystok, 1967, стр. 19—40, табл. 2, *6*; его же. Волынская группа полей погребений. СА, 1958, 4, стр. 219—226; М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, 4, стр. 190 сл.; М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV ст. н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. МДАПВ, 3, Київ, 1961, стр. 89—114] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині першої половини І тисячоліття н. е. Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету. Сер. арх., 1. Чернівці, 1960, стр. 56 сл.; Э. А. Симонович. Северная граница памятников черняховской культуры. МИА, 116, 1964, рис. 3, *10*; И. С. Винокур, М. И. Островский. Раковецкий могильник. МИА, 139, стр. 158, рис. 8, *1*.

[8] Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в с. Привольном. СА XXII, 1955, стр. 138, табл. *27—30*; Н. М. Кравченко. Ук. соч., стр. 91, 113, табл. XIV, *29*; материалы из черняховского могильника в с. Ружичанка Хмельницкой области еще не опубликованы. Краткие сведения о могильнике см.: И. С. Винокур. Черняховский могильник и поселение у с. Ружичанка, АО — 1966, стр. 228—230.

[9] Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3399, л. 3—4. Вещи поступили в Острожский краеведческий музей от И. К. Антонюка. Сообщение Ю. В. Кухаренко, которому автор признателен за эти сведения.

[10] В. П. Бабенчиков. Черноріченський могильник. АП УРСР, XIII, Київ, 1963, стр. 92, табл. III, *17*, *18*; могильник у совхоза «Севастопольский», раскопки которого производились под руководством С. Ф. Стржелецкого, еще не опубликован. По сообщению Е. А Алексеевой, грибовидные янтарные подвески обнаружена в 10 погребениях (№ 56, 68, 81, 155, 166, 168а, 177, 212, 220, 266).

[11] J. Kmieciński. Bogato wyposażony skieletowy grób kobiety z poznego okresu rzymskiego z Lodzi-Retkini. Sprawozdania PMA, IV, 1951, 3—4, Warszawa. 1952, стр. 139—148; A. Kempisty. Birytualne cmentarzysko z poznego okresu rzymskiego w miejscowosci Brulino-Koski, pow. Ostrów Mazowiecki. WA, XXXII, z. 3—4, 1968, стр. 409—450, рис. 53, 58; K. Godłowski. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970, табл. VII, *20*, *21*; XI, *12*; XV, *18*; T. Zurowski. Sprawozdanie z badan w 1957 r. cmentarzyska kurchanowego na stanowisku 2 we wsi Szurpily, pow. Suwalki. WA, XXVII, 1, Warszawa, 1961, стр. 73, табл. XIX, *8*, *9*, *11*, *12*.

впервые, но аналогичные находки известны как в Средней Европе, так и в Северном Причерноморье (рис. 5). Ближайшая аналогия рыжевской подвеске недавно обнаружена в составе клада золотых вещей III—IV вв. из с. Грушевцы Кельменецкого района Черновицкой области. В кладе вместе с золотой ведеркообразной подвеской с зернью найдены золотая лунница и пробитая золотая римская монета императора Аврелиана (270—275),

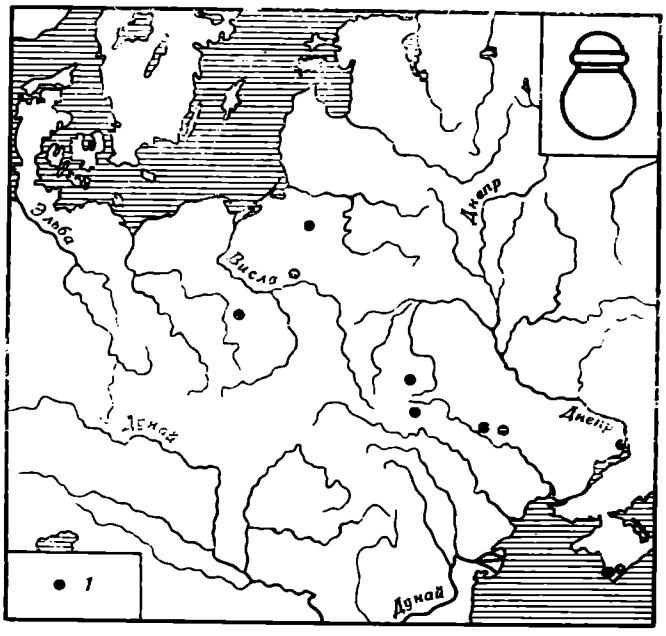


Рис. 4. Находки янтарных грибовидных подвесок в Восточной Европе

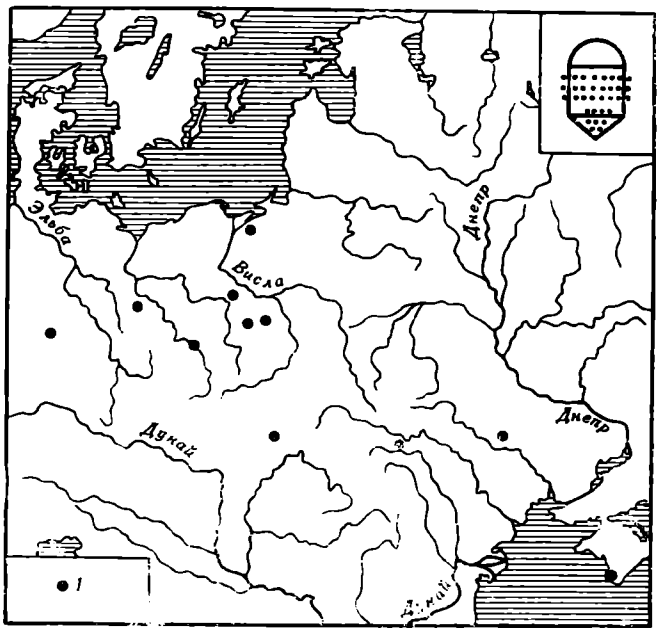


Рис. 5. Находки ведеркообразных подвесок в Средней и Востоной Европе

превращенная в подвеску [12]. Золотая подвеска подобного типа найдена также при раскопках И. И. Гущиной в могильнике Бельбек III, в окрестностях Севастополя в Крыму. В женском погребении (№ 11) наряду с серебряным флакончиком, железным ножом, ключом, различными украше-

[12] Материал не издан, сообщение Э. А. Рикмана и В. И. Маркевича.

ниями, осколком дна стеклянной чашки из непрозрачного зеленоватого стекла найдена медная херсонесская монета 240—250-х годов н. э.[13].

Аналогичные золотые подвески изредка встречаются в богатых погребениях позднеримского времени в Польше (Лодзь-Реткиня, Закшув, Млотечно, Комаров, Любошице, Плецна-Домброва), в Чехословакии (Цейков, округ Требишов) и Германской Демократической Республике (Хасслебен, округ Веймар)[14].

---

[13] И. И. Гущина. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму. КСИА АН СССР, 124, 1970, стр. 40, 45, рис. 15, *4*.

[14] W. Crempler. Der II. und III. Fund von Sackrau. Breslau, 1889, стр. 12, табл. VII, *15*, *16*; N. Aberg. Vorgeschrichtliche Kulturkreise in Europa. Bilderatlas mit erlauteroden Text. Kopenhagen, 1936, табл. XXII, *1*, *5*; W. Schulz und R. Zahn. Fürstengrab von Hassleben. Berlin, 1933, стр. 6, 7, 16, 20, табл. 5, *3*, *4*, *14*, *30*; 10, *1*—*3*, *5*, *7*, *21*—*23*; Ed. Beninger. Der Wandelenfung von Czeke-Cejkov. «Annalen der natur-historischen Muzeum zu Wien», 45, 1931, стр. 193, сл.; W. Caerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 310, рис. 250; M. Gozdowski. Sprawozdanie PMA, IV. Warszawa, 1952, стр. 182—184, рис. на стр. 183; K. Majewski. Importy rzymskie w Polsce. Warszawa — Wroclaw, 1960, табл. XXV *b*; J. Kmieciński, Ук. соч., стр. 139—148, рис. 10; K. Godlowski. Ук. соч., табл. III, *21*; V, *27*; IX, *18*; XV, *17*; Находка из Комарова, пов. Рава не опубликована, хранится в фондах Археологического музея в Кракове, инв. № 3508 (сборы Вавринецкого, 1901—1907 гг.).

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

ДВА ДИНАРА ДЕЛИЙСКИХ СУЛТАНОВ С ГОРОДИЩА МАДЖАР

Среди ряда интересных предметов, обнаруженных за последнее время на городище Маджар, по своей исторической значимости следует особо выделить два динара, чеканенных делийскими султанами из династии Халджидов и Таглакидов.

Наиболее ранний из них, найденный в 1961 г. учителем В. Сербиенко на правом берегу р. Кумы, в былом торгово-ремесленном квартале Мад-

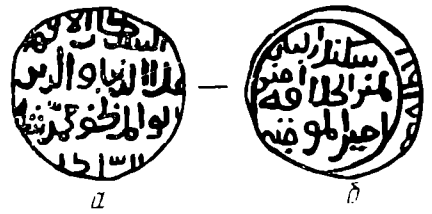


Рис. 1. Динар-Алā-ад-дīна Мухаммада

жар, осмотрен нами в 1969 г. в фондах Ставропольского краеведческого музея[1]. Этот динар чеканен от имени Алā-ад-дīна Мухаммада (695—715/1296—1316) из династии Хальджи. Место и год чеканки на монете не вышли.

О. с. В линейном круге:

السلطان الاعظم
علا الدنيا و الدين
ابو لمظفر محمد شاه
[السلطان]

Султан величайший
Алā ад-дунья в'ад-дīн
Абу-л Музаффар Мухаммад шах
(Султан)

سكندر الثانى
عمين الخلافة امين
امير المو منين

Секендер второй
десница халифата, опора
повелителя правоверных.

По кругу надпись, буквы которой лишь частично вышли на монете и не дают связного чтения (рис. 1). Диаметр —2,5 *см*.

Второй динар найден летом 1967 г. краеведами А. П. Руничем и М. Гуськовым примерно в центре торгово-ремесленного района города, на

---

[1] Инвентарный № 13986/10. Монета осмотрена благодаря любезности В. В. Госданкера, которому приношу искреннюю благодарность.

правом берегу р. Кумы, в месте наибольшего скопления монетных находок на этом городище [2]. Динар чеканен от имени аббасидского халифа алмустакфи при султане Мухаммаде Таглаке (725—752/1325—1351) в Дехлӣ в 742 г. х (1341/42).

Л. с. В многолепестковом картуше.

ضرب هذا الدينار	Чеканен этот динар (1)
الخيفتى فى الدهلى شهور	Халифатский в Дехлӣ дату (2)
سنه اثنى و اربعين و سبعاما [ية]	года 742 (3)
فى زمان الامام	Во время имама (1)
المستكفى بالله امير المومنين ابو ربيع	ал-Мустекфӣ биллаха повелите-
سليمان خلدالله خلافته	ля правоверных Абу Раби'а (2)
	Сулейман да продлит аллах
	Халифатство его (3)

Над словом زمان, помещен «узел счастья» (рис. 2). В-10,9; Д-2,5;

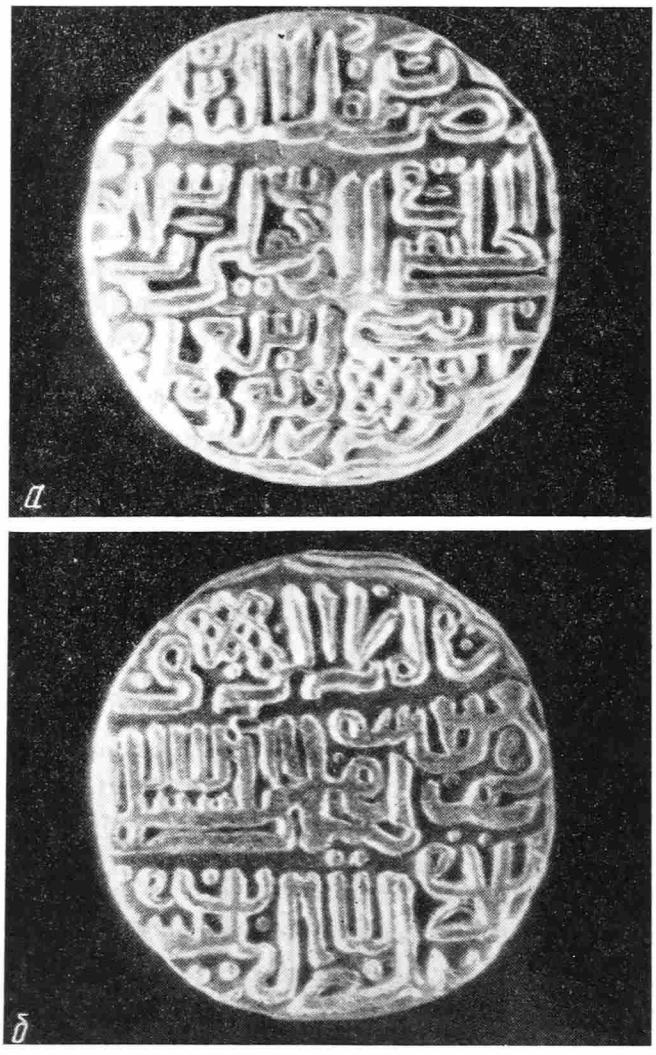


Рис. 2. Динар Мухаммада Таглака. Дехли, 742/ /1340—41. Увеличено в 2,5 раза

Золотые динары делийских султанов прежде довольно часто находили на ряде золотоордынских городищ Среднего и Нижнего Поволжья. Описание их с соответствующей исторической характеристикой дано В. В. Григорьевым, В. Г. Тизенгаузеном и А. Лихачевым. Позже Р. Р. Фасмер опубликовал полную сводку находок этих монет [3]. К сведениям, собранным Р. Р. Фасмером, А. А. Быков добавил находки еще двух динаров, а всего, по его данным, на территории Советского Союза зарегистрировано 46 золотых монет делийских султанов, среди которых учтен и динар Мухаммада Таглака с городища Маджар [4]. Теперь к этому списку можно добавить и динар Алā-ад-дӣна Мухаммада (695—715/1296—1316), монеты которого в Восточной Европе встречаются вообще очень редко.

Таким образом, находки уже двух динаров делийских султанов на городище Маджар, притом чеканенных при разных правителях, с достаточной очевидностью указывают на то, что город Мад-

[2] Э. В. Ртвеладзе. Динар Мухаммеда Туглака. «Вокруг света», 1968, 7. стр. 53. Судя по топографии монетных находок и другим предметам, найденным здесь, можно предположить, что в этом районе располагался главный базар города.

[3] Р. Р. Фасмер. О двух редких золотых монетах делийских султанов. ИОАИЭ при Казанск. ун-те, XXXIII, 4, 1927, стр. 45—52.

[4] А. А. Быков. Находки средневековых индийских монет в Восточной Европе. ЭВ, XIX, 1969, стр. 78, 79.

жар входил в число немногих золотоордынских городов, где обращались эти монеты, а следовательно, значительно расширяется и ареал их на территории Золотой Орды. Для истории города обнаружение золотых динаров делийских султанов имеет большое значение, так как впервые устанавливается наличие каких-то контактов между Северной Индией и северокавказским городом Маджаром. Впрочем, пока трудно говорить о непосредственных контактах. Скорее всего найденные здесь динары — это часть из общего потока золотых монет делийских султанов, шедших из Северной Индии в Кипчак. В Маджар они, очевидно, попадали через золотоордынские города Нижнего Поволжья, которые связывали Маджар со странами Среднего и Дальнего Востока.

Еще в конце прошлого века А. Ф. Лихачев обратил внимание на сообщение Ибн-Баттуты о торговле лошадьми, вывозившимися из Кипчака в Северную Индию, что, видимо, является одной из главных причин проникновения золотых динаров делийских султанов в Золотую Орду [5]. Не исключено, что большие партии лошадей могли вывозиться с Северного Кавказа, который издревле славился своими породами аргамаков и благодаря своим выгодным географическим условиям был, очевидно, одним из основных коневодческих районов Золотой Орды.

О сравнительной дешевизне лошадей в XIV в. в Маджаре — главном торговом центре Северного Кавказа — могут свидетельствовать следующие косвенные факты: так, тот же Ибн-Баттута сообщает о том, что жители города в почитаемое завие Мухаммада ал-Батаихи каждую ночь приводили безвозмездно лошадей, а самому Ибн-Баттуте при проводах было подарено немалое их количество [6].

Однако торговые сношения между Золотой Ордой и Индией не ограничивались, видимо, только торговлей лошадьми. Так, А. А. Быков обратил внимание на сообщение того же путешественника о том, что из Хорезма в Индию вывозились вяленые дыни [7], а А. Зайончковский опубликовал недавно отрывки из летописи кипчакской степи, в которой имеется известие о посылке индийскими купцами в Крым каравана верблюдов с мускусом [8].

Вполне понятно, что подобное предположение требует подтверждения как письменных источников, так и археологических данных.

---

[5] А. Ф. Лихачев. Золотой клад из динаров патанских султанов Индии. ЭВОРАО, I, СПб., 1887, стр. 73.

[6] Voyages d'Ibn Batoutah, ed. C. Defremery et Sanguinetti. II, Paris, 1854, стр. 375—377.

[7] А. А. Быков. Ук. соч., стр. 80.

[8] А. Зайончковский. Летопись кипчакской степи (Тевāрих и дешт- и Кипчāк) как источник по истории Крыма. Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. II, М., 1969, стр. 16.

Н. М. БУЛАТОВ

АЛЕБАСТРОВЫЕ ФОРМЫ ИЗ КЕРАМИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Раскопки керамической мастерской по производству поливной посуды, проводимые Ахтубинским отрядом ПАЭ на Селитренном городище, с каждым годом дают все новые и новые находки для исследования технологических процессов ее изготовления. К числу уникальных находок можно с полным основанием отнести алебастровые формы для отливки кашинных сосудов. Впервые они были найдены на II раскопе (гончарная мастерская) в июле 1968 г. За этот сравнительно короткий промежуток времени (1968—1970 гг.) собрано около 80 фрагментов форм.

До недавнего времени в литературе высказывались различные предположения по вопросу о том, как формовались кашинные сосуды на территории Средней Азии и в золотоордынском Поволжье. Н. С. Гражданкина высказала мнение, что бытовая кашинная керамика формовалась обычно на гончарном кругу [1]. Однако еще до находок алебастровых форм этот тезис вызывал серьезное возражение, так как трудно было представить формовку высококремнистых, рыхлых и сыпучих сосудов на быстровращающемся гончарном кругу. О прочности кашинных сосудов вообще можно говорить лишь после обжига их при довольно высокой температуре. Высокая пористость материала, достигающая 45% [2], даже после такого обжига не допускает плотного спекания частиц материала.

Для крупных сосудов из высококремнистой массы при наличии в кашине связывающего материала в виде растительного клея Н. С. Гражданкина допускала формовку в специальных шаблонах, выточенных из дерева [3]. По ее мнению, при сложной форме высушенный сосуд обжигался вместе с шаблоном, который при этом сгорал. Кроме того, она считает, что при производстве среднеазиатских кашинных сосудов в роли формующего материала могли применяться и ткани, особенно при формовке блюд и плоских чаш.

Использование деревянных и текстильных шаблонов в производстве среднеазиатских кашинных изделий, на наш взгляд, маловероятно [4]. Ни на одном из золотоордынских городищ до сих пор не удалось обнаружить остатков деревянных форм, следов их сжигания при первичном обжиге, а также следов тканей на фрагментах кашинных сосудов. Золотоордынские кашинные сосуды изготовлялись в гипсовых формах.

В естественном состоянии гипс встречается в виде белого камня с кристаллическим строением (алебастр). Прокаливая алебастр при температуре 130—170°, получают гипс, обладающий свойствами, необходимыми для изготовления формы. Этот способ чрезвычайно прост и вполне возможен в условиях прокаливания алебастра в горне. Отдавая гипсу воду, кашинное тесто, залитое в форму, сокращается в объеме и легко отходит от стенок формы. Формы эти изготовлялись и разборными, из нескольких деталей. Гипсовые формы в силу своих физических свойств были очень удобны для изготовления кашинных изделий с рельефным орнаментом, которых много найдено на золотоордынских городищах.

Каменные и глиняные формы, широко известные по многочисленным находкам в Поволжье [5] и в Средней Азии [6], как правило, употреблялись для нанесения штампованного орнамента. 78 алебастровых форм и их фрагментов, собранные на Селитренном городище, дают представление о том, каким образом отливались в этих шаблонах все основные формы кашинной поливной керамики золотоордынских городов. Обращает на себя внимание, что алебастровых шаблонов для отливки цельных сосудов не найдено. Основные детали кашинных изделий отливались в разборных алебастровых формах. Особенно много операций по отливке отдельных деталей приходилось проделывать гончару при изготовлении кувшинов, которые склеивались после формовки деталей из пяти частей: горло кувшина с венчиком, верхняя часть шарообразного или овального тулова, нижняя часть тулова, кольцевой поддон и ручки. Отдельные части сосуда тща-

---

[1] Н. С. Гражданкина. Методика химико-технологического исследования древней керамики. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 158.

[2] Там же, стр. 159.

[3] Там же, стр. 158.

[4] Большое количество поливных кашинных изделий из Хорезма, Самарканда, Ташкента и т. д., просмотренных нами, не имеют следов формовки в деревянных и текстильных шаблонах.

[5] О. С. Хованская. Гончарное дело города Болгара. МИА, 42, 1954, рис. 5.

[6] С. В. Лунина. Гончарное производство в Мерве в XIII в. ЮТАКЭ, 9. Ашхабад, 1962, стр. 285—292.

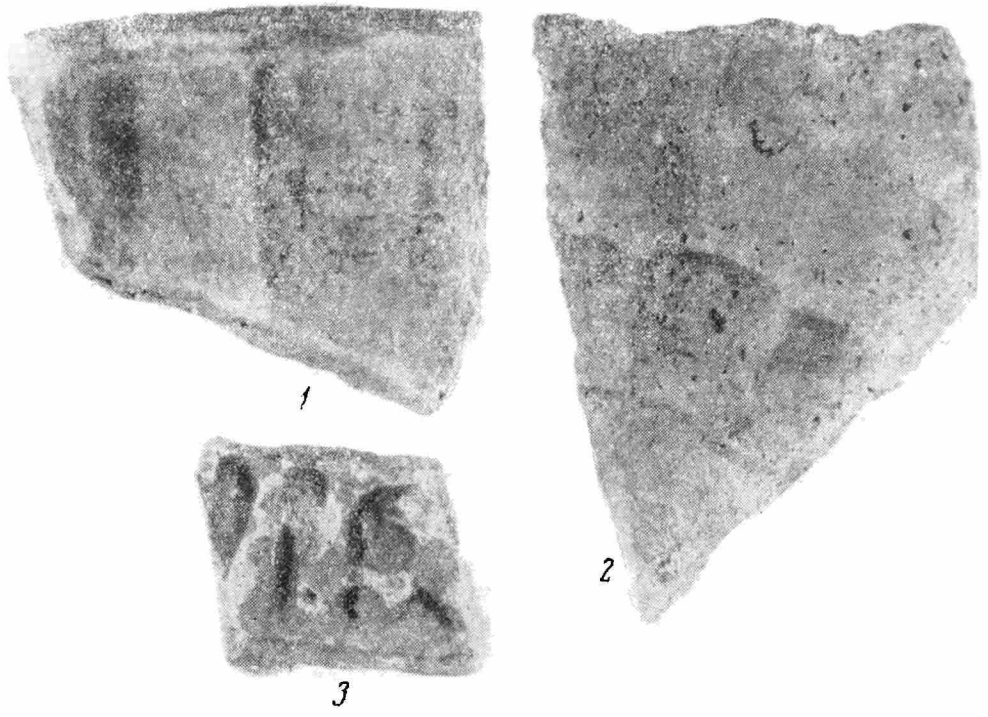


Рис. 1

1, 2 — фрагменты алебастровых форм (наружные) для отливки кашинных сосудов; *3* — фрагмент алебастровой формы (внутренний)

тельно, еще в сыром состоянии подгонялись друг к другу и склеивались. Затем следовал первичный обжиг, ангобирование, роспись, глазуровка и вторичный обжиг. В результате всех этих операций линии соединения отдельных деталей становились практически незаметными. Только кольцевой поддон, как правило, воссоединялся хуже остальных деталей, и линию его присоединения к тулову иногда можно видеть и невооруженным глазом.

Чаши и блюдца собирались из стенок (с венчиками) и кольцевых поддонов. Отдельно отливались и налепные украшения широкогорлых сосудов «для розовой воды»[7] в виде реберчатых конусовидных шишечек.

Основная масса алебастровых форм, найденных на городище, являются формами для отливки внешней стороны керамических изделий. Пока найдено совсем немного (шесть) совершенно четких форм для отливки внутренних поверхностей стенок сосуда. Причины такой количественной диспропорции пока неясны.

Одна из причин, возможно, та, что сосуды открытых форм с внутренней стороны очень часто украшались рельефными орнаментами: зооморфным, растительным и зооморфным, растительным и эпиграфическим. Для того чтобы при отливке создать такой сложный орнамент, пользовались формами из алебастра с заранее вырезанными орнаментальными сюжетами (рис. 1, *3*). Такие шаблоны, естественно, имели большую ценность, хранились мастером-керамистом особенно тщательно и выбрасывались лишь в случае порчи формы или при полном ее износе[8].

Большинство гипсовых форм было найдено в ямах с промышленными отходами при гончарной мастерской. Рисунки, вырезанные на них, и их

---

[7] Г А. Пугаченкова. Искусство Туркменистана. М., 1967, стр. 165.

[8] Алебастровая форма вследствие частичного размывания водой быстро изнашивается, теряет резкость линий, и это сказывается на качестве рельефного поглазурного орнамента. На одних сосудах орнамент четкий, на других расплывчатый, плавно сливающийся с основной массой черепка.

конфигурация полностью соответствуют абрису и орнаментальным моментам (рис. 1, *3*) поливных кашинных изделий: кувшинов различных типов — пиалообразных чаш с простым орнаментом с внешней стороны стенок, чаш с волнообразным венчиком и волнообразными стенками (рис. 1, *2*), тарелок (рис. 1, *1*) и т. д.

Таким образом, факты находок алебастровых форм на Селитренном городище позволяют приоткрыть еще одну завесу над тайнами технологических процессов керамистов-умельцев Средневековья в городах Золотой Орды, государства со столь своеобразной и пестрой ремесленной культурой.

В мастерской неоднократно встречались и находки алебастровых форм для производства поливных кашинных архитектурных деталей.

Критика и библиография

Hermann Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte. Band. I. Altstejn zeit. München, 1966. Seite 1—389, 274 Tafeln, 3 Mappen. C. H. Beck

В 1966 г. вышел первый том «Руководства по доистории» проф. Мюллер-Карпе (Франкфурт, Западная Германия). В отличие от более ранних руководств эта работа дает почти полное представление о большинстве памятников, упоминаемых ею. Естественно, что большую часть солидного тома занимает альбом (271 таблица, три карты). Справочная часть включает список стоянок, предметный указатель и указатель имен. Другая половина руководства — текст: история исследования каменного века, обзор источников, хронология палеолита, классификация типов стоянок, анализ хозяйства и социальных отношений палеолитической эпохи; подробно рассматриваются также проблема культурных связей, локальных образований, источники и проблематика искусства и религии древнекаменного века. Эта часть занимает 256 страниц. Изложение ведется доступным языком, без лишнего профессионализма. Вместе с тем необыкновенная полнота иллюстраций делает ее равно необходимой и специалисту.

Г. Мюллер-Карпе — специалист по более поздним культурам и весьма похвально, что он рискнул изложить источники и проблематику каменного века. Преобладающее мнение сейчас таково, что каждый археолог должен заниматься своей узкой проблематикой, а сводные труды следует писать коллективу авторов со строгим разделением сфер. Но успех книги известного советским читателям Дж. Д. Кларка «Доистория мира» [1] позволяет не согласиться с таким мнением.

Г. Мюллер-Карпе излагает историю самых ранних находок каменных орудий совместно с костями ископаемых животных (Дж. Фрер в Англии, Эспер в Германии), далее упоминает новые успехи сторонников существования ископаемого человека, находки палеолитических орудий в Средней Европе, в Восточной Европе, в России. Интересен полный, без пропусков по соображениям идеологического порядка, очерк развития самой идеи доистории — от Лукреция Кара и Фомы Аквинского до Бергсона и Ясперса. Столь же объективен и обзор этнологических теорий первобытности, где показаны во взаимодействии взгляды Лафито и Моргана, Бахофена и Тэйлора, упомянуты Ф. Энгельс и К. Маркс. Развитию взглядов на психологию первобытного человека посвящен особый раздел, наряду с очерком сложения антропологических теорий происхождения человека. Наш автор, сознавая слабость теории культурных кругов, отдает ей должное в историографическом плане, указывая ее место как одного из течений, разрушивших примитивный эволюционизм в науке о человеке.

Глава III содержит изложение источников в хронологическом порядке: нижний палеолит, средний палеолит, верхний палеолит, с указанием авторов, которым в том или ином случае следует Г. Мюллер-Карпе. Неточности, допущенные им, невелики, и их поэтому можно перечислить, не боясь утомить читателя. Упущена стоянка Валлонэ — единственный в Европе яркий памятник олдовейской ступени (со слоем с костями животных). Давно уже отвергнут приводимый Г. Мюллер-Карпе довод против существования олдовейской ступени — наличие чоперов в памятниках ашельской эпохи, поскольку есть памятники с одними чоперами, без рубил. «Дошелль» в Сент-Ашеле не более как следствие особой терминологии В. Коммона, назвавшего ашель шеллем и вынужденного поэтому более раннюю группу орудий назвать дошеллем. Клектонскую технику нельзя сводить к одному приему bloc-en-bloc (правда, эту ошибку сделал не только Г. Мюллер-Карпе) — ядрища клектонской культуры более разнообразны. Дисковидные ядрища характеризуют мустьерскую (в узком смысле слова) технику раскалывания, а не леваллуазскую, как это написано в рецензируемом руководстве; неверно изложено отношение клектона и ашеля. Сейчас самостоятельность клектона признают все немецкие коллеги, и следовало бы указать

[1] А. Я. Брюсов. Рец. Grahame Clark. Wold Prehistory. Cambridge, 1961. СА., 1962, 1, стр. 305—309.

на существование противоположной точки зрения. Термины «культура рубила» и «культура отщепа» не стоило бы употреблять, по крайней мере, в старом смысле; сейчас эти термины приобрели почти что историографическое значение. Верхний палеолит Франции изложен по А. Брейлю и Д. Гаррод, что вызывает возражения (хотя сторонники этой точки зрения есть и в самой Франции и вне ее). Желательно было хотя бы упомянуть о противоположной Д. Пейрони точке зрения Д. Сонвий-Борд, более распространенной. Изложение материалов по палеолиту СССР в общем достаточно точно, хотя стратиграфия Тельманской и Костенок I изложена неправильно, слои перепутаны при приведении к общей манере, принятой во всем томе.

Особо выделен вопрос о существовании «локальных группировок и культурных связей», что совершенно правильно. Г. Мюллер-Карпе соглашается с теми авторами, которые не видят местного своеобразия в нижнем палеолите (в их числе многие советские археологи), а отмеченное Х. Мовиусом своеобразие памятников Юго-Восточной Азии он трактует как периферическое своеобразие единого ареала. Для мустьерской эпохи в руководстве различаются район существования собственно мустьерской культуры (Европа — Ближний Восток — Северная Африка) и район Юго-Восточной Азии, где нет комплекса остроконечник — скребло.

Единство мустьерской культуры объясняется не происхождением ее из одного центра, а постоянными контактами древнего населения, что очень близко объяснению единства в верхнепалеолитическое время, предложенному С. Н. Замятниным. Г. Мюллер-Карпе признает и локальные образования меньшего масштаба — выделенные Ф. Бордом культуры Юго-Западной Франции, германское мустье с листовидными остриями, васконское мустье (ошибочно помещенное в Испанию, тогда как само выделение его было сделано для территории Франции). Но он не видит четких границ между этими локальными образованиями и в пространстве и в типологическом отношении и на этом основании отрицает их сходство с археологическими культурами более позднего времени. Такая умеренная точка зрения имеет сейчас много сторонников и у нас, и за рубежом. Например, близкая позиция занята авторами другого руководства по палеолиту [2].

Оригинальное суждение Г. Мюллер-Карпе, будто Европу в мустьерское время заселяли не одни только консервативные неандертальцы, на наш взгляд, совершенно справедливо, хотя малочисленность находок прогрессивных неандертальцев позволяет антропологам оспаривать эту точку зрения [3]. Для верхнего палеолита рисуется уже другая картина: появляются типы, имеющие ограниченное распространение, и одновременно усиливаются связи между разными группами населения — используется местное сырье, встречаются импортные украшения, например раковины. Однако Г. Мюллер-Карпе считает, что и для верхнего палеолита при настоящем состоянии наших знаний преждевременно говорить о замкнутых культурах с однородным с антропологической точки зрения населением. Заимствования и переселения столь часты, что население неизбежно должно было перемешиваться, а его культура нивелироваться. Опять-таки нельзя отказаться от мысли о влиянии замятнинских идей на нашего автора (работа С. Н. Замятнина была переведена в свое время на немецкий язык) [4].

Вопросы хронологии трактуются в особом разделе (глава III), и прежде всего, естественно, геохронология. Автор рассматривает геологические события и различные методы датировок (оледенения, речные террасы, лессы и почвообразовательные процессы, вулканические пеплы, рыхлые пещерные отложения, береговые линии, кривая солнечного излучения, палеонтология, физико-химические способы определения абсолютного возраста).

Глава IV посвящена местам обитания первобытного человека — открытым стоянкам и пещерам. Описывая длинные жилища с рядом очагов посредине, он предполагает, что они строились общиной, а у каждого очага обитала составная часть такой общины. Основное внимание уделяется деталям, на основании которых можно было бы реконструировать жилища. Г. Мюллер-Карпе, как и многие советские археологи, сомневается в возможности перекрыть огромное пространство жилой площадки Авдеева или Костенок I, но вместе с тем, как А. Н. Рогачев и П. И. Борисковский, указывает на планомерный характер расположения жилых остатков, что говорит против предположения (делаемого у нас И. Г. Шовкоплясом и Д. А. Крайновым), что на месте такой жилой площадки располагалось скопление малых хижин. Г. Мюллер-Карпе принимает допущение, что палеолитические охотники жили не оседло, а меняли каждый год место своего обитания, основываясь, видимо, прежде всего на сведениях об образе жизни современных охотников, находящихся на уровне первобытного общества. Из археологических аргументов он приводит лишь один: сезонный характер жилищ палеолитических охотников, живших в тундре, в непосредственном соседстве с ледником (стоянки в районе Гамбурга). Большое внимание, в противоположность многим другим авторам, им уделено хозяйству палеолитического

---

[2] A. Leroi-Gouran, G. Bailloud, J. Chavaillon, A. Laming-Emperaire. La Phehistoire, 1966.

[3] Я. Я. Рогинский. Проблемы антропогенеза. М., 1969. стр. 147, 148.

[4] И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965; Д. А. Крайнов. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки. СА, XXV, 1956, стр. 32.

времени. Дается характеристика охоты (без упоминания Олдовея, преимущественно по старым, хотя и доброкачественным, материалам), орудий охоты, способов ее.

В главе о социальных отношениях Г. Мюллер-Карпе противопоставляет два способа восстановления общественных отношений прошлого: один, называемый им материалистическим, предполагает восхождение от дочеловеческого (обезьяньего) образа жизни приматов к своеобразной, чисто человеческой организации совместного труда; другой способ, который им противопоставляется первому, предполагает нисхождение от исторической сущности человечества к первоначальному его состоянию, предполагая преемственность между историческим и доисторическим бытием человека. Непонятно, что могло дать основание назвать первый способ материалистическим и противопоставить его второму, может быть, только усиленное подчеркивание некоторыми советскими авторами коренной противоположности между первобытным человеком и человеком классового общества. Единственно верным будет соединение обоих подходов, причем не механическое, а диалектическое [5].

Сомнения Г. Мюллер-Карпе в существовании борьбы за существование уже в палеолите представляются нам плодотворными. В большинстве случаев в поисках доказательств такой борьбы ссылаются на современный быт народов, загнанных в районы, мало подходящие для ведения охотничье-собирательского хозяйства,— на бушменов Калахари или эскимосов и других жителей Крайнего Севера. Особо автор рецензируемого руководства отмечает сплоченность как качество социальной организации, начиная с нижнего палеолита [6]. Лишь с мустье археология начинает доставлять прямые сведения о характере общественных отношений, благодаря появлению погребений. В знаменитых погребениях Ля Ферраси (мужчина, женщина и четыре ребенка) он видит погребение супружеской пары, поскольку они ориентированы головами навстречу друг другу. Он полагает также, что в таком роде можно истолковать и некоторые другие погребения (Оберкассель, Холерштайн, Кроманьон, например). Большим значением семьи, вниманием к продолжению рода, к семейным связям объясняет Г. Мюллер-Карпе особое отношение к детям, выраженное в погребальном обряде. Коллективные погребения в Офнете и в Пшедмости указывают на существование в верхнем палеолите объединений бо́льших, чем семья, возможно, рода. В пользу существования таких же объединений говорят и остатки обширных жилищ, таких как Авдеево или Костенки I. Величина таких объединений — 100—200 человек. Г. Мюллер-Карпе не соглашается с распространенным (и не только в советской литературе) мнением, будто преобладание женских статуэток указывает на первостепенную роль женщины в обществе палеолита. Ссылаясь на условия нахождения статуэток (а они, как известно, чаще встречаются внутри жилищ, как, впрочем, и большинство других находок), он видит в этом указание на ведущую роль женщины лишь в домашнем хозяйстве, а не в охоте, например.

Надо сказать, что в трудe Г. Мюллер-Карпе трудно найти такие недостатки, которые бы проистекали именно из того обстоятельства, что автор этого руководства не специалист в области археологии палеолита. А преимущества этого обстоятельства налицо: у Г. Мюллер-Карпе нет особых, личных пристрастий и теорий, от которых ему трудно отказаться только потому, что он автор такого предположения. В итоге картина получается более объективная, более свежая. Автор не идет в ряде случаев по проторенной дорожке, приводит не хрестоматийные примеры, а обращает внимание на что-то новое, ранее не привлекавшееся в этой связи. Именно поэтому главы, посвященные общественному устройству, являются наиболее интересными. Руководство Г. Мюллер-Карпе полнее всех предшествующих и в описательной части (особенно в иллюстративной); поэтому ему суждена долгая жизнь. Как частное достоинство отметим отсутствие у автора пристрастия к немецким исследователям — своим соотечественникам. К сожалению, этого сейчас, несмотря на возросшие международные связи ученых, особенно зарубежных, редко кому удается избежать [7].

Если в рецензируемом руководстве и пропущены отдельные стоянки, то нет пропусков по части проблематики. И в большинстве случаев вопросы освещаются не односторонне, есть указание на противоположную точку зрения или на критические замечания в адрес того автора, на которого опирается Г. Мюллер-Карпе.

Г. П. Григорьев

---

[5] Так, в работах Ш. Уошберна и И. де Во по реконструкции первоначального человеческого общества равным образом учитывается и устройство коллективов обезьян, и некоторые специфически человеческие особенности (они полагают, что с началом охоты на крупных животных древние люди жили парными семьями, объединявшимися в коллективы, подобные локальным группам австралийцев); S. L. Washburn. Irven de Vore. Social Behaviour of Baboons and Early Man. Social Life of Early Man. Aldine Publishing Company, 1966, стр. 91—105.

[6] Ср. у П. П. Ефименко: (П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 241) «Здесь (в эпоху мустье.— *Г. Г.*) еще более укреплялась внутренняя спайка первобытных... обществ, вытекавшая не только из потребности противостоять опасностям, ...но и из прямой производственной необходимости».

[7] См. сетования А. Валюа на использование только англо-саксонской литературы в сводном труде, изданном американцами, в его рецензии: Cohen Y. Human Adaptative. I. The Biosocial Background. II. The cultural Present. Chicago, 1968. «L'Anthropologie», 73, 1/2, 1969.

Второй том «Руководства по предистории» Г. Мюллера-Карпе посвящен неолиту [1]. И с этой отраслью археологии автор издания почти не был ранее связан непосредственными исследовательскими интересами. Тем не менее, а может быть, именно благодаря этому обстоятельству он сумел отобрать, обобщить и объективно представить читателю огромный материал, понимание которого в современной науке во многом остается спорным или неясным. Г. Мюллер-Карпе оказался достаточно посторонним наблюдателем, чтобы не сделать обзор слишком пристрастным и субъективным. В то же время, будучи опытным археологом, он оказался достаточно квалифицированным специалистом, чтобы в основном суметь оценить сравнительную важность памятников и проблем при отборе, разобраться в тонкостях весьма запутанных частных дискуссий, избежать ошибок и неточностей или существенных пропусков в материале и библиографии.

Эти проявившиеся в книге достоинства автора руководства, его огромная эрудиция, ясность мысли и тщательность разработки в сочетании с великолепными техническими качествами издания и обилием сконцентрированной в нем информации (текстовой и изобразительной) превратили второй том труда Г. Мюллера-Карпе в незаменимую настольную книгу для каждого археолога-неолитчика и каждого преподавателя археологии.

В текстовой части прослежены библиографические этапы изучения неолита мира, представлен обзор материала в культурно-хронологической группировке, затем рассмотрены сводки данных по ряду сквозных тем (поселения, хозяйство, социальная структура, соотношение и связи культур, искусство, культ и религия), наконец, следует каталог важнейших неолитических памятников мира и все замыкается указателями — предметным, именным, географическим и др. В альбоме собраны (на 321 таблице — по 50—100 и больше рисунков на каждой) многие тысячи изображений: планов жилищ и поселений, рисунков орудий, оружия, украшений, керамики и т. п. Можно смело сказать, что впервые в одном томе так полно и наглядно представлен неолит мира. Разбросанные ранее по бесчисленным изданиям, многие из которых редки и труднодоступны большинству археологов, теперь эти изображения сведены воедино. Уже одним этим труд Г. Мюллера-Карпе облегчит сравнительное исследование неолитических материалов и будет способствовать расширению фронта обобщающих работ по археологии неолита.

С полным пониманием встречает читатель слова автора издания о том, что «отсутствие... предшественников в наличной литературе, которые могли бы послужить общей направляющей нитью, утяжелило предложенный опыт и могло бы объяснить несовершенство кое в чем». Пионерский характер этого труда обязывает и рецензентов постараться выяснить, в чем можно было бы усмотреть такие несовершенства. Обсуждение их было бы важно в аспекте изучения опыта.

Спорным представляется нам, прежде всего, само определение хронологических рамок тома. Автор различает два возможных подхода к ограничению круга неолитических памятников. Согласно первому подходу, в этот круг должны войти все комплексы, которые характеризуются наличием одного и того же набора феноменов, принимаемых со времен Леббока за признаки неолита (земледелие, скотоводство, керамика, шлифовка камня, отсутствие металла). Каков бы ни был их абсолютный возраст, все комплексы с наличием этих феноменов — но и только они! — составят неолит. Этот подход Мюллер-Карпе называет изофеноменологическим. При таком подходе в разных районах пришлось бы описывать в качестве неолитических памятники разного абсолютного возраста. Мюллер-Карпе предпочитает другой подход — изохронологический. При этом подходе основу выделяемого объема составляют наиболее важные мировые культуры с неолитическими явлениями, а с обеих сторон — с начала и с конца — этот объем отсекается от смежных ровными, общими для всей земли хронологическими рубежами, разделяющими конкретные культуры, невзирая на наличие или отсутствие в них признаков неолита: лишь бы в основном культуры с такими признаками оказались сконцентрированы внутри этого объема и лишь бы во всех странах этот объем занял один и тот же хронологический отрезок. Какие-то культуры неолитического характера не войдут в этот объем, зато внутри его окажутся культуры, не обладающие такими признаками. Достоинства этого подхода в том, что можно рассматривать одновременные культуры в их реальных связях и взаимоотношениях, чем облегчается изучение этих культур как частей единого процесса мировой истории. Недостаток заключается в том, что смазывается сопоставление синстадиальных археологических явлений. Кроме того, коль скоро деление материала становится чисто хронологическим, неолитические феномены оказываются уже не только не единственным, но и, быть может, не самым рациональным критерием определения рубежей. Во всяком случае, не ими определяются эти рубежи в книге Мюллера-Карпа. Начало рассматриваемого периода Мюллер-Карпе кладет на переход от плейстоцена к голоцену, а конец — на наступление Древнего Царства в Египте и раннединастического периода в Месопотамии. Таким образом, с одной стороны, в рассматриваемый период входит все, что принято понимать под мезолитом (например, тарденуазские памятники), с другой — целый ряд памятников с медными

[1] H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte. B. II. Jungsteinzeit. Text, Tafeln. München, Beck, 1968, 612 стр., 8 рис., 6 схем, 321 табл., 6 карт.

орудиями (не только архаический Египет или месопотамский и анатолийский «халколит», но и наше раннее Триполье), зато классический европейский неолит середины и второй половины III тысячелетия (например, культуры мегалитов, шаровидных амфор, шнуровой керамики) будет отнесен к медному веку.

Вряд ли такая ломка традиционных представлений уместна в справочно-обобщающем издании. К тому же двойное употребление терминов «неолит», «неолитический» лишь создает путаницу, и сам автор «Руководства» первым падает жертвой этого умножения: в каталоге и альбоме он придерживается своего «изохронологического» ограничения неолита, в обзоре «непреисторических теорий возникновения и развития неолита» (стр. 18—24) он по необходимости переходит к «изофеноменологическому», а при анализе хозяйства (стр. 240—256) в основном исходит из «изофеноменологического» (металлургии уделен один абзац).

Поскольку у каждого из этих подходов есть свои достоинства и свои недостатки, необходимо признать, что оба они правомерны — каждый в своей сфере, в решении своего круга задач. Но важно избежать их смешения, взаимоналожения, неясности, сбивчивости. Терминология археологической периодизации, включающая термин «неолит», была разработана для понятий изофеноменологического подхода, и, предложив иной подход, с новой системой понятий, не совпадающих со старыми в своих границах, Мюллер-Карпе поступил бы рациональнее, введя и новую терминологию.

Вторым спорным моментом в самой структуре тома и группировке информации является отношение автора к археологическим культурам. Он присоединяется ко все более распространяющемуся в зарубежной археологии мнению (Даниел, Ренфру, Чжан Гуан-ци и др.), что «при передвижениях и распространении неолитических культур, насколько их можно уловить археологическими средствами, проявились гораздо более дифференцированные и более многослойные исторические предпосылки, чем это могло бы быть понято посредством жесткой схемы твердых культурных групп, которую раньше неоднократно клали в основу. По мере того как при исторической интерпретации археологического материала мы не исходим более из фикции замкнутых культурных групп, а рассматриваем группировку культуры как существенную исследовательскую проблему, взгляд, по-видимому, освобождается для более правильной исторической оценки многообразных отношений внутри неолитических культурных явлений» (стр. 16—17). Резче и яснее эта установка сформулирована у Даниела: «Встречается иногда тенденция рассматривать понятие культуры в преистории как последнее достижение археологической методологии, но, вероятно, оно окажется всего лишь понятийным инструментом... Вполне может статься, что ...организация преистории в культуры характеризует антропологический подход к преистории и что мы в нашем новом историческом подходе к преистории должны довольствоваться скорее историческим контекстом и культурой, чем эпохами и культурами» [2]. Предлагается рассматривать первобытную культуру (в данном случае неолит в его изохронологических рамках) в целом, без деления на культуры, каждое явление прослеживать сразу во всем объеме материала, вне связи с культурами и вне зависимости от их границ.

Верный этой установке, Мюллер-Карпе хоть и не отказывается вовсе от выделения культур (у него эта установка представлена не в столь крайнем выражении, как у Даниела), но отводит делению на культуры второстепенную роль в структуре своего труда. Обзору группировки материала по культурам специально посвящена одна глава его тома, да и в ней первичным критерием группировки оказывается не культурное родство, а географическое расположение. Поэтому, например, культура ленточной керамики разделена на три части и рассматривается в разделах F (Средняя Европа), G (Западная Европа) и I (Восточная Европа). Что же касается отдельных компонентов культуры (жилище, земледелие, скотоводство, искусство и т. п.), то они прослеживаются каждый особым разделом и даже внутри раздела не в связи с археологическими культурами (культурными группами), а по условно намеченным крупным географическим районам. В какой-то мере здесь восстанавливается «ящичный метод» Вестермарка: каждый компонент культуры рассматривается изолированно от других, в отрыве от конкретной социальной и культурной среды, но зато во всей совокупности собственных вариантов.

Мюллер-Карпе полагает, что такой подход поможет «понять неолит во многообразии пространственных и временных выражений его культуры как связный отрезок раннечеловеческого развития» (стр. 17). Между тем аналитическое рассмотрение отдельных компонентов культуры и сводка данных по каждому такому компоненту с широкой территории, из разных культур, конечно, полезное дело: сравнение облегчает формальный анализ, позволяет лучше понять и оценить особенности каждого данного конкретного выражения этого компонента культуры.

Но коль скоро речь заходит о синтезе таких блоков, он получается осмысленным только при изофеноменологическом подходе. Только для изофеноменологически выделяемого неолита есть смысл обобщать характеристики различных компонентов культуры, сопоставлять обобщенные характеристики и искать их связь и взаимозависимость, а следовательно, есть смысл прослеживать эти компоненты по отдельности в широких границах всего комплекса культур. Но и здесь полного единообразия не по-

[2] G. E. Daniel. A Hundred Years of Archaeology. London, 1950, стр. 246.

лучится из-за влияния географической среды и культурных традиций или воздействий, которые и необходимо учесть, чтобы не впасть в вульгарно-социологический схематизм. Что же касается изохронологического отрезка истории, то по отношению к нему обобщенное рассмотрение каждого компонента культуры по отдельности внутри границ отрезка совершенно теряет смысл: эти границы в большинстве районов и во многих сферах культуры оказываются сугубо условными; сложение всех таких сводок дает не органический синтез какой-то общности, а механическую сумму брошенных навалом элементов культуры.

Если единство неолита в изофеноменологическом выделении заключалось в наличии важных общих культурных явлений и, следовательно, в возможности социологической генерализации, то единство изохронологически выделяемой эпохи при неравномерности развития может заключаться только в конкретных связях и взаимозависимостях генетических, контактных и т. п.— населения земли в то время. А если мы вдобавок учтем более высокую, чем сейчас, тогдашнюю расчлененность человечества на отдельные популяции, сравнительно весьма гомогенные и изолированные, то поймем, что эти конкретные связи и зависимости действовали не рассеянно, а с распределением и группировкой по отдельным популяциям, с квантовыми перепадами характеристик на границах популяций. По сути это были связи и зависимости популяций между собой, а единство изохронологически выделенного отрезка преистории может рассматриваться как система генетических и контактных отношений между всеми популяциями, в археологическом выражении — между культурами. Здесь надлежит рассматривать конкретный ход исторического процесса — это не социологический, а исторический подход. И если, изучая более позднее время и стремясь охватить исторический процесс в целом и в единстве, историк не может отвлечься от современных народов, государств, религиозных организаций и т. п. и ищет всемирную связь в отношениях между ними [3], то тем более преисторик при изохронологическом подходе и поисках всеобщей конкретно-исторической связи явлений не может оставить в стороне археологические культуры, он должен прослеживать отдельные компоненты культуры прежде всего в этих общностях как в цельных системах, выяснить связь этих компонентов с другими в этих системах, зависимость от них и от связанных с этими системами экологических сред. Только при таком условии можно будет правильно понять движение и изменение этих компонентов от системы к системе (от культуры к культуре), понять смысл общих линий всей картины изохронологически выделенной эпохи, понять эту эпоху «как связный отрезок раннечеловеческого развития».

Но ввиду того, что понять культуру как систему вряд ли можно без сопоставления с синстадиальными культурами, в том числе с культурами той же ступени археологической периодизации, изофеноменологический подход оказывается необходимой предпосылкой доброкачественной реализации изохронологического подхода. Впрочем, это часть общего вопроса о соотношении социологии с историей.

Сторонники «некультурного» подхода к изучению археологического материала (Даниел и др.) обычно ссылаются на искусственность, субъективность, «инструментальность» понятия археологической культуры, в доказательство чего иногда приводят расплывчатость их границ, наличие общих элементов, случаи перекройки культур. Но случаи перекройки единичны, общие элементы не нивелируют особенное, а расплывчатость границ не равнозначна отсутствию границ.

Естественно, что при таком отношении к археологическим культурам Мюллер-Карпе не уделил в своем труде места картографированию их ареалов и границ. Менее понятно, почему он не счел необходимыми карты распространения типов и явлений, которые рассматривает в тексте и документирует изображениями. Территориальная распространенность — важная часть информации об археологических явлениях, и ее отсутствие ощущается болезненно (в «Руководстве» есть только глухие общие карты местонахождения упоминаемых пунктов). Недостает также наглядных сопоставительных таблиц и схем (хотя бы уже созданных в науке), которые бы отразили генетические и контактные связи, а также хронологические соотношения культур (такие схемы и таблицы тоже ведь разбросаны по многим книгам и статьям — работы Ф. Шахермейра, сборники Р. Эриха и др.), в сводных обобщающих трудах вряд ли целесообразно миновать их, даже если их выводы представляются спорными (в «Руководстве» есть лишь не очень удобные синхронизационные схемы). Во всяком случае, отсутствие таких пространственных и хронологических объединяющих структур сильно затрудняет понимание рассматриваемого периода как «связного отрезка раннечеловеческой истории».

Конечно, всегда нехорошо сетовать на то, что в книге что-то упущено, чего-то нет, как бы забывая о том, какого труда стоило то, что в книге есть, и какой важный вклад в науку оно представляет. Но без такого разбора нет изучения и обсуждения опыта, а это — главная цель данной рецензии.

---

[3] Б. Ф. Поршнев. Мыслима ли история одной страны? Сб. «Историческая наука и некоторые проблемы современности». М., 1969, стр. 301—316; обсуждение: 317—325.

Отметим еще несколько частных, но заметных недостатков и спорных мест. Неточно изложена марксистская концепция развития первобытнообщинного строя («военная демократия» представлена как этап сложения патриархата, тогда как она считается стадией разложения патриархально-родового строя). Материалистическое понимание автор «Руководства» трактует исключительно как мировоззренческий подход (Betrachtungsweise, weltanschaulich), противопоставляя его методу и сводя к «спекулятивным» рассуждениям (стр. 23). Между тем методологическая ценность материализма очень наглядно выступает хотя бы в том, что с этих позиций вытекает признание объективного содержания за археологическими типами и культурами, а отсюда — те методические претензии, которые приходится предъявить к «Руководству» Мюллера-Карпе.

Мюллер-Карпе считает, что с применением марксистской теории «доступные нам в археологическом материале преисторические культурные отношения и процессы развития не оказываются объясненными лучше (т. е. свободнее от противоречий и шире), чем без нее» (стр. 24). Такой крупный генерализатор, как Чайлд, был, как известно, другого мнения и четко это выражал [4]. Он изучал теоретический опыт советских археологов и достигал интересных результатов от приложения принципов диалектического и исторического материализма к исследованию археологического материала, а через воздействие Чайлда эти методические идеи сказались в научном творчестве ряда ведущих археологов мира — американских (Бредвуд) [5], немецких (Вале), шведских (Мальмер) и др.

К сожалению, памятники территории СССР описаны у Мюллера-Карпе в основном не по русским, украинским и другим первоисточникам, а по переложениям на традиционных для европейской археологии языках, а так как работы советских авторов (и особенно публикации) на этих языках все еще, увы, крайне малочисленны, то информация получена из вторых рук. Вероятно, этим объясняется ее некоторая ограниченность и несбалансированность: например, в каталоге приведены такие сравнительно незначительные памятники, как Баево, Частые, но отсутствуют Одиши, Кистрик, Тетрамица, Нижне-Шиловская, Исаково, Шигирский торфяник, Джанбас-Кала 4 и др. Можно было бы ожидать, что раннее триполье будет представлено не только Лукой-Врублевецкой и Карбуной и что хотя бы Поливанов-яр, Берново-Лука и Ленковцы войдут в тот же том.

Некоторые пробелы можно было бы отметить и в отношении других стран: вероятно, стоило бы ввести в каталог Фрумушику, Петрешти и Зэнешти в Румынии, Чоку в Венгрии, Дипси (Езеро), Русе и Мечкюр в Болгарии, Сервию и Олинф в греческой Македонии, Вучедол и Плочник в Югославии, Кум-Тепе в Турции. В перечень важнейшей литературы по Винче следовало бы включить специальную работу В. Милойчича и новую периодизацию И. Коромца [6].

Из литературы на русском языке упущены книга Х. А. Кинк «Египет до фараонов» (М., 1964), украинские обзорные труды («Нариси» и «Археологічни дослідження»), сводный труд «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы» (М.— Л., 1966). Книги В. С. Титова «Неолит Греции» и В. Н. Даниленко «Неолит Украины» появились позже и не могли быть учтены.

Непонятно, почему на сводных картах памятников территория СССР в целом исключена из Европы и помещена в Азии; это неудобно даже чисто технически: густо расположенные значки теснятся у края карты, где площадь изображена уже в сильном ракурсе, цифры не помещаются, их приходится выносить в сторону; в то же время на карте Европы восточный фланг достаточно растянут, а если рамку сдвинуть, учитывая пустоту западного фланга, то вся россыпь знаков Европейской части СССР удобно разместилась бы на этой карте.

К изданиям подобного рода полезно было бы прилагать список основных, классических трудов, посвященных рассматриваемому кругу памятников, иначе такие труды теряются в массе мелких статей, заметок, поздних переложений и т. п.

Подводя итог, нужно признать: о высоких качествах рецензируемого издания говорит то, что в нем все же неточностей меньше, чем пробелов, а пробелов меньше, чем спорных установок, но того, другого и третьего далеко недостаточно, чтобы воспрепятствовать читателю оценить указанные в начале рецензии положительные стороны издания и воспользоваться собранной в нем и отпрепарированной обильной информацией о неолитических памятниках мира.

Л. С. Клейн

---

[4] V. G. Ghilde, Scotland before the Scotts. London, 1946, стр. V. Гордон Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 132—134.

[5] В. М. Массон. Советская археология и мировая археологическая наука. Тезисы докладов на сессии Отделения истории Академии наук СССР, посвященной 50-летию Ленинского декрета о создании РАИМК — Института археологии АН СССР..., Л., 1962, стр. 12, 13.

[6] V. Milojčić. South-Eastern Elements in the Prehistorie Civilization of Serbia. Annual of the British School at Athens, XLIV (1949), стр. 258—306; J. Korošec. Delitev Vinčanske kulturne plasti. «Arheološki Vestnik», IV/I, 1953, стр. 5—46.

C. C. Lamberg-Karlovsky. Excavtaions at Tepe Yahya, Iran, 1967—1968, American School of Prehistoric Research, Bulletin No 27, Cambridge, 1970.

Монография Г. Ламберг-Карловски посвящена результатам раскопок южноиранского поселения Яхья-Тепе, расположенного в прибрежном районе Персидского залива. Исключительная значимость памятника определяется его промежуточным расположением между Месопотамией и хараппской цивилизацией, так что можно было надеяться на обнаружение здесь конкретных фактов предполагаемых торговых связей между этими странами. И раскопки Яхья-Тепе полностью оправдали такие надежды.

На памятнике выявлено шесть периодов существования. Период I относится к сасанидскому времени, причем на одном черепке встречена пехлевийская надпись. Достаточно широко представлена расписная керамика «типа Лондо», ранее ошибочно относимая к I тысячелетию до н. э. Нижележащий период II определяется как принадлежащий к ахеменидскому времени. На единичных сосудах отмечена роспись.

Период III относится к раннежелезному веку. Выделяются красные и серолощеные сосуды, в том числе со сложными сливами, находящие параллели в материалах Северо-Восточного Ирана (стр. 27). Со своей стороны отметим форму банкообразных сосудов с подкошенной придонной частью, аналогии которым имеются в керамике южных областей Средней Азии середины I тысячелетия до н. э. Между периодами III и IV предполагается хронологический перерыв.

Период IV подразделен на три фазы: IV — A, B. C. Слой IVA условно определяется как протоэламитский. Ведущий тип керамики — нерасписная лощеная, украшенная простым точечным орнаментом; этот комплекс не находит параллелей в посуде Иранского плато (стр. 39). Отмечено около 90 знаков на керамике, в том числе оттиски от печатей. Расписная посуда составляет около 1% всей учтенной. В целом комплекс IVA отличен от нижележащего IVB, так что автор допускает возможный хронологический разрыв.

Керамика фазы IVB включает расписную, серую и краснолощеную посуду. Особого интереса заслуживает наличие чрезвычайно большого количества стеатитовых сосудов (около 500 экземпляров), причем их орнаменты включают почти все мотивы, известные из Месопотамии, Ирана и Пакистана. Кроме того, встречены стеатитовые печати, топорик, на лезвии которого выгравирован орел, торс мужской статуэтки. Г. Ламберг-Карловски с полным основанием предполагает, что Яхья-Тепе — один из местных центров по изготовлению стеатитовых изделий, откуда они попадали на запад (Месопотамия) и восток (хараппская цивилизация).

В фазе IVC экспедиции посчастливилось обнаружить глиняные таблички с протоэламитскими надписями, что безусловно является подлинной научной сенсацией последних десятилетий в археологии Ирана. Находки бланков-заготовок с бесспорностью свидетельствуют о местном, а не привозном происхождении табличек (стр. 81).

Период V также подразделен на три фазы: V — A, B. C. В фазах VA — B широко распространена расписная посуда типа Тали Иблис III, которая затем резко уменьшается в слое VC, где широко представлена грубая, нерасписная керамика, более характерная для нижележащего периода VI.

В целом керамика периода V, по автору, не находит видимых параллелей в посуде Иранского плато и выделена как «Яхья комплекс». Наряду с металлическими изделиями, в фазе VC встречены каменные орудия, в том числе обсидиановые.

Наиболее древние слои памятника выделены как период VI с фазами A, B, C, D, E. В слоях VIA — B преобладает нерасписная грубая керамика; расписная составляет около 2%. В нижележащих слоях VIC — D расписная посуда едва достигает 1% учтенной. В слое D особо должна быть отмечена уникальная каменная женская статуэтка. Самый древний слой — VIE также сохранил строительные остатки, демонстрируя тем самым наличие сырцовой архитектуры с начальных этапов существования памятника.

Такова в общих чертах культурная последовательность Яхья-Тепе. Было бы педантизмом в настоящем обзоре подробно останавливаться на основных выводах предварительного отчета — будущие раскопки внесут необходимые коррективы. Однако нельзя обойти вопрос о предложенных хронологических рамках. Если время существования периодов I—III не вызывает никаких возражений, то определенные сомнения имеются в части более ранних слоев. Так, период IV датируется в пределах 2200—3400 гг. до н. э., хотя весь археологический комплекс, по нашему мнению, не выходит за рамки III тысячелетия до н. э. Это в равной степени относится и ко времени бытования стеатитовых сосудов, которые автор без достаточной аргументации склонен относить к раннединастическому I периоду и даже ранее, т. е. заглубляя в IV тысячелетие до н. э.

Для периода IVB имеется три даты по C^{14} (3245 ± 465; 3280 ± 170 и 2480 ± ± 360), причем последняя из них определена лабораторией как вполне удовлетворительная. Тем не менее, Г. Ламберг-Карловски принимает во внимание лишь дату 3280 ± 170 (из-за минимального отклонения плюс — минус), а учитывая прото-

эламитские таблички фазы IVC, относимые им к Сузы $C_в$, углубляет весь период IV в первую половину IV тысячелетия до н. э.

К сожалению, в монографии не приведены фактические материалы фазы IVC (раскопки 1970 г.), однако сам по себе период Сузы $C_в$ относится к рубежу IV—III тысячелетий [1]. Так что пока еще нет веских оснований для столь ранней датировки периода IV.

Период V относится автором к 3800—3400 гг. до н. э., однако столь ранняя датировка не аргументируется археологическим материалом. Здесь следует отметить, что наряду с керамикой типа Тали Иблис, имеются сосуды типа Наль и Кветты (стр. 95), которые в свою очередь, по общепризнанному мнению, характерны для комплексов III тысячелетия до н. э. Со своей стороны, отметим наличие фрагментов в фазе VA с росписью из широких фризов, от которых к донцу идут вертикальные ломаные полосы (табл. 31). Аналогичный композиционный прием имеется на сосудах времени Намазга IV из Южного Туркменистана, опять-таки относящихся к III тысячелетию до н. э.

Для периода V имеются две даты по C^{14} (3630 ± 410 и 3660 ± 140), но они в лучшем случае очерчивают лишь самую нижнюю хронологическую границу. Впредь до получения дополнительных данных существование периода V не может быть датировано ранее первой половины IV тысячелетия до н. э. Причем фаза A скорее всего заходит в начало III тысячелетия до н. э.

Период VI (3800—4500 гг. до н. э.) находит бесспорные параллели в материалах нижнего слоя Тали Иблис, что в совокупности с радиокарбоновыми датами (4120 ± 180, 3620 ± 160 и 4660 ± 140) определяет время существования памятника V тысячелетием до н. э. Но и в таком случае хронологический диапазон периода VI в целом падает на вторую половину IV — последние века V тысячелетия до н. э. В этом отношении показательна общая 7-метровая толща культурных слоев рассматриваемого периода, почти в два раза превышающая мощность напластований каждого из перечисленных выше периодов.

Наши сомнения в части предложенных хронологических рамок нисколько не снимают высокую оценку монографии в целом. Полученные данные показывают, что Яхья-Тепе вместе с Тали Иблис имеют общие генетические корни, что прослеживается не только в сходстве керамических комплексов соответствующих периодов, но и подтверждается использованием в строительстве кирпичей с характерными углублениями [2]. Высказано предположение, что грубая нерасписная посуда слоя Тали Иблис, возможно, свидетельствует о местной линии перехода к оседлоземледельческому хозяйству [3], что как будто находит подтверждение на материалах Яхья-Тепе. И, видимо, прав Г. Ламберг-Карловски, усматривающий здесь в III—IV тысячелетиях до н. э. сугубо местный центр развития керамического искусства. Во всяком случае, очевидно, что Керманский оазис тяготел более к Фарсу, чем к Белуджистану, и можно полностью согласиться с автором, что предполагаемая им эламская федерация доходила на восток так далеко, как ныне располагается Яхья-Тепе.

С выходом монографии Г. Ламберг-Карловски наука обогатилась новыми, исключительно важными данными, которые позволяют сделать еще один шаг в изучении древней истории Южного Ирана.

В. И. Сарианиди

---

[1] R. Dyson. Problems in the Relative Chronology of Iran. In: «Chronologies in Old World Archaeology», 1967, стр. 224—225, рис. 1.

[2] I. Caldwell (editor). Investigations at Tal-i-Iblis. Illinois, 1967, стр. 304, табл. 7; Ср. также аналогичные кирпичи времени Сиалк II (R. Ghirshman, Fouilles de Sialk. Paris, 1938, I, табл. XI, *4*), возможно свидетельствующие об общем центре зарождения подобного строительного приема.

[3] В. Сарианиди, С. Панарин (рец.). Investigations at Tal-i-Iblis. CA, 1971, 1.

W. A. Fairservis, jr. The Origin, Character and Decline ofna Early Civilili-, zation. American Museum Novitates, number 2302. New York, 1967; 48 стр., 10 рис. 5 табл., библиография.

Статья известного американского археолога В. А. Ферсервиса «Происхождение, характер и упадок ранней цивилизации» посвящена харапской культуре. Основываясь на результатах своих работ в Западном Пакистане [1] и привлекая

---

[1] W. A. Fairservis, jr. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. APAMNH, 45, pt. 2. стр. 165—402; его же. Archéological surveys in the Zhob and Loralai districts, West Pakistan. Там же, 47, pt. 2, стр. 273—448; его же. Archeological Studies in the Seistan Basin of Southwestern Afghanistan and Eastern Iran. Там же, 48, pt. 1, стр. 1—128.

материалы из раскопок коллег[2], автор суммирует все данные, касающиеся харапской цивилизации, чтобы «достичь главной цели своей работы — обеспечить более научными доказательствами те проблемы, которые уже существуют в литературе» (стр. 2).

Одной из таких проблем, которая до сих пор не имеет однозначного решения, является проблема происхождения харапской культуры. В. А. Ферсервис рассматривает эту проблему в трех аспектах. Первый — это возможность местных истоков харапской цивилизации, которые автор видит в раннеземледельческих поселениях Восточного Белуджистана. Анализируя природные условия и расположение ранних харапских поселений, В. А. Ферсервис убедительно доказывает возможность возникновения в определенных экологических условиях предгорий, на базе примитивного искусственного орошения, первых пастушеско-земледельческих поселений (рис. 1).

Второй аспект — преемственность в эволюции оседлоземледельческой культуры, которая наглядно представлена пятью фазами: I — пастушество с зачатками земледелия; II — развитое земледелие и пастушество; III — развитая форма сельской жизни; IV — период городской жизни; V — экономический упадок; на смену городским поселениям в долине Инда приходят сельские. Автор умышленно отодвигает на второй план сходство археологических комплексов и при создании своей периодизации во главу угла ставит экономический базис: характер земледелия, тип орошения, систему землепользования.

В то же время он не рассматривает развитие производящей экономики в Белуджистане и долине Инда изолированно, а привлекает аналогичные материалы из Западной Азии, включая и Южную Туркмению.

Интересно отметить, что предложенные В. А. Ферсервисом фазы и относимые к ним поселения в целом сопоставимы с ранее выделенными культурно-историческими фазами Г. Ф. Далса, который опирался в своем исследовании материалов из Афганистана, Белуджистана и долины Инда только на формально-типологический метод[3]. Ценность схемы В. А. Ферсервиса состоит в том, что он впервые использовал для выделения последовательных фаз развития археологических культур социально-экономические критерии.

Аналогичный подход демонстрирует автор и при разборе третьего аспекта происхождения харапской цивилизации — связи культуры долины Инда с Шумером. По В. А. Ферсервису, шумерская цивилизация характеризуется городскими поселениями, развитой системой письма, прогрессивной технологией, разнообразием художественных стилей, умозрительным мышлением, организованными войнами, развитой ирригационной системой и концентрацией внутри ограниченной географической области, экономически однородной.

В харапской цивилизации, по мнению автора, все эти черты отсутствуют, и таким образом, ее самобытный характер не вызывает сомнений. Действительно, различие между двумя цивилизациями весьма велико, однако не следует забывать, что о характере шумерской цивилизации помогают судить письменные источники, тогда как харапская культура до сих пор известна лишь по археологическим материалам. Тем не менее гипотеза В. А. Ферсервиса о самобытном характере и независимом пути развития харапской цивилизации весьма убедительна, особенно в тех моментах, где автор анализирует конкретный археологический материал. Автор не отрицает влияния культуры древнего Шумера, однако он прослеживает эти влияния, начиная с третьей фазы, тогда как две предшествующие отражают линию местного развития и не могут быть выведены из Западной Азии. В то же время харапская цивилизация IV фазы является прямым развитием достижений III фазы. «Нет никаких данных,— пишет В. А. Ферсервис,— которые могли бы допустить предположение, что урбанизация внутри индо-иранских пограничных областей IV фазы была результатом внешних влияний. Расцвет культур в Мохенджо-Даро и других городских поселениях базировался на достижениях передовой технологии и успехах земледельцев предшествующих стадий, обусловленных экологией р. Инда» (стр. 21).

Изучение социально-экономических структур обществ Древнего Востока стало возможным благодаря дешифровке хозяйственных архивов. Однако этот материал пригоден лишь для стран Западной Азии (Древнего Египта, Малой Азии, Двуречья). Что же касается цивилизации долины Инда, то ее социально-экономический базис до сих пор представляется загадкой. Поэтому особый интерес в работе В. А. Ферсервиса представляет раздел, посвященный характеру харапской ци-

---

[2] J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. MDAEA. 17. Paris, 1961; его же. Fouilles Prehistoric Ware from Baluchistan. «Iraq». 13, pt. 2, стр. 63—75; B. Cardi. British Expeditions to Kalat, 1948 and 1957. PA 1. Karachi, 1964, стр. 20—29; F. A. Khan. Excavations at Kot-Diji. PA. 1. Karachi, 1964, стр. 39—43; его же. The Indus Valley and Early Iran. Karachi, 1964.

[3] G. F. Dales. A Suggested Chronology for Afghanistan, Baluchistan, and the Indus Valley. In: Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1966, стр. 278, 279.

вилизации. Здесь автор, привлекая этнографические источники, пытается воссоздать конкретный экономический базис древнеиндийской цивилизации, используя ретроспективный метод ориентировочных оценок экономических возможностей древнего общества [4]. В целом это ему удается.

Как известно, в основе экономических структур раннеклассовых обществ, возникших в долинах великих рек, лежало высокопродуктивное земледелие и скотоводство, опиравшиеся на искусственное орошение. Тщательно анализируя все доступные ему источники (палеоботанические, палеозоологические, гидрологические), В. А. Ферсервис впервые воссоздает облик древнейших городов и поселков Инда, уделяя большое внимание повседневным занятиям населения: торговле, ремеслу, скотоводству и земледелию. Для большей наглядности автор сосредотачивает свое внимание на исследовании экономики Мохенджо-Даро, который полнее всего изучен среди поселений долины Инда.

Определяя население Мохенджо-Даро в 41 250 человек [5], В. А. Ферсервис высчитывает посевные площади, необходимые для получения урожая зерновых, чтобы прокормить жителей города. Причем он полагает что даже при наличии одного весеннего урожая (раби) жители Мохенджо-Даро получали избыточное количество зерна [6].

Не менее подробно исследует автор и скотоводческий базис Мохенджо-Даро. Его цифровые выкладки убедительно доказывают, что эта отрасль производящей экономики играла важную роль наряду с земледелием в создании прибавочного продукта.

Распределение прибавочного продукта и его величина, подчеркивает автор, зависели от числа неземледельческого населения древнего общества. Этот момент В. А. Ферсервис считает одним из критериев для определения цивилизации. На этом он не останавливается, а идет дальше, пытаясь воссоздать сложный социальный организм древнего города.

Автор намечает некоторые категории для населения Мохенджо-Даро (табл. 3), подчеркивая, что рабочая сила, занятая в производстве (подразумевается земледелие), составляла менее $^1/_2$ всего населения. Поэтому В. А. Ферсервис видит в земледельческом населении ту основную часть общества, которая являлась носителем прогресса, владея средствами для освоения новых земель и поддержания жизни неземледельческих специалистов (управленческий аппарат, ремесленники и пр.).

Причины упадка харапской цивилизации до сих пор вызывают дискуссию [7]. В. А. Ферсервис рассматривает этот сложный вопрос с позиций диалектического материализма [8]. Рост народонаселения (особенно его неземледельческой части), сокра-

---

[4] Этот метод находит все более широкое применение в работах зарубежных и советских исследователей. См. R. M. Adams. The Evolutionary Process in Early Civilizations. In: Evolution after Darwin, 2, Chicago, 1960, стр. 153—168; его же. Agriculture and Urban Life in Early Southwestern Iran, «Science», 136, 1962, стр. 109—122; R. J. Braidwood and C. A. Reed. The Achievement and Early Consequences of Food Production: a Consideration of the Archaeological and Natural — Historical Evidence. Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology. 22, 1957, стр. 19—31; С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. СА, 1967, 1; В. М. Массон. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. Сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970.

[5] Автор исключает из своих подсчетов площадь цитадели и не учитывает возможных обитателей так называемых «кроличьих нор» — трущоб Мохенджо-Даро. Поэтому вполне вероятно, что население города достигало 50 тыс. человек, что и подтверждается дополнительными подсчетами.

[6] Нам кажется более убедительным предположение Х. Т. Ламберика о существовании в харапское время уже и второго осеннего урожая (хариф). См. H. T. Lambrick. Sind. A General Introduction. Hyderabad, 1964, стр. 33 сл. Это тем более вероятно, так как в Лотхале открыт канал (2,5 *км*), соединяющий док с р. Субармати. Следовательно, в харапское время каналы уже были известны, что позволяло давать дополнительную влагу на поля для таких культур, как рис, кунжут, и получать второй осенний урожай.

[7] J. Marshall. Mohenjo-daro and the Indus Civilization. London, 1931; M. Wheeler. The Indus Valley Civilization. Cambribge, 1960, стр. 96—100; R. L. Raikes. The End of the Ancient Cities of the Indus. «American Anthropologist», 66, 2. 1964, стр. 284—298; его же. The Mohenjo-daro Flood. «Antiquity», XXXIX. 1965, стр. 196—203; его же. The Mohenjo-daro Flood-Funther Notes. «Antiquity», XLI. 161. 1967. стр. 64—66; G. F. Dales. The Decline of the Harappans. «Scientific American», 214. 5. 1966, стр. 93—100; его же. The Mythical Massacre at Mochenjo-daro. Expedition, VI, 1964, стр. 36.

[8] «В основе цивилизации,— пишет он,— лежали взаимоотношения человек — земля — вода, и они-то и послужили причиной ее гибели», стр. 31. Ср. «Несомненно, что почвы, вода и концентрация населения создали предпосылки для урбанизации в Южном Афганистане и в частях Белуджистана», стр. 21.

щение посевных площадей в связи с угасанием плодородия почв[9], изменение экологии равнины под влиянием деятельности человека — вот те явления, развитие которых невозможно было приостановить на базе примитивной техники эпохи бронзы. Расширение посевных площадей за счет колонизации новых земель на востоке и юге могло лишь на время приостановить гибель цивилизации. Кроме того, существовали, несомненно, и внутренние социальные противоречия, анализ которых пока затруднен из-за отсутствия письменных источников. Не подлежит сомнению, что борьба неимущих низов, обитателей «кроличьих нор» Мохенджо-Даро, против правящей олигархии изнутри расшатывала общества Мохенджо-Даро и Хараппы, что в свою очередь сделало эти города легкой добычей соседей.

Работа В. А. Ферсервиса, несомненно, представляет большой интерес для всех тех, кто занимается древней историей Индостана. С одной стороны, она подводит итоги изучения харапской цивилизации, с другой — указывает возможные пути для решения сложных проблем палеоэкономики древних обществ. В. А. Ферсервис впервые подошел к пониманию харапской цивилизации как сложного социально-экономического организма, и в этом ему помогло не только отличное знание материала, но и применение передовой марксистской методологии. В этом основная ценность работы В. А. Ферсервиса, которую с интересом прочтет широкий круг советских историков.

А. Я. Щетенко

Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970

«Карасукская проблема — едва ли не самая интересная и сложная в древней истории Сибири и Центральной Азии» — так начинает свою книгу Э. А. Новгородова. И действительно, вопросы, связанные с происхождением карасукской культуры, ее ареалом, хронологией, историческими судьбами ее носителей, стоят в центре внимания археологов-сибиреведов, неизменно являясь предметом острых дискуссий в течение более 40 лет, с тех пор, как автор первой научной классификации культур бронзового века Южной Сибири С. А. Теплоухов выделил ее и охарактеризовал как культуру, связанную с юго-востоком, а затем С. В. Киселев блестяще воссоздал неписанную древнюю историю Южной Сибири, уделив карасукской проблеме большое внимание. В последнее десятилетие вышел ряд работ по этой теме, появился большой новый материал — результат широких полевых исследований М. П. Грязнова, Л. Р. Кызласова, А. Н. Липского и др.

Книга Э. А. Новгородовой является первой обобщающей монографией, посвященной карасукской культуре, итогом многолетней работы автора в советских и зарубежных экспедициях, музеях и архивах. Достоинством работы является введение в научный оборот новых материалов по этой теме и, что особенно важно,— больших публикаций по Центральной Азии. В отличие от некоторых ошибочных мнений последних лет, автор справедливо отмечает, что под «Центральной Азией» следует понимать не только Туву и уж во всяком случае не только Среднюю Азию, а также и Синьцзян, Внутреннюю и Внешнюю Монголию, Тибет и весь район к северу от Великой Китайской стены. В книге учтены результаты полевых работ, сборов и научных исследований советских и монгольских археологов, а также самого автора. Э. А. Новгородова привлекает коллекции случайных находок, которые хранятся как в отдаленных музеях и краеведческих кабинетах Монголии, так и в центральных архивах и лабораториях МНР.

Этот большой материал автор подверг строгому анализу и систематизации, не навязывая читателю предвзятых выводов. Э. А. Новгородова начинает исследование с анализа отдельных карасукских элементов, выясняя происхождение каждого, а затем синтезирует все данные, делая заключения о происхождении культуры в целом и о ее взаимосвязи с предшествующими и синхронными культурами Сибири и Центральной Азии.

Нам кажется весьма удачным в работе, где приходится иметь дело с большими сериями адекватных вещей, применение методов математической статистики. Во всяком случае, самую многочисленную группу находок — украшения, как подчеркивает автор, можно было расчленить лишь с помощью расчета взаимовстречаемости и взаимоисключаемости всех украшений в погребениях. Эту работу Э. А. Новгородова проделала тщательно и весьма наглядно. Еще более убедительная картина прослежена автором с помощью составления гистограмм и графиков по разным типам посуды, бронзовым орудиям труда и оружию. Свои выводы автор неоднократно проверяет разными методами: и расчетом коэффициента сопряжен-

[9] Следует заметить, что именно ирригация (В. А. Ферсервис полагает, что она отсутствовала в харапское время) является основной причиной оскудения почв, ибо ее последствиями являются заболачивание и засоление пахотных угодий. См. О. Х. К. Спейт. Индия и Пакистан. М., 1957, стр. 221.

ности, и картографированием находок. Э. А. Новгородова удачно использовала картографирование не только для регистрации распространения карасукских памятников и инвентаря, но и как метод исследования, позволяющий выявить ряд исторических закономерностей. Широко привлекает автор данные палеоантропологии (работы Г. Ф. Дебеца, М. М. Герасимова, В. П. Алексеева), этнографии и палеоклиматологии. Благодаря этому Э. А. Новгородова сумела дать четкую характеристику групп памятников карасукского времени в Минусинской котловине и определить их место на карте.

Дело в том, что сама идея существования на верхнем Енисее нескольких (или двух) групп памятников в карасукское время высказывалась и ранее. Одни считали, что эти группы следует считать одновременно существующими и генетически не связанными между собой (Э. А. Новгородова, М. Д. Хлобыстина, Н. Л. Членова), другие определяют их как два последовательные этапа одной культуры (М. П. Грязнов). Правда, во всех изданных ранее работах не дается конкретной характеристики обеих групп памятников. С выходом в свет книги Э. А. Новгородовой этот пробел восполнен. Можно соглашаться или не соглашаться с ее концепцией, но читающим ясна не только вся «лабораторная» работа, легшая в основу выводов, но и совершенно определенная, четко аргументированная характеристика всех археологических и этнографических (если можно так сказать) групп населения Хакасско-Минусинской котловины в карасукскую эпоху. Выделение этих групп, впервые обретших свое место на карте, кажется вполне правомерным. И все-таки не это является основной заслугой работы Э. А. Новгородовой. На мой взгляд, гораздо важнее стремление автора показать взаимоотношение между этими группами. И здесь именно методы математической статистики помогают автору убедить нас и наглядно продемонстрировать отсутствие преемственности между памятниками этих групп.

Нам представляется, что Э. А. Новгородова достаточно лаконично сумела дать нечто вроде формулы, по которой последующие исследователи карасукских погребений смогут по фрагментарным находкам (черепок от орнаментированного сосуда, детали украшений и т. д.) с большей, чем прежде, уверенностью определять принадлежность памятника к той или иной группе (вне зависимости от того, как будут называть памятник: «каменноложским» или «лугавским».

Вполне убедительны возражения автора Н. Л. Членовой в отношении ее точки зрения о ближневосточном происхождении культур карасукского типа. Не отрицая идею существования в древности связей народов Сибири и Ближнего Востока, Э. А. Новгородова сумела в сжатых схемах и строгих хронологических выкладках показать неосновательность мнения Н. Л. Членовой. Приводя основные существующие мнения по датировке луристанских бронз, автор рецензируемой книги справедливо обращает внимание на тот факт, что более древняя карасукская культура никак не могла происходить от культуры более поздней.

Нам представляется весьма интересной мысль о длительном сохранении карасукских традиций в Монголии. Э. А. Новгородова прослеживает их, анализируя выбитые на оленных камнях поясные наборы с оружием, мною они отмечены в Южной Сибири на р. Сыде [1].

В книге имеются отдельные спорные положения и недочеты. Неверно утверждение автора, что причиной открытия Сибирского отделения Русского географического общества явился возросший интерес к древностям. Представляется спорным отрицание сходства карасукской и андроновской керамики. О переживании некоторых андроновских форм керамики в карасукскую эпоху писал еще С. В. Киселев. Наблюдаются отдельные черты сходства между карасукской и андроновской керамикой и на материалах раскопок последних лет.

Круг проблем, охваченных исследованием, очень широк, и постановка вопроса такова, что оставляет много места для дальнейших исследований, обсуждений и споров. И в этом, как мне кажется, одна из заслуг работы. Она дает толчок к новым дискуссиям и, возможно, на новом уровне, когда будут опубликованы и введены в научный оборот обширные материалы Красноярской археологической экспедиции. Монография Э. А. Новгородовой, посвященная одной из самых ярких страниц древней истории Южной Сибири и Центральной Азии, бесспорно вносит ценный вклад в изучение карасукской проблемы.

М. А. Дэвлет

---

[1] М. А. Дэвлет. О брахикранном компоненте в составе населения тагарской культуры. СЭ, 1969, 5, стр. 94—97.

М. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969.

Могильник Гинчи, расположенный в высокогорной части Дагестана — в Советском районе, близ с. Тидиб, случайно обнаружен в 1956 г. и затем в течение 1956, 1959—1963 гг. исследовался археологами М. И. Пикуль и М. Г. Гаджиевым. Благодаря публикациям М. Г. Гаджиева[1] могильник Гинчи приобрел известность. Сейчас М. Г. Гаджиев издал полную публикацию этого важного памятника эпохи бронзы.

Рецензируемая книга состоит из введения, четырех глав и заключения (объем около 11 печ. листов). Во введении М. Г. Гаджиев знакомит читателя с историей изучения памятников эпохи бронзы Дагестана, открытием и раскопками могильника Гинчи.

Глава I, самая крупная по объему, посвящена описанию погребений и инвентаря могильника; ее характеризуют обстоятельность и ясность изложения. Описание дается по склепам, детским гробницам и захоронениям в сосудах. Гинчинские склепы содержали большое количество погребений, и каждое из них детально описано вместе с сопровождающим инвентарем. Эта глава не вызывает возражений, лишь ряд досадных мелочей снижают ее качество: некоторые рисунки лишены масштабов, не всегда ссылки на рисунки соответствуют изображениям (особенно страдают такими погрешностями ссылки на рис. 22). В главе II «Погребальные сооружения и обряд» детально анализируются погребальные сооружения и ритуал захоронений.

Склепы являются наиболее характерными сооружениями для дагестанских памятников эпохи бронзы. Как правило, они сложены насухо, при этом камни кладки подбирались с довольно ровными краями. М. Г. Гаджиев пишет, что в склепе № 5 можно реконструировать перекрытие «в виде невысокого ложного свода» (стр. 103). Это указание интересно в связи с тем, что в Ингушетии (с. Эгикал) обнаружены полуподземные склепы эпохи бронзы, имевшие полки из шифера, на которые клали покойников, и входные лазы. Таким образом, устанавливается, что в эпоху бронзы в восточной половине Северного Кавказа возникли гробницы той конструкции, которая затем, в средние века, стала характерной для наземных склепов.

Некоторые из гинчинских сооружений имели круглую форму, другие — четырехугольную. Склеп № 9 сочетал в себе обе формы — нижняя часть его, более древняя, была круглой (стр. 103). Так намечается переход от более древних — круглоплановых построек (жилья, землянок, гробниц) к поздним — прямоугольным. М. Г. Гаджиев считает при этом, что круглоплановые жилища, а значит и гробницы, отражающие характер жилых построек, были привнесены в Дагестан из Передней Азии еще в период бытования куро-аракской культуры (III тысячелетие до н. э.), а в прямоугольных постройках «отражены глубокие традиции и опыт каменного домостроительства горцев Дагестана» (стр. 105). В погребальном обряде круглые склепы бытовали дольше, чем постройки этого же плана в домостроительстве. Эти рассуждения автора вполне убедительны.

Интересно указание М. Г. Гаджиева на то, что в склепе № 2 внутреннее пространство делилось плитами на отсеки, предназначенные для семейных захоронений. Он связывает этот обряд с обособлением отдельных семей при сохранении еще «крепких родственных уз». Здесь автор мог бы подкрепить свои предположения этнографическим материалом: у аварцев существует термин «люди одного дома», которым объединяются близкие родственники, но живущие самостоятельно и далеко друг от друга. Очевидно, их предки проживали в одном доме с единым хозяйством[2]. Особенно ярка картина членения дома с увеличением родственных отдельных семей у лезгин. У них самое большое помещение второго этажа дома делилось на ряд комнат по числу женатых сыновей, а хозяйственное помещение первого этажа оставалось общим, так как хозяйство велось сообща[3].

М. Г. Гаджиев детально останавливается на обряде погребения. Его наблюдения лишний раз подчеркивают, что в эпоху бронзы на Кавказе наряду со скорченными захоронениями широко практиковалось вытянутое трупоположение, что в свое время отрицал Б. Е. Деген-Ковалевский. Автором установлено, что в Гинчи взрослых хоронили в склепах, детей в гробницах, а младенцев в сосудах (стр. 116, 117). Последний обряд не характерен для Дагестана. На более чем 180 взрослых захоронений, совершенных в склепах, в кувшинах было погребено лишь пятнадцать младенцев. Очевидно, над этими, особо выделенными захоронениями, автору стоило бы еще поработать, учесть их расположение среди могил, просмотреть более широкий сравнительный материал. М. Г. Гаджиев, например, осмысливая эти захоронения как характерные для горных областей Дагестана, не учел, что в приморском с. Берекей был найден каменный ящик со скорченным погребением и с сосудом, содержащим два костя-

---

[1] М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы. Уч. зап. ИИЯЛ, т. X, Махачкала, 1962; его же. О погребальном обряде племен горного Дагестана в бронзовом веке. Уч. зап. ИИЯЛ, XIII, Махачкала, 1964; его же. Бронзовые булавки Дагестана эпохи бронзы. СА, 1964, 4.

[2] А. И. Исламмагомедов. Жилища. Сб. «Материальная культура аварцев», Махачкала, 1967, стр. 157.

[3] С. О. Хан-Магомедов. Лезгинское народное зодчество. М., 1969, стр. 28.

ка [4]. Возможно, наличие таких редких погребений в разных частях Дагестана указывает на реальные, а не пережиточные связи Дагестана с Передней Азией.

Глава III посвящена анализу погребального инвентаря могильника Гинчи. Описывая керамику, М. Г. Гаджиев делит посуду из Гинчи по способу обработки поверхности на лощеную и покрытую обмазкой, а затем на шесть типов. Три из них — миски, крупные вытянутые сосуды и банки характерны для Дагестана и восточных районов Чечни. Говоря о круглодонных сосудах, М. Г. Гаджиев считает их форму характерной для Дагестана, но готов происхождение подобной посуды связывать с влиянием степной ямной культуры (стр. 126). С таким, даже самым нерешительным предположением трудно согласиться. Ведь в Чечено-Ингушетии, которая расположена ближе к степям, чем горный Дагестан, сосуды с закругленным дном встречаются редко, но за хребтом, по соседству с Дагестаном, в Грузии, с III тысячелетия до н. э. широко распространяется близкая по форме чернолощеная посуда с округлым дном [5]. Сосуды ямной культуры ничего общего с дагестанской керамикой не имеют.

Можно согласиться с автором, что покрытие керамики густой грубой обмазкой является специфически дагестанской особенностью (стр. 130). Из Дагестана этот прием был занесен в Чечню (Зандак, Харачой, Ишхой-юрт и другие пункты) и Северный Азербайджан.

Интересен этюд М. Г. Гаджиева о бронзовых булавках. Дальнейшие раскопки позволят проверить правомерность выделения особого вида «дагестанской» булавки с широкими валютными плоскостями (стр. 139). Обилие «рогатых» мотивов в более поздней дагестанской петрографике и архитектурной резьбе пока лишь указывает на такую возможность. Ведь булавки из Гинчи ничем существенным не отличаются от булавок Северного Кавказа и Закавказья.

Рассматриваемая глава очень насыщена материалом, в ней исследуемый памятник представлен на фоне всего Кавказа, хотя связи древнего Дагестана с племенами Северного Кавказа прослежены очень бегло, в основном на сходстве с памятниками горной Чечни (могильник Гатын-Кале). Говоря о подвесках «в виде дисков», М. Г. Гаджиев лишь указывает на их северокавказское происхождение, не раскрывая пути проникновения их в горный Дагестан, а сходство гинчинских находок с гатын-калинскими только констатируется им. Более тщательное сопоставление подобных материалов могло бы навести автора на мысль о культурном сходстве Гинчи и Гатын-Кале, на выделение той подосновы, которая породила каякентско-харачоевскую культуру. Богатые комплексы могильника Гинчи давали возможность для подобных обобщений.

Глава IV «Датировка и историко-культурная характеристика могильника» является чисто исследовательским разделом работы. Автор датирует могильник Гинчи временем от XIX—XVIII вв. до н. э., беря эту дату за нижний предел, и доводит функционирование могильника до XII в. до н. э. (стр. 153—155). С этой датой в основном можно согласиться: многие из вещей, обнаруженных в Гинчи, близки предметам куро-аракской культуры, а другие встречаются уже среди каякентско-харачоевских комплексов.

Говоря о местной металлургии (а специфичность многих предметов ясно указывает на ее существование), автор осторожно высказывается об использовании местных руд — полиметаллических по своему составу (стр. 162). Такая осторожность оправдана. Местные металлурги в основном занимались изготовлением украшений, металла у них было мало, недаром для горного Дагестана XIII—XI вв. до н. э. известно большое количество закавказского оружия, которое поступало сюда в готовом виде.

В заключение М. Г. Гаджиев считает возможным говорить о горном «локальном варианте культуры бронзового века Дагестана II тыс. до н. э.», включая в него памятники бассейнов рек Аварское Койсу и Кара-Койсу (стр. 169, 170). Общие контуры дагестанской археологической культуры эпохи средней бронзы были прослежены несколько ранее В. М. Котович [6]. Выделение варианта внутри этой культуры вполне правомерно. Очевидно, в ближайшее время будут выделены и другие варианты с учетом зональности страны (степь, предгорья, горы) и широких связей с населением южных степей и Закавказья (не надо забывать, что вдоль Дагестана протянулся известный Каспийский проход).

Книга М. Г. Гаджиева благодаря обилию фактов и важности затронутых вопросов перерастает рамки своего скромного и несколько неясного названия. Она является серьезным вкладом в археологию всего Кавказа.

В. И. Марковин

---

[4] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 142.

[5] А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси, I. Тбилиси, 1962, табл. IV; Г. Г. Пхакадзе. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963, стр. 38, 51 сл., табл. III—V, XV, XVI, XVIII.

[6] В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЛУРИСТАНСКИМ БРОНЗАМ

Комплекс луристанских бронз всегда живо интересовал специалистов, занимающихся скифо-сарматской археологией, бронзовым или ранним железным веком Кавказа, Предкавказья, Средней Азии, особенно в связи с вопросами хронологии и этногенеза. Рецензируемые книги П. Кальмейера и Л. Ванден Берге [1] являются наиболее значительными за последнее время работами, посвященными луристанским бронзам. Поскольку обе работы разбирают в основном одни и те же вопросы, мы рассматриваем их параллельно.

Большую часть обоих исследований (Кальмейер, стр. 7—116; Ванден Берге, стр. 5—61) занимает классификация луристанских бронз, построенная на различных принципах. Кальмейер рассматривает луристанские бронзы в хронологическом порядке, используя в качестве датирующих материалов предметы с надписями и аналогии из Месопотамии, Элама и некоторых районов Ирана. Одновременно он считает важным средством датировки изображения на вещах. Во II главе он предлагает датировку 53 типов бронзовых предметов, распределенных по следующим группам.

1-я хронологическая группа бронз (типы 2—8) датируется им доаккадским временем — 2600—2350 гг. до н. э.

2-я группа (типы 9—12) относится Кальмейером к аккадскому времени (2350—2150 гг. до н. э.).

3-я группа (типы 13—22) — приблизительно 2150—1894 гг. до н. э. Вызывает сомнение отнесение к этой группе четырехгранных острий с надписью Кутик (или Пузур) — Иншушинака (тип 16), годы правления которого не определены с достаточной точностью.

4-я группа (типы 23—26) датируется старовавилонским временем (1850—1530 гг. до н. э.). Отнесение именно к этой группе кубков с вогнутыми стенками (тип 26) выглядит недостаточно убедительным, поскольку эта форма существует в Иране в течение длительного времени (вплоть до XII в. до н. э.).

5-я группа — бронза касситского периода (1530—1160 гг. до н. э.) — типы 27—31.

6-я группа бронз датирована XII — X вв. до н. э. К этой группе относятся, между прочим, знаменитые луристанские ситулы. И, наконец, к 7-й группе Кальмейером отнесены остальные типы предметов, для которых предлагается датировка IX — VII вв. до н. э.

В III главе уже не на основании надписей, а с помощью типологического метода обосновывается датировка еще нескольких видов луристанских изделий. Датировки, предложенные Кальмейером и по большей части в достаточной степени им обоснованные, позволяют внести ряд поправок в работы, где использовались луристанские материалы. Так, луристанские кинжалы привлекались В. А. Сафроновым для датировки однотипных кинжалов из Фаскау. По Сафронову, луристанские кинжалы этого типа «точно датируются» XIII в. до н. э. [2]. Кальмейер, однако, для Луристана отмечает время бытования таких кинжалов XIII — началом X вв. до н. э. (Кальмейер, стр. 59 сл.). В Хасанлу (Иранский Азербайджан) они доживают до 800 г. до н. э. [3]. Таким образом, кинжалы луристанского облика не могут быть основой для датировки северокавказских могильников XIII — XII вв. до н. э.[4].

Целиком IX в., а не IX — VIII до н. э., как предполагала Н. Л. Членова [5] датируются псалии в виде «двойной секиры» («двойной трапеции»); по Кальмейеру, тип 38, стр. 76. Это вызывает некоторые сомнения в отношении предполагаемых связей луристанских племен с тагарскими, тем более что на промежуточной территории такие псалии не обнаружены.

---

[1] L. Vanden Berghe. Het Archeologisch Onderzock naar de Bronskultuur van Luristan. Verhandelingen van de Koninklijke vlaamse Akademie voor Wetenschappen, Letteren on schone Kunsten van Belge; Klasse der Letteren, Jaargang XXX, 64. Brüssel, 1968 (с резюме на французском языке). 177 стр., 39 табл., 30 рис. в тексте; P. Calmeyer. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanschah. Untersuchungen zur Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Ergänzungsbände zur Zeitschrift sür Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Neue Folge, 5. Berlin, 1969, 202 стр., 162 рис. в тексте, 8 табл.

[2] В. А. Сафронов. О датировке рутхинского погребального комплекса северокавказской культуры. КСИА АН СССР, 108, 1966, стр. 29.

[3] R. H. Dyson. Notes on Weapons and Chronology in Northern Iran around 1000 B. C. Dark Ages and Nomads c. 1000 B. C. Istanbul, 1964, стр. 34, рис. 2.

[4] Если они вообще могут служить основой для датировки, так как найдены на Северном Кавказе вне погребальных комплексов. См.: Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 66.

[5] Н. Л. Членова. О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР, М., 1966, стр. 164.

Несколько иной, чем кальмейеровская, выглядит классификация луристанских бронз Ванден Берге, в основу которой положен не хронологический, а формально-типологический принцип. Все предметы луристанских бронз Ванден Берге делит на большие категории: оружие и инструменты, украшения, предметы упряжи, сосуды, выделяя внутри этих подразделений более дробные градации.

Типично луристанскими бронзами, не характерными для других районов Передней Азии, Ванден Берг считает: топоры с обухом в виде голов животных, из пасти которых высовывается лезвие топора; обшивки колчанов с изображением крылатых быков, священного древа, героев, борющихся с хищниками; псалии с изображениями животных; штандарты; вотивные булавки с изображением фантастических существ, некоторые из которых Ванден Берге вслед за Г. Гиршманом и Дюссо трактует как древнеиранские, дозороастрийские божества (Ванден Берге, стр. 154).

В обеих монографиях приводятся каталоги луристанских бронз с надписями. Оба каталога прекрасно дополняют друг друга. Ванден Берге приводит список опубликованных луристанских бронз с надписями (Ванден Берге, стр. 75—83); Кальмейер — каталог неопубликованных или еще публикующихся предметов (Кальмейер, стр. 161—167).

Оба исследователя уделяют большое внимание происхождению бронз с надписями. Ванден Берге происхождение этих изделий представляется темным и запутанным, и поэтому он считает (стр. 159), что луристанские предметы с граффити не могут служить основой для датировки, даже если будут найдены in situ в погребальных комплексах. Излишняя пессимистичность такой оценки опровергается всей монографией Кальмейера, построенной на надписанных бронзах.

В VII главе своей работы Кальмейер останавливается на выяснении происхождения бронз с надписями. На стр. 168—170 он подвергает обстоятельной критике экстравагантную гипотезу Г. Гиршмана об отнесении всех луристанских бронз к VIII — VII вв. до н. э. и об их киммерийской принадлежности. Бронзы с надписями, по Г. Гиршману, происходят из разграбленных киммерийцами вавилонских и эламских храмов. Кальмейер достаточно убедительно отводит аргументы Гиршмана (стр. 172 сл.). По его мнению, послы вавилонских и эламских правителей, стремящихся к военно-политическому влиянию на луристанские племена, подносили подарки луристанским вождям и снабжали эти подарки надписями уже в самом Луристане. На наш взгляд, такая гипотеза представляется несколько искусственной. Более правдоподобным выглядит предположение о том, что надписанные бронзы принадлежат луристанским наемникам на службе у вавилонских и эламских царей. В пользу такого предположения свидетельствуют два обстоятельства: во-первых, все бронзы с надписями, как правило, местного происхождения; во-вторых, надписаны главным образом предметы вооружения (причем далеко не парадные) и чаши.

IV глава работы Кальмейера (стр. 137—140) посвящены разбору фальшивок, а также древних предметов с современными и псевдоахеменидскими надписями. Подделками Кальмейер считает предметы, которые не могут быть использованы для выполнения предназначенной для них функции.

Остро дискутируемый вопрос об этнической принадлежности луристанских бронз не решается сейчас однозначно. Луристанские бронзы скорее всего принадлежат различным этническим группам. Однако картина, рисуемая в этой связи Ванден Бергом (стр. 157, 158), представляется слишком сложной. В число народов, наложивших отпечаток на луристанские бронзы, он включает гутиев, эламитов, касситов, урартийцев, маннеев, ассирийцев, мидян, арамеев и даже (вряд ли оправданно) киммерийцев и скифов. Наиболее определенно, по нашему мнению, в числе создателей комплекса луристанских бронз можно называть касситов и протоперсидский этнический элемент.

Глава VI работы Кальмейера (стр. 151—160) посвящена изобразительному искусству луристанских бронз. Он выделяет здесь пять художественных стилей:

а) Архаический и субархаический стили, для которых характерно подражание месопотамским вещам, но луристанские предметы украшены более вычурно («налет варваризации»). Часты изображения змей — влияние Элама. Встречаются вещи аккадского круга (без изображений).

б) Классический стиль (до старовавилонского периода) — точка взлета луристанского изобразительного искусства.

в) Стиль XIII в. Характерны импортные чаши в среднеассирийском стиле. Распространенным сюжетом является топор со втулкой в виде львиной морды, из пасти которой высовывается лезвие. Около XII в. начинает ощущаться сильное влияние Вавилона (до 1000-го года).

г) Местный стиль XII — X вв. до н. э., четырех разновидностей.

д) Завершающий существование луристанских бронз стиль, находящийся под воздействием искусства ассирийской державы.

Кальмейер полагает, что несмотря на различные перекрестные влияния, отмечающиеся в луристанском искусстве, оно представляет собой особый культурный очаг, отличный от других районов Ирана (Амлаше, Солдкз и т. д.).

В главе IX Кальмейер рассматривает связи Луристана с окружающим миром. Наиболее значительное место среди предметов, ввезенных в Луристан, состав-

ляют импорты из Вавилонии. С касситского времени ощущается обратное влияние (навершие булавы типа Уламбуриаша, найденное в Вавилоне), что связано, по-видимому, со становлением местного металлургического очага в Луристане и с захватом касситами Месопотамии. По мнению Кальмейера, достоверные привозные вещи из Элама не могут быть выделены. Несомненно ассирийский импорт зафиксирован лишь с XIII в. В противовес Гиршману Кальмейер утверждает также, что вещей, ввезенных из Урарту, не было. Остроконечные шлемы между тем явно урартского облика. Незначительное количество точек соприкосновения отмечается у луристанских бронз с искусством Амлаша (узкие алебарды, некоторые навершия булав, «чайники»). Прослеживаются определенные связи с Кипром, Сирией, Кавказские аналогии автором не затрагиваются.

Работа Кальмейера и первая часть книги Ванден Берге безусловно являются важным вкладом в теоретическое изучение луристанских бронз, однако намеченную ими классификацию можно рассматривать как предварительную. Настоятельной задачей является в первую очередь создание полного корпуса луристанских бронз, как это предполагалось Потратцем [6].

Вторая часть книги Ванден Берге посвящена раскопкам луристанских памятников. Раскопки проводились на двух памятниках — Тепе-Кальвали и Вар Кабуде (Западный Луристан).

Могильник в Тепе-Кальвали содержал могилы в ящиках из тонких каменных плит с простым инвентарем: посуда и некоторые изделия из металла. Некрополь возник во второй половине VII в. до н. э., т. е. тогда, когда луристанские бронзы завершают свое существование. Поскольку же задачей экспедиции, возглавлявшейся Ванден Берге, было исследование памятников, связанных с луристанскими бронзами, раскопки Тепе-Кальвали были остановлены.

Более удачными следует признать раскопки в Вар Кабуде. Некрополь Вар Кабуда исследовался в течение 1965—1966 гг. За это время было вскрыто около 150 могил двух типов: грунтовые ямы и цисты. Встречены подмогильные сооружения, жертвенные камни и иногда урны. В могилах мужчин найдено оружие (топоры, ножи, колчан со стрелами), в женских могилах — украшения и посуда. Керамические сосуды изготовлялись от руки и на гончарном круге и были снабжены примитивным орнаментом (насечки, звездочки). Чрезвычайно распространены вещи из железа — из него делалось оружие и даже некоторые украшения; известны также бронзовые чаши.

Аналогии материалам из Вар Кабуда в пределах Ирана встречены в Хасанлу, Зивийе, Сузах, а также Сиалке. Памятник может быть датирован конечной датой существования луристанских бронз — VIII — VII вв. до н. э.

В. А. Алекшин, Г. Н. Курочкин

[6] H. Potratz. Luristanfunde aus dem Mainzer Zentralmuseum. «Ipek», XV—XVI, 1941—42, стр. 60.

D. Schlumberger. L'Orient hellénisé. L'art grec et ses héritiers dans l'Asie on-méditerranéénne. Paris, 1970, 245 стр., 139 илл. (52 цв. вклейки)

Рассматриваемая ниже работа Д. Шлюмберже опубликована в рамках известной серии монографий по истории искусства «L'Art dans le Monde». Она является развитием и углублением концепций этого маститого французского археолога, изложенных им в статье «О несредиземноморских преемниках греческого искусства» [1]. Суть научных позиций Д. Шлюмберже сводится к утверждению приоритета греческой художественной культуры в процессе формирования и развития искусства эллинизма на Востоке.

Книга состоит из двух основных частей. Первая содержит описание памятников и характеристику узловых проблем, вторая отведена для теоретического обобщения ведущих закономерностей, наблюдаемых в ходе эволюции восточноэллинистической художественной культуры. Автору удалось последовательно провести индуктивный принцип исследования, органично завершающегося общим выводом относительно места и роли этой культуры в истории мирового искусства.

Если существо теоретических предпосылок, на которые опирается автор, практически не изменилось (Д. Шлюмберже твердо отстаивает роль Греции и отрицает значение Рима, стр. 6), то формы их выражения стали более сдержанными. Можно напомнить, что в 1958 г. в одной из своих многочисленных рецензий автор с присущим ему лаконизмом и афористичностью мысли прямо утверждал, что в III—II вв. до н. э. Восток попросту не существовал, а Запад простирался до берегов Инда [2]. Ныне Шлюмберже воздерживается от подобных крайностей, и временами сквозь завесу его суперфилэллинистической доктрины можно даже различить еди-

[1] D. Schlumberger. Descendants non-méditerranéens de l'art grec. «Syria», XXXVII, 1960.

[2] См. в: «Syria», XXXV, 4, 1958, стр. 385.

ничные проблески того восточного искусства (стр. 173), которое он категорически отрицал тринадцать лет назад.

Примечательна мягко, но последовательно проведенная через всю книгу полемика с концепциями Э. Херцфельда. Начатая по частному вопросу на стр. 30, она постепенно углубляется в дискуссию о так называемом III стиле росписей Кух-и Ходжа и о датировке этого ключевого памятника. Затем Д. Шлюмберже отвергает характеристику сасанидского искусства по Э. Херцфельду и, наконец, его же негативную оценку исторической роли эллинизма на Востоке (стр. 211, 213).

Как бы ни оценивать собственные позиции Д. Шлюмберже, вклад его в изучение эллинистического Востока исключительно важен и заслуживает глубокого уважения. Рецензируемый труд с очевидностью удостоверяет глубину постановки и четкость решения большинства возникающих перед автором задач. Книга эта надолго останется фундаментальным обобщением истории эллинистического искусства на Востоке.

Безусловным достижением автора надо признать классификацию всего эллинистического искусства в пространстве и времени. Можно согласиться с его членением всей совокупности эллинистических памятников на две зоны. Исторические судьбы искусства (и, заметим от себя, общества) в этих зонах были совершенно различны. В присредиземноморской зоне, за щитом Рима, в Египте и Сирии эллинизм дожил до VII в. н. э. (стр. 14), а в Малой Азии даже до XI в. н. э. Вторая зона простиралась к востоку от Евфрата, где с воцарением Сасанидов, т. е. в III в. н. э., эллинизм полностью отступил перед Востоком.

Если в упомянутой вначале статье 1960 г. автор по сути прошел мимо искусства эллинистической Средней Азии, то в данной работе учтены результаты исследования советскими археологами городищ Нисы и Халчаяна. К сожалению, надо признать, что Д. Шлюмберже прав, когда отказывается от окончательной характеристики сомнительно реконструированных памятников Нисы, назначение которых все еще не установлено (стр. 36, 37). В упрек автору следует поставить игнорирование искусства древнего Хорезма.

К числу наиболее удачных мест в книге относится трактовка сложного синкретического искусства Коммагены (стр. 46—49, 177, 210). В то же время парфянское искусство, по праву поглотившее львиную долю текста, отчасти проиграло в определенности характеристики, видимо, из-за обилия и сложности всех привлеченных аспектов. Вообще Д. Шлюмберже лучше удаются краткие описания и броские, но вместе с тем точные суммарные обобщения — редкий дар в наш век узкоспециализированных аналитических публикаций. Это же парфянское искусство, как, к слову, и сасанидское, автор сумел гораздо ярче интерпретировать в трудах VIII Конгресса по античной археологии [3]. А здесь развернутые описания Дура-Европос, Хатры или Ашшура набегают монотонными всплесками. Очертания леса начинают исчезать за отдельными деревьями.

В разделах, посвященных искусству Парфии, Д. Шлюмберже справедливо подчеркивает важные новшества эпохи: независимое от Рима распространение арочно-сводчатых систем (стр. 189—190) и так называемый ковровый принцип организации архитектурного декора (стр. 56, 119, 189, 201, 212), момент специфически восточный, имевший огромное значение для развития всей раннесредневековой орнаментики.

Рецензируемая работа очень богата материалом и важными выводами. Попытка охарактезировать все ее содержание в этой краткой заметке невозможна,— так или иначе, за пределами рецензии останутся многие из ценных наблюдений автора. Но они, конечно, не ускользнут от читателя и тем более специалиста. Этому мог бы способствовать русский перевод. Книга Д. Шлюмберже несомненно его заслуживает.

Столь всеобъемлющая работа синтетического плана неизбежно должна содержать какие-то спорные или неполные положения. Но и в том виде, в каком они здесь представлены, эти положения сохраняют возможность развития, побуждают к дальнейшему поиску. Сначала о неполных — именно такой кажется в изложении автора живопись, например, в Дура-Европос. Д. Шлюмберже отметил главным образом лишь амальгаму греческих и восточных моментов (стр. 106—108). Между тем прекрасные воспроизведения стенных росписей из Дура-Европос позволяют легко уточнить некоторые акценты. В синагоге сцены с ковчегом завета (стр. 104), храмом Соломона (стр. 107) и в меньшей степени со спасением младенца Моисея (стр. 110) разительно отличаются от найденного здесь же «Помазания Давида» (стр. 109). Первые являют образцы упрощенной линейной манеры и наивного в его подкупающей простоте примитивизма. Мастер последней сцены обнаруживает совсем иную художественную манеру, не говоря уже о гораздо более высокой профессиональной выучке. У него видна отчетливая светотеневая моделировка ликов — дань позднеэллинистическому иллюзионизму, какого блаженно не ведали предыдущие стенописцы. Живопись «Помазания Давида» ничем не отличается от ранневизантийской и является ее предшественницей, как, впрочем, и росписи Пальмиры (стр. 92—94). Итак, в одной синагоге нетрудно видеть две различные художествен-

[3] D. Schlumberger. Sur l'origine et sur la nature de l'art des sassanides. Le rayonnement des civilisations grecques et romaine sur les cultures périphériques. Paris, 1965, стр. 567—577.

ные манеры. Третью представляет знаменитое «Жертвоприношение Конона» из храма пальмирских божеств (стр. 105). Намеки на перспективное построение уживаются в нем с жесткой фронтальностью. Архитектурный стаффаж на втором плане прорисован безошибочно, но скучно, с неприятной сухостью настоящего чертежа.

Наконец, всем этим фрагментам противостоят эскизно легкие живые изображения пророков из митреума (стр. 111). Это совсем не живопись, а графика, если подходить к ней с позиций терминологического педантизма, и притом виртуозная. Красные языки божественного пламени над головами пророков, искусно выписанные в виде головных уборов, заметно усиливают общую экспрессию. Данный иконографический элемент позже войдет в композицию «Сошествие святого духа» в восточнохристианском искусстве.

Следовательно даже то немногое, что дошло от росписей Дура-Европос, дает обильную пищу для дальнейшего анализа. Самое же богатство местных художественных манер должно было иметь под собой прочные основы развитой традиции.

Из небольшого количества спорных суждений требует внимания следующее. В полемике с Э. Херцфельдом Д. Шлюмберже настаивает на пересмотре датировки Кух-и Ходжа, архитектурные новшества которого могли возникнуть, по его мнению, лишь позже Сурх-Котала или Халчаяна (стр. 54, 56, 64, 176, 192). Однако нет никаких оснований требовать от Кух-и Ходжа типологической зависимости от зодчества кушанской Бактрии. Это различные культурные, художественные, наконец, исторические миры, в соответствующем масштабе, конечно. Сурх-Котал да и Халчаян — центры остро выраженного династийного культа, что лучше других показал сам Д. Шлюмберже. Они дают полную параллель к римским имперским новациям. Здесь прежде всего бросается в глаза новое необычное содержание архитектурного образа. Однако художественные средства решения образа по необходимости так же эклектичны, как и его идея. Избыточный синкретизм лишает Сурх-Котал вместе с Халчаяном единственности облика. К тому же некоторые элементы были привнесены в ансамбль Сурх-Котала из Индии. В планировке есть некоторые созвучия, правда отдаленные, с храмами Таксилы, скульптура же несомненно близка произведениям Матхуры (стр. 65, 181).

Кух-и Ходжа, напротив, собственно религиозный центр, культовый в общем традиционном понимании этого слова. Не случайно и в наши дни он остается объектом религиозного паломничества зороастрийцев [4]. Это лишнее доказательство общерелигиозной, а не узкодинастийной окраски местного культа, связанного с циклом сотериологических авестийских представлений. Если Э. Херцфильд, возможно, и неправ в излишне категоричных частностях своей атрибуции этого комплекса непременно Гондофару, то он прав в идее. Кух-и Ходжа наследует древнюю доимперскую традицию и мог получить связь с династийными новшествами только вторичного порядка, да и это еще предстоит доказать. Как гнездо парфянских владетелей он должен был стать естественным средоточием антикушанской ориентации не только в политике, но и в духовной культуре. Старая религия предков в Кух-и Ходжа не могла не вступать в противоречие с бактрийским обожествлением земного царя.

Типологически храм в Кух-и Ходжа подражает тождественным ему по планировке храмам огня в Мансур-Тепе II—I вв. до н. э. [5]. Последние во всех деталях сохранившейся структуры являются бесспорными прототипами сасанидских чортаков и к тому же обладают одинаковой с ними функцией. По конструктивной логике они не могли иметь другого завершения, кроме купольного. Центрично-купольные постройки последних веков до нашей эры надежно засвидетельствованы мавзолеем Баланды-2 [6] и другими аналогичными присырьдарьинскими памятниками. Пусть купол Баланды-2 конструктивно не истинный, а ложный, однако идея его — образ неба — та же самая во всех тонкостях мифологических импликаций. Мавзолей Баланды-2 представляет собой вариант средневосточного заупокойного храма. В эту же рубрику входят мавзолеи Тагискена, Чирик-рабата или Кой-Крылган-калы, с одной стороны, и тождественные им в плане и в функциональном отношении буддийские ступы, с другой. Все вместе они дают возможность проследить истоки космологической символики центрично-купольных культовых сооружений в самых первых веках I тысячелетия до н. э. На Западе соответствием этой непрерывной линии развития от Тагискена до Сасанидов (через Баланды-2, храмы огня в Мансур-Тепе и Кух-и Ходжа) могут быть названы изображения зданий на рельефах ассирийской эпохи из Куюнджика и финикийская купольная гробница в Амрите [7]. Следовательно, истоки центрично-купольных построек, носителей космологического символизма, малосущественного для классической цивилизации, и на Ближнем Востоке имеют почтенную давность. Поэтому старые споры о том, где возникла эта традиция — в Риме или у Сасанидов, теряют всякую остроту. До Сасанидов на всем Востоке она эволюционировала минимум тысячу лет, а если учесть

[4] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, стр. 291.

[5] Г. А. Кошеленко, В. Н. Пилипко. Исследования парфянского святилища в окрестностях Нисы. Сб. «Каракумские древности». II. Ашхабад, 1968. стр. 35.

[6] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 174—178, рис. 100, 101.

[7] G. Contenau. Manuel d'archéologie orientale. I, Paris, 1927, стр. 271, рис. 166.

купольные гробницы Геоксюра, то хронологический интервал станет необозримым. Сурх-Котал и Халчаян стоят вне данной линии развития. Храму огня в Сурх-Котале отведена побочная роль — не он определяет ведущую идею синтеза искусств в этом грандиозном ансамбле. В Кух-и Ходжа именно храм огня венчает весь комплекс, будучи стержнем общего идейного замысла.

Поэтому датировку Кух-и Ходжа нельзя связывать с Сурх-Коталом или Халчаяном. Попытки Дж. Гуллини ревизовать концепцию Э. Херцфельда в этом же плане опираются на более чем сомнительные основания [8]. Наконец, одно наличие храмов Мансур-Тепе ясно указывает, как говорилось выше, на древние корни так называемых новшеств в архитектуре Кух-и Ходжа. Не надо забывать, что аналогичный названным храм в Масджид-и Сулейман по особенностям строительной техники тоже тяготеет к раннепарфянскому времени [9]. Словом, Кух-и Ходжа отнюдь не изолированный памятник, а звено в общей и очень длинной цепи.

Заканчивая обзор выдающейся работы Д. Шлюмберже, остается сказать, что в целом она обнаруживает известную переоценку автором значения художественной культуры эллинизма на Востоке. Тем не менее, за концепциями Д. Шлюмберже стоят колоссальный труд многих и многих полевых сезонов, традиции французской академической школы с ее приверженностью к идеалам классической эпохи, выстраданные убеждения и даже личные эмоции, взращенные культурной атмосферой европейского искусствоведения. Спорить со всем этим бесполезно. Полностью принять точку зрения на Восток как на периферию цивилизованного мира нельзя, и нет смысла ее модифицировать. Пусть она останется документом своего времени со всеми его свершениями и, увы, недостатками. Противопоставить ей следует столь же обоснованную интерпретацию культуры восточного эллинизма, но только новую, опирающуюся на всю сумму достижений советской археологической науки. Пока это не будет сделано, книга Д. Шлюмберже останется основополагающим исследованием, одной из самых значительных вех на пути мировой археологии.

Л. А. Лелеков

[8] См. рецензию Дж. Туччи в East and West, 16, 1—2, 1966, стр. 143—147.
[9] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East..., стр. 303, 305, рис. 399.

A. Kunisz. Chronologie naplywu pieniądza rzymskiego na ziemie Malopolski. Polskie Towarzystwo Archeologiczne. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969

Нумизматическое исследование А. Куниша посвящено хронологии притока римских монет на территорию соседних с Украиной областей Малопольши. Книга состоит из 176 страниц текста, включающего обзор литературы, рассмотрение критериев оценки и интерпретации источников, характеристики фаз притока римских монет (периоды 100—210, 210—310 и, наконец, 310—360, когда начался приток ранневизантийских монет, являющийся логическим продолжением предшествующих связей местных племен с Империей и находящий завершение около 600 г. н. э.). Работа заканчивается подведением итогов исследования, перечнем находок римских монет в Малопольше, списком находок на поселениях и могильниках и сводкой литературы по исследуемой теме. Книгу сопровождает резюме на французском языке. Редактором работы является известный польский ученый Е. Веловейский.

Во вступлении говорится об объеме материала (420 находок) и излагаются цели и задачи работы: рассмотрение притока монет в связи с историей края и выяснение социально-экономических причин этого процесса. Автор отмечает, что многие аспекты этих проблем рассмотрены и решены предшествующими исследователями (М. Гумовский, К. Маевский, Е. Веловейский и др.).

В изучаемую территорию входят воеводства Краковское, Жешувское, южная часть Келецкого и Любельского, а также северные районы Катовицкого.

В первом разделе, посвященном обзору литературы, дается оценка наиболее и наименее изученных проблем хронологии притока римских монет. Кратко описывается история изучения римских монет в Малопольше с начала XIX в. и дается обзор общих работ, посвященных изучению торговых связей с Империей.

Второй раздел, названный «Критерии оценки и интерпретации источников», состоит из двух частей. В первой дана характеристика монет как исторического источника, необходимого для понимания экономического развития местных племен, выяснения торговых путей и хронологии притока монет. В самом деле, массовость такого источника, его датированность делают его чрезвычайно важным для историков и археологов. Осложняет использование монетного материала то обстоятельство, что лишь незначительный процент находок попадается при раскопках (подавляющая доля приходится на случайные находки) [1]. Однако дублирование находок и

[1] На стр. 29 А. Куниш пишет, что ни один из 59 известных в Малопольше кладов не достался исследователям в целости. Такая же картина прослеживается на Украине, заставляя усомниться в возможности деления кладов В. В. Кропоткиным на «достоверные» и «недостоверные». См.: В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967, стр. 37, 38.

большое их количество обуславливает малый процент ошибок, т. е. делает монетный материал в достаточной мере полноценным источником. То же относится к вопросу о соотношении времени чекана монеты и попадания ее в землю.

Автор критикует точку зрения, признающую ценными для науки только клады и противопоставляющую им массы отдельных находок (стр. 18). В табл. I приведено соотношение находок кладов и отдельных монет для разных хронологических периодов, а в таблице IV соотношение металла в тех и других находках. Сопоставления приводят к выводу о стабильности соотношений как в хронологическом отношении, так и в отношении металла в кладах и отдельных находках (стр. 24). Среди отдельных находок 25% падает на монеты эмиссии III—IV вв., что показывает на продолжавшийся приток монет, начало и расцвет которого приходится на более ранние времена. В кладах встречено почти исключительно серебро чеканки I—II вв.

Вторая часть раздела, где говорится о временах выпуска монет и их притока на земли ПНР, начата с указания на то, что момент чекана нередко удается установить с точностью до нескольких лет или до года и месяца. Другое дело — время попадания за границы Империи и выхода из обращения или зарытия в землю. Для кладов большое значение имеет определение позднейших монет и сравнение их с наиболее рано чеканенными монетами того же комплекса. Показателем длительного обращения является потертость монет (стр. 26). Немаловажным для датировки кладов признается состав окружающих находок. Исследования в Центральной Европе показывают, что монеты римского времени находились в обращении с момента чекана сравнительно недолгий период — 30—40 лет. В дунайских провинциях подсчитано, что в комплексах эпохи переселения народов 29% составляют монеты II в. и 10% — III в. Эти данные, по мнению автора, основаны на сравнительно небольшом количестве случаев и требуют проверки. Они не могут служить эталоном для всех памятников этого же круга. В Малопольше не так много точно датированных находок, обнаруженных на могильниках и поселениях. Тем не менее массовость притока в земли, близкие провинциально-римским областям, не позволяет допускать очень длительный период обращения монет в среде местных племен. Очевидно, денарии второй половины II в. входили в обращение на варварских землях гораздо быстрее, чем республиканские монеты. Таким образом, если в кладе имеются последние монеты Антонина Пия или Марка Аврелия и он не принадлежит к объектам длительного накопления, то вероятнее всего, учитывая особенно сильный приток монет при этих императорах, что клад был зарыт приблизительно в те же времена. Вообще клады короткого периода накопления в Малопольше, по-видимому, были зарыты вскоре после их доставки.

Указанные положения А. Куниш иллюстрирует конкретными примерами, что делает его положения весьма убедительными. Так, устанавливается, что в поздних кладах времени Септимия Севера и последующих правителей III в. денарии развитого I в., не говоря уже об августовских и республиканских, встречены в минимальных количествах (стр. 30). Соответственно в более ранних кладах последние встречаются чаще, хотя и там монеты, чеканенные до Нерона, довольно редки. Объяснение этому кроется в реформах денежной системы. Вес денариев уменьшается, и происходит порча металла. В этом отношении имела значение реформа Траяна и другая важная реформа при Септимии Севере, которые существенно повлияли на состав кладов. В последнее время ухудшенные по составу металла монеты (уменьшенный процент серебра) в кладах почти не встречаются. Изменение качества металла позднейших денариев заставило местные племена продолжать использовать и в последующее время денарии, чеканенные в период от Траяна до Коммода и Септимия Севера. Даже в самой Империи наряду с новыми выпусками монет циркулировали, например во времена Нервы, в конце I в. н. э., республиканские денарии. Крупные изъятия из обращения старых монет связываются с императорами Траяном — в 107 г. н. э. и затем с Каракаллой — в 215 г. н. э., когда власти заменяли старые, более богатые серебром монеты. В середине III в. монетный кризис Империи достиг зенита, и монеты выпускались с минимальным содержанием серебра (стр. 31). Гораздо меньший срок обращения приходился на медные монеты.

Автор работы приходит к выводу о необязательности совпадения времени эмиссии с временем вывоза монет за пределы Империи, а также о несовпадении времени попадания монеты к варварам и временем зарытия в землю. В каждом конкретном случае устанавливается какой-то больший или меньший срок, когда денарии данного типа находились в обращении.

Характеристика древних письменных источников в книге отличается краткостью, поскольку их неоднократно использовали. Важными признаются: сообщение Плиния Старшего о торговле янтарем при Нероне, сведения Тацита, касающиеся инфильтрации римских монет на территорию Германии. В частности, утверждения Тацита о наплыве римской монеты в I в. и в первой половине II в. являются важными и для восточнее расположенных земель. Анализ письменных источников свидетельствует, что для ближайших к границам Империи племен денарии прежде всего являлись средством обращения, тогда как для более удаленных народов служили больше в качестве благородного металла, используемого как сырье, и пр.

Как решать вопрос о назначении монет для населения в областях нынешней

Малопольши, среди ученых нет единого мнения, хотя в период предельного притока римской монеты затруднительно исключать их использование для внутренних расчетов и платежей. Страбон и Тацит, говоря, например, о столице маркоманов, характеризуют ее как торговый центр. Очевидно также, что контакты Империи были не только с ближайшими к Лимесу племенами.

Нет надобности в краткой рецензии подробно излагать разделы, где по хронологическим периодам-фазам рассматривается приток римских монет в Малопольшу. Отметим только принципиально важные положения. Верным представляется общий подход автора работы к вопросу о том, что процесс притока монет был обусловлен совокупностью общественно-экономических и политических причин, влияющих на обстановку в Империи и за ее пределами. На таблице V (стр. 38) показана начальная фаза притока монет, когда количество находок составило 170 случаев (13%). Число монет до 100 г. н. э. было 1417 (8%). На II в. приходится небольшое число находок — 769 (58%), кладов — 82 (63%) и максимальное количество монет — 10273 (59%). С III в. эти числа меняются в сторону уменьшения: находок — 189 (14%). кладов — 17 (13%), монет — 5020 (29%). В IV—V вв. те же цифры в процентном выражении почти не заходят за 10. Таким образом, устанавливается возрастание притока монет во второй половине I в., несмотря на то, что многие из ранних монет поступали в Малопольшу позднее. Максимальный приток денариев был во II в. и в первых десятилетиях III в. (стр. 38). Кульминационным был период со 160 по 200—210 гг. После того как местное население перестало принимать низкопробную монету, отношения с Империей прекратились. Убедительным фактом является приток в Малопольшу импортированных товаров в III—IV вв. После периода сокращения поступления монет небольшая новая волна притока монет относится ко временам правления Константина I и его сыновей в IV в. Золотые монеты проникали гораздо реже серебряных, наиболее часто встречаются они в IV—V вв., поскольку со второй половины IV в. на польские земли начинают попадать ранневизантийские монеты. Сопоставление процессов притока монет с другими славянскими странами и областями показано в таблице VII (стр. 41). Как и в Польше, на Украине и в Молдавии, в Словакии, в Моравии и Чехии начавшийся в I в. приток римских денариев достигает кульминации во II в., составляя тогда для Украины с Молдавией 76% общего количества, для Словакии — 42%, для Моравии — 29%, для Чехии — 28%. Таким образом, наиболее близкий для Малопольши процент поступлений прослеживается в юго-западных областях СССР [2]. По отношению к другим районам ПНР малопольские земли особенно богаты монетными находками.

В заключении А. Куниш подводит итоги исследованию и приходит к выводу, что привоз денариев на территорию Малопольши шел из наддунайских провинций. Массовый поток монет, начавшийся с I в. (с эпохи Траяна, когда границы Империи приблизились к Малопольше), достиг апогея во II в. (во времена Адриана и Антонина Пия). Спад поступления монет наблюдается в III в. и заканчивается в IV—VI вв. вероятно, в связи с вторжениями кочевых племен и нарушением привычных связей с Югом. Проблема хронологии поступления монет оказывается связанной с рядом других вопросов (длительность обращения, время закапывания кладов). Отмечается массовая концентрация монет в центрах древнего ремесла — у Свентокжизских гор, у Кракова в Иголоме и т. д. Таким образом, автор не ставит приток монет в зависимость от каких-то иноплеменных вторжений, а правильно объясняет торговыми сношениями на паритетных началах; прекращение импорта монет, кроме исторической ситуации, он объясняет порчей металла монет, т. е. падением их пробы после реформы начала III в. Очевидно, монеты, во всяком случае в периоды наибольших поступлений на земли Малопольши, должны были играть роль денег не только во внешнеторговых операциях, но и на внутреннем рынке.

Такого рода общий анализ монетных находок римского времени в Малопольше произведен впервые. Приведенное изложение взглядов польского ученого представляется небезынтересным для советских и зарубежных специалистов [3]. А. Куницем сделаны выводы на основе тщательно изученных нумизматических фактов. Они солидно подкреплены выразительными цифрами подсчетов и доказательствами, нашедшими выражение в тексте, в статистических таблицах и картах.

Констатируемая общность процессов, прослеживаемых нумизматической наукой для Малопольши и Украины,— немаловажное свидетельство близости в культурно-экономическом отношении этих соседних территорий.

Э. А. Сымонович

---

[2] Выводы А. Куниша во многом совпадают с наблюдениями М. Ю. Брайчевского, который пишет: «Римские монеты, безусловно, распространялись на восточнославянских землях на протяжении времени, которое непосредственно следует за их выходом в свет». И далее: «Основное их количество приходится на II в. н. э.». См.: М. Ю. Брайчевский. Римська монета на територіі Україні. Київ, 1959. стр. 16 сл.

[3] См. рецензию на книгу А. Куниша: E. Kolnikova. Рец.: Cronologia..., «Slovenska archeologia». XVIII, 2. Bratislava. 1970, стр. 475—477.

ВОПРОСЫ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В ИЗДАНИЯХ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Харьковский университет, один из старейших вузов нашей страны, имеет давние традиции в изучении античности; достаточно вспомнить блестящие историографические и источниковедческие курсы В. П. Бузескула. Сейчас университет издает Труды исторического факультета (в «Ученых записках», вышло 9 томов) и «Вестник» (историческая серия, вышло 4 выпуска). Оба издания выходят на украинском языке. Кроме этих продолжающихся серий, работы по археологии появляются в сборниках материалов студенческих и аспирантских конференций, а также выпускаются отдельными изданиями.

Выделяются два основных направления, в русле которых работают харьковские исследователи: традиционное историографическое и изучение экономики античных центров Причерноморья, главным образом Херсонеса Таврического.

К первому направлению принадлежит обзорная статья К. Э. Гриневича [1], которая по замыслу должна была явиться сжатым очерком главнейших достижений отечественной археологии в изучении трех наиболее крупных античных центров Юга нашей страны за 50 лет Советской власти.

В историографической статье Д. С. Кириллина содержится информация об археологической деятельности двух научных обществ (в Харькове и Киеве) в 20—30-х годах XIX в. [2]

От первых двух отличается целенаправленная обзорная статья В. И. Кадеева «Экономика античного Херсонеса в советской историографии» [3]. Она как бы объединяет два упомянутых течения — историографическое и историю экономики. В работе дан сжатый, но достаточно полный обзор литературы и важнейших архивных материалов (из ЛОИА и ГХМ) с 1925 по 1959 г. Выделены некоторые наименее разработанные к началу 60-х годов разделы истории экономики Херсонеса (обработка металлов и кости, соляной промысел, скотоводство, торговля). Именно эти разделы в дальнейшем составили для автора предмет специального изучения [4].

Экономическое направление представлено в основном работами В. И. Кадеева по различным отраслям хозяйства в Херсонесе I—IV вв. Так, одна из его статей посвящена рыболовному промыслу [5]. Она состоит из вводной части с кратким историографическо-источниковедческим обзором и трех разделов: 1) «Промысел»; 2) «Способы приготовления рыбы. Рыбосоление»; 3) «Организация труда. Рабочая сила». Последний раздел наиболее гипотетичен из-за состояния источников. В целом же доводы автора, как правило, строго продуманы. В. И. Кадеев не ограничился кругом обычных археологических и письменных источников, но широко использовал специальные работы по промысловой биологии Черного моря, а также крымские этнографические параллели.

Правильно, на наш взгляд, указывая на одну из базисных причин быстрого развития промысла — использование херсонесцами природных запасов Балаклавской бухты,— автор ограничивается лишь констатацией этого факта. Между тем, по-видимому, указанный район промысла ранее не был доступен Херсонесу, по крайней мере в домитридатовское время, а может быть, и позже. И только с его прочным включением в экономическую зону города постоянная добыча рыбы здесь, очевидно, стала возможной. Необходимо также отметить в противовес утверждению В. И. Кадеева, что некоторые изменения температурного режима моря за историческую эпоху все же имели место. На более высокую среднегодовую температуру в I в. до н. э., по сравнению с современной, указывают результаты изучения темпа роста кефалей. Кроме того, более благоприятные экологические условия для отдельных видов промысловой морской фауны создавались, очевидно, более низким для античной эпохи уровнем моря. В целом же основные положения статьи В. И. Кадеева звучать достаточно убедительно.

В двух работах рассмотрены вопросы технологии производства изделий из цветных металлов. В первой из них В. И. Кадеев изложил выводы, основанные на изучении инструментов, приспособлений и готовых изделий [6]. Вторая работа, напи-

---

[1] К. Э. Гріневич. Досягнення радянських археологів в дослідженні міста Ольвії Херсонеса і Пантікапеї. Уч. зап. ХДУ, XXXIX. Тр. іст. фак., 6, 1957, стр. 415—431.

[2] Д. С. Кирилін. З історії перших археологічних товариств на Україні. «Вісник», 45, істор. сер., 4, 1970, стр. 34—40.

[3] Уч. зап. ХДУ, CXVII, Тр. іст. фак., 8, 1961, стр. 19—33.

[4] В. И. Кадеев. Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э. Автореф. канд. дис. Харьков, 1963.

[5] В. І. Кадеєв. Риболовний промисел в перших віках н. э. у Херсонесі. Уч. зап. ХДУ, CXXIV, Тр. іст. фак., 9, 1962, стр. 59—79.

[6] В. И. Кадеев. Производство изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе. Сб. «Тезисы научной конференции аспирантов кафедр общественных наук, посвященной 92-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина». Харьков, 1962, стр. 122—124.

санная коллективом авторов [7], содержит публикацию результатов спектрального и металлографического анализов группы украшений, изготовленных из сплавов на медной основе и происходящих из раскопок крупного могильника близ Севастополя. Обе статьи — хороший пример тесного сотрудничества специалистов разных профилей и всестороннего подхода к исследованию археологического материала.

Перу В. И. Кадеева принадлежат еще две работы, посвященные проблеме торговли Херсонеса в I—IV вв. Одна из них издана отдельной брошюрой (ротапринт) как учебное пособие к спецкурсу «Античные города Северного Причерноморья» [8]. Но по сути дела эта работа является самостоятельным, сжатым, документированным исследованием. Оно основано на изучении материалов (главным образом различных категорий керамики, а также стеклянных и металлических изделий), добытых раскопками в Херсонесе и хранящихся в коллекциях советских музеев. К работе привлечены также специальные издания эпиграфических и нумизматических материалов. Основным достоинством труда В. И. Кадеева является то, что им не только детализированы направления экономических связей Херсонеса на уровне современных представлений о центрах производства разного рода предметов (светильников, краснолаковой керамики, амфор, стеклянной посуды и т. д.) и датировке последних, но показана динамика развития внешней торговли Херсонеса как во времени, так и в направлениях важнейших торговых контактов.

Вместе с тем необходимо сделать некоторые замечания. По-видимому, автору не мешало бы чаще ссылаться не только на исследованный им материал (что выполнено путем ссылок на номера вещей), но и на мнение тех исследователей, которые относят ту или иную группу материала к тем или иным центрам производства и датируют его. Ведь своих дат и определения центров изготовления автор по большей части не предлагает. Видимо, с большей осторожностью следует относиться к выводам об импорте группы краснолаковой керамики из различных центров Малой Азии, ибо теперь стало известно производство подобной керамики и во Фракии. Не исключены, а скорее вероятны оба направления притока изделий, считавшихся ранее только малоазийскими. Вывод, что римские монеты, чеканенные в первой половине I в., служат доказательством прямых торговых контактов Херсонеса с Римом до появления в городе римского гарнизона, не представляется убедительным. Автор не принимает во внимание время обращения монет. Но в целом допущение существования ранних связей с Римом вполне вероятно. Не всегда можно предполагать прямые торговые связи между центрами на основании находок монет провинциальной чеканки. Попадание монет в Херсонес могло быть опосредствованным. На это прямо указывается в сводке А. М. Гилевич, которой пользовался автор. Утверждение, что прибрежные поселения Северо-Западного Крыма были связаны с глубинными районами той же области, откуда якобы поступал хлеб, и что связи сложились в предшествующую эпоху, неверно. Хлеб и в предшествующую эпоху, и в I—III вв. производился, очевидно, только в прибрежной зоне, до захвата скифами области, входившей в состав Херсонесского государства. В глубинных районах не обнаружено следов оседлых земледельческих поселений античного времени. Нет никаких оснований видеть в городище Тарпанчи херсонесскую торговую фактторию (видимо, как и в других пунктах на побережье) — это, очевидно, была крупная сельскохозяйственная усадьба, входившая в число других поселений херсонесской хоры. Предположение о ввозе на поселения Северо-Западного Крыма из Херсонеса соленой рыбы противоречит фактическому материалу. Ошибочно также утверждение, что краснолаковая керамика не встречена на сельских поселениях Северо-Западного Крыма I—III вв.

Одному из вопросов экономики эллинистического Херсонеса посвящен доклад В. Н. Даниленко, напечатанный в виде тезисов [9]. В нем автор, возвращаясь к неоднократно комментировавшемуся параграфу Херсонесской присяги (IPE, I², 401) о вывозе хлеба «с равнины», рассматривает величину территориальных владений Херсонеса и приходит к выводам, близким к положениям Э. Р. Штерна и А. И. Тюменева. Последние, как известно, отрицали возможность экспорта хлеба из Херсонеса. В докладе В. Н. Даниленко содержится ряд интересных мнений, но основные его выводы уже устарели. Материалы новейших исследований в западной части Крыма меняют представления о размерах и характере аграрной территории Херсонесского государства в период его экономического расцвета. В связи с этим по-иному может быть решен и вопрос о возможности херсонесской хлебной торговли.

---

[7] В. І. Кадеев, Л. О. Солнцев, Л. Д. Фомін. Технологія виготовлення «бронзових» прикрас з могильника II—IV ст. н. е. біля радгоспу «Севастопольский». ВХГУ, 17, истор. сер., 1, 1966, стр. 99—105.

[8] В. И. Кадеев. Торговля Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э. Харьков, 1969.

[9] В. Н. Даниленко. К вопросу об 11 пункте херсонесской присяги. Итоговая студенческая научная конференция, посвященная 88-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Тезисы докладов. Харьков, 1958, стр. 42, 43.

Некоторые проблемы истории и экономики Боспора разобраны в двух статьях В. А. Устиновой (Латышевой). В первой статье автор присоединяется к гипотезе В. Д. Блаватского о возможном сарматском происхождении династии Асандра [10].

Вероятность такой гипотезы не исключена. Однако приведенное В. А. Устиновой свидетельство Лукиана из Самосатты об Асандре не может быть безоговорочно принято как доказательство отстаиваемого положения. Его надо скорее рассматривать как традиционную литературную характеристику образа определенного типа (или уровня), а не как признак сарматского происхождения боспорского правителя.

Задача второй работы В. А. Устиновой (Латышевой) — проследить важнейшие изменения в экономике и социальной структуре Боспора в I—II вв. и выявить их причины [11]. По-видимому, можно согласиться с выводами автора, что в социально-экономическом развитии Боспора в первых веках нашей эры главенствующую роль играло негреческое боспорское население. Но применяемый к нему В. А. Устиновой термин «местное население» (кстати, широко распространенный в литературе) неверен, ибо боспорские греки давным давно перестали быть «пришлыми», и напротив, появление тех или иных пришлых групп причерноморских варваров на Боспоре нельзя рассматривать как появление аборигенов. Слишком категорично звучит вывод о том, что в первых веках нашей эры свободных земледельцев вытесняют пелаты, которые «постепенно становятся основными производителями в сельском хозяйстве» (стр. 73). Единственная надпись (IPE, II, 353-КБН, 976) не дает оснований для такого утверждения. В общем же статья В. А. Устиновой (Латышевой) представляет интерес для историков, занимающихся социально-экономической историей Причерноморья.

А. Н. Щеглов

---

[10] В. О. Устинова. З історії Боспору у другій половині I ст. до н. е. ВХГУ, 17, стр. 106—111.

[11] В. О. Устинова. Про особливості соціально-економічного розвитку Боспору у I—II ст. н. е. ВХГУ, 45, истор. сер., 1970, стр. 69—76.

И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии (материалы к археологической карте). Нальчик, 1969

За последние годы вышли из печати материалы к археологическим картам Дагестана, Чечено-Ингушетии, Абхазии. Сейчас перед нами лежит подобная книга И. М. Чеченова, посвященная памятникам Кабардино-Балкарии (объемом 9,5 печ. листов). В этой работе, как отмечает ее редактор В. А. Кузнецов, материал расположен «по историческим эпохам в сочетании с гидрографическим принципом», что нашло свое отражение в распределении семи глав книги. В небольшом введении автор кратко знакомит читателя с археологическим изучением Кабардино-Балкарии, с особенностями подачи материала в книге. И. М. Чеченов включил в нее только те памятники, для которых известно их местонахождение, «вид и датировка». В тех же случаях, «когда отсутствует хотя бы одно из этих сведений, памятник в работу не включается; в работе не отмечены и случайные находки» (стр. 14). О последнем мы можем только пожалеть, хотя описание таких предметов, несомненно, сильно увеличило бы объем книги.

Остановимся прежде всего на описательной части работы, а затем на ее заключении.

Глава I «Мезолитические стоянки» (XII—V тысячелетие до н. э.) состоит из описания трех памятников — гротов у сел. Лашкуты и Верхний Чегем. Глава II «Неолитическая стоянка» содержит краткое описание известного Агубековского поселения у г. Нальчика, которое датируется И. М. Чеченовым IV тысячелетием до н. э. Глава III «Памятники энеолита и ранней бронзы (майкопский период, III — начало II тысячелетия до н. э.)» включает описание 12 памятников, в том числе Нальчикского могильника, исследованного в 1929 г. А. П. Кругловым, Б. Б. Пиотровским и Г. В. Подгаецким.

Нам представляется, что периодизация, которой придерживается И. М. Чеченов, несколько устарела. Дело в том, что куро-аракская культура, в определенной степени синхронная майкопской культуре (а значит, и времени функционирования Нальчикского могильника), до последнего времени всеми кавказоведами считалась энеолитической. Исследования в Азербайджане (О. А. Абибуллаев, И. Г. Нариманов) и Дагестане (М. Г. Гаджиев) позволили обнаружить материал, который дал право относить куро-аракскую культуру уже не к энеолиту, а к ранней бронзе, что

и делал последнее время А. А. Иессен [1]. Таким образом, отнесение майкопских памятников к энеолиту уже невозможно, значит, и Нальчикский могильник должен быть отнесен к эпохе ранней бронзы.

Изменение в датировке хотя бы одного этого памятника повлечет за собой замену не только хронологических вех, но и самой периодизации: вероятно, Агубековское поселение нужно относить уже не к неолиту, а к энеолитическому периоду, а в связи с этим передвинутся и другие датировки.

Глава IV «Памятники эпохи средней бронзы» не вызывает возражений: материал подан весьма обстоятельно и дает довольно полное представление о каждом памятнике. В главе V, посвященной древностям эпохи поздней бронзы и раннего железа, памятники описываются по периодам «кобано-скифскому» и «сарматскому». Такое членение помогает быстрой ориентировке в материале, а сжатое, но довольно полновесное описание каждого из объектов делают эту главу очень содержательной. Важно и то, что многие из описываемых памятников впервые публикуются И. М. Чеченовым как извлечения из различных отчетов. Однако многослойность и разнохарактерность некоторых объектов иногда заставляют автора отступать от принятой им схемы, что мешает описанию основного памятника эпохи. Так, на Нижне-Джулатском городище, жизнь на котором не замирала с I—II вв. до н. э. и до XIV в., во время раскопок были обнаружены мавзолей, мечеть и другие объекты XIV в. И. М. Чеченов более всего останавливается на описании именно этих памятников, в силу чего становится непонятным, почему городище помещено среди древностей сарматского периода (стр. 46, № 120).

Глава VI «Памятники эпохи раннего средневековья (аланский период, IV—XIII вв.)» также содержит большое число малоизвестных памятников. Описывая городища со сложной конструкцией плана, автор оперирует терминами «детинец, посад» и др., взятыми из славяно-русского лексикона. Несмотря на возражения, которыми были встречены эти термины в устных докладах И. М. Чеченова, здесь, в тексте, они не кажутся чрезмерно надуманными, и замена их тюркскими словами «рабад», «кала», «шахристан», «кухендиз» и т. д. была бы не менее надуманной, так как даже среди тюркоязычных балкарцев они почти не употребляются.

Очень важно, что в данной главе достаточно полно описываются ранние склеповые постройки, датировка и классификация которых до сих пор вызывает дискуссии.

Глава VII «Памятники эпохи позднего средневековья (адыгский период XIV—XVIII вв.)» состоит из описания 125 объектов. Особенно много внимания уделено склеповым и башенным постройкам. Эта сводка памятников архитектуры является наиболее полной: в работах П. Г. Акритаса, О. П. Медведевой, Т. Б. Шаханова, И. М. Мизиева — предшественников И. М. Чеченова — упоминается довольно мало памятников местного зодчества. Эта глава особенно хорошо иллюстрирована, хотя по некоторым фотографиям можно создать лишь самое общее впечатление о памятнике.

«Заключение» работы носит исследовательский характер, оно является важным дополнением к основному тексту книги. И. М. Чеченов останавливается в нем на каждой группе памятников, выделенных по главам. Автор, несмотря на некоторые упущения в периодизации и датировках древнейших периодов, что уже было отмечено нами, в разделе «Энеолит и ранняя бронза» делает интересное предположение о возможности «проявления» локальных особенностей в памятниках майкопской культуры. Им приводятся «симптомы» такого проявления этой культуры на территории Центрального Кавказа. Его наблюдения можно дополнить, наметив еще две локальные группы: для Прикубанья, где культура выступает в наиболее чистом виде, и для Терско-Сунженского района, где в нее вклиниваются элементы кура-араксской культуры (работы Р. М. Мунчаева).

В разделе «Средняя бронза» И. М. Чеченов высказывает сомнение о возможности освоения высокогорных районов к середине II тысячелетия до н. э., как это утверждалось Е. И. Крупновым (его мнение было поддержано мной). Очевидно, И. М. Чеченов прав, говоря лишь об использовании высокогорных угодий (пастбищ, рудников), но ставя под сомнение постоянное жительство древнего населения в трудных условиях сырых и холодных нагорий Центрального Кавказа (стр. 107). В районах Восточного Кавказа (Дагестан, Чечено-Ингушетия) с более сухим и теплым климатом, действительно, высокогорья были освоены очень рано (напомню памятники: Гатын-кале, Харсеной, Эгикал — в Чечено-Ингушетии; Гоно, Гинчи, Гуниб, Мегеб и др.— в Дагестане).

Совершенно справедливо И. М. Чеченов ставит вопрос о локальных особенностях местной культуры в зависимости от зон обитания — равнин или нагорий. Эти особенности должны иметь место. Уже сейчас, вероятно, нужно учитывать их для обряда погребения (курганы и могильники, ямы — ящики и склепы) и для инвентаря (прежде всего керамики).

---

[1] А. А. Иессен. Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 3—14.

В разделе «Эпоха бронзы и раннего железа» И. М. Чеченов впервые после Е. И. Крупнова [2] обращает внимание на конструкцию погребальных сооружений западного и центрального вариантов кобанской культуры. Он указывает на преобладание погребений в ямах как на местную особенность, тем самым уточняя границу между вариантами по р. Баксан. Именно во время бытования указанной культуры, по мнению автора, усиленно осваиваются высокогорные районы.

В разделах, посвященных сарматскому и аланскому периодам, И. М. Чеченов указывает на «сариатоидный» облик культуры местных аборигенов, живших в юго-западной части Кабардино-Балкарии. В эпоху появления алан в горах продолжает существовать местное население — здесь полностью отсутствуют аланские катакомбы. Местные горцы — это потомки носителей кобанской культуры.

И. М. Чеченов не проходит и мимо проникновения на территорию Кабардино-Балкарии тюркоязычных народов, изучение памятников которых очень важно для выяснения происхождения балкар.

В последнем разделе И. М. Чеченов останавливается на необходимости более тщательного изучения адыгских — кабардинских курганов. Не забывает автор отметить и некоторые особенности местной позднесредневековой архитектуры. Можно сказать, что «Заключение», объем которого почти не превышает одного печатного листа, затрагивает массу разнородных вопросов, в нем поставлена обширная программа в изучении древностей Кабардино-Балкарии и намечены некоторые вехи в ее реализации.

Книга И. М. Чеченова — серьезный труд, важный не только для местных археологов и историков, но и для самого широкого круга кавказоведов.

В. И. Марковин

---

[2] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 178 сл.

Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том XIV. Ашхабад, 1969 (Материалы по археологии Мерва)

Среди последних публикаций ЮТАКЭ все большее место занимают материалы, полученные при археологических исследованиях древнего Мерва. Мерву были посвящены целиком XI и XII тома трудов ЮТАКЭ, продолжает эту мервскую серию и рецензируемый XIV том. Видимо, в этом отчасти отражается направленность работ экспедиции, сконцентрировавшей свои силы на изучении группы городищ древнего Мерва.

Статьи, опубликованные в XIV томе, условно можно разделить на две группы — археологические отчеты об исследовании тех или иных объектов и статьи, в которых публикуются отдельные категории находок.

Среди работ отчетного характера, пожалуй, наиболее важное место занимает статья З. И. Усмановой «Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-Калы». Автор на основании материалов стратиграфического шурфа, заложенного в центре цитадели древнего Мерва — Эрк-Калы, выделяет пять последовательных стадий в истории города: Эрк-Кала I (Мерв I) — конец V—IV вв. до н. э.; Эрк-Кала II (Мерв II) — конец IV—III в. до н. э.; Эрк-Кала III (Мерв III) — II в. до н. э.— I в. н. э.; Эрк-Кала IV (Мерв IV) — II—IV в. н. э.; Эрк-Кала V (Мерв) — V—VII вв. н. э.

Интересны выводы З. И. Усмановой, касающиеся времени возникновения поселения на месте Эрк-Калы и соотношения самой ранней Эрк-Калы с оазисами северной части Мургабского оазиса (Яз-депинским, Арвали-депинским). Автор полагает, что первоначальное обживание территории Эрк-Калы падает на грань между культурами Яз II и Яз III. Поселение же складывается в эпоху Яз III, однако бурный расцвет его начинается тогда, когда оазисы северной части Мургабского оазиса, начинают приходить в упадок. Очень любопытно мнение З. И. Усмановой, что керамика типа Яз III продолжает жить вплоть до II в. до н. э., сосуществуя с керамическими формами, характерными уже для «раннеантичного» Мерва (конец IV—III в. до н. э.). Конечно, это наблюдение не должно приводить к передатировке памятников северной части Мургабского оазиса. Оно просто свидетельствует о том, что не происходит резкой смены керамических комплексов (чего, впрочем, и следовало ожидать), ибо поселения Яз-депинского и Арвали-депинского оазисов не были разрушены, а приходили постепенно в запустение, что приводило к перемещению населения в центральную часть Мургабского оазиса, и на поселениях, возникавших в этом районе, традиции Яз III продолжаются, сосуществуя с новыми керамическими формами.

Интересны также наблюдения, полученные при исследовании укреплений Эрк-Калы, особенно в том месте, где стены цитадели смыкаются со стенами собственно города (Гяур-Кала). В статье также сообщается о начатом (к сожалению, еще не законченном) разрезе стены Эрк-Калы, который после завершения работ

позволит дать ответ на чрезвычайно важный вопрос — о времени возникновения первой городской стены древнего Мерва [1].

Отчетный характер носит и статья С. Б. Луниной «Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, его обводов и западной части пригорода». Автором и другими сотрудниками ЮТАКЭ в течение ряда лет проводилось археолого-топографическое и стратиграфическое изучение городища Мерва периода развитого средневековья — Султан-Калы. В статье предпринята весьма удачная попытка обобщить и интерпретировать весь полученный материал для создания общих контуров истории городища в этот период. Было выяснено, что в период VII—VIII вв. одновременно с сокращением обжитой территории Гяур-Калы начинается перемещение города к западу, на территорию будущей Султан-Калы. Первоначально характер застройки городища имел своеобразный характер — отдельно стоящие замки феодалов. Однако вскоре положение в корне меняется, и на территории Султан-Калы формируется новый общественный центр средневекового города. Дальнейший подъем города приходится на IX—XI вв. н. э. В XI в. создается городская стена нового города и возникает обширный пригород, занятый кварталом керамистов.

Наивысший расцвет феодального Мерва приходится на XI — первую половину XII в. В это время расширяется территория города, возводятся новые стены, развиваются северный и особенно южный «обводы» города. Активно функционирует расположенный в западном пригороде квартал керамистов.

Очень важен установленный раскопками факт, что определенное возрождение Мерва имело место уже в середине XIII в. В целом интересная работа С. Б. Луниной, с нашей точки зрения, имеет и некоторые минусы: в частности, недостаточное внимание к истории городища Султан-Калы поры его окончательного упадка. Если ранняя история городища во многом остается еще гадательной в силу объективных причин — недостатка материалов, то в отношении последнего периода жизни Султан-Калы это утверждение было бы неправомерным — материалы имеются, но они почему-то мало использованы С. Б. Луниной.

К этим двум работам примыкают по характеру несколько статей, представляющих отчеты об археологических исследованиях отдельных памятников или групп памятников: О. В. Обельченко «Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.)» и Р. С. Сусенковой «Домусульманский некрополь Старого Мерва (по данным раскопок 1956 г.)», где говорится о работах в некрополе Мерва, часть которого была раскопана и опубликована ранее Ершовым [2]. Данные работы позволяют во многом уточнить картину истории Мервского некрополя, предложенную Ершовым, но именно поэтому досадно, что в рецензируемый том трудов ЮТАКЭ включены только эти отчетные статьи. Представляется необходимым не только полное издание всего материала раскопок, проведенных на некрополе силами ЮТАКЭ, но и обобщающая работа, которая бы подытожила результаты этих работ.

Вызывает интерес статья П. П. Гаврюшенко «Городище Шаим-кала Старого Мерва (лагерь сельджукидских войск)». Автор произвел топографическую съемку руин городища, провел шурфовку на его территории, исследовал сохранившиеся укрепления. В результате он пришел к выводу, что это городище представляет собой лагерь гвардейского ядра армии великих сельджуков.

К числу статей отчетного характера относятся также работы В. Н. Пилипко (о некрополе городища Хурмузфарра, расположенного на севере Мервского оазиса и датируемого X—XII вв.) и Е. Б. Пругера (посвящена публикации и изучению печей для обжига кирпича средневекового Мерва XI—XIV вв.).

Вторую группу статей составляют работы, посвященные публикации отдельных категорий археологических находок, или исследовательские статьи по отдельным частным вопросам истории и археологии древнего и средневекового Туркменистана. Безусловно, большой интерес вызовут две статьи М. Е. Массона. В первой из них — «Куфическая надпись мавзолея Мухаммеда сына Зейда в Старом Мерве» трактуются вопросы, связанные с расшифровкой надписи в интерьере мавзолея, расположенного в пригороде Мерва и известного обычно под названием мавзолея Мухаммеда Ханапья. М. Е. Массоном впервые расшифрована эта надпись целиком и проведен всесторонний анализ ее, приведший к заключению, что мавзолей возведен в 1112/1113 гг. н. э. над могилой убитого в середине VIII в. одного из лидеров шиизма Мухаммеда сына Зейда.

Вторая статья М. Е. Массона называется «Плоскоплиточные каменные намогильники Южного Туркменистана XVIII в. (из истории Мерва XVIII столетия)». Конечно, подзаголовок статьи больше отражает ее содержание, чем собственно заголовок. Автор собрал и всесторонне исследовал никем до него не изучавшийся тип каменных намогильников, что дало возможность пролить новый свет на ряд

---

[1] В недавно опубликованном сборнике «Археологические открытия 1969 г.» З. И. Усманова сообщает о завершении этой работы.

[2] С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, V, Ашхабад, 1959.

важных событий политической истории Южного Туркменистана XVIII в.— времени, плохо изученного и слабо освещенного источниками.

Работа Е. Ф. Федорович посвящена технологическому анализу нескольких фрагментов древних тканей, найденных при раскопках древнего Мерва. Особенно интересен факт обнаружения шелковых тканей и красителей индиго, явно поступившего из Индии. Фрагменты тканей происходят из слоев II—III вв. В статье Л. А. Кураевой публикуется привозная каменная утварь средневекового времени, обнаруженная в Мерве и Нисе. Эта каменная утварь (в первую очередь посуда) поступала в Южный Туркменистан из округа Туса в Северном Иране.

В статье Т. Асилова и С. Б. Луниной излагаются результаты исследования одного из зданий типа «каптархона», развалины которого находятся на территории северного «обвода» городища Султан-Кала. Авторы приходят к выводу, что данные сооружения имели производственно-складское назначение, в частности в Мерве они служили для хранения, сушки и переработки садово-бахчевых культур.

Статья Г. Я. Дресвянской «Бусы с городищ Старого Мерва» по существу представляет собой каталог этой категории находок. Несмотря на то что проведен целый ряд анализов их состава (различными методами), какие-либо существенные выводы исторического порядка в статье отсутствуют.

В целом XIV том трудов ЮТАКЭ представляет несомненный интерес. Он включает целый ряд работ, сообщающих новые важные факты по истории Мерва и всего Южного Туркменистана в древний и средневековый периоды. В то же время нельзя не пожалеть, что отдельные работы носят очень частный характер (статья Кураевой, отчасти Дресвянской), а некоторые являются лишь предварительными публикациями. Очень огорчает, что в этом томе вновь отсутствует статья, в которой хотя бы в самой краткой форме давалась информация о всех работах, проведенных ЮТАКЭ за последние годы.

Г. А. Кошеленко

Ancient Pakistan. Bulletin of the Department of Archaeology University of Peshawar. Volume III. 1967. Special number. Peshawar, 1968, 407 стр., 84 таблицы, 62 рисунка

Специальный номер журнала «Ancient Pakistan», вышедший под редакцией одного из ведущих археологов Пакистана профессора А. Х. Дани, представляет собой монографическое издание материалов вновь открытой культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа района Гандхары (Gandhara Grave Culture).

Объемный труд, богато иллюстрированный, с исчерпывающей библиографией, написан в основном А. Н. Дани, его учениками и коллегами. Работа распадается на семь основных частей, которые в свою очередь разделены на секции, имеющие еще более дробные разделы. Часть I — «Тимангарха и могильная культура Гандхары» — написана А. Х. Дани; часть II — «Раскопки могил в Тимангархе» — А. Х. Дани, Ф. А. Дурани, Абдур Рахманом и Мухаммедом Шарифом; часть III — «Керамика из могил» — написана А. Х. Дани; часть IV — «Описание мелких находок из могил» — Абдур Рахманом; здесь же даны химические анализы бронзовых изделий, сделанные Джавад Акхтаром, и небольшой экскурс профессора К. Йетмара о железном трехдырчатом псалии; часть V — «Распространение культуры могил и отчет о раскопках в Тхане» — написана А. Х. Дани и Ф. А. Дурани; часть VI — «Отчет о раскопках поселения Баламбат» — написана А. Х. Дани и Абдур Рахманом; VII часть — «Антропологические материалы могильника Тимангарха» — В. Бернхардом; здесь же дано описание зоологической коллекции.

В основу работы положены материалы, добытые археологами Пешаварского университета при раскопках могильников в Тимангархе, Тхане и поселения Баламбат в 1964—1966 гг.

Для того чтобы в должной степени оценить открытие пакистанских археологов, необходимо хотя бы вкратце вспомнить основные этапы в ликвидации «темного периода» в истории Пакистана и Индии. Такое название было дано периоду, который последовал за упадком городов долины Инда (XVII—XVI вв. до н. э.) и продолжался до ахеменидского времени (VI в. до н. э.). Для того чтобы как-то сократить этот разрыв, основное внимание ученых было уделено изучению санскритской литературной и мифологической традиций, в результате чего появилась история арийского вторжения в Индию[1]. Известные археологи М. Уилер и С. Пиггот развили эту теорию и связали арийское вторжение с разрушением городов долины Инда[2]. Однако эти гипотезы оставались плохо доказанными, так как никаких

[1] V. G. Childe. The Aryans. New York — London, 1926; R. C. Majumdar, A. D. Pusalkar. The History and Culture of the Indian People. The Vedic Age. Bombay, 1952.

[2] M. Wheeler. Harappa 1946: the Defences and Cemetry R-37. AI, 3, 1947; S. Piggott. Prehistoric India. London, 1950.

материалов, связанных с ариями, найдено не было. В то же время интенсивные работы индийских археологов позволили установить, что в Северном Раджастане и Гуджерате хараппская цивилизация постепенно эволюционирует в близкую ей культуру краснолощеной керамики [3] и что по крайней мере до рубежа II—I тысячелетия до н. э. отсутствуют какие-либо признаки появления инокультурных племен в этих районах [4]. Правда, в долине Ганга ученым удалось открыть комплексы с серой расписной керамикой, которые оказались почти во всех местах, упоминаемых в литературной традиции (Махабхарата, пураны), что позволило выдвинуть гипотезу о связи этой культуры с ариями [5]. Однако если это и так, то, по всей вероятности, распространение культуры серой расписной керамики отражает позднее расселение ариев, тем более что эти комплексы датируются XI—V вв. до н. э. Как бы то ни было, основная прародина ариев в зоне Инда пока не давала никаких материалов. Поэтому понятен тот интерес, который вызвало открытие итальянской экспедицией в долине р. Сват (Западный Пакистан) «пребуддийской» культуры [6].

Для того чтобы полнее представить облик этой культуры, уточнить ее хронологические рамки и место в древней истории Пакистана, и были начаты работы экспедиции Пешаверского университета под руководством профессора А. Х. Дани. Работы велись на трех памятниках, расположеных в районе Дир, долины р. Сват (средневековая Гандхара). Самый крупный могильник Тимангарха (вскрыто 329 могил) располагался на пологих склонах левого берега р. Панчкара, другой могильник — Тхана находился на левом берегу р. Сват, многослойное поселение Беламбат раскапывалось на другом берегу реки, напротив Тимангарха.

В обоих могильниках было открыто три обряда погребения: трупоположение; погребения в урнах, после кремации; частичные, разрозненные погребения. При этом первые два обряда сопровождались изделиями из меди, тогда как третий имел уже и железные вещи. Кроме того, стратиграфические наблюдения показали, что трупоположение являлось самым ранним по времени обрядом (период I), тогда как частичные погребения оказались лишь в верхних слоях. В Беламбате не было найдено ранних могил с трупоположением, но два других обряда присутствовали (периоды II и III), причем они были перекрыты поздними слоями (период IV). Эти слои имели новый тип керамики — ахеменидского облика, что позволяет относить ее к VI—IV вв. до н. э.

Находки отдельных каменных топоров позволили А. Х. Дани наметить хронологическую последовательность культур в долине Свата.

Неолит (?) — первая половина II тысячелетия до н. э. и, возможно, раньше.

Период I — XVI—XIII вв. до н. э.

Период II — XII—X вв. до н. э.

Период III — IX до середины VI в. до н. э.

Период IV — от середины VI в. до н. э. до третьей четверти IV в. до н. э.— ахеменидский период.

Периоды I и II характеризуют культуру эпохи поздней бронзы, период III — железный век. В целом же все три периода генетически связаны и рассматриваются как последовательные этапы развития одной и той же археологической культуры (Gandhara Grave Culture). Характеристике этой культуры и посвящена основная часть журнала.

Пока не известны остатки поселений, и судить об архитектуре этой эпохи весьма затруднительно. Однако можно предполагать, что основным материалом в строительстве был камень. Могилы делались в виде каменных ящиков, без применения связующего раствора, причем иногда большие каменные плиты укладывались на дно могилы. Особо следует отметить погребальные лицевые урны, куда помещались остатки покойного после кремации. Иногда для этой цели использовали просто хозяйственные сосуды.

---

[3] S. R. Rao. Excavation at Rangpur and other Explorations in Gujarat. AI, 18—19; 1963; А. Я. Щетенко. Рец.: «Ancient India». Bulletin of the Archaeological Survey of India. СА, 1965, 4, стр. 257—260.

[4] А. Я. Щетенко. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1968, стр. 145—146.

[5] B. B. Lal. Excavations at Hastinapura and other Explorations in the Upper Ganga and Sutlej Basins. 1950—1953. HI. 10—11. 1955.

[6] C. S. Antonini. Preliminary Notes on the Excavations of the Necropolises found in West Pakistan. EW, нов. сер., 14, 1—2, Rome, 1963, стр. 13—26; G. Stacul. I. Preliminary report of the pre-Buddist Necropolis in Swat (West Pakistan). EW, 16, 1—2, Rome, 1966, стр. 37—79; Notes on the Discovery of a Necropolis near Kheras in the Gorband Valley, Swat (West Pakistan). Там же. 16, 3—4. Rome, 1966, стр. 261—274; A. H. Dani, F. A. Durrani. A New Grave Complex in West Pakistan. «Asian Perspectives», VIII, 1, Summer, 1964, Hong Kong, 1966, стр. 164; Б. А. Литвинский. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1967, 4, стр. 121—127.

Керамика, сделанная на гончарном круге, представлена двумя основными видами — красноангобированная и сероглиняная. Первая, как правило, гладкостенная, вторая украшена иногда резным орнаментом, иногда инкрустацией белой пастой. Формы весьма разнообразны: кухонные горшки, чаши, высокие вазы и кубки.

Кроме бронзы употреблялись золото и серебро, а в III периоде и железо. Были найдены бронзовые и железные булавки с различной формой навершия; особый интерес представляет железный трехдырчатый псалий; металлическое оружие не найдено. Среди других находок можно отметить каменные и терракотовые бусы, схематическую статуэтку женщины.

В целом облик материальной культуры долины Свата резко отличен как от предшествующей цивилизации долины Инда, так и от других известных в это время культур Индостана. Поэтому вполне закономерно стремление А. Х. Дани найти аналогии в отдаленных странах Западной Азии (комплексы Хасанлу, Марлик).

Анализируя данные письменных источников, А. Х. Дани убедительно доказывает возможность отождествления ариев с носителями вновь открытой культуры. Поскольку в антропологическом плане отмечено два типа — протоевропеоидный (преобладает в I периоде) и средиземноморский (доминирует в III периоде),— автор допускает две волны движения из Западной Азии, полагая, что позднее движение ариев связано с распространением серой расписной керамики в долине Ганга.

Возможно, эта концепция А. Х. Дани в дальнейшем и получит подтверждение, однако в настоящее время не известны памятники на промежуточной территории между Северо-Западным Ираном и Западным Пакистаном. Особый интерес представляет среднеазиатский путь. Работы А. М. Мандельштама [7] и Б. А. Литвинского показали, что в Южном Таджикистане имеются комплексы эпохи поздней бронзы, которые, возможно, могут быть сопоставлены с материалами Свата [8]. Однако в 1968 г. пакистанские ученые имели возможность ознакомиться в Душанбе с некоторыми из этих материалов. По их категорическому заключению, существует значительно больше различий, чем сходства, между погребениями Таджикистана и могильниками Свата [9]. Таким образом, пути проникновения культур эпохи поздней бронзы в долину Свата пока остаются неясными. Вполне возможно, что связано это с недостаточной изученностью в археологическом отношении районов Восточного Ирана и Северного Афганистана.

Выход в свет рецензируемой работы демонстрирует успехи пакистанских археологов, сумевших вписать новую страницу в историю своей страны. Но значение этой монографии значительно шире. Впервые оказались вскрытыми археологические комплексы, которые могут быть увязаны с легендарными ариями. «Арийская проблема» становится на твердую почву археологических источников, заставляя по-новому пересмотреть многие устоявшиеся теории. Несомненно и то, что дальнейшее решение этой проблемы зависит от совместных усилий археологов многих стран. Можно надеяться, что и советские ученые, особенно археологи Средней Азии, внесут свой вклад в решение одной из сложнейших этнических проблем древности.

А. Я. Щетенко

---

[7] А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, 126, 1968.

[8] Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 124.

[9] Информация получена от А. Х. Дани во время посещения Пакистана в 1969 г.

Л. Б. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., «Наука», 1969, 438 стр.

Большое научное значение открытых в 1951 г. Новгородской археологической экспедицией берестяных грамот общепризнано. Эти находки вызвали живой отклик как в нашей стране, так и за рубежом. Им посвящена обширная литература. Представители многих гуманитарных специальностей не раз обращались к процарапанным по бересте строчкам, извлекая из них интересные сведения по самым различным вопросам древнерусской истории. Очевидно, назрела необходимость не только подвести какой-то итог высказанным мнениям, но и обобщить методические и источниковедческие принципы исследования берестяных грамот. Теперь этот пробел восполнен рецензируемой монографией Л. В. Черепнина.

Книга задумана и исполнена как серия очерков. Первые два посвящены историографии и методологии исследования новгородских грамот. Семь следующих очерков непосредственно касаются содержания текстов на бересте в свете изучения важных проблем истории русского феодального общества.

Л. В. Черепнин исследовал 415 грамот из раскопок и случайных находок 1951—1964 гг. Из них 364 ему удалось истолковать с той или иной степенью достоверности. Причем в ряде случаев автор предлагает свое, совершенно новое понимание того или иного документа.

Естественно, что столь разнообразный и массовый материал нуждался в предварительной классификации. Уже на этой стадии работы исследователь пришел к

выводу о тождественности актов на бересте документам, записанным на пергаменте или бумаге (стр. 19). Следовательно, к ней применимы те же методы исследования, что и к другим письменным памятникам. Но поскольку документация такого рода до сих пор была науке малоизвестна, лишь скрупулезный анализ каждого текста в отдельности позволяет решить поставленную задачу: установить ценность берестяных грамот как исторического источника.

Свой третий очерк Л. В. Черепнин озаглавил «Русская Правда в действии». Тематически он охватывает серию древнейших из новгородских свитков (XI—XII вв. и частично начало XIII в.). Сравнивая тексты берестяных грамот со статьями Русской Правды, договоров Новгорода с Готландом и немецкими городами конца XII в., а также Смоленска с Готландом и Ригой 1229 г., автор достиг по крайней мере двойного успеха. С одной стороны, зафиксированные в этих сборниках юридические нормы пролили свет на содержание многих писем, смысл которых скрывали разрывы или лаконичный стиль изложения. С другой стороны, грамоты как бы вдохнули жизнь в правовые формулы, показали, как руководствовался ими на практике древний суд. Ряд текстов в связи с этим получил новое толкование.

Хочется отметить очень убедительный, на наш взгляд, разбор грамоты № 155. Все предыдущие исследователи полагали, что речь в ней шла о женитьбе адресата на рабыне и взыскании с него суммы выкупа. Однако сравнивая содержание грамоты со статьей 33 Русской Правды, Л. В. Черепнин пришел к иному выводу: дело касалось не брака свободного человека с рабыней, а ее возврата законному владельцу (стр. 62—64).

Признавая в целом большинство поправок и разъяснений, предложенных автором к текстам древнейших грамот, кажется необходимым пополнить этот раздел несколькими документами, содержание которых соответствует тематике очерка.

На свинцовой пластине, найденной в слое XI — начала XII в., имеется следующая запись: «От Носъка къ Местяте. Заожеричъ отрокъ лони крили соужъдалъцъ Ходоутиничъ. Възъми дове гривъне на намъ». А. В. Арциховский переводит ее так: «От Носка в Местяте. Заозерич отрок и суздалец Ходутинич в прошлом году крыли. Возьми две гривны для нас». Таким образом, он считает, что Заозереч отрок и суздалец Ходутинич крыли свинцом крышу церкви или какого-нибудь другого каменного здания. Почему Носок требует деньги за работу, выполненную другими, остается неясным. В. Л. Янин полагает, что Носок принимал участие в покрытии церкви свинцом, чем устраняет отмеченное противоречие. Л. В. Черепнин, согласившись с существующим переводом, дополняет толкование свинцовой грамоты новыми соображениями (стр. 261). По его мнению, налицо артель мастеров, члены которой являются жителями разных областей и работают в разных городах. Носок (старейшина артели) просит Местяту получить деньги за работу, проделанную в прошлом году Ходутиничем и Заозеричем.

Все исследователи слово «крили» переводят как крыли, на что, очевидно, повлиял сам необычный материал, на котором написана грамота. Между тем возможен и другой перевод. Глагол «крити» — кръвнути, кренети часто употребляется в письменных памятниках в смысле «купить» [1]. Например, в записи о Бояневой земле из Софийского собора в Киеве: «Крила землю кънягыни Бояню Всеволожая» [2]. В таком переводе содержание текста на свинцовой пластинке приобретает совершенно иное значение: «От Носка к Местяте. Отрока из Заозерья в прошлом году купили, (и) суздалец Ходутинич. Возьми две гривны на нем».

Словом, в грамоте говорится о покупке холопа-отрока из Заозерья, совершенной в прошлом году, по-видимому, совместно Носком, Местятой и Ходутиничем. Все они, наверное, купцы, связанные общим делом, для которого им и нужен был отрок.

Грамота № 153 (XII в.) использована Л. В. Черепниным для характеристики новгородского ремесла (стр. 261, 262). Она сохранилась неполностью: справа имеется обрыв, последняя строка не дописана. А. В. Арциховский так разбивает ее на слова: «Кринило синоу. У Фодора оу оурокев... А живе во Славне со Коуиже...». Связного перевода он не дает, но отмечает, что отец с необычным именем Кринило пишет сыну, затем упоминается Федор, живущий в Славне. Л. В. Черепнин по аналогии с Псковской Судной грамотой понимает слово «урок» как сдельную работу, а в сочетании «со коуиже» видит глагол «сокоуи же», искаженное «сочить» — предъявлять судебный иск. Смысл письма автор предположительно восстанавливает следующим образом: отец Кринило советует сыну-ремесленнику, выполнявшему какие-то «уроки» на Федора, жителя Славны, добиваться по суду от заказчика оплаты своего труда (стр. 262).

При всей привлекательности перевод выглядит несколько натянутым. Можно предложить третий вариант разбивки текста: «Кринило синоу у Фодора оу уроке в... А живе во Славне, сокоуи же...». Думается, что слово «кринило» обозначает не имя собственное, а производное от того же глагола «кринить» — купить, как и в свинцовой грамоте. Учитывая внесенные коррективы, наше письмо получает совершенно

---

[1] И. И. Срезневский. Материал для словаря древнерусского языка. I, СПб., 1893, стлб. 1325, 1341.

[2] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966, стр. 60—71.

новый и вполне логичный перевод: «Купил сено у Федора, по договору... А живет в Славне, ищи по суду...».

Следующие шесть разделов монографии посвящены узловым моментам развития феодальных отношений в Новгороде XIII—XV вв. Уже выбранные для них заглавия: «Земля и земельные собственники»; «Крестьяне и холопы»; «Дань и феодальная рента»; «Ремесло, торговля, город»; «Суд и судопроизводство»; «Политическая история, церковь, быт»,— позволяют судить о важности поднятых вопросов. Затронуть столь разнообразный круг проблем автор смог благодаря возросшему количеству материала; ведь большинство новгородских берестяных грамот приходится на этот отрезок времени. Комментируя и объясняя тексты, Л. В. Черепнин широко использовал Новгородскую и Псковскую судные грамоты, другие законодательные, купчие, духовные, закладные, челобитные документы. Последовательно применяя сравнительный метод, ему удалось вскрыть много новых деталей в исследуемых процессах.

Очень плодотворными оказались наблюдения над грамотами, касающимися земельной собственности. Среди них Л. В. Черепнин выделяет юридические акты, скрепляющие переход земли из одних рук в другие. Многие тексты посвящены вопросам обмежевания частных вотчин. Другие позволяют говорить о наличии в Новгороде «сябренного», складнического землевладения.

В одной из наиболее интересных грамот № 71 (XIII в.) как будто бы содержится указание на захват феодалом общинных черных земель (стр. 117—118). Несколько писем подтверждают существование условных держаний. Предложенная трактовка грамот № 243 (XV в.) и № 15 (XV в), как челобитий с пожаловании земли, кажется бесспорной (стр. 138—141).

Ряд документов, по мнению Л. В. Черепнина, отражает иммунитетные привилегии новгородских феодалов. Он очень убедительно связывает с этим, типично феодальным институтом, грамоты № 3 и 5 (обе XV в.), № 167 (XIV в.) и некоторые другие тексты, сохранившиеся хуже (стр. 138—139; 144—149).

Таким образом, четвертый очерк существенно дополняет наши представления о развитии частной собственности на землю, формах ее отчуждения, иммунитетных правах землевладельцев, об организации сельскохозяйственных работ и т. д. В большинстве грамот земля зримо выступает как подлинная основа жизни, главный источник дохода и богатства.

Один из важнейших разделов книги посвящен документам, содержащим сведения о положении крестьян в новгородских землях в XIII—XV вв. Не приходится говорить, сколь существенной и малоизученной является эта тема. Имевшиеся в распоряжении исследователей источники по данному вопросу пополнились теперь целой серией чрезвычайно любопытных грамот. Большинство из них представляет собой переписку вотчинной администрации с феодалами, жалобы крестьян на различные притеснения и т. д. В грамотах отражены конкретные случаи перехода крестьян от одного владельца к другому, факты бесчинства ключников и управителей, подвергающих зависимое население бесчисленным поборам и штрафам. В некоторых письмах даже ключники обращают внимание своих господ на бедственное положение крестьян в их вотчинах.

Вся совокупность упомятных документов приводит Л. В. Черепнина к вполне определенному и важному выводу, что XV в. ознаменован в новгородских землях заметным ухудшением экономического и социального положения крестьян в результате усиления закрепостительных тенденций. Этому процессу сопутствовало обострение классовых противоречий, а значит сила местных феодалов была подорвана накануне решительного столкновения Новгорода с Москвой (стр. 197).

Очень основательно проработаны автором материалы, позволяющие судить о формах и способах сбора дани и получения феодальной ренты. Известия такого рода появились уже в грамотах рубежа XI—XII вв. Особый интерес вызывают письма, повествующие о деятельности новгородских данщиков, иллюстрирующие процесс поступления различных платежей и натуральных поборов, упоминающие конфликты представителей фискального аппарата с местным населением.

Грамоты позволяют говорить о наличии в это время и чисто земледельческих сел и промысловых поселений. В числе оброчных платежей упоминаются: «дар», «позем», «в подъезд». Несмотря на убедительность большинства толкований, предложенных автором, с некоторыми из них согласиться нельзя.

Особые возражения вызывает перевод грамоты № 169 (XIV в.). Она сохранилась полностью: «Василеве. Софонтеева. Онтане. послале. Овдокиму. два клеща. да. щука. сВасилевы. рыбы. клеще. послале. клеще Стопане цетворты». А. В. Арциховский переводит ее так: «Во дворе Василия Софонтеева. Антон послал Евдокиму двое клещей. Да Щука из Васильевой Рыбы послал клещи. Степан послал четвертые клещи». Л. В. Черепнин понимает текст иначе, полагая, что неизвестный автор письма сообщает Василию Софонтееву о посылке Евдокиму Антоном двух клещей и щуки, из деревни Васильевой — рыбы и клещей и от Степана — клещей (стр. 235).

Всех исследователей вводило в заблуждение слово «клещи», в которых они видели железный инструмент или хомутные, деревянные клещи. Если же читать спорное слово как хорошо всем знакомое — «лещи» (рыбы), смысл грамоты прояснится

полностью. Наше определение подкрепляется лингвистическими данными (сравни польское kleszcz — лещ, русское Клещино озеро и другие названия) [3].

В целом ряде грамот Л. В. Черепнин находит живые примеры получения с населения Новгородских земель представителями государственной администрации «корма», «дара» и «почестья». Берестяные свитки сохранили описание насыщенных реальной действительностью сцен взыскания этих повинностей. В некоторых случаях смысл документа можно уточнить. Автор вполне справедливо считает, что в грамоте № 147 (XIII в.): «Поклоно от подвоискаго ко Филипу. Нь пожали, г/ос/подине, про сиги, еще сигово нету, по цта тобь буде гъже. А язо тобе кланяюся» речь идет не о покупке сигов, а о получении их в качестве натуральной повинности (стр. 249—250). Однако фраза «по цта тобь буде гъже» не только не означает обещания хорошего угощения в будущем, но и вряд ли указывает на «не годных» для высокого адресата сигов. Есть все основания читать в ней слово «поцта», вслед за Л. П. Жуковской, слитно [4]. «Поцта» — это то же, что и «поцте» — почестье, одна из повинностей, ежегодно получаемая правительственными агентами. Идентичность «поцте» и почестья Л. В. Черепнин убедительно доказал на примере грамот № 215 и 218, где этот термин встречен в контексте с «даром» (стр. 254—256). Можно предложить лишь небольшую справку. Во всех документах интересующее нас слово следует восстанавливать не как «поцте», а «поцта», что вытекает из сочетания «полато поцты» (повторено дважды в грамоте № 218). В форме «поцте» оно стоит в грамотах в родительном падеже: «полоте... поцте» (№ 215), «кроме поцте» (№ 218). Налицо форма родительного падежа с ѣ (є на месте ѣ), известная в новгородских памятниках с XI в. [5]. Таким образом предложенное Л. В. Черепниным толкование грамоты № 147 находит прямое подтверждение ее в тексте. Только дело касалось не «корма», как думает автор, а «почестья». Очевидно, в его состав входили не одни сиги. Поэтому Подвойский и обещает Филипу, несмотря на отсутствие высокосортной рыбы, доброе (хорошее) почестье.

Нельзя согласиться с трактовкой Л. В. Черепниным содержания грамоты № 124 (конец XIV в.): «Пришлите ми. паробоко борана. или уду. Мне ся не можется. А лодку даи Павлу. Соболецеву изонама». А. В. Арциховский перевел ее следующим образом: «Пришлите мне слугу, барана или уду. Я болен. А лодку дай Павлу Собольцову оттуда». Издатель грамоты склонен видеть в терминах «боран» и «уда» название рыболовных снастей, хотя отмечает, что первый в древнерусских источниках в таком значении не встречается. Л. В. Черепнин решительно отвергает это мнение и слово «уда» возводит к «удо» — часть, кусок, полагая, что в грамоте говорится о присылке барана или куска говяжьей туши (стр. 252—253). В соответствии с таким переводом он считает автора грамоты представителем провинциальной администрации, который из-за болезни не может приехать за своим «кормом» в город и просит прислать с парубком причитающиеся ему барана или уду.

Все сложное построение кажется надуманным, а первоначальное мнение А. В. Арциховского относительно термина «боран» правильным. Среди сибирских говоров В. Даль отмечает это слово в значении — железный таган, решетка (более распространенное название — «коза») для горящего смолья — «луча» на носу лодки при битье рыбы острогой [6]. Теперь становится ясно, почему «боран» и «уда» упомянуты рядом. При переводе также следует учесть поправку В. И. Борковского. Конструкцию с «или» он переводит не «пришлите мне парубка, борана или уду», а «пришлите мне парубка и борана, или уду» [7].

Интересно и окончание грамоты. Л. В. Черепнин, по-видимому, верно читает здесь «изо на/й/ма», вместо «изонамо» — оттуда (стр. 253). Но вряд ли слова «а лодку дай Павлу Собольцову изо найма» означают просьбу нанять лодку за деньги. Наоборот, в письме достаточно недвумысленно говорится о том, чтобы отдать лодку в найм. Вся грамота № 124 посвящена отнюдь не получению «корма», а рыболовству. Причем ее автор и сам ловит рыбу и других рыбаков снабжает за определенную мзду снаряжением.

К сожалению, грамоты бедны сведениями о новгородском ремесле. Л. В. Черепнин специально касается шести из них (стр. 259—267). О двух (№ 153 и свинцовая пластинка), как не имеющих никакого отношения к ремесленному производству, говорилось выше. Письмо № 119 (XI в.) можно включить в круг этих памятников лишь с большой натяжкой. То же можно сказать и о грамоте № 383 (XIV в.). Несколько определеннее ремесленные работы (ткачество и белильное дело) упомянуты в свитках № 21 (XIV в.) и № 288 (XIV в.). По-видимому, новых находок, раскрывающих

---

[3] Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.— Л., 1962, стр. 116, 117.

[4] Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 75.

[5] В. И. Борковский. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). В кн. А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1956—1957), стр. 219.

[6] Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. I, М., 1955, стр. 47.

[7] В. И. Борковский. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте. В кн.: А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1953—1954), стр. 116.

одну из важнейших сторон экономической жизни древнего Новгорода, надо ждать в недалеком будущем. О первых из них уже сообщалось в печати [8].

Значительно больше текстов, поступивших в распоряжение исследователей, рассказывают о торговых операциях и купцах. Все они скрупулезно изучены автором. В них перечислены различные продукты, обращавшиеся в Новгороде и его землях; упоминаются и привозные товары: кожа, сукна, хлопчатобумажные ткани, деревянное масло, соль. Некоторые письма получили дополнительное истолкование. Нельзя не согласиться с Л. В. Черепниным, считающим, что в знаменитой грамоте № 271 (XIV в.) слова «чтения доброго» являются определением к слову «грамота». Яков просит кума и друга Максима купить ему овса и оформить сделку грамотой доброго (хорошего, ясного) чтения (стр. 270—271).

Закрывая книгу, вновь убеждаешься в закономерности вывода советских ученых, что подлинными властителями и хозяевами Новгорода на протяжении нескольких веков были крупные бояре. Именно с их хозяйством связано большинство текстов на бересте.

Несомненно, в деле изучения берестяных грамот сделан большой шаг вперед. Уточнен и тщательно разработан метод их исследования. «Бесконечное разнообразие текстов» в ряде случаев приведено в стройную систему, вписавшуюся в рамки правовых кодексов. Некоторые комментарии автора вызывают желание поспорить или дополнить их; другие кажутся вполне убедительными. Пожалуй, наиболее уязвимыми в ходе рассуждений Л. В. Черепнина являются социальные характеристики авторов, адресатов и прочих упомянутых в письмах лиц. Автор, как правило, ограничивался материалом самих грамот, хотя тексты их могут зазвучать по-новому, обрамленные комплексом всех находок и наблюдений над историческими судьбами тех усадеб, где они встречены. Конечно, это не столько упрек Л. В. Черепнину, сколько пожелание будущим исследователям. И если мы, перевернув заключительные страницы монографии, с сожалением отказываемся от ставшего уже популярным образа новгородца, интересующегося «добрым чтением», то взамен получаем не менее красочное представление о многих исторических процессах, протекавших в средневековом Новгороде.

А. В. Куза, А. А. Медынцева

[8] Н. В. Рындина, А. С. Хорошев. Раскопки в Новгороде. Сб. «Археологические открытия 1967 года», М., 1968, стр. 18 (грамота № 439).

Bulletin of the Asia Institute of Pahlavi University. Shiraz, 1969, № 1

Настоящее издание представляет собой первый выпуск серии, намеченной к публикации Азиатским институтом в Ширазе. В кратком предисловии редактор издания американский ориенталист Р. Н. Фрай сообщает, что предусматривается публикация в этой серии также крупных исследований и монографий. Пока же объем первого выпуска невелик — немногим больше 70 страниц. В равной мере пока еще не устоявшимися выглядят структура и профиль «Бюллетеня». В первом номере помещены рядом и информации о новых находках и небольшие исследования и статьи обзорного типа. Среди них четыре публикации посвящены памятникам ахеменидского и сасанидского времени, четыре — средневековой тематике.

Обе статьи по ахеменидскому времени связаны с руинами столичного комплекса Персеполя. Д. Уайткомб в статье «Новый ахеменидский памятник около Персеполя» (стр. 48—51) сообщает об обнаружении в 20 *км* к северу от Персеполя каменных колонн и обработанных каменных блоков, идентичных по стилю, использованному материалу и способу обработки персепольской архитектуре. Местное население сообщило и о находке в этом месте капители с фигурой быка. Д. Уайткомб предполагает, что это или остатки мастерской первичной обработки камня, или руины какого-то строения, например открытого святилища, о наличии которых у персов сообщает Геродот. Отсутствие массового археологического материала и каких-либо элементов древней планировки затрудняет пока решение этого вопроса. Второй работой по ахеменидской тематике является статья А. В. Тилиа «Развитие реставрационных работ на террасе Персеполя» (стр. 52—71). После работ американской экспедиции исследовательские и реставрационные работы в Персеполе велись археологической службой Ирана [1], а в 1964 г. совместно иранской стороной и итальянским Институтом Среднего и Дальнего Востока (IsMEO) [2]. В статье, опубликованной в «Бюллетене», кратко характеризуются в основном реставрационные работы двух

[1] A. Godard. Les travaux de Persepolis. Archaeologia Orientalia in Memoriam E. Herzfeld, 1951, стр. 119—128; A. Sami. Persepolis (Takhti Djamshid). Shiraz, 1955 (в 1966 г. вышло четвертое издание). Об этих работах в Персеполе см. также: CA, 1966, 2, стр. 341—345.

[2] Travau do restoration de monuments historiques en Iran, ed. by G. Zander. Rome 1968.

последних лет. Нельзя не отметить, что эти работы ведутся очень тщательно, с детальной фотофиксацией всех реставрационных этапов, без подмены древних подлинников затонированными под антик новоделами.

Две статьи «Бюллетеня» тематически связаны с сасанидским периодом. Такова небольшая заметка К. Шиппмана (стр. 43—47), в которой рассматривается вопрос о локализации одного из важных центров сасанидской державы — Дастагирда. Автор полагает, что его следует отождествлять с городищем Зиндан в Ираке. Однако это крупное городище с развитой фортификацией и очень бедным подъемным материалом до сих пор не подвергалось даже разведочным раскопкам, что, разумеется, затрудняет окончательное решение вопроса. Интересный обзор, своего рода печатная лекция, опубликован Р. Н. Фраем в связи с вопросом северного импорта сасанидского и византийского серебра (стр. 36—42). Он справедливо связывает эту проблему с характером обращения и стоимостью драгоценных металлов в странах Востока. Добавим, что обилие золотых вещей ахеменидского времени, на которое указывает Р. Н. Фрай, после раскопок в Марлике и Калуразе [3] может быть связано еще с доахеменидской традицией накопления богатств у военной аристократии. По словам Р. Н. Фрая, серебряные изделия в силу небольших размеров и высокой ценности представляли для восточных торговцев идеальную форму для обмена. Интересны соображения автора о возможном византийском влиянии на обычай помещения на сосудах надписей с именами владельцев и указанием веса. Однако вопросы метрологии сасанидского времени пока еще слабо разработаны.

Наконец, в четырех статьях рассматриваются памятники архитектуры и искусства мусульманского средневековья. Так, Али Бахтиар высказывает предположение, что обычно описываемая как сефевидская мечеть Масджиди Али в Исфагане в основе восходит чуть ли не к позднесельджукидскому времени (стр. 1—2). К сожалению, приведенная аргументация такого вывода недостаточно убедительна. Детально анализирует декорацию и архитектурные формы двух михрабов, высеченных в скале в комплексе Имам ал-Дин Машнегин около Шираза Г. Фехерави (стр. 3—11). По аналогиям наиболее ранний из них можно датировать в древнейших частях IX—X вв. и более поздний XIV — первой половине XV в. Интересный новый памятник публикует Д. Голомбек в статье «Мемориальная мечеть XIII в. в Турбати-Шейх Джам» (стр. 13—26). Здесь особенно примечательна роспись интерьера, осуществленная в XIV в. и имеющая, по справедливому замечанию автора, яркие параллели в ремонтной росписи южнотуркменистанского мавзолея Абу-Саида в Меане. Возможно, в этом отношении оба памятника характеризуют локальные особенности хорасанской архитектурной школы XIV в. Отметим, что Л. Голомбек ошибочно относит постройку мавзолея Абу-Саида к XIII в. (стр. 17, прим. 8). В действительности речь должна идти скорее всего о XI в.

Очень содержательна небольшая, хорошо иллюстрированная статья Д. Т. Райса «Иранские элементы в английском искусстве XI и XII вв.» (стр. 27—35). Он справедливо указывает на «сасанидские истоки» таких мотивов в искусстве средневековой Англии, как противостоящие животные с растением — хаомой посередине, герой, удушающий зверей, крылатый грифон и некоторые другие. Первый из этих мотивов вообще имеет в древневосточном искусстве глубинные истоки. Передаточным звеном таких влияний были попадавшие в Европу восточные ткани, влияние которых на декор каменной архитектуры порой просто поразительно (например, каменная колонна на рис. 12). Отметим, правда, что речь должна идти о значительно более широком ареале, чем собственно сасанидский Иран. Ткани сходного стиля производились и в Согде, как об этом свидетельствуют надписи на некоторых из них (ср. стр. 27), а также согдийские одежды, хорошо известные по памятникам монументальной живописи Пенджикента, Афрасиаба и Варахши.

В последние годы мы наблюдаем как возрастающий интерес к археологии Ирана все более подкрепляется появлением специальных периодических изданий. С 1961 г. выходит международный орган «Iranica Antique», с 1963 г. Британский институт в Иране издает ежегодник «Iran», в 1969 г. появился журнал на персидском языке. Следует надеяться, что начинание, предпринятое Азиатским институтом в Ширазе, послужит дальнейшему расширению публикуемой информации о древней и средневековой культуре нашего южного соседа.

В. М. Массон

Бастан шенаси ва хонар-е Иран. 1348 [-1969 г.], № 1—4, Техран

Департамент археологии и народной культуры Министерства культуры Ирана начал издавать в 1969 г. новый ежеквартальный журнал «Археология и искусство Ирана». В программной редакционной статье первого номера говорится, что журнал призван знакомить читателей, во-первых, с иранской цивилизацией путем публика-

[3] E. O. Negahban, A Preliminary Report on Marlik Excavations. Tehran, 1964; A. Hakemi Koluraz and the Civilization of the Mardes. «Archaeologia viva», 1968, 1. См. также: И. Л. Станкевич. Раскопки Марлык-Тепе. СА, 1970, 2.

ций результатов раскопок и, во-вторых, с развитием иранского искусства и мировоззрением («философией») с древности до начала нашего века. Четыре номера за 1969 г. позволяют судить, насколько успешно и в каком духе осуществляется эта программа.

Основной материал публикуется на персидском языке, но содержание всех оригинальных (непереводных) статей излагается в конце журнала на французском или английском языках с достаточной подробностью. Статьи иностранных авторов печатаются на французском, английском и немецком языках. Подписи под иллюстрациями в статьях на персидском языке дублированы по-французски. Во всем этом заметно стремление издателей сделать материал журнала максимально доступным для иностранного читателя.

Кроме статей (в расположении которых внутри номера отсутствует видимый тематический или хронологический порядок) и их кратких переводов в журнале имеются еще два постоянных раздела: обзор литературы по археологии и искусству Ирана и, что гораздо важнее для иностранных читателей, хроника археологических работ в предшествующем квартале, публикуемая на персидском и французском языках. Журнал печатается на прекрасной бумаге, с хорошими (за редким исключением) иллюстрациями.

В общей рецензии трудно оценить каждую из 40 с лишним статей, опубликованных за год. Значительная часть работ посвящена обследованию и раскопкам памятников древнейшего периода истории Ирана. Интерес специалистов вызовут сообщения об открытии и раскопках стоянок в пещерах Луристана около Кух-е Дашт (C. B. Mac Burney. On an Examinaion of Lock Painting in the Kuh Dasht Area. 3, стр. 8; его же. Report on Further Excavations in the Caves of the Kuhi-Dasth Area during August 1969. 3, стр. 8, 9; Х. Изадпанах. Доисторические рисунки в пещерах Луристана. 3, стр. 6—16, рез. стр. 11, 12; его же. Рисунки пещеры Душе в Луристане. 4, стр. 53—57, рез. стр. 8—10). Самая ранняя стоянка, раскопанная в пещере Хумйан I, относится к мустьерскому периоду, а рисунки к ней — к бронзовому веку; в группе гротов Бард-е Спид в 2 *км* от Хумйана удалось выявить хорошую стратиграфическую последовательность слоев от мустье до неолита (Mac Burney, стр. 8). В статьях Х. Изадпанаха опубликовано 12 фотографий настенных рисунков из пещер. Исследование пещер Луристана (в хронике археологических работ, № 3. Сообщается еще о раскопках совместной ирано-американской экспедицией в том же Луристане пещеры Гар-е Кунджи с мустьерскими слоями) в ближайшие годы создаст твердую основу для изучения палеолита Ирана.

О работах американской экспедиции в районе Хасанлу сообщается в отчете Р. Дайсона (R. H. Dyson. Preliminary Report on Work Garried out diring 1968 by Hasanlu Project in Azarbaijan. 2, стр. 15—19). Основные раскопки велись в восточной части Хаджи Фируз-Тепе, где на площади 200 $м^2$ удалось обнаружить небольшие дома из сырцового кирпича. Раскопанные слои относятся ко времени от середины VI тысячелетия до н. э. до Писдели-Тепе. Найдены каменные кельты, костяные шилья и иголки, керамика типа хассунской. Работы той же экспедиции на Динхах-Тепе и Хаджи Фируз освещает статья З. Рахматийана (2, стр. 91—97, резюме отсутствует). Энеолитические погребения (IV—III тысячелетия до н. э.) раскапывались также в Акусе, северо-восточнее Кермана (Али Хакеми. Археологическое обследование окраины Даште-е Лут, стр. 36—51, рез. стр. 24, 25). Ввиду сильной ветровой эрозии скелеты полностью разрушились, но сохранилось много инвентаря. Особенно интересен сосуд из серого камня с процарапанными изображениями быка, зебу, льва и других животных.

О работах французской экспедиции в Сузах сообщают два отчета (G. Dollfus. Djafarabad, 1969. 2, стр. 7—14; J. Perrot. Fouille stratigraphique a l'Acropole de Suse. 2, стр. 3—6); Стратиграфический раскоп в акрополе Суз имел целью увязать стратиграфию предшествующих раскопок; от основания галереи Де Моргана до материка выявлено 19 слоев (слои 8—27), из которых 27—11 соответствуют Сузам I, а 10—8 Сузам II. Значительный интерес представляет предварительный отчет о раскопках итальянской экспедиции М. Този на Шахр-е сохте в 50 *км* южнее Забула в долине Хилменда (Шахр-е сохте, 4, стр. 28—41, резюме отсутствует, работы упомянуты в хронике, стр. 15). На вершине холма в слое Шахр-е сохте IV вскрыто монументальное здание площадью около 500 $м^2$, относящееся к эпохе поздней бронзы (соответствует Бампур IV—V и Умман-Нар). Слои III—II, отнесенные ко второй половине III тысячелетия до н. э., соответствуют Бампуру I—IV и Намазга IV; слой I соответствует Геоксюру и Намазга III.

Научный руководитель иранской экспедиции в Персеполе А. Таджвиди сообщает о раскопках укрепленной ограды восточнее террасы Персеполя (Раскопки Тахт-е Джемшид, 2, стр. 7—14, рез., стр. 20—23); о работах южнее колоннады (М. Х. Хушаби). Отчет о раскопках участка № 4 в Тахт-е Джемшид. 2, стр. 15—17).

---

[1] Здесь и далее названия статей, написанных на западноевропейских языках, будут приводиться в оригинале, статей на персидском языке — в переводе, страницы, указываемые после перевода, относятся к персидскому тексту, с пометкой рез.— к резюме на европейских языках.

В крупнейшей на территории Ирана урартской крепости Бастам (Русахинили) раскопано несколько складских помещений, северные и южные ворота крепости. У подножья крепости располагалось неукрепленное поселение площадью около 18 *га* (W. Kleiss. Dit Ausgrabungen in der Urartaischen Festung Bastam in West Azerbaijan, 3, стр. 3—6).

В журнале опубликованно несколько новых надписей и новые чтения уже известных (Камбахш-е Фард. Наскальные надписи у г. Сабалан. 1, стр., 54—59, рез. стр. 12—13 — две урартских и одна седьмого месяца 27 г. Шапура II; А. Хакеми. Наскальная надпись времени Мардук Апал Идина. 1, стр. 68—71, рез. стр. 13; Г. Гропп. Аршакидская надпись в Сар-е пул Захаб. 2, стр. 52—55, рез. стр. 25).

Средневековой археологии (сасанидской и мусульманской) посвящена только одна статья (А. А. Сарафраз. Бишапур, большой сасанидский город. 2, стр. 69—74, рез. стр. 27) — о раскопках стены в северной части города и большого здания с залом-айваном.

Все археологические статьи являются предварительными отчетами, публикуемыми с завидной оперативностью — в номере следующего квартала. Естественно, что документация имеет иллюстрированный характер, планов почти нет, разрезы отсутствуют даже в отчетах о стратиграфических раскопках. В некоторых случаях быстрота публикации сказывается отрицательно. Так, в статье Ж. Перро о раскопках акрополя Суз (2, стр. 3—6), являющейся, по-видимому, механическим сокращением его отчета Департаменту археологии, имеются ссылки на отсутствующие в статье иллюстрации. В другом случае одна и та же пещера в Луристане в разных статьях одного номера называется то Humian (3, рез. стр. 8—9), то Homyan (рез. стр. 12), то Hamyan (стр. 8, подписи к рис. 4, 5, 11); по-персидски это название также написано различно (стр. 11—13, 16), и особенно странно, что одно из этих написаний, которое могло бы читаться Хамйан или Хумйан, в специальном примечании к статье Х. Изадпанаха (стр. 11, прим. 3) транскрибировано Homyo. Подобный разнобой, вызванный отсутствием строгой редактуры, может вызвать недоумение читателей.

Значительное место в журнале занимает история средневековой архитектуры. Здесь можно найти интересные сообщения об открытии новых архитектурных памятников, в частности армянских (П. Варджаванд. Церковь святого Саркиса в Хое и связь между церковными зданиями и древними храмами Ирана. 1, стр. 22—37, рез. стр. 11 — о церкви IV в., позднее капитально перестроенной; его же. Церковь святой Репсиме в Моджумбаре. Переживание плана митреума в церквях. 4, стр. 4—10, рез. стр. 3—7 — о церкви XII в. около Тебриза). Мусульманской архитектуре как таковой посвящено сравнительно немного статей (К. Пирнийа. Портал и надпись мавзолея Абд ал-Азима. 2, стр. 4—6, рез. стр. 20: М. Дж. Машкур. К вопросу о «шаиб-е Газан», 3, стр. 23—30, рез. стр. 14, 15; П. Варджаванда. Посещение Калат-е Надири и его исторических памятников. 4, стр. 58—71, рез. стр. 10—12). Сюда примыкают статьи, посвященные, если так можно выразиться, архитектурной этнографии: о вентиляционных устройствах средневековых зданий (К. Пирнийа. «Бадгир» и «Хишхан». 4, стр. 43—52, рез. стр. 8), о сохранении древнего облика в некоторых современных поселениях (А. А. Сарафраз. Майманд — сасанидский город. 1, стр. 72—74, рез. стр. 13). Где-то посередине между первыми и вторыми находится статья М. К. Пирнийа о базарах Ирана (3, стр. 55—60, рез. стр. 16, 17).

Много внимания уделено проблеме продолжения и переработки сасанидских традиций в архитектуре мусульманского времени. М. А. Шуштари рассматривает сведения средневековых историков об иранских архитекторах, строивших в период раннего ислама, и дает сводку иранских терминов, вошедших в арабский язык, таких как устад, раз, рузкар, аджур, рухам, айван, панджаре, сарай и т. д. (М. А. Шуштари. Исследование влияния иранского архитектурного стиля на мусульманскую архитектуру по историческим источникам. 2, стр. 18—23, рез. стр. 23). Время и пути проникновения этих терминов не указываются. Тему иранского вклада в культуру других народов продолжает другая статья того же автора (его же. Фриз и ховун в архитектуре. 1, стр. 40—42, рез. стр. 12), в которой доказывается, что термин «фриз» попал в европейские языки посредством арабского из Ирана. Наиболее раннее свидетельство его существования в персидском языке зафиксировано в «Словаре арабизованных слов» (Китаб ал-муарраб) ал-Джавалики (XII в.), выходца из Ахваза, где это слово бытует в разговорном языке. Продолжению сасанидских традиций в мусульманской архитектуре посвящены статьи П. Варджаванда (Продолжение славы сасанидской архитектуры в строительстве конических куполов. 2, стр. 24—35, рез. стр. 24; его же. Каменные башни Шамирана и связь их со строительством сасанидских астаданов. 3, стр. 31—41, рез. стр. 15, 16). В первой автор знакомит нас с двумя неизвестными мавзолеями в районе Казвина: Имам-заде Абдуллы (XIII в.) и Имам-заде Кемаля (861/1456-57 г.) и поднимает вопрос о связи этих и других мавзолеев с коническим куполом (Гунбад-е Кабус, Радеканская башня и др.) с сасанидской архитектурой, усматривая промежуточное звено в «храме огня» в Амуле (стр. 31, рис. 8). Вторая является резюме готовящейся к изданию книги средневековых архитектурных памятников района Тарума.

Работы публикационного характера представляют несомненный интерес. К сожалению, это не всегда можно сказать о статьях на общие и теоретические темы.

Так, в интересной по теме статье Х. Насра («Воображаемый мир» и понимание пространства в иранской миниатюре. 1, стр. 16—21, рез. стр. 11) делается попытка объяснить особенности передачи пространства в средневековой живописи тем, что художник воспроизводит не реальный, а воображаемый мир, но всякие доказательства и конкретный анализ отсутствуют. А. Шуштари (О живописи Ирана в мусульманское время. 4, стр. 11—14, рез. стр. 7) доказывает бесспорный факт существования живописи и изображений животных существ в мусульманском Иране, приводя несколько случайных примеров. Справедливая мысль М. К. Пирнийа (Архитектурные стили Ирана, 1, стр. 43—54, рез. стр. 12) о необходимости выявления локальных школ сильно проигрывает из-за решительного стремления отказаться от общих характеристик и игнорировать явления, выходящие за узкие локальные рамки. Мы, в принципе тоже против определений вроде «сельджукская архитектура», но нельзя игнорировать общность стиля эпохи (несмотря на наличие локальных школ). Все эти статьи можно скорее назвать популярными, чем научными. Возможно, что авторы имели целью именно популяризацию, тогда и оценивать их работу надо с иных позиций.

В журнале имеются также переводные статьи. Приятно отметить, что две из них принадлежат советским ученым (М. А. Дандамаев. О бисутунской надписи. 3, стр. 42—45; В. Г. Луконин. О происхождении сасанидского искусства. 4, стр. 15—27).

Рассмотренные четыре номера «Археологии и искусства Ирана» характеризуют новое издание с хорошей стороны. Ученые всего мира, изучающие древнюю и средневековую культуру Ирана, получили хороший новый источник информации.

О. Г. Большаков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН — Архив Академии наук
ААНИИ — Арктический и антарктический научно-исследовательский институт
АИК — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968
АО — Сб. «Археологические открытия»
АОБ — Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1957
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УкрРСР
БАН — Библиотека Академии наук
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВВ — «Византийский временник»
ВАН СССР — «Вестник Академии наук»
ВДИ — «Вестник древней истории»
ВИСДВ — Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока»
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ВХГУ — Вестник Харьковского госуд. университета
ГИАМЗ — Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник
ГМТР — Гос. музей Татарской республики
ГУ — Гос. университет
ДС — Сб. «Древняя Сибирь»
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ЗЗОРГО — Записки Западносибирского отдела Рус. географ. общества
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ИАДК — Сб. «История и археология древнего Крыма»
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИАН Кирг. ССР — Известия Академии наук Киргизской ССР
ИБАИ [ИАИ] — Известия на Българския археологически институт
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ООН — Известия Отделения общественных наук АН
ИНИИК — Известия Научно-исслед. института кавказоведения им. Н. Я. Марра. Тифлис
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете
КАМ — Сб. «Культура античного мира». М., 1966
КБН — Корпус боспорских надписей
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Акад. наук
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского гос. археологич. музея
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
Материалы Узкомстарис — Материалы Узбекской комиссии по охране памятников старины и искусства
МДАПВ — Матеріалі та дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МКИЧП — Материалы Комиссии по изучению четвертичного периода
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
МЭ — Материалы по этнографии
НС — Нумизматический сборник. ГИМ
НЭ — «Нумизматика и эпиграфика»
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане»
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
САИ — Свод археологических источников
САНГ — Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси
Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград
СГАИМК — Сообщения Гос. академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СМИА — Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми
СЭ — «Советская этнография»
Тр. АГМ — Труды Абхазского гос. музея
Тр. АИ — Труда Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Груз. ССР, Сухуми
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. АН УзССР — Труды Академии наук Узбекской ССР

Тр. ИИ АН Кирг. ССР — Труды Института истории Акад. наук. Киргиз. ССР
Тр. ИИАЭ АН Туркм. ССР — Труды Института истории, археологии, этнографии Акад. наук ТуркмССР
Тр. КЧНИИЯЛ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исслед. института истории, языка и литературы
Тр. МНИИ — Труды Мордовского научно-исслед. института
Тр. НИИЭ АН Каз. ССР — Труды Научно-исслед. института этнографии АН Казахской ССР
Тр. ОПИГЭ — Труды Отдела первобытного искусства Гос. Эрмитажа
Тр. ТКЭАН — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959—1960 гг.
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ХДУ — Учені записки Харківського державного университету
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
ЭВ — Эпиграфика Востока
AAA — Annals of Achaeology and Anthropology (Liverpool)
AAH — Acta archaeologia hungarical
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AI — Ancient India
AM — Archeologia Moldovei
APAMNH — Anthropological Papers of the American Museum of Natural History
Arch. anz. — Archäologischer Anzeiger
AS — Anatolian Studies
BASOR — Bulletin of the American School of Oriental Research
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
EW — East and West
KW — G. Kieseritzky und K. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.
ILN — Illustrated London News
INQUA — Сборники научных итогов конгрессов Международной ассоциации по изучению четвертичного периода
JNES — Journal of Near Eastern Studies
MCA — Materiale şi cercetări archeologice
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan
PA — Pakistan Archaeology
Zb. W. — Zbiór Wiadomości do antropologii Krajowei
SCIV — Studii şi cercetari de istorie veche
WA — Wiadomosci archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. П. Алексеев (Москва). Палеодемография СССР 3
А. А. Формозов (Москва). О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии 22
Н. М. Виноградова (Москва). Памятники переходного этапа Триполья BI—BII в Поднестровье 36
А. И. Мелюкова (Москва). О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии 57
К. Ф. Смирнов (Москва). Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа 73
П. А. Раппопорт (Ленинград). Церковь Василия в Овруге 82
А. П. Смирнов (Москва). О столице государства волжских булгар 98

Публикации

Ю. Н. Воронов (Сухуми). Об Эшерском городище 103
К. К. Марченко (Ленинград). Лепная керамика V—III вв. до н. э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону 122
М. Я. Чореф, П. Н. Шульц (Ленинград). Новый рельеф сарматского круга 135
А. В. Куза, Г. Ф. Соловьева (Москва). Языческое святилище в земле радимичей 146
А. В. Циркин (Саранск). Шокшинский могильник 155
Л. М. Носкова (Москва). Поливной архитектурный декор из Саран-Бату (Селитренное городище) 171
А. А. Юшко (Москва). Покровские и Стрелковские курганы 185
Н. С. Шеляпина (Москва). К истории изучения Успенского собора Московского Кремля 200
М. И. Белов, О. В. Овсянников (Ленинград). Раскопки Мангазеи 215

Заметки

Ф. М. Заверняев (Кемерово). Хотылевское палеолитическое местонахождение 233
Р. В. Катингаров (София). Основные результаты раскопок первобытного поселения в г. Нова Загора (Южная Болгария) в 1968 и 1970 гг. 242
В. А. Падин (Трубчевск). Раскопки на Холме 247
Ф. Х. Арсланова (Усть-Каменогорск). Новые материалы VII—VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана 253
Г. И. Матвеева (Куйбышев). Новые савроматские памятники в Башкирии 259
В. П. Шилов (Ленинград). Южноиталийские зеркала в волго-донских степях 261
В. В. Кропоткин (Москва). Золотая подвеска из Рыжевки 264
Э. В. Ртвеладзе (Тбилиси). Два динара делийских султанов с городища Маджар 269
Н. М. Булатов (Москва). Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища 271

Критика и библиография

Г. П. Григорьев (Ленинград). H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte 275
Л. С. Клейн (Ленинград). H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte . 278
В. А. Сарианиди (Москва). C. C. Lamberg-Karlovsky. Excavations at Tepe-Yahya 282
А. Я. Щетенко (Ленинград). W. A. Fairservis, Jr. The Origin, Character and Decline of an Early Civilization 283
М. А. Дэвлет (Москва). Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема 286
В. И. Марковин (Москва). М. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы 288
В. А. Алекшин, Г. Н. Курочкин (Ленинград). Новая литература по луристанским бронзам 290
Л. А. Лелеков (Москва). D. Schlumberger. L'Orient hellènisé 292
Э. А. Сымонович (Москва). A. Kunisz. Chronologie napiywu pieniądza rzymskiego na ziemie Malopolski 295

А. Н. Щеглов (Ленинград). Вопросы античной археологии в изданиях Харьковского университета 298
В. И. Марковин (Москва). Древности Кабардино-Балкарии 300
Г. А. Кошеленко (Москва). Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 302
А. Я. Щетенко (Ленинград). Ancient Pakistan 304
А. В. Куза, А. А. Медынцева (Москва). Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник 306
Б. М. Массон (Ленинград). Bulletin of the Asia Institute of Pahlavi University 310
О. Г. Большаков (Ленинград). Бастан шенаси ва ханар-е Иран 311

SOMMAIRE

Articles

V. P. Aléxéev (Moscou). La paléodémographie de l'URSS 3
A. A. Formozov (Moscou). Sur le rôle des cultures du Mésolithique et du Néolithique des régions transcaspiennes et préaraliennes dans l'histoire de l'Europe et de l'Asie 22
N. M. Vinogradova (Moscou). Le site de l'étape de Kukuteni A—B dans la région attenante au Dniéper 36
A. I. Mélioukova (Moscou). Sur la datation et les rapports des monuments du début de l'âge du fer dans les régions de steppe boisée de la Moldavie . . 57
K. F. Smirnov (Moscou). Les sépultures sarmates en catacombes découvertes dans les régions méridionales préouraliennes et transvolgiennes et leurs rapports aux catacombes du Caucase du nord 73
P. A. Rappoport (Léningrad). L'église Saint-Vassili à Ovroutch 82
A. P. Smirnov (Moscou). A propos de la capitale d'Etat des Bulgares sur la Volga 98

Publications

Yu. N. Voronov (Soukhoumi). A propos du site urbain à Echéry 103
K. K. Martchénko (Léningrad). Les poteries modelés à la main datant des V—IIIes siècles avant notre ere mises au jour sur la gorodichtché à proximité de la stanitza Elissavétovskaïa située dans le cours inférieur du Don . 122
M. Ya. Tchoref, P. N. Choults (Léningrad). Un relief récemment découvert, et se rapportant à la culture sarmate 135
A. V. Kouza, G. F. Soloviéva (Moscou). Un lieu sacré des païens découvert dans la terre des Radimitchi 146
A. T. Tsirkine (Kémérovo). La nécropole de Chokchino 155
L. M. Noskova (Moscou). Les décorations architecturales à glacure provenant de Saraï-Batou 171
A. A. Yuchko (Moscou). Les tumuli de Strelkovo et de Pokrov 185
N. S. Chéliapina (Moscou). Contribution à l'historique des études de la cathédrale de la Dormition du Krémlin in Moscou 200
M. I. Bélov, O. V. Ovsiannikov (Léningrad). Les fouilles de Mangazéïa . . 215

Notices

F. M. Zaverniaïév (Briansk). Un site paléolithique de Khotylievo 233
R. V. Katintcharov (La Bulgarie, Sofia). Les résultats essentiels des fouilles d'un site préhistorique, effectuées dans la ville de Novaïa Zagora en 1968 et 1970 242
V. A. Padine (Minsk). La station de Kholm 247
F. Kh. Arslanova (Oust-Kaménogorsk). De nouveaux matériaux se rapportant aux VII—VIes siècles avant notre ère et provenant du Kazakstan oriental 253
G. I. Matvééva (Kouïbychev). Des monuments savromates récemment trouvés en Bachkirie 259
V. P. Chilov (Léningrad). Les miroirs importés de l'Italie méridionale et découverts dans les steppes de la Volga et du Don 261
V. V. Kropotkine (Moscou). Un pendentif miniature d'or sous forme d'un petit seau, provenant de Ryjevka 264
E. V. Rtvéladzé (Tachkent). Deux dinars des Sultans de Délbi trouvés sur le site urbain de Madjer 269
N. M. Boulatov (Moscou). Les moules d'albâtre de provenance de l'atelier de potier de la gorodichtché Sélitrennoïé 271

Critique et bibliographie

G. P. Grigoriev (Léningrad), H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte. B. I. 275
L. S. Klein (Léningrad). H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte. B. II. 278
V. I. Sarianidi (Moscou). S. S. Lamber-Karlovsky. Excavations at Tepe-Yahja, Iran 282
A. Ya. Chtchétenko (Léningrad). W. A. Feirservis. The Origin, Character and Decline of a Early Civilisation 283
M. A. Devlet (Moscou). E. A. Novgorodova. L'Asie Centrale et le problème de Kara-Souk 286

V. A. Aliochkine, G. N. Kourotchkine (Léningrad). Nouveaux travaux consacrés aux bronzes du Louristan 290
L. A. Léliokov (Moscou). D. Schlumberger. L'Orient hellénisé. L'art grec et ses héritiers dans l'Asie non-méditerrannéenne 292
E. A. Symonovitch (Moscou). A. Kunisz. Chronologia napeywu pieniadza rzymskiego na ziemie Malopolski 295
A. N. Chtchéglov (Léningrad). Les problèmes de l'archéologie antique traités dans les publications de l'Université de Kharkov 298
V. I. Markovin (Moscou). I. M. Tchétchénov. Les antiquités de la Kabardino-Balkarie (Matériaux pour la carte archéologique) 300
G. A. Kochélenko (Moscou). Troudy Youjno-Tourkmenistanskoï arkhéologhitcheskoï kompleksnoï ekspéditsii, t. XIV 302
A. J. Stchetenko (Léningrad). Ancient Pakistant 304
A. B. Kouza, A. A. Medyntseva (Moscou). Lettres sur écorce de bouleau comme source puur éhistoire de Novgorod 306
V. M. Masson (Léningrad). Bulletin of the Asia Institute of Pahlavi University, 1969, № 1 310
O. G. Bolchakov (Léningrad). Bastan shenasi va honar-e Iran 1348—1969. №№ 1—4 311

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 18/X — 1971 г. Т-01239 Подписано к печати 13/I 1972 г. Тираж 2970 экз.
Заказ 2947 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 28,0 Бум. л. 10 Уч.-изд. л. 30,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10